

Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем
Южного федерального университета

Институт истории естествознания и техники
Российской академии наук
(Санкт-Петербургский филиал)

*Труды совместной лаборатории
истории, философии, социологии и организации науки
(выпуск 3)*

В.П. Макаренко

**Практикующие гегельянцы
и социальная инерция:
фрагменты политической философии
М.К.Петрова**

Ростов-на-Дону
МАРТ
2013

ББК 66.01
УДК 321.01
М – 15

Печатается по решению
Ученого совета Северо-Кавказского НИИ
экономических и социальных проблем
Южного федерального университета

Рецензенты

Доктор философских наук, профессор *А.В.Лубский*,
Кандидат философских наук, доцент *Ю.Р.Тищенко*

Макаренко В.П.

М – 15 Практикующие гегельянцы и социальная инерция: фрагменты политической философии М.К.Петрова: монография/В.П.Макаренко. – Ростов-н/Д, Изд-во МАРТ, 2013, – ... с.

ISBN 978-5-241-01119-0

Книга посвящена реконструкции основных проблем и концептов политической философии М.К.Петрова. Описан социокультурный фон и проблемное единство его творчества, концепты теодицеи, национальной самокритики, имперского мировоззрения, палубной культуры, ментальности, научно-технической контрреволюции, феномен «служения государству» и его социальные следствия, дискуссии о состоянии науки в современной России, модели научной этики и реального поведения индивидов в условиях массовой науки, коллаборационизм научно-технической и гуманитарной интеллигенции.

Адресуется научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам вузов, специализирующимся в области политической философии, истории и теории науки, политики в области науки.

ISBN 978-5-241-01119-0

© В.П.Макаренко, 2013
Авторы, Приложение, 2013

Оглавление

<i>Предисловие</i>	
Глава 1. <i>Социокультурный фон</i>	
1.1. Между благоговением и высокомерием	
1.2. Сюсюкающий Миша и диалектический спаситель	
1.2.1. <i>Понимание позиции оппонента</i>	
1.2.2. <i>Пункты несогласия</i>	
1.2.3. <i>Обвинения</i>	
1.2.4. <i>Убеждения прокурора</i>	
1.3. Взбесившиеся знаки и практикующие гегельянцы	
1.4. Ловцы душ и рабочая гипотеза	
Глава 2. <i>Трижды Победоносцевы и кнут диалектики</i>	
2.1. Мнения ростовчан	
2.2. Советский менталитет в эпоху «десталинизации» ..	
2.3. Символы и главное событие	
2.4. Дядя и всенародные Бутырки	
2.5. Проблемное единство творчества	
Глава 3. <i>Вера и знание: лучший из миров</i>	
3.1. Бесконечное уравнение и бесстрастный бог	
3.2. Может ли бог застрелиться?	
3.3. Смысл жизни и ярмо на шее	
3.4. Первородный грех и случайная жизнь	
3.5. Возвращение в рай и меньшие братья	
Глава 4. <i>... на нашем хуторе</i>	
4.1. Странная любовь и классификация собак	
4.2. Культурный коктейль или описание стайных живот- ных	
4.3. Республика ученых и носители лакейства	
4.4. На пути к теории политической критики	

Глава 5. ... <i>под названием «империя»!</i>	
5.1. Проблема методологического выбора	
5.2. Homo soveticus или «пыльный мудака»?	
5.3. Икота и социальное кредо	
5.4. Российская онтология	
5.5. Апории империи	
5.6. Пасть, желудок и сибирские негры	
5.7. Резюме	

Глава 6. <i>Чертов контур и могильщики государства</i> ..	
6.1. Просто чтение	
6.2. Контекст пиратской гипотезы	
6.2.1. <i>Образ человека</i>	
6.2.2. <i>Всеобщность разбоя</i>	
6.3. Что такое анархическая стабильность?	
6.3.1. <i>Добровольная и вынужденная солидарность</i>	
6.3.2. <i>Анализ научного сообщества</i>	
6.3.3. <i>«Контрактная теория» организации науки</i>	
6.3.4. <i>Дар как всеобщий социальный феномен</i>	
6.3.5. <i>Проблема современного мира</i>	
6.4. Доноры, паразиты или ростовщики?	

Глава 7. <i>Проблемы посмертной оценки</i>	
7.1. Вердикт и уточнение	
7.2. Пункты полемики	
7.3. Законодатель интеллектуальной моды	

Глава 8. <i>Ментальная тюрьма</i>	
8.1. «Уроки истории» в понимании генерала	
8.2. Модное слово и философская дискуссия	
8.3. Возражения	
8.4. Прилежное реферирование	
8.4.1. <i>Критика традиционной истории и количественной социологии</i>	
8.4.2. <i>Понимание современности</i>	
8.4.3. <i>Концепт истории-социологии</i>	

8.4.5. <i>Об исторической экономике</i>	
8.4.6. <i>Проблемы истории цивилизации</i>	
8.5. <i>Ремарка</i>	
8.6. <i>Фон европейских исследований</i>	

Глава 9. <i>Научно-техническая контрреволюция</i>	
9.1. <i>Человек и наука</i>	
9.2. <i>Диагноз предпосылок суицида</i>	
9.3. <i>Трагедия науки и сдвиг ракурса</i>	
9.4. <i>«Служение государству»: холопы и космисты</i>	
9.5. <i>Предметы раздумья</i>	

Глава 10. <i>Техно-якобинцы на подхвате</i>	
10.1. <i>Наука и жандармерия</i>	
10.2. <i>Контекст советской политики</i>	
10.3. <i>Идеальный советский аппарат</i>	

Глава 11. <i>О чем думает «научное поголовье»?</i>	
11.1. <i>Исходный сюжет и мнения группы поддержки</i>	
11.2. <i>Пляска дикарей и расхожие пошлости</i>	
11.3. <i>Нормальное сотрудничество с властью?</i>	
11.4. <i>Эксперты в штатском и духовный деспотизм</i>	
11.5. <i>Нечто огромное и аристократы духа</i>	
11.6. <i>Вразумление удрученной дамы</i>	

Глава 12. <i>Jus resistendi и дрессированные зайцы</i>	
12.1. <i>Советская политика в области науки</i>	
12.2. <i>Большая ложка или окопная правда?</i>	
12.3. <i>Право сопротивления и проблема терапии научной жизни</i>	

Послесловие: перспективы дискуссии

Приложение

Стенограмма обсуждения книги В.П.Макаренко «Научно-

техническая контрреволюция: идеи М.К.Петрова как источник мысли. Ростов-н/Д, изд. Ростиздат, 2011» в Донской государственной публичной библиотеке 10 февраля 2012 г.

Огурцов А.П. Эквивифинальность и человекоразмерность: опыт ретроспективного анализа

Неретина С.С. Были ли контрреволюционеры революционерами?

Порус В.Н. Точка невозврата или «учебник-терминал»?

Олейник А.Н. Право на когнитивное сопротивление и его реализация: о книге В. П. Макаренко *Научно-техническая контрреволюция. Идеи М.К.Петрова как источник мысли*

Лугвин С.Б. Переосмысление «решенных вопросов»

Использованная литература

*Памяти
Михаила Константиновича Петрова
посвящаю*

Предисловие

Эта книга является развитием идей, высказанных в предшествующей монографии¹. Обе книги состоят из статей, написанных в 1990-2010 гг. Первые варианты статей я обычно излагал в виде докладов на чтениях, посвященных Петрова. Такие чтения уже более двадцати лет проводятся на факультете философии и культурологии Южного федерального (до 2007 г. – Ростовского государственного) университета. Благодарю коллег, причастных к организации чтений. Они первыми вступали в дискуссию со мной. Их возражения стимулировали доработку докладов и публикацию их в виде статей. Постепенно цикл статей (они указаны в списке литературы) приобретал очертания книги.

В монографии «Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К.Петрова как источник мысли» статьи были впервые собраны под одной обложкой. В феврале 2012 г. состоялось обсуждение книги². Оно убедило меня в необходимости ее доработки. В настоящей книге весь материал, относящийся к теме, радикально переработан и дополнен. Некоторые параграфы и главы написаны заново. Это увеличило книгу более чем в два раза и потребовало изменить ее название.

К настоящему времени обозначилось три поколения исследователей творчества Петрова. К первому принадлежат те, кто не только знал его лично, но и сотрудничал с ним. Иногда эти люди вообще неизвестны (особенно те, с кем он служил в разведке). Их осталось мало, но их суждения особенно важны. Второе поколение составляют те, кто у него учился и на кого он оказал интеллектуальное и моральное влияние. Третье поколение – это те, кто только приобщается к его теоретическому наследию. Я принадлежу ко второму поколению, хотя мне пришлось слушать его лекции всего полтора года. Состав этих возрастных когорт, отношение между ними и возникающих при

¹ См.: Макаренко В.П. Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К.Петрова как источник мысли. Ростов-на-Дону, Ростиздат, 2011

² См. Приложение

этом когнитивных, социальных, этических и концептуальных проблем может быть предметом особого анализа.

Но больше всех способствовала становлению петрововедения Светлана Сергеевна Неретина. Она создала традицию разработки наследства Петрова, а также концептуальную оптику восприятия и интерпретации его творчества. За это ей низкий поклон и сердечная благодарность от одного из студентов Петрова – автора этой книги. Изготовленные ею линзы будут использоваться по ходу развертывания сюжета.

Думаю, что в литературе, посвященной Петрову, мало обсуждается *политико-философское и духовно-нравственное значение жизни и творчества Михаила Константиновича*. Для меня же эта сторона его творчества была и остается главной. Мне кажется, что в первом издании книги я не сказал о ней достаточно определенно.

В большинстве посвященных Петрову публикаций он квалифицируется как культуролог. Однако основатели культурологии (С.Аверинцев, А.Гуревич, М.Петров) разрабатывали ее для *противостояния* советскому официальному дискурсу. Тогда как современная российская культурология - за незначительным исключением - выполняет сервильную роль в официальном российском дискурсе. Для обозначения этих ее свойств В.Савчук ввел понятие «культурала», который готов на все ради прибыли символического капитала: «Культурал - производное системы, сети режима актуальности»³.

Значит, квалификация Петрова как культуролога нуждается в уточнении. Особенно с учетом того, что после смерти Михаила Константиновича его гонители стали петь ему панегирики за разработку теории культуры. И теперь ставят его в один ряд с прочими фигурантами «Ростовской философской школы», с которыми он жил в одном городе, но не имел с ними ничего общего⁴. О возникающей в связи с этим изжоге я сказал публично десять лет назад.

Российскую политологию я обязан анализировать по долгу службы и занимаюсь этим давно, хотя без особого удовольствия⁵. Здесь поясню природу несварения желудка, которое стимулирует

³ Савчук В. Режим актуальности. Актуальная философия. Издательский дом СПбГУ, 2004, с.22

⁴ См.: Ростовская философская школа: вчера, сегодня, завтра. Ростов-на-Дону, Дониздат, 2013

⁵ См.: Макаренко В.П. Дренаж мысли, или актуальные проблемы политической науки в России // Гуманитарный ежегодник. 6 / Отв.ред. Ю.Г.Волков. Ростов-на-Дону, Москва. «Социально-гуманитарные знания», 2007; O swoim filozofowaniu i praktyce naukowej mówi prof. dr hab. Wiktor P. Makarenko // Sofia. Международный журнал философов славянских стран. 2008, № 8

также современная российская культурология в той мере, в которой она отождествляется с официальным дискурсом. Прежде всего вызывает брезгливость ее *генезис*. А.Я.Гуревич сообщает, что в 1966 г. сталинский академик П.Ф.Юдин закончил все виды своей партийной, идеологической и дипломатической карьеры, окопался в секторе истории мировой культуры в Институте философии АН СССР и задумал четырехтомное издание «История мировой культуры». Иначе говоря, культурология возникла как элемент становления советского «научного сообщества» и место отстоя идеологических жандармов. После советско-германской войны научным работникам резко повысили заработную плату. На этой основе возникла шутка - «год великого перелома» в истории СССР имел место дважды: в 1930-м году середняк пошел в колхоз; после войны «середняк пошел в докторантуру». Стало выгодно защитить докторскую диссертацию любой ценой. Это открывало возможность занять профессорское место, дававшее привилегии и регалии. Теперь не научное призвание и способности двигали многими, но чуждые науке интересы. Этические требования в научной среде были разрушены. Кандидаты наук могли вообще не знать ничего. А докторскую диссертацию один из знакомых А.Я.Гуревича изготовил так: «оторвал корешок у своей кандидатской и заменил первую страницу, где было сказано, что это диссертация на соискание ученой степени кандидата наук»⁶. Сколько таких «ученых» можно обнаружить среди нынешних докторов наук?

На протяжении последнего двадцатилетия государство отказалось от серьезной поддержки науки и образования, особенно тех направлений, которые не вписываются ни в советские, ни в постсоветские шаблоны и схемы отношений между наукой и властью. Падение численности научных кадров в наибольшей степени захватило категорию «исследователи». При этом число докторов наук в целом стало больше на 27% (в сфере социально-политических наук на 26%). Наука резко «постарела». Быстро идет эпигонское освоение околонуучного или вторичного знания, о чем свидетельствует бурное размножение докторов наук среди культурологов и политологов. Для тех, кто ориентируется на работу с властями, диплом доктора наук выступает государственным знаком признания квали-

⁶ Гуревич А.Я. История историка. М., РОССПЭН, 2004, с.127

фикации его обладателя⁷. На основании своего опыта наблюдения за судьбами моих бывших студентов могу сказать: сегодня среди докторов наук уже не «средняки», а все больше мнимых отличников и реальных двоечников.

Культурология сомнительна также с точки зрения *методологии*. Культурно-цивилизационный подход (далее КЦП) породил горы литературы – от школьных учебников до научных монографий и речей, претендующих на политический смысл. Реальные авторы этой продукции, а тем более те, кто пользуется услугами спичрайтеров (сегодня авторство конкретного текста установить все более трудно), пренебрегают общими свойствами КЦП: он отражает кризис исторического познания, концепции рациональности, разрыв классической и современной теорий познания, гносеологии и аксиологии; его риторика смешивает научные, мифологические и спекулятивные утверждения; радикализирует противоположные типы рефлексии, при которых история очищается с помощью понятий (культурно-исторические типы, цивилизационный процесс, мировая цивилизация и т.п.) или познание очищается процедурой понимающего описания с помощью понятий (душа, лицо, стиль культуры, текст, дискуссия, эпистема и т.д.); транслирует традиционное противопоставление фактов и ценностей; его философские послышки размыты, отвергают идеал истинности, отличаются многозначной семантикой. КЦП – это идеология, выступающая средством рационализации и иррационализации противоречия между сущим и должным. Его познавательная функция сводится к множеству универалистских теорий, тогда как адаптивная замыкается в смыслах отдельных культур. Поэтому семантика и семиотика КЦП дуалистичны и тенденциозны. В целом КЦП есть разновидность *сервильизма* науки перед властью⁸.

Между тем при жизни Петров опубликовал 38 работ. Ни одна из них не содержит слова «культура». Относительно изданных посмертно («Язык, знак, культура», «Социально-культурные основания развития современной науки», «Античная культура») неясно, принадлежат ли названия самому Петрову или издателям его работ. Нет ли в

⁷ См. об этом подробнее: Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. Проблема «элиты» в современной России: размышления над результатами социологического исследования. М., Фонд «Либеральная миссия», 2007, с.57-69

⁸ См.: Следзевский И.В. Эвристические возможности и пределы цивилизационного подхода // Цивилизации. Вып.4. М., 1997; Наука и квазинаука. Под ред. В.М.Найдыша. М., Альфа-М, 2008, с.262-263

квалификации Петрова как «культуролога» модернизации и желания зачислить его в хор российских культурологов? Для этого есть более подходящие кандидатуры, в том числе в Ростове...

Для обоснования правомерности вопроса напомним общеизвестные вещи. Культурологическая и цивилизационная рефлексия возникла как следствие захвата, колонизации и порабощения других территорий и народов с помощью миссионерской деятельности. Проблема культурных универсалий возникла в этом смысловом контексте; европоцентризм и представление о локальных цивилизациях уже в XIX в. позволяли обосновывать имперско-колониальную политику. В России со второй половины XIX в. культурно-цивилизационная рефлексия позволяла обосновывать имперскую политику в отношении собственной территории и населяющих ее народов, а также «обосновывать» уже существующее отделение России от Европы. Экономическая, политическая и культурная колонизация наиболее успешно воплощается в империях. Это не только политический, но и социокультурный феномен, для которого центр-периферийные отношения являются главными.

Идеология в империях принимает форму культурной системы и функционирует как ложное сознание, как духовная компенсация и как карта социальной действительности одновременно⁹. Имперская схема социально-политического бытия связала Российскую империю с СССР. На закате советской империи (т.е., в период творчества Петрова) культурно-цивилизационный подход приобрел ярко выраженный идеологический характер, параллельно с навязыванием обществу концепций «развитого социализма», «социалистического образа жизни», «политической культуры» и т.п. Факт воспроизводства империи в современной России зафиксирован как представителями конкурирующих геополитических фантазий (типа З.Бжезинского и А.Дугина), так и серьезными исследователями. Наиболее одиозные идеологические концепции, способствующие манипуляции общественным сознанием на закате советской империи, канули в прошлое. Зато КЦП связал кадры советских и нынешних российских обществоведов¹⁰.

⁹ См.: Гирц К. Идеология как культурная система // Новое литературное обозрение. 1998, № 1(29)

¹⁰ См.: Автономова Н.С. Заметки о философском языке: традиции, проблемы, перспективы // Вопросы философии. 1999, № 11

Из всего сказанного вытекает: КЦП с самого начала его практического применения содержал мощный идеологический и манипулятивный заряд. Проблему можно сформулировать так: квалификация Петрова как культуролога ведет к признанию его сознательным участником процесса идеологической манипуляции на склоне советской империи. Однако Петров к сервильному сословию никогда не принадлежал. Наоборот, он описывал феномен сервизма науки перед властью полстолетия назад. Позволю себе личное замечание.

Я поступал на философский факультет вполне сознательно. С 15 лет читал философскую литературу, работал и служил в армии, долго спорил с друзьями-москвичами о выборе профессии. Примерно к двадцати годам у меня выработалось твердое убеждение: философия есть сфера интеллектуальной независимости от окружающей среды, но эта независимость никогда, никем и ничем не гарантируется, требует постоянных личных усилий от человека, стремящегося к философии или причастного к ней. Особенно с учетом того, что в СССР существовала казенная философия. Первое представление о ней я получил на основе «Краткого курса истории ВКП(б)» - второй в моей жизни прочитанной книги. Отец штудировал ее на политзанятиях. А я на основе этой канонической книги учился читать, запоминать ее наиболее красочные места и на этой основе приобретать отвращение к примитиву в виде советской Библии¹¹.

И вот, в первую неделю учебы на первом курсе философского факультета, в аудиторию вошел Михаил Константинович, начал читать курс «Этимология философских терминов». Раньше я читал о мыслителях в книгах. Теперь впервые увидел философа во плоти. В молодости всегда хочется мудрого учителя. Мое смутное предчувствие философии как *праздника независимой мысли* реализовалось впервые в Петрове. Большинство остальных преподавателей философского факультета мало чем отличались от офицеров, которые вели политзанятия. С этим типом казенных пропагандистов я познакомился в армии. Политруки не могли толком ответить ни на один вопрос, который им задавали солдаты. И вообще не терпели

¹¹ См.: Зенкин С. Небожественное сакральное: Теория и художественная практика. М., РГГУ, 2012. Эффект отвращения «Краткий курс истории ВКП(б) вызывает до сих пор. Моя супруга носит эту книгу с собой на лекции, зачитывает студентам фрагменты текста, чтобы вызвать у них рвотный позыв. К сожалению, не все студенты учатся у моей жены...

вопросов. Еще в школе я прочел «Поединок» Куприна. Запомнил описание занятий по словесности в армии царской России и навсегда приобрел отвращение к официальному языку. В армии советской встретился с аналогичным типом сержанта и офицера. Хорошо помню, как мы хохотали, когда проводивший политзанятия капитан назвал остров Калимантан «калимандой» (в 1964 году там происходили - уже не помню, какие - политические события, о которых он нам рассказывал). Тот же тип попадался в Ростовском университете - за исключением Михаила Константиновича и некоторых других преподавателей истории философии и логики. Сегодня уже мало кто помнит, что в преподаватели советской философии и прочих идеологических дисциплин часто определяли отставных политруков, нкведешников, проштрафившихся пьяниц из органов КПСС и прочие человеческие отбросы. Но я пока не встречал специальных социологических исследований на тему о том, насколько от этого выиграли или потеряли советская философия и социальные науки.

С первых дней студенчества я познакомился со старшими коллегами-пятикурсниками и с аспирантами кафедры философии Ростовского университета. От них впервые узнал о Петрове. Хочу сказать им запоздалое «спасибо». Начал читать его статьи в журнале «Вопросы философии», хотя толком их не понимал. Но для меня главным с момента первого восприятия Петрова был и остался до сих пор пафос мыслителя – его *противостояние* обыденному ходу вещей, догматизму и банальности большинства людей (особенно педагогов, которых со школы терпеть не могу) и казенной советской философии. Во втором семестре первого курса я прочел статью Петрова «Предмет и цели изучения истории философии» в журнале «Вопросы философии» (1969, № 2). Из чтения этой статьи мне стало ясно, что утверждение Ленина о существовании идеализма и материализма в древнегреческой философии («линии Платона и линии Демокрита») является выдумкой. Между тем такое утверждение содержалось во всех учебниках по марксистско-ленинской философии, которые я к тому времени проштудировал. Отсюда я сделал вывод об *отваге* Петрова. Хотя мой жизненный опыт к тому времени был небольшим, я твердо знал: нужно мужество, чтобы противостоять мнению большинства, тем более - мнению официальному.

Одновременно его статья укрепила мое отвращение к учебникам, сложившееся еще в школе. Дело в том, что я летом обычно прочитывал все учебники для следующего класса (некоторые по два раза), хотя не все в них понимал. И когда на уроках слушал от учителей то же самое – у меня возникало к ним легкое презрение за попугайничанье. Я норовил задать вопрос, выходящий за пределы скучного учебника. Услышать что-то новое. Но редко это удавалось. Петров в своих лекциях постоянно иронизировал над советскими учебниками по философии и укрепил это чувство. Он постоянно напоминал, что надо изучать первоисточники и не доверять учебникам. До сих пор я сохранил презрение к учебникам и ко всему тому, что называют в вузах методикой преподавания и чем занимаются университетские канцелярские крысы, число которых возросло за последние двадцать лет.

И вот поздней весной 1969 года, студентом 1-го курса философского факультета, я пришел на обсуждение упомянутой статьи Петрова. О том, что эта акция состоится, мне сообщили приятели-старшекурсники. Именно в Ростовском университете я впервые увидел, что обсуждение научной статьи мало чем отличается от коммунальной грызни, разве что философским жаргоном. Вместо солидарного противостояния спущенному сверху указанию о «проработке» Петрова его коллеги по профессии громили собрата. По возрасту они были мои отцы и деды. А по сути призывали Михаила Константиновича не выходить за пределы банальных схем учебника. Вот тут у меня возникло знакомое уже со школы чувство легкого презрения к педагогам – на сей раз университетским преподавателям. Навсегда запомнил филиппики большинства ростовских хвилософов по адресу Петрова. Извлек для себя правило: никогда не пользоваться диалектической риторикой. Запомнил также ответ Петрова на вопрос о «линии Платона и линии Демокрита»: «Рабской философии не было». Никогда не забуду, что на том обсуждении Петрова защищали лишь несколько его молодых коллег, с которыми я потом подружился. Рад, что они встретились на моем пути и способствовали углублению в тексты Петрова.

Короче говоря, это обсуждение отлилось у меня в образ: шавки тьявкают на медведя. У меня не укладывалось в голове, как могут те, кто не опубликовал в «Вопросах философии» и других центральных философских изданиях ни строчки (а среди ростовских фило-

софов тогда и сейчас преобладает такая публика), критиковать автора оригинального и смелого текста. В школе, на уроках русской литературы, я познакомился с полицейским шаблоном поведения - «тащить и не пущать» независимую мысль. Теперь убедился, что и в университете такой шаблон существует. И даже господствует среди мэтров ростовского философского бомонда. Поэтому когда те же мэтры начали пропагандировать теорию культуры – я ее все-ръем уже не воспринимал. Никогда не верил, что теория культуры может быть альтернативой официальной советской философии. И убеждаюсь в этом до сих пор.

О фарсовой стороне советской философии дают представление также эпизоды из жизни философского факультета Ростовского университета. В университетском туалете кто-то разбил зеркало. Студенты тут же написали «Смотри в теорию отражения». А когда один из мэтров ростовской культурологии написал книгу «Кто ты, человечество?», студенты тут же дали ответ-граффити «А ты кто?». Нынешним студентам уже нужно разьяснить, что ленинская теория отражения входила в железный канон советской философии, а заботы мэтра ростовской философии о человечестве были навеяны стремлением попасть в ногу с очередной интеллектуальной модой, спущенной с советского идеологического Олимпа. Действительно, культурология в России стала запасным конем, на который пересели бывшие казенные философы. То же самое относится к социологии и политологии. Дух холуйства, о котором я говорю своим коллегам со студенческих лет, господствует попрежнему.

Я думаю, квалификация Петрова как культуролога упрощает проблему. В стороне остается вопрос о вызревании современной российской культурологии в лоне казенной советской философии и связанных с этим процессом воспроизводством сервизма в отношениях между властью, наукой и философией. Большинство моих коллег-студентов его лекций не понимало, не хотело напрягаться из-за отсутствия ума или относилось к нему с опаской, ловя ухом официальные ветры.

Позволяет ли творчество Петрова противостоять всей этой рутине, как противостоял он официальному советскому любомудрию? Повторю еще раз: такое восприятие творчества Михаила Константиновича у меня начало складываться на студенческой скамье. Предлагаемая книга – очередной этап реализации этого уже почти

полустолетнего восприятия его статей, книг и ауры, вокруг него существующей. В 2002 году в Ростове-на-Дону проходил 3-й Всероссийский философский конгресс. В его рамках состоялся «круглый стол», посвященный творчеству М.К.Петрова. Я выступил с докладом и выдвинул тезис: Петров – это ученый и мыслитель мирового ранга. Его теоретическое наследство можно разрабатывать в разных направлениях: в историко-научном контексте; в контексте конкретных дисциплин (теории науки, общей социологии, социологии науки, социологии организаций и социологии образования, политической философии, философии и методологии науки, исторической и философской антропологии, философии религии и религиоведения, истории и теории философии, религиозно-мировоззренческой компаративистики); на фоне концепций, выдвинутых другими мыслителями и учеными во второй половине XX века.

Каждое направление разработки наследства Петрова можно развернуть в особую научно-исследовательскую программу. Очерк одной из них я предлагаю в книге. Одна тема имеет ключевое значение для организации материала.

Сорок лет назад Петров писал: прежние формы подавления мысли носили очаговый характер. Под угрозой крупных неприятностей запрещалось публично размышлять над «решенными» вопросами. «Подобные подходы скорее формировали и уродовали мысль, но *никогда по существу не преследовали задачу уничтожения мысли как таковой* (курсив мой, В.М.). Никто не решился бы открыто провозгласить курс на уничтожение мысли и в наше время, но ряд стихийно складывающихся и быстро развивающихся форм дренажа мысли не оставляют сомнения в общей направленности процесса. Нетрудно подсчитать, например, что если ресурс творческой жизни человека 100000 часов (40 лет по 8 часов в день), то в стране, имеющей 50 млн. телезрителей, часовая передача равносильна духовной стерилизации 500 мыслящих граждан. Такое электронное облучение творческого потенциала не только не уступает по эффективности атомной бомбе, но и много «грязнее»: убивает стремление к книге – единственному средству выхода не передний край познания. А кроме телевидения есть еще кино, радио и десятки других менее значительных, но не менее верных способов «убить время» и парализовать мысль... Если подсчитать прямой и

косвенный кумулятивный эффект всех таких средств, цифры получились бы страшными уже сегодня. Но дело не в страшных цифрах, а в опасности скрытой за ними тенденции. Если смысл человеческой жизни во временном исполнении социальной должности, в воспроизведении бессмертной социальной структуры через смертных «и.о.», то уже теперь такая жизнь становится самообманом, бессмыслицей, а в скором времени и вообще потеряет смысл»¹².

Этот отрывок показателен для работ Михаила Константиновича. Во-первых потому, что он использует выражение «решенные вопросы» для обсуждения острых политико-философских проблем. Впервые это выражение встречается в его повести «Экзамен не состоялся» (о ней будет идти речь во второй главе), за которую он был исключен из КПСС, но своего мнения не изменил и был изгнан из университета. Во-вторых, потому, что все его творчество пронизано иронией в отношении любых «решенных вопросов». По его мнению, ни один вопрос социальной жизни не может считаться «решенным». Но большинство главных деятелей XX века думали иначе. История прошлого столетия – это как раз множество претензий на «абсолютное решение». Одной из известных воплощенных претензий был голодомор – «решение аграрного вопроса» в СССР. Затем подобным образом был «решен еврейский вопрос» в нацистской Германии. В этом смысле объект иронии Петрова еще не исчез. Особенно на фоне нынешней пропаганды ностальгии по СССР внутри страны и использования культурно-цивилизационных сюжетов во внешней политике России.

Петров зафиксировал угрозу уничтожения мысли и показал, что этот процесс усиливается, если телевидение принадлежит государству. Поэтому приведенный отрывок я предлагаю воспринимать как программу исследования всех прежних и современных *форм подавления, уничтожения, дренажа и парализации мысли* для противодействия этой угрозе¹³.

В развитие идеи Петрова можно сформулировать вопросы: сколько миллионов людей подверглось духовному оскотлению после 1917 года? как духовные скопцы воздействуют на нынешнее поколение жителей России и всей постсоветской ойкумены? в ка-

¹² Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов-на-Дону, изд. РГУ, 1992, с.209-210

¹³ К слову сказать, эта мысль Петрова не является оригинальной. Еще в армии я читал публикуемые в «Новом мире» мемуары И.Эренбурга «Люди, годы, жизнь» и хорошо помню, что в них тоже содержится ирония в отношении телевидения.

ких государственных институтах они нашли себе теплое пристанище?

Вместо обсуждения этих вопросов по телевидению идут сюжеты о плотской импотенции. Между тем проблема духовной стерилизации не менее важна. Например, о современной России В.В.Налимов пишет: «Диктатура большевистской партии пала. Но к этому времени практически уже не осталось духовно подготовленных представителей свободной мысли»¹⁴. Относительно Европы Петер Слотердаик добавляет: «Те, кто одержим своим правом на врожденную значимость и максимальную экспансию, не способны быть субъектами регулируемого государства; они оказываются вечно беспокойными, некастрируемыми анархистами»¹⁵. Что же такое свободная мысль, если не сводить ее к бывшему журналу «Коммунист», который переименовался в «Свободную мысль»? У кого сегодня в России можно учиться свободомыслию? Действительно ли остались ли в Европе некастрированные анархисты?

Вопросы не праздные. Г.А.Комарова показала, что большинство членов научного сообщества России любые новые идеи встречает в штыки. Главная причина в том, что советская власть отучала граждан от саморефлексии в общественной и в интеллектуальной жизни, боялась любых новшеств, хотела только порядка и спокойствия. Попытки самостоятельного переосмысления в советском обществе были крайне редкими, всегда вызывали резкий отпор системы и агрессивное сопротивление среды. Российская академическая среда – часть советского общества, поэтому серьезная методологическая рефлексия пугала и до сих пор пугает большинство ученых¹⁶. Иначе говоря, *само научное сообщество СССР/России является формой подавления мысли.*

Указанные качества советской науки Петров видел полстолетия назад, квалифицируя большинство научного сообщества как «научное поголовье», культивирующего «науку для должности». Он связывал прежние и современные формы подавления и стерилизации мысли с самообманом и абсурдом, которые порождаются социаль-

¹⁴ Налимов В.В. Канатоходец. М., Прогресс, 1994, с.311

¹⁵ Слотердаик П. Сферы. Плюральная сферология. Том 3. Пена. Пер.с немецкого К.В.Лощинского. СПб, Наука, 2010, с.273

¹⁶ См.: Комарова Г.А. Научное сообщество как междисциплинарное исследовательское поле // Политическая концептология. 2011, № 1 <http://politconcept.sfedu.ru/2011.1/09.pdf>

ными и административными структурами. Эта идея Петрова не потеряна в современной науке.

Например, Д.Зильберман показал, что в западной культуре принцип онтологического плюрализма является внутрикультурным абсурдом. Признание множества онтологий означает, что нет и в принципе не может быть единственной или унифицированной философской проекции мира. Все онтологические проекции мира имеют один и тот же статус, ни одна из них реально не существует. Множественные онтологии Зильберман определяет как «абсурд интегральности». Применительно к философии «абсурд интегральности» означает небытийственность философии, ее не-присутствие в реальном, физическом мире. А в России власть преобразовала религиозный абсолютизм в абсолютизм политический¹⁷. В теории абсурда показано, что советское общество было абсурдной социальностью, современная технологическая цивилизация есть цивилизация экзистенциального абсурда, а абсурд постсоветской реальности отражает современное искусство. Страна стала территорией всеобщего предательства и постколониальности¹⁸.

Под влиянием идей Петрова об абсурдности социального бытия и личного жизненного опыта я разработал теорию бюрократии. Показал, что большинство административных структур и должностей есть частная собственность правительства, которое создает и обращается с ними по собственному произволу, не думая о последствиях. Поэтому аппарат государственного управления обществом может рассматриваться как значимая форма подавления мысли или ее существования в абсурдных формах. В постсоветской России число административных структур намного превысило число советских канцелярий, хотя население по сравнению с СССР сократилось примерно вдвое. С 1 января 1999 г. по 1 января 2008 г. число государственной бюрократии в России возросло с 485 566 до 846307 человек¹⁹. Во сколько же раз возросла угроза подавления и абсурдизации мысли? И нельзя ли в таком случае само государство (особенно в нынешней России) считать формой абсурда?

¹⁷ См.: Елена Гурко. Модальная методология Давида Зильбермана. Минск, Экономпресс, 2007, с.102,282

¹⁸ См.: Абсурд и вокруг. Отв.ред. О.Буренина. М., Языки славянской культуры, 2004, с.167-177

¹⁹ См.: Олейник А. Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. М., РОССПЭН, 2011, с.39

Петров критически относился к любым формам государственной организации науки. В 2005 году в России существовало 75 интеллектуальных структур (институты Российской академии наук, другие НИИ, академии, университеты, центры, фонды), которые издают 59 журналов, 17 газет и 35 Интернет-ресурсов²⁰. Большинство этих структур создано в советское время. Работающее в них «научное поголовье» привыкло работать по планам и заказам государства. Могут ли они производить знание, освобождающее от прежних и современных форм подавления мысли?

Как говорится, один дурак может поставить столько вопросов, что сотня мудрецов не ответит. Петров – один из немногих, кто создал предпосылки для поисков ответа на эти вопросы. Пора сослаться на мудреца. Нобелевский лауреат Лев Ландау еще в 1950-е годы осознал важность этой проблемы, о чем свидетельствуют доносы секретных сотрудников КГБ: «Ландау считает, что «целью умного человека, желающего, елико возможно, счастливо прожить свою жизнь, является максимальное самоотстранение от задач, которое ставит перед собой государство, тем более советское, которое построено на угнетении»... «20 ноября 1956 года Ландау в разговоре с харьковским ученым И.М.Лифшицем говорил: «И вот тут-то большевистская партия пошла на оформление... В какой-то степени это неизбежно было. Это была идея создания фашистского государства, то есть люди, которые делают революцию, чтобы они получили за это в качестве оплаты управление государством. Это был лозунг, который был реальным и который имел грандиознейший успех. Причем, он имел социалистическую часть: сбросить буржуазию и строить социализм. Но он имел и фашистскую часть, этот лозунг: взять государство в свои руки»²¹.

Если вслед за Ландау считать советскую власть синтезом социализма и фашизма, то возникает более серьезный вопрос: является ли взятие государства в руки большевистской партии и использование его аппарата для реализации иных целей по сравнению с решением социальных проблем предпосылкой подавления и уничтожения мысли? По крайней мере, современное российское обще-

²⁰ См.: Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006, с.355-365

²¹ Советская жизнь Льва Ландау глазами очевидцев. Сост. Г.Е.Горелик и Н.А.Шальникова. М., Вагриус, 2009, с.561, 563

ство ничем не связано, кроме контингента телезрителей²². Если соединить эту констатацию с терминологией Нового завета и метафорой Петрова, то 50-60% жителей России ежедневно сидят у *похороненных телегробов*, режиссируемых СМИ как направлением деятельности правительства.

Духовное оскотление идет незаметно. Но общее правило уже установлено: Россия наследует опыт СССР, в котором хитрость и обман стали нормой, поскольку все государственные институты и их служащие искажали и утаивали информацию, были носителями шизофренического восприятия действительности. Вот один из миллионов примеров: «Когда в 1960 году Геннадий Смелов, бытовик, объявил в ленинградской тюрьме длительную голодовку, все-таки как-то зашел в камеру прокурор и спросил: «Зачем вы себя мучаете?» Смелов ответил: - Правда мне дороже жизни! Эта фраза так поразила прокурора своей бессвязностью, что на следующий же день Смелов был отвезен в ленинградскую спецбольницу (сумасшедший дом) для заключенных. Врач объявила ему: - Вы подозреваете в шизофрении»²³. Если отнестись к этому факту всерьез, то не является ли прокуратура одним из носителей абсурда?

Длительное существование жителей СССР в такой атмосфере не благоприятствовало распознаванию лжи и правды (далее ЛИПа). Психологические исследования подтвердили существование связей между: объективной способностью распознавать ЛИПу и макиавеллизмом личности (сознательная квалификация лжи как истины); завышенной самооценкой способности распознавать ЛИПу и объективной оценкой этой способности; самооценкой способности распознавать ЛИПу и макиавеллизмом. Склонные к манипуляции субъекты и институты используют обман для достижения своих целей. Поэтому современная государственная политика - средоточие лжи²⁴.

В таком контексте тезис Петрова о том, что книга - единственное средство выхода на передний край познания, оказывается *спорным*. Конечно, я согласен с Г.Кремером: «Мое поколение было легкомысленнее предыдущего, для многих из нас чтение значило не

²² См.: Гудков Л., Дубин Б. Российские библиотеки в системе репродуктивных институтов: контекст и перспективы // НЛЮ. 2005, № 4/74, с.166-202

²³ Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. Полное издание в одном томе. М., Альфа-книга, 2011, с.306

²⁴ См.: Мещеряков Б.Г., Некрасова А.В. Макиавеллизм: правда и ложь в повседневной жизни // Человек. 2005. № 6; Тарасов А.Н. Ложь в политике, или желтый логарифм. М., 2007

только обретение знаний, оно способствовало формированию понятия справедливости»²⁵, поскольку сам принадлежу к этому поколению. Однако исследования в сфере социологии чтения и библиотек обнаружили две особенности современных российских исторических романов: редукция к символам «закрытого общества»; пропаганда идеи об исключительности национального сообщества и характера. Это чтение навязывается гражданам России как коммерческий продукт, а не как элемент пропагандистской машины государства. С помощью рынка государство проникает в сознание и даже подсознание читателя. Такие книги создаются, распространяются, покупаются и потребляются вне прямого идеологического заказа или диктата со стороны государства, вне его монопольного финансового, экономического, социального обеспечения. Советская властная «легенда» усвоена массовым человеком, вошла в его социально-антропологический состав, круг оценок и мотивов действия. У этой версии национального прошлого впервые в российской культурной истории XIX-XX вв. нет ни идейного, ни художественного конкурента: «бои за историю» стихли. Стандартизированная государственническая версия отечественной и мировой истории выступает нормой массового восприятия настоящего и прошлого. Эта «норма» отсекает все иные конкурирующие значения и оценки. При этом на протяжении последних 15-ти лет шел процесс политической и экономической изоляции России в мире. Но внутри страны власть, население и большинство СМИ единогласно сконцентрировались на значении, символах и престиже национального целого, его особого исторического пути, судьбы и предназначения²⁶. Значит, книжный рынок надо многократно фильтровать, чтобы обнаружить в нем крупницы правды среди моря лжи.

К тому же на протяжении последних 20-ти лет в России стали популярны все формы квазинауки (астрология, уфология, квазибиология, квазимедицина, парапсихология, трансперсональная психология, новая хронология, история, культурно-цивилизационный подход, теория диалога и консенсуса, геополитика и пр.). Этот мутный поток существует в виде целых библиотек и направляется

²⁵ Гидон Кремер. Инародный артист. М., НЛО, 2006, с.332

²⁶ См.: Дубин Б.В. Советский и постсоветский исторический роман: герои, поэтика, социальные функции // Феномен прошлого. Отв. ред. И.М.Савельева, А.В.Полетаев. М., 2005.

спецслужбами²⁷. Из каких «высших государственных соображений» это делается? – остается гадать.

Зато ясно, что парализация мысли и духовное оскотление не ограничивается Россией. Процесс стал интернациональным. Приведу лишь одно свидетельство.

Выдающийся современный социолог Пьер Бурдьё описал телекладбище стран Запада. Телевидение (ТВ) подвергает опасности искусство, литературу, науку, философию, право, политическую жизнь и демократию. Оно стало средством символической агрессии, «...которая реализуется благодаря молчаливому согласию тех, кто ее на себе испытывает, а также тех, кто ее оказывает, при условии, что и первые и последние не отдают себе отчета в том, что они ее испытывают или оказывают»²⁸. Иначе говоря, угроза, о которой предупреждал Петров в 1965 году, когда телевидение только острило зубы, стала реальностью современного общества.

Пьер Бурдьё тоже осознает опасность: «Телевидение – это мир, создающий впечатление, что социальные агенты, обладающие всеми видимыми признаками значимости, свободы, независимости, иногда даже невероятной ауры ... на деле они являются марионетками необходимости, которую нужно описать, структуры, которую необходимо выявить и выставить на всеобщее обозрение»²⁹. Пьер Бурдьё полагает, что теоретик должен вырабатывать «инструменты освобождения» от социального контроля и средств массовой информации как его части. Однако все социально-исторические науки пронизаны конфликтом между циничным и клиническим способом использования знания. Циничный способ – это использование знания законов функционирования среды для улучшения собственных стратегий, клинический – это использование знания социальных законов и тенденций с целью борьбы с ними. В научном сообществе преобладают сторонники первого способа использования знания.

Соотношение между клиническим и циничным способом использования знания Бурдьё называет законом Жданова: «Чем более независим тот или иной производитель культурной продукции, чем более он богат специфическим капиталом и обращен к узкому рынку, на котором клиентами являются его собственные конкуренты,

²⁷ См.: Наука и квазинаука. Под ред. В.М.Найдыша. М., 2008.

²⁸ Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М., Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2002, с.29-30

²⁹ Там же, с.55

тем более он склонен к сопротивлению. И наоборот: чем больше он предназначает свою продукцию для широкого рынка, тем больше он склонен сотрудничать с внешней властью: государством, церковью, партией, а в настоящее время – с журналистами и телевидением, и подчиняться их спросу и требованиям»³⁰. Значит, баланс между сопротивлением и сотрудничеством ученых с властью (т.е. коллаборационизмом) образует значимый предмет исследования. Для реализации такого исследования надо написать социальную историю всех научных дисциплин в СССР и современной России. Эта задача выходит за рамки книги, но при ее написании я опирался на уже существующие исследования вопроса³¹.

Даже беглый обзор книжно-журнальной продукции позволяет увидеть сходство между идеей Петрова о подавлении и уничтожении мысли, размышлениями Льва Ландау и законом Жданова, открытым Пьером Бурдьё. Заманчиво было бы описать действие закона Жданова во всех естественных и гуманитарных науках в центре и провинции, с использованием всех методов социологии науки и разбором всех концепций, претендующих на «научность»³². Эту задачу я сейчас выполнить не могу. Но Бурдьё имел в виду кампанию «ждановщины», которая развернулась в Советском Союзе в 1946 году для подавления творчества Анны Ахматовой и Михаила Зощенко и оказала сильнейшее влияние на становление кетмана в лимитрофных государствах (Ч.Милош). Надо внести ростовскую коррекцию.

Для этого воспользуюсь иным ходом, который мне подсказали москвичи и бывшие ростовчане. Петров в повести «Экзамен не состоялся» писал, что марксизм как источник мысли иссяк. Под вдохновением от этой идеи С.С.Неретина пишет: «Наступает и момент оглядки, когда обнаружится, что труды М.К.Петрова – из числа надежных источников мысли. К сожалению, пока непосредственная реакция слабовата, хотя кто измерит степень его безмолвного влияния на философию науки, системных исследований, теории

³⁰ Там же, с.82-83. Бурдьё имел в виду кампанию «ждановщины», которая развернулась в Советском Союзе в 1946 году для подавления творчества Анны Ахматовой и Михаила Зощенко и оказала сильнейшее влияние на становление кетмана - системы повседневной защитной лжи в лимитрофных государствах (Ч.Милош). Об этом еще пойдет речь.

³¹ См.: Подвластная наука? Наука и советская власть / Рос.акад.наук, Ин-т философии; сост., научн.ред. С.С.Неретина, А.П.Огурцов. – М.; Изд.во «Голос», 2010

³² Ориентиром может служить книга: Андреев А.В. Физики не шутят. Страницы социальной истории научно-исследовательского института физики при МГУ (1922-1954). М., 2000

культуры?»³³. Я согласен со Светланой Сергеевной, но хотел бы добавить к этому списку политическую философию. И подчеркнуть: не мысли вообще, а именно свободной мысли. Свободной от детерминации материальным положением, властными структурами и существующими идеологиями. И не только в космическом, так сказать, воплощении, но и в ее ростовском измерении. Речь идет о презентации концепции Петрова на фоне других подходов к анализу науки, общества и культуры. Такова вторая задача книги – встроить творчество Петрова в современные дискуссии и показать его эвристичность.

Для реализации обеих задач я попытаюсь объединить множество конкретных идей, высказанных М.К.Петровым, в одну познавательную целостность. В отдельных случаях используется метод кружного пути – обсуждения конкретных проблем для уяснения когнитивного и социального контекста, в котором Петров формулировал свои идеи и концепты. При этом пришлось заменить хронологический принцип структуры книги проблемно-содержательным.

Теперь хочу поблагодарить всех участников обсуждения книги «Научно-техническая контрреволюция». Их вопросы, замечания, возражения и критика позволили еще раз обдумать сформулированные темы и добавить к ним новые. Особую ценность для меня имеют суждения Александра Павловича Огурцова, Светланы Сергеевны Неретиной, Владимира Натановича Поруса, Антона Николаевича Олейника, Сергея Борисовича Лугвина, которые содержатся в их статьях и рецензиях на книгу «Научно-техническая контрреволюция». Реакция на эти суждения только частично воплощена в моей книге. Другие идеи коллег я продолжаю обдумывать.

Но прежде всего сердечно благодарю жену Татьяну Александровну Марченко за постоянную и самоотверженную поддержку моих
штудий.

³³ См.: Неретина С.С. От редактора // Михаил Константинович Петров. Под ред. С.С.Неретиной. М., РОССПЭН, 2010, с.21

Глава 1

Социокультурный фон

К 80-летию со дня рождения М.К.Петрова был издан (с погрешностями) библиографический указатель³⁴. Если судить по этой брошюре, при жизни о Петрове было опубликовано 10 материалов. 5 из них содержат обычную информацию, 4 - идеологический разнос его концепции (статья З.А.Каменского, редакционная статья в журнале «Коммунист», книги А.С.Богомолова-Т.И.Ойзермана, А.Ф.Окулова). Особняком стоит рассказ Виталия Семина, в котором Петров выступает одним из героев.

После смерти Петрова в 1987 г. до 2002 г. было опубликовано 75 материалов. Основной массив публикаций является реабилитационно-информационным (статьи в газетах, журналах, энциклопедиях, предисловия к трудам и рецензии на труды Петрова, тезисы, ссылки в книгах и статьях). В нем содержится позитивная оценка его творчества. Непосредственно М.К.Петрову до 2002 г. была посвящена одна кандидатская диссертация и одна брошюра С.С.Неретиной, которая завершила *апологией* описание его жизни и трудов³⁵.

Этой оценке я сразу противопоставлю посмертную *негативную* оценку. Она высказана Ф.Гиренок. По его мнению, русский дискурс включает: национальные идиомы (т.е. смыслы пословиц, поговорок, сказок, притч, прибауток); славянофильский язык; культурно-символическое содержание православия; рационализацию крестьянского сознания. По мнению Ф.Гиренок, все это разрушила советская философия. Она была частью советского дискурса, который определяется следующими свойствами: «1. Языком, на кото-

³⁴ См.: М.К.Петров (к 80-летию со дня рождения): библиографический указатель. Научн. ред. Драч Г.В. Ростов-на-Дону, 2003

³⁵ См.: Неретина С.С. Михаил Константинович Петров. Жизнь и творчество. М., УРСС, 1999. Напомню, что речь идет об исследовательской ситуации в петрововедении, которая сложилась к началу 2000 годов.

ром разговаривала новая демократия и левая интеллигенция. В этом языке слова-фигуры доминировали над словами-предметами, так что даже реальность могла быть в нем представлена только через слова-фигуры. 2. В нем была развита языковая поверхность. То есть в советском дискурсе нет дна, конечной инстанции понимания. Нет места национальному образу мира. На этом языке нельзя было понимать. На нем можно было симулировать. 3. Советская философия – это эффект работы с языком. Это языковое явление, утратившее связь с неязыковой реальностью»³⁶.

Ф.Гиренок определяет советский дискурс как язык интеллигенции без корней, религиозной веры, неба и земли. Он утвердился в России после 1917 года и обоснован советской философией: «Знаками культуры советского мышления стали три имени: Э.Ильенков, М.Мамардашвили и Г.Щедровицкий. Этими тремя именами исчерпывается вся советская философия... Сочинения Библера, Трубникова, Петрова и Зиновьева составляют второй план советской философии, и поэтому их можно не принимать во внимание»³⁷.

Итак, посмертная апология Петрова соседствует с негативной оценкой всей советской философии и квалификацией Петрова как ее второстепенной фигуры. Можно ли иначе объяснить феномен Петрова?

1.1. Между благоговением и высокомерием

Для ответа воспользуюсь исследованием Э.Ю.Соловьева. Он показал, что общим фактом биографии любого мыслителя является конфликт между внешней бессобытийностью и напряженностью внутренней жизни. Этот конфликт «...оттеняет и подчеркивает нечто типичное, методологически существенное: помимо обычной, «анкетной» истории мыслителя всегда существует еще собственная история его идеи. И задача биографа состоит в том, чтобы разглядеть ее, не соблазняясь перипетиями внешней судьбы и вместе с тем отыскивая именно в них свидетельства, приметы, симптомы скрытых духовных метаморфоз»³⁸. Поводом для нового обращения к биографии служит неполнота, несостоятельность или сомнительность предшествующих интерпретаций.

³⁶ Гиренок Ф. Патология русского ума: картография дословности. М., 1998, с.374

³⁷ Там же, с.373

³⁸ Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Он же. Прошлое толкует нас. Очерки по истории философии и культуры. М., 1991, с.21

Э.Ю.Соловьев описал типы биографического анализа, каждый из которых отличается своеобразием задачи: 1. Анализ жизни как лаборатории мысли. Главное внимание при этом уделяется проблемному единству творчества, скрытому за тематическим многообразием. 2. Описание подвижничества мыслителя в борьбе за признание новой мировоззренческой концепции. 3. Анализ жизни мыслителя как первого социально значимого воплощения его идеи. 4. Описание личностного синтеза разных форм духовной деятельности мыслителя (философии, науки, нравственности, религии), отвечающего степени развитости общества и культуры.

Однако общий предмет усилий биографа – социо-культурная ситуация. «Только по отношению к последней описываемая жизнь приобретает значение истории, особой смысло-временной целостности, к которой применимы понятия уникальности, событийности, развития, самоосуществления»³⁹. Существует два метода биографического исследования в контексте социо-культурной ситуации – герменевтика и психоанализ.

Герменевтический метод сформулирован Дильтеем под именем теории исторического понимания. Биография в этом случае рассматривается как ячейка и высшая форма гуманитарного исследования одновременно. В отношении любого мыслителя принимается презумпция благоговения. Психоанализ формулирует презумпцию подозрительности. Исповеди – это высшая форма самообмана, развитие иллюзий за свой собственный счет. Любой мыслитель способен к интериоризации культурно-исторических конфликтов и их страдательно-творческому разрешению. Эта проблема является наиболее сложной в биографическом анализе: «Для ее решения недостаточно знать совокупность условий и обстоятельств, при которых жил изучаемый биографом персонаж. Необходимо еще взглянуть на них социально-диагностически, увидеть общество в качестве источника нравственно-исторических апелляций; необходимо развернуть обстоятельства и драму, участником которой был герой биографии»⁴⁰. В этом случае тексты воспринимаются как надвременные монограммы мыслителей. Ими могут довольствоваться культурные морфологии, типологии мировоззрений, конструкции имманентного развития метафизических систем. Проблемно-

³⁹ Там же, с.46

⁴⁰ Там же, с.51-52

историческая ориентация позволяет снять высокомерие в отношении описываемого персонажа.

Возникает вопрос: можно ли дистанцироваться от апологетики жизни и трудов Петрова, а также от общей отрицательной оценки советской философии и квалификации Петрова как ее второстепенной фигуры? Да, если изучать его жизнь и деятельность на основе указанных Э.Ю.Соловьевым параметров: неполнота предшествующих интерпретаций творчества Петрова; конфликт между внешней и внутренней жизнью; проблемное единство творчества; подвижность; личностный синтез разных форм духовной деятельности; социокультурная ситуация, интериоризация и разрешение в творчестве Петрова культурно-исторических конфликтов.

Вряд-ли я смогу выполнить эту исследовательскую программу, поскольку в этом случае пришлось бы писать социальную историю советской философии и социальную биографию Петрова на ее фоне. Я связан другим замыслом, который отражен в названии книги. Но некоторые проблемы попытаюсь поставить.

Начну с банальности: в исторической России к мыслителям всегда относились с подозрением, а не с благоговением. А Советская Россия создавала коллизии, которые не снились Дильтею и Фрейдю. Например, интересно было бы получить конкретную информацию: кто давал указание Ростовскому обкому КПСС об исключении Петрова из компартии? кто и по чьему заказу писал статью в журнал «Коммунист» (в которой Петров подвергался идеологическому разному), кто готовил постановление об увольнении его из Ростовского университета, кто и почему голосовал за это постановление? На одном из чтений памяти М.К.Петрова я предлагал заказать этим людям (если они живы) или их телесным отпрыскам и душеприказчикам статьи на эту тему. Но мое предложение не вдохновило ни его ростовских, ни московских коллег-философов. Они молчат. Из-за этого прижизненная оценка выглядит исключительно прерогативой центральных и местных парткомов. Так Петров приобретает ореол мученика, а позиции его коллег по философскому цеху остаются в тени.

Для описания социокультурного фона творчества Петрова надо не только учитывать перипетии его личной жизни и интеллектуальной биографии, но и сопоставить его биографию с биографиями других советских философов. Например, написанная уже в постсо-

ветское время история советской философии обнаружила интересное явление: «под шапкой» официального марксизма существовали персоналистские, экзистенциалистские, позитивистские и религиозные тенденции, которые проявлялись в творчестве всех заметных советских философов XX в.⁴¹

Как оценивать это явление? Как подтверждение правоты парткомов, зафиксировавших «протаскивание» в советскую идеологию «чуждых взглядов»? Или как репрезентацию неоригинальности отечественной философии, под какой бы шапкой она не существовала? Или речь идет о двоемыслии философов советского периода, фоном которого была и остается тюрьма - действительная отечественная культура⁴²? Существовали ли в истории духовной культуры аналогичные феномены, которые могут служить критерием соотнесения и оценки? И как быть с искренними марксистами, вдохновлявшимися философией Маркса?

Каждый вопрос интересен сам по себе и порождает производные проблемы. Например, в русской, советской и современной российской философии существует трактовка ее как мировоззрения. Некоторые комментаторы Петрова приписывают и ему такую точку зрения. Тогда трудно провести различие между религиозной и светской философией. И возникает вопрос: можно ли в рамках официального христианства латентно развивать язычество, ислам или буддизм? Вообще говоря, в истории идей возможно все. Ф.Бродель показал, что связь религиозного мировоззрения с государством образует норму существования духовной культуры в условиях империй. На этой основе возникает религиозное ренегатство – универсальный феномен властно-управленческих аппаратов империй. Речь идет о ситуации, когда человек меняет веру, чтобы выбиться в начальство.

Ради принадлежности к идеологическому аппарату еще и не то возможно. Примеры идейного ренегатства в обилии дает история СССР/России в XX веке. Этот материал пока детально не изучен. Но без его анализа трудно понять социальные корни и механизмы трактовки философии как мировоззрения.

⁴¹ См.: Философия не кончается... Из истории отечественной философии XX века. 1920-50-е гг. М., РОССПЭН, 1998

⁴² См.: Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., Инфра-М, 2001, с.258-261

Начать можно с общей характеристики поколения, к которому принадлежал М.К.Петров: «...крупные исторические события могут катализировать объединение поколения по чисто календарному, биологически-возрастному признаку – война и призывной возраст. Наступила война, и по призыву пошли и сыновья, и пасынки, и отречшиеся от родителей в угоду власти, и ненавидящие власть и «комиссарских сынков». Замедлили ход и на какое-то время почти остановились оба направляемых государством процесса: отречения-обличения; вычеркивания-забвения»⁴³. Михаил Константинович был фронтовиком. А вплоть до конца 1950-х гг. участие в войне вызывало настороженность советской власти. Она предпринимала последовательные действия для недопущения фронтовиков на ключевые социальные роли.

Одновременно по критерию самосознания М.К.Петрова можно отнести к поколению шестидесятников - людей 1920-1935 годов рождения. Такая классификация поколений советских людей утвердилась в литературе. «Одним из главных их признаков стала готовность «бить врага его же оружием» (Сталина – при помощи Ленина, не брезговать для пользы общего дела ссылками на «ленинские нормы»»)⁴⁴. В этом контексте, видимо, могут рассматриваться следующие факты социальной биографии М.К.Петрова: конфликт с Дынником из-за расхождений во взглядах относительно его диссертации, написание повести «Экзамен не состоялся», последовавшее исключение из КПСС и написание статьи «Предмет и цели изучения истории философии». Ее содержание прямо направлено против бывшего научного руководителя, хотя в тексте он ни разу не упоминается. Но достаточно прочесть писанину Дынника в 1950-е годы по этому предмету, чтобы обнаружить адресата. Однако и Михаил Константинович не был свободен от «иллюзий на собственный счет»...

При описании системы таких иллюзий можно исходить из связи власти, собственности и идеологии как общей характеристики советского общества, и учитывать противоборство «механистов» и «диалектиков» на всем протяжении существования советской философии. В итоге философских дискуссий 1920-1930-х гг. сложи-

⁴³ Чудакова М. Заметки о поколениях в Советской России // Новое литературное обозрение. 1998, № 2/30, с.76

⁴⁴ Там же, с.80

лось специфическое отношение между культурой, философией и политикой, которое повлияло на все поколения советской интеллигенции. Это отношение включало следующие нормы: профессионально неграмотным людям стали присуждать научные звания; в идеологическом аппарате (а философия была его частью) воспроизводилась типичная для русской интеллигенции связь интеллигентского самомнения и бюрократического мышления; «механисты» и «диалектики» боролись не столько за истину, сколько за поддержку властью собственного толкования марксизма; обе школы культивировали монополию на истину и нетерпимость к другим толкованиям; творцы культуры сами способствовали становлению правила: власть определяет пределы допустимого и недопустимого в сфере духовного творчества.

После дискуссий 1920-1930-х гг., связанных со становлением режима личной власти Сталина, в СССР укрепилось оппортунистическое толкование марксизма. Оппортунизм – одна из главных установок политической бюрократии, которая в СССР переплелась с возникающей идеологической бюрократией.

При распутывании этого «змеиного клубка интересов» (метафора Б.Льюиса) следует учитывать, что школа Н.И.Бухарина («механисты») отстаивала следующие положения: марксизм есть научная теория социальных явлений; социальные процессы подчиняются каузальным связям, на основе которых формулируются законы; этика – продукт фетишизации общественных отношений классового общества и отомрет вместе с ним; диалектика – это описание процесса нарушения и восстановления равновесия. «Механисты» первыми начали использовать эпитет «научный» для обоснования решений и высказываний официальных лиц. Существенный момент связи политической и идеологической бюрократии состоял в том, что Н.И.Бухарин занимал важные партийные посты и был одним из первых советских академиков⁴⁵.

Другой академик - Деборин - стал вождем «диалектиков». Он широко использовал Гегеля, постоянно применял оборот: «так учит диамат» и сводил марксизм без остатка к идеологии. Деборин учил, что философия имеет право *контролировать* науку, а логика для этого не нужна. Он ввел практику решения философских вопросов

⁴⁵ См.: Игнатъев А.А. Ценности науки и традиционное общество: социокультурные предпосылки радикального политического дискурса // Вопросы философии. 1991, № 4

голосованием на партсобрании. Тем самым Деборин обосновал «диалектическую связь» власти и идеологии. В итоге властный надзор над общественными науками стал нормой советской политико-философской культуры, в которой философия обосновывала надзор над естествознанием.

Что же связывало представителей конкурирующих школ советской философии? После гражданской войны и высылки видных российских ученых и философов никто не мог открыто отказаться от выполнения решений партийно-государственной иерархии. Даже «...интеллигенты, не признавшие советскую власть, но получавшие от нее свою зарплату, всякими способами пытались успокоить свою совесть. Профессора, например, внушали себе и другим, что они, мол, служат не большевикам, а науке. А наука-де, она, конечно, не большевистская. Таким образом можно было найти некоторый компромисс между непризнанием советской власти и жизнью на советские деньги. На этом компромиссном пути можно было занимать позиции, очень различные в обе стороны, т.е. непризнание могло быть большим или меньшим. В крайних проявлениях оно принимало черты прямо-таки героические. Например, в Ленинграде бывший академик Ф.Д.Плеске отказался от пользования чем бы то ни было государственным. Он не получал карточек, не покупал ничего в «их» магазинах, не ездил в «их» трамваях. Сокрушался только тем, что не мог отказаться от покупки в «их» аптеках свечей от геморроя, которым он страдал»⁴⁶.

Этот отрывок иллюстрирует феномен постоянного смешивания целей и средств в поведении большинства советских ученых. Для обозначения данного феномена я предлагаю универсализировать факт личной жизни академика Плеске. «Геморройный героизм» – это интернализация властной технологии на основе рефлекса животного выживания. Для ее обоснования может использоваться зарплата, геморройные свечи, житейские блага, забота о чадах и домочадцах, идейные соображения (если таковые имеются) и наука как высшая ценность. Наиболее далеко по этому пути ушли советские разработчики атомной и водородной бомб. Но и философы не дремали.

В 1930-х гг. в философию и другие общественные науки пришло поколение карьеристов, доносчиков и невежд, которое на про-

⁴⁶ Кузин Б. Воспоминания. Дружба народов. 1995, № 11, с.112

тяжении десятилетий монополизировало философскую жизнь и мысль страны. Эти люди делали карьеру доносами на коллег в органы и парткомы. Донос стал нормой научной жизни в философии и обществоведении и органически слился с бесконечными аллилуйя во славу и мудрость товарища Сталина, ленинского Политбюро, партии и советского правительства. Это поколение не имело понятия о мировой философии. Зато умело «держать нос по ветру», знало наизусть несколько десятков или сотен цитат из трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и партийных съездов, прикрывая ими свое творческое бесплодие.

Однако самим содержанием высказываний «механисты» вызывали возмущение власти, которой не нравилась идея о независимости науки от философии. Эта идея ставила под сомнение право идеологической бюрократии изрекать безошибочные суждения об истинности (ложности) научных теорий, а также право вмешательства в результаты и процессы научного исследования. Зато группа «диалектиков» раньше всех признала значение Ленина в истории марксизма и принцип партийности философии. Эта группа верила, что философия крупно поможет строить социализм в «отдельно взятой стране». Но принцип партийности в советской версии означал: от философии не требовалось самостоятельной выработки принципов и открытия истин, которые затем можно использовать в политических целях. Философия должна без остатка служить власти, быть средством распространения и оправдания государственной идеологии.

Таким образом, дискуссия «механистов» и «диалектиков» скрывала борьбу за власть в философии. Специфика используемого при этом жаргона состояла в лишении понятий строгого теоретического смысла и превращения их в абстракции, под которые подводились любые произвольные действия власти.

В конечном счете общественные и гуманитарные науки были сведены к этой функции. Потери философии были самыми тяжелыми. Главные опоры философской культуры – логика и история философии – были уничтожены. Связи с мировой философией прерваны. Информация как вспомогательное средство философского исследования сведена к минимуму. Политический сервиллизм стал единственным критерием существования советской философии.

Кто же был прав в споре «механистов» и «диалектиков»? И можно ли рассматривать творчество Петрова в рамках этого спора? Для ответа напомним несколько фактов.

Б.Г.Юдин показал, что в России на протяжении XX в. не сложилось нормальное научное сообщество. Вторичная институционализация науки после 1917 г. сформировала следующие нормативно-ценностные структуры поведения отечественных ученых: установка на самоизоляцию; отсутствие автономии и самоорганизации; определение приоритетов развития науки путем закулисного сговора политической и академической бюрократии⁴⁷.

В философии и социальных науках эти нормы привели к формированию следующих типов личности:

Твердолобый ортодокс уходил от острых вопросов и дискуссий на любую тему, пользовался поддержкой «инстанций», был защищен от любой конкуренции.

Образованный ортодокс, для которого марксизм был внутренним убеждением и источником конфликтов с идеологическим начальством.

Циник, не имеющий никаких убеждений, использовал любые концепции и интеллектуальные моды в единстве с административными рычагами для собственной карьеры.

«Бравый солдат Швейк» верил в марксизм, знал зарубежную литературу. Однако его стремление переосмыслить официальную идеологию и связанные с ней концепции в системе социальных наук всегда наталкивалось на противодействие внутри самого «научного сообщества»⁴⁸.

Такую типологию предложил Л.Столович. Петров из этой классификации выпадает – он не был ортодоксом, карьеристом, доносчиком, невежей, циником и холуем власти. Правда, по некоторым внешним признакам он может рассматриваться как разновидность «бравого солдата Швейка». Но мне неизвестны конкретно-социологические исследования, подтверждающие или опровергающие эту типологию. Между тем без таких исследований трудно понять противодействие идеям Михаила Константиновича внутри философского сообщества.

⁴⁷ См.: Юдин Б.Г. История советской науки как процесс вторичной институционализации // Философские исследования. 1993, № 3

⁴⁸ См.: Столович Л. Смех против тоталитарной философии // Звезда. 1997, № 7

Для движения по этому пути напомним, что «диалектики» после смерти Сталина начали развивать диалектическую логику, оценки которой были и остаются противоречивыми. Одни называют ее «...гремучей смесью цитат из Гегеля и откровенного шарлатанства, способной оправдать любой бред партийного диктатора»⁴⁹. Другие видят главное зло в свойствах российского логического менталитета – многозначности и отказе от непротиворечивости при описании действительности. Такая логика не поддается разумному объяснению, поскольку оперирует не понятиями и высказываниями, а объектами, не имеющими логического статуса⁵⁰.

Обратим внимание на любопытное совпадение бреда с российским логическим менталитетом. Можно ли в данном случае обойтись без термина «менталитет»?

И.П.Павлов предпочитал говорить о «русском уме»⁵¹. Он отмечал, что производительность русских ученых в несколько десятков раз меньше производительности европейских ученых⁵². По его мнению, русский массовый ум остается невежественным и определяет судьбу народа, включая ум интеллигенции. И.П.Павлов описал восемь общих свойств ума и сравнил их с русским умом.

Сосредоточение мысли (на протяжении десятилетий и всей жизни) на определенном вопросе. Сосредоточенность – это сила ума, подвижность и беготня мысли есть слабость. Русские не склонны к сосредоточенности и отрицательно относятся к ней. Пример - русские споры, для которых характерна расплывчатость, уход от основной темы, обилие слов вместо дела. Русский ум отличается натиском, быстротой, налетом: «Кропотливость и усидчивость для нас плохо вяжутся с представлением о даровитости»⁵³. На

⁴⁹ Уемов А.И. Я был аспирантом Асмуса // Человек. 2000, № 2, с.171

⁵⁰ См.: Карпенко А.С. Логика в России. Вторая половина XX века // Вопросы философии. 1999, № 9, с.148-153

⁵¹ См.: Павлов И.П. О русском уме // И.П.Павлов: pro et contra. СПб., Изд. Русского Христианского гуманитарного института. 1999, с.130-147

⁵² И.П.Павлов высказал эту оценку в 1918 г. В настоящее время Россия отстает от США в 10 раз по вкладу в мировую науку (3,7% и 37%), в сфере социальных наук почти в 15 раз (3,41% и 49,93%); по показателю цитируемости Россия занимает 35 место в мире, отставая даже от маленьких стран (от Чехии и Польши в 2 раза, а от Словакии на 0,2%. При этом самая низкая доля цитируемости приходится на российскую социологию, хотя она идет в числе первой по количеству опубликованных работ в социальных и гуманитарных науках” См.: Маршакова-Шайкевич И.В. Анализ вклада России в развитие социальных и гуманитарных наук // Вопросы философии. 2000, № 8, с.139-149

⁵³ Павлов И.П. Указ. соч., с.134

Западе к специалистам прислушиваются, в России их считают занудами.

Стремление мысли к непосредственному общению с действительностью, опора на факты. Русский ум не привязан к фактам, не применяет критики метода, не проверяет смысла слов и не любит смотреть на подлинную действительность. Русские коллекционируют слова, а не изучают жизнь.

Абсолютная свобода мысли для опровержения того, что в науке и жизни считается непреложным. У русских такой свободы нет. Говорить что-либо против общего настроения почти невозможно.

Привязанность мысли к определенной идее и связь с абсолютным беспристрастием. У русских нет беспристрастия, они глухи не только к возражениям иначе думающих, но и со стороны действительности.

Обстоятельность, детальность мысли, использование числа и меры. Русские оперируют общими положениями, не желают знать меру и число. Тяга к общим положениям и психологии – свойство примитивного ума. Русский ум не может обобщать или его обобщения ложны.

Стремление мысли к простоте и ясности как идеалу познания. Каждый должен постоянно сопоставлять небольшое известное и огромное неизвестное. Русские обычно молчат, не задают вопросов (чего никогда не допускают иностранцы), равнодушны к своему непониманию. Нет стремления понять предмет. Русский человек не стремится понять то, что видит, предпочитает туманное и темное.

Тяга к истине включает стремление к приобретению новых и постоянную проверку старых истин. Русский ум ограничивается стремлением к новизне без проверки добытых истин.

Поиск истины сопряжен с большим трудом и муками, поэтому человек научается глубокому смирению. У русских этой черты нет. Они постоянно думают, что Россия протрет глаза гнилому Западу, а русские - авангард человечества.

Итак, для описания русского ума не нужен особый концепт логического менталитета, поскольку его свойства (легковесность, пренебрежение фактами и их количественным измерением, согласие с устоявшимися мнениями, многозначность, равнодушие к истине, отсутствие проверки, отказ от принципа непротиворечивости,

безделие) прекрасно фиксируются традиционным понятием русского ума. Однако жизнь и творчество Петрова доказывают, что он обладал всеми качествами европейского (а не русского) ума. Значит, Петров выпадает из предложенной Павловым классификации. Как же быть?

«Долг нашего достоинства, - завершает свой вердикт И.П.Павлов, - сознать то, что есть»⁵⁴. В данном случае есть спор между двумя советскими философами.

1.2. Сюсюкающий Миша и диалектический спаситель

Речь идет о пометах Э.В.Ильенкова на полях рукописи книги М.К.Петрова «Искусство и наука». Я согласен с С.С.Неретиной в том, что эти пометы «...представляют своеобразный диалог двух философов по поводу текста, что позволяет обнаружить не только внутренние тяжелейшие напряженнейшие разногласия, но и методы ведения спора, непосредственно вводящие в интеллектуальные философские начала мысли»⁵⁵. Содержание маргиналий распределю по рубрикам: понимание Ильенковым позиции Петрова; пункты несогласия Ильенкова с позицией Петрова; обвинения Ильенкова по адресу Петрова; позиция самого Ильенкова.

1.2.1. Понимание позиции оппонента

Петров пишет о распространенной иллюзии: субъект исчерпывается в объекте, а человек и его мышление доступно изучению обычными методами науки. Ильенков полагает, что диалектикой можно постичь все⁵⁶. Петров считал схему «если-то» универсальной схемой научного знания. Ильенков - универсальной только для Сайенса и позитивистов⁵⁷. Петров со ссылкой на Д.Максвелла описывает смысл «черного ящика». Ильенков в ответ: «Сайенс, а не наука в смысле Гегеля и Маркса»⁵⁸. Петров пишет, что при осознании стабильности возможны две позиции: «Апологетика, когда наличное и сущее признаются тождественными, и позитивная крити-

⁵⁴ Там же, с.146

⁵⁵ Неретина С.С. Приглашение к разговору // Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М., РОССПЭН, 1995, с.9

⁵⁶ См.: Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М., РОССПЭН, 1995, с.43.

⁵⁷ Там же, с.44

⁵⁸ Там же, с.45

ка, когда между наличным и лучшим фиксируется разлад, который можно преодолеть методом перекомпоновки наличных элементов в новую систему, причем относительно нее априорно постулируется, что она будет такой же стабильной, вечной и неизменной, как и «плохая» конечная. Античность почти целиком укладывается в апологетику наличного»⁵⁹. Ильенков резонирует: «Все это я понимаю так: рационализм (под названием «европейского способа мысли») взят с самого начала в его уродливо-однобокой форме – в форме догматизма, и вся рационалистическая линия освещается карикатурно – через те непреодоленные моменты иррационализма, которые в нем сохранялись. А тогда иррационализм выступает соответственно как полюс этого – «европейского» = способа мыслить, т.е. со стороны одних плюсов, де неусвоенных всеми аристотелями и гегелями... Отчего и все беды»⁶⁰.

Петров пишет: «...когда мы говорим о «божественном» навыке творения мира и об усвоении этого навыка человеком, то обращаться с этой задачей к науке – напрасный труд, она человеком не занимается»⁶¹. Ильенков отвечает: «К какой науке – к английской «сайенс»? К естественным? Каким «человеком»? Индивидуумом? Или человеком в смысле Маркса? В последнем случае это не верно. Везде у тебя перед глазами англосаксонская «сайенс», которую ты отождествил с «европейским способом мысли». А разве это так?»⁶². Петров пишет: путь, который Англия прошла за 300 лет, США за 150, Япония за 70, СССР прошел за 30-35 лет. Если средний темп удвоения объема научной деятельности составлял в Западной Европе 15 лет, в США – 10, то в СССР параметры науки удваиваются каждые 7-8 лет. Ильенков отвечает: «Я б даже ямбом подсюсюкнул, чтоб только быть приятней Вам»...? Не надо бы подсюсюкивать, Миша»⁶³.

Петров пишет, что период полураспада способности к цитированию колеблется в разных дисциплинах: «Наименьшие значения зафиксированы в «горячих» дисциплинах вроде физики твердого тела или элементарных частиц, где связаны большие объемы научной деятельности, а наибольшие значения характерны для «холод-

⁵⁹ Там же, с.79

⁶⁰ Там же

⁶¹ Там же, с.97

⁶² Там же

⁶³ Там же

ных» дисциплин вроде географии»⁶⁴. Ильенков настороже: «не окажется ли тут Библия самым «ценным» научным трактатом в области социального «сайенса»?»⁶⁵. Петров о концепции Ильенкова замечает: «Здесь философ отрыл «науку для философии», а также и то, что открытие это решительно философу не нравится. Почему?»⁶⁶. Ильенков отвечает: «По очень простой причине. Потому, что это «поветрие» отражает буржуазную научность, «Сайенс», и есть добровольное служение этой тенденции. Той самой, которая тебе кажется естественным статусом «науки вообще»⁶⁷.

1.2.2. Пункты несогласия

Петров исходит из различия западной и русской критики действительности. На Западе основной мишенью критики была и остается наука как главная причина отчуждения, омертвления, механизации и овеществления человеческих отношений. В России главная мишень – административный порядок и воплощающие его люди⁶⁸. Ильенков не согласен с этим различием, усматривая в нем византийщину, идею Третьего Рима, низкопоклонство перед Западом, русскую душу и т.п. Петров предлагает различать творчество и репродукцию. Примат дела над словом привел к идее тождества субъекта и объекта. В результате творчество оказалось за пределами предмета философии, а репродукция стала эквивалентом категории бытия. Ильенков исходит из концепции тождества, понимая субъект как тело среди других тел. Главный аргумент Ильенкова – его собственная интерпретация линии Спинозы – Фихте – Гегеля – Фейербаха – Маркса⁶⁹. Петров считал, что канон науки исключает человека. Ильенков называет это вздором и считает главной причиной исключения капризы воли и сознания человека⁷⁰. Петров считал запрет противоречия одной из движущих сил европейского мышления. Ильенков с этим несогласен, называя разные объяснения одного и того же явления «базаром необязательных житейских мнений»⁷¹.

⁶⁴ Там же, с.145

⁶⁵ Там же

⁶⁶ Там же, с.163

⁶⁷ Там же

⁶⁸ См.: там же, с.24-25

⁶⁹ Там же, с.42

⁷⁰ Там же, с.47

⁷¹ Там же, с.53

Ильенков отвергал также следующие положения Петрова: частичность человека - универсальный феномен от античности до наших дней; в античности не было свободы; христианство – наиболее развитая и последовательная форма античного атеизма; репродукция - враг творчества и античеловеческий феномен; научная и историческая картина мира есть апологетика настоящего; мгновенная оценка теоретической ценности любого вклада в науку невозможна; европейский способ мысли включает представление о верховном авторитете; суть человека – отрицание репродукции; гармония прав и обязанностей личности и общества есть принцип совпадения личного и должного⁷².

1.2.3. Обвинения

В отношении концепции Петрова Ильенков выдвигал следующие обвинения: модернизация в духе экзистенциализма, эклектизм, анархизм, революционаризм Бакунинско-Ткачевского толка, отождествление европейского способа мысли с идеализмом, недостаток положительных результатов европеизма и буржуазной культуры, анархистски-пиратское отрицание буржуанности, активизм пиратского толка и дьвольщина, отрицание стабильности и в то же время описание реальной тенденции буржуазной культуры⁷³.

1.2.4. Убеждения прокурора

Позиция самого Ильенкова сводится к положениям: конфликт науки и искусства подобен религии и кризисам как естественный продукт буржуазного общества; без репродукции немислима любая целостность; существует тождество между мерой объективной культуры и силы – чем более культурно общество, тем оно сильнее; творчество есть деятельность по широкому и разностороннему воспроизводству; революции происходят не для разрушения форм репродукции, а для обеспечения более рациональной организации их исторически унаследованных форм, для спасения, а не разрушения культуры; авторы Библии – переводчики божественной мудрости на человеческий язык, поскольку стремились критически усвоить (а не ломать) унаследованную культуру; права личности – буржуазная выдумка; личность обязана доказать свое право на признание;

⁷² Там же, с.55,57,76,104,142,144,62,82,125

⁷³ Там же, с.57,64,75,87,100,109,127,155

главное доказательство - спасение системы репродукции от возникновения кризиса; авторитет Спинозы и Гегеля используется для опровержения концепции оппонента; проблемы социальной науки должны выражаться в языке Маркса; рынок – это анархия частных интересов; суть марксизма – имманентное противоречие конкретно-исторической системы форм репродукции материальной и духовной жизни людей; творчество без репродукции – фраза, звук, пустой миф; воспроизводство и репродукция тождественны; революция есть разумное отрицание, а его собственная (Ильенкова) концепция есть «теоретически продуманный коммунизм»⁷⁴.

Из всего этого вытекает общая оценка Ильенковым концепции Петрова: «Вертелся, вертелся, а ко Христу опять пришел. Зачем же было так долго вращаться, чтобы в итоге повернуться на 360 градусов?.. Нет, Миша, твой дуализм – это только двубожие («Сайенс» - один, а «Человек» - Яркая индивидуальность и т.п. – другой боженька, интерес коего полномочно представляет «искусство» = мифология), которое ничуть не лучше единобожия (Гегелевского или римско-католического). А единственно возможная альтернатива всем боженькам был и остается монизм. Атеизм Спинозы-Фейербаха-Маркса-Ленина, согласно коему человек есть часть природы, особенность коей в том, что это высший продукт природы (бытия), а не извне приходящий в нее «дух», «личность», «я» и т.п. Здесь наши с тобой принципиальные разногласия. Застрял ты на Канте, на дуализме «Сайенса» и «человечности». Видишь, что это вещи разные – и все. А как противоположности внутри единства – не видишь. Ибо единства этого не видишь, внутри коего они возникли, и внутри коего они только и могут быть разрешены: исторически-конкретного бытия человека»⁷⁵.

Итак, европейский способ мысли в изложении Петрова Ильенков трактует как буржуазный⁷⁶, считает понятие науки у Петрова разновидностью буржуазной science, отождествляемой с европейским способом мысли. В целом Ильенков понимал концепцию Петрова так: человек = своеволие = бунт = рационализм. Одновременно он приписывал Петрову идеологическое прислужничество советской власти («подсюсюкивание»), поскольку в период написа-

⁷⁴ Там же, с.23,48,67,70,82,83,86,89,93,100,103,109,113,161,169

⁷⁵ Там же, с.176

⁷⁶ См.: там же, с.69, 70, 99

ния книги очередной съезд КПСС записал в своих резолюциях необходимость опоры на научно-технический прогресс.

Кто же был прав в этом споре? Для разрешения спора между Петровым и Ильенковым надо занимать определенную позицию по каждой из перечисленных проблем. И каждая из них не имеет однозначных решений. Такова суть любого философского спора. У кого было больше свойств русского ума – у Петрова или Ильенкова – тоже трудно понять, поскольку критерии русского ума сформулированы Павловым в отношении массового русского ума, а не ума русских ученых и философов. Поэтому я согласен с С.С.Неретиной, что в состав такого ума входит «...интеллектуальное напряжение, доходившее до срыва горла»⁷⁷. Действительно, Ильенков обвинял Петрова в скрытой религиозности, одновременно полагая спасение системы воспроизводства от разрушения новым делом Христа. Было ли это простой оговоркой?

1.3. Взбесившиеся знаки и практикующие гегельянцы

«Срыв горла», о котором пишет Неретина, охватывает все рассмотренные пункты расхождения взглядов Ильенкова и Петрова. Петров отмечал, что любая философия, включающая кроме человека и природы «взбесившиеся знаки» вроде Бога, Истории, Логики, Закона и ставящие их над человеком, неизбежно уходит в область теологии⁷⁸. Но ведь вся история мысли сводится к рефлексии об этих «взбесившихся знаках». Они входят в структуру философского мышления. Присутствуют и в споре между Петровым и Ильенковым. Значит, спор до сих пор не потерял остроты: «Истина ничего не пробивает собственными силами, - писал Петров, - их у нее нет, нужны люди, чтобы пробить дорогу истине, а это удастся не всем и далеко не всегда»⁷⁹. Высказанные Ильенковым и Петровым точки зрения незримо присутствуют и в нынешних дискуссиях. Не следует ли в таком случае согласиться с моралью песни «Две дороги – та и эта»? Какая из них была «прекрасной, но напрасной»? Пробил ли спор дорогу истине?

В отличие от Ильенкова Петров отрицательно относился к системе Гегеля. Здесь он не был оригинален – во всех советских учеб-

⁷⁷ Неретина С.С. Михаил Константинович Петров. Жизнь и творчество. М., УРСС, 1999, с.51

⁷⁸ Петров М.К. Историко-философские исследования. М., РОССПЭН, 1996, с.348

⁷⁹ Петров М.К. Указ.соч., с.364

никах по философии сообщалось, что система Гегеля есть объективный идеализм – некая второсортная философия по сравнению с диалектическим материализмом. Но Петров отвергал также диалектический метод Гегеля, что противоречило оценкам Маркса и Энгельса. Данный аспект наследства Петрова не изучен. Сделаю предварительную реконструкцию идей Петрова, относящихся к этой теме.

В 1970-76 гг. Петров написал три статьи, ни одна из которых не была опубликована при его жизни. В этих статьях он анализировал три крупных проблемы: влияние диалектики Гегеля на современную науку и научную политику, на социальную ответственность индивидов и на гносеологический кризис современности. Общее резюме Михаила Константиновича в отношении данных проблем звучит так: любые варианты гегельянства создают проблему фетишизма.

Но весьма показательно то, что Петров высказывал такую оценку Гегеля при анализе предельно конкретной и острой проблемы взаимосвязи между научно-техническим прогрессом и существованием государств⁸⁰. Действительно, авторитет науки падал по мере ее связи с государственной политикой на протяжении всего XX века. И это несмотря на то, что все важнейшие приложения науки произошли именно в XX веке. Число государств за это же время увеличилось в четыре раза. Каждый читатель может сделать свой вывод и выбор в отношении актуальности данного фрагмента наследства Петрова. Включая ситуацию, в которой находится российская наука на протяжении последней четверти века.

Петров определял систему Гегеля как философию для школьников и студентов, как основанный на теоретическом отчуждении знаковый фетишизм (в виде Нравственного прогресса, Абсолютного духа, Колеса Истории, Логики). Гегель постоянно толкает к стеллажу истории. Но его ссылки на вовремя приходящую истину бессмысленны. Истина никогда не приходит вовремя, всегда опаздывает, даже научное сообщество к ней не готово. Всеобщий разум у Гегеля превращается в воинствующего цензора и помеху новым истинам. У Гегеля разум посажен в «саморазвивающуюся клетку» тождества объективного и нравственного. Система Гегеля является теологической.

⁸⁰ См.: Петров М.К. Указ.соч., с.371-379

Проблему движения от незнания к знанию философия Нового времени получила в наследство от теологии. История духа – это процесс выявления мудрости божьей через познающую деятельность духовных, богодухновенных, осененных благодатью духа святого служителей церкви. Но метафора «научного поступательного движения» постоянно встречается и в современных исследованиях по науковедению, лингвистике, информатике, документалистике. Она некритически заимствована у Гегеля и потому непродуктивна, как и все абстракции.

По мнению Петрова, преэмптенность можно понимать активно-телеологически и пассивно-инерционно. В первом случае предполагается, что данное состояние системы научного знания целиком определяет будущие состояния системы в соответствии с началом или имманентной целью. Феномен «научного поступательного движения» у Гегеля можно объяснить только в рамках пассивно-инерционной интерпретации преэмптенности. «Научное поступательное движение» реализуется в научной политике государства, в которой наука выступает основным объектом административных, организационных и обеспечивающих усилий для стимулирования ее развития.

Кроме того, тексты Гегеля выполняют роль эзотерического языка философского сообщества⁸¹. Петров описал следующие недостатки данного языка: вьедливость понятий, отбрасывание всех содержательных негаций, агрессивность; на гегелевском языке невозможно ставить и решать таймированные социальные проблемы; этот язык пренебрегает конечным, смертным, единичным существованием и его пространственно-временными определениями; способствует «развалу вселенной»; все направляет вниз, в абстрактную пустоту начала; содержит вселенскую лень, переносит ее на общество, логику и историю; превращает парадигмы естественных наук и наличные знаковые системы в абсолюты и фетиши; отождествляет философскую, теологическую и научно-дисциплинарную вечность, которая пылится на книжных полках.

Петров считал современных ученых *практикующими гегельянами*, которые: не любят говорить о глубине дисциплинарных вечностей, времени их начала и конца; веруют во всеисилие научного метода; в модельно-математическом фанатизме сближаются с ло-

⁸¹ См.: Петров М.К. Указ. соч., с.380-403

гико-субстанциальным фанатизмом Гегеля; видят в естественно-научных дисциплинах идеал научности и конечную цель познания; слепо копируют образцы глубоководной исследовательской техники на мелях социологии, лингвистики, психологии. Это вызывает гносеологические кризисы.

Петров считал, что в центре современного кризиса находятся проблемы природы социальности и глубины дисциплинарной вечности социальных наук.

Проблема природы социальности состоит в альтернативе:

1. Социальные институты признаются божественными или естественными. Это ведет к отождествлению познавательных позиций в естественных и общественных науках. В результате человек освобождается от ответственности за состав, способ функционирования, свойства, изменения социальных институтов (по аналогии с законами природы и физиологии).

2. Социальные институты не признаются естественными или божественными, что предполагает активное вмешательство в их деятельность: «В этом случае человек ответственен за социальность ровно настолько, насколько к ней приложима ... позиция активного вмешательства»⁸².

Выбор одного из членов альтернативы принадлежит живущему поколению людей. Оно выступает в нескольких ролях: уподобляется предшествующему поколению в процессах воспитания; выступает наследником созданной предшественниками «суммы обстоятельств»; критически оценивает наследство; ищет пути к его изменению в соответствии с собственными представлениями о должном; формирует будущее поколение по собственному образу и подобию. Поэтому определение знаковых структур должно учитывать поколенческую проблематику гносеологии.

Проблема глубины дисциплинарной вечности в общественных науках возникает в контексте *противоречия* между наукой и политикой, научной и административной процедурами принятия решений, линейным и нелинейным мышлением. Для социальных наук не имеет силы концепт фундаментального знания. Если это не учитывается, социальные науки эманцируют социальную инерцию.

Для аргументации этого принципиального вывода Петров описал специфику линейного и нелинейного мышления, три фазы «на-

⁸² Там же, с.395

стоящего-будущего», различия познавательных установок представителей линейного и нелинейного мышления. Всю эту проблематику он рассматривал в контексте общего вопроса: отличается ли предвидение в области социальных явлений от предвидения в области природных феноменов? На вопрос возможны два ответа:

1. В духе линейного мышления, которое может принимать форму естественнонаучного или гегелевского истолкования социальности. В этом случае предполагается, что мы мало знаем о социальных явлениях и о законах развития общества. Если бы знали, то могли бы предвидеть социальное будущее с такой же точностью, как в естественных науках предвидят поведение природных объектов. В результате социальные науки стоят на песке: их предмет редуцируется до библейских абстракций-констатаций (типа «всяк живущий да яст»), любые прогнозы и планы эманципируют социальную инерцию и препятствуют решению таймированных проблем.

2. Нелинейное мышление базируется на посылке: инерционные и обновляющие моменты в социальных явлениях нельзя интерпретировать в естественно-научных терминах (инерция, репродуктивность) и случая (отклонение, обновление). В этом случае главные усилия должны направляться не на поиск фундаментального знания, а на оперативное информационное обеспечение процесса выработки решения по таймированной проблематике.

Различие между линейным и нелинейным мышлением Петров иллюстрировал примерами. В XX веке сложились определенные тенденции роста национального дохода, численности населения и ученых, долголетия, расходов на науку, лага подготовки научных кадров, лага публикации. Если прогнозировать «лик будущего» по этим переменным, то уже в начале XXI века начнется плотная область *абсурдных событий*. Например, к 2020 г. на науку пришлось бы тратить более двух третей национального дохода, число ученых превысило бы численность населения, а численность студентов на порядок бы превышала численность ученых, лаги подготовки научных кадров и публикации превысили бы средние значения долголетия, «...то есть всем пришлось бы заниматься тем, чем никому не дано было бы заниматься на этом свете»⁸³. В том же году численность любого среднего города превысит численность населения страны, все города по концентрации выхлопных газов превратятся

⁸³ Там же, с.399

в душегубки, автомашин будет больше, чем людей, а ездить они будут на выжженном в предыдущем десятилетии бензине.

В соответствии с этими послылками Петров разработал концепт «настоящего-будущего», в состав которого входят:

Мертвая зона социальной инерции охватывает 5-20 лет от любого пространственно-временного параметра. В этот период пространства-времени человек бессилён что-либо изменить в течении событий. Зона социального творчества связана с реализацией принятых сегодня решений. В этой зоне идет постоянная борьба между квазиинформацией (порождаемой опытом, естественными науками и всеми формами фетишизма) и релевантной информацией, которая не существует сегодня, но появится в конце мертвой зоны. Эту информацию невозможно включить в процесс теоретической и информационной подготовки решений из-за ее отсутствия. Зона конечных целей – нынешних абсолютизированных представлений о благе, лучшем из возможных миров и оптимуме. Это зона абсолютов, основанных на изучении наиболее устойчивых свойств человеческой природы и условий их социальной реализации.

Различия познавательных установок линейным и нелинейным мышлением сводятся к трем пунктам:

Линейное мышление понимает социальную систему как вариант естественной и сводит различия между естественными и социальными объектами к степени сложности. Согласно такой установке, ученый должен открывать фундаментальное знание, а не поднимать руку на реальность. Нелинейное мышление отбрасывает любой социальный презентизм, видит в любых социальных системах человеческое творение, которое можно изменить и переделать усилиями человека, рассматривает общество с точки зрения наследника, а не ученого-естественника.

Линейное мышление базируется на социальной инерции и сводит предвидение к логической процедуре вывода будущих состояний системы из наличного состояния. Нелинейное мышление занято поиском эвристического смысла выхода на таймированные проблемы и оценки меры их таймированности.

Линейное мышление при описании социальной системы исключает каузальность, опирается на некоторый набор переменных и на тенденции как историю значений этих переменных. Нелиней-

ное мышление описывает социальную систему как точку отталкивания и объект сознательной перестройки.

Система и метод Гегеля, а также естественнонаучный подход к реальности являются гносеологическими опорами линейного мышления и потому создают еще одну таймированную проблему. Петров отмечал также, что вечности существуют в виде сакрализованного пространства, времени, массы, стоимости, монотонность которых позволяет выкраивать из них универсальные системы единиц и соответствующие шкалы измерений. Общий смысл процедуры перевода нового в наличное всегда один и тот же: новое опосредуется смыслом наличного, получает смысл и переходит в наличное, а наличное модифицируется⁸⁴.

Общий вывод Петрова однозначен: система Гегеля и естественнонаучное восприятие социальной реальности блокирует любые революционные изменения; в рамках учения Гегеля и естественнонаучного подхода к обществу проблемы социальной ответственности не существует. Этой установке он противопоставляет три основных тезиса: социальная ответственность реализуется в актах революционной практики; срыв любой преемственности есть монополия живущего поколения людей; социальная система есть точка отталкивания и объект сознательной перестройки.

Кредо Петрова звучит так: вне революционной практики социальная ответственность невозможна; все поколения обязаны рвать любую преемственность; все социальные системы есть объект критики и перестройки.

1.4. Ловцы душ и рабочая гипотеза

Позиция Петрова в оценке Гегеля противоречила гегельянскому тренду в советской философии, который сохранился до сих пор. Приведу несколько примеров.

С.Н.Корсаков считает, что А.М.Деборин *правильно* понимал метод материалистической диалектики и точно квалифицировал взгляды «механистов» как позитивистские. Из этой посылки Корсаков выводит следствие: задачи соратников А.М.Деборина в 1920-е гг. и задачи анализа диалектики «Капитала» 1950-х-1960-х гг. в трудах А.А.Зиновьева, Э.В.Ильенкова, В.А.Вазюлина были *аналогичны*: «Исследования диалектики «Капитала» 1950-1960-х годов

⁸⁴ См.: там же, с.404-413

были наиболее ярким проявлением трудного возрождения творческой философской мысли и стали своеобразным советским вариантом неомарксизма. Во многом они были новаторскими по сравнению с западными аналогами. Но документы показывают, что ренессанс творческого диалектического марксизма мог состояться на отечественной почве значительно раньше. Соратники А.М.Деборина были людьми убежденными, теоретически подготовленными и талантливыми. Все это могло бы состояться, если бы процесс не был насильственно прерван, а философы физически уничтожены»⁸⁵.

Если принять такой способ рассуждения, то предположительное возрождение творческого марксизма в СССР (за которое ратовали многие официальные советские философы) связывается *только* с определенной интерпретацией философии Гегеля, против которой как раз резко выступал Петров. Значит, следует признать, что гегельянское движение 1950-1960-х гг. не было оригинальным (поскольку оно заимствовало идеи у советских философов 1920-х гг.). Это может быть также косвенным доказательством иного понимания философии Маркса, которое предлагал Петров, отвергая его гегелевскую интерпретацию.

Одновременно Корсаков приводит ценный эмпирический материал, позволяющий продвинуться в ином толковании гегелевской диалектики. Группа «диалектиков» под руководством Деборина в 1920-е гг. готовила для ЦК ВКП(б) обзоры о положении в философии в СССР. На проверенных марксистов возлагалась обязанность отслеживать «идеологические диверсии» в Советском Союзе. Но у Деборина и его соратников был свой интерес, связанный не только с борьбой против идеалистов, но и против тех, кто иначе, чем они, понимали марксизм⁸⁶. По форме обзоры были информацией, а по сути - попыткой использовать политические рычаги в борьбе с оппонентами. Все это привело к тому, что в советской философии «...форма сольется с сутью и журнальную статью, докладную за-

⁸⁵ Корсаков С.Н. Становление Института философии и судьбы философов при сталинском режиме // Наш философский дом. К 80-летию Института философии РАН. Ред. Гусейнов А.А. и др. М., Прогресс-Традиция, 2009, с.107

⁸⁶ «В посылаемых в ЦК ВКП(б) обзорах философских дискуссий можно было представить своих философских противников-марксистов как ревизионистов, которые должны быть разгромлены не только идейно, но и организационно». Корсаков С.Н. Указ.соч., с.112

писку и донос в НКВД будет уже невозможно отличить друг от друга»⁸⁷.

Иначе говоря, руководство СССР и группа диалектиков Деборина стремились к полному идеологическому контролю за философской продукцией. Эти бюрократические документы были инструментом философской борьбы. Отсюда вытекает вопрос, который я хотел бы задать последователям и исследователям Ильенкова: нельзя ли квалифицировать его маргиналии на рукописи Петрова как отдаленное следствие интериоризованного идеологического контроля, в котором автор маргиналий не отдавал себе отчета?

При этом надо учитывать, что гегельянское толкование марксизма не индифферентно к стремлению запрячь философию в государственную телегу. Г.С.Батыгин и И.Ф.Девятко показали, что советская философия – это «интеллектуально-идеологический монстр» - «советское инобытие Идеи», если использовать гегелевский жаргон⁸⁸. Ее основным вопросом было не отношение мышления к бытию (как писали в учебниках по философии), а вопрос о власти. В Академии наук СССР философское отделение всегда воспринималось как политотдел, которого боялись специалисты. Среди московских обществоведов шла тихая, но безжалостная война за доступ к власти в философии. В университетских городах тоже были свои «главные философы», в том числе в Ростове. В мае 1944 г. история русской философии превратилась в идеологически опекаемую и политически ангажированную область науки. Это запустило механизмы размывания структуры и этоса академической науки, которые проявились в экономической, философской, биологической и исторической «дискуссиях». Молодые искатели карьеры в философии переместились в область исследований, обеспеченную политической и идеологической поддержкой. К тому времени обычный (т.е., длительный) цикл академической социализации уже был разрушен. Вертикальная мобильность резко возросла. Такая ситуация сложилась в результате «выбывания» специалистов после систематических чисток и разоблачений.

В советской философии под дискуссиями понимался обмен обвинениями, отражающий столкновение борющихся группировок. Советская «разумная действительность» была представлена диамат-

⁸⁷ Там же, с.113

⁸⁸ Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Трудные послевоенные годы // Указ. соч., с.196

том красных профессоров (вроде М.Б.Митина). После философского погрома 1930 г. и послевоенных дискуссий определился исход конфликта между советскими «умниками» и «идеологами» - в очередной раз победила глупость: «Умники» как будто существуют только для того, чтобы быть битыми. Может быть, в этом проявляется русская самобытность?..»⁸⁹.

Следует ли отсюда, что русский ум может существовать и в сфере философии? А.Н.Дмитриев подчеркивает, что в России на рубеже XX-XXI вв. опять возрос спрос на марксизм в пределах отечественного интеллектуального рынка⁹⁰. Поэтому Дмитриев разработал аппарат для анализа философской самобытности в ее советской форме. Центром внимания Дмитриева является круг интеллектуалов от Г.Лукача и К.Корша до создателей «критической теории», объединенных вокруг Франкфуртского института социальных исследований. Все они были последователями диалектики Гегеля.

В итоге анализа Дмитриев приходит к выводу: в XX в. не существовало ни единого («аутентичного») марксизма, ни его «превращений» и «перетолкований». Этот вывод он подтверждает анализом мысли и деятельности выдающегося революционного гегельянца Г.Лукача. Однако при оценке гегелевской диалектики следует поразмыслить над фактом: даже выдающиеся гегельянцы (типа Лукача) «примирились с действительностью» сталинского социализма в СССР. Характерное свойство гегельянцев - переплетение философского и критического анализа высочайшего типа с грубейшим преклонением перед меняющимися распоряжениями высшего уровня партийной бюрократии: «Лукач возвел на высочайший уровень теорию всемогущего ЦК»⁹¹. Следовательно, революционная мысль под влиянием последствий русских революций превратилась в реакционную или консервативную.

С.Земляной тоже проводит параллель между ситуацией в советской философии в 1920-е гг. и движением возрождения диалектики 1950-60-х гг. на основе нового прочтения «Капитала». Он полагает, что в статьях Э.Ильенкова «Идеальное» и «Превращенная

⁸⁹ Там же, с.231

⁹⁰ См.: Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа 1920-1930-е гг. СПб, Изд. Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; М., Летний сад, 2004, с.492

⁹¹ Дмитриев А.Н. Указ.соч., с.212

форма» М.Мамардашвили в советской «Философской энциклопедии» воспроизведены точки зрения Лукача и Корша. С.Земляной считает историю марксизма в XX веке историей упущенных возможностей. Одной из них является игнорирование достижений гегельянца Лукача в книге «История и классовое сознание». С.Земляной понимает диалектику как теорию тотальностей, как развитие идей антропологизма и отчуждения в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркса. С.Земляной считает Лукача гениальным марксистским теоретиком XX века, основоположником «неомарксизма». По его мнению, идеи Лукача стали опять актуальными. Россия не пережила бум популярности работы молодого Лукача «История и классовое сознание», характерный для развитых стран в 1960-70-е гг. Поэтому С.Земляной предлагает рассматривать книгу Лукача в контексте современной ситуации в России, отталкиваясь от факта: в российском политическом пространстве отсутствует левое измерение: «Только потому, что Маркс последовал ложному примеру Гегеля, - пишет Земляной, - и исключил этическое измерение из своей концепции практики или, точнее говоря, «снял» этику в своем понимании практики, это имманентное противоречие марксизма не было замечено его интерпретаторами. Лукач в своих текстах предлагает захватывающей чередой несколько способов разрешения данного противоречия: посредством распространения на практику критериев этически безукоризненного поступка индивида; путем совмещения в философско-исторической перспективе политически правильной тактики и этически безупречной этики революционной деятельности; посредством выдвижения такой трактовки переходного периода от капитализма к социализму, которая предусматривает совмещение свободы с необходимостью в классовой морали класса-мессии, спасителя человечества и превращение свободы в движущую силу развития ассоциированного человечества, то есть – «власть морали над институтами и экономикой, над государством и рынком»⁹².

С.Земляной считает, что в марксизме существует коренное противоречие между политикой и этикой. Для разрешения этого противоречия Земляной предлагает соединить марксизм с вебери-

⁹² См.: Земляной С. История, сознание, диалектика. Философско-политическая мысль молодого Лукача в контекстах XXI века // Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. Пер. с нем. / Перевод, предисловие С.Н.Земляного. М., Логос-Альтера, 2003, с.7-69

анством на основе идей Лукача. По его мнению, в состав «веберовского марксизма» входят определенные источники (прежде всего «История и классовое сознание» Лукача), а также позиции Вебера в области методологии, теории общества, теории истории, критики культуры. Генеральная идея Вебера о рационализации как основополагающей черты западной цивилизации связана с проблемой овеществления, которая определяет композицию «Истории и классового сознания».

Здесь надо напомнить, что мысль о противоречии между политикой и этикой в марксизме была высказана более сотни лет назад, но ни к каким особым теоретическим достижениям не привела. Эта проблема была поставлена уже Макиавелли, присуща всей европейской цивилизации, и марксизм никакого приоритета в ее решении не имеет⁹³. Одновременно надо учесть, что Петров резко критиковал любые варианты рационализации, рассматривая их как вырождение творчества. Значит, оценка Гегеля Петровым остается актуальной для критики гегелевской интерпретации философии Маркса. Однако Петров выбивается из общей тенденции послевоенной советской философии. Он никогда не стремился превратить философию в средство карьеры, к идеологической опеке над философией и ее политической ангажированности относился отрицательно.

Свое отношение к линии Гегеля-Маркса я излагал многократно – при обсуждении проблем различия между гегелевским и марксовым подходом к государству и бюрократии, философии истории и русской власти, аналитической политической философии, и здесь не буду повторяться. Отмечу только, что все предметы спора и позиции в нем, по сути, остались неизменными в современной российской философско-исторической мысли. Замена монизма дуализмом, а формационной парадигмы цивилизационными концепциями ничего не изменила⁹⁴. Значит, концепция Петрова остается важным средством для возврата к этой проблеме, поскольку Петров отвергал любые «решенные вопросы».

Еще раз напомню выводы Петрова. Все варианты гегельянства создают проблему фетишизма. Анализ любых вариантов практиче-

⁹³ См.: Берлин И. Оригинальность Макиавелли // Человек. 2001, № 3-5

⁹⁴ См., например: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т.1-3. М., 1992; Следзевский И.В. Эвристические возможности и пределы цивилизационного подхода // Цивилизации. Вып.4, М., 1997; Зверева Г. «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России: дискурсивный анализ публикаций последних лет // Новое литературное обозрение. 2003, № 1/59

ского воплощения гегельянства является предпосылкой критического отношения к естественнонаучному подходу к действительности, а также к государственной политике в области науки. Общественные науки возникают в контексте противоречия между наукой и политикой, научной и административной процедурами принятия решений, но не в состоянии разрешить это противоречие. Поэтому анализ любых вариантов практического воплощения гегельянства, включая знаковые (и родственных ему методологических ориентаций) является предпосылкой критического отношения к государственной политике в области науки. И наоборот: анализ государственной политики в области науки является эмпирическим материалом для опровержения системы и метода Гегеля.

Иначе говоря, философия Гегеля остается актуальной как оселок, на котором можно точить критическую бритву в отношении любых форм фетишизма. В этом смысле критика Гегеля Марксом, Петровым и другими мыслителями остается актуальной, поскольку в современной России есть сторонники Гегеля и неомарксизма⁹⁵. Наследство Петрова можно использовать как для критики Гегеля, так и всей гегелевской традиции, включая ее автохтонное, советское и постсоветское воплощение (я имею в виду взгляды И.А.Ильина, А.Кожева и иных модных нынешних философов-гегельянцев).

Таковы общие теоретические посылки моей рабочей гипотезы. Теперь приведу личное воспоминание. Из лекций Петрова навсегда запомнил его ответ на один из моих вопросов: если вы опираетесь на факты, то факт должен быть, как глыба. Глыбой может служить факт: гегельянец Лукач был связан с советской разведкой по линии Коминтерна, выполняя при этом роль «ловца душ», а не разведчика или агента⁹⁶. Значит, ловля душ входит в состав не только религии, но и разведки. Здесь можно сослаться на полковника Лоуренса, который тоже ловил арабские души, учил их взрывному делу и партизанскому движению, хотя к гегельянству никакого отношения не имел. Я предлагаю рассматривать факт связи Лукача с советской разведкой на фоне свежих постсоветских констатаций.

⁹⁵ См., например: Мареев С.Н. Из истории советской философии: Лукач-Выготский-Ильенков. М.: Культурная революция, 2008

⁹⁶ См.: Дмитриев А.Н. Указ.соч., с.452

Вот бывший диссидент Г.Павловский в предисловии к книге Н.Н.Козловой пишет: «Советское попросту отделилось и освободилось от ностальгии по СССР. И вырисовывается сокровище советской цивилизации, которое предстоит оценить. Они здесь, ее чеканы и образцы уже не выскоблить из опыта будущего человечества... Советская проблема возобновляется как проект справедливого глобального руководства, основанного на знаниях. Советский Союз – общемировой клад социальных, государственных и экзистенциальных моделей... Всякая государственная система в России, какой бы та ни была, будет основана на советском фундаменте, и работать будет с вечной библиотекой советских национальных и культурных образцов»⁹⁷.

Такой ход мысли известен давно: «лучший из миров» расположен в своем хуторе (об этом будет идти речь в особой главе); а то, что было вчера, лучше того, что есть сегодня; поэтому СССР лучше России. Этот пример лишний раз свидетельствует о популярности линейного мышления, отвергаемого Петровым, и об актуальности идей Петрова (как любят писать диссертанты). Но почему бывший диссидент, а теперь - кремлевский политолог - написал предисловие к исследованию покойной Наташи Козловой? Как известно, диссиденты, а вслед за ними и большинство нынешних российских журналистов квалифицируют советских людей как Homo soveticus. Н.Н.Козлова с этой тенденцией не согласна. На основе анализа «Народного архива» (дневников простых советских людей) она описала ментальную карту типов советских людей:

Бессознательный нигилист после революции срывал иконы, потом поумнел - стал читать Библию. *Верноподданный офицер* после войны читал лекции на тему «Роль т.Сталина в организации ремонта бочек на фронте». *Профсоюзный деятель* с полностью атрофированной социальной памятью. *Председатель колхоза* – ярый сталинист. *Осведомитель НКВД* носил подмышкой «Диалектику природы» и «Капитал», чтобы производить впечатление на окружающих. Но текстов классиков марксизма так и не осилил. Под культурой понимал покупку костюма, мандолины и часов, чтобы «погулять с ними с форсом». *Тупоголовый партийный и профсоюзный работник*, который жил и мыслил в языке советских плакатов. *Простая женщина*, для которой письмо «наверх» и Отченаш вы-

⁹⁷ Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005, с.3-5

ступали в одной функции: как взывание к Богу. *Жертва режима* (жена заключенного, затем художница) стала элементом советского истеблишмента, клепала портреты советского великого кормчего как «самый ходовой товар». *Бывшие люди* (сложившиеся до 1917 г. деятели искусства - М.Булгаков, М.Горький, К.Чуковский, Л.Сейфулина, Б.Пильняк, П.Корин, Д.Шостакович, А.Толстой и пр.) – славили советскую власть за деньги, дачу, квартиру. *Молодежь периода «застоя»* превратила труд в абстрактную категорию, а досуг – в главное пространство общения. *Дети советской номенклатуры* - новые буржуа, писатели, художники⁹⁸.

Моя гипотеза будет чисто классификационной. Предлагаю воспользоваться учением о базисе и надстройке, который я вычитал из советских учебников по философии. Базисом пусть будут одиннадцать типов советских людей. Обращаю внимание: советские «чеканы и образцы» состоят преимущественно из малых и больших начальников, их бессловесных рабов и идеологической obsługi. В их состав входит осведомитель НКВД, который привлекает внимание людей книгами классиков марксизма. А надстройку обозначить типами советских философов по типологии Л.Столовича. В результате получим сеть для описания сорока четырех антропологических типов постсоветской философии. Во внешней политике СССР диалектик Лукач выступал «ловцом душ», а во внутренней политике ту же роль выполняли книги классиков марксизма, которые таскал с собой осведомитель НКВД.

Чтобы связать внутреннюю политику с внешней, послушаем выводы Н.Н.Козловой. Самое главное, считает она, эти люди готовы были все *простить* государству в любой момент: «И этот момент прощения, восстановления попорченной было чести (отмена раскулачивания, возвращение отобранных избирательных прав, получение паспорта, проскальзывание на рабфак и тем более в вуз) для многих, вероятно, был переломным моментом в жизни, после которого они, благодарные, начинали этому государству служить – конечно, с разной степенью истовости»⁹⁹.

Итак, новая ментальная карта типов советских людей, которую предложила Козлова, воплощает старую гегелевскую идею о *тождестве* государства и типов людей. Правда, Гегель ограничивал это

⁹⁸ Козлова Н.Н. Указ.соч., с.104, 217, 328, 360-361, 420

⁹⁹ Там же, с.486

тождество формами политического мышления, но они имеют свой социально-экономический аналог. По мнению прусского государственного философа, политическим умонастроение или патриотизмом обладают носители собственности и природной нравственности, т.е. земледельцы. Корпоративным духом обладают представители сословий (профессий), а государственным разумом чиновники. Все эти формы политического мышления образуют предпосылку «разумного государства». Поскольку советское государство распалось, можно ли его считать «разумным»? При любом ответе следует учитывать готовность сохранившихся типов советских людей и их наследников все простить государству.

Вдумаемся в этот вывод. Если человек незаслуженно нанес нам вред – мы используем необходимую оборону. И не только кровная месть, но и уголовный кодекс на нашей стороне. Если же нас обидели государевы люди – мы обязаны им прощать, а не привлекать к ответственности. Парадокс в том, - отмечает Н.Н.Козлова, - что советский модерн – это аппарат надзора и монополия государства на средства насилия. Социальные технологии повседневного сопротивления ведут к службе государству. В постсоветской России происходит постоянная регенерация таких стратегий¹⁰⁰.

Можно ли на основе этих фактов заключить, что диалектика может быть важным средством «уловления душ» в рамках шпионской профессии вне и внутри страны, а также регенерации советских типов людей, включая город Ростов-на-Дону? Таков один из конкретных вопросов, вытекающих из полемики между Ильенковым и Петровым.

¹⁰⁰ См.: Козлова Н.Н. Указ.соч., с.471-486

Глава 2.

Трижды Победоносцевы и кнут диалектики

Предпосылки для ответа на вопрос существуют как на ростовском, так и на глобальном уровнях. Поскольку я патриот Ростова-на-Дону, начну с ростовчан.

2.1. Мнения ростовчан

Недавно опубликованы записки выдающегося писателя-ростовчанина Виталия Семина. Его повесть «Семеро в одном доме» я прочел еще в армии и навсегда полюбил этого писателя. Сергей Чупринин (тоже выпускник Ростовского университета, а теперь главный редактор журнала «Знамя») в предисловии к запискам Виталия Семина пишет, что в советской провинции жилось гаже, чем в столице. Он имеет в виду Ростов-на-Дону, как раз в то время, когда здесь работал Петров. «Удушать таланты здесь умели так, что никто и предсмертного хрипа не услышит». Виталий Семин описал вонючую среду в Ростовской писательской организации, а также разбор персональных дел в партбюро КПСС Ростовского государственного университета. Попутно дал портрет Ю.А.Жданова – сына сталинского идеолога, зятя Сталина и многолетнего ректора Ростовского государственного университета. Характеристику известного советского философа Ю.А.Жданова еще более известным советским писателем Виталием Семиным воспроизведу целиком, поскольку она упущена в свежем переиздании книги С.А.Кислицина¹⁰¹.

«На Мечникова, 146 А, приходил Ю.А. Жданов. (Первые листы записей потеряны. – В.К.-С).

...И кажется. Он иногда старался понять там, где все остальные просто чувствуют. Отсутствие чувств, чувствительности сказывает-

¹⁰¹ См.: Кислицын С.А. Юрий Жданов: рядом со Сталиным, Шолоховым, Ильенковым... «В вечных скитаниях, вечных борениях...». Изд.2-е. испр. и доп. М.: Книжный дом «Либроком», 2013

ся и в его языке – машинном, который легко запрограммировать, железном, фразы которого монтируются по законам металлических конструкций. Говорил он не очень интересные вещи. Я иногда под-ремывал, подыгрывал ему, не очень слушая. Да-да, было у меня такое ощущение, что все это я давно уже читал, а если что-то и не читал, то это что-то легко строится по законам того же прочитанного. И потихоньку мне становилось неудобно за него – в нашей компании такие самоочевидные (самоочевидные для уровня эрудиции компании, а уровень этот ведь улавливается, должен быть уловлен и не очень знакомым, но равным человеком) вещи так долго и с таким апломбом никто бы себе не позволил говорить. В качестве справки на них бы сослались, если возникла бы необходимость сослаться. А он этого не чувствовал. Он говорил: Россия – страна мелкотоварных производителей, Сталин гениально отразил психологию этого мелкотоварного производителя со всеми ее противоречиями. Труд у нас, несмотря на его коллективную природу, еще частично разобщен. Работающий на этом заводе не знает, что делает рабочий другого завода, таким образом, существуют объективные обстоятельства, при которых консервируется, сохраняется психология мелкотоварного производителя. И т.д. О том, что наше планирование – объективная необходимость, но план – это категория субъективная и может лишь более или менее приближаться к объективной реальности; о том, что планирующий орган, возникший как общественная необходимость, как необходимость, вызванная этим обществом, затем отделяется, становится категорией в себе – так еще раз, после многих диалектических переходов опять возникает противоречие, сокрытое в самой основе, – производитель частично разобщен. Сталина и отца защищал. Не то чтобы доказывал, что они во всем правы. Но вдруг, когда говорили о Сталине, рассказывал такой анекдот. На заседании комиссии по присуждению сталинских премий Сталин спросил, где Фадеев. Фадеев был в запое. Сталин походил по комнате и осведомился, где заместитель Фадеева. Заместитель был вместе со своим начальником. Сталин опять походил и сказал: “Когда древний Рим клонился к упадку, сенаторы перестали ходить в сенат и все дела передоверили вольноотпущенникам”. И Ж. засмеялся: “Правда, хорошо?” – спросил он меня. А я представил, каково было “вольноотпущенникам”, которые выслушали эту сталинскую шутку. Судя по всему, это люби-

мый анекдот, Ж. рассказывает его уже, наверное, не меньше пятнадцати лет, но мысль о “вольнотпущенниках”, видимо, за эти пятнадцать лет ему не приходила ни разу, иначе он совсем по-другому бы рассказывал этот анекдот. И это основное качество его головы.

О Солженицыне он говорил со скрытым отвращением. О Мандельштаме сказал почему-то, что он был троцкист: “И это привело его к “сапогам”, а потом туда, где он и кончил”. Я сказал, что Мандельштам вряд ли был троцкистом, уклонистом и вообще “истом”. Мандельштам – поэт. “Да?” – сказал он без всякого интереса к судьбе Мандельштама и к тому, что кто-то, возможно, ошибся, что и привело Мандельштама к гибели. Но про “сапоги” Ж. помнил хорошо. И сейчас еще не прощал Мандельштаму такие стихи против Сталина.

Об Иване Денисовиче: “Это был дезертир. Тогда многие охотно наговаривали на себя, чтобы попасть в тюрьму и не идти на фронт. Это и есть Иван Денисович. Если хотите, Ивана Денисовича посадил сам Иван Денисович”. – “В каком смысле?” – “Представьте себе, что кто-то из героев вашей окраины выдвинулся, ему помогли, он стал у власти, и теперь в его руках сотни и тысячи жизней...” Л. сказал Ж.: “Все-таки при всей видимости правды, которая, несомненно, в этом есть, Ивана Денисовича посадил не Иван Денисович, а Иван Иванович З.”

Вот тут и возникает вопрос, что же все-таки такое – ум? Ж. – умный человек? Безусловно. Гегель, Кант, Фихте, Маркс – все это для него естественная среда, в которой он легко ориентируется. История, Идея, Противоречия, Диалектика – здесь он у себя дома. В этом доме только нет ни одного живого человека. Есть, конечно. Но это те люди, которые давно живут в этом доме. У них соответствующие квартирные условия, о жратве, именно о жратве в ее отнюдь не философских крупяных, макаронных проявлениях, они никогда не думают. Ибо это как раз те философы, у которых все есть, которым всего хватает. Иногда они интересуются людьми, которые находятся за порогом этого дома. Но поскольку мир из дома Идеи, Истории (во всех его противоречиях, разумеется, это тоже сюда входит) в общем-то логичен, прекрасен (диалектически, разумеется), то и люди за пределами дома кажутся уже не столько людьми, сколько логическими, историческими категориями, массой, массовидными материалистами и т.д. Если же они отвергают логику,

протестуют (стихийно, разумеется), то что же – тогда это просто неразумное Броуново движение, надо ввести его в русло. Полное отсутствие сочувствия к человеку. К маленькому человеку из плоти. Вот что это такое. Эти люди из дома Идеи охотно рассматривают все точки зрения. Одной точки зрения у них нет – той самой, которая идет от сочувствия, от кожного понимания, что такое бедность, труд, забота, тяжесть.

Было бы сказано не все, если бы не упомянуть, что Ж. иногда заискивал, смущался, хотел выглядеть демократом, шарахался, когда возникала опасность, что его объединят со Сталиным. Хихикал он иногда, и было жалко на него смотреть. Он не ожидал такого напора. Потом он читал стихи. Потом ушел. Встал с кресла и пошел. Человек очень маленького роста, в костюме изумительного материала, который никогда не найдешь в магазинах»¹⁰².

Записки Виталия Семина подталкивают к мысли: надо описать действие закона Жданова не только в сфере художественного творчества, но и в естествознании, философии и социальных науках; и не только в столице, но и в «южном, пыльном, базарном городе» (по характеристике Сергея Чуприна) Ростове-на-Дону, в котором прошла большая часть жизни Михаила Константиновича Петрова. Ю.А.Жданов принадлежал к советскому идеологическому аппарату. Поэтому стоит прислушаться к Виталию Семину в его характеристике Ю.А.Жданова как важной спице в советской идеологической машине. К тому же Ю.А.Жданов многократно заявлял и писал о себе как о гегельянце¹⁰³.

Писатель Виталий Семин определяет ум философа-диалектика Юрия Жданова как множество свойств: отсутствие чувств; машинный язык; повествование с апломбом о банальных вещах; квалификация речений Сталина как гениальных истин; использование анекдотов (историй из бюрократической рутины) для убеждения слушателей; негативное отношение к писателям и поэтам (А.И.Солженицыну и О.Э.Мандельштаму), репрессированным советской карательной машиной, а также к продуктам их творчества и героям их произведений; злопамятность под видом «идеологической чистоты»; дегуманизация трудов классиков истории мысли и

¹⁰² Семин В. Рабочие записки // Знамя. 2009, № 3 <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/3/se11.html>

¹⁰³ См.: Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов-на-Дону, изд.СКНЦ ВШ, «Феникс», 2004

философских категорий; пренебрежение к людям и бытовым условиям их жизни; стремление выглядеть «демократом».

Каждый может согласиться или не согласиться с этой характеристикой, дополнить ее или пожалеть плечами. Но вряд ли стоит отрицать значимость высказываний Сергея Чуприна, Виталия Семина и Юрия Жданова для извлечения банального следствия из работы Н.Н.Козловой: общие типы советских людей существовали и в Ростове-на-Дону, Ростовском государственном университете и среди коллег Петрова по философскому цеху.

Второй предпосылкой для ответа на вопрос является творчество Петрова. В 1960 г. Михаил Константинович написал повесть «Экзамен не состоялся» и послал ее в Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза, членом которой он состоял. Это сочинение стало поводом для его исключения из партии. В петрововедении обычно указанием на данный факт ограничиваются. С.С.Неретина рассказала о трудностях публикации повести в журналах «Знамя» и «Новый мир» даже «...в то время, когда еще не осмотрелись, не знали точно: можно ли? И оглядывались»¹⁰⁴. Впервые повесть была опубликована в журнале «Дон» в 1989 году с предисловием А.Стреляного. А в 2012 году републикована в журнале «Политическая концептология». В письме в редакцию Гали Дмитриевны Петрова сообщила, что в оригинале повести Михаил Константинович писал о духовной смерти партии, а не о «кризисе партии», как скорректировали редакторы журнала «Дон» в публикации 1989 г.¹⁰⁵.

Но дело не только в перепуганных редакторах. «Повесть М.К.Петрова, - пишут В.Н.Дубровин и Ю.Р.Тищенко, - полна смыслов и значений, содержание которых обнаруживается и раскрывается в зависимости от того, кто и когда это произведение читает»¹⁰⁶. Ю.Р.Тищенко проанализировал основные темы «контекста-истории» повести М.К.Петрова. Среди них Юрий Романович отмечает параллель между Русской православной церковью и российской коммунистической церковью. И приводит пример, как на пар-

¹⁰⁴ Неретина С.С. Приглашение к разговору // Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М., РОССПЭН, 1995, с.6

¹⁰⁵ См.: Петрова Г.Д. Письмо в редакцию <http://politconcept.sfedu.ru/2012.3/09.pdf>

¹⁰⁶ Дубровин В.Н., Тищенко Ю.Р. Модели науки и культуры в творчестве М.К.Петрова // Михаил Константинович Петров. Под ред.С.С.Неретиной. М.: РОССПЭН, 2010, с.35

тийном активе МГУ выступал секретарь ЦК КПСС и назвал марксизм «нашей религией»¹⁰⁷.

Систематическое исследование параллелей между РПЦ и российской коммунистической церковью осуществил О.Хархордин. В результате такого сходства возник ряд непредвиденных следствий советского государства: становление массового лицемерия - культивирование публичной лояльности принятому образу жизни взамен действительной сознательности; участие в ритуалах советского государства, подавляющего политические свободы, давало все больше социальных свобод, гарантирующих потребление и преуспевание взамен свободы совести; это способствовало преобразованию подвластных партийно-хозяйственному активу предприятий в частную лавочку¹⁰⁸.

Но меня сейчас интересует другой вопрос: каков был социологически конкретный ментальный контекст написания повести и можно ли считать ее источником проблемного единства творчества Петрова, обнаружение которого (как было показано в первой главе) является главной задачей биографического анализа?

2.2. Советский менталитет в эпоху «десталинизации»

Для ответа на первую часть вопроса использую труд Б.А.Грушина, в котором содержится иная картина советского менталитета по сравнению с той, которую предлагает Н.Козлова. Причем, Б.А.Грушин описал как раз рубеж 1950-60 гг., т.е., того времени, которое изображено в повести Петрова. Объектом исследования Б.А.Грушина был Таганрог, который находится от Ростова-на-Дону

¹⁰⁷ См.: Тищенко Ю.Р. Два эпизода из жизни М.К.Петрова // EN АРХИ. 2003. 2. Философское и культурологическое россиеведение: феномен восточнохристианской цивилизации. Научн.ред. Ерыгин А.Н. Ростов-на-Дону, 2003, с.105-113

¹⁰⁸ Он использовал концепции Д.Норта и М.Фуко для анализа следующих проблем: генеалогия российской/советской личности и коллектива; церковные суды в дореволюционной России и Центральная Контрольная Комиссия (далее ЦКК) в СССР; коллектив как объект и субъект познания и действия; личность как объект и субъект познания и действия; коллектив и личность в зрелом советском обществе. Материалом исследования служат документы истории православной церкви, государства, КПСС, Советов на протяжении существования Московского княжества, Российской империи и СССР. О.Хархордин показал, что существует органическая связь между православным и большевистским отношением к индивиду, коллективу и личности. Сходство православного и коммунистического дискурса состоит в воспитании, увещании, исключении. Отличие состоит в следующем: сознательность (совесть) объединяет протестантов и большевиков; в основе индивидуальной души на Западе лежала исповедь, а в основе индивидуальной души в России – покаяние; православно-коммунистическая коллективность закрепила горизонтальный надзор; тирания власти в СССР опосредовалась коллективом; неформальные нормы массового поведения в СССР - это добровольный взаимный надзор. См.: Хархордин О. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб-М., 2002

на расстоянии чуть более 60 километров. Это может служить основанием для отождествления таганрогско-ростовской ментальности с общей советской ментальностью¹⁰⁹.

В массовом сознании тогда лидировали интересы к политике, искусству и морали. Люди интересовались международной обстановкой, но оставались безразличны к участию в политике. Большинство было довольно статусом «рядовых строителей коммунизма». Коммунистическая идея постоянно обсуждалась большинством населения, хотя не воплощалась на практике. Но коммунистическое сознание было результатом обработки населения Агитпропом, а не плодом самостоятельных размышлений. Его корни уходят в советскую мифологию. Она объяснила ход истории, пообещала людям светлое будущее, создала и распространила идеи и образы, к которым пристегнула «вторую реальность» и втянула в нее огромные массы. Личные интересы целиком подчинялись государственным – согласно правилам: «не коллектив для личности, а личность для коллектива», «не государство для индивида, а индивид для государства».

Господствовало рациональное сознание, элементы веры и религии встречались редко. В менталитете преобладали суждения о фактах личного бытия; затем шли оценки; предложения о решении проблем встречались редко, ограничиваясь сферой быта и производства. За пределами этих сфер люди слепо повторяли утверждения институтов власти. Советские люди доверяли партии и государству, поэтому их менталитет был не критическим. Были широко распространены мифологемы (типа «система социализма имеет коренные преимущества перед системой капитализма», «народ и партия едины», «венцом творения на Земле является советский человек»). Морфемы менталитета зависели от официального сознания. Массовое сознание было несвободным. Оно зависело от коммунистической идеологии, находилось в плену советской пропаганды и мифов о строительстве «светлого будущего». Но такая зависимость не была

¹⁰⁹ Пятидесятилетний опыт социологических исследований советского менталитета воплотился в следующих параметрах анализа: круг интересов; морфология сознания; информация (знания); способность суждения; ценностные ориентации; отношение к обществу; эмоционально-психологический тонус; реактивные способности; структура сознания в терминах «монизма/плюрализма»; структура сознания в терминах «цельности/разорванности». См.: Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2). М., Прогресс-Традиция, 2006, с.839-879

абсолютной. Полностью уклониться от идеологии большевизма смогло лишь небольшое число людей. Но большинство нередко занимало позиции, отклонявшиеся от официальных, благодаря природной силе обыденного сознания, верности здравому смыслу. Это было вызвано духом критицизма, обилием не решенных проблем и возникшей (после XX съезда КПСС) возможностью открыто и негативно высказываться по поводу «злоб дня».

Объем знаний об обсуждаемых предметах был удовлетворительным, кроме суждений о зарубежной культуре и достижениях Цивилизации XX в. Значительно хуже было качество знаний, т. е. уровень понимания людьми обсуждаемых вещей. Господствовали туманные представления о главных официальных сюжетах - коммунистическом обществе и способах движения к нему. Низкая компетентность масс была обусловлена недоступностью многих предметов, требующих профессиональной подготовки, отсутствием доступной массам информации относительно многих предметов, низким качеством информации, проникавшей в массовое сознание «со стороны». Особенно это касалось сюжета о строительстве коммунизма, поскольку ни классики марксизма-ленинизма, ни идеологическое ведомство ЦК КПСС за сто лет бесконечных разговоров о «светлом будущем человечества» так и не удосужились дать людям четкую, конкретную и ясную картину будущего.

Способность суждения была высокой в случае суждений-«фотографий» и «авто-фотографий»; достаточно высокой в случае оценок; низкой в случае с аргументацией мнения и совсем низкой при аналитических высказываниях, которые требуют умения проникать в суть вещей и причинно-следственных связей. Общая способность судить о себе и мире была средней. На способность суждения в сфере социально-демографических признаков респондентов влияли два фактора: уровень образования и мера включенности людей в предмет разговора. Первый из них работал однонаправленно (чем выше образование - тем выше способность суждения), второй усиливал или ослаблял указанное свойство менталитета.

Наиболее важными ценностями массового сознания были мир на Земле, высокая духовность и нравственность. Первую ценность люди связывали с судьбой их самих, близких и всего человечества. Мир на Земле представлялся главным условием осуществления грандиозных планов СССР и мировой победы социализма. Вторая

ценность ставила на второй план личное богатство, материальные блага, достаток. Мир вещей котировался ниже мира идей.

Однако среди приоритетных ценностей отсутствовал творческий труд. Для большинства он был способом заработать на жизнь. Зато высоко ценилось образование: как путь к интересному труду «по способности», условие продвижения по службе, механизм общественно-политической карьеры.

Ценность «мира на земле» была равнозначной «благополучию Родины». Но вторая ценность не была ни традиционной, ни общечеловеческой. Она открывала блок советских ценностей, который порождал оппозицию «мы – они», «социализм – капитализм». Большинство не раздумывало: «социализму – да, капитализму – нет!» Но некоторая часть населения (преимущественно среди молодежи) судила иначе. Ориентировалась на западные, т. е. «капиталистические» модели общественной жизни, что свидетельствовало о неблагополучии.

По отношению к социально-политическому строю в составе населения различались три типа масс: адепты - истые приверженцы строя; конформисты - составлявшие большинство законопослушные члены общества; нонконформисты - составлявшие меньшинство члены общества, находившиеся в явной или скрытой оппозиции к нему. Отношение двух первых типов к власти базировалась на доверии людей к общему курсу и текущей политике «партии и правительства» и традиционном представлении: прогресс в жизни общества и решение любых социальных, экономических, культурных проблем есть дело рук государства, а не народа. Третий тип масс включал разный состав (от политических диссидентов до «золотой молодежи»). Но боязнь преследований вела к тому, что в обществе не было легитимных условий для формирования и явного выражения негативного отношения к институтам власти.

Важный показатель этого свойства менталитета - отношение к руководителям. В нем проявлялись склонность к персонификации власти, отождествлению коллективных органов управления с их руководителями, выделение из круга лидеров одного Вождя. В таком качестве оценивался Н.С. Хрущев. Затем шла пестрая оценка разных аспектов деятельности Вождя в диапазоне от «главного миротворца на Земле» до «кукурузника».

Мера энтузиазма была непостоянной, зависела от предметов обсуждения и личной житейской ситуации. Первым основанием позитивного эмоционального тонуса масс были характерные для большинства две высоких меры - удовлетворения своей жизнью и оптимизма при взгляде в будущее. То и другое объяснялось тем, что война как главная помеха счастья казалась стопроцентно устраненной, а правительственная программа роста народного благосостояния вселяла уверенность в том, что все идет к лучшему.

Люди демонстрировали высокую витальную и вербальную активность в части инициатив, общения и деклараций о готовности действовать для решения жизненных проблем. Были распространены склонность к резонерству, морализаторству, чтению нравоучений всем и каждому, нетерпимость к инакомыслию в сферах идеологии и морали при одновременном попустительском отношении к привычным формам негативного поведения в труде и быту, страсть к вмешательству в чужую жизнь и публичным судилищам над «провинившимися». В массовых реакциях на события и деяния зарубежных персонажей превалировали агрессивность по отношению к классовым врагам-«империалистам»; враждебность к буржуазному образу жизни; настороженность в отношении малопонятных явлений чужеземной культуры и заученное дружелюбие плюс лозунговая солидарность, адресованные соратникам по «борьбе за мир и социальный прогресс».

В этот период не только идеология, но и социальная наука настаивали на господстве в советском обществе морально-политического единства народа. Однако в результате исследований был установлен факт *дифференциации* взглядов людей как нормы массового сознания. Единодушие масс вело к тому, что структура общественного мнения оказывалась то монистическо-плюралистической, то плюралистическо-монистической, в зависимости от удельного веса в этой структуре совпадающих и расходящихся мнений. Единодушие зависело от предмета дискуссии, особенно от двух его характеристик: логического объема содержания и близости содержания к сфере идеологии: чем предмет брался абстрактнее и чем теснее он был связан с идеологическими ценностями, тем суждения о нем поддерживались большим числом голосов; чем разговор о предмете становился детальнее и чем предмет

был «заземленнее», тем меньшее число людей имели на него одну и ту же точку зрения.

Советское общество жило двойной жизнью, функционировало в двух мирах. В одном из них шла нормальная жизнь, схожая с жизнью иных обществ, во втором реализовывалась программа «строительства коммунизма». Население состояло из трех типов масс: представители *homo sapiens* жили в рамках первой реальности; представители *homo communisticus* жили в рамках второй реальности; представители *homo soveticus* жили одновременно и там и там. Сознание первых двух типов было целостным, но таким же оказалось и сознание третьего типа: дуализм бытия этих людей не сопровождался дуализмом мыслей и чувств. Большинство из них жило без нужды лицемерить – думать одно, говорить другое, а делать третье (как это произошло в брежневскую эпоху).

У *homo soveticus* был живой, в том числе материальный, интерес к «строительству нового общества». Он стал основой возникновения (на территории огромной страны) новой породы человеческих особей, которая сохраняла анатомию и физиологию *homo sapiens*, но отличалась от своих прародителей менталитетом – советским способом чувственного восприятия мира и советской логики суждений о нем.

Однажды возникнув, этот менталитет передавался с молоком матери, поддерживался системой общественного воспитания. До поры до времени он сравнительно совмещал представления о «простой жизни» и «борьбе за коммунизм». Но существовал разрыв во взглядах на мир представителей *homo communisticus* и *homo sapiens*. Этот разрыв свидетельствовал о наличии в структуре массового сознания серьезной трещины. Широкие представители масс не поддались на удочку коммунистической пропаганды и не верили в возможность земли обетованной. Они предпочитали реализовывать не общественные, а свои собственные жизненные цели – без «коммунистического труда» и без «коммунистической морали». Это обстоятельство порождало в поле массового сознания напряжения и конфликты, чреватые серьезными негативными последствиями.

2.3. Символы и главное событие

Теперь поместим повесть Петрова в контекст советского менталитета. С такой точки зрения повесть не анализировалась, хотя

является первой из известных до сих пор работ Петрова. Повесть состоит из шести глав. В первой-второй главах описан прием кандидатского экзамена по философии в Институте философии Академии наук СССР. Третья-шестая главы посвящены размышлениям героев повести о состоявшемся факте.

Прием кандидатского экзамена – заурядное событие академической рутины. Для Петрова оно стало поводом высказаться о главных проблемах советской действительности и советской философии, описать реальные и назревающие конфликты.

Действие повести происходит летом 1957 года, после XX съезда КПСС (февраль 1956 г.), на котором были частично раскрыты преступления Сталина. Но в том же году Советский Союз вмешался в события в Польше и подавил Венгерскую революцию. Это вмешательство оказало сильнейшее влияние на последующий крах Советского Союза и всего коммунистического движения. Таков политический фон, на котором разворачиваются события повести. «Десталинизация» внутри СССР оказалась связанной с агрессией или ее угрозой против дружественных стран, пытающихся осуществить последовательную десталинизацию.

В своих лекциях Михаил Константинович часто пользовался выражением «несущая частота»¹¹⁰. В его повести такую роль выполняют метафоры «решенные вопросы» и «вивисекторы духа». Предварительно скажу, что термин «решенные вопросы» Петров использовал для обозначения мнимого решения главных социальных проблем, а термин «вивисекторы духа» - для описания генезиса, поведения, сознания и языка, которым оперируют советские философы - главные действующие лица повести. Выражение «фонтан слов» тоже принадлежит М.К.Петрову: «Хотя о философии многие говорят и даже пишут как о неиссякаемом, но слабо парадигматизированном фонтане меняющихся слов вокруг неизменных и вечных проблем, нам такое представление кажется очевидной иллюзией ретроспективы, продуктом дисциплинарной революции XVIII-XIX вв., которая ввела новую парадигму философствования и, очередной раз переписав историю философии, установила и воспроизвела в поколениях философов новое видение того, что теперь сле-

¹¹⁰ Несущая частота - это частота гармонических колебаний, подвергаемых модуляции сигналами с целью передачи информации. В самих колебаниях с Н. ч. не содержится информации, они лишь «несут» её.

дует понимать под философией, ее предметом, социальной функцией»¹¹¹. В этом фонтане слов Петров обнаруживает темы, которые не потеряли своего значения до сих пор.

Михаил Константинович снабдил героев повести *символическими именами*. Главный герой – аспирант Института философии АН СССР Юрий Шатов. Это имя отсылает к роману Ф.М.Достоевского «Бесы». Там есть Иван Павлович Шатов – бывший член социалистического движения. Он разуверился в идеях революции и поплатился за это жизнью – его ликвидировали бывшие соратники. Современники утверждают, что Достоевский вложил в уста Шатова свои собственные идеи. Не поступил ли аналогично Петров?

В повести Юрий Шатов сдает экзамен по марксистско-ленинской философии в Институте философии АН СССР, в котором Петров учился в аспирантуре. Сюжет строится вокруг этого факта. Однако в петрововедении нет исследований, посвященных обстоятельствам сдачи кандидатских экзаменов Петрова. Приходится ограничиться догадками, – они тоже выполняют эвристическую роль. Я думаю, не помешает догадка о Юрии Шатове как рупоре идей Петрова. Насколько эта догадка вытекает из содержания повести? И помогает ли она связать повесть с основной проблематикой творчества Петрова?

Другие действующие лица тоже названы символически. Председатель экзаменационной комиссии – номенклатурный советский философ Дмитрий Иванович Модестов. Имя «Модест» в переводе с латыни означает «скромный». Из истории православия известно, что мученик Модест, архиепископ Иерусалимский, угодил Богу подвигами поста, молитвы и заботами о восстановлении Иерусалима и его церквей. Какое восстановление имел в виду Петров? – понять трудно. Но в последней главе Модестов соглашается с идеями, которые высказывает Шатов на экзамене, и собирается восстанавливать творческий марксизм в единстве с изменением организационных структур Коммунистической партии и Советского государства.

Члены комиссии тоже имеют символические имена. Валентин Ильич Полумакаев – это, скорее всего, аллюзия на Митрофана Ильича Полупортянцева – мифического героя и сталинского акаде-

¹¹¹ Петров М.К. Историко-философские исследования. М., РОССПЭН, 1996, с.238

мика, образ которого был создан сотрудниками стенгазеты Института философии АН СССР (А.Зиновьевым, Э.Ильенковым, Э.Соловьевым)¹¹². Викторина Никифоровна Победоносцева - бывшая аспирантка Модестова, ныне доктор философских наук, лауреат, авторитет в вопросах истории революционного движения в России. С именем философской гранд-дамы связаны имена ее бывших вздыхателей - Боба Самогонова (гротескность фамилии не требует доказательств) и Игоря Михайлова – бывшего фронтовика, исключенного из партии, изгнанного из Института философии АН СССР. О нем надо сказать особо.

На партсобрании судьба Игоря решила его криком: «Не марксизм вам нужен, уважаемые со степенями и без степеней. Даже не свое место в нем. А только право быть подальше от науки! Право шантажировать народ!... Мелкие вы шантажисты, а не философы!» В частной беседе с Викой Михайлов говорил: «Таких подлецов, как Модестов, вешать мало. За растление малолетних расстреливают, а эти вивисекторы духа благоденствуют, кривляются на кафедрах». А в интимном письме Победоносцевой Михайлов называет Модестова и Полумакаева «сворой»: «Как друг хочу только посоветовать: уйди из философии. Как враг – приглядишься к революционерам пореформенной Руси. С модестовскими замашками есть где развернуться».

Можно ли утверждать, что устами фронтовика Игоря Михайлова Петров выражает собственное недовольство «сворой философов», которым не нужен марксизм? Независимо от ответа на этот вопрос, Петров ставит важную проблему: какой темой надо было заниматься, чтобы обеспечить себе процветание в советских условиях? Причем, выбор темы был связан с некой трудноуловимой мерой цинизма¹¹³.

¹¹² См.: Наш философский дом. К 80-летию Института философии РАН. М., Прогресс-Традиция, 2009

¹¹³ На основании своего опыта скажу, что эта мера всегда существовала. Я брезговал теми, кто писал диссертации на темы, входящие в состав советской пропаганды (типа истории КПСС, развитого социализма, социалистического образа жизни и т.д.). Вокруг этих тем крутилась советская диссертационная машина. Будучи аспирантом, провел микроисследование на одной из конференций. В результате сделал вывод: перспектива стать профессионалом, более-менее независимым от идеологической конъюнктуры, оставалась в логике, истории философии и методологии социального познания. И как раз в этих областях философии было меньше всего докторов наук. Одновременно советники высшего уровня партийно-государственной иерархии (консультанты ЦК КПСС) имели возможность вставлять в их официальные речи фразы, которые официально легитимизировали реальные проблемы. Например, в 1976 г. Брежнев в докладе на очередном съезде впервые

Победоносцева воспользовалась идеей Михайлова, но превратила ее в фарс. Открывала все новые тайные общества. Под ее пером жена одного революционера-демократа превратилась в боевую подругу, ради конспирации вступающей в половую связь с офицерами. Теперь Модестов брезгует бывшей аспиранткой: «Гении государства Российского, не уйти вам от революционного подполья Викторины Никифоровны. Все там будете». Развивая такой способ рассуждения, в Победоносцевой можно увидеть: носителя вируса советской идеологической инфекции в сфере истории революционного движения; наследницу «кремлевских жен» на вершине политической иерархии, а также походно-полевых жен периода советско-германской войны¹¹⁴.

Такова моя вторая догадка, возникшая на основе чтения повести Петрова. Феномен отворачивания к бывшим аспирантам, которые любят держать нос по ветру, требует особого обсуждения. По своему опыту знаю, что такой способ поведения пережил героев Петрова. Сошлюсь также на одну из бесед с Михаилом Константиновичем. На мой вопрос, чем и как мне заниматься, он ответил: «Не будь коммивояжером». То-есть, не занимайся покупкой и продажей идей. Правильно ли я его понял? – пусть подскажут читатели. Но мои бывшие студенты в большинстве руководствуются другой максимой практического поведения: заниматься тем, что котировается, а не тем, что является важной научной проблемой, которая не зависит от конъюнктуры.

Теперь пора выдвинуть гипотезу. Всем известен Победоносцев – Обер-прокурор Святейшего Синода, очертивший Россию «стеклянным взором колдуна». Имя Виктор в переводе с латыни означает победитель. С именем Викторина дело сложнее. В Википедии можно прочесть: слово «викторина» появилось в 1920-х годах. Его придумал известный журналист и писатель Михаил Кольцов в качестве названия газетной подборки, включающей в себя вопросы, шарады, ребусы и т. п. Готовил эту развлекательную полосу сотрудник газеты по имени Виктор. От имени Виктор и

употребил термин «политическая культура». Я тогда же дал эту тему своей «предбывшей супруге» (как говорит Макар Нагульнов). Она поехала в аспирантуру МГУ и одной из первых защитила диссертацию на эту тему. Напомню, что тема политической культуры принадлежит к одной из классических проблем политической науки.

¹¹⁴ См.: Васильева Л. Кремлевские жены. М., Вагриус, 1993; Грейг Олег и Ольга. Походно-полевые жены. М.: «ПРЕССКОМ», 2005

произошло слово «викторина». Впоследствии нашли связь этого слова со словом «победа».

Если учесть, что Победоносцева родилась в 1920-е годы, то ее имя связано с шарадой и одновременно с победой в советско-германской войне. Никифор в переводе с греческого означает «победоносец». Значит, историей революционного движения в России занимается трижды Победоносцева, а победа в войне представляет шараду.

Не является ли это скрытой главной идеей повести Петрова: советская идеологическая система в три раза хуже идеологии Победоносцева? И не являются ли члены этой системы трижды Победоносцевыми? Эти вопросы требуют особого анализа. Одновременно они ориентирует на вполне определенную оценку, как минимум, трех явлений:

- идей самого исторического Победоносцева;
- идей советской философии;
- моды на ностальгию за советским прошлым, которым переполнены нынешние средства массового оглушения (так бывший консультант ЦК КПСС А.Бовин предлагает называть нынешние средства массовой информации).

В этом смысле повесть Петрова злободневна.

В эпизодах повести участвуют член партбюро Института философии АН СССР и друг Шатова Владимир Тихов (символическое имя соглашателя), дядя Шатова – подмосковный дачник-отставник, его соседи, а также случайные собутыльники героев (некий майор, старый заводской рабочий, абитуриент философского факультета, случайный милиционер).

Стало быть, установка Петрова при написании повести была *резко сатирической*. Объектом сатиры стала история революционного движения в России и советский философский бомонд. Не вытекает ли отсюда, что существует параллель между повестью Петрова и другими сатирическими изображениями истории революционного движения в России? Не шел ли А.Зиновьев по стопам Петрова в выборе объекта сатиры? Вопросы требуют особого исследования. С учетом факта: Петров писал свою сатиру изнутри группы советских «вивисекторов духа». Но сам термин «вивисекторы духа» означает, что он не был согласен с той вивисекцией сознания, которую предлагала советская философия.

В экспозиции описаны состояния экзаменаторов. Председатель комиссии благодушествует. Газета «Правда» отметила его выступление на юбилее великого немца. Он закончил редактирование второго тома сборника по французским материалистам. После экзамена собирается закончить давно задуманную работу. Послушать в зале Чайковского заезжее диво. Съездить на конгресс, поругаться с «дипломированными лакеями поповщины»¹¹⁵.

Валентин Ильич Полумакаев выступает на всех заседаниях с предложениями. Его убеждения производны от передовых статей и докладов в торжественные дни. Неустойчивость вытекает из путаницы идей, неспособности отделить главное от второстепенного. На деле никакой путаницы нет. Полумакаев трезво фиксирует ситуацию в стране после XX съезда КПСС и Венгрии: «Мечутся в верхах, а низы во всем разуверились. Пробуют «жать сок» из думающих, а получается ерунда. «Правда» и «Коммунист» бьют, а думающие не замолкают. Верхушка пьется. Что это? Оттепель или заморозок – вот в чем вопрос! Если весна, нужно думать о тактике. Менять пока ни к чему, а подумать нужно». Иначе говоря, путаница идей прикрывает смену одной и той же тактики приспособления к обстоятельствам.

Теперь о главном событии, вокруг которого выстроена повесть. На экзамене Шатов «завяз в периоде социализма». Ему попались два вопроса: роль критики и самокритики в жизни советского общества; партийность философии. Именно эти вопросы Петров называет «решенными вопросами». С одной стороны, решенный вопрос – это вопрос скользкий, на котором сломана не одна голова. С другой стороны, решенный вопрос – это вопрос, затасканный по кафедрам и учебникам, статьям и пропагандистским листовкам. Умельцы (типа Модестова) могут путем жонглирования или перестановки слов раскрывать такие вопросы с неожиданной стороны. К тому же при обсуждении решенных вопросов каждый может держать в резерве такое количество цитат из классиков в защиту своих идей, что неизвестно, за кем останется последнее слово. Из этого вытекает необходимость быть крайне осторожным при обсуждении решенных вопросов.

¹¹⁵ Напомню для молодых читателей, что «дипломированными лакеями поповщины» Ленин называл буржуазных профессоров философии.

Эта линия повести Петрова позволяет увидеть в его идеях предпосылку для анализа поведения и мышления советских и современных спичрайтеров. В идеократических государствах профессии спичрайтеров и профессиональных идеологов совпадают по своему смыслу и содержанию. Не зря в подзаголовке книги на эту тему содержится аллюзия на известный афоризм К.Маркса: «Философы лишь различным образом изменяли мир, дело состоит в том, чтобы изменить его»¹¹⁶.

Шатов – это «чистой души романтик». Его никто не просил в спичрайтеры, он дает свое решение уже решенного, т.е. официальной точки зрения. Я исследовал специфику официальной точки зрения на факты и события социальной действительности. В общем виде официальная точка зрения – это сумма взглядов и опыта и правительства по решению социальных проблем. Официальная точка зрения выражает стремление правительства к *монопольному суждению* о положении дел в обществе и государстве, а также опыт пренебрежения правительства к реальному положению дел в обществе и опыт его выживания в условиях перманентной социальной дезорганизации.

В этом смысле позиция Петрова однозначна: никакой монополии правительства на решение социальных проблем он не признавал; все «решенные вопросы» подлежат пересмотру. Покажу это на конкретных примерах «решенных вопросов».

Вопрос о роли критики и самокритики в жизни советского общества Шатов излагает в языке официального марксизма-ленинизма. Есть два рода критики – критика словом и критика оружием. Обе критики вскрывают ошибки и показывают пути устранения недостатков. С одной стороны, в период строительства социализма роль критики резко возрастает, с другой – ее функция как инструмента преодоления недостатков затруднена. В процессе ответа Шатов высказывает неожиданный тезис: при капитализме партия больше застрахована от ошибок, чем при социализме. Этот те-

¹¹⁶ «Руководство идеократических государств не может функционировать без услуг спичрайтеров. Советская империя жила и выживала за счет экспорта сырья и благодаря нефтедолларам. Здесь не было никакой идеологии, но простую нефтегазодоллароносную структуру советской политэкономии поддерживала мощнейшая система пропаганды коммунистических идей. Нефть формировала внешний спрос, идеология - внутренний. Современный политический режим в России строится ровно на тех же основах». Колесников А. Спичрайтеры. Хроника профессии, сочинявшей и изменявшей мир. М., АСТ:Хранитель, 2008 с.22

зис он аргументирует опять же двумя официальными концепциями естественно-исторического процесса. Эволюционная концепция характерна для ревизионистов, революционная – для марксистов-ленинцев. Согласно первой концепции, переход от капитализма к социализму происходит с естественной необходимостью. Поэтому критика сводится к минимуму, а диктатура пролетариата и партия как руководящий научный центр не нужны. При революционном понимании естественно-исторического процесса критика становится максимальной, выступая в двух видах: практическая критика, подчиненная реализации уже принятых решений; теоретическая критика, связанная с подготовкой решений. Во втором случае плацдарм критики открыт для всех, поскольку идеальных решений не бывает.

Иначе говоря, критика должна быть универсальным социальным феноменом социализма. В противном случае цели революционного движения останутся на бумаге.

Такова позиция Шатова. Аспирант явно зарвался. Мудрый Полумакаев задает ему каверзный вопрос. На прошедшем партсобрании одно критическое выступление все осудили как вредное и антипартийное. Шатов тоже за это голосовал. «Как совместить ваши действия на собрании с тем, что вы говорите сегодня?» – спрашивает Полумакаев. Шатов отвечает: на партсобрании речь шла о вредном, а не антипартийном выступлении. Был плач о том, что все в институте плохо, а как из «плохо» сделать «хорошо», - сказано не было. Поэтому Шатов не видит противоречия между своим поведением на собрании и тем, что он говорит сейчас. «Сегодня для меня экзамен, и я не имею права скрывать свое понимание того или иного вопроса».

Стало быть, герой повести Петрова не признает ни двоемыслия, ни разрыва между словом и делом. А как раз на этом пространстве (двоемыслия и разрыва между словом и делом) функционировали отряды советской идеологической бюрократии. Ликвидация двоемыслия и разрыва между словом и делом – такова сверхзадача Шатова. В ней можно увидеть первую формулировку идеи палубной культуры, культивирующей единство слова и дела как основы европейской культуры. Согласно Петрову, экзамен есть разновидность исповеди, поскольку он требует предельной искренности. Между тем советская школа и общество в целом эту искренность

систематически подавляли. Поэтому критика системы образования – не менее значимая тема всего творчества Михаила Константиновича.

Тому, кто не сдавал экзамена по катехизисам советской официальной философии и не сидел на партсобраниях, это словопрение покажется схоластикой. Некоторые мои коллеги считают, что творчество Петрова тоже схоластично. Но при этом схоластику они понимают по канонам советской официальной философии, а не как живой процесс развития мысли в рамках христианства. Возникает также вопрос: все ли нынешние аспиранты и преподаватели философии и гуманитарных наук отвергают двоемыслие и любой разрыв между словом и делом? Мой опыт наблюдения за жизнью прошлых и нынешних студентов и коллег толкает к противоположному выводу. Значит, концепция Михаила Константиновича созвучна нынешней российской реальности – от поведения предпринимателей до политической сцены¹¹⁷.

Однако позиция Полумакаева тоже не устарела: «Развивая тезис о революционном понимании естественно-исторического процесса, - гнусавит он, - вы, товарищ Шатов, упомянули о выборе лучшего решения. Не кажется ли вам, что такое понимание показывает в сомнительном свете нашу действительность? Ведь, по-вашему, в прошлом могли приниматься не лучшие решения. А такой взгляд на нашу социалистическую действительность открыл бы настежь ворота для оголтелой и злобной критики со стороны враждебных элементов. Как вы думаете, аспирант Шатов?»

Шатов отвечает: к научному понятию неприложимы опасения экзаменатора; не всякая болтовня (то, что экзаменатор называет «оголтелой и злобной критикой») является критикой; нет смысла кричать о том, плоха или хороша наша действительность, могла ли она быть лучше или является лучшей из возможных; понятие наилучшего решения бросает тень сомнения на любое принятое решение; задача теоретической критики лежит в будущем, а не в прошлом: «Для настоящего коммуниста не бывает такой действительности, которая не могла бы быть заменена лучшей».

Иначе говоря, Петров отвергал три разновидности мнимой критики того общества, которое строилось в СССР:

¹¹⁷ См.: Волков В. Силовое предпринимательство. М., 2002; Олейник А. Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. М., 2011

- традиционное отношение к критике, когда критика отождествляется с нанесением вреда («Не выносить сор из избы»);
- идеологическую болтовню под видом критики («оголтелая и злобная критика»);
- онтологический презентизм (концепт «мира, лучшего из возможных»).

Подчеркну, что все эти феномены существуют до сих пор в России. Значит, идеи Петрова не устарели и могут рассматриваться в соотношении с частным и тотальным понятием идеологии Карла Мангейма. Оба эти понятия можно использовать для критики повседневных и правительственных идеологем в разновидностях мнимой критики.

Шатов считает свое мнение гипотезой, которая требует подтверждения или опровержения практикой. По его мнению, организационные формы теоретической критики должны учитывать конкретно-исторические условия 1950-х годов в СССР:

- неизжитый в сознании «культ личности»;
- привычку не размышлять о высоких материях;
- опираться на авторитет имени, а не на истинность.

По его мнению, все эти явления образуют ту «сумму обстоятельств», которую надо устранить. Иначе говоря, согласно Петрову, нормальное общество предполагает таких индивидов, которые отвергают любой культ личности, постоянно размышляют о высоких материях, руководствуются авторитетом истины, а не имени. Развивая такой ход мысли, можно сказать, что до тех пор, пока общество не состоит из таких индивидов – оно должно быть предметом критики. В этом смысле критика выходит за пределы капитализма и социализма, а также противоположности между ними.

Для борьбы с реальной «суммой обстоятельств» аспирант предлагает анонимную партийную дискуссию как постоянный орган критики. Каждый член партии должен иметь право высказаться по всем вопросам программы и устава партии, не раскрывая своего имени. Такой механизм свел бы к нулю субъективный момент, не позволил бы зарабатывать авторитет на дешевом критиканстве или опровержении критики. Ценность предложений можно было бы определить общепартийным голосованием. Получившие большинство голосов предложения следует использовать как директивы для ЦК.

Таким образом, над ЦК и рядом с ЦК была бы поставлена безликая, но действенная сила – партийный разум. ЦК превратился бы в исполнительный орган, ограниченный в своей деятельности директивами дискуссии. Здесь возникает попутная проблема: тождественна ли безликая сила партийному разуму? Как этот разум смог бы решать классическую проблему господства большинства над меньшинством и учета мнения меньшинства? Но Петров не рассматривает эту проблему.

С этого момента прение между экзаменатором и аспирантом приобретает политический смысл в контексте классической проблемы о соотношении веры и знания. Полумакаев шокирован: «Вы что, не верите ЦК? Не верите в правильность его действий?»

Позиция Шатова такова. Коммунисты – это единомышленники, а не единоверцы. Отношения между ними и ЦК не могут строиться на вере. ЦК – не бог, а исполнительный орган партии. Он позволяет единомыслие превратить в единодействие. Единомыслие без знания невозможно. Каждый коммунист имеет право не верить ЦК, а знать и участвовать в теоретической подготовке всех общепартийных решений. Кроме того, коммунист-философ-разведчик – это знаток той области, из которой исходит в своих действиях и решениях ЦК. Можно верить водителю, летчику, машинисту, физику, химику как специалистам в своей области. Водители, летчики, машинисты, физики имеют право верить специалистам-философам. Без этого при современном разделении труда невозможно. «Но верить в своей области, отказываться от знания в пользу веры – это не доблесть, а преступление».

Из этого отрывка вытекает: Петров отвергал любое отождествление веры и знания на вершине и на всех остальных уровнях государственной иерархии; а поскольку «иерархия» означает священноначалие, постольку он отвергал также институционализованную религию; вера возможна только в узких рамках профессионального разделения труда; философы-коммунисты снимают это разделение, поскольку их знание является всеобщим в сфере подготовки и принятия решений.

Но и здесь остается проблема: разве на основе специального знания не произошел ряд технических и социальных катастроф на протяжении XX века? Значит, в самом знании есть неустранимые элементы веры. Возникла целая теория катастроф. По крайней ме-

ре, готового и окончательного ответа на проблему соотношения веры и знания нет, есть только определенные тренды в толковании этой проблемы.

В ответ Полумакаев переходит на милитарный жаргон: «Все мы не только единомышленники, мы бойцы одной армии». Аспирант в ответ иронизирует: «Разные бывают бойцы, Валентин Ильич. - Самая блестящая фигура в армии – полковой барабанщик. Незаменим при парадах. Только мне кажется, что место коммуниста-философа не в обозе и не в оркестре, а в разведке. И, как разведчику, философу не нужно бояться вымазаться в грязи, залезть в болото. Дело не в том, чтобы выйти сухим из воды, а в том, чтобы застраховать основные силы от неожиданностей. А парады, барабанный бой – это и без философии можно...»

Затем Шатов излагает и критикует официальную точку зрения на партийность в философии и науке: «Следует различать партийность гносеологическую и партийность политическую. В пределах гносеологии есть лишь две позиции: материализм и идеализм, между ними эклектическое болото. Быть материалистом, вовсе не значит – принадлежать к той или другой политической партии. Более того, любая партия, в зависимости от характера задач, которые она реализует своей практикой, вынуждена стоять на позициях материализма. Другое дело партийность политическая. Здесь речь идет уже не о характере знания, а об использовании заведомо объективного знания для организации практики в интересах той или иной социальной группы. Этот второй вид партийности, о каких бы интересах ни шла речь, весь без остатка включен в материализм, т.е., чтобы действовать, нужно быть материалистом... Поэтому представляется неправомерным эклектическое смешение двух разнородных вопросов в одной формуле. Это даже опасно, так как порождает у коммунистов ничем не оправданные фантазии о монополии рабочего класса и его партии на знание. Опасно и тем, что разоружает рабочий класс и его партию перед лицом сильного и, это нужно подчеркнуть, знающего противника».

При обсуждении вопроса об оценке ответа Шатова Полумакаев предложил двойку с примечаниями о завирательном характере идей аспиранта. Модестов предложил считать экзамен несостоявшимся. Дама его поддержала. Полумакаев пишет особое мнение...

Чтобы оттенить оригинальность точки зрения Шатова на роль критики при социализме, Петров описывает еще две позиции по этому вопросу:

1. Разговоры под выпивку и закуску¹¹⁸. Если считать их социологически репрезентативными, то большинство народа оценивало годы после смерти Сталина так: начальство меняется, порядки остаются; за что боролись, на то и напоролись; напоролись на тысячи градоначальников, партийное, советское и армейское начальство.

2. Использование нерешенных бытовых и коммунальных проблем для нейтрализации критики: «Новый градоправитель философствует: пока моста нет, говорит, в городе спокойствие и порядок. У кого, говорит, живот заболит или демагогия одолеет – мост все отсасывает. Лиши, говорит, город этого вытяжного компресса, кто знает, какие метастазы даст рак критики. Он у нас и жилищный кризис решил. Занесло к нам делегацию, не поймешь какую, из себя черную, общительную. Первым делом – в горсовет. Удивились цифрам, спросили о том, о сем, а потом о жилищных условиях... Площадь города председатель знал, а о числе жителей догадывался по данным тридцать девятого года. Однако не растерялся. Строим, говорит, но криков все равно много. А должен, говорит, заметить, по ночам люди где-то спят. На улицах их нет, сам проверял... Переводчик раза три спрашивал, пока решился перевести, да и то в смягченном виде. Гости посмеялись, горожане тоже...».

В советской терминологии 1950-х гг. журнал «Крокодил» и комсомольские прожекторы использовали термин «плесень» для обозначения «стиляг» и прочих нарушителей советского образа жизни. Петров использовал официальный термин для обозначения советского начальства. Общественное мнение создавалось в пивных, трамваях и ресторанах. Но и этот канал пресекался - пивные переименовывали в молочные бары. Поэтому на местах после смерти Сталина никаких изменений не происходило: «Так что и в этом пункте у нас по-старому: пиво, раки, «три семерки». В этом смысле само советское начальство способствовало преобразованию социализма в капитализм: «А что, Костя, если это расчет, - говорит один из героев повести, - не простой, с загадом положен? Может,

¹¹⁸ При этом обсуждались конкретные темы середины 1950-х гг.: события в армии, речи Чжу Дэ, проблема единоначалия и роли парторганизаций в армии, желание поставить армию вне политики, изменения в провинциальном городе, факт отмены шпиков, арабо-израильская война и пр.

кому-то нужно, чтобы у нас всю жизнь был приятный вечер? Водка, танцульки, бабы? А чуть подумал или попробовал сказать, сразу Мартыновы налетят руки крутить, рот затыкать! Может, кому это нужно, а? Общедоступная пивная... Градоначальники. Мартыновы... Общероссийский бардак с девизом: «Здесь не думают. Здесь пьют водку и щупают баб». Дадут тебе пожизненный стакан водки, пожизненную закуску...»

Теперь сделаю промежуточный вывод: коммунист-философ-разведчик Петров почти за полстолетия предвидел развитие событий. И даже сочинил вывеску на воротах нынешней России. Эта перспектива его не устраивала. За это предвидение его исключили из КПСС. Причем, акция произошла в период так называемой «десталинизации».

На склоне советской власти С.Липкин предлагал описывать процесс замены «принципиальных изуверов» первых десятилетий советской власти на «продажных золоторотцев» периода ее заката. С его точки зрения тело нынешнего российского государства – это синтез золотарей с сифилитиками, и потому лучше СССР¹¹⁹. Видимо, Петров согласился бы с такой точкой зрения только в описательном, а не нормативном смысле.

2.4. Дядя и всенародные Бутырки

Шатов живет на даче у дяди. Василий Николаевич - отставник, охотник, любитель выпить, сыграть в преферанс, поговорить на политические или охотничьи темы. Он сразу после смерти Сталина «удалился от дел». Перестроил дачу, завел собаку, перетащил с московской квартиры холодильник, телевизор, библиотеку. Навыписывал газет, журналов, осел за городом. Под вечер приходили выпить и поболтать друзья-охотники. По пятницам Василий Николаевич выезжал в Москву на заседания охотколлектива, за впечатлениями, за продуктами.

¹¹⁹ «Сейчас критики режима из числа его создателей и слуг кручинятся по поводу того, что среди среднего, старшего и высшего состава руководителей растут шовинизм, стяжательство, жадность, грязного пошиба эпикурейство, полное равнодушие, презрение к всечеловеческой идее да и вообще ко всякой идее. Как это ни странно, а нам, жителям, такая кажущаяся деградация приносит известное облечение, выход. Принципиальные изуверы досталинской эпохи и периода первых пятилеток были для населения хуже, вреднее нынешних алчных, продажных золоторотцев, не верящих ни в чох, ни в сон. Тело государства, пусть медленно, пусть болезненно, освобождается от раковой опухоли путем заражения сифилисом. Благой путь!». Липкин С. Квадрига. Повесть. Мемуары. М., 1997, с.98-99

Под выпивку и закуску дядя вместе с соседом-сослуживцем и отставным генералом обсуждают, как из вертолета охотиться на волков под эгидой ДОСААФ. Шатов тоже принимает участие в обсуждении этого нешуточного вопроса.

Фигура дяди и его соседей подозрительны, поскольку они недавно были уволены в запас. После смерти Сталина произошло массовое увольнение в запас и уход в отставку многих сотрудников НКВД. Самые отъявленные заплечных дел мастера во главе с Берией были расстреляны в декабре 1953 года¹²⁰.

...Я прекрасно помню, как в 1950-е годы большая часть жителей страны ходила в ватниках, стояла в очередях за хлебом, считала благом картошку с соленым огурцом. Сам стоял в очередях с пятилетнего возраста. За волками охотиться тогда могли себе позволить только бывшие сторожевые псы власти – «верные Русланы», на которых стояла советская держава (если вспомнить образ Г.Владимова). Здесь возникает первое сомнение в фигуре *коммуниста-философа-разведчика* как необходимого звена в связи между марксистской философией и практикой. Эту фигуру Петров противопоставлял не только «вивисекторам духа», но и сексотам-соглядатаям.

В повести посетители пивной обсуждают факт отмены шпиков после смерти Сталина. Одни считают, что это хорошо, другие – что шпики никому не мешали. Они дежурили и в пивных. Им даже наливали в долг сто грамм. А теперь вышла воля – приходится «лишка пить через твою свободу – пол-литра на троих». Из-за свободы получилось одно сомнение, крушение веры. «Вот теперь, куда ни глянь – все на волоске. У хозяина и кукурузу не сеяли, и министерства были, и займы в аккурате – март-апрель вроде престольного праздника. И с голоду не помирали, на пиво, на сто грамм всегда хватало... А теперь будто у тебя с утра душу вынимают, будто тебе на какое несоответствие пальцем грозят, а не объясняют. А ты заладил: свобода! Ты вот в рассуждение прими, какой от тебя толк, полезность какая государственности?»

Из этой цитаты можно извлечь несколько выводов:

¹²⁰ Хорошо помню эту ситуацию. В декабре 1953 г. отец пришел с работы, дал мне газету и сказал: «Читай, сынок!». Так я впервые познакомился с официальной информацией о смерти главных сталинских палачей.

- алкогольно-бытовой (или ментальный): современная мода пить на троих – продукт отмены шпиков при Хрущеве;
- этатистский: некоторые граждане оправдывали существование шпиков пользой государства.

Коммунист-философ-разведчик Шатов с такой пользой не имеет ничего общего. На протяжении повести он ведет внутренний монолог с собой, а в диалогах развивает идеи: чистоты перед своей совестью; борьбы за право быть коммунистом-философом; связи науки с практикой. По его мнению, без реализации этих идей не будет ни философии, ни коммунизма, сколько бы ни кричали о всех дорогах, которые ведут в коммунизм.

Тут я полез в Интернет и нашел там сборник «Песни о Ленине и Сталине», среди которых одна так и называется «Все дороги ведут к коммунизму» (слова Л.Ошанина, музыка М.Коваля)¹²¹. Хорошо помню, что в 1950-е годы на площадях висели динамики, которые с 6.00 до 12.00 вели радиовещание. Транслировали песни о позараставших путях-дорожках, включая путь к коммунизму¹²².

Иначе говоря, герой повести отвергает еще один тезис официальной идеологии: о многообразии путей строительства коммунизма. Шатов решительно формулирует главную идею одного пути к коммунизму: соединить идеологию, партию и науку. Его проект выглядит так: в коммунизм ведет одна-единственная дорога; на ней много не обозначенных классиками перекрестков и поворотов; нужно разобраться, не проскочили ли нужный поворот, не надо ли отступить в вопросах семьи, быта, партмаксимумов; сделать это может только свободная от гипноза имен и авторитетов, связанная с практикой наука для миллионов и силами миллионов; за это надо бороться с «вивисекторами духа»; без жертв не обойтись, но не надо бояться; в партии больше людей, подобных Шатову; всех из партии и из науки не выгонишь; надо не поднимать руку на партию, а завоевать ее изнутри; лишь после этого партия станет орудием построения коммунизма – в первую очередь научной силой, а затем направляющей и руководящей. Ради этого надо быть философом.

¹²¹ См.: <http://vault.exmachina.ru/songs/13>

¹²² Мой армейский друг – поэт Валентин Штубов описал это так:
«А над казармой хрипело радио,
И тошно было лишь нам двоим».

Такова «внутренняя речь» героя повести. Я думаю, мысль о выборе философии как жизненного призвания ради построения коммунизма крайне дискуссионна. Не менее спорна идея о философии как средстве соединения знания о коммунизме как некоем будущем состоянии и разведывательной деятельности. Но нельзя не заметить важного совпадения между шпионской профессией диалектика Лукача (о чем шла речь в первой главе) и героя повести. Может быть, Петров здесь говорит о мотивах собственного выбора философии? На этот вопрос тоже можно ответить только гадательно.

Для разгадки я предлагаю использовать мысль Карла Маркса, который еще в XIX веке писал о связи революционной и шпионской деятельности¹²³. Эта мысль развита К.Шлегелем, изучившим специфику коммунистического агента как нового культурного типа¹²⁴. Техника, методы и персонал советской системы разведывательных служб были заимствованы из опыта подпольной работы русских революционных партий, а не у царской разведслужбы. Два поколения революционеров эпохи до 1917 года подняли технику подполья на высокий уровень. Конспирация – совокупность правил политической подпольной работы – стала естественным революционеров. Революция подняла подпольщиков на вершину власти. Они использовали технику конспирации в легальной политической деятельности. Элементом данной техники было российское толкование теории революции. В результате мир столкнулся с новым политическим стилем. Его суть в том, чтобы хорошо анализировать общественно-политические течения, формулировать результаты анализа и использовать их на практике.

Новые политики превратили революционное слово в важное средство деятельности. Агент нового типа вынужден был быть умным, поскольку действовал в ситуации собственного бессилия и безвластия. Его самостоятельность вытекала из осознания «движущих сил» истории и убежденности в том, что он действует заодно с ними, а не против них. Он полагал, что никто не в состоянии противостоять диалектике распада и революции. Он знал, как вести себя в социальной лаборатории. Он работал вместе с историей, по-

¹²³ См.: Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону, изд. Ростовского госуниверситета, 1989, с.43-44

¹²⁴ См.: Шлегель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918-1945) / Пер. с немецкого Л.Лисюткиной. М., Новое литературное обозрение, с.409-416

зволяя времени работать на себя. Его главная добродетель заключалась в терпении, способности выждать нужный момент. Но когда момент наступал, он рисковал всем. Ему были чужды угрызения совести, поскольку действия были связаны с контекстом истории и мирового революционного процесса.

Чекисты всегда считали себя «разведчиками», а не шпионами. Они знали, что могут погибнуть при выполнении задания, и никто никогда не узнает, что они «погибли в борьбе». Поэтому первым делом они создавали прикрытие – в виде импортно-экспортных фирм, магазинов деликатесов, антикварных лавок, были финансистами, кадровыми руководителем. Эта публика была способна на все – от реорганизации торговли мехами до подбора профессиональных убийц. У них не было проблем с собственной идентичностью, поскольку они ее постоянно меняли, чтобы оставаться верными себе. Этот реальный тип был воплощен в тысячах конкретных людей.

Главное качество советского агента - открытость миру. Данный тип восходил к старым имперским структурам. Он служил движению, которое выходило за пределы вновь созданных национальных государств. Чекисты первого поколения были необходимы советскому режиму до тех пор, пока их существование зависело от продолжения мировой революции. Но революция выродилась в обновление российской государственности. Поэтому возник спрос на чиновников, прислужников и великодержавных шовинистов, отличающихся слепым повиновением, а не самостоятельностью.

Послевоенные агенты порвали все связи с революционной средой и вернулись к классическому типу шпиона. Они воплощали тип коммунистов, которые сходили с конвейеров партийных школ. Их головы были забиты готовыми идеологическими штампами, а сердца пусты. Для большинства таких агентов главным были деньги, а не революционные идеи. Иерархическая система делала ставку на подчиненные, а не на самостоятельные головы.

Эти общие характеристики советской агентуры подтверждаются текстом повести. В том числе диалогом между героем повести и членом парткома Владимиром Тиховым. Тот мрачнеет, едва услышав, что не надо верить ЦК. Называет Шатова революционером-подпольщиком и недоделанным теоретиком. Шатов в ходе спора однозначно определяет всю советскую властно-управленческую

структуру как бюрократическую: «Везде сидят люди, влюбленные в устойчивость. Для них каждое новшество должно идти сверху». Значит, Михаил Константинович имел в виду первое поколение советских агентов.

В то же время на лекциях он употреблял термины «митингование» и «лозунгование» с ироническим выражением лица. Читая повесть, я убедился, что под этими терминами он имел в виду связь философии с практикой через курятник. Так Петров описывал советскую практику бытования философии. Эту практику он называл обманом. А реальная проблема состояла в том, что строительство коммунизма лишено научной основы.

Коммунист-философ-разведчик отвергает все советские организационные способы решения этой проблемы: рабскую привычку спрашивать на все разрешение в партийных и советских органах; обсуждение проблем на партсобраниях; использование цитат из классиков для обсуждения проблем сегодняшнего дня; использование наглядной агитации; чтение циклов гонорарных лекций для населения через общество «Знание». По его мнению, сами философы не в состоянии решить проблему связи теории с практикой. Ее можно решать только вместе с практиками, да и то только с ЦК как вершиной иерархии. Но в этом пункте философы пугаются и создают комиссии по подготовке собраний или конференций. Однако обращение к аппарату ЦК тоже бессмысленно. Там скажут: «Идите-ка вы к черту, философы. Без вас дел хватает». Призывы главных органов партийной прессы (газеты «Правда» и журнала «Коммунист») тоже бесперспективны. Возникает тупик. Как из него выйти?

Выход из тупика возможен при согласии с предсказанием Шатова: предстоит война в области духа, со своими героями, жертвами, трусами, перебежчиками и неизвестными солдатами; поэтому он считает себя в строю, а не отставником. Будущее нужно сделать лучше настоящего с помощью партии. Шатов называет свою версию партийного строительства «мечтой о партии». Без партии коммунизма не построишь. Но нужна иная партия.

Шатов высказывает свою сокровенную мечту. Партия вышла из капитализма архаической машиной. Ее надо превратить в гибкое и мощное оружие в руках общества, строящего коммунизм. Но партия не должна стоять над обществом или вне общества. Под знаме-

на такой партии нужно собрать все лучшее и думающее страны. Надо поставить над ЦК ученый совет партии. Выборы в него производить всепартийным тайным голосованием победителей в борьбе идей, а не имен. Надо предпочитать идеи именам и авторитетам. Запретить членам совета иметь имя. Часто их переизбирать. Добиться, чтобы ученый совет был безымянной силой, сгустком человеческого знания и энергии. Все посты сделать выборными по идеям, а не по именам. Устранить институт партийных работников. Поставить машины для учета. Превратить актив из назначаемого в выборный. Строго спрашивать с активистов за конкретные задачи. Выдвигать по несколько кандидатов. Все построить на конкурсе идей и способностей. Сделать партию подвижной, гибкой, сильной. Карьеристы, любители тихой жизни из нее уйдут сами. Все честные, думающие, энергичные люди страны должны быть в партии. Короче говоря, в партию надо собрать самых талантливых людей. Ради такой партии Шатов готов положить все силы.

Разумеется, нетрудно увидеть в этих предложениях один из вариантов философской утопии, перерастающей в политический манифест. Значительно важнее подчеркнуть: уже в первой своей работе Петров отвергает лично-именной (характерный для традиционного общества) и профессионально-именной (характерный для капиталистического общества) принципы строительства партии и настаивает, что только абстрактно-понятийный принцип (анонимная всеобщая дискуссия) может решить проблему партии как средства строительства коммунизма. В его последующих работах постоянно встречается постулат машины с КПД в 100%, по отношению к которой все реальные механизмы (от телеги до ракеты) открыты для постоянной критики и улучшения. Эти идеи входят в состав его концепции социокода. Отсюда вытекает, что любое сохранение в реальности лично-именного и профессионально-именного социокода является воспроизводством традиционного и капиталистического способа социального устройства. Возникает проблема их оценки. Петров считал архаизмом любую персонификацию власти и знания, а также их взаимосвязь. Значит, его концепция эвристична для оценки всех современных форм лично-именного и профессионально-именного социокода.

Но с точки зрения культурных стандартов поведение героев одинаково. Ради разрешения сомнений дама рассматривает фото-

графии, включая фото ее кумира Модестова. Мужчины участвуют в коллективном распитии спиртных напитков – если использовать язык партийно-милицейских протоколов. Коммунист-философ-разведчик выпивает с подозрительным дядей и его однополчанами. Сталинский философ Модестов идет в пивную, циник Полу-макаев - в ресторан. Хотя пьяным никто не валяется, все с удовольствием вспоминают о прошлых выпивках. Размышляют о прожитой жизни и открывают душу перед случайными собутыльниками. Души эти малоинтересны. Но по русскому обычаю придется в них покопаться.

Под влиянием экзамена бывший сталинист Модестов решает перековаться. Несмотря на все оговорки, ход его мыслей сводится к историческому оправданию Сталина. Попутно Петров критикует именно тип социокода уже при советском социализме. Именно бывшему сталинисту он вкладывает в уста заключительную политическую мудрость: драка не закончилась, хотя у партии ничего не осталось, кроме веры в коммунизм. Сталин умер - и обнаружилась духовная смерть партии. При описании этого феномена Петров использует выражения «средства подавления мысли», «аппарат дистилляции мысли», «фильтры подавления мысли». Речь идет о сложившихся при Сталине социальных институтах - отрицание дискуссий, отсутствие теоретических органов, тройная цензура, многоступенчатое обсуждение, реферирование, редактирование, подгонки мысли под классический стандарт. Все это душит партийную мысль. Раньше свободой мысли, правом разрабатывать теорию пользовался один человек. В итоге никто ничего не может. Люди, подгоняющие всех и все под Сталина или под любой другой заданный образец, живут и здравствуют. Опять хотят найти нормы, канонизируют мысль прошлого. Характерно, что в последующих работах Петров использовал эти же идеи для анализа СМИ, особенно телевидения.

Сталинскому *придворному философу* Петров приписывает одобрение шатовской формулы «коммунист-философ-разведчик». Модестов начинает размышлять о технологии реализации шатовских идей. Марксизм как источник мысли иссяк. Общество вступает в область, куда не могло проникнуть исторически ограниченное предвидение классиков. Без научного подвига до коммунизма не добраться. Но партия к этому не готова. Значит, надо открыть дорогу творческим исканиям вступающих в науку миллионов.

Модестов соглашается также с идеей анонимной закрытой дискуссии как средстве координации мышления. Он предлагает: вести дискуссию по всем вопросам теории и практики; постепенно расширить круг допущенных к развитию теории; воспитывать мышление рядовых членов партии на конкретных делах парторганизаций; включать в дискуссию специалистов, сдавших какие-нибудь экзамены. В целом речь идет о ликвидации иерархии в жизни партии — т.е. раздела на верхи и низы. Тогда все бы хваталось за книжки. Такая работа вооружит партию живой, гибкой наукой, творческой энергией миллионов. Если же оставить все по-прежнему, духовно инертная партия дискредитирует себя, станет в глазах народа орудием субъективного произвола немногих или одного. Потерявший веру народ воспримет партию как чуждую и враждебную силу, экспериментирующую на нуждах и лишениях народа. Тогда все пойдет прахом. Прошлое станет напрасным.

Таким образом, Петров предсказал крушение идеи коммунизма и распад КПСС и СССР почти за полсотни лет. Не исключено также, что идеи «нового мышления» списаны у Петрова.

Теперь о фигуре *циника*. Диссертация была почти готова, когда его научный руководитель исчез. Полумакаев построил защиту на полемике с научным руководителем. Две трети вступительного слова посвятил тому, что в диссертации противоречило взглядам научного руководителя. Такое почти научное отмежевание удовлетворило большинство.

Короче говоря, Петров поставил проблему предательства и моральной коррупции как нормы поведения соискателей философской степени в период сталинизма. Но ограничивается ли эта норма данным периодом? — вопрос дискуссионный.

После смерти Сталина Полумакаев пришел к тем же выводам, которые услышал на экзамене от Шатова¹²⁵. Но в отличие от Шатова Полумакаев делает выбор в пользу капитализма. Социализм —

¹²⁵ Нет науки, чтобы по ней строить коммунизм. Верхушка неспособна создать такую науку. А давать свободу миллионам не хочет. Первый период борьбы за науку будет войной обреченных на гибель одиночек с авторитетом верхушки. Но без науки о коммунизме общество протянет недолго. Тщеславие верхов, апатия низов, безнаказанная духовная и материальная коррупция средних посадят общественный корабль на экономические или на политические камни. Без анализа статистики невозможно найти силу, которая заменила бы рабочее движение. Без такой силы любая теория — несбыточная мечта. А статистика в руках верхушки, которая с ней добровольно не расстанется. Борьба за коммунизм требует в качестве первого шага почти незаметного подвига с фатальным исходом. Людей, способных на такой подвиг, мало, а нужны сотни тысяч...

это переселенческий поезд, в котором тесно, душно, беспокойно, неуютно, плохо. Его терпят ради конечной цели. Но жить в социализме нельзя. А борьба за коммунизм приносит шишки да затрешины. Поэтому капитализм вполне подойдет. «Что, собственно, произойдет, если все пойдет прахом и потерявшее ориентировку стадо повернет вспять?» - ставит вопрос Полумакаев. И отвечает: поворот ему ничем не угрожает, напротив, был бы только к лучшему. Он знает сильные и слабые сторон марксизма, подноготную событий. Поэтому поворот к капитализму создаст для него условия процветания. Но он не собирается быть капиталистом, а хочет стричь купоны со своей идеологической профессии – зарабатывать побольше денег, писать книги по истории партии, читать лекции по истории философии, построить за городом особняк с гаражом и десятком лакеев. Стать хозяином-хлебосолом. Цветом русской интеллигенции. «Пока тебе не надоест восхищаться мудростью верхов, ничто тебе не угрожает и угрожать не может».

Решение Полумакаева однозначно: если стадо изменилось, получило иммунитет, нужно изобретать новое стадо. И оно получит свой кнут в виде диалектики. Из людей типа Шатова надо сделать героев последнего акта. Остальным помочь увязнуть в тине. И когда их потянет на болотный островок частного предпринимательства, тогда убрать препятствия на ретроградном движении стада... Лично он собирается взяться за воспитание аспирантов – «реферирование провинциальных гениев». Пока существует монополия знания для избранных, философы всегда останутся знающей тенью. А отбирать знающих тоже будут философы. «Да кто, кроме нас, способен придать наукообразную форму творческим всплескам руководящего мышления?» - так заканчиваются душевные копания циника.

Итак, для всех героев (кроме Шатова) характерно утилитарное восприятие теории. Восторги перед «всплесками руководящего мышления» пока не закончились. Это тоже свидетельствует о злободневности повести.

В заключительной главе сталинский философ лечит душу в разговоре со старым плотником и его внуком. Парень после армии хочет поступить «в университет правды искать». Рабочую правду деда («сделаешь хорошо – почет тебе и уважительность от людей») он считает старой и резиновой правдой лошади. Собеседники опять

обсуждают проблему соотношения веры и знания, но теперь при советском социализме. Позиции в дискуссии таковы: внук выступает за знание в коммунизм, дед за веру, но теперь в революцию. Плотник квалифицирует философа как попа, который «решает вопросы» о смысле жизни, правде и греха. Философскую правду он отвергает: «Жмет ваша правда, как неразношенный сапог, в сомнение вводит... Рабочему человеку правду искать не с руки, шишки только схлопочешь. Не рабочее это дело – умствовать». Сталинский философ считает, что функцию попа сегодня выполняют средства массовой информации. А философы вырабатывают «правду для всех». По его мнению, правда одна, но исторически изменчива.

Собеседники выпивают «За правду!» - и в рот, нос, горло бьет помесь сивухи с одеколоном.

Затем парень упрекает профессора в эпигонстве («Ленина и Сталина мы без словаря еще в школе читать научились, а Дмитрий Иванович больше ничего не скажет. Разве что новыми словами»). Философ, с одной стороны, защищает классиков («Ленина и Сталина рано в расход списываете»), с другой стороны, пускается в риторику: «Одними мыслями Ленина и Сталина сегодня не проживешь. Хороши они были для своего времени. Но есть и такое, о чем классики могли только догадываться, о чем им не приходилось думать с цифрами в руках и событиями перед глазами. Здесь и нужно новое, правду искать». Парня интересуют мировоззренческие вопросы. Большинство занято бытом и семьей. А в остальном идут за властью, как слепые щенята: «Топить ведут, к хорошей жизни ведут – нам все равно». Он хочет сам идти и выбирать дорогу. Ему нужна общая правда, а ее нет. «У кого «Москвич», у кого баян в пеленках». Дед ставил советскую власть, а сейчас сочинил свою трудовую правду: «Тюкай, говорит, с закрытыми глазами до усталости, а что вытюкается – не твое дело... Революцию он вроде вместе со всеми делал, а теперь, говорит, что строит дом. «Может, вовсе не дом, а всенародные Бутырки? Может, сами себе одиночки по вашей правде строим?» Вопрос остается без ответа. Он считает: сознательность скисла, если опять нужна вера.

Последние эпизоды повести банальны: Модестов стоит на мосту, курит, думает; с него не спускает глаз милиционер, выполняющий традиционную советскую роль добродетельного дяди Сте-

пы¹²⁶; по приходу домой он глядит по портрет усталого и небритого Ленина, в простой деревянной рамке; эту икону ему подарил друг Яков, погибший в репрессиях; друг отпускает ему грехи¹²⁷. Герой просветляется: «Постараемся разобраться в обломках. Но решать будут миллионы».

2.5. Проблемное единство творчества

В учебниках советского времени при Хрущеве период после смерти Сталина назывался периодом активного строительства коммунизма, а при Брежневем – периодом развитого социализма. В современной историографии период с 1953 по 1991 г. называют периодом деградации коммунистического тоталитаризма¹²⁸. Поэтому производно от согласия с положительной или отрицательной оценкой данного периода в контексте всей истории СССР и советского марксизма-ленинизма будут меняться и оценки повести Петрова. Но содержание повести ограничивает диапазон изменений. Петров расставил вехи, за которые, как я думаю, выходить нельзя.

В повести Петров предлагает свое решение фундаментальных проблем: роль критики и самокритики в жизни советского общества; соотношение веры и знания; определение и понимание науки; отношение между философией и практикой; отношение к Октябрьской революции, Ленину и Сталину. При анализе этих проблем он предлагает также свое видение антропологических типов (роман-

¹²⁶ «Час на вас смотрю... Вроде просто задумался человек. А кто ж его знает, может, сиганет в воду. Утонуть-то не утонет, метро здесь строили, горб намыли. Шею сломает, если... А все неприятность — непорядок это... Думаю, как шляпу снимет, так я ему и свистну. Страх как не любят свисту, которые от чувств. Охота, что ли, пропадает? Или дело лишних глаз не терпит? Бывает, одним свистом человека спасти можно. Придет в себя, застыдится, благодарить не приходит. И, удивительное дело, всякий норовит шляпу или там галоши снять, будто чем помешать могут. И почему как-то больше мужчины лезут?.. Я вот человек десять от беды отсвистел, а женщин не видел... Место, что ли, красотой не вышло?»

¹²⁷ Остался портрет Ленина да слова друга: «Привет, Митя, время придет, и мы напомним о себе вам, живым. Никто вас не упрекнет. Объяснят, что ломалось по незнанию, ломалось в горячке боя. Но вам придется покопаться в обломках. По кусочкам подбирать из наших мыслей то, что годится в дело, что годится для будущего, для завтрашнего дня... Никто, кроме вас, уцелевших, этого не сделает. И когда пройдет пора авторитетов, встанут перед вами задачи, непосильные для одного или десятка, когда понятие «коммунист» будет означать не только «исполняю», но и «думаю», — выпей за нас, неопознанных в общей свалке. За нас, имевших несчастье заглядывать слишком далеко. Ты не бог, Митя, и друзья твои не боги. Но именно вам в свое время разбирать обломки боя, очищать идеи от пыли имен, копать и засыпать братские могилы. Не бросайте туда навалом, не все в этих могилах братья. Я, Митя, и после смерти хочу хоть пылинку, кирпичик внести в общее дело. А оно придет, это время, придет время, когда понадобятся наши кирпичики, пылинки... Ленин — тебе на память. Люблю его такого: думающего, строгого».

¹²⁸ См.: История России: XX век: 1939-2007. Под ред. А.Б.Зубова. М., Астрель: АСТ, 2009, с.291-511

тик, придворный философ-сталинист, циник), участвующих в «решении» этих вечных вопросов. Фигура коммуниста-философа-разведчика вводится для их решения. Указанные темы являются сквозными для его творчества.

Повесть Петрова злободневна, поскольку его установка при изображении действительности была сатирической. Объектом сатиры стала история революционного движения в России и советский философский бомонд. Петров не был согласен с вивисекцией сознания, которую предлагала советская философия. Никакой монополии правительства на решение социальных проблем он не признавал. Все «решенные вопросы» подлежат пересмотру. Критика должна быть универсальным феноменом социализма. В противном случае цели революционного движения останутся на бумаге. Для борьбы с реальной «суммой обстоятельств» Петров предлагал анонимную дискуссию как постоянный орган критики. Отвергал любое отождествление веры и знания на вершине и на всех остальных уровнях государственной иерархии; отвергал институционализированную религию; вера возможна только в узких рамках профессионального разделения труда; философы-коммунисты снимают это разделение, поскольку их знание является всеобщим в сфере подготовки и принятия решений. Советское начальство способствовало преобразованию социализма в капитализм. Ради построения коммунизма Петров предлагал соединить идеологию, партию и науку.

Фигура коммуниста-философа-разведчика в повести Петрова вводится для решения классической проблемы соотношения веры и знания. Биографический след такого решения явный и тоже требует анализа. Для этого сформулирую общую гипотезу: концепция социокода (разделение всей прошлой истории на лично-именной, профессионально-именной и абстрактно-понятийный типы), которой Петров оперировал в своих исследованиях, а также концепция «настоящего-будущего» (разделение будущего на мертвую зону, зону социального творчества и конечных целей) являются развитием идей, высказанных при обсуждении темы о роли критики и самокритики в жизни советского общества. Отсюда вытекает, что эта повесть является источником проблемного единства творчества М.К.Петрова. В любом случае социокод не имеет никакого отношения к ушлым ребятам и девицам, толкующим ее без учета про-

блем повести Петрова, применительно к обстоятельствам и собственному усердию не по разуму¹²⁹.

Теперь рассмотрю конкретные темы, поставленные в повести. Я впервые прочел повесть в 1989 г., после ее публикации в журнале «Дон». Тогда я воспринял текст Петрова как философское введение в политический смысл проблемы о соотношении веры и знания вообще (я как раз занимался Максом Вебером, в работах которого эта тема является центральной) и концепта теодицеи в особенности. Я полагал, что этот концепт приобрел особую актуальность в условиях крушения советской власти. Прочел об этом цикл лекций на ИППК при Ростовском университете. Попутно написал и опубликовал несколько статей о проблеме теодицеи, а недавно их переработал и расширил¹³⁰. С этой темы и начну.

¹²⁹ См.: Филатова А.В. Философский анализ социальных кодов современного бизнес-образования. Автореф. дисс. канд. филос. наук. М., 2011

¹³⁰ См.: Макаренко В.П. Это дело веры и интерпретации // Марксизм: за и против. Республика, М., 1992; Он же. Методологические проблемы исследования идеала общественного устройства // Идеал общественного устройства в истории отечественной мысли. Ростов-н/Д, РГУ, 1994; Он же. Религиозная идея: дилеммы оправдания добра // Инновационные подходы в науке. Ростов-н/Д, РГУ, 1995; Он же. Бог и лучший из возможных мир // Философские исследования. М., Наука, 1995, №4; Он же. Мировоззренческая машина: размышления автолюбителя // Политическая концептология. 2011, № 2-3

Глава 3.

Вера и знание: лучший из миров ...

Является ли бог всемогущим и всеблагим (как гласит Священное писание), а если да – как эти его качества согласовать с существованием зла в мире, который сам же бог создал?

Поиски ответа на вопрос восходят в глубину веков. Многие серьезные мыслители пытались дать ответ. Написано бесконечное число книг, трактатов, статей, богословских и философских диссертаций, душеспасительных размышлений и душеполезных поучений. Но главные аргументы в пользу того или иного ответа за две тысячи лет существования христианства почти не изменились. И убеждают далеко не всех. Об этом не мешает напомнить сегодня, когда в России возродилась официальная религия. Каждый остался при своем мнении. Такова общая судьба всех фундаментальных проблем жизни и мировоззрения.

Каков тогда смысл в их обсуждении? Что нового мы можем узнать из просмотра передач о боге и человеке, провозглашаемых сегодня с церковных амвонов, театральных и политических сцен, теле- и радиостудий, Интернета? Разговоры о религии и духовности стали повсеместными. Так не занимаются ли нынешние власти дум «игрой в бисер»? - если вспомнить метафору Г.Гессе. А если не забывать библейский сюжет, не превращаются ли в ходе игры сами игроки в свиней, не говоря о зрителях и слушателях?

Нет ответов на «проклятые вопросы». Однако на рубеже XX-XXI века опять возрос «спрос на мировоззрения», над которым иронизировал Л.Шестов в начале XX века: «Когда человек теряет способность и силы двигаться вперед, он начинает утверждать, что дошел до конца, что дальше идти некуда и не нужно, что пора остановиться и начать строить мировоззрение»¹³¹. Н.Бердяев отмечал,

¹³¹ Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. Л., 1991, с.42

что даже марксизм-ленинизм в виде официальной государственной идеологии по намерениям и целям был религиозным. Хотел заменить христианство, ответить на религиозные запросы человеческой души и дать смысл жизни¹³².

Большинство моих сограждан сегодня тянет лямку беспроектного житья-бытья под неуютным российским небом. Кто из них верит в бога и в то, что его страдания не напрасны, а кто не верит ни в бога, ни в черта, а поклоняется Маммоне? – остается неясно. Но разрыв между официальной культурой и народной жизнью был и остается главной характеристикой России на протяжении тысячелетия. Поэтому не вредно напомнить и заново осознать аргументы в пользу того или иного ответа на исходный вопрос. Тем более, что их нынче пытаются дать «лучшие умы» земли русской. Они заняли место вчерашних советских официальных идеологов и заседают, наконец, эту землю «разумным, добрым и вечным». Петров в повести «Экзамен не состоялся» называл советских идеологов чем-то «вроде попов». Новые сеятели поступают по старому шаблону: вдохновляются древним стремлением связать мировоззренческие проблемы с российским утилитаризмом и индивидуализмом¹³³. Эта связь в последние двадцать лет происходит под прикрытием вопросов: есть ли у России будущее? куда идет и пришла Россия? как обустроить Россию? Авторы этого глубокомыслия предлагают очередной вариант теодицеи - «лучшего из возможных мира» (в данном случае России). В начале XX в. М.Вебер писал о стерильной возбужденности русской интеллигенции, «...утекающей в пустоту «романтике интеллектуально занимательного» без всякого делового чувства ответственности»¹³⁴. От зуда трудно освободиться, о чем свидетельствуют неутраченные дискуссии об интеллигенции.

Для ответа на вопросы не мешает обратиться к истории религиозно-философской мысли. История – не самоцель. Но на ее основе легче осуществить «запоздалую и опасную проверку» (Кант) аргументов, которые в очередной раз предлагают политические и духовные пастыри страны.

¹³² См.: Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990, с.33, 129

¹³³ См.: Шестов Л. Указ.соч., с.87

¹³⁴ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с.690

3.1. Бесконечное уравнение и бесстрастный бог

Как показал Карл Ясперс, на переломе осевой истории были сформулированы главные положения теории абсолюта, связавшие античность, христианство и Новое время:

- абсолют (т.е. бог) тождествен самому себе, тогда как человек раздвоен и не может достичь такого тождества;

- сущность человека находится либо вне его, либо в нем – как невоплощенный абсолют, стремящийся к реализации;

- преодоление случайности человеческого существования (стремление соединиться с абсолютом) – перспектива развития человечества;

- такое преодоление – не только призвание и возврат человека к самому себе, но и путь абсолюта к полноте, которой он был лишен без сотворенного мира;

- процесс появления из абсолюта относительного и обусловленного бытия для самого абсолюта есть потеря или утрата, необходимая для будущей полноты и обогащения;

- поэтому вырождение и деградация – условие достижения высшего бытия;

- в этом смысле история мира есть такая история безусловного бытия, который в зеркале конечного духа достигает своего абсолютного совершенства;

- на конечной фазе истории исчезает различие между абсолютом и относительным миром, поскольку абсолют заново присваивает собственные создания, а они, в свою очередь, воплощаются в бытии бога.

Варианты ответов на исходный вопрос движутся в русле этих идей.

К Эпикуру и его школе восходит один из классических ответов:

- мир полон зла (это и доказывать не стоит);

- поэтому бог либо зол, либо бессилен, либо зол и бессилен одновременно;

- если бы бог был всемогущим и всеблагим, то он не только бы захотел, но и смог бы создать мир, лишенный зла и страданий¹³⁵.

Оспорить этот вывод пытались легионы верующих и неверующих, моралистов и политиков, схоластов и философов. Главные аргументы оппонентом Эпикура подытожил Лейбниц: «Могущество

¹³⁵ См.: Эмпирик С. Соч. в 2-х тт. Т.2. М., 1976, с.319-320

и знание суть совершенства, а поскольку они принадлежат богу, они не имеют границ, - писал он. – Отсюда следует, что Бог, обладая высочайшей и бесконечной мудростью, действует наисовершеннейшим образом не только в метафизическом, но и в нравственном смысле и что по отношению к нам можно сказать, что, чем более мы будем познавать дела Бога, тем более будем склонны признавать их превосходными и полностью сообразными со всем, что только можно было бы пожелать»¹³⁶.

Главное превосходное дело бога – сотворение мира. Бог является всемогущим, мудрейшим и добрейшим потому, что создал лучший из возможных мир. Сумма добра в этом мире превышает сумму зла. И если мы верим в бога как воплощенное совершенство и абсолют, то должны принять и это следствие: существующий мир – лучший из возможных.

Усомниться в выводах Лейбница на основании жизненного опыта нетрудно, но опровергнуть их не просто. Лейбниц не отрицал наличия зла в этом мире. Он просто считал, что всякий иной мир был бы хуже по сравнению с существующим, «...ибо Бог ничего не делает наобум и не похож на нас, которым часто не удается сделать благо»¹³⁷. Так обоснование повседневного оптимизма и утилитаризма (когда человек убежден, что «стоит жить и работать стоит») переплелось с теодицеей – рафинированным религиозно-философским оправданием мира. Уже упоминаемый Л.Шестов давно зафиксировал связь между повседневным утилитаризмом, учением о предустановленной гармонии и мировоззрением¹³⁸.

Логика Лейбница была несложной и развивала классическую христианскую идею о гармонии религии и морали. Одни вещи и свойства соответствуют друг другу, другие – нет. Соответствие – онтологическая и логическая категория, а любой существующий и возможный мир – это блок определенных связей между вещами и свойствами, богом, миром и людьми. Бог устанавливает, какая из логически возможных комбинаций вещей и людей принесет наибольшее благо.

Например, бог может создать, но не создает абсолютно безгрешного человека. Наоборот, дал человеку свободу воли, а она не-

¹³⁶ Лейбниц Г. Соч. в 4-х тт. Т.1. М., 1982, с.125

¹³⁷ Там же, с.144

¹³⁸ См.: Шестов Л. Указ. соч., с.87

избежно связана с грехом. Поэтому человек постоянно грешит. И даже придумал максимум практического поведения «Не согрешишь – не покаешься, не покаешься – не будешь допущен с царствие небесное». Однако эта максима вполне соответствует библейской мудрости: мытари и грешники идут в царство Божие впереди фариисеев и книжников, которые взяли ключ разумения, сами не входят и других не пускают.

Иначе говоря, если человеку не терпится оправдать свои дурные поступки, то бог – изощренный бухгалтер. Он высчитал: если бы мир населяли безгрешные автоматы, то добра в нем было бы намного меньше. Так что человеческая свобода приносит больше добра, чем зла. А бог и до и после создания мира решает бесконечное дифференциальное уравнение, хотя и не пользуется логарифмической линейкой. И в каждый момент времени этот добродушный счетовод приходит к выводу: созданный им мир – лучший из возможных, ибо зла в нем меньше, чем добра. Поэтому ни богу, ни людям беспокоиться не о чем...

Если извлечь этот вывод из жесткого онтологического, логического и мировоззренческого контекста, то он придется по нутру «человеку-червяку», который «...может привыкнуть ко всему и примириться с любой судьбой лишь при том условии, если он деградирует интеллектуально и морально до своего жалкого положения»¹³⁹. Однако Лейбниц был скромнее. В отличие от современных моралистов и пророков он не считал, что постиг секреты божественной бухгалтерии. И приводил весомые аргументы.

Человеческому разуму доступна лишь мельчайшая часть вселенной. О возможных мирах мы можем только строить догадки. Чтобы обладать знанием о реальной и возможной сумме добра и зла, не говоря о пропорциях между ними, надо знать мир в целом. Ни один человек таким знанием обладать не может. Поэтому идея всемогущего, всезнающего и всеблагого бога (абсолютные сила, знание и благо) нужна человеку просто для того, чтобы он чувствовал себя более уверенно. Человек грешен и не может делать выбор между возможными мирами. Ни один из них не является абсолютно совершенным и свободным от зла и страданий. Выбор доступен только всезнающему богу. Нельзя полагать, что в своих действиях он ограничен, ибо это противоречит идее о его всемогуществе. Но

¹³⁹ Зиновьев А. Живи // Звезда. 1991, № 10, с.24

кроме бога нет более совершенного математика и логика. Поэтому он не может совершать логически противоречивых операций, хотя это ничуть не ограничивает его всесилие.

Например, бог не может до конца написать число, выражающее корень квадратный из двух. То же самое можно сказать о человеке. Добро и зло, понятые как определенное соотношение знания и незнания, просто вытекают из его свободы выбора. И если бы даже богу вошло на ум создать мир, в котором люди были бы неспособны творить зло, - слава богу, такой мир был бы логически невозможен подобно квадратному треугольнику!

Так аксиомы математики, правила логики и требования морали были завязаны с одним узлом. Вольтер в образе Кандида дал художественный эквивалент лейбницианства, но далеко не все мыслители с ним согласились. Многие пытались распутать этот узел.

Если считать бога всеильным, но неспособным нарушить правила логики и морали, то такое представление противоречиво. Чтобы разрешить противоречие обычно использовалась идея Августина о настоящей внутренней правде, «...которая судит не по обычаю, а по справедливому закону всемогущего Бога, определившему для отдельных стран и времен нравы и обычаи, соответствующие этим временам и странам, хотя сама она всегда во всяком месте и во всякое время одна и та же»¹⁴⁰. Поэтому вдохновлявшиеся идеями Августина мыслители доказывали: законы природы, аксиомы математики, правила логики и требования морали бог установил своим свободным произвольным решением. И хотя причины этого решения нам неизвестны, нельзя исключать, что оно могло бы быть совершенно иным, ибо подобный вывод противоречил бы идее о всеилии бога.

В этом случае аргументы были более замысловаты. Бог не может быть всеильным частично или в некоторой степени. Такое представление бессмысленно. Бог решил: дважды два четыре, убийство и прелюбодеяние зло, а два противоположных суждения не могут быть истинными одновременно. Но если он всеилен, то в любой момент может перерешить. И тогда истины математики, нормы морали и правила логики станут совершенно иными. Правда, такой мир трудно вообразить. Но нельзя измерять всесилие бога

¹⁴⁰ Августин А. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. М., 1991, с.94-95

критериями ограниченного человеческого ума и полагать, что такой мир невозможен вообще.

Таковыми рассуждениями занимались искренне верующие в бога, но выводы отсюда следуют любопытные. Если согласиться, что бог по своему усмотрению (стоит ему только захотеть) может отменить истины математики, правила логики и нормы морали, то всякое оправдание добра теряет смысл. Подобно Ленину и Троцкому, издававшим революционные декреты, бог тоже «декретировал» существующий мир. Но в любой момент (подобно Сталину и его последышам) может издать новый декрет, отменив все предшествующие.

А такой вывод укрепляет позицию скрытых или явных безбожников, которые традиционно обвиняют бога в зле и несправедливости мира. Если для бога нет ничего невозможного, то он мог бы создать мир, в котором противоположные качества сосуществуют в абсолютной гармонии, а человек обладает свободой выбора в мире, из которого исключен грех и страдания. Однако бог пренебрег этим сценарием, избрал другой. В отличие от земных верховный режиссер не подчиняется господствующим вкусам. Но если истины математики, правила логики и нормы морали установлены произвольным решением бога (поскольку он всемогущ) и одновременно не содержат никакой познавательной истины, то человеческое знание и добро не имеют никакого отношения к божественным.

Например, нам кажется, что требования «Жить не по лжи» и «Жить по лжи» противоречат друг другу, но в разуме бога они прекрасно уживаются. То, что людям кажется злом, для бога есть добро, и наоборот. А если мы вслед за А.И.Солженицыным настаиваем на первом требовании, то для последовательности должны отбросить идею бога, хотя в нравственно-религиозной системе современного пророка она занимает не последнее место. Не говоря уже о том, что сам пророк был богом в том смысле, что постоянно лгал и нарушал собственную заповедь¹⁴¹. И это еще не главный вывод, если к идее бога относиться всерьез.

Строго говоря, такой ход мысли приводит к следствию: есть или нет бога – все это не имеет никакого значения для человеческого разума и морали. Бог принял ряд решений по своей воле. С точки зрения божественной мудрости и доброты эти решения случайны, как и вся человеческая жизнь. Однако произвольные и случайные

¹⁴¹ См.: Островский А. Солженицын: прощание с мифом. М., Яуза, Пресскон, 2004

решения бога предстают перед человеком как необходимые и естественные факты природы и общественной жизни. И если человек в состоянии их познавать, то бог как источник их генезиса не имеет никакого практического значения. (А противоположное суждение означает: бог создал мир «сдуру» или «спьяну» - и потому надо отбросить идею божественной мудрости, а вслед за нею и всю науку...). Тогда вся живая и неживая природа, мир человеческих отношений, убеждений и «теплых связей бытия» становится парадоксом - рассуждением, доказывающим одновременно истинность и ложность суждения «Бог есть». В мироздании перемешаны случайность и необходимость, факты и идеалы, искренняя вера и религиозная фанатерия. Что в этом тотальном «свальном грехе» является божественным, а что дьявольским? – понять невозможно. Так идея всеисилия бога приводит к выводу об абсурдности существующего мира и человеческой жизни.

В переводе с латыни *surdus* значит глухой. Если предикат абсурдности использовать для оправдания добра, то придется признать: мир извечно и навсегда глух ко всем человеческим стенаниям и призывам. И нет никакого значения, обладает ли человек даром речи или нет. Если мир глух, то все человечество немое. А речь, на которой люди пытаются рассуждать о боге и строить мировоззренческие системы, есть иллюзия или игра, в которую они играют сами с собой. Но есть библейский принцип «Вера без дел мертва». В этом смысле все религиозное мировоззрение и вытекающие из него практические действия есть разговор немых с глухим миром и богом - Герасимом из тургеневского «Муму».

Действительно, если верить библейскому сюжету, то мир природных фактов, отношений и связей изготовлен богом до создания Адама и Евы, т.е. до появления человека. Если человек верит во всеисилие бога, то обязан признать: все эти факты, отношения и связи могли бы быть совершенно иными. Железо тяжелее воды, но нет никаких доктринальных оснований для противоположного утверждения, хотя при познании природного и человеческого мира мы не можем освободиться от правил логики и морали. Их необходимость определяется природой вещей, а не бога. Это библейское существо растворяется в эмпирических фактах и истинах, которые существуют со времени познания мира и только в этом смысле необходимы. Наш познавательный и моральный традиционализм мо-

жет вступать в самые причудливые связи и даже кровосмесительные связи с религией, но никакого отношения к идее всемогущества бога не имеет.

Так в лоне христианского мировоззрения была сформулирована идея о зависимости принципов математики, логики и морали от свободных, произвольных и случайных решений бога. Эта идея была важнейшим шагом на пути становления безбожия, поскольку она связана воедино религию и атеизм. Атеизм – законнорожденный, а не внебрачный сын религии. Правда, лавры Тараса Бульбы не дают покоя большинству наших предков, современников и потомков. Но к их претензиям и угрозам не надо относиться всерьез. Атеизм – не Андрий, а Остап, который, однако, никогда не сможет ни крикнуть, ни услышать голос своего отца.

В результате развития христианского мировоззрения сущность и существование бога оказались разделены. Бог превратился в странное и одиозное существо «не от мира сего». Он в незапамятные времена издал свои законы, а затем предоставил мир и человека в нем их собственной судьбе. Значит, главный неписанный закон бога гласит «Живите как хотите». Так великий религиозный реформатор Лютер стал «непобежденным еретиком», когда провозгласил: для воли бога нельзя полагать ни причины, ни основания как закона и меры, ибо ничто не может сравниться с волей бога или стать превыше нее; воля бога есть закон всех вещей¹⁴².

Иначе говоря, стремление определить границы человеческого познания переплелось с подспудным желанием переложить ответственность за человеческую логику и мораль на произвол верховного существа. Так было положено начало разделению бога и мира, которое длится по сей день. А если произвол бога непостижим и его решения нельзя понять через познание природы и человеческих нравов, то никакого пути от человека к богу не существует. И тогда главный вопрос религии: есть ли бог? – не имеет большого значения для нашей жизни и поведения. А если оно и есть, то скорее отрицательное, как заметил Д.Мережковский: «Некогда источник великой силы – христианство сделалось теперь источником великой немощи, самоубийственной непоследовательности, противоречивости всей западноевропейской культуры»¹⁴³.

¹⁴² См.: Соловьев Э. Непобежденный еретик. М., 1983

¹⁴³ Мережковский Д. Больная Россия. Л., 1991, с.17

Этот ход мысли и аргументации породил проблемы, которые не являются суемудрием. Номиналисты, а вслед за ними Декарт сделали все для обоснования идеи о всемогуществе бога и зависимости мира от его решений. Эта тенденция в истории мысли стремилась не ограничить, а увеличить сферу божественной воли и права, поскольку даже самоочевидные аксиомы математики были поставлены от нее в зависимость. Духовный отец современного рационализма Декарт верил в бога и в провидение. Но, как нередко бывает, результаты его философии обратились против посылок. Первым это заметил Б.Паскаль. Он не зря писал: «Не могу простить Декарту: он очень хотел бы обойтись в своей философии без Бога, но так и не обошелся, заставил Его дать мирозданию щелчок и тем привести в движение, а потом Бог стал ему ненужен»¹⁴⁴. Иначе говоря, рационализм столкнул бога на позицию бесстрастного и безразличного творца в отношении своего же творения. Разрывая связь между сущностью и существованием бога в мире природных явлений и фактов, Декарт начал копать канаву на пути от природы к богу. И независимо от намерений стал предшественником деистов, которые превратили эту канаву и непреодолимый ров.

Отделение воли бога от его сущности отделило бога от человека. С одной стороны, по причине своего всемогущества бог обладает абсолютной свободой. С другой стороны, он не властен над нормами морали и принципами логики и обязан им подчиняться. Например, бог не может создать такой мир, в котором одобрялось бы кровосмешительство и отцеубийство. Они – зло сами по себе, независимо от того, что на этот счет думает всевышний. Богу могут не нравиться и правила силлогизма, но отменить их он не может.

Так должен ли бог подчиняться правилам, которые от него не зависят? На оселке этого вопроса в христианстве оттачивалась идея человеческой свободы. Фома Аквинский, Лейбниц и их последователи считают, что бог есть абсолютное бытие и не содержит никаких свойств, отличных от его сущности. Но люди могут судить о боге только на основании его действий и качеств. Никакого иного способа постичь бесконечное для ограниченного человеческого ума нет. В бытии бога совпадение его сущности и воли остается непостижимым.

¹⁴⁴ Паскаль Б. Мысли. М., 1994, с.303

Отсюда вытекает еще одна несообразность христианского мировоззрения: бог не обязан соблюдать законы, которые не зависят от его воли, но он устанавливает их не по своему капризу и не в результате выбора одного из вариантов. Бог – это совокупность всех законов. Он никогда не попадает в ситуацию витязя на распутье, чтобы свободно избрать лишь один путь. Именно этим бог отличается от людей. Решения бога – необходимые стороны его бытия и иными быть не могут. Свобода и необходимость в боге совпадают. Поэтому бог как воплощенный абсолют есть некое множество решений, приказов и действий. Здесь он подобен сержанту или полковому командиру.

Стало быть, нельзя полагать, что человеческие определения добра и зла, истины и лжи предшествуют богу и он должен им подчиняться. Но не менее абсурдно считать, что бог предшествует этим определениям. Бог – не фокусник, который в любой момент времени может извлечь истину и добро из волшебной шляпы, как фокусник Кио. И не всемогущий царь, извлекающий факты природы, общественной жизни и человеческие ценности из небытия путем издания декрета. Отношение «раньше – позже» не годится для описания бога, поскольку он вне времени. Отношение логического следования «посылка – следствие» тоже нельзя применять для описания бога как неизреченного абсолюта.

Так в христианстве решен вопрос, над которым ломал голову Платон: как сделать так, «...чтобы наше утверждение того, что боги существуют, что они благи и несравненно больше, чем люди, почитают правосудие, приобрело во всяком случае некую убедительность»¹⁴⁵? Любят ли боги благо потому, что оно есть благо само по себе или же оно есть благо потому, что его любят боги? С точки зрения христианской доктрины вопрос поставлен неправильно, ибо бог тождествен самому себе и неделим. Вопрос Платона базируется на ошибочном основании: при описании абсолютного бытия можно пользоваться понятиями «раньше – позже». Согласно христианской доктрине, в боге совпадают природа, логика и мораль.

¹⁴⁵ Платон. Законы. 887б

3.2. Может ли бог застрелиться?

Принято считать, что Спиноза ближе к атеизму, чем к религии. Однако его размышления о свободе движутся в русле христианской догматики.

Спиноза исходил из посылки: «Истинная свобода состоит только в том, что первая причина не побуждается и не принуждается ничем иным и только через свое совершенство есть причина всякого совершенства. Поэтому бог, если бы он не мог сделать этого, был бы несовершенен, ибо возможность не сделать блага или совершенства в том, что он творит, могла бы иметь место в нем только из-за недостатка»¹⁴⁶. Бог абсолютно свободен, ибо никакие внешние причины не обуславливают его действий. В то же время действия бога необходимы как следствия его постоянной и неизменной природы.

Если же кто-то в такой необходимости сомневается, то он приписывает богу нерешительность – типично человеческое качество. И полагает, что бог вначале не решался, а затем решился нечто совершить. Такое представление ложно и богохульно одновременно. Оно базируется на посылке: между намерением и действием бога существует различие и потому будущий бог не тождествен настоящему. Однако такое различие исключено по определению. Бог есть чистая актуальность, вечно существующее и длящееся «здесь и сейчас».

Критики Спинозы отвергали его философию как антихристианскую. Между тем М.К.Петров показал, что уже со второго столетия после рождения Иисуса Христа существовала теоретическая установка на изучение мира по священному тексту конечной длины, а Библия была гарантом духовного единства и взаимопонимания; бог рассматривался не как демиург в смысле Платона, а как абсолютное бытие, резюмированное в догмате Троицы¹⁴⁷. Разве такому богу можно приписать какую-то иную свободу кроме независимости от внешних причин? А именно так определял свободу Спиноза. Бог решителен и ни секунды не размышляет перед принятием решения. В Боге нет никаких намерений или возможностей, которые бы ментально не претворялись в действия и реальность.

¹⁴⁶ Спиноза Б. Избранные произведения в 2-х тт. Т.1. М., 1957, с.98

¹⁴⁷ См.: Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов-на-Дону, 1992, с.120

Иначе говоря, свобода бога не совпадает со свободой человека. Бог есть блок всех возможностей. Бессмысленно полагать, что он собирался нечто сделать, но у него ничего не получилось. Благодаря усилиям Спинозы Бог потерял качества отдельной персоны и превратился в анонимное и деперсонализованное существо, безжалостное и немилосердное по отношению к людям. Абсолютная полнота – главный атрибут бога.

Приписывая действиям бога необходимость, Спиноза не шел на разрыв с христианством, а лишь стремился сохранить верность идее бога как чистой актуальности и самодостаточности: «Бог, сотворивший мир и все, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живет и не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду»¹⁴⁸. Но результаты философии Спинозы вышли за пределы намерений ее автора. Спиноза поставил вопросы, на которые религия так и не смогла дать удовлетворительного ответа, да и вряд ли когда-то даст...

Если бог абсолютно свободен (сам есть причина своих решений и действий) и абсолютно необходим (никакая возможность в нем не скрывается), то не следует ли отсюда, что свобода и необходимость никакого отношения к богу не имеют? А если это так, то разве можно мыслить о боге и изображать его как некое особое лицо или персону по типу человека?

Наши действия ограничены обстоятельствами и условиями, над которыми мы не властны. Человек не может быть абсолютно свободным. Даже мысль о свободе появляется на фоне рабства – и наоборот. Одно непонятно и не существует без другого. Тогда как действия бога свободны и необходимы. Оба качества есть следствия чистой актуальности бога. Значит, богу неинтересна человеческая свобода как воплощение определенных возможностей. И ничуть не волнует человеческая необходимость как следствие внешних причин. Абсолютное бытие выходит за пределы свободы и необходимости. В результате идея бога становится совершенно непонятной.

Человек свободен, поскольку сознательно совершает действия по своему выбору. И несвободен, осознавая окружающий мир и людей в нем как нечто чуждое, как рамки собственной деятельности и поведения. Эти человеческие качества персонифицированы в

¹⁴⁸ Деяния Св. Апостолов, 17, 24-25

понятии личности. Ни одно из них не присуще богу. Нет действий, которые бог может, но не хочет осуществить. И не существует чуждых ему предметов и людей. Чистая актуальность и бесконечность бога означает: бог есть все. Он наблюдает за «мельчайшими пылинками живого» изнутри. Ведь если бы он созерцал их извне, он был бы ими ограничен.

Следовательно, если бог абсолютно свободен и в то же время не является отдельной персоной, невозможно понять и согласовать эти его качества. В них можно только поверить, а вслед за этим создать ряд художественных изображений бога. Борьба между иконоборцами и иконописцами отражает данную дилемму христианского мировоззрения. Свободу бога нельзя понять по аналогии с человеческой личностью и ее свободой, т.к. никакой аналогии между конечным человеком и бесконечным абсолютом быть не может. Значит, наше познание бога ограничено несовершенными средствами, в состав которых входят логика и опыт. Они деформируют идею бога, сводя ее к образу персонифицированного творца.

Христианские теодицеи осциллируют между этими двумя схемами. Одна из них стремится доказать, что зло – необходимый элемент совершенства космоса. Отсюда нетрудно заключить: зла в собственном смысле слова не существует, поскольку его бытие можно зафиксировать только с частной точки зрения. При глобальном взгляде на мир зло исчезает. Этот тип теодицеи присущ пантеистическим доктринам.

Согласно второй схеме, зло есть отрицание добра и имеет своим источником человеческую волю, пренебрегающую требованиями бога. В этой версии бог не отвечает за зло, а человек рассматривается как источник абсолютно спонтанной творческой инициативы. Поэтому его свобода совершать зло является абсолютной и равной свободе бога. Тем самым предикаты бога (всесилие, всезнание, абсолютное добро) приписываются человеку. Отсюда один шаг до признания человека самостоятельным центром всего мира и независимости человека от бога. Данный тип теодицеи тяготеет к антропоцентризму.

Указанные версии восходят к Плотину и Августину. Обе не в состоянии ответить на вопрос: почему вообще произошло отпадение мира и человека от бога? Платиновское Единое и августиновский творец отличаются абсолютной самодостаточностью. Припи-

сывание богу любой потребности в иных формах бытия есть абсолютный грех. Бог – это абсолютно самодостаточное бытие, свободное от любых недостатков. Оно не нуждается ни в чем и не может быть более совершенным, чем оно есть. Однако даже это бытие не может устоять перед судом человеческого разума и дать ответ на вопрос о причинах создания мира и человека. Сама идея абсолюта-бога содержит противоречие: если бог есть абсолют, то зачем он еще создает нечто? Если же сотворенная богом действительность содержит зло, то как его согласовать со всемогущим и всеблагим существом?

И это еще не конец истории о преобладании добра над злом. Бог не ограничен никакими внешними причинами, но принципы человеческой речи, морали и логики он нарушить не может. Например, он не может покончить самоубийством, ибо в этом случае ему пришлось бы отменять принципы, тождественные его бытию. Значит, бог менее свободен, чем человек. Правда, самоубийство в христианстве осознается как абсолютный грех. Зато эта возможность открыта перед человеком всегда. В то же время невозможность самоубийства не ставит никаких преград перед всемогуществом бога. Бытие бога необходимо. Поэтому его самоубийство внутренне противоречиво и логически невозможно. Тем самым вербальные средства постижения бога несовершенны и недостаточны.

М.К.Мамардашвили заметил, что в пространстве современного языка почти нет шансов узнать, что человек на самом деле чувствует или каково его действительное положение. В этом смысле человеческую речь можно рассматривать как разновидность абсурда¹⁴⁹. Например, когда мы говорим, что бог «не может» отменить правила морали и логики, то это выражение имеет иной смысл, чем выражение типа «Я не могу поднять этот камень, говорить по-японски, ходить по проволоке, летать» и т.д. Ведь невозможность совершения таких действий относится к области случая, а бог необходим. Данная необходимость означает отсутствие любых границ и абсолютную свободу. В итоге выражение «Бог не может» лишь подтверждает его всемогущество. В этом – существенный момент идеи абсолюта: бог наградил человека свободой, но она не имеет никакого отношения к божественной. Даже речи не может быть о том, что свобода полезнее человеку, чем ее отсутствие. Ведь она неизбежно

¹⁴⁹ См.: Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию? М., 1990, сс.201-203

связана со злом. Поэтому ее бытие совпадает со способностью человека творить зло.

Остается предположить: хотя бог сотворил человека и наградил его свободой творить зло, он так его сконструировал, что люди никогда не воплощают эту возможность в действительность. Но такое предположение не соответствует действительности. Можно допустить, что каждый человек и человечество в целом в любой момент времени и на протяжении всей жизни живет в постоянном конфликте между собственными благими намерениями, дурными действиями и их последствиями. Этот тезис тоже доказать трудно, поскольку даже осознание такого конфликта принадлежит к исключениям, а не правилам повседневной жизни людей.

Есть еще один ход мысли: общая сумма добра, совершенная всем человечеством на протяжении всей истории человеческого рода, превышает общую сумму зла и образует вечное хранилище «общечеловеческих ценностей». Но как провести различие между человечеством, лишенным свободы творить зло, и человечеством, которое обладает такой свободой, но никогда ее не реализует, поскольку так запрограммировано своим творцом?

Под каждое из этих предположений можно подвести целые традиции религиозной и светской мысли, включая пастырскую, проповедническую и идеологическую деятельность. Составная часть христианской доктрины – представление о существовании рая на небе. А современность (как показал Лео Штраус) есть секуляризованная библейская вера в возможность устройства лучшего мира (рая) на земле, а не на небе. Однако согласно тому же христианству, уже со времени сотворения мира есть существа (ангелы и святые), которые давно живут в раю, обладают разумом и свободой, но не способны творить зло...

Иначе говоря, для сохранения идеи о преобладании добра над злом из христианской доктрины надо изъять представление о рае. А из пастырско-проповеднической деятельности – все процедуры, связанные с причислением тех или иных кандидатов к лику святых и преданием анафеме. А из повседневной мирской человеческой жизни – все надежды на лучшее будущее, общее благо или счастье. Но и эти хирургические операции не спасут веру. Как измерить добро и зло? – вот вопрос.

Для начала можно согласиться с теодицеей и предположить: человеческая свобода неизбежно порождает зло и страдания. Разве можно представить современный мир, в котором человеческая способность к творчеству гармонически сосуществует с абсолютным порядком? Эта способность или гармония означает, что действия людей невозможно предвидеть. Стремления и цели у них разные, нередко исключают друг друга. Но признание этих фактов не помогает обосновать идею о преобладании добра над злом. Откуда нам может быть известно, что сумма добра в этом мире превышает сумму добра в возможных мирах безгрешных людей-автоматов? Из опыта получить такое знание мы не можем. Разве можно знать все факты и отношения реального и всех возможных миров? И когда следует закончить эту работу счетовода – сегодня, завтра или через тысячу лет? По сути дела, мы не только не можем ее закончить, но даже начать. Ведь не существует абсолютной шкалы для измерения относительных величин добра и зла. Бесконечно разнородное физическое и моральное зло не может быть сведено к универсальным единицам и ни к каким общим знаменателям, ибо в этом случае из их состава пришлось бы исключить идею человеческой свободы. Следовательно, идея о преобладании добра над злом может базироваться только на вере в бога. Убеждение в том, что существующий мир обладает минимальным количеством зла есть следствие веры.

Из веры во всесильного, всезнающего и всеблагого бога нетрудно вывести идею относительного совершенства мира. Но доброту бога нельзя доказать с помощью эмпирических данных, если даже согласиться с логическими и онтологическими доказательствами его бытия и всеислия. После Д.Юма стало ясно, что нет оснований связывать правила познавательного эмпиризма с верой в естественный порядок, моральный утилитаризм – с верой в призвание человека к счастью, а разум как продукт природы – с верой в суверенность разума. Следовательно, чтобы сохранить теодицею, доверие к богу должно предшествовать изучению мира. Однако доверие не есть звено логических и познавательных процедур. Оно может быть актом морального, политического и мировоззренческого, а не интеллектуального выбора. Поэтому теодицея ничуть не доказывает совершенство мира. Она лишь разъясняет, что существующий мир с присущей ему пропорцией добра и зла возможен и взаимосвязан. Что он создан богом и управляется с помощью его благоже-

лательного и всемогущего провидения. Но как все это происходит? – теодицея не разъясняет.

К сожалению, большинство верующих и неверующих не хотят остановиться на полпути и довольствоваться скромным, но надежным результатом религиозного мировоззрения. Повседневная жизнь и мировая история – это скопище больших и малых жестокоостей. Несмотря на это люди хотят верить, что о них заботится некий добрый опекун, обладающий высшей мудростью, а мир обладает скрытым смыслом, который рано или поздно, на земле или на небе, все же себя «окажет». И тогда судьбы отдельных индивидов и целых народов и стран предстанут как история победившей справедливости. Однако никакая философия и мировоззрение не могут удовлетворить эту надежду и потребность.

Тем более это относится к религиозной версии, пытающейся доказать, что зло есть необходимый элемент гармонии вселенной. Вселенная – это бессмысленное и бесцельное уничтожение и разложение, дьявольская злоба и неискупимое отчаяние, абсурдность и жестокость индивидуальной, коллективной и социальной жизни. Но религия толкует все это как пролог спасения души «к вящей славе бога» (как гласит девиз иезуитов). От Эриугены до Тейяра де Шардена и академика Раушенбаха не прекращаются попытки связать божественную мудрость и милосердие с человеческой глупостью и жестокостью.

На этом пути подавляющее большинство религиозных и безрелигиозных мыслителей и практических деятелей пало жертвой пантеистической веры в то, что в конце истории пригодится все, проявившее себя в ее процессе. И даже зло окажется добром. Схемы такого мышления просты: люди вплетены в поток исторической жизни и не могут из него вырваться, из-за чего полная история спасения мира и людей нам недоступна; на самом же деле (т.е. в божественных планах истории или на основании исторических законов) зло служит делу добра.

Короче говоря, религия и иные мировоззрения, использующие эти схемы, не столько решают проблему зла, сколько объявляют ее несуществующей. Тогда все факты, события и поступки, которые нам кажутся злом, толкуются как кирпичи при строительстве прекрасного и совершенного образа будущего. На этой стройке все предопределено и все идет в дело!

3.3. Смысл жизни и ярмо на шее

Указанный подход к проблеме добра и зла содержит потенциально опасные последствия. Человек начинает рассуждать так: все, что я ни делаю, способствует воплощению в жизнь божественного плана спасения мира (строительства коммунизма, обустройства России и пр.); поэтому нет оснований особо задумываться о личном поведении. По сути дела, перестроечные и постперестроечные споры о России и социализме, о степени личной и коллективной ответственности за все содеянное под названием «советской власти» так и не вышли за рамки этой схемы. И хотя Россия все еще считается наиболее атеистической страной, на деле советские политики связали религию с официальным мировоззрением и придали схемам религиозного мышления политический смысл.

Кроме того, идея о преобладании добра над злом не в состоянии удовлетворить человека, который находится в критической ситуации и размышляет над смыслом собственной жизни и судьбы. У каждого бывают такие минуты, когда мы страдаем, совсем теряем надежду на какое бы то ни было улучшение своей жизни, заняты ее переоценкой или находимся на грани самоубийства. А вдохновленный теодицеей человек подходит к нам, хлопает по плечу и говорит: «Нет ничего плохого в твоём страдании, поскольку оно необходимый кирпич в прекрасном храме вселенной. И на врагов своих тоже не обижайся, ибо благодаря им в твоём страдании проясняется великолепие мира в целом». В таких словах мы не найдем утешения. Значит, теодицея и любое рассуждение о преобладании добра над злом глубоко безразлично к индивидуальным жизням и судьбам.

В то же время проблема теодицеи не является пустопорожним развлечением ума. Она глубоко укоренена в повседневной жизни и опыте людей. Как правило, люди не хотят согласиться, что страдание и зло – лишь факты жизни и ничего более. Что они ничего не значат, ни к чему не относятся и ничем не оправданы. Однако если поставить вопрос на каменистую почву реальности – так оно и есть. Никакой рациональный анализ происхождения зла не может установить ничего другого кроме фактов, обуславливающих другие факты. Природные закономерности и случай здесь правят бал, в котором нет никакого смысла, искупления, наказания или награды.

Мир, в котором мы живем, когда-то возник, хотя никто точно не знает, как это произошло. То же самое можно сказать о целях мира – еще никому не удалось их вразумительно описать. Рано или поздно миру придет конец, солнце потухнет, жизнь на земле замрет. Вселенная остановится навсегда, достигнув термодинамического равновесия, солнечная система преобразуется в черную дыру. Ничуть не лучше обстоит дело с предназначением людей. Самая краткая история мира, написанная А.Франсом, гласит: «Рождались, страдали, умирали». В конечном счете любая общечеловеческая, национальная, политическая и индивидуальная история есть поражение бытия в схватке с небытием. Жизнь и материя, род человеческий и его творчество, страсти, мысли и желания неизбежно будут уничтожены. И навсегда пропадут в пустоте, не оставив после себя никакого следа.

Эти сентенции общеизвестны и важны по той причине, что в них не надо никого убеждать (хотя люди предпочитают о них не задумываться и не говорить). Но подобный ход мысли не является изобретением XX века, с его угрозой тотальной войны и страхом перед всеобщим уничтожением. Тот же самый мотив звучит в «Эпосе о Гильгамеше», «Ригведе», «Бхагавадгите», «Эдде», сочинениях Гомера и мифах архаичных религий. Создавшие эту литературу люди не знали законов термодинамики и астрофизики. Зато ничуть не хуже нас знали страдания и смерть, разруху и жестокость, ложь и предательство, напрасные усилия и неудовлетворенные желания. Но несмотря ни на что утверждали и обосновывали главную веру в то, что за кулисами всех физических и социальных событий скрывается некое иное бытие, которое не подлежит уничтожению и потому бессмертно. Оно скрыто от наших глаз и ушей, но нельзя сказать, что совершенно недоступно. В этой вечной действительности навсегда сохраняются все события и человеческие поступки. Поэтому наши страдания и поражения не напрасны. Благодаря им вечность обогащается и возрастает. Ее не в состоянии уничтожить время. Небытие может быть побеждено только вечностью.

Нет ничего проще вместе с Вольтером посмеяться над Панглоссом, руководствующимся девизом «Все что ни идет – все к лучшему». И похохотать над корифеем философии Гегелем, провозгласившим лозунг «Все действительное разумно, все разумное

действительно». Но опыт подсказывает, что люди, которые верят в некий анонимный целесообразный порядок, лучше подготовлены к ударам судьбы и менее склонны к отчаянию. Свидетельства узников советских и германских концлагерей подтверждают, что такие люди более устойчивы в сопротивлении невыносимым обстоятельствам человеческого существования. А моральное сопротивление увеличивает шансы физического выживания. В этом смысле «Архипелаг Гулаг» и «Колымские рассказы» могут быть названы не только художественным тюремоведением, но и главными трактатами о морали XX века, хотя их авторы стоят на совершенно противоположных идейно-эстетических позициях.

Однако ни один из фактов такого сопротивления не является доказательством истинности религиозного (как утверждает А.Солженицын) или атеистического (как считает В.Шаламов) мировоззрения. Панглосс не смог бы вынести отпущенных на его долю испытаний, если бы не верил в провидение. Жизненное кредо десятков миллионов советских и пососветских Панглоссов тоже может рассматриваться как *техника выживания* людей в невероятных условиях. В этом смысле она оправдана и не может считаться абсурдной. Но эта техника не имеет никакого отношения к истине, да и нужна далеко не всем. Вера в окончательный и искупительный смысл бытия играет роль гомеостата, который помогает людям соглашаться с существующим злом и выносить неизбежные страдания. Между мимикрией животных и техникой человеческого выживания никакой принципиальной разницы нет. И хотя ни та, ни другая не имеют никакой связи с истиной, подавляющее большинство людей склонны превращать свою карманную философию и технику выживания в доказательство своей правоты.

Верующий полагает: воля бога или провидение (невидимый указующий перст бога) благоприятствует жизни и образует ее «естественную» часть. Тем самым техника личного, национального и общечеловеческого выживания переносится в ранг таких фактов, по которым человек обладает двумя, а не тремя глазами. Эта техника связывает мировоззрение людей с древним убеждением «Природа ничего не делает напрасно». Такое утверждение отвергает человеческие стремления и желания, которые в принципе удовлетворить невозможно. Следовательно, за фасадом религиозной веры в высший смысл человеческой жизни скрываются обычный утилитар-

ризм и прагматизм. Этим объясняется ее популярность в любых политических системах, в том числе провозглашающих светские безрелигиозные цели. Так техника выживания становится важным средством идеологической манипуляции громадными массами людей.

Атеисты доказывают, что фиктивное содержание религиозных верований заключается в их компенсаторной функции. Вера выполняет роль защитного механизма для человеческой психики. Однако если даже иллюзия приносит пользу, она не перестает быть иллюзией. Если можно рационально понять и объяснить психические процессы, которые склоняют людей к определенным верованиям и стереотипам мышления, то тем самым мы имеем полное основание их отвергнуть. Конечно, знание чувственных, иррациональных оснований веры не ведет автоматически к выводу, что ее содержание насквозь ложно. Но и тот факт, что люди склонны отстаивать свои убеждения даже ценой собственной жизни, еще ничего не говорит в пользу истинности этих убеждений. Если бы это было так, то кладезем человеческой мудрости были бы погосты, а не библиотеки. Склонность человека оставаться при своем мнении независимо от фактов есть разновидность идеи абсолютного произвола бога. Она означает, что аргументы, которые при этом используются, подозрительны с точки зрения своей обоснованности и достоверности.

Конечно, проблема религиозной истины более сложна, и чуть позже будет рассмотрена особо. Здесь только подчеркну, что религия учит людей не только сопротивляться, но и подчиняться обстоятельствам. Древний конфликт между истинной православной церковью в катакомбах и официальным православием это лишний раз подтверждает. Но и влияние христианской доктрины не должно сбрасываться со счета. Каждый человек, открыв Библию и прочитав «Экклесиаст», может узнать, как ему себя вести, что не выиграть, и проиграть в схватке с жизнью. В этом смысле прав Ф.Ницше, называя христианство самым вредным из всех преступлений, поскольку оно проповедует сострадание и симпатию к бессильным и слабым. Сострадание есть антитеза тонических чувств, усиливающих жизненную энергию. Оно вызывает депрессию, сводит на нет закон эволюции – жесткий отбор сильнейших, и приводит к тому, что человек теряет силу сопротивления обстоятельствам.

Действительно, главная мудрость христианства гласит: каждый человек в своей земной жизни осужден на поражение и смерть! Но ту же самую мудрость проповедует буддизм. Обе религии убеждают, что радости жизни и счастье есть иллюзия и самообман. А если человек искренне радуется и даже бывает счастлив – это доказывает лишь его слабости и недостаточную веру в бога. Однако в данном пункте буддизм последовательнее христианства.

Библия не обещает радости и счастья на земле. Христос окончательно разрушил надежду на то, что его ученики и последователи могут вкушать земные радости жизни и одновременно рассчитывать на божественную благодать. Совсем наоборот. Бренность, тщета и нищета земного и телесного существования – предварительное условие нашего счастья на небесах. И если бы христианство обещало людям обе награды - земную и небесную - ему бы никто не сопротивлялся.

Христос учил, что в этой жизни побеждают неправедные, а праведники обречены на преследования и страдания в земной юдоли скорби и слез. Конечно, в истории христианской религии можно обнаружить множество примеров, когда идея бренности человеческого бытия использовалась для абсолютно мирских целей. Однако главный тезис христианства «Счастье состоит в бегстве от действительности» уцелел в этой истории и сохранился по сей день. Эти идея образует не только религиозно-философскую истину, но и внутреннее убеждение многих людей, как верующих, так и неверующих.

Будда не остановился на противопоставлении материальной и идеальной, телесной и духовной жизни. Он тоже рассматривал тело человека как источник страданий, поскольку оно подвержено смерти и неизбежному разложению. Но главный корень зла не тело. Каждый человек стремится утвердить, оправдать и укрепить свое особое существование, реализовать свое Я. Это и есть главная иллюзия. Чтобы от нее освободиться, а вместе с нею – и от зла, недостаточно преодолеть телесное рабство. Надо освободиться и избавиться от всех желаний, поддерживающих изоляцию человека от мира, которую он сам себе навязывает.

Будда учил, что страдание тождественно всем свойствам жизни человека на земле. К ним относятся рождение, потеря сил и здоровья, болезни, смерть, забота, печаль, несчастья, слезы, сожаление,

любовь и отвращение к вещам и людям, неудовлетворенные желания. На всем лежит печать страдания. Тело с пятью органами чувств – это чудовище с пятью руками. Оно базируется на жадности, ненасытности, алчности. Человеческие желания – вот исток страдания. Именно желания влекут нас к рождениям, искушениям, страстям, которые бродят по миру всюду и везде в поисках утolenия. Желание познать мир, родиться вторично и прервать свой круг воплощений только усиливает страдание. Чтобы их усмирить, надо стремиться к абсолютно бесстрастному угасанию, отбрасыванию и освобождению от желаний. Угасание познания вызывает упадок действий, а отсутствие действий приводит к упадку сознания. Вслед за ним гаснут имена, формы, ощущения, контакты, чувства, желания, алчность, становление, рождения, старости, смерти, заботы, печали, несчастья, жалости и отчаяния. Это итог всей громады зла под названием «жизнь».

Таков главный урок Будды, преподанный человечеству. Нет никакого смысла надевать на свою шею любой хомут, запрягать разум в телегу наших желаний, потребностей и страстей. Напрасный труд, ибо они идут вверх по бесконечной спирали. Надо их подавить без сожаления! И четко осознать, что мир в целом и наша собственная личность в нем есть глобальная иллюзия. Только при этом условии можно достичь такой полноты бытия, при которой мы можем соединиться с богом. Нужно сделать все, чтобы отвергнуть нашу особенность и исключительность, ибо она абсолютно мнимая.

Я недостаточно компетентен для того, чтобы включиться в двухтысячелетнюю дискуссию на тему: как согласовать указанную Буддой полноту бытия с продолжением нашей бренной жизни при условии, что эта полнота невыразима в обычном языке смертных? Поэтому переформулирую вопрос: в каком смысле буддийская нирвана есть угасание жизни и соответствует ли она идее союза с богом, сформулированной Экхартом и другими христианскими мистиками?

В обоих случаях мы имеем дело с чрезвычайно сильным убеждением: главный корень страдания и зла – разрыв с абсолютным, зато обратный путь для соединения с ним открыт для всех. Но в буддизме и христианстве по разному описываются преграды, которые нужно преодолеть на этом пути.

Согласно Будде, главное препятствие – желание человека быть самим собой. И не только в смысле моральном, который выражается в нашем корыстолюбии, эгоизме, жадности. Желание быть самим собой – онтологический корень зла. В отличие от психоанализа буддизм рассматривает страдания не просто как условие, но и как сильнодействующее лекарство, необходимое для исцеления человека. Привязанность к своему собственному существованию и любовь к жизни вообще есть иллюзия и потому не обладает бытием. Выражение «Это не существует» в буддизме обозначает буквальное не бытие. Тогда как христианин рассматривает это выражение как метафору (если исключить концепцию мистической саморазрушающей любви к богу). В итоге буддийская нирвана оказывается состоянием счастья, но без счастливого человека.

В буддизме зло отождествляется с определенным онтологическим фактом – рождением, индивидуализацией и отделением человека и всякого иного живого существа от остального мира. Различие между физическим и моральным злом второстепенно. Так что сам акт создания мира богом есть главный источник зла. В христианстве различие между телесной и моральной природой человека является фундаментальным. Акт сотворения мира рассматривается как источник добра. Зло – это небытие или отсутствие добра. Все существующее происходит от бога и потому заслуживает одобрения.

Иначе говоря, в христианстве зло не имеет онтологического основания, а является результатом злой воли. Человек по природе бунтарь и его воля изначально и по определению злая. Поэтому в христианстве существует резкая граница между злом и страданием. Если человек в отношениях с другими людьми руководствуется своекорыстием, эгоизмом, злобой и ненавистью, то он причиняет другим людям моральное зло и страдания. Но сами страдания не являются злом. Они могут определяться естественными, природными причинами, а не только злой волей.

Однако и естественное зло и человеческий произвол сводятся к отделению человека от бога – не в онтологическом (поскольку сам акт создания мира есть источник добра), а в моральном смысле слова. Так что сознательное и намеренное непослушание человека – причина морального зла и общей испорченности природы. А природа тоже заставляет человека страдать, наказывая его за грехи

всех людей. Этот библейский мотив Августин превратил в элемент ортодоксального христианства.

3.4. Первородный грех и случайная жизнь

Здесь мы подходим к наиболее щекотливому вопросу христианской веры – о коллективной ответственности и наказании людей. Доктрина первородного греха и искупления всегда была предметом насмешек со стороны рационалистов. Критика с моральной точки зрения была несложной. Разве можно согласиться с тем, что бог карает невинных людей за прегрешения других? Разве можно считать господа бога всеблагим, если он настолько злопамятен, что на протяжении целых тысячелетий заставляет человека страдать из-за одного-единственного акта непослушания предков? Подумаешь, Адам стащил яблоко из райского сада! Большинство христиан в детском возрасте воровали яблоки. Поэтому несоразмерность проступка и наказания понятна даже ребенку.

Критика с точки зрения логики более замысловата. Практически невозможно определить божественную справедливость в каждом акте человеческой жизни, хотя этим и занимаются апологеты религии. Как показал К.Поппер, в этом случае мы имеем дело не с защитой веры, а с логическими крохоборством. Если люди стремятся подтвердить свои убеждения «фактами из жизни», то такие убеждения нефальсифицируемы и ничего не объясняют. Главный же факт состоит в том, что среди людей нет абсолютных злодеев и абсолютных праведников. Поэтому в каждый момент нашей жизни, если ее рассматривать с точки зрения совершенной справедливости, мы заслуживаем наказания и поощрения одновременно.

Однако верующий человек полагает, что все его удачи и неудачи есть следствие хороших или дурных поступков, совершенных в прошлом. Такой способ объяснения связывает в единую цепь все прошлые, настоящие и будущие события, которую не может ни опровергнуть, ни разорвать никакой факт. Поэтому исходная теория оказывается пустой с эмпирической точки зрения. Бывает и так, что верующий не может связать настигающие его удары судьбы со своим поведением в прошлом, особенно если он не совершал никаких плохих поступков. В этом случае приходится толковать эти удары как предостережения или искушения бога.

Оба способа вмешательства бога в человеческую жизнь можно обнаружить в Ветхом завете. Но объяснение человеческой жизни в категориях наказания и поощрения не имеет никакого отношения к истине и не является достоверным. Допустим, я не в состоянии связать настигающие меня несчастья со своим прошлым, поскольку никаких особых грехов (согласно прейскуранту Моисея) не совершал. Христианская логика требует признать, что я глуп, слеп и самонадеян. Вера требует признания: в любой наугад взятый момент жизни я виноват, ибо нет такого добра, за которым бы не стояло зло. А если мне неожиданно повезло, хотя и ничем не лучше других, то как правоверный христианин я обязан рассматривать всякую удачу как поощрение или широкий жест бога. Иначе говоря, для верующего не существует таких эмпирических фактов и обстоятельств, которые бы разрушили или хотя бы пошатнули веру в бога.

Логическую критику идеи коллективной ответственности еще не удалось опровергнуть ни одному из защитников религии. Следовательно, идея бога есть просто одна из возможных гипотез, объясняющих мир и человеческую жизнь. Причем, реакция бога относится не к реальным человеческим поступкам и мыслям, а неким постоянным образцам или «общечеловеческим идеалам» (ценностям), которые необходимо открыть и использовать для предвидения будущих событий. Но если бога рассматривать как главный критерий морали, то надо признать, что в природе и в человеческом обществе действуют лишь моральные принципы, а не физические и биологические законы. Однако этого христианство никогда не провозглашало. По крайней мере после того, как Христос сказал, что бог повелевает солнцу восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных.

Действительно, разве не абсурдно предположение о том, что механизм соблюдения справедливости действует безошибочно и все наши действия, поступки и мысли оперативно оцениваются согласно законам морали? Если бы это было так, род человеческий давным-давно бы вымер. Значит, внутри самой христианской веры содержится *сомнение* в нормах морали – десяти заповедях или «общечеловеческих принципах». К вере нельзя относиться всерьез, ибо в противном случае люди должны целиком игнорировать законы природы. Пропаганда христианства обычно связана с акценти-

рованием нехитрой мысли: человеку в земной жизни не надо надеяться на моральную компенсацию. Наоборот, зло велико, добродетель будет наказана и т.п. По сути дела, к этому сводится основной смысл «душеполезных поучений», проповедуемых сегодня с телеэкрана и страниц газет. Но чтобы освоить эти истины, совсем не обязательно быть верующим. Значит, мнение о религии как основе морали ложно.

Если в подлунном мире на победу добра надеяться не стоит, то за все свои хорошие поступки человек получит награду только на том свете. Отсюда вытекает, что критика социальных функций религии, органическое недоверие к клиру и прочим звеньям государственной машины в той степени, в которой они связаны с клиром, было, есть и будет оправданным. Если вслед за Христом и его апостолами попы и монахи обещают воздаяние лишь в мире ином, то они так или иначе воспитывают в людях безразличие к злу и несправедливости. Лишают их воли и способности к восстанию или хотя бы улучшению своей жизни.

В то же время нельзя доказать, что в христианстве целиком отсутствует надежда на земное воздаяние за добро. Например, в протестантизме успех в мирских делах и бизнесе рассматривается как знак божественной благодати. Однако вера в связь между поведением и судьбой человека никогда не была ядром христианства. Его главные идеи сводятся к убеждениям: принципы божественного управления миром понять невозможно; но надо надеяться, что божественная справедливость в конечном счете победит; каждый человек (на небе или в отдаленном будущем) получит по заслугам за совершенное добро и зло; но это воздаяние не имеет ничего общего с земным счастьем или несчастьем.

Итак, верующий не должен ждать никаких наград за свои добродетели, а просто доверять богу. Если же человека настигают несчастья в виде действия сил природы, над которыми он не властен, то свои страдания он опять-таки переадресовывает богу. А сам остается при убеждении: этот абсурдный и безумный мир обладает неким скрытым смыслом, постичь который еще не удалось никому. Если ключей к шифрам бога нет и жизнь остается массой непонятных случаев, то жизнь верующего сводится к вере в бога. Хотя природные явления подчиняются естественным закономерностям, они осознаются христианином как знаки присутствия бога в мире.

То же самое убеждение можно выразить в виде философской максимы: целесообразный порядок вещей не отменяет порядка действующих причин, а наложен на него таинственным и непостижимым образом. Отсюда вытекает, что любое событие природы и человеческой жизни в равной степени определяются причинно-следственными связями и божественным провидением.

Нельзя считать природу абсолютно безразличной к человеку и лишенной любой цели. Причинно-следственный и целесообразный порядок действуют одновременно, хотя в поле зрения человека попадает лишь первый. Но на основании фактов и логики невозможно доказать одновременное действие данных порядков. Остается доверять божественной мудрости, хотя доверие в этом случае означает нечто совершенно другое, чем в повседневной жизни.

Обычно под «доверием» мы понимаем надежду на то, что в будущем человек или предмет будут вести себя так, как вели себя в прошлом. Эта надежда основана на повседневном опыте или подсчете вероятностей. В этом смысле люди говорят о доверии к своему должнику, врачу или автомобилю.

Есть и другой тип доверия, которое называют «безотчетным». Речь идет об особом чувстве благожелательности к другому человеку, хотя у нас не было возможности лично проверить его честность и добросовестность или даже есть основания в них сомневаться. Такое доверие уже ближе к вере в бога. Ведь на основании фактов и судеб отдельных людей верить в бога невозможно. Нельзя доказать, что сколько бы раз ни обращались люди к богу, - он всегда им помогал, удовлетворял их молитвы и желания. Так не бывает, наоборот, опыт подсказывает – счастье и несчастье распределяются между людьми случайно. И это распределение никогда не соответствует критериям человеческой справедливости. Как тут быть верующему?

Надо представить бога заведующим громадным учетно-распределительным отделом (типа генсека Сталина), в котором содержатся личные дела всех людей, когда-либо живших на земле. Верховный бог-генсек знает все про всех. И потому верующий вынужден принять его волю, которая проявляется в хаосе непонятных событий, слепых законов природы и несправедливых человеческих дел. Верующий обязан доверять богу еще *до того*, как его мудрость и доброта проверены на практике. Причем, никакая проверка и ре-

визия не являются окончательными, ибо главным инспектором оказывается тот же самый вседержитель. Только иногда сальдо бывает в его пользу. Значительно чаще он проворовывается и не оправдывает человеческих надежд. Но это не нарушает доверия к богу, поскольку оно не опирается на факты, а дано до опыта.

И с того момента, как человек укрепляет в вере и настаивает на своих убеждениях, он может видеть божий перст в происходящих событиях. Другим требуется неожиданное озарение, чтобы разгадать скрытое значение знаков присутствия бога в этом мире. Третьи склоняются к Паскалевской концепции бога-актера, который то появляется, то исчезает за кулисами. В любом случае верующий человек надеется, что бог управляет миром справедливо и мудро, хотя жестокости повседневной жизни этому противоречат. Доказать истинность данной надежды человек никогда не сможет.

Допустим, бог действительно хочет передать нам знаки своего присутствия в мире. Но поскольку человек разгадать их не может, усилия бога бесполезны. Да и зачем говорить с людьми на языке, который им непонятен? Так верующий попадает в порочный круг. Ведь никто не станет отрицать, что присутствие бога в мире – вопрос неясный и дискуссионный. Если бы события в мире соответствовали нормам справедливости, то всякая вера потеряла бы смысл и стала бы ненужной. Такое соответствие означало бы, что мы живем в раю.

Но побывать в раю сподобились только первопредки. Стало быть, Адам и Ева не обязаны были верить в существование бога так, как верят их потомки. Адам и Ева жили в условиях истинной теократии – под непосредственным надзором бога. Они могли видеть и общаться со своим надзирателем. Все остальные люди живут в изгнании. Здесь жизнь была, есть и будет двусмысленной. Знаки присутствия бога неясны, да и толкуются по-разному. Поэтому вера выходит за рамки непосредственного знания и естественного языка. Так почему же мы должны верить в бога и признавать его существование?

Если «почему» означает «на каких основаниях» (по аналогии с процессом формулировки гипотез), то таких оснований нет и, следовательно, нет ответ на поставленный вопрос. Но его можно переформулировать: существуют ли аргументы для доказательства

того, что гипотеза о существовании бога все же имеет определенный смысл?

3.5. Возвращение в рай и меньшие братья

Атеисты давно утверждают, что вера во всеблагого бога совершенно не согласуется с его мелочным, капризным и мстительным характером. Блажь и причуды бога подробно изложены в истории о грехопадении человека, изгнании из рая и искуплении греха. Так почему миллионы людей поверили в миф, который противоречит принципам морали и здравого рассудка? Справедливо ли наказывать все человечество за мелкую проделку предков, совершенную к тому же во времена царя Гороха? Что заставило людей на протяжении тысячелетий верить в подобный абсурд? И почему они ожидали, пока не появятся Гольбах и Гельвеций и не раскроют глаза человечеству на его собственную глупость?

Если принципы морали универсальны, то эти вопросы понятны даже неграмотному. И не являются сложной теоретической проблемой, которую должны решать высокопоставленные специалисты в сфере логики или права. Верующий христианин понимает рассказ о грехопадении по-иному, чем рационалистически ориентированный философ. Для верующего не имеет большого значения дословное понимание библейского мифа о событиях в райском саду, поскольку этот миф не является историческим описанием фактов жизни. В нем выражено стремление людей понять смысл своей моральной нищеты, интеллектуального убожества и физической бренности, с которыми неразрывно связана его судьба. В мифе содержится признание вины каждого человека и человечества в целом. Зло в нас самих, а не привнесено в мир нашими далекими предками.

Допустим, люди поверили, что Адам и Ева отвечают за все жестокости человеческой истории. Тогда наши библейские предки проклинались бы со всех религиозных и политических амвонов и стали бы главным предметом ненависти. Но этого не произошло. В фольклоре и искусстве Адам и Ева всегда изображались с симпатией и юмором. Их поступок понятен всем. Разве каждый человек может преодолеть искушение? Так что миф о первородном грехе не перекладывает ответственность за наши несчастья на далеких предков, а оставляет ее на нашей собственной совести.

Если воспользоваться метафорой Канта, символ изгнания из рая означает, что человек вытесан из сучковатого дерева. «Фальшивость, неблагодарность, несправедливость, ребячество в целях, - меланхолически констатировал Кант, - которые мы сами считаем серьезными и великими и в преследовании которых люди сами причиняют друг другу всевозможное злое, - все это настолько противоречит идее о том, чем люди могли бы быть, если бы они хотели, и настолько противно страстному желанию видеть их лучшими, что для того, чтобы их не ненавидеть – а любить их нельзя – отрешение от всех житейских радостей кажется лишь небольшой жертвой». Поэтому человеколюбие и мизантропия, открытость и аскетизм оправданы в одной и той же степени. Человек не заслуживает права на беззаботную и счастливую жизнь ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем! – такое убеждение уже далеко не бессмысленно.

Символ изгнания из рая содержит также слабую и неясную надежду на возвращение в потерянный родительский дом. Значит, человеческие страдания не напрасны. Жизнь каждого человека была, есть и пребудет крестным путем. И на этом пути люди приобретают нечто настолько важное, чего никаким иным способом достичь нельзя. Предчувствие возвращения в рай блудных сыновей и дочерей (т.е. всего человечества) содержит в себе нечто большее, чем простую надежду на восстановление первичной невинности. Что бы ни случилось, люди, люди уже не смогут вернуться в первобытное состояние. И даже зло, которое они совершили (каждый свою часть), стало средством совершенствования.

В Священном писании содержится также история спасения человечества. При рационалистической обработке она выглядит как нелепый рассказ о вздорном боге, который отдал людям своего невинного сына, чтобы они его замучили до смерти и таким образом получили прощение за ранее совершенные преступления. Конечно, символ Христа-спасителя содержит идею божественной справедливости, но никаких наводящих вопросов о наказании человечества не ставит. Этот символ вырос из метафизики зла, которая не выдумана философами и моралистами, а уходит корнями в наиболее глубокие пласты мифологии. Зло и страдание онтологически переплетены и ни одно зло не останется безнаказанным. Каждый человек получит по заслугам. Практически все религии и моральные

кодексы одобряют поведение человека, когда он страдает по собственной воле и для блага других людей.

Христианский символ страдающего бога, который берет на свои плечи судьбу человека, обладает двойным смыслом.

1. Он подтверждает веру в космическую справедливость, действующую по принципу гомеостата. Страдание нужно и требуется для того, чтобы восстановить равновесие, нарушенное деструктивной силой зла. Причем не только фактический человек-должник, совершивший зло, но и все остальные люди могут добровольно уплатить долг. Передвижки и изменения в налоге за совершенное зло возможны, если каждый человек превращается в добровольного фискала. В этом случае жертва Иисуса Христа заполняет пустоту, которую образовал злой поступок или умысел в целостности бытия.

2. Он содержит признание человеческих слабостей. Все человечество уже не в состоянии расплатиться за зло, совершенное многими поколениями. Цифра долга стала астрономической и для его уплаты требуется бого-человек. В образе Христа люди признают собственное моральное убожество. Но уже сам факт такого признания означает величие и достоинство человека. Ведь бог определил род человеческий как самое драгоценное сокровище. Чтобы не потерять его навсегда, сын божий должен снизойти в телесный и страдающий мир и принять позорную смерть ради спасения человека.

Стало быть, в образе Иисуса Христа переплелись добрые и злые, достойные хвалы и хулы стороны человеческой жизни. Человеко-бог не может спасти себя от позорной смерти и вызывает насмешки и презрение толпы, книжников и фарисеев. Они смеются над его муками. В то же время Христос становится символом, благодаря которому человек может понять свое высшее предназначение на земле. И оно не выдуманно философами и моралистами. Своей жизнью, мучениями, искуплением и воскресением Христос символизирует не только постыдную моральную и духовную низость, но и бесконечное достоинство человека. Поэтому образ был воспринят народной религиозностью без особых затруднений. Бог стал Иисусом колядок, песен и картин бесконечного числа богомазов и халтурщиков, эксплуатирующих религиозные сюжеты наравне с сексуальными. Спаситель взял под свое крыло все человечество, но остался босяком и беднягой, как каждый человек. Отчаяние и бе-

зысходность человеческой жизни в образе Христа стали повседневной истиной, доступной каждому. А такое отчаяние, как отмечал Кьеркегор, связывает каждого человека с вечностью.

Человеческому страданию можно приписать смысл в категориях греха, наказания, предупреждения, искушения, спасения, воздаяния и награды. А как быть с животными, они-то в чем провинились? С точки зрения морали они ни в чем не виноваты, поскольку спасение их не касается, и перспектив вечной жизни нет. Несмотря на это животные страдают. Достоевский писал о лошади, гибнущей от зверя-хозяина. Сталинский план коллективизации, хрущевские аграрные идеи стоили жизни целым миллионам крупного и мелкого рогатого скота, не говоря и свиньях. Б.Слуцкий писал о лошадях, гибнущих в океане во время войны. Г.Тропольский на идее страдания животного построил целую повесть и получил за это премию. Так можно ли связать страдания Белого Бима с оправданием добра?

Удобное решение проблемы предлагает рационализм. Из философии Декарта следует, что все акты наблюдения, ощущения и познания происходят в нематериальной душе, которая никак не связана с телом-машиной. Душа есть привилегия человека, животные душой не обладают. Поэтому они не в состоянии чувствовать, мыслить и страдать.

Ясно, что такая философия не осчастливила животных. Ученые, руководители диверсантов и космических полетов не терзаются сомнениями при проведении опытов над животными. Еще никто не подсчитал, сколько животных заплатило и еще заплатят своей жизнью за прогресс знания. Как свидетельствуют религии, на решение проблемы человеческого страдания потрачено громадные (но бесплодные...) усилия. Поэтому не удивительно, что для собак, крыс, мышей и раков человеческого ума и энергии остается немного. И все же два философа пытаются решить эту проблему.

К.Льюис в книге «Страдание» пишет, что животные обладают только ощущениями, а не сознанием. Поэтому животные могут страдать, но не могут осознавать следствий отдельных моментов страдания. Льюис не объясняет, как ему удалось проникнуть в психику животных, а просто декларирует: животные не обладают памятью о боли и потому менее чувствительны, чем люди. Так почему же животные страдают?

Для ответа Льюис выдвигает гипотезу. Дьявол наслал порчу в мир животных и заставил их пожирать друг друга еще до того, как был создан человек. Человеку принадлежит право восстановить моральный порядок в животном царстве, но собственное грехопадение не позволяет ему выполнить эту задачу. А поскольку звери памятью не обладают, - маловероятно, что бог наградил их бессмертием. Кошачьей «личности» в психическом смысле слова не существует. И потому раздавленная автомобилем кошка никогда не воскреснет. Хотя Льюис не исключает, что домашние животные более достойны спасения, чем бродячие. И всякая скотина может воскреснуть не сама по себе, а как член воскресшей человеческой семьи¹⁵⁰.

Другой британский теолог П.Гич недоволен таким объяснением. В своей книге «Провидение и зло» он утверждает, что гипотеза Льюиса голословна, ложна и не содержит решения. Если даже согласиться тем, что животные не обладают памятью и не осознают времени, отсюда не следует, что они вообще не страдают. Если же мы перекладываем ответственность за взаимопожирание животных на сатану, то нельзя снимать ее и с бога. Ведь именно он разрешил такое зверство. Тем самым идея о всеблагом боге опять-таки оказывается сомнительной. Поэтому Гич предлагает другое объяснение.

Невозможно доказать, что при разработке плана эволюции бог был заинтересован в сведении страданий к минимуму и забивал себе голову страданиями человека или крокодила. Но это ничуть не противоречит его совершенству, поскольку большинство человеческих добродетелей (честность, отвага, справедливость) никакого отношения к богу не имеют. Поэтому нет оснований считать, что бог (подобно человеку) сочувствует физическим недостаткам людей.

Допустим, Гич прав и нарисованный Льюисом образ бога противоречит идее его доброты. Действительно, если бог равнодушен к страданиям, то всеблагим он быть не может. Но дело не только в этом. Указанный вопрос не имеет существенного значения в индуизме, в котором грань между человеком и животным не проводится настолько резко, как в христианстве. В индуизме предполагается, что одна и та же душа может находиться в человеческом и живот-

¹⁵⁰ См.: Льюис К.С. Страдание. М., Гносис, 1991, гл.9

ном теле. Тем самым проблема освобождения от страдания становится универсальной и не зависит от того, кто или что страдает. Тогда как в христианстве страдание, которого нельзя ни искупить, ни объяснить в категории вины, остается неразрешимой проблемой.

В отличие от восточных религий христианское мировоззрение не содержит концепции заботы о «братьях наших меньших». Все они рассматриваются через призму человеческих потребностей. Восточная идея священного характера любой жизни не была воспринята в главных течениях христианства. Уже библейский человек имел право господства над животными. Уже в Ветхом завете сняты табу с питания мясом, хотя в православии вплоть до XX века мясо животных квалифицировалось как «убоина» (сам термин близок к убийству). Культ животных в христианстве давно ликвидирован. Поэтому поведение Франциска Ассизского (разговаривающего с волком) или Антония Падуанского (проповедующего рыбам) не отражает типичные установки христианства. Ведь сам Иисус Христос животными не интересовался, а обращал внимание на них лишь как на источник питания или материал для проповеди. Изгоняя бесов из бесноватого, он вогнал их в стадо свиней. Загонял рыб в сети и проклял не плодоносящее фиговое дерево.

Иудео-христианское мировоззрение провозгласило человека господином земли и подчинило природу его потребностям. Эта духовная традиция стимулировала научно-технический прогресс, на котором построена вся наша цивилизация. Восточные религии провозглашали святость всех форм жизни и такого стимула не содержали.

Таким образом, представление о мире как космосе, который упорядочил бог и придал ему смысл, не содержит внутреннего противоречия. Но оно никогда не может быть выведено из эмпирических данных, сколько бы мы их не умножали. Можно согласиться с моральным злом, страданиями и неизбежной смертью каждого человека и всего человеческого рода. Но представление о том, что из хаоса жизни можно вывести целесообразный космос, наполнить его смыслом и оправдать добро, было и останется иллюзией. Оно популярно по той причине, что вера в бога (народ, государство, семью и т.п.) обычно предшествует наблюдению и опыту. Тогда всякое размышление и исследование сводится к прослеживанию соответствующего «замысла» в течении событий. В конечном итоге мы

получаем целые ряды человеческих жизней, достойных грусти, сожаления, иронии и сарказма.

И никакая религия, философия и теодицея не сможет заменить печаль весельем. Зато для преобразования трагедии в фарс путь всегда останется открытым. Беспредельная вера и жгучее недоверие к чему бы то ни было – чистая случайность, подобно случайности нашего существования на земле. Душеполезные поучения проповедников, философов, политиков и публицистов иногда способны обращать в веру слабых духом. Но весь этот пропагандистский запал тоже останется случайной, а не действующей причиной. Границы такой пропаганды определяются возможностью доказательства банальной истины: любая вера никого не принуждает вдохновляться идеями, которые не согласуются с фактами.

Так что не стоит тратить время и силы попусту на проповедь морали, которая считается общепринятой в рамках той или иной веры. Вера и мораль был и останутся частной и потому случайной собственностью человека. Вера не связана с признанием истинности тех или иных ее положений. В ней лишь выражается наше моральное или политическое одобрение или неодобрение. Тогда как христианская идея оправдания добра и преобладания добра над злом пытается связать в одно целое совершенно противоположные ценности для того, чтобы их не могли нарушить никакие факты. На мой взгляд, в этом и состоит смысл нынешних либеральных проповедей «общечеловеческих ценностей» или монархических воплей о связи православия с русским народом, российской державой или всеми славянскими нациями. Любая связь такого типа еще более сомнительна, чем религия.

Глава 4.

... существует на нашем хуторе ...

Развивая идеи повести «Экзамен не состоялся», Михаил Константинович определял главную задачу философии как теоретическое обоснование культурных революций и социальной критики¹⁵¹. В этом контексте он описал общие свойства и различия между западной и русской критикой. На Западе основной мишенью критики была и остается наука как главная причина отчуждения, омертвления, машинизации и овеществления человеческих отношений. В России главной мишенью критики является административный порядок и воплощающие его люди. Ильенков не соглашался с этим различием, усматривая в нем византийщину, идею Третьего Рима, низкопоклонство перед Западом, русскую душу и т.п. Этот аспект спора между Петровым и Ильенковым тоже не устарел.

4.1. Странная любовь и классификация собак

В известном стихотворении М.Лермонтов назвал свое отношение к родине «странной любовью». Из этой любви он исключил старину, славу и покой – т.е. официальную политическую историю России. Взамен поэт испытывал отраду при восприятии русской природы и этнографических свойств «пьяных мужичков». Правда, это не помешало поэту Лермонтову – в качестве поручика Тенгинского полка - принимать участие в завоевании Кавказа. Никто ведь не мешал ему бежать за пределы «немытой России» и досягаемости «голубых мундиров» - хотя бы по примеру казачьего атамана Некрасова или своего современника Печерина...

В другом стихе Лермонтова дан образ «милого севера» - в отличие от опасной «южной стороны», куда несутся «тучки небесные». Из этого образа вытекает, что территориальная экспансия севера России на юг может принимать личностно-эстетические кон-

¹⁵¹ См.: Петров М.К. Историко-философские исследования. М., РОССПЭН, 1996, с.62-63

нотации. Значит, лермонтовский конфликт между ощущением русской природы и восприятием русской державы в чувстве родины является, как минимум, дискуссионным. И не отменяет факта: поэт участвовал в «проглатывании» южных земель и народов. Здесь его поведение было банальным. Абсолютное большинство русских/советских писателей славословили территориальные захваты Российской империи, затем СССР¹⁵². Многие отечественные публицисты продолжают дуть в ту же дуду¹⁵³.

Но есть приятные исключения. Примерно столетие спустя после Лермонтова В.Набоков отказался даже от своего русского имени и языка – начал писать на английском. Такова была его реакция на одно из ключевых событий политической истории СССР: заключение договора Сталин-Гитлер. Согласно Набокову, о России можно только «выть» от горя, муки и стыда за ее политику. Так он определил чувство родины. Простить этот вой нельзя - ни вождям страны, ни ее верноподданным¹⁵⁴.

Могу привести еще ряд аналогичных сентенций. Но лучше оттолкнусь от факта: «странная любовь» к царской природно-этнической России спустя столетие преобразовалась в «вой» от событий советской политической истории. Как изучать природу этой трансформации?

Для ответа на вопрос существует богатая литература. Возьму источники, которые еще не использовались в петрововедении.

«Россия, - пишет Эдуард Саид, - обрела свои имперские земли исключительно за счет соседей. В отличие от Британии и Франции, которые прыгнули на тысячи километров от своих границ на другие континенты, Россия проглатывала все земли и народы, прилежавшие к ее границам, которые таким образом расширились все дальше на восток и юг»¹⁵⁵. Процесс проглатывания земель и народов тоже хорошо описан.

Недавно издан дневник Ивана Сергеевича Аксакова. По застарелой привычке читать все от корки до корки прочел три тома. Правда, мое восприятие литературы испорчено влиянием СМО, пропагандирующих ностальгию по досоветской и советской Рос-

¹⁵² См.: Томпсон Е. Трубадуры империи. Русская литература и колониализм. Киев, Основы, 2008

¹⁵³ См., например: Шапталов Б. Русская экспансия: бей первым или погибнешь! М., ЭКСМО, АЛГОРИТМ, 2005

¹⁵⁴ См.: История России. XX век: 1939-2007. Под ред. А.Б.Зубова. – М.: Астрель:АСТ, 2009, с.29

¹⁵⁵ См.: Саид Э. Культура и империализм. Киев, Критика, 2007, с.45

сии. Поэтому в дневнике И.С.Аксакова я обнаружил много созвучного нынешним российским дискуссиям.

Иван Сергеевич объезжал с инспекционной поездкой Новороссию - огромный регион от Волги до Дуная. Новороссия – это территории в Северном Причерноморье, прилегающие к Азовскому и Черному морям. Новороссия включала южную степную часть современной Украины (Одесская, Николаевская, Кировоградская, Херсонская, север Крыма, Днепропетровская, Запорожская, Донецкая, Луганская области), и частично юг европейской части Российской Федерации (Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края), Приднестровье, Молдавия. Термин «Новороссия» употреблялся со второй половины XVIII века – по начало XX века, когда существовала Новороссийская губерния. По ходу путешествия классик славянофильства высказал интересные суждения о судьбе Одессы, судьбе евреев, сравнительном трудолюбии и уме молдаван, хохлов и русских мужиков, поповской касте России, русских купцах, специфике русской книжной торговли, официальной лжи России и сравнительном воровстве в гражданском и военном ведомствах, тайной полиции и порядке, православных холуях правительства и сути славянофильства и множестве других интересных тем¹⁵⁶.

Один сюжет выделю особо. Ростов-на-Дону – часть Новороссии. И.С.Аксаков считал, что в Новороссии произошло политическое соединение Великой, Малой и Белой Руси. Но уже к середине XIX века обнаружилось следствия правительственного вмешательства в естественные процессы: «Здесь же русские будто на чужбине: народонаселение составлено из беглых, бродяг и иностранных пришельцев. Коренные русские здесь - раскольники, очень злые, имеющие сношение с заграничными раскольниками... Воронцов, обогативши край, открывши источники сбыта, в то же время обыностранил, очужеземил его и обессилил нравственно»¹⁵⁷. «В этом пришлом народонаселении нет никакой привязанности к России, да и не к чему привязаться, потому что оно не в России, а в Новороссии, нет почвы туземной, в которую можно было бы пустить кор-

¹⁵⁶ См. об этом подробнее: Макаренко В.П. От редакции // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2012, № 2

¹⁵⁷ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838-1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А.Ф.Аксаковой. Т.2. Письма 1849-1857 гг. М., Русская книга, 2004, с.395-396

ни». «Русские здесь – поколение беглых, враждебное России... Россия является для них страшилищем, страной холода, неволи, солдатства, полицейщины, казенщины, - и крепостное право, растилающееся над Россией свинцовою тучей, пугает их невыразимо»¹⁵⁸.

Эта характеристика дополняется описанием свойств местного населения Новороссии. «Действительно, хохлы здешние порусели, русские утратили чистоту речи и особенность своего народного типа. Здешних крестьян-малороссов где-нибудь «под Полтавой» дразнят москалями, а русские бранят хохлами. Говорят они и по-малороссийски, и по-русски, и на обоих наречиях дурно; одеваются по-хохлацки, а между тем отпускают бороду по русскому обычаю. Мещане и мещанки, носившие прежде малороссийское платье, теперь его сбросили и надели русское, т.е. немецкое. Победоносен элемент великорусский и мало-помалу все подчиняет своему влиянию, но во имя великорусского элемента вносится сюда великорусская мерзость; или, лучше сказать, побеждает не великорусский элемент, а какой-то немецко-российский, трактирно-московский, расейско-лакейский. У нас, в России, мы говорим, что народ портится благодаря подражательности Западу нашего сословия, - но то, что мы признаем *искажением* нашего быта, является в Украине *образцом* чисто русского быта»¹⁵⁹.

Вердикт И.С.Аксакова был однозначен: все народы Новороссии «угнетены роковою чепухою современной всероссийской жизни»¹⁶⁰. Это суждение он высказал в середине XIX века. Сегодня уже XXI век, но конца «роковой чепухе» пока не видно. Приведу несколько свидетельств.

Ю.А.Жданов говорил об А.И.Солженицыне с отвращением, но оба увековечены в Ростовском университете: первый - памятником перед зданием библиотеки, второй - памятной доской на бывшем здании мехмата, на котором учился Солженицын. О Жданове уже шла речь. Теперь воспользуюсь картиной советской жизни в изложении А.И.Солженицына – самого знаменитого выпускника Ростовского университета и Нобелевского лауреата. Приведу фрагмент его огромного наследства.

¹⁵⁸ Там же, с.414, 422

¹⁵⁹ Т.2, с.227

¹⁶⁰ Там же, с.385

Четвертая часть «Архипелага Гулага» называется «Душа и колючая проволока». В этой части есть глава с названием «Замордованная воля»¹⁶¹. «Что́ была та страна, которая десятками лет таскала в себе Архипелаг?» - так поставил вопрос выдающийся ростовчанин.

И дал ответ: вся страна была отравлена ядами Архипелага, которые до сих пор не изжиты. Яды – это определенные качества советской жизни: постоянный страх, прикрепленность к месту, скрытность, недоверчивость, стукачество, растление, рабская психология, предательство и ложь как форма существования и основа жизни. Не буду характеризовать все качества. Упомяну те, что относятся к науке и образованию – сфере, в которой прошла большая часть жизни Петрова.

А.И.Солженицын пишет, что было безумной смелостью протестовать там, где живёшь и работаешь. Всеобщее взаимное недоверие углубляло братскую яму рабства. Любое смелое высказывание считалось провокацией. Всякий искренний протест был обречён на одиночество и отчуждение. Советское информационное пространство было заполнено казенными газетами и ораторами. При отсутствии адекватного знания об окружающей жизни невозможно было стать гражданином. Обильная вербовка осведомителей (особенно в студенческой среде) была направлена на достижение двух целей: ослабление связей между людьми, поскольку каждый чувствовал себя объектом доноса; незыблемость режима, поскольку поддавшиеся на вербовку опасаются разоблачения и заинтересованы в его укреплении. Поэтому постоянное предательство было самой безопасной формой существования¹⁶².

Массовая парша душ – такова главная характеристика советского общества. Чернильные убийцы живы до сих пор. Одни сажали ближних из страха, другие из корысти, самые молодые предавали идейно - считалось классовой доблестью разоблачить врага. Большинство «простых советских людей» заражено неблагодарностью – «раком души». Ученые и преподаватели вузов были здесь на одном из первых мест. Например, после ареста селекционера В.С.

¹⁶¹ См.: Солженицын А. Архипелаг Гулаг. Полное издание в одном томе. М., Альфа-книга, 2011, с.770-784

¹⁶² Академик Сергей Вавилов после расправы над своим братом пошёл в лакейские президенты Академии Наук. Профессора медицины Виноградов и Шерешевский пали жертвой оговора в 1952 году, но они же в 1936 г. подписали оговор на своих собратьев Плетнёва и Левина.

Маркина агроном А.А. Соловьёв своровал выведенный тем сорт пшеницы «таёжная-49». Когда разгромлен был институт буддийской культуры (все видные сотрудники арестованы), а руководитель его, академик Щербатской, умер, – ученик Щербатского Кальянов пришёл к вдове и убедил отдать ему книги и рукописи умершего – «иначе будет плохо: институт буддийской культуры оказался шпионским центром». Завладев работами, он часть из них издал под своей фамилией и тем прославился.

Многие научные репутации в Москве и Ленинграде построены на крови и костях. Неблагодарность учеников в отношении своих научных учителей сформировалась в 1930–40-е гг. Наука переходила от подлинных учёных и инженеров к скороспелым жадным выдвигенцам. Выдвигались предатели, торжествовали бездарности, а всё лучшее и честное шло под нож. Торжество низменных людей над благородными было универсальным – от столицы до провинции. Впереди шли коммунисты и комсомольцы.

Работники высшей школы возглавляли ряды лжецов. Каждое шевеление языка могло быть кем-то слышано, каждое выражение лица – кем-то наблюдаемо. Поэтому каждое слово если не обязано быть прямою ложью, то обязано не противоречить общей лжи. В самом наинужнейшем тексте где-то надо поддержать чей-то ложный авторитет или приоритет и кого-то обругать за истину: без этой лжи не выйдет в свет и академический труд.

«Нет человека, напечатавшего хоть страницу – и не солгавшего. Нет человека, взошедшего на трибуну – и не солгавшего. Нет человека, ставшего к микрофону – и не солгавшего», - такой приговор советскому обществу поставил А.И.Солженицын. Большинство советских людей потеряло критерии различия между добром и злом. Об этом свидетельствует множество отвратительных квартирных и семейных историй, детально описанных великим писателем.

Резюме А.И.Солженицына в отношении советского образа жизни однозначно: в этом зловонном мире процветали палачи и предатели, честные спивались, тела бронзовели, души подгнивали.

В такой обстановке жил, работал, мыслил и формулировал свои взгляды Михаил Константинович. Так что Солженицын не был оригинален в своей критике советской жизни. Правда, существует принципиальное различие во взглядах Петрова и Солженицына на оценку русских революций и перспективы построения коммунизма.

Петров оценивал их положительно, Солженицын отрицательно. При этом Петров оценивал мысль Маркса положительно, Солженицын отрицательно. Но в обоих случаях объект соотнесения был один и тот же – советское общество.

Чеслав Милош – другой Нобелевский лауреат – значительно раньше Петрова и Солженицына описал противоречия мышления и поведения, которые вначале сложились в Советском Союзе, а затем были перенесены в соседние страны как продукт давления советской империи и марксистского метода¹⁶³. Главной характеристикой поведения людей стало массовое актерство, которое, по мнению Милоша, восходит к цивилизации ислама. В ней возник кетман – особая игра ради защиты собственных мыслей и чувств.

По мнению мусульман, обладатель истины не должен подвергать свою личность, имущество и достоинство опасности со стороны ослепленных, безумных и злобных, которых Богу было угодно оставить в заблуждении. Нужно молчать о своих подлинных убеждениях. Но бывают случаи, когда молчание выглядит признанием. Тогда нужно не только публично отречься от своих взглядов, но использовать любые хитрости, лишь бы обмануть противника. «Кетман наполняет гордостью того, кто его практикует. Верующий благодаря этому постоянно ощущает превосходство над всеми, кого он обманул, включая министров и государей»¹⁶⁴.

В странах-сателлитах СССР кетман практиковался в более суровых формах. К ним относятся: национальный кетман, кетман революционной чистоты, эстетический кетман, кетман профессионализма, скептический, метафизический и этический кетман.

Национальный кетман был распространен среди широких масс и партийной верхушки. Но показательные процессы сторонников «национального пути к социализму» на рубеже 1940-1950-х гг. научили, что самый надежный способ спастись от обвинений – громко восхищаться достижениями России во всех областях, носить под мышкой русские журналы и книги, напевать русские песни, горячо аплодировать русским музыкантам и актерам. На деле тот, кто практиковал национальный кетман, глубоко презирал Россию как варварскую страну. Суть этого кетмана выражает фраза: «Социализм – да, Россия – нет».

¹⁶³ См.: Милош Ч. Порабощенный разум. СПб.: Алетейя, 2003, с.97-120

¹⁶⁴ Милош Ч. Указ.соч., с. 100

Кетман революционной чистоты – это вера в «святой огонь» эпохи Ленина. Но Сталин его погасил, провел жестокую коллективизацию, в лагерях принудительного труда погибли миллионы граждан Союза, в отношении нерусских народностей проводилась беспощадная политика. Всю культуру и науку подчинили директивам. Тот, кто практиковал кетман революционной чистоты, ненавидел Сталина. Считал его ответственным за страшную судьбу русского народа и за ненависть, которую русский народ вызвал к себе у других народов. Но не был в состоянии освободиться от веры в исторический детерминизм и необходимость тирании. Советская Россия устояла против Гитлера. Из этого факта извлекался вывод: дело революции устояло. Поэтому действия Сталина квалифицировались как «мудрые и эффективные», оправданными исторической ситуацией.

Эстетический кетман – это разрешение на частную жизнь взамен за пропагандистский эффект творчества. Люди искусства и науки культивировали разные варианты бегства от действительности.

Кетман профессионализма состоял в следующем. Ученые принимали участие в съездах, на которых произносились доклады в согласии с линией партии. А в лаборатории продвигали свои исследования, оперируя научными методами, и видели в этом цель жизни. Мотив был такой: достигнутые во имя истины результаты останутся, а политики исчезнут. Писатели в предисловиях для страховки от нападок ссылались на Маркса. Такие предисловия выполняли ту же задачу, что посвящения прежним королям и императорам. Кетман профессионализма был выгоден для власти. Он обосновывал порыв к образованию - получению знаний или умений в специальной области, в которой можно разрядить энергию и избежать жребия функционера, зависящего от политической конъюнктуры. Он обеспечивал социальное продвижение и культивировал иллюзию: профессиональная работа свободна от лжи.

Скептический кетман позволял квалифицировать как безумие все, что творилось в СССР и зависимых от него странах. Но он не мешал получать удовольствие от возможности наблюдать. Этот кетман способствовал абсолютному цинизму в приспособлении к меняющейся тактике.

Метафизический кетман состоял в приспособлении религиозной веры к антиметафизической, рационалистической, материаль-

ной эпохе классово́й борьбы. К этому кетману обращались не только люди всех вероисповеданий, но и атеисты.

Этический кетман состоял в воспитании «нового человека» в соответствии с принципом: хорошо все, что служит интересам революции, плохо все, что этим интересам вредит. Чем выше был поставлен кто-то в партийной иерархии, тем внимательнее наблюдали за его личной жизнью. Это способствовало культивированию аскетизма на вершине иерархии и снисходительному отношению к слабостям человеческой природы на остальных уровнях. Нормальный человек обязывался доносить властям о мыслях и поступках товарищей. Доносительство было возведено в ранг основной добродетели хорошего гражданина. Эти слабости в совокупности со склонностью улучшать собственную судьбу за счет ближних превратили этику, основанную на сотрудничестве и братстве, в этику борьбы всех против всех. Наибольшие шансы выжить в этой борьбе получили самые хитрые.

Милош предлагает зооантропологическую классификацию советских граждан и жителей стран Восточной Европы, попавших в орбиту господства Советского Союза. По его мнению, все дворовые псы делятся на два типа: шумных и brutальных; скрытных и кусающих исподтишка. Второй тип преобладал в странах Новой Веры: «Выживание наиболее приспособленных к умственной акробатике создает человеческий тип, мало до сих пор известный в современной Европе»¹⁶⁵.

Возникает вопрос: культивировал ли Петров какой-либо тип кетмана? Герой повести «Экзамен не состоялся» настаивает на искренности при ответе на «решенные вопросы». Доносчиком Петров не был, отрицательно относился к шпицам, а факт отправки рукописи повести в ЦК КПСС свидетельствует, что хитрецом он тоже не был. Прибегать к метафизическому кетману у него тоже не было повода, поскольку он отстаивал приоритет знания перед верой в ее религиозном и светском воплощении. Скептиком и циником он не был. К пропаганде относился отрицательно, никаких «решенных вопросов» не признавал. Стало быть, основные разновидности кетмана к нему не относятся. Однако от профессионального кетмана он не был свободен, поскольку признавал претензию философии на ранг всеобщего знания, а фигуру коммуниста-философа-разведчика

¹⁶⁵ Милош Ч. Указ.соч., с.117

считал необходимым средством решения проблемы связи философии с жизнью и построения коммунизма. Он не был свободен также от милитарных иллюзий, типичных для большинства советских людей, особенно поколения фронтовиков.

Петров определял человека как социализированную муху или таракана. Проблема смещается к сравнению энтомологического (у Петрова) и кинологического (у Милоша) подходов к описанию типов людей, сложившихся в СССР и странах народной демократии. Основания для такого сравнения существуют.

4.2. Культурный коктейль или проблема описания стайных животных

В.Ю.Михайлин разработал пространственно-магистический подход для анализа детерминированности культурных практик территорией, на которой находится индивид или группа. При этом термин «территория» (или «зона») понимается в культурно-антропологическом, а не пространственном смысле. Михайлин опирается на теорию Оуэна Лавджоя, который описал факторы, породившие человека как биологический вид. Определяющим в этом процессе было изобретение «детского сада», в котором несколько женщин присматривают за всеми детьми племени. Тогда у большинства племени развязываются руки для иных способов «потребления территории» и снятия «ограничителя рождаемости». Возникают три зоны: центральная соответствует территории проживания всей группы; срединная соответствует женской пищевой территории; окраинная пищевая территория принадлежит самцам. Каждая культурно маркированная территория автоматически включает адекватные ей формы поведения и исключает все остальные. Магистика – это власть кода над человеком. В.Ю.Михайлин считает, что внутри современного городского человека плещется «культурный коктейль», в котором соединяется архаика и современность¹⁶⁶.

Для доказательства этого ключевого концепта В.Михайлин анализирует русский мат, который стал общепринятым советским кодом. Магический смысл известной всем жителям Евразии ключевой формулы мата означает: что мать оппонента была осквернена псом; что не существует разницы между воином и

¹⁶⁶ См.: Михайлин В. Тропа звериных слов. Пространственно ориентированные коды в индоевропейской традиции. М., НЛО, 2005, с.11-14

собакой. Оппонент становится нечистым, проклятым и фактически мертвым сразу по трем позициям: 1. Его отец не является человеком, а сын хтонического существа сам есть существо хтоническое. 2. Мать оппонента актом коитуса с собакой теряет право называться женщиной и становится сукой. Оппонент приобретает имя сукин сын. 3. Пространство, на котором состоялся такой коитус, не может быть «нормальным» для зачатия человеческого ребенка. Оно является Диким полем – маргинальным, хтоническим пространством, противоположным «правильному» домашнему прокреативному пространству.

На этой основе в разных культурах формировался корпус эпических песен. Они были «стайным» делом, исполнялись носителем коллективного знания. Эти песни адресовались мужскому собранию в походе или на празднике.

По мере перехода от военной власти к жреческой власти военный вождь лишался власти над центром. Его харизма становилась маргинальной. Овладение колесом и техникой верховой езды лишила волчью зону естественных внешних границ. Весь мир превращался в Дикое поле, за исключением центральной культурной части. Рост мобильности волчьих стай вел к практике набегов на соседние области с целью добычи (вначале стад и отар). Пребывание в маргинальном статусе становилось нормой существования, поскольку давало возможность быстрого достижения высокого социального и экономического статуса. Набеги за добычей превращаются в территориальные захваты. Хозяевами на новых территориях становятся лидеры стаи. Новая жизнь организуется по законам общежития и Дикого поля. Война делается основным и единственным достойным занятием, агрессивность поведения – культурной нормой.

«Стая» и милитаризованные общества изначально расположены к единобожию и монотеизму. Начиная с древнего Рима армия была основным рассадником монотеизма, поскольку монотеизм – потенциальный союзник вожаков стай. Отсюда вытекает понятие воинствующей церкви (от газавата в исламе до крестовых походов в христианстве). Духовные воинские ордена – частный случай альянса между военной аристократией и церковной иерархией.

На этой основе возникает тенденция неизбежного скатывания революций к империи при параллельном восстановлении большинства прежних структур старого режима (полицейско-карательных учреждений, тайного сыска, бюрократического аппарата, подчиненной власти церковной иерархии), которые на первом этапе революции пытаются разрушить. Маргинальные волчьи стаи постепенно вырастают в специфическую государственность. Она сочетает в себе признаки Дикого поля с гипертрофированной тягой к сакрализации центра и вождя и выстраиванию жестких центростремительных структур. Волчья стайность входит в сочетание с высокой моралью и нравственностью, которые поддерживаются всеми доступными средствами.

В.Михайлин считает, что все перечисленные явления и тенденции образуют основание советского героического дискурса¹⁶⁷. Каждая культура создает своего героя и героическую эпоху. Линейная организация времени предполагает исходную точку, от которой ведет историю любое человеческое сообщество. В мифомагистическом мышлении идеи центра и периферии переплетены с понятиями сакрального и профанного. Любое нециклическое движение центробежно или центростремительно. Обычно героическая эпоха помещается в начало времен, соединяется с космо- и теогонией или в эпоху освоения новой территории. Основанием для героизации событий является их расположение на временной прямой между героической эпохой и современностью.

Основным содержанием эпического текста (преданий и песен) является героическая смерть. Герой изначально мыслится как магический мертвец. В этом качестве он совершает подвиги и принимает смерть. Любой человек, вышедший за пределы окраинной хозяйственной зоны, обретает звериный, волчий статус и является магически мертвым: «Его возвращение равносильно воскрешению из мертвых»¹⁶⁸. Боевое бешенство – главная характеристика провидческих способностей героя, атрибутивными животными которого являются волк и ворон. Умиравший или мертвый воин ближе всего к героическому воплощению. Одержимость, боевое бешенство – инвариант смерти. Интимные отношения со смертью играют могучую

¹⁶⁷ См.: Михайлин В. Между волком и собакой: героический дискурс в раннесредневековой и советской культурной традициях // НЛО. 2001, № 1/47, с.278-320

¹⁶⁸ Там же, с.281

психотерапевтическую роль на социальном и индивидуальном уровне. Основные мифические сюжеты связаны с сезонными изменениями воинских ролей волка и собаки. Эти роли представляют две ипостаси единого образа. Во всех регионах воинские мужские союзы демонстрируют зависимость своего поведения от этого образа. Одновременно есть различие между псом и волком: связанность/несвязанность (наличие у пса ошейника и цепи); ориентированность агрессии в пространстве (у пса изнутри вовне, у волка извне вовнутрь).

Изначально мужские воинские союзы соответствовали волчьей сезонности – с мая по ноябрь они проводили в поле, а зиму в культурной человеческой зоне, оставляя Дикое поле настоящим волкам. С этим связана привычка собирать волосы так, чтобы образовать волчий хвост для обретения грозного вида и вселения страха во врагов. Рабы не имели права на такую прическу.

Магическая речевая дуэль перед боем – это аналог собачьего лая, задача которого – повысить свой и понизить воинский статус оппонента. Понижение восходит к общему источнику с ключевой формулой русского мата¹⁶⁹. Смысл взаимных инвектив состоит в следующем: волки обвиняют псов за рабство, привязанность к домашнему хозяйству, бабью природу, постоянную связь с женщинами, когда настоящие воины воюют; но при встрече с волками псы подвергаются насилию и сами становятся бабами; псы обвиняют волков в дикости (пожирании падали, братоубийстве), неспособности к продолжению рода.

Деление членов воинского мужского союза на волков и псов связано с дихотомиями: привязанность/непривязанность к «центру» (земле, семье, собственности, дому, храму, государству); способность/неспособность к продолжению рода. При этом женщина выполняла две роли: показателя одомашненности волка/пса, символа его собачьей ипостаси; провокатора, валькирии, воспитателя и символа воинской удачи бойца, его боевой подруги. Во второй роли главными являются следующие свойства женщины: а) девственность как социально-магический статус, связанный с недозволенностью/невозможностью брака и правильного рождения детей;

¹⁶⁹ В блатной среде «сукой» назывался вор, пошедший на сотрудничество с властью или принявший из ее рук оружие. Блатная и армейская среда наиболее ригидны в плане консервации форм и норм поведения.

б) агонистический характер – активность и агрессивность, провоцирующий героя на сюжет.

Жрец в мифе выполняет опосредующую функцию между волком и собакой. Воплощаясь в образе свиньи (вепря), он существует в двух ипостасях – домашней (пса) и дикой (волка). Будучи травоядным, может выступать и хищником, опасным для человека. Желуди и буковые орехи в древнегерманской культуре употреблялись в пищу людьми и свиньями, домашними и дикими. Все священные рощи были дубовыми или буковыми.

В эпоху ранних варварских королевств (У-У1 вв.) произошла трансформации волчье-собачьего комплекса, которая повлияла на дальнейшие пути эпической героики. Римские провинции были пищевыми территориями, на которых уничтожались все очаги вооруженного сопротивления и которые старательно оберегались от постороннего «харчевания». Отношения варягов и славян были аналогичны.

Профессионализация армии ведет к окончательной утрате ее связи с почвой, со столицей как сакральным центром. Чем дальше от него отстоит армия, тем меньше она отличается от варварских дружин разбойников, и постепенно заменяется ими (казачество). Облик полководца, императора, цезаря начинает сливаться с обликом предводителя стаи. Он использует любую территорию (как варварскую, так и свою) для снабжения пищей; с точки зрения местного населения не существует никакого различия между профессиональной армией и стаями разбойников; с этими стаями связаны национально-освободительные движения; профессиональная армия подрывает у населения навык самообороны.

Вождь имеет право распоряжаться территорией по своему произволу, при условии соблюдения пищевых интересов стаи. С этим связана быстрая институционализация завоеванных земель, одержимость законодательным творчеством. Наведение порядка и законодательная база есть институционализация структуры пользования пищевой территорией. Раньше в Диком поле сезонные волчьи стаи бегали за добычей. В государстве территория становится добычей (может раздариваться и пр.) и местом постоянного проживания одновременно.

Государство держится на волчье-собачьем принципе «все в дом», хотя волчий центробежный принцип (потребление на месте)

постепенно взял свое. В результате волки превращаются в псов за одно-два поколения. Так появляется право наследования и издание громадного числа законов, которые регулируют нормы потребления территории. Цвет европейского рыцарства рекрутируется по стайному принципу близости и сопричастности к вожаку. Критерии свободы относятся к воину-дружиннику, а не к вольному землепашцу. Связь с почвой – т.е. собачья привязанность к земле - сакрализуется и становится неразрывной.

Сакрализация центральной власти опирается на принятие христианства исключительно сверху. При этом суть христианской доктрины никогда не интересовала вожаков стай, зато они были всегда готовы нести ее в свой народ любыми средствами, вплоть до огня и меча (это типично для всех религий). Основным рассадником монотеизма всегда была армия – вне зависимости от содержания доктрины. Любая жесткая структурированная вера была потенциальным союзником власти.

«Крестовые походы получают высшую санкцию «священной войны», джихада-газавата против язычников и неверных. Статус «государева пса» или «пса господня» становится одной из наиболее привлекательных ролей. Происходит также взаимопроникновение героического и агиографического жанров – собака и жрец идут рука об руку и объединяются в одном сюжете и лице»¹⁷⁰.

Все сформулированные констатации В.Михайлин применяет для описания антропокультурной истории СССР. Установление советской власти началось с Дикого поля – огромного по пространству и населению. Оно соответствовало территории, подконтрольной Западной Римской империи. Отсюда вытекает базовое сходство механизмов формирования и функционирования европейского и советского героического дискурса, поскольку там и здесь на любом уровне присутствует насилие.

В.Михайлин описал процессы нарастания указанного сходства как скорость институционализации подконтрольного новой власти пространства и сакрализации новых советских институтов. Суть большевистской партии – стайный принцип. Но статус стаи изменился, поскольку она сумела захватить огромную населенную территорию. Возникла задача осмысления новой роли и новой системы потребления территории. Вначале кормление власти происходило по

¹⁷⁰ Там же, с.309

нормальным волчьим законам (продразверстка, экспроприации, реквизиции). Затем произошла маргинализация большей части неподконтрольного власти вооруженного населения, которое успело распробовать вкус «крови и свободы». Эта часть не признавала права власти на землепользование. Как только истинная природа новой власти была осознана населением, оно начало борьбу с ней ее же методами – гражданской войны. Реформирование волчьей стаи в собачью произошло за два–три года (лихорадка декретов, административное строительство, сакрализация режима с помощью новой религии). Возникла задача выживания новой власти любыми средствами, а затем ее приращение по мере сил соседних территорий. Сформировалась мифологизированная нормативная эпоха. Основой официальной стайной риторики стало противопоставление «красных героев» и «гидры контрреволюции». Обмундирование с варяжскими шлемами снабдило «красных героев» былинными конотациями. Лишь после компрометации этой формы (в период поражений первых лет войны) следует структурно равнозначный имиджмейкерский ход – в армии вводятся ненавистные погоны. Красные песни связаны с героикой блатного романса. Лозунги свободы, равенства и братства обладают волчьими корнями. Образы женщин эпохи гражданской войны (в творчестве Фадеева, Фурманова, Островского) обладают всеми признаками публичной женщины. Любовь подается как искушение, через которое герою надо пройти на пути становления. У Фурманова «собака» (комиссар) одерживает победу над «волком» (Чапаевым), который умирает героической смертью. Создается агиография – от Чапаева до Штирлица

Теперь отмечу параллели между объектами интереса Петрова и Михайлина. Петрова тоже интересовали формы соединения архаики и современности. Его концепция социокода описывает темпоральные формы такого соединения. Петров интересовался пиратством как формой культуры. При этом война становится основным и единственным достойным занятием, агрессивность поведения – культурной нормой. Петров интересовался также проблемой преобразования революции в государственные бюрократические структуры. Значит, его теорию можно дополнить идеями В.Михайлина.

Пространственно-магистический подход позволяет использовать концепты стаи и животных (волка, собаки, свиньи) для анализа

типов советских людей. Образ свиньи – общий элемент мифо-магистического мышления. В этом типе мышления жрец (т.е. член духовного сословия, «поп», в терминологии Петрова) выполняет опосредующую функцию между волком и собакой. Он воплощается в образе свиньи и существует в двух ипостасях – домашней (собаки) и дикой (волка). Будучи травоядным, свинья может выступать также опасным для человека хищником. При этом важно отметить, что наведение порядка и законодательная база советской власти – это институционализация структуры пользования пищевой территорией. Государство держится на волчье-собачьем принципе «все в дом», хотя волчий центробежный принцип (потребление на месте) постепенно взял свое. Сакрализация центральной власти опирается на принятие христианства исключительно сверху. Основным рассадником монотеизма всегда была армия – вне зависимости от содержания доктрины. В 1930-е гг. в СССР произошло усиление жречески-собачьей охранительной имперской идеологии, открывшей притягательность исторической преемственности.

Итак, сфера выбора возрастает. Петров считал фигуру коммуниста-философа-разведчика главным звеном при построении коммунизма; Михайлин считает образ коммуниста-разведчика Штирлица итогом советских антропологических преобразований волчье-собачьего комплекса и героизма в имперскую идеологию СССР.

4.3. Республика ученых и носители лакейства

Прежде чем анализировать имперскую идеологию, рассмотрим другую тему. Петров также критически относился к феномену национального государства, отвергая гегелевский принцип тождества народного самосознания и государственного строя. В современной цивилизации движение репродукции подчинено не столько повышению жизненного уровня людей, сколько потребностям национальных государств как высшей для нашего времени социальной единицы: «Заботы о целостности, безопасности, военном и экономическом превосходстве накладывают свою печать на системы выбора и результаты отбора, направляют процесс обновления к целям, которые могут быть глубоко чужды человеку»¹⁷¹. Научно-техническая гонка ставит мир на грань катастрофы, когда ради сохранения института национального государства ставится на карту

¹⁷¹ Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. С.40

существование человечества вообще. Вооружение (от автоматов до ракет до систем наблюдения) – это опасный мусор.

Отношение к нации у Петрова тоже было отрицательным: «Возведенный в метафизический абсолют «начала» национальности и педантично определенный в своих «естественных» свойствах, превращенный в умозрительную абстракцию человек может оказаться таким же стабилизирующим и омертвляющим центром системы, как и постулаты высшего авторитета, творения, вечного и неизменного порядка»¹⁷². Кавычки перед словами «начала» и «естественных» означают, что Петров не считал национальность и естественные свойства человека конституирующими. Значит, все, что ранее говорилось о «взбесившихся знаках», относится к нации и национальному государству.

Согласно Петрову, будущее – это стремление к свободе и ответственности за настоящее, решение задачи по освобождению человека, избавлению его от ига репродукции и вещного отчуждения. Для выполнения этой задачи надо строго разделить интересы человека и интересы национальных государств, с которыми связаны все опасности: «Именно распределение социальности в национальные единицы и вызванное этим обстоятельством соревнование вызывает основную массу неясных по конечному назначению и очевидно преступных приложений науки»¹⁷³. Петров указывал следующую иерархию опасностей, перед которыми стоит современная цивилизация: критерии государственной пользы и актуальности; сам феномен государства; национальный характер государства; господство (собственность) государства на вещи, людей, мысли и продукты творчества людей. Поэтому Петров предлагал снять национальную характеристику государственности как самый опасный источник катастроф, отбрасывая сами идеи всеобщей пользы и необходимости национальных правительств. Бог, христианская Троица как главный абсолют, поп в голове и авторитеты (т.е. правительство) бесполезны, поскольку они не способны справиться с указанными задачами.

Для развития этих идей Петрова возьму концепцию К.Помяна. Он зафиксировал *противоположность* между европейским (естественным) и русским (неестественным) национализмом¹⁷⁴.

¹⁷² Там же, с.113

¹⁷³ Там же, с.158

¹⁷⁴ См.: Pomian K. Europa i jej narody, Warszawa 1998, s.13-14, 35-36, 80, 118-119, 136-167

Естественный европейский национализм генетически связан с христианством, которое почти три столетия было преследуемой религией. При Константине христианство стало государственной религией, взяв на себя роль прежних языческих культов. Деление на Восток и Запад, на Север и Юг сложилось внутри Римской империи. После превращения христианства в государственную религию возникло деление на духовную и светскую власть. Раздвоение власти императора на духовную и светскую было навязано соображениями обороны, но оно придало военно-политическое измерение двойственности Империи. Теория разделения власти на духовную и светскую обусловлена стремлением сделать убедительной новую идею: государство отличается от индивидов, которые его персонифицируют и ему служат. В итоге государству был приписан статус невидимого, постоянного и успешно действующего бытия. Так с помощью идеи бога была санкционирована автономия государственной бюрократии.

В Новое время Пьер Бейль разработал концепт «республики ученых» - иного типа государства по сравнению с христианской империей. Это - страна свободы, поскольку свобода тождественна самостоятельности и независимости индивида от любого партикуляризма, случайности и локальности. Гражданином такой страны можно стать только по собственной воле, а не по внешним обстоятельствам. Для этого надо освободиться от любых связей с сообществами, к которым люди принадлежат на основании рождения (семья) или внешнего принуждения (государство, нация). Граждане равны независимо от их социального статуса. Единственная иерархия в таком государстве вытекает из различия между вкладами индивидов в общее дело.

При принятии гражданства «республики ученых» человек оставляет за бортом принадлежность к религии и верность (любовь) в отношении страны, нации и семьи. Указанные принадлежности тождественны случайным партикулярным локальным свойствам, которые не могут быть конституирующими для человека. Никакой родины в таком государстве нет и оно само не является родиной. Только разум является всеобщим, необходимым и глобальным. Ценность продуктов духовного творчества зависит от того, насколько они согласуются с разумом. Граждане этого государства должны руководствоваться такой точкой зрения, которая не зави-

сит от любой частной системы отсчета. Если точка зрения удовлетворяет перечисленным условиям, - она объективна. Государство должно предоставить гражданину свободу совести, если он не нарушает публичный порядок.

Войны Французской революции и Наполеона открывают в Европе следующую фазу генезиса наций. Она протекала на двух уровнях: горизонтальном – каждая нация определялась по отношению к господствующей или подчиненной нации или к соседям; вертикальном – каждая страна вынуждена была решать конфликты между образующими нацию группами, исключая собственные элиты из наднациональной культуры и распространяясь так, чтобы охватить и тех, кто в социальной иерархии занимал низшее место.

Пути преобразования европейских народностей в нации были случайной величиной. Она зависела от борьбы и взаимодействия множества сил в разных комбинациях: 1. Царствующие династии обычно рассматривались как «священные» и представляли страну перед своим населением и зарубежьем. Чувство групповой идентичности (привязанность и верность) кристаллизовалось вокруг династий. 2. Военно-бюрократические аппараты государств обладали собственными иерархиями, традициями и символами, используя организованное насилие и осуществляя контроль над подданными. 3. Территориальные связи (города, провинции, кантоны), в которых определенные права принадлежали всем жителям или выборным инстанциям. В этом случае чувство групповой идентичности концентрировалось не вокруг лиц, а вокруг традиционных форм общественной жизни. 4. Культурные элиты и институты создавали носители коллективной памяти, представлений, чувств языковой общности, территории, прошлого и будущего. 5. Религиозные институты и авторитеты тоже принимали участие в этой борьбе. 6. Сами нации и их элементы реагировали на внешнее давление других наций и внутреннее давление собственных политических институтов.

В конечном счете генезис европейских наций был различен.

Нации Англии, Дании, Франции, Испании, Португалии, Швейцарии, Швеции были сформированы царствующими династиями и военно-бюрократическими аппаратами. В этих странах был подготовлен открытый конфликт между народом и государством. Представленный своими элитами народ был лишен любого влияния на общие дела, присвоенные государством. Нации Швейцарии, Ни-

дерландов и Бельгии возникли на основе территориальных связей. Германия, Австрия и Италия возникли в результате деятельности культурных институтов. Нации Восточной Европы (литовцы, латыши, эстонцы, финны, венгры, чехи, поляки) были созданы в результате воздействия собственных религиозных и культурных элит.

Так или иначе появление национальных идеологий подорвало систему европейского равновесия. Дестабилизация была усилена прогрессом военной техники. При этом армии всех государств воплощали насилие во внешней политике, а дипломатия была и остается мирной формой насилия.

Главная стратегическая цель всех государств промышленной Европы состояла в завершении вертикальной интеграции нации. Это способствовало росту вмешательства государства в общественную жизнь. На рубеже XIX-XX вв. в Западной Европе образовалась связь демократических и бюрократических институтов (включая армию). Эти институты функционируют на основе противоположных принципов, предлагают две разных модели национальной интеграции, имеют также разных внешних врагов. Вслед за этой связью в Европе возникло два типа национализма: демократический и авторитарно-бюрократический. Эти национализмы могут перетекать друг в друга на основе антисемитизма, милитаризма и шовинизма.

Русский национализм является неестественным, поскольку он возникал иначе. Московское государство не знало феодализма, сословной системы, не участвовало в первом объединении Европы, не пережило возрождения искусств и литературы, гуманизма и Реформации. Оно переняло от Византии ненависть к Европе. Россия была продолжением Московского княжества и вплоть до конца XVII века не принадлежала к Европе. Россия была наследницей империи монголов, царь пользовался экономической независимостью, основанной на налогах, дани, монополии внешней торговли, полезных ископаемых и исключительном владении землей.

Стала ли Россия частью Европы в результате реформ Петра? Да, поскольку: создала интеллектуальную элиту (писателей, ученых, художников), научные, образовательные и художественные институты; начала принимать участие в европейских войнах и дипломатии, а значит и в истории Европы, которая взамен начала влиять на внутреннюю эволюцию России. Нет, поскольку: по мере

европеизации страны форма правления стала еще более Самодержавной, не идущей ни в какое сравнение с европейским абсолютизмом (российский монарх всегда выходил за рамки религии и уважения к традиции); господствовало крепостное право, в котором даже дворяне не имели ни свободы, ни права на инициативу; православие как государственная религия отбрасывало все, связанное с латинским миром.

Это противоречие фиксирует центральную проблему русской культуры: спор между старым и новым приобрел форму спора между сторонниками и противниками входа России в Европу. В этом смысле Россию можно сравнить с Грецией, Румынией, Сербией, Болгарией. В каждой из этих стран господствует православие и есть свои сторонники и противники Европы. Поэтому указанные нации еще не завершили свое становление.

Вплоть до отмены крепостного права русский народ делился на две категории: бесправное крестьянство и дворянство. Поэтому национальное чувство в России приняло двоякую форму: у дворянства оно было связано с привязанностью к царю, государству, отечеству, осознанию религиозного, культурного и цивилизационного отличия от Запада, который обычно считался хуже России, а также с патернализмом в отношении крестьян; у крестьян преобладала идентичность с собственной деревней и осознание границы между ним и дворянством. Крестьянское национальное чувство концентрировалось вокруг личности царя как предмета религиозного культа и (в меньшей степени) вокруг православной церкви. Суть дела в следующем: модернизация России после отмены крепостного права затормозила процесс формирования русской нации. Все составные элементы становления наций в России только складываются и пока еще отодвинуты в будущее.

С другой стороны, все европейские нации с конца XIX в. оправдывают империализм, поскольку разделяют тезис о культурном превосходстве Европы над остальным миром. В результате даже культура стала инструментом пропаганды. СССР сам поставил себя вне Европы. В эмиграции русские «мастера культуры» воспроизводили стереотип поведения: прав только «начальник», остальные служат ему в меру приспособленчества. Значит, и русские мудрецы не свободны от шаблона «начальству виднее».

Историки определяют этот стереотип поведения и мышления как холопство, которое распространялось по мере территориальной экспансии Москвы¹⁷⁵. Великорусская расейско-лакейская мерзость (если воспользоваться терминологией И.С.Аксакова) была перенесена в советский быт и приобрела свойства властно-коммунальной паранойи¹⁷⁶. Свежее конкретно-социологическое исследование еще раз подтвердило: холуйство остается господствующим типом политической культуры российской «элиты»¹⁷⁷.

Но этот стереотип не является исключительно русским. Румынский (по происхождению) и французский (по месту жительства) философ Э.Чоран пишет: «Я – из народа рабов, отсюда мой неимоверный страх перед властью, любой властью. Стоит мне увидеть человека в форме или ГОСУДАРСТВЕННОГО (выделено Э.Чораном, - В.М.) служащего за окошком конторы, и на меня нападает паралич»¹⁷⁸.

Значит, есть предмет дискуссии: отличается ли русское холуйство от румынского, греческого, сербского и болгарского рабства и страха перед властью, поскольку во всех этих странах распространено православие? Фон для соотнесения имеется: 96% населения Голландии всегда скажет своему начальнику все, что о нем думает. Прямота голландцев выражается в пословице: «Я думаю, ты идиот, но не принимай это близко к сердцу»¹⁷⁹. Кто ближе нам с этой точки зрения - румыны или голландцы?

При ответе на данные вопросы можно исходить из общего положения, сформулированного С.Франком и развитого Петровым: «Критика породившей ее культуры есть родовая сущность философии»¹⁸⁰. Русские философы уже высказали идею национальной самокритики. В письме Г.Федотову С.Франк отмечал: «Русские меньше, чем кто-либо, склонны уважать независимую мысль и склоняться перед правдой. Замечательно у русских, как склонность к порицанию порядков на родине всегда сочеталась и доселе сочетается с какой-то мистической национальной самовлюбленностью.

¹⁷⁵ См.: Хелли Р. Холопство в России: 1450-1725. М., Академия, 1998

¹⁷⁶ См.: Утехин И. Очерки коммунального быта. М., ОГИ, 2004

¹⁷⁷ См.: Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. Проблема «элиты» в современной России. М., 2007

¹⁷⁸ Чоран Э. После конца истории. Перевод с французского Б.Дубина, Н.Мавлевич, А.Старостиной. СПб, Symposium, 2002, с.447

¹⁷⁹ См.: Макаренко В.П. Экономика, власть, культура. Ростов-на-Дону – Сочи, 2005, с.56

¹⁸⁰ См.: Кантор В.К. Философия национальной самокритики (письмо С.Л.Франка Г.П.Федотову) // Вопросы философии. 2006, № 3, с.139

Русский национализм отличается от естественных национализмов европейских народов именно тем, что проникнут фальшивой религиозной восторженностью и именно этим особенно губелен»¹⁸¹.

Иначе говоря, российское холуйство перед властью переплетено с религиозно-мистической национальной самовлюбленностью. В данном симбиозе сосуществуют несколько убеждений и стереотипов поведения: «начальству виднее»; приспособленчество; пренебрежение к независимой мысли. Все эти феномены Петров отвергал. Поэтому его творчество позволяет реализовать идею национальной самокритики для освобождения от религиозно-мистической национальной самовлюбленности.

В книге двадцатилетней давности я показал: «В какой бы стране ни приходили коммунисты к власти, они делали из своего «марксизма» такую идеологию, действительным содержанием которой был национализм, расизм или имперские амбиции. Большевистская партия способствовала пробуждению националистических идеологий, используя их в качестве средства взятия и удержания власти. То, что происходит сегодня, свидетельствует, что коммунисты сами произвели на свет своих могильщиков»¹⁸². Сходные мысли высказывает К.Помян, фиксирующий связь между радикальным национализмом и революционным социализмом в следующих пунктах: отбрасывание парламентарной демократии со всеми ее составными частями; отбрасывание правления права; отбрасывание границ между публичной (контролируемой государством) и частной сферой; отрицание рынка как механизма распределения благ; трактовка насилия как нормы политической жизни¹⁸³.

Указанные совпадения подтвердились в России на протяжении последних 15 лет, включая обновление связи между военно-репрессивными структурами страны и Русской православной церковью¹⁸⁴. Православная церковь всегда была сторонником религиозной нетерпимости и сотрудничала с полицией и армией. Поэтому ее миссионерская деятельность носила не столько религиозный, сколько военно-полицейский характер. Например, миссионеры на

¹⁸¹ Кантор В.К. Указ.соч., с. 141-142

¹⁸² См.: Макаренко В.П. Марксизм: идея и власть. Ростов-на-Дону, изд. РГУ, 1992, с.463

¹⁸³ См.: Pomian K. Europa i jej narody, Warszawa 1998, s.194-196

¹⁸⁴ См.: Воронцов В. В коридорах безвластия. Премьеры Ельцина. М., Академический проект, 2006; Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М., НЛО, 2004

Кавказе подчинялись военным комендантам Моздока и Кизляра. Обращение горцев осуществлялось на основе грубо-утилитарных мотивов. Так, по сведениям тифлисского военного губернатора, число обращенных в христианство горцев Кавказа к 1828 г. достигло 62249 человек. В то же время он отмечал, что горцы получали при крещении по 10 аршин холста и потому крестились по несколько раз¹⁸⁵. Православные миссионеры отбирали детей у раскольников и сектантов, а родителей лишали прав гражданства. Поэтому православные миссионеры получили кличку «опричников духовенства» и «шпионов правительства». При Николае I сложилась также программа «военного православия» как элемент международной политики России. Именно в период его царствования были приняты решения о строительстве второго Храма Христа Спасителя в Москве, оглашена триада «православие, самодержавие, народность» и начал реализовываться план «монументальной пропаганды» Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода русской армии в 1813-1814 гг.¹⁸⁶. Церковь поддерживала государственный аппарат для помощи колониальной политике России¹⁸⁷.

Но эта политика направлялась не столько против инородцев, сколько против коренного населения. Главные пути российской колонизации были направлены внутрь метрополии – в тульские, поморские, оренбургские деревни. Здесь государство раздавало латифундии и подавляло восстания, открывало общину и записывало фольклор, изучало старинные обычаи и религии, привозило в столицу уродов и раритеты, направляло паломников в страну Востока. Миссионерство, этнография и экзотические путешествия - характерные феномены колониализма. В России они были обращены внутрь собственного народа. Классические империи имели заморские колонии в разных концах света. Россия колонизировала свое собственное население. Такова природа российской внутренней колонизации, самоколонизации и вторичной колонизации собственной территории. Внутренняя колонизация включала военные и иностранные поселения, переселения, участие имперских интеллектуалов в этом процессе. «В силу своей парадоксальной обра-

¹⁸⁵ См.: Русское православие: вехи истории. Научн.ред. Клибанов А.И. М., Политиздат, 1989, с.438-442

¹⁸⁶ См.: Сироткин В.Г. Золото и недвижимость России за рубежом. М., Международные отношения, 2000, с.204

¹⁸⁷ См.: Русское православие: вехи истории., с.442-455

щенности на себя внутренняя колонизация оказывается циклически повторяющимся, трудно завершимым процессом. В России и Америке революция совпала с деколонизациями. В американском случае освобождение от внешней зависимости закреплялось в законах и институтах, становясь необратимой основой национального взросления. В русском случае революционное разрушение системы внутренней колонизации вело к циклическим процессам воссоздания ее в новых формах»¹⁸⁸.

В последние годы в отечественной историографии пересматривается концепция мирного и добровольного присоединения нерусских народов и территорий к России. Акцент делается на завоевании, колониальной политике и экспансии. Изучаются факты и степень сопротивления русским местного населения и число вооруженных столкновений. Первыми представителями русского народа и власти были «государевы служилые люди» и «промышленные люди» - русские пионеры-землепроходцы. Обобщенный портрет механизма русской колонизации дан рядом авторов.

А.В.Гринева исследовал историографию проблемы русской колонизации и показал, что на протяжении XIX-XX вв. сложилось три основных точки зрения на ее характер: обличительная оценка как следствие реакционной политики царского режима; апология российской колонизации сложилась в начале 1960-х гг. и доминировала вплоть до 1990-х гг.; в 1990-е гг. некоторые отечественные и зарубежные ученые высказывают мнение о гуманизме российской колонизации. На основе сопоставления этих концепций с историческими фактами А.В.Гринева заключает: «Разговоры о какой-то «гуманизации» колонизации представляются не научными. Повсеместно и всегда это был процесс извлечения прибыли путем той или иной формы эксплуатации и сверхэксплуатации местного населения и природных ресурсов. Обычно конкретные проявления гуманизма в отношении туземцев в конечном итоге преследовали конъюнктурные экономические или политические цели властей метрополии или колониальной администрации»¹⁸⁹.

Эксплуатация и сверхэксплуатация не может обойтись без прямого и косвенного насилия. Историко-концептологический метод

¹⁸⁸ Эткинд А. Бремя бритого человека или Внутренняя колонизация России // *Ab Imperio: теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве*. 2002, № 1, с.296-297

¹⁸⁹ Гринева А.В. Характер взаимоотношений русских колонизаторов и аборигенов Аляски // *Вопросы истории*. 2003, № 8, с.109

позволяет детально описать физическое, ментальное и духовное насилие¹⁹⁰. Как говорил Гамлет: «Весь мир тюрьма, а Дания – худшее из его подземелий». Поэтому духовно-политическое зло, воплощенное в главных государственных институтах своей родины, нуждается в детальном описании.

Б.А.Грушин обратил внимание на интересный факт: перед перестройкой комсомольские вожаки перебежали в КГБ, в результате чего аппарат госбезопасности первым воспользовался в своих целях перестройкой и последующими преобразованиями¹⁹¹. О каких же целях идет речь?

На вопрос ответил А.В.Островский: «Кто же осуществлял программу перестройки? Кто направлял огонь по штабам? Кто разрабатывал планы самоистребительной идеологической внутренней войны? Кто провоцировал национальные конфликты? Кто выводил диссидентское движение из подполья? Кто готовил и осуществлял «бархатные» революции? КГБ. Учреждение, которое должно было стоять на страже интересов советской империи, вольно или невольно стало одним из ее могильщиков. И ведь никто не застрелился. Как академик Легасов. Как Зубатов»¹⁹².

Действительно, во время существования СССР вне критики оставались деятельность органов управления высших уровней, госбезопасности, армии и внешней политики. Я давно показал, что все эти институты и сосредоточенные в них группы являются, как правило, реакционными и консервативными частями политической машины¹⁹³. Последующее развитие событий подтвердило эту констатацию. Зато после 1991 г. открылись шлюзы для критики. Теперь дипломаты критикуют военных и чекистов, генералы и журналисты критикуют чекистов и дипломатов, чекисты критикуют дипломатов и идеологов, главные полицмейстеры критикуют военных, бывшие идеологи огрызаются на все стороны, почти все плюются вслед ЦК КПСС, а сыновья стремятся выгородить своих па-

¹⁹⁰ См.: Макаренко В.П. Политическая концептология: первые итоги разработки // Полис. 2009, № 6, с.153-154

¹⁹¹ См.: Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. (часть 2). М., Прогресс-Традиция, 2006, с.877-878

¹⁹² Островский А.В. Солженицын: Прощание с мифом. — М., 2004, с.570

¹⁹³ См.: Макаренко В.П. Революция и власть: размышления политолога. Ростов-на-Дону, 1990, с.188-206

паш¹⁹⁴. Накапливается громадный эмпирический материал для анализа «змеиного клубка интересов» (Б.Льюис) господствующих меньшинств современной России как главного объекта критики.

Для его обобщения полезно использовать идеи других сотрудников и выпускников Ростовского университета, а не только М.К.Петрова.

Бывший студент Ростовского госуниверситета, затем кремлевский спичрайтер А.Бовин говорит о себе: «Я не был палачом и не был жертвой. Но я был неотъемлемой частью того большинства, молчание которого сделало возможным появление палачей и жертв». Одновременно он замечает: «Как ни ужасна правда, которая открыта нам, правда, которая еще не открыта, вернее, открыта не полностью, наверное, во сто крат ужаснее»¹⁹⁵. Часть правды А.Бовин открывает.

М.К.Петров создал образ «коммуниста-философа-разведчика» для решения проблемы соединения теории с практикой и построения реального коммунизма. Это была его иллюзия, но она существует до сих пор. Дипломаты и разведчики в общественном мнении традиционно квалифицируются как «государственные мужи». На деле для группы российских дипломатов типичны следующие свойства:

1. Крайняя скупость (не выписывают никаких журналов и газет, не ходят в театры и концерты, если надо покупать билеты, распустили профсоюз, поскольку надо платить 1% зарплаты в качестве членских взносов, доллары меняют не в бухгалтерии, а у знакомого менялы на рынке), грубость (особенно в консульских отделах), крайне низкая общая культура (не знают литературы, искусства, философии, современной мировой общественной мысли).

¹⁹⁴ Приведу навскидку несколько публикаций: Гриневский О. Тайны советской дипломатии. М., Вагриус, 2000; Шебаршин Л. Рука Москвы. М., ЭКСМО, 2000; Филби К. В разведке и в жизни: сборник статей и мемуаров. М., Эксмо, Яуза, 2005; Сухомлинов А. Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела. М., Детектив-Пресс, 2004; Бовин А. 5 лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (из дневника). М., Захаров, 2003; Шлыков В. Что погубило Советский Союз. Генштаб и экономика. М., 2002; Коржавин Н. В соблазнах кровавой эпохи. Воспоминания в 2 кн. Кн.1. – М., Захаров, 2006; Протоиерей Георгий Эдельштейн. Записки сельского священника. М., РГГУ, 2005; Черняев А.С. 1991 год. Дневник помощника Президента СССР. М., «Республика», 1997; Микоян С. А. Анатомия Карибского кризиса. М., Academia, 2006

¹⁹⁵ Бовин А. 5 лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (из дневника). М., Захаров, 2003, с.118

2. Не умеют смотреть на себя со стороны, с долей иронии, в МИДе они чиновники, а за границей барахольщики.

3. Усердие подменяют холуйством (перед визитом начальства у них появляется лихорадочный блеск в глазах).

4. Уклоняются от выполнения служебных обязанностей, пьянствуют, перепродают на местных рынках закупленные с дипскидкой товары.

5. Отличаются крайней бюрократизацией, коррумпированностью и скаредностью (назначают дорогие цены на визы в Россию, особенно для израильтян). В целом за претензиями на голубую дипломатическую кровь скрывается комплекс неполноценности¹⁹⁶.

Соседи из КГБ-ФСБ и ГРУ тоже недалеко ушли. Советская разведка всегда перебарщивала по части массовости, вербуя шоферов, врачей, уборщиц и прочих посольских холуев; 25% дипломатов посольства в Тель-Авиве были работниками спецслужб; «товарищи из органов» выступали при послах как комиссары и полиция нравов, хотя их собственные нравы не отличались строгостью; многие из них – малоквалифицированные люди, которых слали за рубеж по знакомству, а они вели себя там как хозяева; спецслужбисты отличаются безделием, кляузничеством; за пять лет работы посол России в Израиле А.Бовин не столкнулся ни с одной государственной тайной; вместо этого – безбрежное поле чиновничьего произвола, облеченного в форму инструкций; они собирают сведения, какие русские девушки встречаются с израильскими гражданами; отличаются допотопным мышлением: «Пытался пару раз собирать «соседей» для обмена мнениями. Не получилось. Как-то они имели склонность сводить крупные политические проблемы к разного рода козням, интригам, проискам сионизма»; существует мнение, что данные, которые поставляет политическая разведка, необходимы для принятия политических решений». «Я бы дорого дал, чтобы узнать, какая информация, полученная Москвой помимо посольства, от «соседей», пригодилась для формирования политики, принятия решений. Жаль, что я так и не узнаю этого»; стремятся восстановить позиции, которые они занимали в штатных расписаниях посольств и которые в начале 1990-х гг. были сужены; идея бдительности и безопасности, которую лансируют в последние годы, есть «Возврат к тем временам, когда всех иностранцев считали потенци-

¹⁹⁶ См.: Бовин А. Указ.соч., сс. 143, 468, 41, 73, 108, 160, 182, 339

альными шпионами, а всех «совграждан» потенциальными предателями. Если согласиться с предлагаемым порядком, то «загранучреждения» превращаются в подсобный цех разведки». А.Бовин сообщает попутно, что Мост-банк – это деньги МВД и КГБ. Не случайно аналитическую службу банка возглавляет Ф.Бобков – бывший зам.председателя КГБ, начальник бывшего идеологического управления. Он принес в банк не только деньги, но и досье на представителей политической и экономической элиты¹⁹⁷.

Таким образом, носители московско-рассейского холуйства, о котором писал И.С.Аксаков более 150 лет назад, частично опознаны. Поэтому история и социология генезиса различных групп политической бюрократии России и связанных с ними банков – важный элемент на пути анализа духовно-политического зла и реализации идеи национальной самокритики. Одновременно идея Петрова о коммунисте-философе-разведчике как главном средстве познания будущего не подтвердилась. Зато его идеи о социальной критике являются универсальными.

4.4. На пути к теории политической критики

Теперь сошлюсь на зарубежного коллегу. М.Уолцер разработал теорию политической критики на основе обобщения опыта XX в. Он определяет критику как внутреннюю работу членов общества, которые подвергают сомнению его политику и практику. Критика имеет разные формы выражения, теоретическое и идеологическое содержание. Она базируется на разном социальном опыте внутри критикуемого общества. Идеальный критик – активный член общества.

Практика критики базируется на постулате «Я выражаю недовольство, следовательно, существую», который отражает суть социального бытия. Главный вопрос современности – отношение элиты и массы, специалистов и обычных людей. Внутренняя жизнь специалистов имеет смысл, если они культивируют социальную критику. Ее концепт базируется на утверждениях:

1. Критика как саморефлексирующая деятельность возникла после Просвещения и романтизма.

2. В прошлом объектами критики были поведение и мнения отдельных людей. Критика социального порядка в целом (комплекса

¹⁹⁷ Там же, с.528, 70-71, 258-259, 292-293, 387, 529

социальных структур, практик, политических институтов и идеологий) – современное изобретение.

3. Но она пока не имеет надежной социальной позиции, роли и признания. Это надо сделать.

Для изменения ситуации Уолцер вводит *различие* между интеллектуалами, социальными критиками и революционерами: «...независимо от социальной принадлежности класс отчужденных интеллектуалов не тождествен классу социальных критиков»¹⁹⁸. Интеллектуалам присущ эскапизм, богема, нежелание просвещать и реформировать массы, желание шокировать и т.д. Революционеры часто начинают как социальные критики, но большинство социальных критиков не становятся революционерами. Только консерваторы считают революционность качеством критики. Революция и критика – разные виды деятельности. Современная академическая среда институционализирует отчуждение. Общество изолирует, но в то же время и защищает тех, кто ставит под сомнение его легитимность.

Формы социальной критики - политическое осуждение, моральное обвинение, скептические вопросы, сатирический комментарий, гневное пророчество, утопические спекуляции. Критика – тотальный процесс, в котором используются два языка: дискурс религии, морали, медицины, истории, философии; народный язык, который талантливые критики поднимают на вершину логической убедительности. Критик вызывает гнев друзей и врагов и обрекает себя на интеллектуальное и политическое одиночество.

Вначале критики были связаны с определенным этносом (пророки Израиля) и полисом (греческие циники). Но эти формы общности ограничивают критику. Потребовалось ее универсальное обоснование. Предшественники социальной критики - пророки древнего Израиля, Христос, Сократ, софисты, римские сатирики, средневековые монахи, гуманисты эпохи Ренессанса. Мощные импульсы в этом направлении даны платонизмом, стоицизмом и христианством: «Отныне критики общественного устройства должны были покидать родной город, который представлялся им мрачной пещерой, искать свой собственный путь к свету Истины, путь одинокий и непроторенный, и только после обретения этого света воз-

¹⁹⁸ Уолцер М. Компания критиков. Социальная критика и политические пристрастия XX века. М., Идея-пресс, 1999, с.25

вращаться к согражданам, имея право испытывать и порицать их. Эти вернувшиеся назад критики уже не воспринимали этнос, из которого они вышли, как родственный. Они смотрели на него с позиции вновь обретенной объективности... Поиск истины за пределами родственных и гражданских связей становится отныне характерной меткой социального критика... Дистанцированность критика создает новую разновидность критики. Но возможность эта достигается с большим трудом, поскольку требует сознательного разрыва со своей общиной. От критика героизм требуется еще до того, как он стал критиком, - когда он порывает со своей общиной и дистанцируется от нее»¹⁹⁹.

Мужество – главная добродетель социального критика²⁰⁰. Исторический детерминизм с нею не совместим, поскольку в детерминированном мире сопротивление бессмысленно.

Мотивы социальной критики - страсть к истине, осуждение несправедливости, симпатия к угнетенным, разочарование, страх перед массами, стремление к власти. Процесс становления социальной критики специфичен. Критики обычно происходят из отсталой части страны, колонии, уходящей социальной страты, плебеев, угнетенных и париев. Обычная форма маргинальности – это страстная приверженность культурным ценностям, которые лицемерно отстаиваются в центре и которыми цинично пренебрегают на периферии. Антагонизму принадлежит ведущая роль в пробуждении критической деятельности. Самая резкая критика всегда направляется на самые близкие критику лица и группы, а разочарование - на народ и социальные институты.

Современные критики вовлечены в деятельность партий и движений и податливы опасному соблазну власти. Они рассматривают партию как потенциальное правительство, а себя – как его чиновников. Но обладание властью губительно для социальной критики, ибо после прихода к власти критик перестает критически оценивать результаты своих действий: «Вся история социальной кри-

¹⁹⁹ Там же, с.35

²⁰⁰ Эта добродетель не связана со сплетней как распространенной формой недовольства. Сплетня – это женский дискурс, потенциально бросающий вызов публичной точке зрения, создающий язык для альтернативной культуры. Мужчины тоже сплетничают, но именно у женщин сплетни становятся средством компенсации социальной субординации. Сплетня не требует мужества и предназначена для тех, кто не может позволить себе публичную демонстрацию мужественности. Там же, с.37

тики недавнего времени может быть описана как цепь такого рода замещений. Но всегда существовали, и существуют сейчас, критики, которые отказались ... пойти во власть»²⁰¹.

Опыт таких критиков позволяет поставить проблему отношения социальной критики к народному восстанию. Х.Ортега-и-Гассет считал, что «восстание масс» требует изменить ориентиры социальной критики. Она должна быть направлена не только на руководителей государства и промышленности, но и на массу отечественных бездарей - «вертикальных варваров». Уолцер уточняет Ортега, указывая две возможности социальной критики:

1. Поражение марксизма-ленинизма свидетельствует о том, что народ не может быть средством социальной критики.

2. Народ является субъектом критической деятельности, поскольку восстание масс мобилизует общее чувство недовольства. Критик изнутри возбуждает, советует, оспаривает, протестует. Он должен занимать позицию, которая близка тем, на сторону которых становится, и в то же время сохранять независимость.

На основе указанных общих посылок М.Уолцер анализирует главные формы отчуждения (или типы) социальной критики XX в.

Ж.Бенда обосновал позицию *радикального дуализма* между нацией и критиком. Интеллектуалу опасно иметь родину, ибо национализм – сильнейшее из всех искушений. Он должен судить о ней как гражданин другой страны. Интеллектуалы должны помешать политикам и военным считать себя великими людьми, поскольку последние наполняют историю ненавистью и кровью. Интеллектуалы говорят себе и другим суровую правду. Бездомность - их естественное состояние, а жребий - чаша с цикутой. Наиболее привлекательный образ истинного интеллектуала – гражданин республики всеобщих истин²⁰². Средневековые монахи и философы раннего Нового времени не были частью городской общины и отвергали национал-патриотизм. Мнимые интеллектуалы современности превратили нацию в культ путем отказа от общих ценностей. Оправдывали рост силы и благосостояния государств. Превратили естественный антагонизм наций в систематическую ненависть, которая в конце концов вылилась в войну.

²⁰¹ Там же, с.48-49

²⁰² Образец такого интеллектуала - А.Эйнштейн, который сказал: «Политика преходяща, а уравнение вечно».

Р.Борн обосновал позицию *критической дистанции*. Всякая служба нации и государству заинтересована в неравенстве и порождающих и оправдывающих его порядках. Большинство интеллектуалов предпочитают привилегии убеждениям, проповедают культурный национализм и войну, оправдывают интеллектуальную нетерпимость. Отрицание этих явлений сопряжено с отчаянием. Критик подобен рабочему, который всегда находится в состоянии нужды.

М.Бубер создал образец *внутренней критики* на основе уточнения понятий народности (область коллективного опыта), национальности (коллективное сознание единства судьбы) и национализма (обостренное сознание в условиях раскола и угнетения). Он ввел понятие легитимного национализма (принцип равенства наций) для борьбы с ростом национального эгоизма. Истинное служение своей нации есть критика нации внутри нации. Нелегитимный национализм исповедует концепцию политического реализма: «Реалист видит мир как скопление национальных государств, каждое из которых рассматривается им вне его истории и культуры, следовательно, как тождественное со всеми остальными по своим целям и действиям, направленным на самосохранение и самоутверждение»²⁰³. Бубер отвергал все атрибуты государственной власти – пушки, флаги, гербы и прочие декорации. Требовал противостоять политике государства изнутри государства. Отметил вечный соблазн государственности и политического реализма - превращать сиюминутные интересы в конечную цель. Политические интересы несовместимы с требованиями морали: «Успех как обычная мера людских дел не может служить мерой социальной критики. Социальный критик оценивается по шрамам, которые остаются у его слушателей и читателей, по конфликтам, в которые он их вовлекает, и не только в настоящем, но и в будущем, наконец, по той памяти, которую оставляют по себе эти конфликты»²⁰⁴.

А.Грамши – единственный коммунист XX века, которому для сохранения невинности не понадобилось выходить из партии. Он разработал концепцию *позиционной войны* с обыденной жизнью. Ее гегемония проявляется в повседневных делах, отношениях, идеях и привычках. Пока она не подорвана, захват власти не имеет смысла. Современный государь (т.е. партия) ради воплощения националь-

²⁰³ Там же, с.110-111

²⁰⁴ Там же, с.123-124

но-народной воли должен быть глашатаем интеллектуальной и нравственной реформы. Партия обязана совершить культурную революцию по типу религиозной реформации и заменить политэкономии культурной антропологией. Для постижения подлинных интересов рабочего класса воинствующий марксистский интеллигент не должен дистанцироваться от здравого смысла и культуры. Он должен быть одновременно критиком, теоретиком, тактиком, революционным лидером и бродячим проповедником.

И.Силоне - типичный критик своего общества и революционер. Он заплатил за это внутренним смятением, разрывом с семьей и опасной жизнью. Его радикализм – естественное продолжение традиционных духовных принципов кровного родства и дружбы. Физические странствия и тяготы изгнания – неизбежное следствие данных принципов. Силоне определил русскую революцию как всемирно-историческое поражение мечты. Поэтому современные критики должны воевать одновременно против капитализма и русско-советского социализма как извращенного средства преобразований, против денег и государства – двух видов зла, старых и ненавистных как кашель и блохи. Такова мудрость *идеологического беженца*. Это - несгибаемый критик несправедливости, которого не сломили испытания. Его позиция обернулась одиночеством, но взамен породила критическую традицию здравого смысла и общечеловеческой морали.

Д.Оруэлл занимал идеальную позицию социального критика – *разрыв с корнями, потеря четкой социальной принадлежности, скептицизм и ненависть к социальной иерархии*. Критиковал истеблишмент и оппозицию одновременно: «Потребительство и патриотизм, которые культивируются правящим классом, представляют собой идеологические мистификации; задачей же социального критика является демистификация как отношения к предметам потребления, так и отношения к своей стране»²⁰⁵. Всякая народная революция усиливает политическую и религиозную специфику общества, в котором совершалась. Поэтому левая интеллигенция Запада возвеличивала социальную реальность советской России. Оруэлл показал, что народная культура Англии связана с гегемонистской культурой английского капитализма. Поэтому отождествление общества и нации с семьей оправдано только во Фрейдовском смысле

²⁰⁵ Там же, с.187

слова: сыновья должны убить отца для устранения его власти, но отказаться от всякого политического комфорта.

А.Камю – типичный представитель французской традиции критики, которая пытается играть роль Бога. Его риторика – признак *предательства*. Путь социального критика должен начинаться с отказа от социума-в-себе-самом. Но опыт Камю (особенно его позиция во время войны Франции с Алжиром) показывает, что от классовой принадлежности отказаться проще, чем от национальной. Социальный критик опирается на принципы родной страны, но применяет их с последовательностью, которая ставит сограждан в неловкое положение. Цель социального критика – задеть за живое. Все еретики, пророки, мятежные интеллектуалы и бунтовщики принадлежат своему народу. Они знают все уязвимые места культур, к которым принадлежат по рождению. Социальная критика предполагает родство, но не единство с народом: «Социальное пространство не тождественно пространству семейному, и потому родственность критика не принимает характера внутрисемейного общения»²⁰⁶. Всякая попытка обвинить кого-то другого, всякая ссылка на внешние обстоятельства есть акт предательства.

Феминистская критика (С. де Бовуар) и *критическая теория* (Г.Маркузе) малозначимы. Для анализа социальной одномерности требовался лишь минимальный стоицизм, а не смелость. Критическая теория выражает то, что уже существует на уровне простого недовольства. Одномерный человек – порождение текста Маркузе, а не реального общества. Нет людей, которые довольны покупкой рекламируемых товаров и услуг. Пристрастие Маркузе к отстраненному философскому языку говорит о неудаче попыток объяснить массам высокую культуру на обыденном языке. Его критическая теория – это объяснение всеобщего тезиса о судьбе довольных рабов.

Суть *одиноким политики* М.Фуко – разработка понятий плюрализма и дисциплинарного общества как средств социальной критики. В политическом дискурсе Фуко отсутствуют выборы, партии, массовые движения, парламент, политические дебаты и т.д. Власть не вырастает из индивидуальных и коллективных волей и интересов. Власть народа – это обман, ибо народ есть идеологическая абстракция, которая не может править. Права и обязанности граждан и

²⁰⁶ Там же, с.223

правительственная власть вытеснены профессиональной экспертизой и локальной дисциплинарностью. Теоретики легитимируют совокупность властных отношений Прошлого. Плюралисты отрицают существование центра и устраняют цель радикальной политики. На деле такой центр есть, хотя не всегда видим: «Закон и политика принимали форму, соответствующую совокупности интересов; эти интересы, навязывая форму, оказывали преобладающее влияние или полностью контролировали принятие законов и проводимую политику»²⁰⁷.

М.Фуко отвергает стратегию и тактику Ленина - захват центров власти: «Невозможен захват власти, если не существует центра, который можно захватить. Если власть осуществляется в бесчисленном множестве точек, ей следует бросить вызов в каждой из них»²⁰⁸. Но неизвестно, как это сделать? Фуко не верил в существование полновластного государства, правящего класса, захват госвласти, замену правящего класса, демократическую революцию, поскольку народ не существует, а революционный авангард (партия) есть обреченный на неудачу претендент на абсолютную власть.

Теория Фуко – это набор инструментов *локального сопротивления* на дне государства (психиатрические лечебницы, больницы, тюрьмы, армия, школы и фабрики). Это места реального бытия власти, где терпение и страдание от нее переплетено с сопротивлением. Классовая борьба – продуктивный концепт, поскольку позволяет рационально постичь локальную борьбу за власть. Социальные структуры образуют плоть и кровь господствующего дискурса. Код управления этой машиной является научным, а не правовым. Профессиональные нормы науки победили юридические законы, а локальная дисциплина – конституционное право. Поэтому надо полностью демонтировать дисциплинарную систему – этот карательный город, континуум, архипелаг и паноптический режим. Надо отвергнуть идею общества как системы институтов и практик, а также различие невиновных и виновных: «Вина и невиновность создаются сводом юридических законов, нормальность и ненормальность – научными дисциплинами. Ликвидировать системы

²⁰⁷ Там же, с.284

²⁰⁸ Там же, с.285

власти – это ликвидировать правовые, моральные и научные критерии»²⁰⁹.

Русская революция провалилась, поскольку оставила нетронутым микрофашизм повседневной жизни – социальные иерархии, дисциплинарные техники и связь «власти-знания». Каждое общество и эпоха устанавливает свой режим истины – типы дискурса, порождаемые и усиливаемые множеством форм принуждения. Для сопротивления им Фуко разработал концепт *локального интеллектуала* – ниспровергателя той особой дисциплины, в рамках которой он функционирует. Традиционные истины морали, права, медицины и психиатрии включены в процесс осуществления власти. Этот факт забывают социологи, ученые и философы.

Но Фуко не вышел за рамки структур знания, которые хотел разрушить. Его анализ повседневной политики верен и неверен одновременно. Нельзя быть критичным, если отвергаешь кодексы и категории социального контекста. Надо создавать новый контекст, кодексы и категории. Отказ Фуко делать то и другое «... есть свидетельство катастрофической слабости его политической теории и социальной критики»²¹⁰.

Б.Брейтенбах создал модель *критика-изгнанника*, который пытается даже в эмиграции удержать связь с родиной. Писать книги – тоже способ сопротивления. Чтобы сохранить связь с народом, чье политическое и социальное устройство он решительно отвергает, такой критик вынужден заниматься тайной политикой. Но подполье похоже на отрешенность. Связь с народом, страной и культурой удержать трудно, поскольку все погрязли в отвратительной политической игре. Поэтому эмигрант должен быть непримиримым критиком нравов, взглядов и мифов своего общества. Разделять чувство стыда за свой народ и страну. Выступать против чернокожих революционеров не меньше, чем против белых реформаторов. И хотя за старым угнетением обычно следует новое, старое в любом случае надо разрушить. Иного не дано. Критик в изгнании – неприкаянный одиночка. В российской истории до сих пор преобладали критики-изгнанники, что дает основание увидеть параллель между изгнанником-африканером и русскими изгнанниками – от Герцена до Солженицына.

²⁰⁹ Там же, с.293

²¹⁰ Там же, с.302

В заключение М.Уолцер формулирует нормы и идеал критики. Дистанция социальной критики сегодня «...по-прежнему измеряется дюймами»²¹¹. Строгая объективность не достижима, поэтому критик всегда приверженец чего-то одного. Социалистические революции и национально-освободительные движения XX в. не отвечают стандартам социальной критики. Для преодоления разочарования в них есть три пути:

1. Стать апологетом. Ч.Милош детально описал советский социализм как главную форму капитуляции левой критики.

2. Стать универсальным критиком мира в целом, современности, массовой культуры и общества, бюрократии, науки и технологии, государства всеобщего благосостояния и т.д. Таков путь Маркузе.

3. Стать локальным критиком, заплатив за это радикальным сужением сферы собственной деятельности (путь Фуко).

Уолцер предлагает опираться на нравственное чувство как четвертый путь социальной критики. Это руководство к социальному и политическому знанию лучше марксизма как потерпевшей крах теории. Критик пользуется зеркалом Гамлета - безжалостно подвергает сомнению банальности и мифы своей страны и общества, выражает чаяния народа, но не отождествляет народ и государство. В состав критики входит утопия: «Надежды и идеалы обитают в определенном месте – в наших душах и повседневном понимании морали. «Нигде» не локализован только общественный строй, где чаяния и идеалы уже претворены в жизнь»²¹².

Существует три задачи критического исследования: выставлять на всеобщее обозрение ложные условности своего общества; выражать наиболее глубокие идеи людей о том, как надо жить; показывать другие формы лжи, надежд и чаяний. Таков идеал национально-народной критики после низвержения идолов коммунизма и национализма.

Успех критики наиболее вероятен, если она: принимает национально-народный характер; сохраняет связь с традициями социального недовольства; отвергает любую национально-народную апологетику; не превращается в пленника и средство власти; всегда занимает критическую позицию в отношении государств, способст-

²¹¹ Там же, с.326

²¹² Там же, с.332-333

вующих укреплению стран, и движений и партий, которые защищают народ. Все иные действия ведут к поражению критики или фашистской ментальности.

Идеальный критик – это человек, отказывающийся платить дань уважения любой власти: «Именно этот отказ и обеспечивает дистанцию критики, и больше ни от чего ради критики отказываться не нужно... Решающее значение имеет независимость критика, его свобода от ответственности перед государством, от религиозных авторитетов, корпоративной власти, партийной дисциплины»²¹³. Критик должен взять на себя максимум отчаяния, но не пойти ко дну. Балансировать между солидарностью и служением и бороться с разобщенностью. Закреплять такие формы критики, которые уместны для демократической политики. В этом и состоит его мужество.

Теперь вернусь к идее Петрова о том, что русская критика более точна по сравнению с западной. Эта мысль позволяет соединить его взгляды на критику с содержанием теории М.Уолцера и аппаратом московских концептуалистов. При описании прошлой и современной России они предлагают исходить из положения: «Честному наблюдателю, пристально приглядевшемуся бы к картинам этой тишины и умиленности, со всей неприглядностью открылась бы грязь и хлюпающая бездна безнравственности, ... ужас и пустота и аморальность самых начал»²¹⁴. Концептуалисты определили смыслы основных понятий для описания русской истории и современности.

Они предлагают описывать отношение «Россия-Запад» с помощью следующих концептов:

Россия – это область проявления подсознательных, деструктивных аспектов западной цивилизации.

Запад – супер-эго по отношению к России, доказательством чего служат постоянный протест России против Запада и характерное для русской культуры желание выйти за пределы западной культурной нормы.

Андерсы – совокупное название субъектов европейской истории.

²¹³ Там же, с.339

²¹⁴ ЕПС: Ерофеев, Пригов, Сорокин. М., Зебра-Е, 2002, с.357

Политическая сказка – синтез образов традиционной фольклорной иконографии и визуального арсенала советской мифологии.

Для описания русско-советской идеологии можно использовать следующие концепты:

Идеоделика – манипуляции с идеями и идеологическими конструктами, а также галлюциногенный слой идеологии;

Идеотехника – учет и каталогизация технических приемов, применяемых в ходе идеологического производства;

Идеологии больших ремиссий (христианство, буддизм, коммунизм) намекают на возможность великого отдыха;

Идеологии малых ремиссий (Дао, рыночный капитализм, психоанализ) не пренебрегают краткими периодическими облегчениями;

Журземма – галлюцинаторные образы и переживания, связанные с русским православием. Подобна варенью, в сладкие массы которого внедрен металл.

Феномены *молчания, текста и говорения* в русской культуре тоже можно описать.

Гносеологическая жажда связывает умозрительную потребность в познании с физиологическим процессом, представлением о русском «коллективном бессознательном» как о едином нерасчлененном «теле», мучительно желающем узнать о себе, что оно есть «на самом деле».

Гносеологический шум вытекает из гносеологической жажды и означает непрерывные и мучительные вопросы о существующем.

Зассанный матрас – апофатическая категория для обозначения добровольной и окончательной самокомпроментации дискурса.

Текстурбация (речеложство) – экстаз говорения, отличительная особенность речевых актов в русской культуре.

Похуй всему – умозрительная точка полнейшей индифферентности.

Наконец, современная ситуация в России описывается с помощью концептов *про-регресс* и *хроношовинизм*.

Про-регресс – это возврат на уже пройденные этапы в новом оснащении (например, возвращение к магической стадии культуры с помощью научно-технического прогресса).

Хроношовинизм – пренебрежение прошлым и будущим в пользу настоящего²¹⁵.

Все эти концепты можно разрабатывать на основе использования ранее описанных типов критики в отношении всех социальных, политических и культурных объектов. Значит, идеи Петрова глубоко укоренены в русской и европейской культуре и истории. Поэтому все инвективы Ильенкова по отношению к Петрову можно отвергнуть. Для реализации идеи национальной самокритики созданы исторические, эмпирические и теоретические предпосылки. Требуется их синтез для применения теории политической критики к социальным процессам в российском и глобальном масштабе. Всем ранее указанным типологиям советских людей и институтам, которые культивируют эти типы, можно противопоставить все перечисленные позиции для практической реализации концепта национальной самокритики. Покажу это на конкретном примере.

²¹⁵ См.: Словарь терминов Московской концептуальной школы. Составитель и автор предисловия Монастырский А. М., Ad Marginem, 1999, с.123,35,142,117,41,118,43,169,43-44,70-71,119,180,78,84,189,

Глава 5.

... под названием «империя»!

М.К.Петров поставил проблему анализа имперского мировоззрения, которое отличается следующими свойствами: перевод проблематики в решенные вопросы; голосование истины вместо аргументации; непрерывный рост догматов; перевод гносеологии в онтологию; умножение авторитетов и вырождение проблематики²¹⁶. Указанные свойства первоначально зафиксированы в повести «Экзамен не состоялся» по отношению к советской философии и советскому обществу. Однако после 1991 г. в России издана целая библиотека по проблеме империи, проведено множество конференций. В этой литературе совершенно не учитываются идеи Петрова. Надо показать их эвристичность, а также по примеру Петрова подвергнуть критике советскую империю.

5.1. Проблема методологического выбора

Исторически термин *империя* означал: исполнительную и верховную власть Рима, который насильственно удерживал группы населения в составе большого территориального государства; по мере становления абсолютных монархий Нового времени империя превратилась в государство, управляемое императором и контролирующим суверенитет других государств. Обычно империя понимается как государство, которое проводит репрессивную внутреннюю и экспансионистскую внешнюю политику. Но с конца 1980-х гг. термин *империя* применяется для описания многонациональных государств, в которых нет равенства обществ и индивидов. Поэтому Р.Суни предложил анализировать отношение между империей, колонизацией и становлением наций. По его мнению, проблема современных империй связана с внутренним строением континентальных государств, а не империй с заморскими колониями. Со-

²¹⁶ См.: Петров М.К. Историко-философские исследования. М., РОССПЭН, 1996, с.294-311

временная Россия в отношении «ближнего зарубежья» проводит экспансионистскую политику. Для анализа этой политики Р.Суни разрабатывает теории имперского выживания, упадка и распада²¹⁷.

Идеальный тип империи отличается от идеального типа национального государства следующими характеристиками: неравенство метрополии и периферии; этнические различия; географическое разделение; административная неоднородность. Такова была специфика метрополий Османской, Российской и Советской империй. В каждой из них политический класс идентифицировался с государством. Имперская колонизация – это эксплуатация периферии метрополией. Советская империя была нелегитимным политическим образованием, неспособным сдержать рост внутренних наций. Распад СССР показал, что империализм остается главной тенденцией политики России.

Вслед за Б.Андерсоном Р.Суни не считает нации естественными продуктами исторического развития. Нация - это результат работы интеллектуальных и политических элит. Она существует как особое понимание истории - непрерывное движение субъекта-нации к самосознанию. Новое и новейшее время отличается борьбой за уравнение утопии нации с государством. Этим объясняются причины сохранения европейских империй в XIX-XX вв.: «Современные империи оказались перед дилеммой: либо сохранять привилегии и различия, на которых основывалась власть элиты, либо начинать либеральные реформы, способные подорвать положение старых господствующих классов»²¹⁸. Ни одна империя не смогла эффективно сочетать разные политические курсы в отношении метрополии и периферии.

Взамен политические элиты Оттоманской, Австро-Венгерской и Российской/советской империй способствовали переходу от старых империй к современным бюрократическим централизованным государствам, подчеркивая цивилизаторскую и модернизационную миссии метрополии. На деле модернизация создает условия краха империи: «Если программа развития успешно реализуется среди колонизированных народов, создавая материальное благосостояние, интеллектуальную традицию, стимулируя урбанизм и индуст-

²¹⁷ См.: Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // *Ab Imperio: теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве*. 2001, № 1-2, с.9-72

²¹⁸ Там же, с.22

риализацию, оправдание имперского порядка по отношению к «отсталым» народам теряет логическое основание»²¹⁹. Современные империи стремятся сохранить дистанцию между правителями и управляемыми. Власть метрополии над периферией - источник насилия. При этом дискурсивная власть переплетена с имперским общественным мнением, санкционирующим насилие: «Колониализм и присущий ему расизм не только определяли положение колонизированных народов, но также задавали самовосприятие колонизатора»²²⁰.

Распад империй - следствие военных поражений, национализма, демократии и модернизации, подрывающих легитимность имперского порядка. После 1945 г. империя стала архаичной политической формой. В частности, крах проекта русской нации Р.Суни объясняет следующими причинами: обширная география, ограниченные ресурсы, редкое население, слабость средств сообщения; временная последовательность событий; отсутствие горизонтальных эгалитарных связей национального характера; неспособность русских интеллектуалов и политиков предложить ясную идею русской нации и разработать идентичность, не сводимую к религиозному, имперскому, государственническому и этническому сознанию²²¹.

Но возможна ли вообще концепция нации, которая не сводится к религиям, этносам и империям, поскольку религиозные сообщества и династические государства порождают национализм и связывают традиционные и современные формы религиозности²²²? – так ставит проблему Р.Суни. На этот вопрос нет определенного ответа в мировой и отечественной науке и практике. Я попытаюсь внести уточнения в саму постановку.

Первое возражение связано с тем, что Р.Суни рассматривает проблему империй в контексте схемы, популярной в англо-американской историографии и социальных науках. Согласно этой схеме, в истории существовало несколько типов политических образований: древние города-государства, мировые империи (начиная с империи Александра Македонского), средневековые города-

²¹⁹ Там же, с.24-25

²²⁰ Там же, с.27

²²¹ Там же, с.46-49

²²² См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., Канон-Пресс-Ц, 2001, с.33-45

государства, абсолютные монархии, колониальные империи и национальные государства. Данная схема не соответствует исторической реальности. Она напоминает марксову схему «рабовладельческое-феодальное-капиталистическое-социалистическое государство» и снимает проблему тождества сухопутных империй и империй с заморскими колониями²²³.

Во-вторых, Р.Суни анализирует процессы распада современных империй, абстрагируясь от дискуссии между макро- и микро-социологией, применяя макросоциологические схемы для объяснения данных процессов. Эти схемы давно существуют в социальных науках Запада, включая советологию и россиеведение. Но они сомнительны, поскольку советологи и россиеведы отличаются крайним консерватизмом²²⁴. Советология во всех ответвлениях (экономическая теория, социология, политология, историография) не дала ответа на вопрос о социальных механизмах генезиса и распада советской империи. Более того, отечественные и зарубежные ученые приводят множество скандальных фактов, когда советологические штудии использовались ЦРУ, КГБ и военно-промышленными комплексами США и СССР в целях апологетики советской империи²²⁵. Поэтому ни эмпирические данные, ни советологические концепции не могут служить материалом для теоретических обобщений. В этом смысле советология есть частный случай традиционной социологии, в которой всегда существует множество эмпирических данных и отдельные островки теории.

Среди них в последнюю треть XX века приобрела популярность концепция И.Уоллерстайна. Он переформулировал марксову дихотомию господствующих и угнетенных классов на теоретические категории мир-системы (мир-экономики и мир-политики), центра и периферии. Отношения между ними определяются колониальными захватами, экономической эксплуатацией, логикой волн Кондратьева и другими циклами²²⁶. И.Уоллерстайн обобщил ре-

²²³ См.: Макаренко В.П. Колониализм: взгляд из сегодняшнего дня // Общество и экономика. 2002, № 8-9

²²⁴ См.: Collins R. Prediction in Macrosociology: The Case of the Soviet Collaps // American Journal of Sociology. 1995, nr 100, p.1552-1593

²²⁵ См.: Малиа М. Из-под глыб, но что?.. Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997, № 5; Бирман И. Аномальное полузнайство // Свободная мысль. 1997, № 9; Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000, с.435-490

²²⁶ См.: Wallerstein I. Unthinking Social Science: The Limits of Nineteenth-Century Paradigms. Cambridge, Polity Press, 1991

зультаты исследований Т.Скокпол (сравнение революций в России, Франции и Китае как воплощения революционных ситуаций в результате нарастания военно-политических кризисов, классового господства, мобилизации угнетенных классов, становления чувства солидарности, социальной самостоятельности и укрепления структурных связей на фоне распада аппарата насилия под влиянием военных поражений и фискального кризиса) и Ч.Тилли (трактовка трансфера власти как следствия революционной ситуации)²²⁷. Прогнозы революционных изменений XXI века, включая нарастание конфликта между «мир-империями» и «мир-экономиками», высказываются в данном теоретическом контексте, который тоже не анализирует Р.Суни.

Можно ли использовать указанную концепцию для изучения перманентно нестабильных обществ? Здесь надо учитывать множество факторов. Отмечу лишь два:

1. Регионы, которые находились в орбите влияния Оттоманской, Австро-Венгерской и Российской/советской империй (Ближний Восток, Балканы, Кавказ, Средняя Азия), на протяжении XX в. породили большое число войн и революций. Если связывать войны и революции со становлением новых государств, данный процесс еще незавершен²²⁸.

2. Социологи определяют революции как «... наиболее яркое проявление социальных изменений. Они знаменуют собой фундаментальные переломы в исторических процессах, преобразуют человеческое общество изнутри и буквально «перепахивают» людей. Они ничего не оставляют без изменения; заканчивают прежние эпохи и начинают новые. В момент революций общество достигает пика активности; происходит взрыв его потенциала самотрансформации. На волне революций общества как бы рождаются заново. В этом смысле революции – знак социального здоровья»²²⁹.

Между тем, Р.Суни при обсуждении распада империй обходит эти темы.

²²⁷ См.: Skocpol T. States and Social Revolution: A Comparative Analysis of France, Russia and China. New York, Cambridge University Press, 1973; Tilly Ch. From Mobilization to Revolution. Reading, Massachusetts, Addison-Wesley, 1978

²²⁸ См.: Лангевише Д. Что такое война? Эволюция феномена войны и ее легитимизация в Новое время // Ab Imperio: теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2001, № 4

²²⁹ См.: Штомпка П. Социология социальных изменений. М., Аспект-Пресс, 1996, с.367

Но даже если согласиться с приведенным определением революций, остается неясно, как макросоциологическая концепция революции связана с чувствами индивидов? П.Штомпка считает, что «... социологическая теория – это лишь слегка усложненный здравый смысл. Теория революции опирается на миф о революции; с некоторой неизбежной временной задержкой она систематизирует то, что обычные люди думают о революции»²³⁰. Главное при интерпретации революции – признание комплексности социальных изменений. Революционная ситуация образует новую структурную систему общества. По отношению к ней индивиды вырабатывают новые или модифицируют прежние способы адаптации. Классическая дюркгеймовская дихотомия «индивид-общество» все еще сохраняется, но уже не является основанием для признания индивидуальных чувств выражением коллективного сознания²³¹. Индивид – не автомат, запрограммированный обществом, культурой, историей, средой или империей. Индивид – член общества, а не раб собственных инстинктов и навыков. Он использует, модифицирует и воплощает в жизнь социальные ритуалы не только по принуждению и инерции, но и в виде определения жизненных ситуаций.

Каково же отношение между сетью структурного насилия империи, нормами морали и действиями индивидов? Этот вопрос Р.Суни тоже не ставит. Сходной позиции придерживается А.Зиновьев: «Если человек поставлен в условия, которые ниже некоторого минимума, необходимого для практической применимости норм морали, то бессмысленно применять к его поведению моральные критерии. Человек в таких условиях самими условиями не просто освобождается от моральных норм, он освобождается от них в силу самих моральных соображений»²³². Конечно, нетрудно объяснять поведение индивидов ссылкой на имперское насилие, которое фактически или мнимо парализует их волю и самостоятельность. Но почему разные индивиды избирают разные способы поведения? Э.Райт частично ответил на этот вопрос: «Вопреки предсказаниям Маркса, аналогичное классовое положение не создает автоматически одинакового классового сознания. По крайней мере, часть социальных сил, ответственных за классовые и группо-

²³⁰ Там же, с.368

²³¹ См.: Макаренко В.П. Аналитическая политическая философия: очерки политической концептологии. М., Праксис, 2002, с.133-143

²³² Зиновьев А. Гомо советикус. М., Центрполиграф, 2000, с.66. См. также сс.240-244

вые практики, содержится в чувствах и суждениях акторов»²³³. Я предлагаю распространить этот вывод на все объяснения социальных и политических процессов Российской/советской империи.

Однако конструктивистский образ общества тоже не свободен от недостатков²³⁴. Процессуальное понимание действий индивидов ведет к проблеме: почему закономерности поведения людей в советской империи отличались от закономерностей буржуазной практики? Если реальность лишь конструируется и интерпретируется, то различия в поведении индивидов должны быть одинаковыми или вообще не выступать, поскольку смысл любой ситуации зависит от свободной воли.

В такой ситуации возникает проблема методологического выбора:

1. Признать описание контекста действия главной задачей исследователя. Это означает отказ от теоретического объяснения социальных событий, если понимать социологическую теорию как формулировку принципов и законов развития и функционирования общества. Характерные примеры антитеоретического выбора – «насыщенное (плотное) описание» (thick description) К.Гирца, фактуализм количественной социологии и постмодернистский фантомный образ общества, подкрепленный мнениями о «смерти теории»²³⁵.

2. Погрузиться в конкретную социальную действительность для описания универсальных свойств человеческого взаимодействия, включая способы достижения социального порядка на каждом уровне социального бытия. При этом исходным пунктом анализа служат социальные комплексы «актера-в-ситуации». В них «рушится» привычный и создается иной социальный порядок. Этот процесс обладает универсальными свойствами, которые не являются лишь проявлениями макроструктур в данной ситуации. Он регулирует групповое сопричастие индивидов. Гармония взаимных ожиданий достигается в ходе творчества интерактивных порядков, определяющих индивидуальные действия. Субстанциальное значение ситуации базируется на

²³³ Wright E. *Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis*. Cambridge, Cambridge University Press, 1997, p.89

²³⁴ См.: Blumer H. *Symbolic Interactionism: Perspective and Method*. Berkeley, University of California Press, 1986; Denzin N., Lincoln Y. *Handbook of Qualitative Research*. Thousand Oaks, Sage Publication, 1994, p.500-515

²³⁵ См.: Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Т.1. СПб., Университетская книга, 1997; Бауман З. Мыслить социологически. М., Аспект-Пресс, 1996

социальном положении индивидов. Они физически присутствуют в определенном месте и времени, но это присутствие определенным образом структурировано. «Ситуативность» означает, что индивиды вмонтированы в ситуацию и имеют определенные причины для совместного пребывания в ней. Ангажированность во взаимодействие «стандартно», поскольку включает социализирующие ресурсы (жесты, социальные навыки, типы коммуникации со средой) каждого индивида. Поэтому взаимодействие координирует сознательные и бессознательные действия.

Познавательные действия - существенный, но не единственный способ взаимопонимания. Оно вырабатывается совместной игрой познания, эмоций, настроений. Так реализуется стремление к координации взаимодействия. Любая ситуация не абсолютна. Но она всегда есть предмет суждения и оценки, поскольку включает ритуалы, обеспечивающие преемственность и смысл человеческих действий. Это ведет к тому, что всегда и везде существует множество порядков взаимодействия. Они не являются функцией индивидуального опыта, а свойством осмысленного отношения между приобретенным опытом и «живым настоящим» последующих событий. Это отношение формируется посредством социальных (общих) классификаций и уникальных (частных) описательных категорий. Поэтому ритуалы взаимодействия не являются простым выражением социальных структур. Ритуал - это экспрессия, ориентированная на существующие ожидания.

Д.Тернер и Р.Коллинз показали, что основной единицей социального анализа является общение. Его пространство конституируется обменом культурного капитала и эмоциональной энергии. Культурный капитал - это память о предшествующих взаимодействиях, вокальные стили, типы знания и т.п. Эмоциональная энергия - это уровень и тип чувства, расходуемого индивидами в определенной ситуации. Существует различие между общим (множество безличных символов знания, положения, авторитета, групповой принадлежности) и частным (память индивидов о собственных специфических свойствах и свойствах других лиц) капиталом. Взаимодействие происходит в общении, в которое акторы вкладывают культурный капитал и эмоциональную энергию ради максимальной прибыли (например, членство в группе)²³⁶.

²³⁶ См.: Turner J., Collins R. *Toward a Microtheory of Structuring* // Turner J. (ed.). *Theory Building in Sociology: Assessing Theoretical Cumulation*. Newbury Park, Sage Publications, 1989, p.118-130

Я попытаюсь применить символический интеракционизм для анализа отношения «индивид-империя» и конкретизировать идеи Петрова на примере поэмы В.Ерофеева «Москва – Петушки». Она отражает социальные факты (в смысле Дюргейма) периода трансформаций советской империи и содержит эмпирический материал для анализа поставленной проблемы. Главным социальным фактом является выпивка, которая изображена и в повести Петрова. Поэму Ерофеева я использую как иллюстрацию указанного отношения, которое подчиняется закономерностям поведения индивидов. Т.Толстая заметила, что в данной поэме описан «...человек российского универсума. Российский универсум – это чисто российская вселенная»²³⁷. Но я предлагаю сузить констатацию Т.Толстой до характеристики жителя столицы империи²³⁸ и распространенной в России до сих пор привычки пьянства при обсуждении мировоззренческих проблем.

Столице в этом смысле принадлежит общая и особенная привилегия. Общая привилегия описана Эмилем Чораном в его характеристике Парижа: - Характеристика Парижа: «Улицы запружены жалким, никчемным сбродом. Это разноплеменное скопище отбросов, осколки со всех частей света, блевотина вселенной. Похоже на Рим эпохи Цезарей, куда стекалась шушера со всей империи. Любой центр мира – всегда огромная помойка»²³⁹.

Особенная привилегия описана Д.Н.Замятиним на основе анализа Москвы при построении метагеографии: «Столица – сочная мякоть проституированного тела государства... Столица находится в центре страны. Столица находится на окраине страны – оттуда другие страны видно лучше... Священный статус столицы обнажает ее королевскую/царскую/имперскую наготу. У столицы нет ничего за душой, кроме государственных резиденций, помпезных храмов и равнодушных, порой любезных, прохожих/проезжих. Столичный житель есть понятие аморфное и невнятное: он как бы живет, но в силу отсутствия живительно обычного пространства он в то же время как бы просто присутствует – декорирует собой сто-

²³⁷ См.: Ерофеев В. Москва-Петушки и пр. М., Прометей, 1989, с.126

²³⁸ Обоснование положения о том, что при анализе отношения между индивидом и империей надо прежде всего анализировать человеческий материал столицы см.: Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону, СКНЦ ВШ, 1998, с.205

²³⁹ Чоран Э. После конца истории. Перевод с французского Б.Дубина, Н.Мавлевич, А.Старостиной. СПб, Symposium, 2002, с.109

лицу как место государственных проездов, визитов и эскортов...Столица – хамелеон, сидящий на ветке пустоты»²⁴⁰.

5.2. *Homo soveticus* или интернациональный «пыльный мудака»?

«Москва – Петушки» описывает жизнь Венички Ерофеева, знаменитого прежде всего тем, «...что за всю свою жизнь ни разу не пукнул» (30)²⁴¹». Эта жизнь - пример определенных ритуалов общения. Речь идет о социальной адаптации, которая не является ни обычной пьянкой, ни бегством из мира империи (по схеме Р.Мертон). В.Ерофеев создал культурную инновацию путем преобразования имперской символики в карнавал. Инновация обозначается как трансцендентальная пьянка, и вначале описывается на примере поведения пассажиров электрички: «Вон - справа, у окошка - сидят двое. Один такой тупой-тупой и в телогрейке. А другой такой умный-умный и в коверкотовом пальто. И пожалуйста - никого не стыдятся, наливают и пьют. Закусывают и тут же опять наливают... Тупой-тупой выпьет, крикнет и говорит: «А! Хорошо пошла, курва!» А умный-умный выпьет и говорит: «Транс-цен-ден-тально!» И таким праздничным голосом. Тупой-тупой закусывает и говорит: «Заку-уска у нас сегодня блеск! Закуска типа «я вас умоляю»! А умный-умный жует и говорит: «Да-а-а... Транс-цен-ден-тально!..» (27).

Трансцендентальная пьянка объединяет тупых и умных жителей столицы, поскольку исключает имперский порядок. Единственный барьер на пути такого объединения-исключения - отсутствие или временная недоступность спиртного. Водка - конституирующее условие альтернативной реальности, которая начинается в столице. Но империя от этого не исчезает и остается общим культурным капиталом, определяющим всю социальную реальность.

В состав определений столицы империи входят следующие симулякры:

Кремль - невидимый символ стремлений Венички: «Все говорят: Кремль, Кремль. Ото всех я слышал про него, а сам ни разу не видел. Сколько раз уже (тысячу раз), напившись или с похмельюги, проходил по Москве с севера на юг, с запада на восток, из конца в

²⁴⁰ Замятин Д.Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства. М., Аграф, 2004, с.255.256

²⁴¹ Цифра в круглых скобках, если это специально не оговорено, указывает страницу текста: Ерофеев В. Москва – Петушки и пр. М., изд-во «Прометей», 1989

конец, насквозь и как попало и ни разу не видел Кремля... А потом я пошел в центр, потому, что у меня всегда так: когда я ищу Кремль, я неизменно попадаю на Курский вокзал. Мне, ведь, собственно, и надо-то было идти на Курский вокзал, а не в центр, а я все-таки пошел в центр, чтобы на Кремль хоть раз посмотреть: все равно ведь, думаю, никакого Кремля я не увижу, а попаду прямо на Курский вокзал» (16-17). В конечном счете Кремль оказывается в Петушках, куда Веничка попадает в неизменяемом состоянии. И там вначале разбивают его голову ударом о кремлевскую стену, а затем закалывают шилом.

Пантеон святых: «А после захода солнца – деревня Черкасов была провозглашена столицей... и там же сымпровизировали съезд победителей. Все выступавшие были в лоскут пьяны, все мололи одно и то же: Максимилян Робеспьер, Оливер Кромвель, Соня Перовская, Вера Засулич» (91).

Законы марксизма-ленинизма: «Говорят, вожди мирового пролетариата, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, тщательно изучили схему общественных формаций и на этом основании сумели многое предвидеть» (53).

Правители: «Я ... путаю «ЦК» с «денатуратом» - и то, и другое имеет синеватый оттенок... обе эти вещи распространяют смрадное благоухание»²⁴².

Рабочий класс - борец за свободу трудового народа: «Встань в мое положение. С утра до пяти вечера ты выгружаешь из печи кирпич. Температура 40-50 градусов. Кирпич раскаленный. На улице, если ты даже урвешь полчаса на отдых, - жарко. Работаешь почти голый, глотаешь испарения горячего кирпича - и все время одно и то же: наклоняешься на кирпичом, берешь, грузишь на тележку, ее отвозят, моментально подвозят другую – у тебя уже кружится голова, грудь жжет, во всем теле ломота, ты еле держишься на ногах – и все равно: наклоняешься, берешь, грузишь, опять наклоняешься... В конце концов, тебе уже ясно, что именно в этой печи – вся цель твоей жизни. И тебе совершенно безразлично, вдохновляют ли тебя высшие цели или ты работаешь бесцельно. Тебе все равно, в каком государстве ты работаешь, и какими идеями руководствуются твои властители... Люди издавна так работали, но ведь у нас все это, вместе взятое, без зазрения совести называется счастьем! Единст-

²⁴² Ерофеев В. Записки психопата. Москва-Петушки. М., Вагриус, 2000, с.82

венное, что у тебя остается, - водка, а ты пьешь ее осторожно, крадучись, исподтишка... Любая неосторожность – и тебя оштрафуют на 50 рублей!»²⁴³. Каторжный труд и пьянка – исходные характеристики советского рабочего класса.

Есть и просветления: «Мы жили исключительно духовной жизнью. Я расширял им кругозор по мере сил, и им очень нравилось, когда я им его расширял: особенно во всем, что касается Израиля и арабов. Тут они были в совершенной восторге от Израиля, в восторге от арабов, и от Голанских высот в особенности. А Абба Эбан и Моше Даян с языка у них не сходили. Приходят они утром с блядок, например, и один у другого спрашивает: «Ну как? Нинка из 13-ой комнаты даян эбан?» А тот отвечает с самодовольной умешкою: «Куда ж она, падла, денется! Конечно, даян!» (с.33).

Труд и досуг: «До меня наш производственный процесс выглядел следующим образом: с утра мы садились и играли в сику, на деньги... Потом вставали, разматывали барабан с кабелем и кабель укладывали под землю. А потом – известное дело: садились, и каждый по-своему убивал свой досуг, ведь все-таки у каждого своя мечта и свой темперамент: один – вермут пил, другой, кто попроще – одеколон «Свежесть», а кто с претензиями – пил коньяк в международном аэропорту Шереметьево. И ложились спать. А наутро так: вначале садились и пили вермут. Потом вставали и вчерашний кабель вытаскивали из-под земли и выбрасывали, потому что уже весь мокрый был, конечно. А потом – что же? – потом садились играть в сику, на деньги. Так и ложились спать, не доиграв. Рано утром уже будили друг друга: «Леха! Вставай в сику играть!» «Стасик, вставай доигрывать вчерашнюю сику!» Вставали, доигрывали в сику. А потом – ни свет, ни заря, ни «Свежести» не попив, ни вермуту, хватали барабан с кабелем и начинали его разматывать, чтоб он до завтра отмок и пришел в негодность. А уж потом – каждый за свой досуг, потому что у каждого свои идеалы. И так все сначала» (с.32)

Характеристика имперской нации: «Мне нравится, что у народа моей страны глаза такие пустые и выпуклые... Они постоянно навывкате, но - никакого напряжения в них. Полное отсутствие всякого смысла – но зато какая мощь! (Какая духовная мощь!) Эти глаза не продадут. Ничего не продадут и ничего не купят. Что бы

²⁴³ Там же, с.88-89

ни случилось с моей страной, во дни сомнений, во дни тягостных раздумий, в годину любых испытаний и бедствий, - эти глаза не сморгнут. Им все божья роса...» (с.26-27).

Сравнение русской нации с другими нациями: «Имеет ли рвота национальные особенности? Мысленное сравнение грузинской рвоты, извержение которой я только что недавно имел удовольствие созерцать в метро, - и этой, раскинувшейся похабно передо мной и всем своим крикливым видом с гордостью заявлявшей о своем русском происхождении, - не дало никакого положительного результата. А впрочем, легкое сходство есть... И это сходство еще раз заставило меня сожалеть о постепенном сглаживании национальных различий»²⁴⁴.

Имперские интеллектуалы: «Бандиты эти грубые, бесчувственные – но не скрывают этого... Искренние... А ваши эти университетские – то же самое, а пытаются сентиментальничать... А ваши эти все – холодные умники... Они могут доказать ненужность того, чего у них нет... и для них это – признак ума... Они, эти цивилизованные, будут ненавидеть тебя... Главное – избегай всегда искренности с ними»²⁴⁵.

Отношение к родине: «У меня, например, свое понятие «любить» и свое понятие «Родина»... Для меня выражение «любить» имеет то же значение, что для вас – «ненавидеть»... Для меня, может быть, благо – поголовное истребление всего населения нашей, извините, Родины»²⁴⁶.

Похмельный социальный идеал: «О, если бы весь мир, если бы каждый в мире был бы, как я сейчас, тих и боязлив и был бы так же ни в чем не уверен: ни в себе, ни в серьезности своего места под небом – как хорошо бы! Никаких энтузиастов, никаких подвигов, никакой одержимости! – всеобщее малодушие. Я согласился бы жить на земле целую вечность, если бы прежде мне показали уголок, где не всегда есть место подвигам» (21).

Противопоставление коммунистического «рая» и капиталистического «ада». При этом «ад» - материал пьяного трепа, а не фактическая альтернатива «раю»: «Можно себе представить, какие глаза там. Где все продается и все покупается: ... глубоко спрятан-

²⁴⁴ Там же, с.12

²⁴⁵ Там же, с.29-30

²⁴⁶ Там же, с.80-81

ные, притаившиеся, хищные и перепуганные глаза... Девальвация, безработица, пауперизм... Смотрят исподлобья, с неутихающей заботой и мукой – вот какие глаза в мире чистогана...» (26-27).

Страноведение «загнивающего Запада». Штаты – это континент скорби, в котором «...свобода так и остается призраком... У них ни в одной гримасе, ни в жесте, ни в реплике нет ни малейшей неловкости, к которой мы так привыкли. На каждой роже изображается в минуту столько достоинства и паскудного самодовольства, что хватило бы всем нам на всю нашу великую семилетку... Жрут по пять раз на день, и очень плотно, и все с тем же бесконечным достоинством – а разве вообще может быть аппетит у хорошего человека, а тем более в Штатах!» (79).

В Италии все поют и рисуют, на русского человека не обращают никакого внимания, а русской грусти не понимают. Но Веничке в Италии «...ничего и не надо было... Мне только три вещи хотелось посмотреть: Везувий, Геркуланум и Помпею. Но мне сказали, что Везувия давно уже нет, и послали в Геркуланум. А в Геркулануме мне сказали: «Ну, зачем тебе, дураку, Геркуланум? Иди-ка ты лучше в Помпею». Прихожу в Помпею, а мне говорят: далась тебе эта Помпея! Ступай в Геркуланум» (с.80).

Вместо этого Веничка отправился во Францию - поступить в Сорбонну и стать бакалавром: «А меня спрашивают: «Если ты хочешь учиться на бакалавра – тебе должно быть что-нибудь присуще как феномену. А что тебе как феномену присуще?» Я говорю: «Ну что мне как феномену может быть присуще? Я ведь сирота». «Из Сибири?» - спрашивают. Говорю: «Из Сибири». «Ну, раз из Сибири, в таком случае хоть психике твоей да ведь должно быть что-нибудь присуще. А психике твоей – что присуще?» Я подумал: это все-таки не Храпуново, а Сорбонна, надо сказать что-нибудь умное. Подумал и сказал: «Мне как феномену присущ самовозрастающий Логос». А ректор Сорбонны, пока я думал про умное, тихо подкрался ко мне сзади, да как хряснет меня по шее: «Дурак ты, - говорит, - а никакой не Логос! Вон, - кричит, - Ерофеева из нашей Сорбонны!» (80-81).

Несолоно хлебавши, Веничка пошел в Париж. А там - одни бардаки: «Все снуют – из бардака в клинику, из клиники опять в бардак. И кругом столько трипперу, что дышать трудно ... и ноги передвигаешь с трудом» (81). Здесь он встретил выдающихся левых

интеллектуалов – Л.Арагона и Э.Триоле и пытался открыть им сердце: «...что я отчаялся во всем, но нет у меня ни в чем никакого сомнения, и что я умираю от внутренних противоречий» (81). Но интеллектуалы пренебрегли Веничкой, особенно Триоле: «... она, как старая блядь, потрепала меня по щеке, взяла под ручку своего Арагона и дальше пошла» (81). Потом оказалось, что это были не Арагон и Триоле, а Жан-Поль Сартр и Симона де Бовуар.

После контактов с законодателями интеллектуальных мод XX в. он решил написать эссе о любви: «Стервозность как высшая и последняя стадия блядовитости». Но эссе вернули: «Язык мой признали блестящим, а основную идею – ложной. К русским условиям, сказали, - возможно, это и применимо, но к французским – нет; стервозность, сказали, у нас еще не высшая ступень и уж далеко не последняя; у вас, у русских, ваша блядовитость, достигнув предела стервозности, будет насильственно упразднена и заменена онанизмом по обязательной программе; у нас же, у французов, хотя и не исключено в будущем органическое вращение некоторых элементов русского онанизма, с программой более произвольной, в нашу отечественную содомию, в которую – через кровосмешительство – трансформируется наша стервозность, но вращение это будет протекать в русле нашей традиционной блядовитости и совершенно перманентно!.. Короче, они совсем заебали мне мозги» (82).

Затем Веничка пошел ангажироваться в Британский музей. Но туда его тоже не приняли. Директор музея «... стал передо мной на карачки и принялся обнюхивать мои носки. Обнюхав, встал, поморщился, сплюнул, а потом спросил: «Это в таких-то носках чтобы я вас ангажировал?!"»... Пошел в палату лордов и там сказал: «Лорды! Вот тут у меня за дверью стоит один подонок. Он из снежной России, но вроде не очень пьяный. Что мне с ним делать, с этим горемыкой? Ангажировать это чучело? Или не давать этому пугалу никакого ангажемента?» А лорды рассмотрели меня в монокли и говорят: «А ты попробуй, Уильям! Попробуй, выставь его для обозрения! Этот пыльный мудака впишется в любой интерьер!» (83-84).

Перечисленные элементы империи конституируют образ жизни в столице. Если эту систему рассматривать статически, в категориях *homo sovieticus*, освоение империи невозможно. Но тогда орбиты движения индивидов были бы строго рассчитаны в соответствии с

планами создателей империи. На деле движение индивидов нарушает планы. Пути индивидов планируются сверху и не предполагают переkreщивания. Однако дело обстоит иначе.

5.3. Икота и социальное кредо

Допустим, электричка Москва-Петушки воплощает идеологическую структуру социально-экономических формаций в соответствии с советским учебником по философии. Тогда каждый пассажир должен занять место согласно билету, участвовать в предписанных взаимодействиях и выходить на определенной остановке. Но даже столь неконцентрированную систему взаимодействия невозможно упорядочить в соответствии со сценарием, который определяет место и роль каждого дисциплинированного пассажира.

На сцену выступает царство случая и фатальных сил. По отношению к ним законы социально-экономических формаций выступают как позывы на рвоту в ходе борьбы с икотой. Эта случайность не поддается математике: «Я пошел через площадь - вернее, не пошел, а повлекся. Два или три раза я останавливался - застывал на месте, чтобы унять в себе дурноту. Ведь в человеке не одна только физическая сторона; в нем и духовная сторона есть, и есть – больше того - есть сторона мистическая, сверхдуховная сторона. Так вот, я каждую минуту ждал, что меня, посреди площади, начнет тошнить со всех сторон» (с.19). «Например, икота... Давайте лучше займемся икотой, то есть исследованием пьяной икоты в ее математической аспекте» (52).

Итак, столичный человек ничем не отличается от остальных людей, поскольку ему присуще физическое, духовное и мистическое начало. Но эти стихии проявляются в пьяной икоте, над которой не властны законы империи. Чтобы постичь природу икоты, нужна философская компетентность: «Для того, чтоб начать ее исследование, надо, разумеется, ее вызвать, или *an sich* (термин Иммануила Канта), то есть вызвать ее в себе самом, - или же вызвать ее в другом, но в собственных интересах, то-есть *fur sich*... Лучше всего, конечно, и *an sich* и *fur sich*» (53). Выведенные таким путем математические формулы не дают возможности предсказать длительность следующего интервала между приступами икоты: «Жизнь все равно опрокинет все ваши телячьи построения» (53). Икоту нельзя понять и с помощью марксизма-ленинизма, поскольку его вожди «...тут...были бы бессильны предвидеть хоть самое

малое. Вы вступили, по собственной прихоти, в сферу фатального – смиритесь и будьте терпеливы» (53).

Зато икота как телесно-духовно-мистический феномен, его неожиданное начало и конец, постижим, если признать всесилие Бога и бессилие человека: «Закон – он выше всех нас, Икота – выше всякого закона... Мы – дрожащие твари, а *она* – всесильна. *Она*, то есть Божья Десница, которая над всеми нами занесена и пред которой не хотят склонить головы одни кретины и проходимцы. *Он* непостижим уму, а следовательно, *Он* есть» (с.54). Таково главное доказательство бытия Бога, которым оперирует Веничка. Оно составляет его частный культурный капитал. Согласно правилам божественной трансценденции, икота - главный элемент ритуала трансцендентальной пьянки. Икота символизирует социальные установки участников взаимодействия, полную неожиданность моментов его начала и конца, прихода и ухода индивидов. Без похмельной икоты невозможно доказать бытие Бога и обосновать ритуал хмельного общения.

Наступающие вслед за этим события образуют эмпирические основы имперской логики общения. Она начинается с того, что каждый пассажир стремится к максимальному доходу в виде культурного капитала и эмоциональной энергии. Езда электричкой - удобный повод. Пассажиры обладают разными ресурсами, которые требуются для создания группы. При этом эмоциональная энергия Венички столь велика, что привлекает других пассажиров. Но она не определяется фактом обладания всеобщим капиталом - большим запасом спиртного (в чемоданчике Венички - две бутылки кубанской, две четвертинки российской и бутылка розового крепкого). Если бы так было, то империя как монопольный производитель спиртного была бы носителем позитивной эмоциональной энергии. Между тем империя производит дефицит. Поэтому жители столицы помнят часы открытия и закрытия магазинов, вокзальных ресторанов и забегаловок, доступности и недоступности видов спиртного. С учетом данной информации они планируют собственное снабжение. Это знание универсально и образует социальный факт в смысле Дюркгейма.

На основе данного знания развивается умение и опыт Венички облагородить имперскую подачку составлением коктейлей: «По всей земле, от Москвы до Петушков, пьют эти коктейли до сих пор,

не зная имени автора: пьют «Ханаанский бальзам», пьют «Слезу комсомолки», «Дух Женевы» и «Сучий потрох» - напиток, затмевающий все (55-57). Рецепты и воздействие коктейлей строго рассчитаны, поскольку «мы не можем ждать милостей от природы. А чтобы взять их у нее, надо знать их точные рецепты» (55).

Если выпить стакан «Ханаанского бальзама» - «...в этом есть и каприз, и идея, и пафос, и сверх того еще метафизический намек» (55). «Пьющий просто водку сохраняет и здравый ум, и твердую память или, наоборот, теряет разом и то, и другое. А в случае со «Слезой комсомолки» просто смешно: выпьешь ее сто грамм, - память твердая, а здравого ума как не бывало. Выпьешь еще сто грамм – и сам себе удивляешься: откуда взялось столько здравого ума? И куда девалась вся твердая память» (57). В «Духе Женевы» нет ни капли благородства, но есть букет. А после двух бокалов «Сучьего потроха» «...человек становится настолько одухотворенным, что можно подойти и целых полчаса с расстояния полутора метров плевать ему в харю, и он ничего тебе не скажет» (58). Если поездка в Петушки закончится успешно, Веничка собирается создать коктейль «Иорданские струи» или «Звезда Вифлеема».

Следовательно, реестр коктейлей мотивируется верой в Бога, включая иудео-христианское писание. А поскольку любовь – главная ценность христианства, самые фантастические рецепты коктейлей порождены любовью к женщине. Здесь «Первый поцелуй», «Поцелуй тети Клавы», «Поцелуй, насильно данный» или проще «Поцелуй без любви» или, еще проще, «Инесса Арманд» (58). Веничка – творец коктейлей.

Не менее важно соблюдать очередность потребления. Искусство создания и потребления коктейлей – условие начала общения. Обладание спиртным определяет социальный статус интеллигентного человека, который обладает и другими ресурсами.

К их числу относится умение вести интересный разговор. В мире трансцендентальной пьянки встречаются вольные стрелки империи. Они самостоятельно создают ситуации. Такая взаимная оценка служит предпосылкой полезного взаимодействия, исключая эксплуатацию. Взамен возникает иерархия контроля, которая определяет процессы информации и энергии в отдельных эпизодах. Поэтому Веничка - не монополист. Для поддержки энергии интеллигентный человек нуждается не только в водке, но и в

других участниках взаимодействия. Он ищет аудиторию, перед которой должен сыграть роль. Если бы Веничка был забулдыгой, он не вышел бы в тамбур для «воспоминаний и размышлений» о любимой женщине и не воспринимался бы потенциальной аудиторией как привлекательный собеседник.

Что же образует основу перечисленных умений и качеств? Веничка строго формулирует свое социальное кредо: «Я остаюсь внизу, и снизу плюю на всю вашу общественную лестницу. Да. На каждую ступеньку лестницы – по плевку. Чтобы по ней подниматься, надо быть жидовскою мордою без страха и упрека, надо быть пидорасом, выкованным из чистой стали с головы до пят. А я – не такой» (36). Иначе говоря, народный антисемитизм и презрительное отношение к сексуальным меньшинствам выступают в органическом единстве с полным отбрасыванием социальной и политической иерархии. В империи различия социальных статусов отличаются от традиционных критериев социальной дифференциации – возраст, доход, происхождение, цвет кожи. Следовательно, принципы социальной и политической иерархии империи не входят в состав дифференциации населения, как это имеет место в нормальной социологической реальности. Различия социальных статусов определяются ресурсами водки и указанными умениями, которые нужны для нормального человеческого общения. Без них группа не может возникнуть. Веничка распоряжается этими ресурсами. Поэтому получает «режим наибольшего благоприятствования» у актуально голодных (физиологически и интерактивно) любителей алкоголя и товарищества. Его выход в тамбур склоняет Митрича с внуком к осмотру содержимого чемоданчика Венички и служит началом общения.

5.4. Российская онтология

Почему же на начальной стадии взаимодействия герой не ищет себе подобных с точки зрения знания и умений? Видимо, риск альтернативного начала взаимодействия, был бы больше, нежели общение Венички с Митричами. Общение с равными всегда требует большего расхода культурного капитала и эмоциональной энергии от инициатора и потенциальных участников. А оба Митрича элементарно облизываются. Если исключить расчет и генетический дефект, этот факт образует видимый признак их заинтересованно-

сти общением, даже ценой обвинения в воровстве. У сублимированных индивидов такие признаки интереса к общению не встречаются. Или же требуют от потенциальных участников высоких расходов.

С этого момента общение ускоряется. Вначале Веничка ругает Митричей: «Вы мне напоминаете одного старичка в Петушках. Он – тоже, он пил на чужбинку, он пил только краденое: утащит, например, в аптеке флакон тройного одеколона, пойдет в туалет у вокзала и там тихонько выпьет. Он называл это «пить на брудершафт», он был серьезно убежден, что это и есть «пить на брудершафт», он так и умер в своем заблуждении... Так что же? Значит, и вы решили – на брудершафт?» (62). Затем меняет гнев на милость: «Но – довольно слез. Я если захочу понять, то все вмещу. У меня не голова, а дом терпимости. Если вы хотите – я могу вас угостить еще. Вы уже по пятьдесят грамм выпили – я могу вам налить еще по пятьдесят грамм» (62).

Так начинается взаимодействие. Дальнейшее развитие ситуации фатально, как в трагедиях Шекспира, а не в «государстве победившего пролетариата». Первые пятьдесят грамм – ключевой элемент ситуации, поскольку служит сигналом другим пассажирам вложить свои ресурсы. Под верещание молодого Митрича появляется «черноусый, в жакетке и в коричневом берете». Его вход в общение отличается аристократизмом обладателя ресурсов, готовым поделиться с другими: «И он поставил мне на лавочку бутылку столичной. – От моей не откажетесь? – спросил он меня» (63). Такова лучшая из возможных легитимация статуса пришельца.

После этого общение рутинизируется. Как сказали бы В. Ленин и П. Бурдьё, мир делится на верхи и низы. Но бытие «на дне» социальной лестницы не означает абсолютного падения человека: все, даже внучек, который вынул целый ковш «откуда-то из-под лобка и диафрагмы», пьют, «запрокинув голову, как пианисты» (63). Каждый очередной участник занимает в общении место в соответствии с ресурсами и выполняет роль, которые укрепляют порядок производства речей и хмельного общения. Такой порядок нуждается в постоянной поддержке, поскольку возникают опасности его нарушения. Участники восстанавливают или заново определяют данный порядок.

Первая угроза - «Амур в коверкотовом пальто», до сих пор прислушивающийся к разговору Венички с «черноусым». Речь «черноусого» соответствует ожиданиям прежних участников общения и одобряется. «Амур» нарушает ожидания, прерывая речь «черноусого». Имя Герцена, извлеченное из контекста статьи В.Ленина, порождает ошибочную реакцию «Амура».

Ошибка включает два аспекта: вторжение в беседу без внесения своих ресурсов; смешивание имперского порядка с порядком общения. До этого беседа Венички с «черноусым» не касалась империи и велась при молчаливом одобрении слушателей. Они обсуждали главную тему российской онтологии - симбиотической связи русской души с водкой: «Все ценные люди России, все нужные ей люди - все пили, как свиньи. А лишние, бестолковые - нет, не пили» (65). «Ценные и нужные люди» - это Куприн, Горький, Чехов, Гоголь, Мусоргский, Успенские-Помяловские и социал-демократы: «Социал-демократ - пишет и пьет, и пьет, как пишет. А мужик - не читает и пьет, пьет, не читая. Тогда Успенский встает - и вешается. А Помяловский ложится под лавку в трактире - и подыхает, а Гаршин встает - и с перепоею бросается через перила... И так - до наших времен!.. Этот круг, порочный круг бытия - он душит меня за горло! И стоит мне прочесть хорошую книжку - я никак не могу разобраться, кто отчего пьет: низы, глядя на верхи, или верхи, глядя вниз. И я уже не могу, я бросаю книжку. Пью месяц, пью другой...» (66). Трансцендентальная пьянка определяет российскую онтологию.

Введение в этот дискурс мотива имперского порядка связано со стремлением «выпить на халяву». Оно вытекает из верноподданности - неверного познания ситуации. Не исключено, что приведенный фрагмент может рассматриваться как внутренняя сатира на империю со стороны русского пьющего люда. Однако для участия в общении на эту тему требуется дистанция в отношении исполняемой роли или молчания, если не спрашивают. Нарушение этого неписанного закона показывает силу групповой солидарности участников, выполняющих определенные роли.

Взрыв групповых эмоций в ответ на нарушение выражается в квалификации «Амура» как «декабриста хуева». В итоге увеличивается интеграция группы - она получает заряд позитивной эмоциональной энергии: «Все вдруг незаметно косели, незаметно и ра-

достно косели, незаметно и безобразно» (65). Группа успешно ликвидирует первую попытку ее раскола и укрепляется. Однако «Амур» таким способом становится членом группы, выполняя роли отщепенца и козла воспитания одновременно. Такова единственная оставшаяся возможность в данном порядке взаимодействия. Если использовать социологический язык, сгущение социальных связей увеличивает вероятность взаимодействия людей в условиях неопределенности.

5.5. Апории империи

Но временный характер данного порядка сохраняется и в конечном счете рушится. Для создания метафизики трансцендентальной пьянки нужно устранить несколько апорий. Хотя они «диалектически преодолеваются», но неизбежно ведут к распаду группы.

Первая проблема – **классификация непьющих**. Тезис «черноусого» - все нужные России люди - горькие пьяницы - рушится, когда оказывается, что Гете не пил. Правда, схоластика Венички помогает устранить несоответствие факта и доктрины. Старому дураку Гете всегда хотелось выпить: «Так он, чтобы самому не скопытиться, вместо себя заставлял пить всех своих персонажей... А для чего это было нужно тайному советнику Гете? Так я вам скажу: а для чего он заставил Вертера пустить себе пулю в лоб? Потому что – есть свидетельство – он сам был на грани самоубийства, но чтоб отделаться от искушения, заставил Вертера сделать это вместо себя. Вы понимаете? Он остался жить, но как бы покончил с собой, и был вполне удовлетворен... Вот так же он и не пил, как стрелялся, ваш тайный советник. Мефистофель выпьет – и ему хорошо, старому псу. Фауст добавит – а он, старый хрен, уже лыка не вяжет. Со мною на трассе дядя Коля работал – тот тоже: сам не пьет, боится, что чуть выпьет и сорвется, загудит на неделю, на месяц. А нас – так прямо чуть не принуждал. Разливает нам, крикает за нас, блаженствует, гад, ходит, как обалделый... Вот так и ваш хваленый Иоганн фон Гете!.. Алкоголик он был, *алкаш* он был, ваш тайный советник Иоганн фон Гете!» (с.67-68).

Иначе говоря, доктрина об органической связи русской души с водкой сохраняется после доказательства: воздержанность Гете - признак скрытого алкоголизма на грани самоубийства; чтобы не совершить его, он заставлял пить своих героев. Возможно, отожде-

ствление германского классика и русского «дяди Коли» содержит догадку В.Ерофеева об аналогии между «германской» и «русской душой»... Хотя этот сюжет не развернут.

Вторая проблема – **отношение «контролер – пассажиры»**. В этом случае имперская онтология более эластична: «На Петушинской ветке контролеров никто не боится, потому что все без билета» (84). Для борьбы с этим явлением старший ревизор Семеныч «...упразднил всякие штрафы и резервации. Он делал проще: брал с безбилетника по грамму за километр. По всей России вся шоферня берет с «грачей» за километр по копейке, а Семеныч брал в полтора раза дешевле: по грамму за километр. Если, например, ты едешь из Чухлинки в Усад, расстояние девяносто километров, то наливаешь Семенычу девяносто грамм и дальше едешь совершенно спокойно, развалясь на лавочке, как негоциант» (85). Тем самым для измерения столичного и имперского пространства вводится величина водко-километр.

Но это лишь один способ права проезда. Классическое право – бить морду при отсутствии водки и билета – сохраняется в любом случае. Зато возникает и неклассическое право, как сказал бы постмодернист. Однажды Веничка попал в ситуацию, когда у него не было ни билета, ни водки. Контролер собирался уже применить классическое право: «Я ответил ему, что бить не надо и проямлил что-то из области римского права. Он страшно заинтересовался и попросил меня рассказать подробнее обо всем античном и римском. Я стал рассказывать, и дошел уже до скандальной истории с Лукрецией и Тарквинием, но тут ему надо было выскакивать в Орехово-Зуеве, и он так и не успел дослушать, что же все-таки случилось с Лукрецией: достиг своего шалопай Тарквиний или не достиг?.. И когда через неделю в районе Фрязева снова нагрянули контролеры, Семеныч ... кинулся ко мне за продолжением: «Ну как? Уебал он все-таки эту Лукрецию?» (86).

Таким образом, Веничка инициирует эмоциональные установки и культурный капитал контролера – редчайшего бабника и утописта: «История мира привлекала его единственно лишь альковной своей стороною» (86). Одновременно он становится носителем альковной истории мира – подневольным имперским историографом. И так ездит три года.

Едва мировая история иссякает, Веничка начинает рассказ об идеальном обществе по образцу Библии: «...будет добро и красота, и все будет хорошо, и все будут хорошие, и кроме добра и красоты ничего не будет, и сольются в поцелуе мучитель и жертва,.. и женщина Востока сбросит с себя паранджу» (87). В ответ контролер «...стал снимать с себя и мундир, и форменные брюки, и все, до самой нижней своей интимности» (87-88). Трезвые пассажиры понимают это как начало гомосексуального контакта между контролером и Веничкой: «А надо вам заметить, что гомосексуализм в нашей стране изжит хоть и окончательно, но не целиком. Вернее, целиком, но не полностью. А вернее даже так: целиком и полностью, но не окончательно. У публики ведь что сейчас на уме? Один только гомосексуализм. Ну, еще арабы на уме, Израиль, Голанские высоты, Моше Даян. Ну, а если прогнать Моше Даяна с Голанских высот, а арабов с иудеями примирить? – что тогда останется в головах людей? Один только чистый гомосексуализм» (88).

Стало быть, если исключить еврейско-арабскую тему, создание столицы, а затем построение империи связано с культивированием гомосексуализма в отношениях между контролерами и населением при одновременном использовании сталинско-хрущевского жаргона о «полной и окончательной победе социализма». Таков еще один способ получить право на проезд.

С ним связана третья проблема империи – **виртуальное и реальное присутствие женщин**. Женщина - особая категория опыта, включенная в структуру алкогольного общения. Универсальность женщины состоит в том, что она нарушает идиллию трансцендентальной пьянки. Но одновременно она вписана в эту идиллию как апория - такой культурный ресурс, который «выталкивает» индивидов из водко-километрового пространства. В этом смысле женщина включает несколько типов.

1. Трансцендентная ценность – разновидность Бога. Она одновременно присутствует как главный мотив поездки Венички и отсутствует в конкретных действиях.

2. Переменная, разрушающая фатальность всеобщего алкоголизма. Для пояснения такого типа женщины «черноусый» прибегает к геометрической аналогии с кривой, наивысшая точка которой – момент засыпания, наинизшая – момент пробуждения с похмелья: «Если с вечера, спяна природа нам «передала», то наутро она

столько же и недодаст, с математической точностью. Был у вас вечером порыв к идеалу - пожалуйста, с похмелья его сменяет порыв к антиидеалу, а если идеал и остается, то вызывает антипорыв» (69). Но это положение остается леммой: «Потому что в расчет не принимает бабу! Человека в чистом виде лемма принимает, а бабу – не принимает! С появлением бабы нарушается всякая зеркальность... Лемма всеобща, пока нет бабы» (70). Перефразируя Горького «Мерило всякой цивилизации – способ отношения к женщине», можно сказать: «Мерило всех взаимодействий в мире трансцендентальной пьянки – способ отношения к женщине». Эта женщина нарушает структуру, но одновременно открывает вход в хмельную реальность, скупая бутылки и продавая водку. Такова функция «хорошей бабы» с научной точки зрения. Она меняет тридцать посуды на полную бутылку зверобоя: «Тридцать на двенадцать – это 3.60. А зверобой стоит 2.62... А все-таки никакой сдачи ... не берешь, потому что за витриной стоит хорошая баба, а хорошую бабу надо уважить... Плохая вообще бы посуду у вас не взяла. А хорошая баба – берет у вас плохую посуду, а взамен дает хорошую. И потому надо уважить» (70). Значит, «хорошая баба» нарушает альтернативный мир трансцендентальной пьянки и выступает как прирожденный диалектик, регулярно возобновляя трансцендентальную пьянку.

3. Представитель империи. Если такая женщина управляет поведением индивида, возникает совершенно трезвый антимир, который тождествен полной советизации сознания. Ее роль выполняет официантка, предлагающая Веничке бефстроганов, пирожное и вымя вместо хереса, а затем подзывающая вышибалу: «Я вслед этой женщине посмотрел с отвращением. В особенности на белые чулки безо всякого шва; шов бы меня смирил, может быть, разгрузил бы душу и совесть» (21). Но вместо «разгрузки» его выкидывают из ресторана. Индивид становится неразложимым на части атомом, реагирующим на структурные принуждения империи. Такая ситуация создает амбивалентность. Согласие с правилами жизни в столице содержит приговор к постоянному дрейфу. Это нарушает психику и организм индивида в периоды алкогольной тоски.

4. *Miss sovieticus* – русский коррелят проститутки, которая раскрывает сознание индивида, нормализуя и дефетишизируя Инессу Арманд как богиню империи. Это «... с косой от попы до затылка

рыжая гармоническая сука, пышнотелая блядь, истомившая сердце поэта, с сучьей белизной в зрачках» (44-47). Она тоже пьет водку, откинув голову, как пианистка: «А потом изогнулась как падла, и начала волнообразные движения бедрами» (45). Ее вагина «...в мелких завитках – весь – влажный и содрогающийся вход в Эдем» (47) – основной элемент нормализации индивида, вырывающий его из лап столицы империи. Но империя, как женщина, сильна только как трансценденция. Ее сила исчезает, едва она становится элементом реального общения.

5. Мужеподобная «женщина сложной судьбы, со шрамом и без зубов» (78). Она появляется как очередной участник группы: «Никто сразу и не заметил, как у входа в наше «купе» ... выросла фигура женщины в коричневом берете, в жакетке и с черными усиками. Она вся была пьяна, снизу доверху, и берет у нее разъезжался... - Я тоже хочу ... выпить, - проговорила она всю утробу... - Аппетитная приходит во время еды, - съязвил декабрист» (75). Такие женщины – результат влияния партийно-комсомольского актива: «И она принялась рассказывать... - К нам прислали комсорга Евтюшкина, он все щипался и читал стихи, а раз как-то ухватил меня за икры и спрашивает: «Мой чудный взгляд тебя томил?» Я говорю: «Ну, допустим, томил...» А он опять за икры: «В душе мой голос раздавался?» А я визжу и говорю: «Ну, конечно, раздавался». Тут он схватил меня в охапку и куда-то поволок. А когда уже выволок – я ходила все дни сама не своя, все твердила: «Пушкин-Евтюшкин-томил-раздавался»» (76). Роман с комсоргом закончился проломленным черепом, выбитыми зубами, климактерическими усами и другими физическими и эмоциональными потерями. Женщины такого типа пьяны и антиэротичны, но представляют реальную опасность для порядка взаимодействия. Они хранят память о неудачных связях с мужчиной и нарушают принятую конвенцию общения.

6. «Женщина вся в черном с головы до пят», любящая и терпеливая, воплощение трезвости и нормальности. По отношению к ней не помогают никакие ресурсы. В лучшем случае получаешь статус, подобный «одним только кустикам» в окне электрички.

Я думаю, что на базе этой типологии возможны гендерные исследования вопроса: какие типы женщин составляют основу прошлого и современного российского феминизма?

5.6. Пасть, желудок и сибирские негры

В мире трансцендентальной пьянки присутствуют и воображаемые виды бытия. Они соответствуют действительным видам бытия, посредничая в отношениях индивида с самим собой. Это - продукты пьяного воображения. Они заполняют пространство взаимодействия после ухода реальных индивидов. В состав таких продуктов входят фигуры христианской и языческой мифологии - ангелы, Сатана и Сфинкс.

Ангелы подобны реальным индивидам. Но они есть функция индивидуального культурного капитала, объем которого определяется воображением. Этот синтез опыта тоже подчиняется ритуалу. Ангелы санкционируют законы реального общения, располагая аппаратом символического насилия как главным ресурсом. Взамен они получают подчинение и подтверждают свой высокий статус в сети взаимодействий. Ангелы соответствуют системе имперского контроля, одновременно нейтрализуя его воздействие на индивидов. Четыре фигуры ангелов – это кривое зеркало или превращенное отражение вождей империи – Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Ангелы не являются чистой трансценденцией, поскольку их увещевания равны высокопарной болтовне имперского идеологического аппарата. Ангелы служат консультантами, терапевтами, реаниматорами общения. Они выполняют роль клапана безопасности при состояниях алкогольного бреда. Ангелы – это щит, который рассеивает «нормальность» империи и образует ее надстройку. В итоге факты имперского бытия показаны как непритязательная и бедная ресурсами реальность, за которую герои все же ведут торг.

Сатана - антитеза ангелов. Он не столько искушает, сколько сочувствует Веничке, воплощая его угрызения совести и посрамляется простым стыдом: «А раз тяжело, - продолжал Сатана, - смири свой порыв. Смири свой духовный порыв – легче будет» (99). Веничка отказывается и Сатана исчезает.

Сфинкс «...без ног, без хвоста и без головы» символизирует российскую и советскую мифологию. Он предлагает герою разгадать пять загадок, прежде чем пропустить его в Петушки – т.е. в Кремль.

«Знаменитый ударник Алексей Стаханов два раза в день ходил по малой нужде, и один раз в два дня – по большой. Когда с ним случался запой, он четыре раза в день ходил по малой нужде и ни

разу – по большой. Подсчитай, сколько раз в год ударник Алексей Стаханов сходил по малой нужде и сколько по большой нужде, если учесть, что у него триста двенадцать дней в году был запой».

«Когда корабли Седьмого американского флота пришвартовались к станции Петушки, партийных девиц там не было, но если комсомолок называть партийными, то каждая третья из них была блондинкой. По отбытии кораблей седьмого американского флота обнаружилось следующее: каждая третья комсомолка была изнасилована; каждая четвертая изнасилованная оказалась комсомолкой; каждая пятая изнасилованная комсомолка оказалась блондинкой; каждая девятая изнасилованная блондинка оказалась комсомолкой. Если всех девиц в Петушках 428 – определи, сколько среди них осталось нетронутых беспартийных брюнеток?».

«В Петушках нет пунктов А. Пунктов С тоже нет. Есть только пункты В. Так вот: Папанин, желая спасти Водопьянова, вышел из пункта В1 в сторону пункта В2. В то же мгновение Водопьянов, желая спасти Папанина, вышел из пункта В2 в пункт В1. Неизвестно почему, оба они оказались в пункте В3, отстоящим от пункта В1 на расстояние 12-ти водопьяновских плевков, а от пункта В2 – на расстоянии 16-ти плевков Папанина. Если учесть, что Папанин плевал на три метра семьдесят два сантиметра, а Водопьянов совсем не умел плевать, - выходил ли Папанин спасать Водопьянова?».

«Лорд Чемберлен, премьер Британской империи, выходя из ресторана станции Петушки, поскользнулся на чьей-то блевотине – и в падении опрокинул соседний столик. На столике до падения было: два пирожных по 35 коп., две порции бефстроганова по 78 коп. каждая, две порции вымени по 39 коп. и два графина с хересом, по 800 грамм каждый. Все тарелки остались целы. Все блюда пришли в негодность. А с хересом получилось так: один графин не разбился, но из него все до капельки вытекло; другой графин разбился вдребезги, но из него не вытекло ни капли. Если учесть, что стоимость пустого графина в шесть раз больше порции вымени, а цену хереса знает каждый ребенок, - узнай, какой счет был предъявлен лорду Чемберлену, премьеру Британской империи, в ресторане Курского вокзала!».

«Идет Минин, а навстречу ему – Пожарский. «Ты какой-то странный сегодня, Минин, - сказал Пожарский, - как будто много выпил сегодня». «Да и ты тоже странный, Пожарский, идешь и на

ходу спишь». «Скажи мне по совести, Минин, сколько ты сегодня выпил?» «Сейчас скажу: сначала 150 российской, потом 150 перцовой, 200 столичной, 550 кубанской и семьсот грамм ерша. А ты?» – «А я ровно столько же, Минин». «Так куда же ты теперь идешь, Пожарский?» - «Как куда? В Петушки, конечно. А ты, Минин?» - «Так ведь я тоже в Петушки. Ты ведь, князь, совсем идешь не в ту сторону!» - «Нет, это ты идешь не туда, Минин». Короче, они убедили друг дружку в том, что надо поворачивать обратно. Пожарский пошел туда, куда шел Минин, а Минин – туда, куда шел Пожарский. И оба попали на Курский вокзал. Так. А теперь ты мне скажи: если б оба они не меняли курса, а шли бы каждый прежним путем – куда бы они попали?» (102-105).

Ни одну из загадок герой не разгадывает.

Итак, Сфинкс - предел стремлений Венички добраться до Петушков – т.е. попасть в Кремль. Он предвещает конец общения и исчерпание ресурсов. Алкогольное общение способствует быстрому исчерпанию ресурсов и расхождению путей индивидов. Их членство в группе понижается по мере исчерпания спасительных определений ситуации. Таково структурное свойство трансцендентальной пьянки. Этот промежуточный мир существует на границах метрополии. Каждый индивид выходит из вагона и попадает в лапы империи. Зато он обогащен новым культурным капиталом, полученным в общении. Значит, описанный ритуал общения будет постоянно возобновляться при малейшей возможности. Но теперь мотивами действия будут частные капиталы индивидов, а не пароксизмы империи.

Пасть имперского Левиафана постоянно открыта и образует макроструктуру общения. Таково имманентное свойство империи. Если пасть закроется, лемма «черноусого» уступит место homo sovieticus – марионеткам системы, изрыгаемым социализирующим желудком Левиафана. Микромир трансцендентальной пьянки – это социальная реальность между его пастью и желудком - фабрикой промывки мозгов и программирования автоматов системы. «Всеобщее малодушие» отвергает все правила империи. Позволяет заглянуть в желудок с позиции наблюдателя и рефлексировать в отношении внешнего мира - «загнивающего Запада» и имперской периферии.

О «Западе» шла речь. Периферия представлена как Средняя Азия (в которой выпить ничего нет, «...но жратвы там много: акыны, саксаул») и Сибирь, в которой «...вообще никто не живет, одни только негры живут. Продуктов им туда никто не завозит, выпить им нечего, не говоря уж «поесть». Только один раз в год им привозят из Житомира вышитые полотенца – и негры на них вешаются» (78).

Чтобы не питаться акынами и саксаулом и не вешаться на украинских полотенцах, население периферии «...завтра утром, между деревней Тартино и деревней Елисейково, у скотного двора, в девять ноль-ноль по Гринвичу» (90) начинает революцию: «Я с самого начала говорил, что революция достигает чего-нибудь нужного, если совершается в сердцах, а не на стогнах. Но уж раз начали без меня – я не мог быть в стороне от тех, кто начал... С чего все началось? Все началось с того, что Тихонов прибил к воротам елисейковского сельсовета свои четырнадцать тезисов... Двумя колоннами, со штандартами в руках, мы вышли – одна колонна на Елисейково, другая – на Тартино. И шли беспрепятственно, вплоть до заката: убитых не было ни с одной стороны, раненых тоже не было, пленный был только один – бывший председатель ларионовского сельсовета, на склоне лет разжалованный за пьянку и врожденное слабоумие. Елисейково было повержено, Черкасово валялось у нас в ногах, Неугодово и Пекша молили о пощаде. Все жизненные центры петушинского уезда – от магазина в Поломах до Андреевского склада сельпо, - все было занято силами восставших... А после захода солнца – деревня Черкасов была провозглашена столицей» (91).

В результате революции повстанцы взяли все винные магазины. Но новое государство ничем не отличается от СССР. Оно проводит съезд победителей, объявляет войну Норвегии, рассылает ультиматумы, ноты, послания в надежде на признание субъектом международного права, проводит Пленумы, издает декреты об открытии винных магазинов с шести часов утра, о земле (народу передается вся земля уезда со всеми угодьями, недвижимостью, спиртными напитками и без выкупа), переводит время на два часа вперед или на полтора часа назад, о написании слова «черт» через букву «о», издает декларацию прав, готовится провести террор и воплощает ленинский лозунг «Учиться, учиться, учиться», перено-

сит столицу вглубь территории, избирает и смещает президента («пост президента должен занять человек, у которого харю с похмелья в три дня не уделаешь») ... но никому в мире до этого нет ни малейшего дела. Хотя новое государство находится в состоянии войны с Норвегией, «мы с нею воюем, а она с нами не хочет» (95). Президент объявляет диктатуру...

Короче говоря, страны Запада и периферия образуют материал для бредовых определений ситуации и поддерживают установленный порядок взаимодействия. Этот порядок существует в виде «базиса» - захвата ресурсов, необходимых для начала взаимодействия (революция ради захвата винных магазинов) и «надстройки» - пьяной схоластики (рассказы о Западе и сибирских неграх). В конечном счете «всеобщее малодушие» отражает универсальную имперскую логику исчерпания ресурсов.

5.7. Резюме

Пора извиниться перед читателем за обильное цитирование текстов В.Ерофеева. Насколько я знаю посвященную ему литературу, под таким углом зрения его творчество не рассматривалось. Особенно в контексте вопроса: можно ли использовать его творчество для разработки теории социальной критики и как возродить русскую нацию, свободную от религиозных, имперских, государственных и этнических коннотаций?

На первую часть вопроса я ответил содержанием данной главы. На вторую часть тоже есть ответ: возрождение возможно, если вместо концепции *homo soveticus* использовать другие принципы анализа отношения «человек-империя». Для этого напомним некоторые идеи И.Берлина: главная характеристика советского человека - задержка в развитии, а не иной тип взрослого человека; пропасть между правителями и подчиненными - единственное глубокое различие советского общества; большинство советских людей не доверяло ни отечественной, ни зарубежной информации, считая ее советской или антисоветской пропагандой; по сравнению с Польшей, Югославией в СССР было меньше убежденных марксистов; в СССР марксизм был формой общепринятого и бесконечно скучного «официального краснбайства»; подчиненное население не было ни правоверными коммунистами, ни бессильными еретиками, а

«фактическими ниспровергателями», как и в других тоталитарных государствах²⁴⁷.

Следовательно, отношение «индивид-империя» может изучаться как осцилляция между homo soveticus (в современной журналистской терминологии – «совком») и «фактическим ниспровергателем». Для анализа второго типа надо учитывать следующие методологические принципы: тождество между сухопутной империей (Россия-СССР) и империй с заморскими колониями (Португалия, Испания, Англия, Германия, США); поведение большинства населения империи не программируется ее политическим устройством; для описания реального поведения надо анализировать **способы создания альтернативного социального порядка**.

Культурная инновация В.Ерофеева («трансцендентальная пьянка») исключает имперский порядок и начинается в столице. Эта интенция В.Ерофеева совпадает с идеей Петрова о мертвой зоне социальной инерции. Существенные моменты такого исключения - негативное отношение к Кремлю как политическому символу империи, пантеону имперских святых, законам марксизма-ленинизма, правителям империи, имперским интеллектуалам, идеализации стран и левой интеллигенции Запада. Не менее важны позитивные утверждения: СССР породил тождество производственного процесса и пьянки; тождество любви и ненависти к Родине – важная характеристика населения империи; имперская нация – это вершина цинизма и бесстыдства, хотя империя снимает национальные различия (с точки зрения потребления и экскрементов). В этом смысле противопоставление России и Запада – материал пьяного бреда, а не научных изысканий. Всеобщее малодушие – идеал человека империи. Это относится прежде всего к столице и ее жителям.

Главный принцип поведения «фактического ниспровергателя» – полное отбрасывание социальной и политической иерархии империи и понятий «центра» и «периферии»²⁴⁸. Для этого следует систематизировать случайности существования империи - феномены, над которыми она не властна. Из знания таких случайностей вытекает доказательство существования Бога. Чем более законо-

²⁴⁷ См.: Берлин И. История свободы. Россия. М., Новое литературное обозрение, 2001, с.499-505

²⁴⁸ Мне уже приходилось писать об этом. См.: Макаренко В.П. Хуторяне в столице // Родина. 1989, № 12

мерной считается империя, тем более понятие Бога лишается смысла. Не менее важна модификация всех имперских подачек и отбрасывание эксплуатации при образовании групп и форм общения. Порядок общения не тождествен имперскому порядку. Имперский порядок – это стремление выпить (прожить) «на халяву», порождающее верноподданность.

Империя создает неразрешимую проблему классификации непьющих. Отношения между правителями и подчиненными отличаются произволом. Имперская историография сводится к описанию сексуальных отношений на вершине власти. Любое общество, устроенное по религиозному и светскому идеальному проекту, склоняет к противоестественным отношениям правителей и подчиненных. При описании советской империи следует пользоваться концептом *miss sovieticus*, поскольку большинство типов женщин образуют социальную почву империи и способствуют воспроизводству трансцендентальной пьянки. Фигуры языческой и христианской мифологии (религии) образуют аппарат символического насилия империи, в котором меняется роль положительных и отрицательных персонажей. Не менее важно учитывать степень безразличия других стран к империи.

Таковы лишь некоторые возможные пути возрождения русской нации. Но возникает вопрос: как и насколько перечисленные характеристики империи воспроизводятся в современных столицах России и стран СНГ, поскольку каждое из них образует национальное государство, а тенденция воспроизводства империи в России составляет предмет попыток ее нынешнего политического руководства? Этот вопрос нуждается в особой рефлексии, при которой не мешает учесть идеи Петрова.

Глава 6.

Чертов контур и могильщики государства

Одна из сквозных тем творчества Петрова - анализ идеи бога как высшего авторитета. Он считал, что эта идея производна от становления реальных авторитетных инстанций. Появление нового типа социальности в античности было связано «...не с вторжениями и постепенной эволюцией способа производства, а со скачкообразными изменениями социальной структуры в специфических условиях эгейского моря, когда в нем появились большие корабли, а с ними пираты, и островное земледелие попало в такие условия, в которых стало невозможно жить по-старому, в профессионально-кастовых рамках традиционного общества ближневосточного или египетского типа»²⁴⁹.

Э.И.Ильенкову такое утверждение не понравилось: «Это «не... а» действительно не европейский способ мышления, а эклектический. Чем же эти скачки обусловлены? Откуда же сами пираты? Не оттого ли, что островное земледелие не могло прокормить будущих пиратов? Пираты сами следствие того же кризиса, который ты изобразил как следствие пиратства. Выдал – в стиле лучшего религиозного мифа – следствие за причину своего собственного следствия... Сын породил отца. Ты еще фыркаешь на Гегеля...

Пираты, крайний продукт разложения известной формы «репродукции» материальной жизни, - превращены в принцип создания новой формы жизни и «репродукции», - т.е. воспроизводства жизни. В этом есть та доля истины, что именно от продукта разложения формы жизни исходит инициатива ее разрушения. Но не создания новой. Принцип «круши их рай, Атилла», - а там видно будет – это принцип Бакунина, Ткачева и т.п. – то есть как раз клас-

²⁴⁹ Петров М.К. Искусство и наука // Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. С.64

сиков казарменного «коммунизма». Того самого, против коего выступали и Щедрин и Маркс именно с позиций защиты культуры (т.е. форм воспроизводства – «репродукции» в формах культуры, в ее рамках, а не вне их).

На вразумление Петров отвечал: «Почитай, потом нервничай!» «Откуда вся эта чушь? Прочитай сначала»²⁵⁰.

Э.В.Ильенков обвинял Михаила Константиновича в активизме пиратского толка, анархизме и революционаризме. Что же пропустил мимо ушей Эвальд Васильевич?

Рукопись «Искусство и наука» была завершена 2 декабря 1968 г. – более двух лет спустя после рукописи «Пираты Эгейского моря и личность», в конце которой стоит дата 7 сентября 1966 г. Именно в ней Петров сформулировал гипотезу о генезисе европейской личности. В этой работе Петров проанализировал ряд конкретных проблем: социальное и политическое значение письменности и грамотности; мера нормальности и ненормальности цивилизаций; сравнительный анализ цивилизаций с точки зрения специфики политической и научной деятельности; отношение между пиратами-мореходами, земледельцами и государством; разрыв между словом и делом как конституирующий элемент цивилизации, основанной на науке; творчество и административная мистика. По каждой из проблем он высказал нетривиальные выводы. Рассмотрю концепт «человек-государство», поместив его в контекст спора между Ильенковым и Петровым.

6.1. Просто чтение

Петров *выводил* религиозную эсхатологию из психологического напряжения, которое присуще мореплаванию вообще и пиратству в особенности. Эти профессии наладили жесткий отбор характеров. В живых и свободных оставались творческие люди, остальные угнетались или уничтожались. Отсутствие оригинальности и инициативы стали невозможны – они были прямой дорогой на тот свет. На море возникла начальная школа творчества, в которой любая плохая оценка становится катастрофой.

Мореплавание способствовало генезису палубной структуры, которая состоит из: железной дисциплины (примат слова над делом, подчинение всех воле одного человека); использование под-

²⁵⁰ Там же

чиненной слову силы для решения ситуаций; оперативного предвидения вместо долговременных прогнозов. Возникает творческий хаос и синтез нового порядка. В результате действия палубной структуры пират превратился в единого, всемогущего и всеведущего творца. По отношению к нему все стали рабами божьими - «организованной пиратом-богом в акте творчества и отчужденной для исполнения рабами его воли системой практических отношений к миру: «христианским миропорядком»»²⁵¹.

Процесс обучения творчеству состоит из двух потоков: продуктов творчества; продуктов административной тоски. В первом потоке каждое событие уникально, поскольку пират обладает самостоятельностью, изворотливостью, изобретательностью, смелостью, решимостью. В состав второго потока входят всем известные убеждения и стереотипы поведения: «начальство лучше знает»; поиск коллективной ответственности за неудачи; тоска по всезнанию, поскольку приходится прогнозировать уникальные события. Структура административной тоски напоминает структуру научной гипотезы, в которой всегда существует причинный вывод из новых и неизвестных посылок: «Прогнозирование в науке приобретает тот же синтетический смысл, что и деятельность пиратов на побережье Эгейского моря; разрушая естественный ритуал непознанного, наука синтезирует его в новый ритуал познанного и поставленного на службу человеку, то есть проделывает с природой разрушительно-творческую операцию того же типа, что и пираты проделывали над олимпийской государственностью»²⁵².

При анализе любого общества (цивилизации) следует исходить из конфликта между двумя видами письменности: как особой профессии государственных писарей; как социального института. Всеобщая грамотность способствует становлению законов теории: запрет на повтор; связь каждого нового текста с наличными. Эти законы подталкивали античных авторов к принудительному творчеству. Канонизация любого текста в священное писание блокирует универсальную способность творчества. Поиск нового всегда связан с отрицанием всех существующих социальных отношений как ложных и неполных. Каждый обязан создавать свое особое отношение к миру. Оно является признаком гражданина и постоянным

²⁵¹ Там же, с.227

²⁵² Там же, с.232

источником теоретической и политической смуты. Каждый человек-гражданин знает социальный ритуал и способен исполнить любую государственную должность.

Все виды деятельности требуют призвания и таланта. Политика - дело всех и каждого. Чтобы стать политиком не требуется ничего, кроме возраста. В любом случае человек не должен подгоняться под требования государственной машины, а эта машина должна соответствовать способностям человека. Человек-государство сам себе законодатель и исполнитель. Из таких индивидов состоит городская цивилизация.

Аграрная цивилизация устроена иначе: в любой момент можно переписать наличную «сумму технологий» - практических отношений к миру; номенклатура списка – это технологическая матрица, все элементы которой одинаково необходимы для существования общества и не могут быть уничтожены без компенсации новыми технологиями; технологическая матрица не менялась до XV11 в.; Олимп – это универсальная система социальной памяти, сохранения и воспроизводства наличной социальной структуры и ее технологического ритуала; в этой системе все технологии распределены по конечному списку имен; имена объединены в матрицу кровнородственными отношениями; при отсутствии всеобщего образования, газет и телевизора этот институт воспитывает новые поколения в преемственной связи с уходящими; возникает живое, органическое и действенное единство отношений к миру; нет идеи всеобщего – действия, вещи, технологии, человека, бога вообще.

В такой системе рост теоретических и практических отношений к миру может происходить только при сохранении целостности технологического ритуала. Процесс накопления нового фрагментарен и пассивен. Для объяснения этого процесса Петров вводит понятие рационализации. Рационализация закрывает дорогу новому. Накопление новых отношений к миру – постоянный спутник деятельности человека. Интегрирующим основанием могут быть различные условия: зависимость от ремесла, связанная с необходимостью замены выходящих из строя орудий новыми; опасность внешнего нападения; природные условия. Первая группа условий остается постоянной величиной для всех аграрных цивилизаций, вторая и третья могут варьироваться и давать различные социальные структуры: «В этих условиях понять состав «ключа», привязываю-

щего земледельческий род или общину к государственному аппарату, значит во многом понять специфику данной социальности, ее стабилизирующие и возмущающие элементы»²⁵³.

Петров сравнивал Грецию с Китаем по принципу специфики политической деятельности и анализировал аргументы о «научности» государственного управления Китая. В античности наука стала переносом в горизонт естественных явлений норм мысли и психологических установок, которые первоначально были выработаны в области социальных отношений. В Китае науки не было. Средиземноморское государство складывается как оборонительно-военная структура для защиты земледелия от внешних нападений. Глава китайского государства – это космологический регулятор типа министра по солнечным затмениям: «Критский ключ – военный, он расположен в горизонте внешнеполитических отношений. Китайский ключ – «естественен», он расположен в горизонте стихийных сил природы»²⁵⁴.

Петров сравнивал два вида обеспечения: госаппарата продуктами земледелия; земледелия продуктами государственного регулирования стихий природы. Пока все идет гладко, государство и община равнодушны. Но талант и изобретательность уже ставятся на службу стабильности. Полоса отклонений от нормы не допускает обобщений по единому основанию, из-за чего теория невозможна. Эффект совместных усилий администрации и общин стремится к нулю: технологический ритуал и бюрократия обеспечивают взаимную стабильность. В итоге возникает тупик – прогрессирующий паралич самосознания, из-за чего невозможно появление человека-государства с его способностью занимать в любое время по жребию государственный пост.

Человек-государство – это множество гражданских доблестей, которые невозможны без переплетения профессиональных и государственных навыков: «...полоса наложения не может ни возникнуть, ни развиваться в рамках государства как социальный институт или его внутреннее свойство, то есть новая социальность личного типа в принципе не может зародиться в недрах старой социальности профессионально-частного типа»²⁵⁵.

²⁵³ Там же, с.197-198

²⁵⁴ Там же, с.199

²⁵⁵ Там же, с.205

Государство необходимо лишь тогда, когда оно может выдержать опасность. Крит был первым в истории морским государством, созданным ради защиты земледелия от морских набегов. Но искоренение этой угрозы означает разрушение основы государственной надстройки. Тем самым государство впервые попало в «чертов контур» (метафора Петрова) положительной обратной связи со следующими свойствами: возникла потребность в децентрализации военных сил; любое нападение вызывает ответ по укреплению именно этого слабого места; выравнивание оборонительного потенциала рассчитывается на большую (а не среднюю) опасность. За счет этого в пределах рода-общины накапливаются гражданские свойства. Автономность земледелия повышается за счет поглощения военно-оборонительной функции. Одновременно расширяется воспроизводство опасности морских нападений. Пираты выступают промежуточным продуктом и опосредующей сущностью. Возникает конкуренция между государством, пиратами и земледелием.

Чтобы выжить, государство вынуждено сохранять пиратов (как источник опасностей) и земледельческую общину (как предмет защиты). Но ни пираты, ни община не связаны с государством общностью судьбы. Они выступают могильщиками государственности. Государство оказывается третьим лишним. Горстка пришельцев с моря в состоянии определить судьбу огромного государства. В результате каждый человек обладает свойствами пирата, земледельца и гражданина. Такое переплетение становится естественной чертой социального развития. Возможность тройного синтеза (земледелие-государственность-пиратство) - наиболее устойчивый продукт эгейской социальной кухни²⁵⁶.

Так возникает совершенно новая способность «...в любой момент раскалывать единство теоретического и практического отношения к миру и активно отчуждать через слово практическое отношение к миру для исполнения другими людьми, оставляя за собой монополию на теоретическое и на продукт отчуждения практи-

²⁵⁶ Петров иллюстрировал эти общие положения анализом текстов Гомера. В «Одиссее» царская власть впервые начинает толковаться двусмысленно в отличие от власти в собственном доме. Ставятся под сомнение принципы «власть от бога» и «естественности власти». Оба принципа заменяются принципом ответственности человека за собственные поступки – власти по установлению вначале в рамках дома, а затем как принцип договорной государственности «по закону». Ставится под сомнение зависимость человеческой жизни от судьбы. Признается право человека на самоопределение.

ческих отношений»²⁵⁷. При этом возникает перенос центра тяжести на слово, которое мыслится носителем добра и определителем дела, тогда как в деле появляется и проявляется зло своеволия и неисполнения слова. Параллельно с ростом авторитета слова происходит развенчание дела. Дело переводится его в разновидность причины беспорядочной, на все согласной и обязанной подчиняться слову материю древних. Из перечисленных посылок и феноменов Петров выводил определение философии как осмысления разрыва между словом и делом. В ней изначально отражены: способность говорить одно, а делать другое; творчество по слову, в котором помехи возникают при исполнении.

Теперь суммирую основные идеи концепта «человек-государство». Корни религиозной эсхатологии восходят к психологическому напряжению, которое связано с вероятностью нападения. Универсальный процесс обучения творчеству включает потоки продуктов творчества и административной тоски по всезнанию. Наука проделывает с природой ту же разрушительно-творческую операцию, которую проделывали пираты над аграрным государством. Творчество не есть продукт свободного выбора, оно возникает под давлением обстоятельств. Канонизация любого текста в священное писание блокирует творчество как универсальную способность. Сумма технологий не менялась с античности до ХУ11 в. Всякая рационализация закрывает дорогу новому. Специфика социальности (включая ее стабилизирующие и творческие элементы) определяется связью между земледельческим родом (общиной) и государственным аппаратом. Если талант и изобретательность ставятся на службу стабильности, общество попадает в тупик. Гражданские доблести невозможны до тех пор, пока нет наложения совокупности профессиональных и государственных навыков. Государство необходимо лишь тогда, когда оно может выдержать опасность. Государство впервые попадает в чертов контур тогда, когда возникает конкуренция между государством, пиратами и земледелием. Чтобы выжить, государство вынуждено сохранять пиратов (как источник опасностей) и земледельческую общину (как предмет защиты). Но судьба пиратов и общины никак не связана с государством. Они выступают могильщиками государственности. В любом случае человек не должен подгоняться под требования государст-

²⁵⁷ Там же, с.218

венной машины, а эта машина должна соответствовать способностям человека. Город состоит из множества индивидов-государств, которые сами себе законодатели и исполнители.

Как относиться к данному концепту? Чтобы его оспорить, надо быть готовым защищать комплекс противоположных утверждений. Сформулирую их по принципу отрицания главных идей Петрова: религиозная эсхатология не связана с психологическим напряжением перед возможным нападением; процесс обучения творчеству свободен от продуктов творчества и административной тоски по всезнанию; генезис науки не связан с деятельностью пиратов и их разрушительно-творческими операциями над аграрным государством; творчество есть продукт свободного выбора, а не давления обстоятельств; канонизация любого текста в священное писание не блокирует универсальную способность творчества; сумма технологий менялась с античности до XVII в.; всякая рационализация открывает дорогу новому; социальность не состоит из стабилизирующих и творческих элементов; никакой связи между земледельческим родом (общиной) и государственным аппаратом не существует; развитие общества связано с постановкой таланта и изобретательности индивидов на службу стабильности; гражданские доблести существуют независимо от взаимосвязи профессиональных и государственных навыков: государство нужно даже тогда, когда оно не обеспечивает безопасность индивидов; конкуренция между государством, пиратами и земледелием не существует; государство безразлично к проблеме собственного выживания; пираты и земледельцы являются творцами государственности; государственная машина не должна соответствовать способностям человека, а человек должен подгоняться под ее требования; город не состоит из множества индивидов-государств, а законодательная и исполнительная деятельность не имеет к ним отношения.

Теперь каждый читатель может размышлять над комплексами приведенных противоположных суждений, а также над каждым из них в отдельности. Может выбрать, какой из комплексов суждений ему ближе по аксиологическим, когнитивным и политическим основаниям. Такой выбор нужен для того, чтобы: занять определенное место в споре между Петровым и Ильенковым; определить меру правоты того и другого; установить, какой из комплексов суждений ближе к истине. Понятно, что на выполнение этих задач мо-

гут потребоваться годы размышления и десятилетия исследований. В любом случае для разрешения спора требуется поместить его в контекст определенных теорий, не ограничиваясь при этом умозрительной рефлексией.

Возьму для примера обвинение Ильенковым Петрова в «активизме пиратского толка». Непонятно, против каких идей Петрова конкретно направлена критика Ильенкова. Имел ли он в виду суждения Петрова на темы социального и политического значения письменности и грамотности или меры нормальности и ненормальности цивилизаций или сравнительного анализа цивилизаций с точки зрения специфики политической и научной деятельности или отношения между пиратами-мореходами, земледельцами и государством или разрыва между словом и делом как конституирующим элементе цивилизации, основанной на науке или же творчества и административной тоски? Ильенков по поводу этих проблем ничего не сказал, оценивая высказывания Петрова в рамках общей схемы воспроизводства социальности и социальных кризисов. Значит, критика Ильенкова бьет мимо цели и косвенно навязывает Петрову комплекс противоположных суждений.

Можно утверждать вполне определенно, что концепция «человек-государство» встроена в анализ всех указанных проблем и не существует в отрыве от них. Более того, данная концепция может рассматриваться как онтологический аргумент идеи Петрова относительно партии, в которой смыкаются идеология и наука. Я предлагаю: поискать пункт соотнесения взглядов Петрова с общими историческими концепциями, элементом которых является обсуждение темы пиратства в контексте Эгейского моря как части Средиземного моря и европейской культуры в целом. Иначе говоря, прав ли был Петров, высказывая суждение: «Морским разбоем здесь занимаются все»?²⁵⁸

6.2. Контекст гипотезы

Петров был философом и написал работу «Пираты Эгейского моря и личность» в 1966 г. Историк Фернан Бродель опубликовал свой знаменитый трехтомник о Средиземноморье в 1949 г. Проблемы методологии исторического исследования в целом, а также школа «Анналов» в особенности обсуждались среди московских

²⁵⁸ Там же, с.66

историков и философов уже в 1950-е гг. Знал ли Петров концепцию Броделя? Этот вопрос относится к области историографии творчества Петрова. Без ответа на него нельзя установить меру оригинальности взглядов Петрова. Во всяком случае, пунктом соотнесения взглядов Петрова на культуротворческую роль пиратства может служить концепция Фернана Броделя, посвященная цивилизации Средиземного моря, частью которого является Эгейский архипелаг. Поэтому я предлагаю рассматривать пиратскую гипотезу Петрова в контексте наиболее важных результатов исследования Фернана Броделя²⁵⁹.

6.2.1. Образ человека

В трудах Броделя содержится определенное представление о человеке. Активный человек есть творец окружающей действительности. Он создает движение в социальном пространстве. На основе деятельности эволюционируют человеческие возможности-невозможности, возникают цивилизации, государства, империи, города, дороги, войны и мирное существование. Человек вписан в социальное пространство на основе жизнедеятельности. После рождения человек обнаруживает большее или меньшее число уже существующих форм активности. Сфера свободы человека определяется социальным пространством. Процессы длительной временной протяженности – это структуры действительности. Они определяют сферу возможного и невозможного действия и мысли. Изменчивость структур наблюдать трудно. Поэтому они воспринимаются людьми и социальными группами как постоянно действующие факторы социального бытия. Человек вплетен в социальное пространство с помощью подвижных конъюнктур. Они заполняют социальное пространство «живым движением». Участник такого движения творит и преобразует то, что устойчиво, меняет структурный облик своей среды.

Коллективная судьба человека вписана в историю социальных, культурных и конфессиональных классов и групп, городов, государств, цивилизаций, империй. Общества преобразуются медленно. Поэтому в конечном счете ответственность за преобразование социальных групп падает на конъюнктуры. Ослабленный ритм экономической жизни и относительный регресс вызывает поляриза-

²⁵⁹ Детально эта проблема рассматривается в первом издании этой книги.

цию на богатых и бедных. Хорошая конъюнктура благоприятствует социальной активности и мобильности групп и классов. Господствующее положение занимают те, кто обладает средствами производства, землей, флотом, кораблями, сырьем, готовыми товарами. Поэтому вплоть до ХУШ века экономическое развитие на любом временном отрезке шло за счет «социального уничтожения».

Человек находится в кандалах своего социального окружения. На протяжении всей истории люди заключены в казематы - климата, флоры и фауны, земледелия, медленно возникающего равновесия, нарушение которого может привести к краху всего социального здания. Однако государственные мужи (типа Филиппа 11 или дон Хуана Австрийского) тоже несвободны: «Свободу каждого из них можно уподобить свободе человека, оказавшегося на маленьком островке или в тюрьме... Отрицаем ли мы значение индивида в истории, констатируя узость рамок его свободы? Я так не думаю, - пишет Бродель. - Я прихожу к парадоксальному выводу о том, что великим является тот человек действия, который отдает себе точный отчет в ограниченности своих возможностей, не пытается выйти за их пределы и использует силу неотвратимого, соединяя ее со своей собственной силой. Всякое усилие, направленное против глубинного течения истории - которое на поверхности далеко не всегда заметно, - заранее обречено на неудачу»²⁶⁰.

История и социальные процессы возникают вследствие переплетения социально обусловленных действий, которые ведут к ментальным, структурным и конъюнктурным преобразованиям социальной системы. Любые действия человека определяются историческими барьерами возможности. В противном случае их значение и следствия нивелируются железными социальными законами, навязанными структурными и конъюнктурными процессами. «Проблема не сводится к отрицанию индивидуального на основании того, что над ним господствует случай, но на преодолении его, отделению индивидуального от сил, от него отличных, на противодействии истории, произвольно сведенной к роли определяющих ее течение героев. Мы не верим в культ этих полубогов, или, проще говоря, выступаем против наглых и односторонних слов Трейчке:

²⁶⁰ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморской мир в эпоху Филиппа 11. Часть 3. События. Политика. Люди. М., Языки славянской культуры, с.429-430

«Люди творят историю». Нет, история творит людей и формирует их судьбу – история анонимная, глубинная и часто молчаливая»²⁶¹.

6.2.2. Всеобщность разбоя

Бродель рассматривал пиратство в контексте идеи об анонимной, глубинной и молчаливой истории, как частный случай общего феномена войны. Пиратство – элемент социальной системы, возникшей в Средиземноморье. Эта система обладала свойствами самодвижения, иерархической и функциональной организации, открытости и отсутствия трансцендентных целей. Насилие существует в разных сферах деятельности человека и элементах социальной системы. Поэтому война – постоянный элемент существования общества. Война как форма насилия включает множество разновидностей: массовые формы индивидуального насилия (грабеж, разбой, бандитизм, мятежи, пиратство, корсарство, крестовые походы, джихад и пр.); военные конфронтации империй, цивилизаций, государств, городов, человеческих групп. Так называемый мирный период не свободен от насилия. «На всем средиземноморском пространстве шла охота на людей, которых захватывали, продавали, терзали; им доводилось испытать все ужасы, несчастья и мученичество, сопряженные с пребыванием в этих «мирах концентрационных лагерей»... «В той мере, в какой Средиземное море в целом было зоной непрерывных братоубийственных конфликтов между родственными цивилизациями, война стала постоянной чертой его бытия, и она оправдывает и извиняет морской разбой»... «Пиратство не было привилегией одного берега, одной группы, одного человека, ответственного или виновного в нем. Оно было повсеместно распространено»²⁶².

На морских и сухопутных дорогах господствовал разбой. «Полицейская хроника городской жизни бледнеет на фоне кровопролитной истории средиземноморского разбойничества, как две капли воды похожего на морское пиратство. Эти два вида разбоя сопровождают жизнь Средиземноморья с давних времени, их происхождение теряется в глубине веков»²⁶³.

Насилие – это привычка, превратившаяся в обычай: «Беспорядки продолжают ежедневно, ежегодно, на них обращают не боль-

²⁶¹ Braudel F. Historia I trwanie. Warszawa, 1971, с.28

²⁶² Бродель Ф. Средиземное море... . Часть 2, с.745, 744, 745

²⁶³ Там же, с.557-558

ше внимания, чем на дорожные происшествия, и их участники, и пострадавшие, и свидетели, и репортеры, и само государство»²⁶⁴. На всем пространстве социального мира насилие выступало его постоянным свойством. Его проявления определяются Броделем как «первичные и вторичные войны», «войны нищих», «дешевые войны», «социальные войны», «ежедневные войны», «партизанские войны». Они претендуют на статус природных и освященных традицией явлений, ведутся по привычке в соответствии с определенными правилами.

«Однако эти привычные и бросающиеся в глаза образы, - пишет Бродель, - не исчерпывают проблему средиземноморской войны во всей ее целостности. Большой войны – пожалуй. Но как только она останавливает свой ход, на передний край выходят второстепенные формы – морской и сухопутный разбой, которые, разумеется, существовали и до этого, но теперь распространяются вширь и заполняют пустоты, как мелкая поросль в виде кустов и перелесков сменяет поваленный лес. Поэтому следует говорить о разных «уровнях» войны, сопоставляя которые историки и социологи могут продвинуться в их понимании. Для нас важная диалектика взаимоотношений этих форм»²⁶⁵. Сравнение первичных и вторичных войн базируется на квалификации обеих как форм насилия.

Война была формой принудительного обмена на всем средиземноморском пространстве²⁶⁶. Эту оценку Бродель высказал в отношении пиратства (корсарства). Пиратство усиливается в «мирные» времена, компенсируя недостатки обмена. Пиратство как принудительный обмен происходит часто «внутри» воюющей стороны, а не только против прежнего противника. Поэтому различия между пиратством и традиционной войной несущественны. Товары и люди с помощью войны являются предметом потребления и направленного оборота, не соответствующего течению нормального (мирного) обмена. В последнем случае мы имеем дело с возвратом равновесия в мире обмена людей и товаров. Эта постоянная форма социальной активности была принципом существования социальных групп жителей портовых городов. Например, в Алжире «Все зависит ... от объема и результативности операций корсаров, в том

²⁶⁴ Там же, с.547

²⁶⁵ Там же, с.710

²⁶⁶ См.: там же, с.764

числе и пропитание последнего погонщика мулов в городе, чистота улиц, за которой следят многочисленные рабы, а тем более количество новых построек, дорогостоящих мечетей, богатых вилл»²⁶⁷.

Самый фундаментальный аргумент Броделя звучит так: «Главным ... остается та прямо пропорциональная зависимость между пиратством и активностью средиземноморской жизни, я настаиваю на этом: они испытывают общие подъемы и общие спады. Если пиратство не оказывает существенного влияния на ход мирной торговли, это может объясняться снижением прибыльности этого занятия, вызванным, в свою очередь, общим средиземноморским упадком»²⁶⁸. «Не было бы торговых кораблей, не было бы и корсаров»²⁶⁹.

Стало быть, формы и фазы войны компенсируют мирные и немилые фазы и формы обмена. Но они вынуждены использовать ее исторически допустимым способом, чтобы не ставить под угрозу свое существование.

Войны как элемент социальной системы. Приведенные суждения Броделя показывают, как формы войны вписываются в социальную систему, как война с нею связана, какие выполняет в ней функции, какое значение имеет для функционирования целого. Войны как «пыль повседневности» сосуществуют с другими формами активности человека. Экономика, финансы, деньги всегда ангажированы в проведение войны. Инфраструктура войны всегда базируется на громадных расходах. Постоянные войны требуют постоянных расходов. Небольшие военные бюджеты иницируют определенную тактику (строительство сторожевых башен и крепостей, заселение приграничных мест для защиты, содержание гонцов и целых сетей разведывательных служб и т.п.). Все это определяет отношение между военными издержками и доходами государей. Устанавливает различия между воюющими сторонами, роль тактики, значение техники и их связь с материальными конъюнктурами: «Истощая эти доходы, война оказывает влияние на все сферы человеческой деятельности. При этом, постоянно совершенствуясь и изобретая все новые орудия, она не знает удержу и выходит из всяких границ, загоняя тем самым себя в тупик. Хронический недоста-

²⁶⁷ Там же, с.764

²⁶⁸ Там же, с.769

²⁶⁹ Там же, с.764

ток средств, бесконечные задержки жалования солдатам, нехватка вооружений – все эти трудности, вечно угрожающие правителям и неотвратимые, как ненастная погода, рано или поздно приводят к миру»²⁷⁰.

Короче говоря, Бродель разработал сеть категорий для вписывания концепции человека и феномена войны в социальную систему. Основными понятиями анализа являются насилие, диалог, конъюнктура, ментальность, цивилизация, обмен, равновесие. Эти категории обладают общим и открытым характером и специфическим историческим смыслом. Супер- и микро-цивилизации сами ведут (и в их сфере идут) различные войны в виде: форм социальной активности, заполняющей социальное движение-пространство; способов возвращения внутрисистемного равновесия; форм принудительного обмена; форм автокорригирования внутрисистемных отношений.

Войны – это формы движения с разными периодами осуществления. Среди них находятся постоянные войны, которые разыгрываются в соответствии с ритмами структур и длительных временных протяженностей. Все такие явления могут рассматриваться как постоянные и регулярно повторяющиеся. Броделя наиболее интересуют те формы войны, которые подчиняются движениям конъюнктур, или процессам среднего уровня.

Акцент на конъюнктурный уровень действительности и каузальный подход к истории ведет к анализу войны вне сферы событийной политики. Война в узком понимании обусловлена глубинными структурами, которые не в состоянии постичь хроникер и историограф-фактограф. Постоянные и сложные системы исторической действительности задают исторические необходимости, которые толкают цивилизации, империи, государства, группы к войнам. По мере постижения глубинных пластов истории мы сталкиваемся с цивилизационной идентичностью обществ, которые «вынуждают» военные контакты внутри и вне системы.

Понятие войны включает разные формы насилия, существующие в социальной системе. Бродель сопоставляет традиционные причины войн с истоками «вторичных войн» и «социальных войн». Это позволяет универсализировать исторические предпосылки войн до цивилизационного уровня в пространственном и времен-

²⁷⁰ Там же, с.714

ном измерении. Тем самым объясняется наличие насилия в жизни обществ. Война – это элемент идентичности социальной системы. Способ сосуществования войны с другими элементами социальных систем выражает ее историческую специфику. Способ ведения войны характеризует того, кто ее проводит, является формой выражения своего бытия в мире.

Такой обзор явлений войны и насилия дает возможность дистанцироваться от влияния мировоззрения (как внутрикультурной системы ценностей) на толкование роли, значения и природы войны. Война включена в понятийную сеть, которая позволяет нейтрализовать анализ от аксиологических постулатов. Но отсюда не следует, что описание мира как социальной системы достаточно для дистанцирования от оценки в конкретном исследовании. Здесь решающим оказывается факт: Бродель описывает действительность как процессуальную реальность. Актерами в ней выступают процессы, подсистемы и состояния системы. Индивиды не являются актерами истории. В конечном счете творцами истории являются люди, которые образуют культурные группы, общества, классы, профессии. Эти группы выступают как целостности, подчиненные закономерностям, вызывающим их существование. Вследствие этого война не есть следствие, намерение, индивидуальный акт. Война – это процесс в системе и его движение, равновесие, разные функциональные потребности. «Природа системы» порождает разные формы насилия.

Короче говоря, Бродель занимает свою позицию в вечной дискуссии о природе войны. Натуралисты (Гоббс, Юм, Гроций, Кант, Арон и др.) главной причиной войны считают «человеческую природу». Бродель усматривает главную причину войны в «природе» социальной действительности. На множестве примеров из прошлого он показывает вездесущность форм войны как проявление насилия в рамках социальной системы.

Генезис войн обусловлен в конечном счете постоянством социальной дифференциации. Богатые и бедные существовали всегда. Дифференциация образует движение в обществе. Поэтому оно является источником принудительного внутрицивилизационного обмена, включая обмен между обедневшим бандитизмом дворянства и людьми, которые являются объектом их нападения.

Броделевский образ истории направлен против событий. Такое видение войны порождает аксиологические проблемы. События – это действия людей, случаи – это следствия действий индивидов. Событийная историография так или иначе занимается толкованием индивидуальных действий. Для этого она использует категории цели, смысла, намерений, мотиваций, цены действия. Эти категории относятся к ценностям. Итог очевиден: война, разбитая на цепи событий и отдельные события, вызываемые индивидами (здесь обычно выступает причинно-следственная связь или ее приписывание), вплетена в выборы, а это уже цели-ценности. Отсюда уже один шаг к обоснованию отдельных действий в концепциях «человеческой природы». В соответствии с такой логикой событийная историография занята установлением индивидуальных исполнителей и виновников (вожди, властители, генералы и т.д.). А причины войны усматриваются в «естественных» склонностях людей к злу, вражде, случайности, врожденной агрессивности и т.д.

Бродель не делает человека ответственным за войну, поскольку человек не отвечает за наличие войны в социальной системе. Человек не вызывает войны как возможную форму действий, он «только» «использует» такую возможность. За существование войн можно возложить ответственность на историю. Она оставила в наследство такую форму человеческой активности, которую пока не удалось ничем заменить. Войной занимались по мере мнимой необходимости. Война рассматривалась как нормальная форма активности, подобно всем другим (даже на корсарство давалась лицензия). Пиратство было занятием многих поколений людей, из поколения в поколение находили в нем обоснование для его существования. Оно было исторической возможностью и необходимостью.

Таким образом, историографическая концепция Ф.Броделя связана с идеей вездесущности насилия. Пиратство – часть войны как элемента социальной системы, формы насилия, цивилизационной активности и обмена. Война – это имманентное свойство истории.

В свете сказанного упрек Ильенковым Петрова в активизме пиратского толка теряет смысл. Быть может, высказывая этот упрек, Ильенков руководствовался общим христианским представлением о пиратах как «врагах рода человеческого»²⁷¹ и не вдумывался в реальную сложность проблемы? Между тем взгляды Петрова на пи-

²⁷¹ См.: Дефо Даниель. Всеобщая история пиратства. СПб, Изд.группа «Азбука-классика», 2010

ратство соответствуют научной историографии разработки проблемы, а не являются следствием его философских предпочтений.

То же самое можно сказать относительно обвинений Ильенковым Петрова в анархизме.

6.3. Что такое анархическая стабильность?

На обсуждении первого издания книги «Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К.Петрова как источник мысли» А.М.Старостин задал мне вопрос: «В книге вы правильно сказали, что есть много вещей, которые вызывают изжогу, аллергию органическую, нерв, который болит и его надо удалить. Но есть ли у вас позитивный образ науки? У вас все не годится, неправильно, не так. А какую науку вы бы хотели видеть? Мне это вдвойне интересно, потому что я в двух вузах проректор по науке, ищу некий позитивный прикладной образец. А что мне строить – в оправдание для тех, кого я выпускаю? Можно вам заказать такой проект? Здесь сидящие разрабатывают для аспирантов философию и историю науки. Как вы позиционируете себя по отношению к Холтону, к Куну?»

На вопрос я отвечал так: «Я согласен с идеями Петрова относительно науки. Но предлагаю их дополнить соображениями Льюиса Хайда. В его книге «Дар. Как творческий дух преображает мир» (вышла на русском языке в 2007 г.) есть глава, в которой наука рассматривается не столько как область конкуренции, сколько как сфера и чувство солидарности, объединяющее людей... Михаил Константинович Петров отвергал «науку для должности». Вот это и есть позитивная программа».

Здесь я попытаюсь развить высказанные соображения. Мой тезис звучит так: эта часть творчества М.К.Петрова связывает его социологию науки с современными исследованиями проблемы анархизма. В частности, концепция Хайда базируется на изучении громадного исторического, этнографического, экономического, социологического и юридического материала. Я подчиню изложение данного материала задаче систематизации тех моментов концепции Хайда, которые относятся к науке и совпадают с идеями Петрова.

6.3.1. Добровольная и вынужденная солидарность

Л.Хайд обсуждает проблемы науки в главе под названием «Общество». В начале Хайд приводит две истории. Одна из жизни бушменов, вторая – из быта современного гетто.

В 1950-е гг. этнографы Лорна Маршалл с мужем жили в племени бушменов. При отъезде они подарили каждой женщине племени по одной большой и по двадцать мелких раковин - чтобы каждая сделала ожерелье. На следующий год супруги вернулись. Все раковины по одной были розданы всем членам племени. Такой способ распространения даров позволяет заменить атомизированные отношения индивидов обществом с более сложной организацией. Дар устанавливает и поддерживает связь между людьми, основанные на дружбе и любви. Если расширить циркуляцию дара за пределы обмена между двумя людьми, возникают сообщества (семья, гильдия, братство, шайка, община). Их структура основана на доверии и благодарности. Индивидуальный обмен дарами предполагает чувства отдельных личностей. Групповой обмен дарами – это гарантия анархической стабильности. Если группа связана дарами, то превращение их в товар вызовет ее раскол или уничтожение.

Вторую историю Хайд почерпнул из книги Кэрол Стэк «Вся наша родня». Она описывает отношение к собственности в городском гетто близ Чикаго. В этом черном квартале «родней» именуют всех, «на кого можно положиться». Каждая сеть состоит примерно из 100 человек.

Однажды Кальвин и Магнолия Уотерс получили наследство. Умер дядя Магнолии. Оставил ей по завещанию 1500 долларов. Впервые в семье возник запас денег. Пара надеялась купить на них дом. Но слух о привалившем богатстве распространился по родне. Появилась племянница и попросила у Магнолии одолжить ей 25 долларов - заплатить за телефон. Узнав о наследстве, Общество социального страхования урезало медицинскую страховку и лишило детей Магнолии талонов на бесплатные обеды. Потом заболел другой дядя Магнолии. Она с сестрой Огастой поехала за ним ухаживать. Купила билеты на поезд себе, сестре, трем племянникам. Едва вернулись, дядя умер. Пришлось опять тратиться на поездку. Затем умер «первый старик» Огасты, не оставив и цента на похороны. Сестра попросила Магнолию расплатиться с гробокопателями. Другая сестра просрочила за два месяца плату за квартиру. Магнолия оплатила и этот счет. Настала зима, дети и внуки (15 душ) были вынуж-

дены сидеть дома - не было зимней одежды и теплой обуви для посещения школы. Магнолия и Кальвин купили всем пальто, шапки, ботинки. Кальвин купил себе башмаки. Через 6 недель деньги закончились.

На основе приведенных примеров Хайд фиксирует и анализирует три способа решения проблемы. Пара могла превратить свое состояние в капитал путем отделения от группы. Для этого надо было прекратить участие в оказании помощи родне. Третьим способом является обман.

Какая же сестра «лучше» - жестокосердная или мягкосердная? На этот трудный моральный вопрос нет однозначного ответа. Первая сестра отделилась от группы. Вторая мечтала выбраться из нищеты, а на деле раздала свое богатство и осталась в группе. Значит, конфликт между обществом и индивидом пронизывает политические и этические аспекты нашей жизни. Но приведенные истории иллюстрируют основной тезис Хайда: группа организуется, соединяется в целое и остается устойчивой лишь тогда, когда собственность внутри нее циркулирует как дар. Если обмен дарами прерывается или они превращаются в товар, группа распадается. Магнолия могла превратить свои деньги в товар, одолжив их под проценты. Чтобы получить свои долги назад, ей потребовались бы вышибалы долгов, полицейские, судьи и прочие атрибуты государства. Но тогда конфликт с родней стал бы очевидным.

Приведенные истории описывают группы бедняков. Они трижды думают, прежде чем хвалить свое общество. Не романтизируют угнетение и нужду. Вынужденно прибегают к взаимопомощи. Она теряет блеск, если у людей нет выбора. Однако суть дела не сводится к пустыни и гетто. Такое видение «общества дарения» подтверждается анализом научного сообщества.

6.3.2. Анализ научного сообщества

Что происходит, когда научное знание циркулирует как дар или же превращается в товар для продажи и извлечения прибыли? Для ответа на вопрос Хайд опирается на работы американского социолога Уоррена Хагстрема, который изучил организацию науки в США с точки зрения обмена идеями в науке. Обычно направляемые в журналы рукописи называют вкладками в науку. А по сути это дары – ведь журналы почти не платят гонораров таким «вклад-

чикам». Наоборот, журналы обращаются в учреждение, где работает ученый, с просьбой оплатить стоимость публикации. «С другой стороны, – продолжает Хагстрем, – рукописи, за которые ученые получают плату, например учебники или популярные книги, если не подвергаются пренебрежительному отношению, то и не заслуживают такой высокой оценки, как статьи, содержащие данные об оригинальных исследованиях»²⁷².

Получают признание и высокий статус в науке только те ученые, кто дарит коллегам свои идеи. Признание за написанный ради денег учебник не бывает высоким. «Если кто-то не написал в своей жизни ничего, кроме компилятивных текстов, то его ценность для науки равна нулю или даже отрицательной величине. Поскольку эта работа не приносит награды в виде признания, она оплачивается наличными. В отличие от признания коллег, наличные деньги можно использовать за пределами чистой науки», – подчеркивает Хагстрем. В отличие от признания и статуса деньги являются универсальным средством обмена. Причиной отрицательной оценки компиляций является тот факт, что автор учебника присваивает собственность сообщества и использует ее для личного обогащения. Поэтому гонорар отчуждает собственность и подобен ростовщичеству.

Ученые получают кредиты под идеи, которые приносят на алтарь науки. Но эти кредиты не выражаются в деньгах. Наемные работники (техники, лаборанты, обслуживающий персонал) получают почасовую плату и не являются членами научного сообщества. Они получают деньги за услуги. Плата отчуждает их от вклада в науку. Если ученый консультирует промышленную корпорацию, ему тоже платят. Если пользователь его идей не применяет их как дар, то ученый тоже не будет рассматривать их как дар. Этот обычай отличается от «платы за услуги». Он превращает в дар то, что считают рыночной сделкой. «Покупатель и продавец» принадлежат к одному сообществу и не могут извлекать выгоду из знаний друг друга. Здесь воспроизводится двойная экономика, характерная для племенных групп от Ветхого Завета до удука. Любой обмен (идеями или козами) становится обменом дарами, если он предназначен для признания, установления и поддержания сообщества.

²⁷² Хайд Л. Дар. Как творческий дух преобразует мир / Пер. с англ. Анваера А.Н. — М.: Поколение, 2007, с.130

Если сообщества спаяны дарами, то место денег занимают «статус», «престиж», «оценка». Ученые безвозмездно направляют статьи в журналы ради признания и статуса. Но не руководствуются ли они амбицией и эгоизмом? Не лучше ли объяснять поток научных публикаций теорией соперничества? Хайд имеет в виду статус, который достигается путем пожертвования (дарения), а не приобретения. Это важное различие. Когда говорят, что кто-то сделал себе имя, то обычно думают о разбогатевших людях (типа Онассиса, Дж. П. Моргана, Г. Л. Ханта). Однако индейцы племени квакиутль делают дары, чтобы «сделать себе имя». Имя индейца «возвышается», если он отдает собственность, и «унижается», если получает. Наиболее возвысит свое имя тот, кто разорился на подарках. Имена квакиутлей – это не имена индивидов в подлинном смысле слова. Они обозначают общественное положение: Тот, чье богатство съели на пирах; Насыщающий; Тот, кто всегда раздает одеяла, выходя из дома; Тот, через кого проходит богатство; Тот, кто выбрасывает богатство в танце. Есть и сомнительные имена: Создающий проблемы везде, где появляется.

Большинство имен связаны с дарением собственности. Человек создает себе имя тем, что позволяет богатству уходить сквозь пальцы. Он может владеть вещами и распоряжаться их раздачей. Добродетель индейцев базируется не на приобретении, а на публичном отказе от богатства. В этом смысле есть *сходство* между индейцами и учеными. В науке принятие научным журналом присланных рукописей устанавливает донорский статус ученого. Такой статус может быть достигнут только подобными дарениями. Именно такие дарения обеспечивают ученому престиж внутри научного сообщества. Ученый приносит свои идеи на алтарь науки ради обретения статуса. Поэтому его имя у индейцев могло бы звучать «Тот, чьи идеи съедают на конференциях». Но его поведение не является показным, а статус не есть статус эгоиста. В экономике дарения допускаются своеобразная форма индивидуализма: сказать «Это дал я». Индивидуализм в экономике дара сводится к праву самому решать, кому, когда и как принести дар. Индивид контролирует поток собственности «от себя», а не к себе. То-есть это совершенно иной, не западный индивидуализм.

Многие ученые презрительно усмехнутся, если им сказать, что в научном сообществе с идеями обращаются как с дарами. Значит,

это чувство им неизвестно, - резонирует Хайд. Взамен они расскажут историю об украденных идеях: один изобрел, другой быстро оформил патент; один обсуждал свои идеи с коллегой, а тот опубликовал их, не сославшись на автора. Ему нужны публикации, чтобы подтвердить степень и продлить срок пребывания в должности. Этого только и следует ожидать от раздробленной науки в капиталистических университетах, - констатирует Хайд. В них доминируют исследования по контрактам с крупными корпорациями и военным ведомством.

Хайд утверждает, что научное сообщество является таковым только в той мере, в какой идеи перемещаются в нем как дары. Все приведенные случаи подтверждают его точку зрения. Кража идей, извлечение доходов – это самовозвеличивание. Оно ломает и раскалывает группу. В реальной науке никто не будет обсуждать свои идеи с тем, кто имеет знакомства в патентном ведомстве. Человек, у которого сотрудник украл идею, перестанет с ним здороваться. Вор недолго протянет, если статус получают в зависимости от вклада оригинальных идей. Рано или поздно в нем почуют крысу. Дурная слава заменит престиж, плохая репутация займет место высокой оценки. В конце концов он станет изгоем научного сообщества.

Идеи могут рассматриваться в науке как дары потому, что это связано с функциями научного сообщества. Задача науки - описание и объяснение физического мира, создание единой совокупности теорий, которые подтверждаются фактами и могут их предсказывать. Отсюда вытекают причины, по которым идеи можно рассматривать как дары.

Задача собирания и обработки массы разрозненных фактов в единое целое не под силу одному человеку и поколению. Все интеллектуальные предприятия требуют участия сообщества ученых, чтобы каждый из них мог свободно купаться в идеях коллег. Черпать из их источника, чтобы в результате возник «коллективный разум», способный решать задачи, непосильные одному человеку. Обмен идеями – подаренными, принятыми (или отвергнутыми) – составляет суть коллективного разума. Ученый может проводить исследования в одиночестве, но не в изоляции. Для достижения цели в науке нужно сотрудничество и координация усилий. Работа каждого ученого должна «подходить» к целому, как подогнанная

деталь. Синтетическая природа обмена дарами делает его хорошим средством для внедрения идеи. Чтобы достичь прогресса в науке, надо объединять не столько людей, сколько их идеи.

На этой основе Хайд иллюстрирует общее утверждение: обращение дара может создать (сохранить) общность, а превращение даров в товары может раздробить (уничтожить) такую общность. Превратить идею в товар – значит установить границы, препятствующие ее свободному и бесплатному переходу от человека к человеку. Ценность или полезность идеи должна быть рассчитана и оплачена, прежде чем пересечь границу. Однако промышленные секреты (т.е., превращенные в товар идеи) сдерживают прогресс и интеграцию знаний. Каждая профессия может организовать свое сообщество, но оно не будет «научным сообществом»; в профессиональном сообществе могут возникать островки накопления опыта и знаний, но не будет механизма генерирования обобщенного разума. Не возникнет тело теории, которое можно было бы собрать воедино.

Современная промышленность посредством патентов устанавливает денежные барьеры на пути распространения идей. Патент отличается от цехового секрета. Исторически цех (гильдия) имели право хранить свой секрет бесконечно долго. Патент выдается на ограниченный срок (в США на семнадцать лет). Возникает возможность одновременно оплатить труд изобретателя и допустить медленное распространение идеи в область нерыночных отношений. Патент, авторское право и узуфрукт – это группа прав собственности, которые предоставляют право ограниченной эксплуатации. Такие права собственности – мудрый компромисс между даром и товаром. Эти права удовлетворяют потребность в личном обогащении и одновременно служат признанию прав и потребностей общества.

Внутри исследовательского центра корпорации может существовать микрокосм, в котором происходит обмен дарами. За воротами компании дары превращаются в товары. Они приносят прибыль, которая управляет потоком идей. В таких центрах ученые часто не могут отдать статью в журнал. Вынуждены ждать годами, пока компания защитит свой патент. В этом случае открытие появляется не как добровольный дар, а как идея-собственность. За ее использование или применение каждый должен платить деньги, гонорар

или процент. Но высокая репутация принадлежит ученым, которые рассматривают свои идеи как дары. Обычно они занимаются чистой наукой, хотя получают меньше. Ученые-прикладники получают больше, зато менее известны и являются второстепенными членами сообщества. Коммерческий потенциал, заложенный в методе рекомбинантных ДНК, недавно породил дискуссию внутри научного сообщества именно на тему даров, товаров и целей существования науки. Не только биохимики с академическими степенями ушли на рынок и перестали рассматривать свои идеи как дар. Их примеру последовало несколько академических институтов²⁷³.

6.3.3. «Контрактная теория» организации науки

Затем Хайд анализирует связь между свободой и рынком. Идеология свободного рынка декларируется как свобода индивида. С точки зрения индивида часто действительно существует связь между свободой и товаром. Но все кардинально меняется, если смотреть на вещи с точки зрения группы. Сообщество дарения накладывает на членов определенные ограничения, но они гарантируют свободу дара. Строгий смысл «академической свободы» означает свободу идей, а не индивидов. Индивиды обладают свободой высказывать идеи, рассматриваемые как дар групповому разуму, и свободой принадлежать к этому разуму. Если любая идея имеет реальную рыночную цену, то все обсуждения и познавательная способность группового разума должны пропускаться через фильтр рыночного механизма. Но рынок - крайне неуклюжее орудие проведения дискуссий. Если идеи рассматриваются как товар, они не могут обращаться свободно²⁷⁴. На свободном рынке люди вышли

²⁷³ Например, осенью 1980 года Гарвардский университет изъявил желание найти корпорацию, которая хотела бы использовать сплайсинговую генную технологию, разработанную на одном из факультетов. Идее такого сотрудничества воспротивились (а затем и вовсе отвергли) по нескольким причинам, первая из которых заключалась в порождении конфликта между характерными для коммерческих компаний требованиями секретности и свободным обменом идеями, каковому и посвящена деятельность академической науки. Ведущий генетик Массачусетского технологического института доктор Джонатан Кайнд по этому поводу заметил: «В прошлом одной из сильных сторон американской биомедицинской науки был свободный обмен материалами, штаммами микроорганизмов и информацией... Но теперь, коли уж вы санкционировали и утвердили частное клонирование и патентование микроорганизмов, то потеряли возможность рассылать свои штаммы, так как вам абсолютно не нужно, чтобы они попали в лаборатории общественного сектора. Ученые перестали свободно, как раньше, делиться друг с другом штаммами бактерий и результатами своих исследований».

²⁷⁴ Журнал «Сайенс» сообщает об одном случае в Калифорнии, когда группа, занимавшаяся исследованиями ДНК, решила запатентовать методику, которую другие тамошние ученые считали

на свободу, но идеи оказались под замком, - таков ключевой тезис Хайда.

Некоторые формы организации (военные ведомства и промышленные компании типа «Дженерал моторс») противодействуют обращению даров. На основе их деятельности была разработана так называемая «контрактная» теория организации науки. Ее основное положение гласит: ученых можно мотивировать стремлением к власти и деньгам; они занимаются исследованиями только для извлечения этих благ из кого угодно (компании, потребителя, правительства), кто готов дать рабочее место и деньги. Но такая система вознаграждений ведет к образованию групп особого сорта. Хагстром, а вслед за ним Хайд подчеркивают: именно там, где люди работают только с целью получить выгодный заказ, высокую должность или звание, результаты исследований тривиальны, не являются истинными вкладами в сокровищницу знания. Если существует жесткая конкуренция за рабочие места и деньги, и эти вторичные цели становятся главными, то все больше ученых втягиваются в гонку. Они спешат напечатать «оригинальные» работы, невзирая на то, какими чуждыми для целей научного сообщества могут оказаться эти работы. Короче говоря, контрактная теория организации науки «ответственна не за организацию науки, а за ее *дезорганизацию*»²⁷⁵. К сожалению, этот факт только начинает осознаваться.

Конечно, в науке есть обмен дарами и конкуренция. Наряду с коллективным трудом в ней присутствует махровый индивидуализм. Но научное сообщество в строгом смысле слова есть группа, внутри которой знания обращаются как дар. Лишь *после появления* сообщества можно говорить о расколе, несогласии, фрагментации, сегментации, дифференциации, диспутах и прочих нюансах и прелестях интеллектуальной жизни. Но науке трудно сменить направление, если начать с обмена идеями на основе частной собственности, индивидуализма и личной прибыли. А затем пытаться координировать усилия ради создания гармоничной всеобъемлющей теории. Контрактная теория может послужить только основой организации бизнеса. Включая тот, который привлекает на службу уче-

общим достоянием, идеей, которую надо еще не раз обсудить и взвесить. Один академический ученый, чувствуя, что его вклад в науку бессовестно эксплуатируют, заметил по этому поводу: «Раньше существовал добротный здоровый обмен идеями и информацией между нашими исследовательскими группами... Но теперь мы начали запираеть двери».

²⁷⁵ Хайд Л. Указ.соч., с.140

ных. Но обмен дарами будет составлять часть господствующих в науке отношений до тех пор, пока цели науки будут требовать интеллектуальной общности, способной к рассуждениям и созиданию цельной теории.

Согласно Хайду, наука – это аномальный пример сообщества, возникшего на основе обращения даров, хотя научные идеи являются «холодными» дарами. Дело не в том, что среди ученых нет страстных натур. Просто напечатанные в журнале идеи не несут в себе эмоциональной непосредственности, характерной для большинства даров. Под влиянием превращения идей в товар происходит фрагментация научного сообщества. Но по сравнению с распадом семьи (и общины) она не является вопиющей. В этой связи Хайд приводит пример свадебных даров на островах Полинезии. Осуществляют девять основных и множество дополнительных даров между родственниками жениха и невесты. После свадьбы все оказываются связанными со всеми. Еще более сложны дары по поводу инициаций и похорон. Возникают непрерывные и охватывающие всю группу одолжения, благодарность, надежды, память. Так формируются живые социальные чувства. Постоянный обмен дарами обычно не приносит «экономической» выгоды. Зато вместо скопища людей возникает сообщество. Если дары превращаются в товар, приобретаемый за деньги, то каждый обмен разделяет или освобождает его участников. В итоге сообщество исчезает.

6.3.4. Дар как всеобщий социальный феномен

Затем Хайд анализирует политическую форму экономики дара, определяя дар как анархистскую собственность. Обмен даров противостоит централизованной власти и бюрократической иерархии. Марсель Мосс в «Эссе о дарах» описал генезис современного контракта. Он поставил вопрос: не является ли обмен дарами примитивной формой укрепления тех союзов, которые сегодня скрепляются юридическими письменными соглашениями? На этот вопрос он дал два ответа: можно рассматривать обмен дарами как архаичную форму правовой организации группы и как тотальный социальный феномен. В нем одновременно проявляется влияние религиозных, правовых, моральных, экономических и эстетических институтов. Лишь после их дифференциации правовой контракт стал отдельным учреждением.

С опорой на классическое исследование Мосса Хайд осуществляет тотальную критику сложившихся стереотипов в сфере экономики и права.

В процессе дифференциации возникло различие между «реальным» и «личным» законом — то есть между естественным законом вещей и человеческим законом для людей. В экономике дара такое различие смазано, ибо вещи рассматриваются как личности и наоборот. Личность и вещь, живое и мертвое различаются духовно, но не рационально²⁷⁶. Строгое различие вещи и человека — характерная черта позднего римского законодательства и современного мира. Мосс замечает: «Это фундаментальное различие: оно является непрременным условием существования части нашей экономической системы, основанной на собственности, отчуждении и обмене. Но эта система чужда обычаям, которые мы только что рассмотрели».

Юридический контракт рядится в тогу «контракта» дарения. Санкционированный законом контракт может формализовать единство обмена дарами путем отделения обмена от других элементов «тотального социального феномена». Такой обмен теряет эмоциональное и духовное содержание. Обязательства и чувство долга превращаются в простые экономические и юридические отношения. Контракт по закону — это рационализация даровых уз, так же как ростовщичество является рационализацией роста в обмене дарами. Контракт (договор) и ростовщичество имитируют структуру экономики дарения, но из нее улетучивается «неэкономическое» чувство.

Если говорить об обмене дарами с политической точки зрения, то политику надо выводить из природы контракта дарения. Мосс ввел термины для политических мифов на эту тему. Но они не годятся для анализа анархической собственности. Обычно историки анархизма начинают с рассказа о правлении анархистов в Мюнсте-

²⁷⁶ Мосс утверждает, что в древних римских законах вещам приписывали личностные качества и достоинства, которыми они обладали как таковые. Вещи не инертные предметы, как их трактуют законы Юстиниана и нынешние законы. Они — часть семьи. Древнеримская *familia* — это не только люди, но и «домохозяйство», включая все предметы домашнего обихода вплоть до пищи и предметов обстановки. Позже римский закон начинает различать экономические и ритуальные интересы. Теперь он делит *familia* на *res* (вещи) и *personae* (людей). И тем самым «выходит за пределы устаревшей и опасной экономики дарения, отягощенной личными пристрастиями, несовместимой с развитием торгового рынка и повышением производительности — то есть, короче говоря, не являвшейся экономикой».

ре в начале XV века. Различные религиозные движения Реформации были направлены не только против папства, но и против новой (а на деле старой римской) концепции собственности. Эта концепция позволяла местным князьям, пользуясь установленными законами, превратить «общинное достояние» – поля, леса и реки – в частные заповедники.

Против таких «римских» идей было направлено множество движений. Но предтечами современных революционеров были только анабаптисты. Они требовали уничтожить гражданскую власть, власть судейских и чиновников. Крещение – это прямой и непосредственный контакт с Господом Богом. Поэтому любой посредник (государство *или* церковь) не только излишен, но и порождает безверие. Ничто не должно стоять между человеком и его внутренним светом, который придает смысл и форму всем действиям и поступкам.

Мюнстер сильно пострадал от чумы, экономического упадка, больших налогов. Добрая часть горожан обратилась в веру анабаптистов и захватила власть в городе. Из города были изгнан его номинальный правитель – вестфальский епископ, католики и лютеране. Епископ осадил город с армией наемников. Горожане стойко держались, пользуясь общественными запасами продовольствия и одежды. Истинно верующие считали, что Мюнстер вскоре станет вторым Иерусалимом. Первым церемониальным действием, ознаменовавшим взятие власти в городе и наступление новой эры, стало сожжение всех письменных договорных и долговых документов.

В 1842 г. Вильгельм Вейтлинг написал: «Наступит время, когда... мы разожжем огромный костер из банкнот, векселей, завещаний, налоговых списков, рентных контрактов и долговых расписок и каждый бросит в костер свой кошель...» К старому списку отмены контрактных и долговых отношений Вейтлинг добавляет отмену денег. Эта идея вошла в программы европейских анархистов, которые призывали заменить обмен денег бартером.

Тридцать лет спустя Энрико Малатеста начал действовать в духе идей Вейтлинга. В 1877 году он с группой соотечественников создал базу в лесах близ Неаполя, а затем начал двигаться от города к городу, уничтожая государство. Историк Джеймс Джолл пишет: «Колонна анархистов вступила в деревню Лентино утром в воскресенье. Они объявили короля Виктора-Эммануила низложенным и

совершили анархистский ритуал сожжения архивов – то есть записей о держании собственности, долговые обязательства и налоговые списки».

Неизвестно, были ли брошены в костер кошельки, - иронизирует Хайд. По сути, все приведенные факты являются фактами общей истории борьбы между юридическим контрактом и сердечным контрактом. Вслед за анабаптистами анархисты объявляли недействительными и уничтожали те объединения, которые отрицали основанную на чувстве анархическую спаянность и были склонны к насилию. Правда, редко встречаются общества, существующие только на основе душевных привязанностей. Большинство обществ имеют объединения, санкционированные отчужденным от чувств законом. Однако уже в Древнем Риме семья поделилась на вещи и людей. В современном мире закон все глубже вторгается в царство сердечных привязанностей. Закон пытается усилить узы, которые в прежние времена скреплялись смутными чувствами доверия и благодарности. Но закон не может соединить людей и обеспечить порядок. Закон вытесняет эмоциональное и духовное содержание из целостного социального феномена, Сам процесс осуществления законодательства требует определенного общества. Такое общество должно базироваться только на антагонизме и расчете, которые исключаются из общественных отношений духом обмена дарами. Дух дара лишен точности и не обязательно требует ответного дара. Дар не порождает антагонистических отношений должника и кредитора, постольку суды не в состоянии распутать дела о неблагодарности. Сердечный контракт выходит за пределы действия закона. Если сердечный договор заменяют правовыми отношениями, круг обращения даров сужается.

Истории от анабаптистов до анархистов отражают твердое убеждение: жизнь подавляется кодификацией контракта и долга. Поэтому отвергаются не только кодифицированные долги, укрепляющие позиции господствующего класса. Отрицается любая кодификация, которая поощряет разделение вещей и духа, отбрасывает феномен общественной цельности и возвращает социум в первобытное прошлое, ослабляя основанный на чувствах договор. Сожжение долговых расписок – это попытка воспроизвести двойственность и расплывчатость, которые придают общественный характер обмену дарами. Поэтому уничтожение долговых расписок и

прочих юридических актов не является антиобщественным актом. Напротив, оно призвано освободить от юридических оков благодарность как духовное чувство и средство укрепления общественных связей. Георг Зиммель определял благодарность как нравственную память человечества. Анархизм освежает эту память. Она тускнеет, если моральные обязательства превращаются в законодательно утвержденный долг и угодливость. В сердечные союзы вступают по желанию, остаются в них из чувства благодарности и покидают по собственной воле. А теперь они заменяются невидимым господством чисто законодательных связей.

Нередко утверждают, что обмен дарами может лежать в основе экономики только малого сообщества людей. Если общность удерживается как единое целое с помощью эмоций, то ее численность имеет верхний предел – от 100 до 1000 человек. Если численность группы становится больше, чувства гаснут. Идущие по улицам больших городов незнакомцы не смотрят в глаза друг другу потому, что не желают лишних контактов. Эмоциональные отношения на основе обмена дарами могут существовать только в обществах ограниченной численности. Однако научное сообщество организуется на основе специфических задач и является исключением из этого правила. Оно не претендует на то, чтобы кормить, лечить, женить, выдавать замуж своих членов. Научное сообщество может существовать за счет обмена дарами и одновременно быть многочисленным, - делает вывод Хайд.

6.3.5. Проблема современного мира

Но остается нерешенным вопрос о современном мире, к которому упорно апеллируют анархисты. Как сохранить истинную общность в массовом обществе, доминирующей ценностью которого стал обмен стоимостями, а нравственность превратилась в закон и право?

На этот вопрос Хайд дает определенный и решительный ответ. Анархизм оформился в политическую философию на рубеже XIX-XX вв. К тому времени идея договора имела уже длительную историю. В XVII-XVIII веках теоретики «общественного договора» исходили из посылки: атомарные единичные связи соединяют отдельных людей в первобытном договоре. На этой основе они постулировали механизм объединения людей в государство. Наиболее

показательный пример - теория Гоббса. Она противостоит теориям анархистов.

По мнению Гоббса, до общества существовало «естественное состояние», в котором люди занимались обоюдным убийством. Поэтому человек руководствовался только эгоцентрическими желаниями, амбициями, жадностью, гордыней. Любимый альтруизм сводился к эгоистическому интересу. По счастью, индивиды нашли страх смерти как объединяющую их ценность. Разум увел их из естественного состояния и привел к безопасной общественной жизни. К несчастью, разум слабее человеческих страстей, которые антиобщественны по своей природе. Поэтому в общественную жизнь пришлось включить абсолютную власть. Она обладает силой держать человека в «благоговейном страхе». Гоббс снабдил свое государство четырьмя опорами: эгоизмом, страхом смерти, разумом, благоговением перед властью.

Постоянная черта теории «общественного договора» - представление о пропасти между первобытным и цивилизованным человеком. В трактовке Гоббса первобытному человеку присуща агрессивность, «вечная и неутолимая жажда власти после получения власти». Он живет в условиях бесконечной войны. Не знает ни упорядоченной общественной жизни, ни общественной и частной собственности. Живет воровством или грабежом. Первобытный и цивилизованный человек – это два различных *вида* людей. Из такого различия исходит Гоббс в понимании политики – ради объединения людей она требует договора и диктует форму договора.

Гоббс начинает изложение своего учения о политике с исторической фантазии, согласно которой хаотичное первобытное туземное прошлое замещается цивилизацией. Этот сдвиг происходит тогда, когда люди согласны отказаться от своего права на применение личной силы в пользу установления публичной власти. Таким образом, общественный договор выводит человека из его естественного состояния и создает цивилизацию. Но договор потребовался именно по той причине, что без него нельзя доверяться человеческому поведению. То есть у Гоббса всегда существует смесь недоверия и закона, каковая приводит к парадоксальной политике, в которой законы природы не могут успешно соблюдаться вне рамок искусственно придуманной организации. Получается, что естественный за-

кон устанавливается лишь искусственной силой, и только власть предоставляет свободу разуму.

Анархисты основывают свою политику на другой идее и предлагают другое решение. Они исходят из факта: современное государство стало политической реальностью только в конце XIX в. До тех пор анархизм не мог стать строгой политической философией. Но даже в начале XX в. анархизм не стал политикой в чистом виде. Он остался приложением этики к политическому мышлению. Хайд уподобляет анархическую идею царской водке, которую надо регулярно лить на государство и его машину. И смотреть, сколько можно выесть до тех пор, пока народ не начнет страдать больше, чем он страдает под игом закона и государственной власти. Анархист исходит из допущения о доброй природе человека, утверждая, что закон сам по себе есть причина преступления. Анархист чувствует родство (а не пропасть) между первобытным естественным человеком и современным цивилизованным человеком.

Для обоснования этого тезиса Хайд приводит факты и соображения. Русский князь и анархист Петр Кропоткин реально наблюдал жизнь первобытных племен. Он родился в аристократическом семействе, получил высшее военное образование, был рационалистом и ученым-географом, признанным в научных кругах. В молодости участвовал в экспедиции в Центральную Азию. Хайд приводит оценку этой экспедиции Джеймсом Джоллом: «Представляется, что первобытные племена, которые мы наблюдали, руководствуются в своей общественной жизни регулирующими ее обычаями и инстинктами, не испытывая никакой нужды в правительстве и законах. Для Кропоткина примитивное общество, столь далекое от того, чтобы быть похожим на изображаемый Гоббсом конфликт и войну всех против всех, напротив, стало образцом, показывающим, что сотрудничество и «взаимопомощь» являются, скорее, естественным состоянием человека, не испорченного правительством и законами, каковые возникают из «желания правящего класса придать устойчивость обычаям, наложенным им в своих интересах и к своей выгоде», в то время как единственное, что требуется для гармоничной жизни, — это «те обычаи, полезные обществу... обычаи, которые не нуждаются в законе для того, чтобы внушить к себе уважение».

Кто же прав — Гоббс или Кропоткин? Гоббс не выезжал из Англии дальше Франции. Кропоткин изучал реальных первобытных

людей. Поэтому Кропоткин ближе к истине. Однако истинная жизнь первобытных племен начала изучаться только по мере появления этнографии как эмпирической науки. Эссе Марселя Мосса - первая синтезирующая работа по этнографии. Мосс в архаике искал корни современности. Его выводы можно считать гибридом взглядов Гоббса и Кропоткина. С одной стороны, разъяснения Мосса позволяют понять, что дух дара не воспроизводится законом и не может быть выведен из разума. С другой стороны, вслед за Гоббсом Мосс не считал эмоции движущей социальной силой, подчиняя их разуму. Он писал: «Противопоставив разум эмоциям... люди успешно ухитрились заменить союзы, дар и обмен войной, изоляцией и застоєм». В другом месте он толкует о «тоталитарном дарении». Под этим термином он понимает постоянный, всеобъемлющий обмен дарами, говоря при этом, что «несмотря на то, что эти обмены имеют место под маской полной добровольности они на самом деле являются строго обязательными, и их нарушение равносильно скрытой или явной войне»²⁷⁷.

По мнению Хайда, приведенные ранние представления о первобытной жизни лучше определить как выражения характера, а не как политическую науку или этнологию. Один характер (П.Кропоткин) чувствует большее родство с аборигенами, полагает страсти общественными, а в основе жизни полагает добрую волю. Другой (Т.Гоббс) чувствует дистанцию, щедрость воспринимает как жажду власти, полагает страсти эгоистичными, на место доброй воли ставит эгоизм. И поэтому вынужден привлекать разум и власть, чтобы вывести из них возникновение общества.

Эти два характера различаются отношением к роли страстей и разума в образовании общества. Гоббс не знает общественных страстей. Он вещает на основе собственной декларации: жизнь в природе «одинокa, отвратительна, жестока и коротка», в противовес которой «разум предлагает удобные понятия о мире... называемые законами природы». Разум формулирует законы для обуздания страсти. Общественная жизнь возникает лишь тогда, когда каждый отдельно взятый человек непонятным образом приходит к убеждению, что он должен подавить какую-то часть своей натуры. Согласно Гоббсу, основания общественной жизни предполагают ограничения, отделение правящих от управляемых и опору на закон

²⁷⁷ Цит. по: Хайд Л. Указ. соч., с.152-153

(со всеми его функционерами – полицией, судом и тюрьмами). Только при таких условиях можно обеспечить порядок.

Вердикт Хайда однозначен: Гоббс совершает двойной обман – во-первых, что страсть уничтожает общественную жизнь, во-вторых, что насилие ее сохраняет. Этот двойной обман как раз и оспаривает анархическая теория. Общественная жизнь мотивируется чувством, но имеет жесткую структуру, устойчивость и прочность. Существует множество точек соприкосновения между анархистской теорией и обменом дарами как основой экономики. Обе теории полагают, что человек щедр и готов к сотрудничеству «по своей природе»; не приемлют централизованную власть; подходят для малых групп и рыхлых федераций; опираются на сердечный договор и его примат над договором кодифицированным. Но представление о даре как об анархической собственности справедливо потому, что анархизм и обмен дарами базируются на допущении: общность и общество людей появляются не тогда, когда подавляется часть самосознающей личности, но когда эта часть отдается ради общего блага.

То же самое можно сказать о фразе Мосса: «обязанность ответного дара». Здесь акцент делается на слове «обязанность», и движущей силой ответного дара является страх, а не добровольность. Здесь Мосс повторил Гоббса. На практике многие обмены дарами являются смесью страха (или вины) и чистосердечного желания. Но мы должны отметить, что так же логично можно перевернуть предпосылки и допущения Мосса и сказать: «противопоставив *эрос* разуму... люди умудрились заменить дар войной» или что «войны ведутся под маской добровольности... но в действительности из страха перед скрытой или явной дружбой». В противном случае основными эмоциями становятся страх и эгоистический интерес, дух *hau* теряется, и мы снова возвращаемся к разуму, навязывающему закон и власть.

6.4. Когнитивные доноры, паразиты и ростовщики

Подведем итоги. Индивидуальный обмен дарами предполагает чувства отдельных личностей. Групповой обмен дарами – это гарантия анархической стабильности. Различные способы решения проблемы добровольной и вынужденной солидарности фиксируют универсальность конфликта между обществом и индивидом.

Рыночный механизм не годится для нормального функционирования научного сообщества. В науке получают признание и высокий статус только те, кто дарит коллегам свои идеи. Все остальные формальные члены научного сообщества являются паразитами и ростовщиками. Ценности научного сообщества связывают архаику и современность. Ученый – это когнитивный донор. Институты современной науки (университеты, военные ведомства и промышленные организации) не соответствуют этой функции. Научное сообщество является таковым только в той мере, в какой идеи перемещаются в нем как дары. Обмен идеями образует суть коллективного разума. Чтобы достичь прогресса в науке, надо объединять не столько людей, сколько их идеи. Превращенные в товар идеи сдерживают прогресс и интеграцию знаний. Строгий смысл термина «академическая свобода» означает свободу идей, а не индивидов. Если идеи рассматриваются как товар, они не могут обращаться свободно. На свободном рынке люди вышли на свободу, но идеи оказались под замком. В большинстве современных научно-академических учреждений результаты исследований тривиальны, не являются научными вкладами. Контрактная теория организации науки дезорганизует науку. Наука – это аномальное сообщество, возникшего на основе обращения даров.

Дар – это анархистская собственность или «тотальный социальный феномен». В нем одновременно проявляется влияние религиозных, правовых, моральных, экономических и эстетических институтов. Римская концепция собственности позволяет социальным и политическим группам с помощью установленных законов превратить общее достояние в частные заповедники. Поэтому гражданская власть, власть суда и чиновников была и остается сомнительной. До сих пор продолжается борьба между юридическим контрактом и сердечным контрактом. Закон не может соединить людей и обеспечить порядок. Закон вытесняет эмоциональное и духовное содержание из целостного социального феномена. Сам процесс осуществления законодательства требует общества, которое базируется только на антагонизме и расчете. Уничтожение долговых расписок и прочих юридических актов не является антиобщественным актом. Напротив, оно призвано освободить от юридических оков благодарность как духовное чувство и средство укрепления общественных связей.

Таким образом, Хайд развивает идеи Петрова относительно научного сообщества и бесплодности государственной организации науки, высказанные на полсотни лет раньше. Размышления Петрова о судьбах рукописей в естественных и общественных науках получают неожиданную поддержку со стороны современных антропологических исследований и теории анархизма

Глава 7.

Проблемы посмертной оценки

С.С.Неретина написала о Петрове ряд статей, выпустила первую небольшую книжечку о нем, затем под ее редакцией вышел том о Петрове в серии «Философия России второй половины XX века». Светлана Сергеевна классифицирует труды Петрова по рубрикам: культура как социокод; культура как универсальное научное понятие; субъектность культуры; репродукция и творчество; произведение-текст как единица общения; типы культуры; палубная культура, начало философии; образование.

7.1. Вердикт и уточнение

Одновременно С.С.Неретина полагает, что Петров изучал проблемы ментальности. Сама она понимает ментальность как общий тип поведения, свойственный индивидам и социальным группам, в котором выражено понимание мира членами группы в целом и собственного места в нем. По мнению С.С.Неретиной, ментальность (а не бытие и сознание) – фундаментальная онтологическая посылка, определяющая человеческое существование. Она может быть познана наукой. Для этого надо выявить внедренные в рассудок общие предрассудки - объективные структуры мышления. Анализ ментальности позволяет уточнить законы общественного функционирования. Такое уточнение – дело науки. Для обоснования такой оценки творчества Петрова Неретина ссылается на Р.Барта, который рассматривал в одном ряду К.Маркса, Ф.Ницше, З.Фрейда и К.Леви-Стросса. Общее открытие всех этих мыслителей – технические приемы, правила, ритуалы и коллективные ментальности, функция которых – институционализация субъективностей²⁷⁸.

²⁷⁸ См.: Неретина С.С. Указ.соч., М., 1999, с.13-14

С.С.Неретина считает, что Петров (независимо от Барта) предлагал обратить внимание на то же самое применительно к истории философии. Петров рассматривается С.С.Неретиной как мыслитель эпохи Просвещения, вдохновляющийся задачей анализа и ниспровержения предрассудков.

С.С.Неретина обвиняет школу «Анналов» в трактовке человека через социальные институты и роли. Неретина ставит знак равенства между школой «Анналов» и постмодернизмом и считает, что если научная установка не пустила корней в менталитете, наука остается культурой для службы или еще одной мифологией²⁷⁹. По ее мнению, знаковая форма создает то, что Петров называет ментальностью. Со ссылкой на Петровское понимание текста Неретина дает такое определение ментальности: «Фундаментальные структуры векового и многовекового порядка ... не есть застывшие стагнационные структуры, а есть интеллектуальная способность представить непрерывно меняющуюся «сумму обстоятельств» в формулах вечного порядка»²⁸⁰.

Спустя десять лет после издания книжечки о Петрове Светлана Сергеевна повторила и углубила свою оценку его творчества²⁸¹. Она пишет, что ведущая тема Петрова - начало философии, способ ее организации, смысл и содержание. В рамках этой темы Неретина выделяет три основных проблемы: культура как социокод; знак-вещь-имя; дисциплина ли философия?

Культура как социокод. Неретина называет Петрова одним из зачинателей науки о науке. Он естественно перешел к трактовке культуры как синтеза науковедения и образования. Петров исходил из идеи разнообразия культурных типов (а не культур), источник которых локализуется в социокоде. Этот термин Петров ввел «по аналогии с биологическим». Он означает воспроизводство в разных поколениях определенных характеристик, навыков и умений, что и есть социальность.

Знаковая форма создает то, что Петров называл ментальностью. Неретина не согласна с тем, что в культурном менталитете «Индивид как субъектный определитель культуры стоит после знания, понятого как то изначальное, что определяет и самого индиви-

²⁷⁹ См.: там же, с.21

²⁸⁰ Там же, с.35

²⁸¹ См.: Неретина С.С. Социокод философии (о философских работах М.К.Петрова) // Вопросы философии. 2008, № 10, с.91-102

да»²⁸². По ее мнению, у Петрова субъект представлен в средневеково-христианской двусмысленности: рожденный в сложившейся системе «наличных обстоятельств» и подчиненный им, он превращает их в объект преобразований.

Неретина также не согласна с идеей Петрова о том, что в античности появился разрыв между словом и делом и господством слова над делом. «Субъектом творчества в таком случае может стать любая авторитетная инстанция контролируемого ею миропорядка – «Бог, царь, герой, электроника», - снимающие при выведении мира из хаоса проблему выбора»²⁸³.

По ее мнению, то, что у Петрова называется творчеством, на деле лишь субститут репродукции. А человек, который также называется творцом, «на деле занимается *творчеством репродукции* (курсив С.С.Неретиной, В.М.)». Эта серьезная теоретическая посылка помогает понять способ, каким Петров определяет генезис философии: «С таким пониманием творчества связаны и трудности осмысления генезиса философии, и акцент, сделанный на анализ языка»²⁸⁴.

Неретина полагает, что акцент Петрова на идею языка есть реакция на бахтинскую идею культуры как диалога, который исключил науку из культурной сферы. Отмечает, что Петров скрыто полемизировал с таким пониманием культуры. По ее мнению, петровское внимание к логосу возникло в результате социально-политических задач свободных греков: «Очевидно при этом, что разные основания культур оказываются попранными, а мы зомбированы государством македонского воителя, которое строилось как потенциально мировое, и «греческим чудом», поставившим логос во фронт»²⁸⁵. Она полемизирует с петровским европейским универсализмом. Берет под защиту «дальнейшую неспособность государств к саморегулированию».

Знак-вещь-имя. По мнению С.С.Неретиной, только скорость человеческого проживания позволила Петрову опереться при анализе начала европейской цивилизации на пиратов и лишних людей. Она не согласна с идеей двух (человек и природа) и одного (чело-

²⁸² Неретина С.С. Указ.соч., с.92

²⁸³ Там же, с.92-93

²⁸⁴ Там же, с.93

²⁸⁵ Там же, с.94

век) абсолюта. Все остальное (по Петрову) фетишизм. Неретина считает, что для Петрова нет особых культур Средневековья и Нового времени: он все это называл антично-христианским временем, дробящимся типологически. Она соединяет Петрова с Лосевым, поскольку оба возрождали (с разных позиций) идею именного начала языка. Аргумент следующий: Петров замыкал всю историю европейского социального кодирования на грамматические структуры флективных (греческий) и аналитических (новоанглийский) языков. Это языковая реальность, превратившаяся в панреалию. Она пронизывает всю социальность, благодаря которой возникла номотетика, и явившаяся (по Петрову) причиной возникновения философии.

Дисциплина ли философия? В отличие от Петрова Светлана Сергеевна дает отрицательный ответ на этот вопрос. Она понимает дисциплину как «некое технически точное, но вторичное исполнение заветов мудрости»²⁸⁶. Гипотеза Петрова о дисциплинарном проекте философии сродни его гипотезе о пиратстве как основании универсально-понятийного мышления. Научное и ненаучное в вопросе о генезисе философии слились, «и есть люди, которые принимают гипотезу о пиратах за доказанный научный факт»²⁸⁷. По мнению Неретиной, основанием генезиса философии является схватывание мира человеком (выраженное понятиями логос, концептум, Begriff), со-бытие мира и человека. Она рассматривает концепцию Петрова через призму деятельности, у которой могут быть два основания: образцовые деяния великих людей прошлого (законодателей) и логика (языковые универсалии) в теории. Это заявление сомнительно потому, что определение философии как дисциплины «...исключает бескорыстную готовность, причем, не пирата, не законодателя, не писца, а *любого человека* к пониманию и того, что с ним случается, и того, что только может произойти, к пониманию целесообразности бытия, к поискам единства слова-дела»²⁸⁸. По ее мнению, Петров ошибочно переключил метод «догадничества» в дисциплинарное русло. Неретина полагает, что на пентеконтере сложилось единоначалие слова-дела.

Неретина проводит параллель между идеей катастрофы Ойгена Розенштока-Хюсси и концепцией Петрова. Согласно Розенштоку-

²⁸⁶ Там же, с.100

²⁸⁷ Там же, с.96

²⁸⁸ Там же, с.97

Хюсси, во время анархии, революции, декаданса и войны человек учится выживать. Для решения этой задачи не нужна речь, ибо в катастрофе теряют силу старые традиции.

Неретина не согласна также с пониманием философии как служанки теологии. Петров «странно понимал» средневековую мысль, поскольку «убрал Бога из интерьера теологии, омертвил и остановил Его в тексте Библии»²⁸⁹. По ее мнению, у Петрова путь к науке линеен: он возник в Греции как философская дисциплина; затем в Средние века оторвался от эмпирии и получил опору в тексте Библии, став дисциплиной теологии; в Новое время вновь вернулся к эмпирии в виде опытной науки.

В ее толковании, первым этапом становления теологии по Петрову является пропагандистское умение и способность приспособиться к языку и пониманию аудитории. По ее мнению, «Такая уравниловка и отождествление кажутся подозрительными. Невольно возникает мысль, что анализ проводится под одним-единственным ракурсом: свести разные логические и теологические системы к одной универсально-понятийной»²⁹⁰. Светлане Сергеевне «не по себе» от представления о церкви как об институте, не желающем допускать замыкания на традицию и семейный контакт поколений, поскольку такое замыкание грозило бы церкви гибелью. По ее мнению, такое представление из области материалистического понимания истории, где все задействовано только ради чьей-то пользы и прибавочной стоимости. Ей обидно, что средневековье у Петрова предстало в виде «мелких пожизненных хлопот», когда самые живые, благие и справедливейшие сущности (Бог) превратились в уродливые фантазмы»²⁹¹. Примером для нее является апофатичность Ансельма.

В конечном счете С.С.Неретина выносит вердикт: Петрову сама история нужна, чтобы осветить путь науке, в то время как трагедийность человеческой работы – в деятельном принятии этого мира во всех его трансцендентно-имманентных формах, позволяющих строить его как реальный, а не фантомный мир. Она считает, что критика Петрова направлена на западное общество с его наукой. В

²⁸⁹ Там же, с.100

²⁹⁰ Там же, с.101

²⁹¹ Там же, с.101

то же время в главе «Мы через призму традиции» дана критика и самокритика научно-технической культуры.

Итак, Светлана Сергеевна наметила ряд капитальных проблем интерпретации наследства Петрова в контексте истории мысли и духовной культуры. Я не могу здесь включиться в обсуждение всех указанных ею тем. Из предшествующего изложения следует, что я не могу также согласиться с ее оценкой пиратства и школы «Анналов». Тема ментальности и оценки анархизма тоже требуют специального обсуждения. Пока сделаю предварительное уточнение.

С.С.Неретина зачисляет М.К.Петрова в состав семиотиков культуры. Однако Петров постоянно спорил с идеей высшего авторитета - «попа в голове». Неретина толкует его творчество как подступы к интеллектуальной способности находить «формулы вечно-го порядка». Но возможно ли исключить из этих формул высшее существо - в виде иудео-христианского творца, перводвигателя Аристотеля, Бога-часовщика пантеистов или языковых структур? Однозначный ответ здесь вряд-ли возможен.

Я уже приводил мысли Петрова о «взбесившихся знаках». Основанием такого сумасшествия является идея Бога. Аргументом для развития такого подхода при анализе данного аспекта наследства Петрова могут быть его идеи о соотношении языка и мировоззрения²⁹². Петров пишет об изгороди проблем-сомнений, связанных с вопросом: с чего бы языку, который прекрасно обходился без философии, быть пособником в ее становлении и развитии? Для разрешения этих он анализирует конкретные исторические примеры участия языка в формулировке и решении философской проблематики. Прореферирую итоги его анализа.

Субъект-объект. У Аристотеля не было различения способности производить и способности создавать образы как единства практического и теоретического. Субъект-объектная оппозиция на лингвистическом основании была включена Августином в духовный континуум, в историю Духа Святого на правах ключевой структуры. Со ссылкой на Оккама Петров обосновывает различие способности производить и создавать образы как единство практического и теоретического и описывает 4 особенности этой процедуры. Язык участвует в формировании субъект-объектной оппозиции, хотя с точки зрения философа, воспитанного на традициях немец-

²⁹² См.: Петров М.К. Историко-философские исследования. С.168-228

кой классики, развернутая на лингвистическом основании субъект-объектная оппозиция выглядит парадоксально, вызывая, перевернуто.

От человеческого знания к божественному. Петров фиксирует избыточность логико-лингвистических правил, которая выражена в двух схемах интерпретации. В первой человек способен лишь открывать, а не творить знание. Тогда как принцип равносильности ликов божьих (Троица) впервые ввел в процесс развития мысли запрет на повтор-плагиат и придал этому процессу кумулятивный, поступательный и необратимый характер: «Благодаря догмату Троицы впервые возникает идея расширяющегося знания, движения к абсолюту, идея нового для человека (не для Бога, естественно) знания, полученного усилиями самих людей»²⁹³.

Частный и бессмысленный акт религиозной нетерпимости (действия монархиан на Никейском соборе) превратился в акт всемирно-исторического значения. Принцип равносильности ликов божьих ставил Священное Писание и сотворенную природу в тождественное положение посредника в рамках традиционной (античной и христианской) схемы познания: Бог-посредник-человек. После Оккама традиционная антично-христианская модель познания расщепилась на две ветви: человек-писание-бог; человек-книга природы-бог. Эта триада не имеет непосредственного генетического отношения к языку и его структуре, но язык везде выступает на ролях сопричины в форме общения (Бог-пророки и апостолы) и знаковой реалии (книга, текст).

Взаимодействие (объективация объекта). Петров детально описывает различия уровней флективного языка (от греческого до русского) и аналитического языка (языка) и заключает: сотворенная по английскому слову природа есть реальность однозначного контактного взаимодействия; любая полная причина, известна она или неизвестна, есть интегральная и полноправная часть «английской» реальности, в которой нет разумной составляющей. Он высказывает гипотезу: на состав, структуру и категориальный аппарат предмета философии влияют отдельные стороны, структуры и модели не языка вообще, а языка конкретного, с присущей ему спецификой. Отмечает, что исследований этой проблемы почти нет.

²⁹³ Петров М.К. Указ.соч., с.178

Язык и мировоззрение. Отсутствие таких исследований Петров объясняет ссылкой на научную пустыню, причем ряд стран этой пустыни принадлежат к европейскому, а не традиционному типу культуры. Основная трудность в освоении научно-технической революции и ее разветвленный корень состоит в наследственном профессионализме как ключевой социальной структуре. В этой социальной структуре нет человека вообще и идеи равенства всех. Знаковые структуры традиционного и европейского общества совершенно различны. Из истории известно более сотни случаев агонии и гибели традиционных обществ. Жизненный цикл традиционного социума (рождение-расцвет-увядание-гибель) никуда не ведет. А кровнородственная связь задает процессу традиционного развития прямо противоположное направление по сравнению с европейским очагом культуры: «Если принцип разнонаправленности традиционного и европейского развития принят на правах постулата, мы тем самым лишаемся права искать единую дорогу, лестницу, путь, тропинку, то есть единое основание для традиционного и европейского развития, а с ним и права искать единое основание развитости»²⁹⁴. Поэтому нет смысла изображать всемирную историю как всеобщую проезжую дорогу в европейскую развитость.

Знаковая система флективных языков (хранение и трансляция социально-необходимого знания) открыта в сторону специализации. Тем самым разделение оказывается более важной социальной функцией, нежели движение к целостности. Мировоззрение традиционных обществ будет сознательно отталкиваться от универсальных мировоззренческих оснований как от угрозы профессионально-очаговому способу хранения и накопления знания. Отсюда вытекают выводы о соотношении мировоззрения и философии. Мировоззрение – это знаковая социальная сущность, с помощью которого общество обеспечивает бытийственную преемственность. Философия – частичная разновидность мировоззрения вообще. Первое внеисторично, вторая исторична. Биокод и мировоззрение функционально подобны, а язык обеспечивает коммуникативную преемственность существования общества.

В традиционном обществе нет тождества лингвистического и бытийного, поскольку бытие образует особую систему, а язык используется как средство общения для перевода знания из латентно-

²⁹⁴ Там же, с.196

поведенческой в предметно-знаковую форму: «Если нет тождества лингвистического и бытийного, то нет и всего того, что на нем держится: логики понятий, объективной реальности взаимодействия, опытной науки и уж, естественно, философии. Внешне это отсутствие в традиционном обществе тождества лингвистического и бытийного выявляется предельно просто – сравнением мировоззренческих категориальных аппаратов. В европейской мировоззренческой системе все ключевые категории-знаки суть безличные интеграторы, взятые, как правило, из языка-системы (сущность, субъект, объект, отношение, активное, пассивное, бытие и т.п.). В традиционной мировоззренческой системе все ключевые категории-знаки суть личные различители – имена, связанные в целостность нелингвистическим отношением родства»²⁹⁵.

Методологические выводы Петрова таковы: 1. Надо искать в истории мысли случаи перехода от мифа как способа специализированного кодирования, характерного для традиционного общества, к философии как способу универсального кодирования знания, который основан на: тождестве языка и бытия; унификации со стороны античной философии, христианства, церкви и науки. 2. Есть два таких способа – греческий (стихийный) и японский (осознанно-целенаправленный). 3. Наиболее убедительное доказательство уникальности греческого перехода от мифа к философии – история колонизации как распространение нового типа социальности. В заключение он опять пишет про пиратский корабль как способ распространения нового типа социальности.

Из констатаций Петрова вытекает множество вопросов. Необходимо проверить по современным исследованиям истории христианства выводы Петрова о расщеплении традиционной антично-христианской модели познания на две ветви: человек-писание-бог; человек-книга природы-бог. При этом особый упор надо сделать на монархию. Надо проверить гипотезу Сепира-Уорфа (на которой основывает свои выводы Петров) на основе конкретных исследований. Мне неизвестны также конкретные истории агонии и гибели обществ, которые можно использовать для оценки России, ее политики и философии, теорий модернизации, науки и пр. Без изучения этого материала проблема соотношения языка и мировоззрения будет оставаться чисто философской говорильней. Для критического

²⁹⁵ Там же, с.199

отношения к ней можно использовать метафору Петрова, согласно которой мировоззрение и философия есть разновидность «взбесившихся знаков». В этом смысле Петров развивает линию Л.Шестова.

7.2. Пункты полемики

В то же время Светлана Сергеевна высказывает, на мой взгляд, продуктивную мысль о несогласии Петрова с концепциями культуры М.Бахтина и А.Лосева. Бахтин развивал идею культуры как диалога. Диалог (культура) погранична, полифонична, вненаходима, адресна и отличается взаимопониманием. Но Бахтин исключил науку из сферы диалога, поскольку она связана с непреложностью результатов, претендует на выражение универсальности, стирает личностные позиции и язык как носитель структурированных форм. Петров скрыто полемизирует с таким пониманием культуры. Неретина отмечает также, что Петров вступил в полемику с Лосевым по проблеме творчества, рассматривая культуру как творчество или нормальное состояние человека. Человек, владеющий языком, приговорен к творчеству. Но С.С.Неретина специально не рассматривает вопрос о несогласии.

Я хочу радикализировать идею Светланы Сергеевны. Существуют ли исследования, позволяющие обнаружить кардинальные различия между концепциями культуры М.К.Петрова и М.Бахтина-А.Лосева?

А.Эткинд показал, что революция в России была следствием религиозного сектантства и описал ряд связанных с этим фактов и тенденций²⁹⁶. В частности, секретный характер секты хлыстов способствовал формированию политической культуры, сыгравшей зловещую роль в российской истории XIX-XX вв. В России отношения между интеллигенцией, бюрократией и народом были вариантом колонизации и последующей деколонизации: «Русские революции были актами деколонизации «народа»; актами непоследовательными, как всякая имперская политика; противоречивыми в силу внутреннего ее характера; и закончившимися новой, беспреце-

²⁹⁶ Скандальное, апокалиптическое, генеалогическое, историческое, статистическое, ритуальное, семиотическое, социологическое, этнографическое, утопическое, сексуальное, корпоральное, хирургическое, психоаналитическое, диалектическое, трансгрессивное, логоцентрическое, поэтическое, демоническое, прозаическое, мазохистское, филологическое.

дентной по масштабу попыткой имперского завоевания собственного народа»²⁹⁷.

Русские этнографы были радикалами (от почвенника А.Щапова до эсера А.Пругавина и большевика Бонч-Бруевича). Все они рассматривали мистические культы как проявления социального протеста, а сектантские общины как перспективный ресурс грядущей революции. Русский национализм был создан литературой и развивался как культурный проекционизм. А.Эткинд проследил влияние хлыстовщины на русскую философию (Соловьева, Розанова, Мережковских, Иванова, Бердяева, Свенцицкого), поэзию и прозу (Пришвина, Пильняка, Вс.Иванова, Платонова, Горького) и политику. В этом контексте он описал связь между Распутиным и большевиками. Распутин конструировался как демократический институт, предназначенный заменить выборы и парламент. Так были связаны просветительские идеи и русское сектантство. Бонч-Бруевич считал Распутина православным из народа. Эсер и знаток русского раскола Пругавин верил в грядущий синтез сектантства и социализма.

Распутин и Бонч-Бруевич воплощали в себе идеи русского народничества и были его законными наследниками. Сектантские общины не считали грехом эмиграцию из России и были чужды идее национального государства. В Бресте большевики осуществили проект Распутина. Ленин интересовался возможностями повторения в России пуританской революции Кромвеля или анабаптистской революции Мюнцера, выступая за объединение сектантских сил. Российское хлыстовство наследовало европейским сектам и ересям богомилов, альбигойцев и гностиков. Бонч-Бруевич считал их народными революционерами, представителями христианского коммунизма, предполагающего уничтожение частной собственности и семьи.

Бонч-Бруевич в многотомном издании «Материалы по истории сектантства и старообрядчества» проводил линию на смычку религиозного и политического диссидентства. Большевики заимствовали у сектантов модель государственного устройства. В этой модели отвергалось самоуправление, не было передела земли и имущества в соответствии с крестьянскими нуждами, сохранялась жесткая иерархическая организация, воплощалась коллективизация земли,

²⁹⁷ Эткинд А. Хлыст: секты, литература и революция. М., НЛЮ, 1998, с.60

орудий производства и личного имущества, существовало отчуждение продуктов труда, централизованное распределение всех ценностей, массивная идеологическая индоктринация.

Такова была модель тоталитарной утопии всеобщего подчинения: «...в интересе к русскому сектантству как образцу для большевистского государства ... крылся один из источников необычно дружеского отношения Ленина к Бонч-Бруевичу»²⁹⁸. Культ Ленина (соавтором которого был Бонч-Бруевич) был попыткой соединить народную веру и утопическую государственность. Русские сектанты давно жили коммунистической жизнью, ради вселенского торжества которой произошла революция. После революции были организованы сектантские коммуны. Идея сектантского моста между правительством и крестьянством содержала программу действий, направленную на сближение правительства с сектантскими общинами, получение последними частичной автономии и превращение русского сектантства в самостоятельный фактор политической жизни страны. Сектанты отличались от остальных крестьян честностью, трезвостью и трудолюбием.

Двойная карьера Бонч-Бруевича как этнографа и политика масштабна и уникальна: «Он завоевал себе место не только в истории русской революции, но и в интеллектуальной истории. Вряд ли история этнографии, и вообще гуманитарной науки, знает много случаев столь тесного соединения политического лидерства со специальным знанием. Лишь закономерно, что именно в этом случае, когда знание было связано со столь большой властью, оно оказалось в такой же степени ложным»²⁹⁹. Иначе говоря, акцент на этнос связан с генезисом русского сектантства, а в трансляции категории «этноса» скрывается связь сектантов с коммунистами-большевиками³⁰⁰.

Резолюция XIII съезда придавала официальный статус сектантской утопии Бонч-Бруевича: «Победив на время в конкурентной борьбе за власть, его индивидуальный проект становится частью реальной политики. Он давал историческое обоснование государственному утопизму большевиков и обещал им огромные, никем еще не использованные ресурсы. Коммунистическая революция побе-

²⁹⁸ Там же, с.648

²⁹⁹ Там же, с.660

³⁰⁰ См.: там же, с.660-663

дила в отдельно взятой России потому, что огромные сектантские массы издавна жили в ней по правилам коммунизма; и смысл текущей политики состоял в том, чтобы связать официальный коммунизм верхов с подпольным коммунизмом низов»³⁰¹.

Бонч-Бруевич организовал под Москвой совхоз «Лесные поляны». Он состоял из сектантов и предвосхитил программу коллективизации – коллективное производство, братская община, общественная касса и равное распределение продуктов между членами. На рубеже 1920-х гг. Бонч-Бруевич стал посредником между двумя коммунистическими утопиями – сектантской и большевистской. То был его собственный вариант национал-коммунизма, использовавший русские секты как аргумент за строительство утопии в отдельно взятой стране: «Проект опирался на популистскую традицию, которая благодаря опыту больших сектантских общин получали необычную этатистскую интерпретацию»³⁰².

Миф о политической роли русского раскола мотивировал часть революционных усилий интеллигенции – от народников 1860-х гг. до большевиков 1920-х гг. Но по ходу дела миф был подменен другим комплексом идей: «Начало коллективизации означало разрыв власти со старыми формами русского утопизма и переход к иным его моделям, делавшим ставку на науку, технику и насилие и парадоксально возвращавшимся к идеям Просвещения. То была новая революция не только по количеству своих жертв, но и по радикальности осуществленной смены центральной идеи»³⁰³.

Весь этот круг идей был заимствован М.Бахтиным. Для обоснования аналогии между европейским и русским Ренессансом Бахтин рассматривал русское сектантство как символ русской современности³⁰⁴. Бахтин рассматривал русское хлыстовство как народную культуру, соответствующую легендам о Братствах Свободного духа. Для обоснования этих легенд он написал книгу о Рабле – фантазию о методах «снижения страдания и страха»: «Это апология народной «смеховой» культуры и яростное отрицание «официальной серьезности», иначе говоря буржуазной цивилизации, включая

³⁰¹ Там же, с.666

³⁰² Там же, с.671

³⁰³ Там же, с.673

³⁰⁴ М.Бахтин заимствовал у Ф.Зелинского теорию трех Возрождений: первое было итальянским, второе германским, третье Возрождение будет славянским.

ее советский, особенно серьезный вариант»³⁰⁵. Однако построения Бахтина не соответствуют временам Рабле. Бахтин создал концепцию карнавализации, поскольку его привлекало «большое родовое народное тело», в котором все кружится в едином потоке, не знающем пола и смерти. Самосознание современного человека Бахтин оценивал отрицательно: «Это совсем готовое, завершенное, строго отграниченное, замкнутое, показанное извне, несмешанное и индивидуально-выразительное тело, которое имеет пол, тот или этот, которое является либо субъектом, либо объектом и которое либо живо, либо нет»³⁰⁶.

В набросках и дополнениях к своей книге о Рабле Бахтин использует характерно хлыстовский мотив кружения. Для карнавального образа характерно хождение колесом, кувыркание, слияние в быстром кружении лица и зада, быстрое качание (подъем-падение). До и после Бахтина антропологи описывали подобное чередование культурных режимов (повседневного и праздничного) в жизни аграрных этносов. «Это путь предсказуемого совмещения семьи и общины, структуры и коммунитаса. Периодические прорывы коммунистического начала в налаженное структурное существование носит характер праздника, карнавала. Социальная структура в эти моменты переворачивается, отношения между людьми приобретают черты первобытной простоты, равенства и эмоциональной непосредственности... Идеи Бахтина несомненно важны для понимания хлыстовского опыта. Но были ли они рефлексией над этим опытом более, чем над каким-либо другим культурным материалом?», - так ставит проблему А.Эткинд³⁰⁷.

Тогда как у Бахтина карнавал означает дионисийский экстаз в применении к конкретным историческим условиям: «Выход из обыденности, смешение с коллективом, приобщение к высшим силам, снятие оппозиций пола и статуса и, наконец, особые формы телесного опыта, в частности кружение»³⁰⁸.

Восторг Бахтина перед карнавалом отражает чувства советских интеллектуалов, знакомых с текстами Ж.Фрезера, У.Джемса и Д.Коновалова, но вынужденных вести скучную бюрократическую советскую жизнь, лишенную экстаза и карнавальности. Однако

³⁰⁵ Эткинд А. Хлыст:..., с.157

³⁰⁶ Там же

³⁰⁷ Там же, с.158

³⁰⁸ Там же

ностальгия по народному, массовому, чудотворному действию характерна не только для русской интеллигенции³⁰⁹. Сцена из «Жизни Клима Самгина», когда герой подсматривает коллективное тело карнавала, фиксирует общую интуицию бесполого, безголового, бесформенного тела, складывающегося из индивидуальных колец и силой втягивающего в себя героя. Речь идет об отношении интеллектуала к собственным импровизированным образам: «Бахтин, никогда не видевший ни радения, ни карнавала, не задумывался о том, каково бы там было интеллектуалу вроде его самого»³¹⁰. В любом случае подглядывание в щелку за коллективным телом народной культуры означает способность интеллигента только ее описать, а не присоединиться и понять.

Что касается философии имени А.Лосева, то это – светский вариант еретического имяславия внутри православия. Существует принципиальная противоположность между философией имени Лосева и идеями современной семиотики: «Имяславцы объявили Бога живущим в своем имени. Эта идея на самом деле является радикальным открытием (или изобретением), настоящая сфера которого выходит за пределы молитвенной практики, и даже за пределы теологии. Подлинная сфера этого открытия – семиотика. Чтобы решить вопрос о том, может ли вещь совпадать со своим именем, надо пересмотреть саму проблему имени. После Соссюра теоретическая лингвистика и семиотика развивались по прямо противоположному пути. Знак объявлялся условным, заменимым на любой другой. Только человеческая конвенция определяет, что значит знак. Сущность вещей репрезентирована в отношениях между знаками, но никогда не в самих знаках. Поэтому соссюровская лингвистика начинает с анализа простейшего из знаков, фонемы, и видит весь знаковый универсум по аналогии с этим мельчайшим элементом. Имяславие, наоборот, начинает с анализа самого сложного из знаков, Имени Бога, и видит все знаки по аналогии с этим высшим знаковым уровнем»³¹¹.

Итак, возможны светское и религиозное (православное) обоснование семиотики. Светское обоснование – это семотическая

³⁰⁹ «Аналогичные примеры легко найти в карнавальных кадрах Феллини – и в садомазохистских сценах публичных казней, с таким чувством изображенных Фуко». Там же

³¹⁰ Там же, с.159

³¹¹ Там же, с.259

трансляция принципа обмена как главной идеи капитализма. Любую вещь можно обменять на любую другую на основании абстрактной меры, которая сама по себе не имеет никакого смысла. Она определяется соотношениями вещей и их определяет. В терминах семиотики стоимость не иконична, не индексальна и не зависит от отдельного человека, она конвенциональна. Таким же образом значение фонемы не зависит от голоса или акцента, а определяется системой двоичных противопоставлений (бинарных оппозиций), а значение слова определяется его синонимией и переводами на другие языки. Например, все слова «кошка» (китайское, немецкое, русское и любое другое) эквивалентны. Ни одно из них не ближе к сущности кошки, чем другое.

Религиозное обоснование семиотики включает два способа: 1. Бог не подчиняется семиотическим законам (как и любым другим); только Бог совпадает со своим именем, а все остальные сущности не совпадают; так можно спасти семиотику и еще раз утвердить уникальность Бога. 2. Лосев «пошел другим путем», обобщил имяславие до философии имени и пересмотрел семиотику: не только Бог, а любая вещь существует в своем имени. Имя привязано к вещи мощнейшими силами. Оно безусловно, его нельзя заменить или изменить, оно дано, а не выдуманно. Имя не есть означающее. Произнесение имени достаточно для изменения реального состояния вещей.

Отсюда вытекает: «Если лингвистика Соссюра есть семиотический эквивалент Просвещения, согласно которому слова созданы человеком и потому условны и одноуровневые, то имяславие есть семиотика Контр-Просвещения. Имяславие основано на идее данности, а не созданности имен-вещей, их непознаваемости и магизме. В философии имени, склеивающей означаемое и означающее, есть дух контр-культурного протеста. Анархизм сводит реальность к действующему субъекту; от отказывается рассматривать субъекта в более широких рамках – знаковых, культурных, политических. Семиотической его базой является тавтологическое неразличение субъекта и предиката, знака и значения, Бога и Имени. Непременным следствием является остановка дискурса или его сворачивание в нечто вроде Иисусовой молитвы. Если Имя есть Имя есть Имя, то

Бог есть Бог есть Бог... Впрочем, Лосев на основе такого понимания написал много длинных текстов»³¹².

Сказанного достаточно, чтобы обратить внимание на **контраст** между концепцией Петрова и концепцией Бахтина-Лосева. Видимо, детальное описание контраста может быть только предметным, соотношенным с использованием светских и религиозных разновидностей семиотики для множества познавательных и социальных целей. В частности, единство русской культуры состоит в том, что близкие идеи возникают на разных уровнях культурного бытия – среди православных монахов-отшельников и в авангардной культуре модных поэтов-декадентов: «Со светской точки зрения имяславие есть символизм, доведенный до абсурда... Лосев пытался обобщить свою философию на философию всякого имени, жизне-способную конкурировать с семиотикой, теорией всякого знака, но это ему мало удалось»³¹³.

Здесь надо внести уточнение. В настоящее время популярность концепций Бахтина-Лосева (и его предшественника П.Флоренского) намного выше популярности концепции М.К.Петрова. Вряд-ли кому-то удастся доказать, что М.К.Петров участвовал в подготовке «триумфального шествия» абсурда, в постсоветское время ставшего важной интеллектуальной модой...

7.3. Законодатель интеллектуальной моды

Обратимся еще к одному сюжету. Б.Гаспаров показал, что семиотическое движение приняло массовый размах во второй половине 1950-1960-е гг. во Франции, а затем проникло в СССР (Тартусская школа). Это движение претендовало на охват широкого круга социальных явлений на основе принципов семиотики и пытались построить историю и типологию культур как семиотического целого. Предполагалось, что семиотика преодолевает барьеры социальных сфер и национальных традиций на основе универсальной трактовки понятий знака и знакового кода. Семиотика декларировала стремление следовать «научному методу», исключение культурологической болтовни и субъективности исследователя, установку на всеобщность, универсальность и объективность научного метода. Во Франции семиотика была связана с левыми движениями

³¹² Там же, с.260-261

³¹³ Там же, с.261

и академическим диссидентством. В СССР Тартусская школа сознательно избрала маргинальную позицию.

Вначале семиотика была направлена на подрыв традиционного интеллектуального порядка, но «...все более превращалась в тоталитарное единство, оказывавшееся новым выражением этого самого порядка»³¹⁴. Фуко, Лакан занялись критикой принципов системности в развитии культуры, языка и духовного мира личности, детерминизма и рациональности. Работы М.Бахтина тоже были направлены на разрушение оснований структурного подхода. Барт написал ряд книг, направленных против самого понятия объективного значения текста, культа автора, позитивизма, структурного подхода, буржуазного общества, традиционной идеологии и т.д. Он ввел понятие «господствующей элиты» в науке и искусстве, которая настаивает на упорядоченности языковых и культурных кодов для манипуляции сознанием общества в целом, включая научное сообщество. Ж.Деррида ввел идею деконструкции - выявление разноречий в любом тексте, который традиционно принимается за целое, и разоблачение конформизма любого текста. Теперь семиотика уже не занималась позитивным описанием правил знакового языка, а разоблачала их манипулятивную сущность.

Но в СССР и в современной России эта эволюция модифицировалась. В 1970-е гг. Ю.Лотман выступил с серией работ по типологии культур. В этих работах Запад выступал на одном, а Россия – на другом полюсе. В итоге концепция Лотмана оказалась набором историсофских и идеологических банальностей и скрытой апологетики России. Тартусская школа оспаривала монополию рационализма, характерную для французской семиотики, сосредоточилась на «своем» и сузила задачи. Советская семиотика стала частью национальной традиции, местного политического и идеологического контекста. Ю.Лотман играл роль «гуру» школы. В итоге из нее получился очередной вариант академического истеблишмента.

Можно ли творчество Петрова рассматривать как часть советской семиотики в версии Тартусской школы? Вначале присмотримся к концепции русской культуры, в которой реализован ментальный подход. Л.Геллер детально разобрал сборник «Русская ментальность», выпущенный под руководством А.Лазари в Лодзинском университете. В сборнике реализована концепция Ю.Лотмана

³¹⁴ Гаспаров Б. В поисках «другого» // Новое литературное обозрение. 1995, № 14, с.58

при изображении русской культуры. Но ее реализация обнаружила кардинальную проблему дистанции в отношении самоочевидных концептов русской культуры (русская душа, русская идея, много-страдальный и т.д.)³¹⁵. При таком подходе самодержавие, православие, сакрализацию власти, имперский принцип вселенства, трактовку демократии как демагогии приходится трактовать как византийско-русские свойства. А народность и другие позитивные качества менталитета приписывать исключительно западным странам (Англии, Франции, Германии и т.п.). Между тем термин «народность» (в Уваровской формуле «православие, самодержавие, народность») П.Вяземский перенес в русский язык как кальку с немецкого Volkstum через польскую narodowosc.

Ю.Лотман по признаку отношения к знаку выделил две модели социокультурного поведения: европейский «договор» и русское «вручение себя», что не привносит ничего нового в познание русской культуры. Но в результате совершенно упускаются из виду анархистско-боготорческая струя русской культуры и восприимчивость русских к западным формам искусства – от докоммунистического авангарда до посткоммунистического постмодернизма. Семиотика в версии Лотмана смешивает объект исследования с моделью, приписывая модель реальности. Такая семиотика порождает комплекс гипотез ad hoc, функция которых – не обработка новых данных, а защита теории перед данными, которые ей не соответствуют.

Применение такого подхода к России утверждает старую идею об однородности и непрерывности русской истории и культуры, которая определяется и направляется архаичными структурами. Например, понятие «русско-советского менталитета» не дает возможности описать феномены разрыва (революцию) между русским и советским и идентификации русских с имперской нацией в советское время. Грубо говоря, русских цивилизовать невозможно. Российский менталитет обречен оставаться самим собой.

Понятие менталитета в версии Тартусской школы замещает понятия *дух языка* и *дух народа*, выработанные в XIX в., из-за чего трудно понять его соотношение с культурой (способ образования). Одновременно данное понятие отождествляется с культурой. Так

³¹⁵ См.: Геллер Л. Старая болезнь культуры: русофилия. Заметки по поводу словаря русского менталитета // Новое литературное обозрение. 1996, № 21, с.380-390

возникает порочный круг: культура предшествует менталитету, но по семиотическому определению не формируется вне заданных менталитетом операций.

Ю.Лотман считал, что понятие ментальности семиотика заимствовала от школы «Анналов». С.С.Неретина тоже сдержанно оценивает школу «Анналов». Однако школа «Анналов» ввела в науку концепт серийных исследований, дополняющих друг друга и дающих такой образ действительности, который не имеет ничего общего с линейным описанием истории. Эпистемологический постулат школы «Анналов» - невозможность упрощения данного множества. В одну и ту же эпоху и в одном сознании существует несколько менталитетов. Введение одного параметра (нации, государства, культуры и т.п.) ведет к радикальной редукции реальности. Менталитет в понимании школы «Анналов» имеет разные акценты: социальный, культурный, социально-психологический. В частности, историки школы различают варварский, придворный, городской, готический, суеверный, буржуазный, современный и иные менталитеты. Но к нации (национальному характеру) они это понятие не прилагают. Данные этнологии используются для анализа социальной повседневности, а не этнических свойств. К тому же новое поколение историков школы «Анналов» (например, Д.Ллойд в книге «Демистификация менталитетов») резко критикуют понятие менталитета. Поэтому ссылка на «Анналы» для подмены серийных исследований русской культуры ссылкой на ментальность при обсуждении «русского (и всякого другого) менталитета» является недоразумением.

Ю.Лотман воспроизвел схему «первобытного мышления» Л.Леви-Брюля. Эта схема противопоставляет западные (рациональные и объективные) структуры мышления дологическому и мистическому мышлению диких народов (принцип сопричастия и отсутствие противоречия). Согласно Ю.Лотману, менталитет описывается в терминах этноцентризма (склонение на все лады русских национальных свойств), культурного детерминизма (давление архаики), исторической обусловленности (имперские амбиции и идеология силы) и филологизма (дух языка есть дух народа). В итоге семиотика Тартуской школы воспроизводит традиционное русофильство.

Отсюда вытекают общие недостатки концепции Ю.Лотмана: противопоставление магии и религии не учитывает, что базой трех религий откровения был договор Моисея с богом; оппозиция моделей «договора» и «вручения себя» не объясняет причины их конкуренции, сочетания и взаимодействия; гипотеза Лотмана о коренном отличии бинарной культуры России от тринарной культуры Запада (аргументом в пользу которой является отсутствие чистилища в православии) не подтверждается исследованиями русской утопии.

Русская утопия не поддается бинаризации и включает ряд решений:

1. Народная утопия порождает фигуры скита, хлыста, Пугачева, духоборов, меннонитов.

2. Культурная утопия частично синтезирует новое с утверждением заново осмысленной традиции.

3. Для русской культуры типична фигура «архаиста-новатора» (Посошков, Щербатов, Хомяков, Федоров, Хлебников), а не дихотомия «новатора-консерватора». К тому же идея чистилища вошла в западно-христианские представления только с XIII в. Западная культура до конца средних веков была бинарной, а русская - европейской.

В конечном счете бинарные схемы семиотики не объясняют, а насильственно классифицируют факты и порождают неразрешимую дилемму. С одной стороны, возникает расхождение семиотического и исторического времени. И потому в историческую эпоху основа для семиозиса уже существует. Архаические формы действуют, управляют накоплением культуры и кардинально не меняются. С другой стороны, Лотман в одной из книг делает заключение: «Коренное изменение в отношениях Восточной и Западной Европы, происходящее на наших глазах, дает, может быть, возможность перейти на общеевропейскую тернарную систему»³¹⁶. Налицо влияние политической конъюнктуры и противоречие исходным посылкам. Вместе с изменением характера религии это значит: бинарную основу культуры можно менять волюнтаристским решением. Такой подход давно известен русским, и конечно, китайским людям...

³¹⁶ Лотман Ю. Культура и взрыв. М., 1992, с.270

В этой связи заслуживает внимания доксографический факт: Петров писал о тринарной схеме европейской культуры, но ни разу нигде не обмолвился о бинарности русской культуры.

Затрону еще один сюжет. Д.В.Панченко раскрыл перипетии существования журнала «Метродор», который занимался обычной научной критикой концепций А.Лосева и Ю.Лотмана уже в 1970-е гг., хотя находился под присмотром КГБ. Ленинградские ученые (Л.Лурье, Я.Жмудь, А.Гаврилов, А.Эткинд, С.Тахтаджян) давно описали корпоративный жаргон и отсутствие внутригрупповой критики в Тартусской школе. Отсюда вытекает ряд производных недостатков: каждый раз надо доказывать, что бинарные оппозиции находятся в исследуемом объекте; в итоге структуры занимают место априорных форм; происходит отождествление разных объектов; предполагается, что усвоение методологии (структуралистско-семиотической) может заменить обычный ум; типология культур становится поэтикой приблизительности; концепция Лотмана ставит и решает псевдопроблемы.

В целом школа Ю.Лотмана отличается отсутствием систематической научной критики. Сводит идеологию, религию и культуру поздних эпох к первобытному сознанию. Противоречит анализируемому материалу и исходным посылкам. Предпочитает одни возможности интерпретации другим. Использует непроверенные или в принципе непроверяемые суждения для вывода. Применяет аргумент от авторитета и подчеркивает значение целостных (бесконечных) объектов. В конечном счете Тартусская школа не отличается от официальной советской идеологии³¹⁷.

Теперь вернусь к тезису С.С.Неретиной: Петров - мыслитель эпохи Просвещения, вдохновляющийся задачей ниспровержения предрассудков. Однако это не Петров, а Лотман считал Просвещение культурным мифом, который описывался в терминах бинарных оппозиций. Для этого Лотман отождествлял просветителей с первичным христианством и марксизмом как высшей стадией Просвещения. Типологическое сравнение этого хода мысли показывает параллель между идеями Франкфуртской и Тартусской школы:

³¹⁷ См.: Панченко Д.В. Журнал «Метродор» и нонконформистская критика структуралистского литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995, № 15, с.76-122

- обе группы считали себя интеллектуальной элитой, выживающей в политически враждебной среде и культурно чуждом массовом обществе;

- обеим пришлось в большинстве эмигрировать;

- лидеры обеих школ в зрелые годы сражались с марксистскими убеждениями молодости;

- и вслед за героями-просветителями в борьбе с врагом пользовались его же методами.

На русской почве просветительские идеи прорастали так, что от них отреклись бы западные отцы: «Христианство в России породило официальное православие, с одной стороны, и множество параллельных обычаев, сект и верований, с другой стороны. Просвещение породило в России ее светскую культуру – литературу, науку, государственность. Рядом с этими институтами Просвещения и в контакте с ними существует другая реальность: народная культура. Ее отношения со второй, двоеверной религией остаются непроясненными;... Все же в центре оказываются не взаимовлияния и вызванные ими изменения, а местное своеобразие и его собственная инерция»³¹⁸.

Интерес и симпатии Ю.Лотмана неизменно на стороне народа, но постепенно он начал отдавать долг и нуждам официальной культуры. Для этого исследовалась ситуация русского двоеверия – параллельного существования двух религий, литератур и систем права внутри русской культуры. Однако теория русского двоеверия подобна реальной ситуации советского двоемыслия 1970-х гг.: «Культура не действовала, но жила в подполье, самиздате, обиходе интеллигенции; а то, что действовало, не имело культурного статуса. Как это обычно бывает в исследованиях культуры, актуальная культурно-политическая ситуация проецируется на иные эпохи»³¹⁹.

Напомню, что М.К.Петров резко выступал против подобной модернизации и для ее анализа разработал понятие «эффекта ретроспективы».

Ю.Лотман развивал идею: Просвещение идет к природе по-разному: на Западе в мыслях, в России на деле: «Система бинарных оппозиций, которая стоит за мыслью исследователя, вполне прозрачна: Россия-Запад; поступок-слово; литература-церковь; приро-

³¹⁸ Эткин А. Указ.соч., с.162

³¹⁹ Там же, с.162

да-культура»³²⁰. По мнению Ю.Лотмана, в России слово претворяется в дело, а культура возвращается в природе. Однако природа вслед за Руссо понималась как антропологическая сущность человека, которая сужается до его частных (этнических и классовых) определений: «Природа как главная ценность Просвещения оказывается эвфемизмом для народа и мужика, а затем подвергается своего рода национализации. Ценностный комплекс *истина-природа-народ* противопоставляется *лжи-культуре-интеллигенции* как *русское-нерусскому*. Возврат к природе реализуется как хождение в народ, культурное опрощение, и, наконец, почвенный национализм. Просвещение на своей периферии по Лотману, в своей диалектике по Адорно, переворачивается: идеалы гуманизма, терпимости и рациональности трансформируются в национализм и антиинтеллектуализм»³²¹.

Исходное единение природы и народа Ю.Лотман и его школа приписывалиномадам – цыганам Пушкина, казакам Гоголя, цыганкам Блока, босякам Горького. Получается, что в России именно эти социальные группы (особенно цыгане) воплощают добродетели Просвещения. По той причине, что жизнь цыган – дикая, необузданная, артистичная и продажная, зато экзотическая. Суть экзотики в том, что литературные цыгане вненациональны, и их любители – космополиты: «Акцент на цыганской теме редуцировал идеи Блока к анархизму пушкинского Алеко. На деле этот страстный искатель подлинности, крушивший гуманизм, поддержавший насилие, веривший в революцию как торжество национального духа, был близок скорее к европейскому фашизму»³²².

В заключение заметим: параллельно с Тартусской школой развивался Московский концептуализм. Он изучал не бинарные оппозиции, а советский быт и идеологические банальности (учебники, постановления партийных съездов, материалы партсобраний, обыденные представления о философии и марксизме-ленинизме и т.д.). Все это определялось как сфера низменного. Концептуализм снял поляризацию Запада и России путем введения аналитического концепта *свое как чужое и ничто* и предложил изучать империю знаков – «государство мух», в состав которого входят властно-

³²⁰ Там же, с.163

³²¹ Там же

³²² Там же, с.165

управленческий и идеологический аппарат СССР. Концептуализм создал также специальный термин *идеолект* (по созвучию с идиотизмом, идеологией и диалектом) для обозначения феномена идеологической болтовни. И рассматривал Россию/СССР как мусорную кучу или музей идеологического мусора. Вся официальная культура, система социальных наук и идеологический аппарат – это множество авторов-болтунов, производящих плоские шутки, пустые разговоры, бесконечные речи и дискуссии. Концептуалисты считали профессиональный дилетантизм главной характеристикой советского общества и идеологического аппарата³²³. В этом смысле концептуалисты развивали идею Петрова о философии как «фонтане слов». Но конкретное сравнение метафор Петрова с метафорами отечественного концептуализма выходит за рамки книги. Остановлюсь на проблеме ментальности.

³²³ См.: Хансен-Леве А. Эстетика ничтожного и пошлого в московском концептуализме // Новое литературное обозрение. 1997, № 25

Глава 8.

Ментальная тюрьма

Не дает мне покоя застарелая болезнь Гуттенберга - страдаю с 4-летнего возраста. Среди множества книг читал мемуары А.Я.Гуревича и уже писал о них³²⁴. Но не исчерпал всех сюжетов этой интересной и поучительной книги. Один из них хочу обсудить здесь и теперь.

8.1. «Уроки истории» в понимании генерала

А.Я.Гуревич сообщает, что именно он в 1960-е годы в СССР пустил в оборот слово «ментальность». Хорошее намерение закончилось по пословице «Благими намерениями вымощена дорога в ад». «Теперь слово это так опошлили, - сетует Гуревич, - что я, как историк, боюсь лишний раз его произносить, потому что могут неправильно понять – имею ли я в виду категорию исторического знания или же то, о чем уже с думской трибуны говорят: «Нам менталитет русского народа не позволяет...»³²⁵.

Чего же не позволяет думским деятелям России «менталитет русского народа»? С учетом жалобы покойного А.Я.Гуревича приглянусь к профессиональному составу Думы.

При Ельцине военные составляли во властных структурах 6,7%, при Путине – 26,6%, а в высшем руководстве – 58,3%³²⁶. Среди них находится А.И.Николаев - бывший Главком пограничных войск РФ (с 1993 г.), директор Федеральной пограничной службы России (с 1994 г.). В декабре 1997 г. он подал в отставку с поста

³²⁴ См.: Макаренко В.П. Пуганый народ и проблема восстановления памятника Ломоносову // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2009, №1 <http://politconcept.sfedu.ru/2009.1/19.pdf>

³²⁵ Гуревич А. История историка. М., РОССПЭН, 2004, с.115

³²⁶ См.: Согрин В.В. 1985-2005: три превращения современной России // Отечественная история. 2005, № 3, с.13. Правда, точка зрения В.В.Согрина не является единственной. Другие авторы начинают отсчет упадка демократии в России с расстрела Белого дома. См.: Островский А.В. 1993. Расстрел «Белого дома». М., Яуза, Эксмо, 2008

директора ФПС, не согласившись с решением Президента РФ о неправовом переносе пограничного поста на российско-грузинской границе. Затем его избрали в Думу.

Между делом генерал издает книги под своим именем. Сам пишет или ему сочиняют – этот вопрос я здесь не рассматриваю, хотя чтение «Военно-исторического журнала» позволяет его поставить. В этом журнале появляются статьи о том, как генералы используют литературных слуг, а затем рассказывают об этом. Так что профессия букрайтеров стала не менее универсальной, чем сочинение речей главам государства. В предисловии к одной из книг генерала А.В.Ларионов характеризует автора как «заботника Отечества» и призывает за него молиться...³²⁷

Молиться я не умею, хотя в армии отслужил положенный срок. По роду службы имел опыт общения с генералами – от одно- до четырех-звездных. Но тогда я годился им в сыновья или внуки. И потому они были для меня отцами-командирами. Теперь я сам отец-командир. По классификации И.Бестужева-Лада, в России стал ученым такого ранга, который в России соответствует генерал-полковнику. А в Украине – маршалу рода войск. Независимо от моей родословной по возрасту постепенно перехожу в аксакалы. Поэтому имею право выявить структуру сознания генерал-писателя и члена парламента. Для начала учту научный смысл ментальности в толковании А.Я.Гуревича: это использование литературных и иных текстов для изучения структур сознания, на которые опирается культура³²⁸.

Генерал включает свое рассуждение о ментальности в «уроки истории»: Россия находится не в новой исходной точке, а по-прежнему «жестко закреплена» на оси предшествующего развития. Сегодняшний день - это общая равнодействующая усилий сотен миллионов россиян прошлых столетий. То, что Россия сегодня имеет, - не подарок судьбы, а результат неустанной борьбы народа за выживание. Почти все войны против России приходились на «смутные времена» - периоды становления государственности и неустойчивости ее международного положения. Но тяжелые испытания и потрясения часто приводили Россию к укреплению могущества страны. В советский период Россия создала сверхдержаву

³²⁷ См.: Николаев А.И. На переломе. Записки русского генерала. М., Современный писатель. 1998

³²⁸ Там же, с.117

со всеми необходимыми параметрами политики, экономики, науки, культуры и военной мощи. СССР – это наша история. Ради выживания на протяжении веков Россия была вынуждена добиваться максимума государственной централизации. Такова основная традиция, которая не укладывается в рамки европейских представлений о демократии и абсолютизме. Правило России – режим осажденной крепости. Он требовал от народа пожертвовать в пользу государства всеми благами демократии: вольностями, вечевыми традициями, возможностями самостоятельного развития городов-республик.

Генерал-парламентарий трактует эти «уроки» как непреложные истины и предпосылки ментальности. А ее природу он выводит не из литературы, структур сознания и культуры (как предлагает историк А.Я.Гуревич), а из совсем другого вопроса: *почему у нас долго запрягают?* Для этого, по его мнению, надо понять национально-психологическое своеобразие – менталитет российских народов. Особенности исторического развития формируют менталитет, а менталитет выступает фактором исторического поведения и действия людей. Условия такого менталитета следующие: длительное существование России в режиме осажденной крепости; жесткая централизация; частое физическое и моральное перенапряжение; огромные лишения; безграничная вера в царей, «выдающихся руководителей» и героев. Все это, по авторитетному мнению генерала, сформировало у народа России качества высокой государственной дисциплины, жертвенности, выносливости и великого терпения³²⁹.

Книжка А.И.Николаева вышла более десяти лет назад. В момент, когда я пишу эти строки, в русском Интернете висит более 1330000 сайтов, авторы которых понимают менталитет в соответствии с приказом генерала, хотя вполне возможно, что он его не отдавал... Иначе говоря, все мои соотечественники обязаны жить в режиме осажденной крепости и централизации, до предела напрягаться, быть всегда готовыми к тяготам и лишениям, верить в царей и героев.

Слова известные, как барабанная дробь. Во время службы в Советской армии я изучал устав внутренней службы и пособие для политзанятий. Все эти истины взяты генералом оттуда. Зачем же

³²⁹ См.: Николаев А. Понять умом и сердцем // Слово. 1998, № 1, с.3-5

приплетать менталитет к солдатскому уставу и урокам армейской словесности? И неужели генерал сам все это сочинил? Тут опять помогла болезнь Гуттенберга. А.И.Николаев честно ссылается на книгу некого Ф.Нестерова. Я залез в свой архив, вынул ее конспект. И убедился: все перечисленные сентенции о русском менталитете списаны у кандидата филологических наук Ф.Нестерова. Тот еще в 1981 г. получил за свой опус премию ЦК ВЛКСМ. Видимо, поэтому его книга до сих пор висит в Интернете. Это избавляет меня от ее пересказа – любопытные могут проверить³³⁰. А я просто констатирую: точка зрения кандидата наук и комсомольского лауреата Ф.Нестерова на русскую историю в целом, Октябрьскую революцию, нынешнюю Россию и вытекающую из них ментальность предвосхитила позицию газеты «Завтра». Таково неожиданное следствие использования понятия «ментальность» в парламентских прениях...

Иначе говоря, мнения некоторых генералов-парламентариев и комсомольских лауреатов (к тому же кандидатов наук!) о природе ментальности совпадают. Это совпадение задним числом подтверждает мои старые сомнения в продуктивности понятия «ментальность» при обсуждении социально-исторических проблем. Такое чувство у меня зародилось на рубеже 1980-90-х гг., когда в СССР начал возникать ментальный жаргон.

8.2. Модное слово и философская дискуссия

В европейских языках слово «менталитет» означает мышление. Школа «Анналов» превратила этот термин в историографическую и культурологическую концепцию. Советская историография пренебрегала методологией школы «Анналов». Но на рубеже 1980-90-х гг. был издан капитальный труд Ф.Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.». Затем начал издаваться альманах «Одиссей», прошли первые конференции отечественных историков по проблеме ментальности³³¹, с 1997 г. издается ежегодник по проблемам социальной истории.

Иначе говоря, в начале 1990-х гг. в России наступила мода на слово «ментальность». Эта мода популярна среди журналистов,

³³⁰ См.: <http://www.pretich.narod.ru/Iskusstvo/Literatura/nesterov.html>

³³¹ См.: Куприянов А.И. Историческая антропология в России: проблемы становления // Отечественная история. 1996, № 6

парламентариев, историков, психологов, социологов, философов. Я уже применял общую теорию моды Х.У.Гумпрехта к анализу интеллектуально-политических мод типа философии истории, модернизации, глобалистики, геополитики и прочих тем нынешних тусовок³³². Теперь подошла очередь ментальности.

В бурном потоке моды выделяется книга А.Я.Гуревича «Исторический синтез и Школа «Анналов»»³³³. Глава третья называется «Геоистория» и экономический материализм: Фернан Бродель». Книгу я прочел сразу после выхода - и удивился той интерпретации теории Фернана Броделя, которую дает А.Я.Гуревич. Дело в том, что еще на аспирантской скамье я штудировал работы Броделя по методологии истории и социальных наук, а молодым преподавателем читал первое польское издание первого из капитальных трудов Фернана Броделя³³⁴. Затем - по мере перевода на русский язык - вечерами с удовольствием погружался в другой фундаментальный трехтомник великого французского историка³³⁵. Поэтому я не согласился с той интерпретацией Броделя, которую дает А.Я.Гуревич.

После одного из посещений московского Дома ученых и обсуждения моих сомнений в продуктивности концепта «ментальность» я высказал А.П.Огурцову идею устроить «круглый стол» по проблеме российской ментальности. Александр Павлович согласился, идея была реализована³³⁶.

На «круглом столе» философы обсуждали три вопроса: природа и изменения российской ментальности; ее влияние на культуру и философию; артикуляция ценностей в социальных и политических движениях. В дискуссии участвовали известные специалисты. Поэтому их позиции в значительной мере репрезентативны для философской культуры современной России.

Первая линия рассуждения - трансляция традиционного противопоставления русской и европейской культуры и философии - раз-

³³² См.: Макаренко В.П. Научно-обывательское знание – интеллектуально-политические моды? // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2009, № 2 <http://politconcept.sfedu.ru/>

³³³ См.: Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993

³³⁴ См.: Fernand Braudel. Historia i trwanie. Warszawa, 1971; Fernand Braudel. Morze Śródziemne i świat śródziemnomorski w epoce Filipa II. Tom I i II. Gdansk, Wydawnictwo morskie, 1977. На эти работы обратил внимание польский аспирант – один из моих старых друзей.

³³⁵ См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. М.: Прогресс. — Т. 1, 1986; Т. 2, 1988; Т. 3, 1992

³³⁶ См.: Российская ментальность (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1994, № 1

вивалась в выступлениях Г.Г.Гачева и А.Н.Ерыгина. Г.Д.Гачев противопоставил менталитету национальный космопсихологос и постулировал наличие национальных логик. Но внутри логики невозможно обнаружить национальные различия, поскольку используются одни и те же силлогизмы, аппарат индукции, дедукции, доказательства и т.п. Для конституирования национального космопсихологоса надо сделать акцент на интуиции, видении, созерцании - образном априоризме (глубинной структуре), которая лежит в основании рассудочного априоризма. По мнению Гачева, европейские языки связаны с указанными видами априоризма (французский отличается симметрией, немецкий – дуализмом).

Русский космопсихологос образует индивидуальную и надиндивидуальную структуру национального бытия. Национальная целостность – это единство природы (Космос), характера народа (Психея) и склада мышления (Логос). Русская ментальность не есть «Я» индивидуального бытия и самосознания, а принадлежность к единому целому. Русский космос – это субстанция, «мать-сыра-земля», природа, рождающая русский народ как своего сына и мужа. Но одного мужика для России мало. Ей потребовалось Государство (Гачев пишет это слово с большой буквы, видимо, вместо Бога...) - более мощный осеменитель, начало, форма, порядок, дисциплина, строительная, милитарная, экономическая энтелехия. Поэтому не мужское, а женское начало есть субстанция и субъект истории России. Бесконечный простор России не может быть освоен атомарной, свободной личностью. Государство же есть действующая и целевая причина.

По мнению Гачева, в этом скрыты основные отличия России от Запада. Русское пространство подобно мамонту и медведю. Европейское - средним млекопитающим (английский дог, германский волк, французская лиса). У мамонта (медведя) процессы протекают медленно. Этим определяется Психея русского человека. Все политики и логики стремились его подогнуть. Заимствовали на Западе государство и критерии измерения времени (процессы, формации). Тем самым к мамонту (медведю) применялись мерки собаки, козла и шакала. Этим обусловлена вечная трагедия России – несоответствие шага пространства и шага времени. Оно отражено в фольклоре и в русском Логосе. «Мать-сыра-земля» означает рассеянное бытие и разреженное пространство. Города в России неприятны, средства

коммуникации развиты слабо, моментов опосредования (среднее сословие, средний термин в силлогизме) нет. Русский Космос – это точка жизни и тире пустоты. Он адекватнее постигается литературой, а не философией. Схемы историософии (Запад-Восток, капитализм-социализм, атлантизм-евразийство) тоже заимствованы на Западе. Но в русской истории волей всегда обладал Космос, а не общество. Модель русского Космоса – путь-дорога, птица-тройка, космодром в бесконечность. Поэтому указанные схемы надо отбросить и заменить космософией.

Воля космоса сказывается и в русском Логосе. В нем господствует метафора, а не рассудочная логика и строгая философия. Русская философия всегда находилась на грани литературы и религии (софийность). Логос народа – это песня, мат, блатной язык, поэзия и безмолвие. Государство заимствовало свой Логос на Западе. В его состав входят рассудок и догматика, начетничество православия и талмудизм марксистско-ленинской идеологии, научность, план, предопределение, неприятие случая и свободы воли, вестернизация государственного аппарата и интеллигенции. Однако русская логика никогда не соответствовала западной ментальности. Русский ум всегда начинается с отрицания и критики данности, но поиск положительного ответа обычно ни к чему не приводит. Шедевры русской культуры остались незавершенными. Во всех сферах жизни растет «незавершенка», хотя начальство было всегда. Это свойство русской жизни не смогла отменить ни одна власть. Следовательно, формула русской логики – многоточие и незавершенность, а русской культуры – открытость и вопрошание. Поэтому задушевная мечта русского человека – начать все сначала!³³⁷

Концепция русского Логоса была разработана А.Н.Ерыгиным. По его мнению, в России философия истории и культурология стали первой формой теоретического национального самосознания. В основе данной формы лежит язык и категориальный аппарат западного способа мысли. Но существует принципиальное различие между европейской и русской цивилизациями: первая базируется на иронии – постоянной рефлексии и самокритике, тогда как развитие русской духовности всегда определялось мифом и религией. Логос

³³⁷ Эти идеи Г.Гачев развивал во многих публикациях, хотя и констатировал: «Национальная тема мне уже надоела – дурная бесконечность разнообразий и множеств». См.: Гачев Г. Ментальности народов мира. М., Алгоритм, 2003, с.339

медленно входил в духовную жизнь России. Здесь философия развивалась в рамках христианства, а не предшествовала ему. В этом смысле Россия - специфическая Европа. Русский Логос связан с онтологическими глубинами бытия и мышления, он символичен, в нем нет иронии. В России сложился также идеал нравственно-правовой организации общества: способ исторического действия должен совпадать с нравственным идеалом, а решающая роль государственной власти определяется ее союзом с мыслящей частью российского общества. В целом, по мнению А.Н.Ерыгина, специфика русской ментальности состоит в умеренном либерализме.

Философско-историческая линия аргументации развивалась в выступлениях И.К.Пантина и В.К.Кантора. И.К.Пантин связывает проблему менталитета с историей России и анализом причин русского национального характера. По его мнению, менталитет отражает исторический опыт формирования и развития нации. Это – память народа о прошлом, психологическая детерминанта поведения людей, исторический «код», который сохраняется в любых обстоятельствах, включая катастрофические. В прошлом России можно выделить следующие сквозные линии: борьба за выживание и объединение русских земель, связанная с наличием постоянных внешних врагов; связь модернизации хозяйства и общества с европеизацией; с Петра I начинается «догоняющая модернизация» - особый тип социально-экономического развития России, переплетенный с реформами и революциями «сверху»; такая модернизация могла быть осуществлена только сильной централизованной властью; россияне всегда жертвовали личными правами ради государства.

Эти факторы объясняют главный инвариант российской истории за последние триста лет: вестернизация - дело прямо или косвенно связанного с государством меньшинства. Все реформы и революции были освобождением народа от одного рабства во имя другого. Это породило безответственность большинства народа, необходимость вмешательства власти в социально-экономические процессы. Она всегда была вынуждена бороться с вековой инерцией и в этом смысле представляла интересы российского общества. Поэтому И.К.Пантин полагает, что лучшим способом борьбы был бы «пруссский», а не «американский» путь развития капитализма.

В.К.Кантор ставит проблему изменения амбивалентной российской ментальности: генотип Киевской Руси связывает Россию с Европой; Московская Русь отторгла русскую культуру от европейской. На уровне повседневного поведения это выражается в осознании человека другой нации как «чужого». Такая амбивалентность присуща всей русской культуре, в которой продолжается спор между «романтиками» и «реалистами». Главный предмет спора – «коренные особенности» России.

«Романтики» полагали ее главными особенностями общинность, соборность и православную веру. Это убеждение выражалось в известных формулах «православие-самодержавие-народность» (при царе), «партийность и народность» (при большевиках). В обоих случаях речь шла об отделении России от Запада. «Реалисты» (начиная с П.Я.Чаадаева) писали о склонности народа к отречению от своих прав, подчинении личности государству, лютом произволе государства (в мирное время) и не менее диком своеволию народа (во время восстаний и революций).

Однако романтики и реалисты согласны с тем, что характерный для России тип государства и социокультурных отношений сложился на рубеже XV-XVI вв. и воспроизводился до сих пор. Его главные свойства – психология осажденной крепости, изоляционизм, мессианизм. На этой почве расцвели утопизм, идея социальной жертвенности, громадный разрыв между словом и делом, мечтой и реальностью³³⁸. Но при любых обстоятельствах народ всегда трудился на чужого. Современная трансформация России – очередной вариант сказки про белого бычка.

Начиная с периода правления Н.С.Хрущева, основной мотив большинства населения страны – жить не хуже, чем в Европе и США. Пропали страх и любовь к государству. На социальной сцене торжествует мещанин и спекулянт. Но основной архетип культуры (ментальности) остался прежним: склонность к заимствованию легитимируется «тягой к всечеловечности». По сути, государство не

³³⁸ Для характеристики русской ментальности В.К.Кантор цитирует письмо анонимного автора в редакцию герценовского «Колокола»: «Забота об будущем не в нашем духе; на словах готовы мы взвалить на свои плечи хоть все человечество, будем социалисты, демократы, будем говорить об высокой честности с глазами в крови; на деле – боимся всякого труда, всякой мысли, живем настоящей минутой; наш чиновник ворует для того, чтобы покутить, купец мошенничает, чтоб сыну чин доставить, мужик работает, чтоб пьяну напиться. Даже материальной заботы об будущем нет; на того, кто об этом думает, в России показывают пальцами, он предмет насмешек и неприязни». Там же, с.41-42

изменилось. Оно бессильно в области защиты прав человека, поскольку всегда ее нарушало. Потеряло желание принуждать людей к труду и сбросило элементарную социальную ответственность. Но по-прежнему всемерно в помехах независимой от него экономики.

В.К.Кантор противопоставляет социальные реформы и культуру. За последние 30 лет русский народ не выдвинул и не воспринял ни одной новой идеи. Однако история русской культуры свидетельствует: появление гения (типа А.С.Пушкина) и рефлектирующего слоя (интеллигенции) важнее социальных реформ. Новое поколение русских людей не связывает надежды на устройство своей жизни с государством. Полагается на личный ум, талант, ловкость и умения. Что выйдет из нового поколения? – пока неясно. Повседневная жизнь в России стала крайне жестокой, хотя более свободной. Но все же постепенно исчезают психология осажденной крепости, чувства изолированности, мессианства и хилиазм. Становятся предметом анализа национальные мифы (соборность, особый путь, общинность, государственность и пр.). Поэтому перспектива развития России столь же скучна, как жизнь в Бельгии или Голландии. Русская тоска постепенно переплетется с европейской хандрой, а Россия будет все более неинтересной. Пора прекратить удивлять мир своими драмами и трагедиями. Но этот процесс растянется на сто лет. Удивляться этому не стоит – заканчивается период детства русской культуры.

Третья линия рассуждения – стремление связать анализ российской ментальности с процессами модернизации, но с акцентом на консервативном сознании. Этот подход развивал А.С.Панарин. Он подчеркивает роль неосознанных барьеров культуры по отношению к любым новациям и опыте осознания опасных последствий авангардизма. Постмодернизм показал, что новейшие социальные формы (рыночная экономика, парламентарная демократия, правовое государств) не являются ценностно-нейтральными. Культура выступает как традиция (тормозит новации, если они не соответствуют ее архетипам) и как церковь (легитимизируя или отлучая те или иные начинания). Социогуманитарное знание открыло инварианты бытия (десять заповедей, ключевые события этногенеза, инфантильный опыт, архетипы), посягательство на которые угрожает опасными деформациями. Эти инварианты воспроизводятся в каждом поколении. Кроме того, европейский модернизм опирался на

онтологические и социологические основания. Речь идет о значительном запасе устойчивости европейской культуры и образования в ее истории слоев (классов) населения, которым нечего было терять. Сегодня эти основания поколеблены. Европейский неоконсерватизм все более смещается от элит к массам. По мнению Панарина, данные тенденции надо учитывать при анализе модернизации в России, включая ее менталитет.

Идентичность европейского человека всегда была двойной, а в России – одинарной. До сих пор любые изменения в России были направлены против ее цивилизационной идентичности. А.С.Панарин не согласен с этой тенденцией. Он предлагает создать особый российский постмодернизм, связанный с ответственностью реформаторов за «инварианты евразийской судьбы» - равновесие славянского и туранского начал, культурный плюрализм, конфессиональная терпимость. Реформаторы постоянно посягали на эти инварианты с позиций «нового универсального порядка» - капиталистического или социалистического. Для России характерно также расхождение письменной и устной традиции, а в Европе эти традиции совпадали. Русская интеллигенция всегда тяготела к письменной традиции, заимствованной на Западе, и от ее имени воевала с малой народной традицией. Русская интеллигенция всегда стремилась объединиться с властью, а то и захватывала ее. В результате холодная война двух культур переросла в горячую. Этим объясняется парадокс российской истории: консервативное большинство на крутых поворотах истории (раскол, революция 1917 г., нынешняя трансформация) всегда терпело поражение от меньшинства. В любом случае происходил отрыв реформационного и революционного авангарда от основ и базовых ценностей национальной культуры. Разрешим ли вообще этот парадокс?

А.С.Панарин формулирует два возможных ответа: если постмодернизм только стилизация европейской культуры и не затрагивает ее оснований, то неевропейские менталитеты обречены на жесткую вестернизацию; если постмодернизм является серьезной попыткой решения главных проблем современной цивилизации и предполагает возврат к аскезе (прежде всего в экологическом отношении), то произойдет реабилитация неевропейских культур. С этими импликациями связаны два типа реформационной педагогики: жесткая (рационалистическая традиция объяснения и преобра-

зования) и мягкая (герменевтическая традиция понимания и диалога). Пока трудно сказать, что какая-либо западная страна реализует второй тип педагогики.

Тем более это относится к России, пребывающей в состоянии «экзистенциального напряжения». Оно не может быть разрешено до тех пор, пока не решена проблема культурных универсалий. В европейской и русской традиции существуют три способа осознания данной проблемы: человечество имеет единый культурный код; универсалии есть комплекс норм европейской цивилизации, которая продемонстрировала большую эффективность и подавила другие нормы; многоликие культуры в ходе столкновения и диалога находят возможности для переговоров и преодолевают барьеры непонимания, а единые универсалии культуры возникают лишь в этом процессе.

В связи с этим А.С.Панарин обращает внимание на модификацию социологических исследований. Раньше социология измеряла успехи личности такими показателями, как образование, квалификация, урбанистические установки и близость к передовым технологиям. Считалось, что социальная группа, обнаруживающая перечисленные признаки, более адаптирована к меняющимся условиям. Современная социология обращает внимание на то, что по сравнению с городскими жителями выходцы из деревни являются более эффективной группой. Они сохраняют нормы ответственности и патриархальной морали, которые более важны по сравнению с данными показателями.

Я не исчерпал все аспекты указанных линий рассуждения. Но главные тенденции нетрудно зафиксировать: стремление связать проблему менталитета с национальными, политическими, культурными и цивилизационными характеристиками страны; осознание проблемы через призму существующих в России идеологий или их комбинации; отсутствие строгого различия между эмпирическим и теоретическим уровнем рассуждения; произвол в отборе фактов для подтверждения того или иного подхода.

Таким образом, часть российских философов поддерживает и разнообразно обосновывает тот способ использования слова *ментальность*, который типичен для генерала. Я предлагаю этот способ назвать петушиным словом, почерпнув мудрость из Интернета. На этой свалке петушиному слову приписывают два смысла:

1. В народе об удачливых донжуанах говорили, что они знают "петушиное слово", привораживающее женщин, и оттого могут покорить любую, самую неприступную крепость.

2. «Петушиное слово» – это вполне профессиональный, но официально не узаконенный термин, обозначающий словесное кодовое наименование образца военной техники, находящегося в разработке, но еще не принятого на вооружение: "Тополь", "Гранит", "Москит" и т.д.³³⁹

Итак, в популярном (т.е. Интернетовском) смысле ментальность – это связь между штатскими (обольщение женщин) и профессиональными (новые виды вооружения) свойствами бравых военных и поддакивающих им философов. Но не все готовы выйти замуж за современных Скалозубов.

8.3. Возражения

Проблемно-аналитическая линия рассуждений была заявлена в моем выступлении. На основе анализа текстов славянского фольклора я показал, что русская власть осознается в них как неопределенная вездесущая дьвольская сила, в отношении которой крайне трудно реализовать магические заклинания. На мой взгляд, прежде чем говорить о российской ментальности, надо анализировать политический и идеологический язык России. В том числе тот, который характерен для ранее описанных линий рассуждения. Обращение к ним свидетельствует просто о крушении советского марксизма - одного из типов политического языка как системы норм и регулятивов, в которых существовали фиксированные значения. Однако использование «славянофильских» и «западнических» схем (которое продемонстрировали предыдущие выступления), на мой взгляд, не помогает понять проблему ментальности.

Эту линию рассуждений продолжил А.П.Огурцов в выступлении, подводившем итоги дискуссии. Не закрывает ли исследование российской ментальности анализ структур личностного самосознания? – так ставит проблему Александр Павлович. Если ментальность облекается в национальные, этнические, политические и цивилизационные одежды (как продемонстрировали выступления большинства участников «круглого стола»), то она становится просто способом артикуляции национальных мифов, идеологических и

³³⁹ См.: <http://speakrus.ru/28/f2816.htm#4>

политических самооценок и предубеждений. В результате обращение к ментальности становится альтернативой анализу самосознания личности и базовых социальных структур. Конечно, на протяжении последних десяти лет произошел кризис идентификации индивидов с партией, государством и церковью. Однако семья устояла. Есть ли тогда смысл говорить о кризисе ментальности?

По мнению А.П.Огурцова, проблема еще более осложняется, если учитывать связь между школой «Анналов», фундаментальной онтологией М.Хейдеггера и структурализмом М.Фуко. Надо анализировать априорные структуры сознания и проводить различие между ментальностью как культурой «безмолвствующего большинства», идеологией и психологией, а также между психологическими установками масс и элиты. Однако пока не существует строгой исследовательской аппаратуры для исследования данных различий. Большинство зарубежных и отечественных философов, культурологов и историков работает в консервативных или архаических (в смысле А.Тойнби) парадигмах. Пока невозможно сказать, что открыт корпус новых источников для идентификации нового направления исследований. Трудно также провести различие между анализом ментальности – и философской и исторической антропологией. К сожалению, эта тема практически не была затронута участниками «круглого стола».

Здесь я хотел бы развить эти положения А.П.Огурцова, высказанные двадцать лет назад. Есть не только непосредственный (полемика с определенной интерпретацией концепции М.К.Петрова), но и опосредованный повод: А.Я. Гуревич почти без изменений воспроизвел текст главы из своей книги 1993 г. в послесловии к первому русскому изданию первого классического трехтомника Броделя, изданному в России спустя более полста лет после выхода во Франции. В обоих текстах Гуревич высказывает серьезные инвективы в отношении концепции Броделя. По мнению Гуревича, Бродель в понимании истории был толстовцем и позитивистом одновременно. По мнению Гуревича, это нехорошо. Вследствие этих главных пороков у Броделя есть и множество частных – по мнению Гуревича:

- Бродель перенес центр тяжести исторического исследования с человеческой деятельности на географическое окружение, и потому «склонен обходиться без людей»; отрицает человеческую свободу в

пользу всеохватывающего жесткого детерминизма и не оставляет места для выбора и творчества;

- почти ничего не пишет о крестьянстве и вообще о трудовом населении региона, из-за чего его концепция страдает диспропорциями в освещении социальной истории;

- не изучал взаимодействие мира вещей с духовным миром; не показал внутреннюю взаимосвязь между географическим, социальным и событийным уровнями истории; структуры и конъюнктуры в концепции Броделя «обретают субстанциальность и существуют помимо головы сконструировавшего их историка»;

- не видит проблемы ментальности; игнорирует историю ментальностей и историко-антропологический подход; его концептуальный аппарат не разработан для того, чтобы поставить существенные и актуальные проблемы истории культуры и истории ментальностей³⁴⁰.

В конечном счете Гуревич называет Броделя поэтом и художником, а не ученым. И выносит вердикт: «Броделево понимание «тотальной истории» внушает сомнения. «Тотальная» или «глобальная история» - не сумма, составляющаяся из многих слагаемых, но синтез, а синтез не достигается перечислением компонентов. Необходимо показать их внутреннюю взаимосвязь и взаимное проникновение. Этого-то в труде Броделя и не обнаруживается»³⁴¹.

По всем этим причинам применимость метода Броделя к истории весьма ограничена. «Однако дело не только в этом, - пишет Гуревич. - Существует опасность реификации структур, превращения их из средств научного анализа и организации материала в самостоятельные сущности»³⁴². Из методологии Броделя можно извлечь только негативный опыт; его концепция не выдержала испытания «большого времени» и не способна искупить «нищету философии»³⁴³.

Я не согласен с таким подходом к методологии истории Броделя. Для обоснования несогласия дам краткий реферат главных идей одного из творцов Новой науки об истории. При этом специально

³⁴⁰ См.: Гуревич А.Я. Фернан Бродель, певец Средиземноморья и «времени большой длительности» // В кн.: Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморской мир в эпоху Филиппа 11. Часть 3. События. Политика. Люди. М., Языки славянской культуры, 2004, с.508-535

³⁴¹ Гуревич А.Я. Указ.соч., с.516

³⁴² Там же, с.524

³⁴³ Там же, с.532

подчеркну те моменты, которые упустил из виду А.Я.Гуревич в своей интерпретации Броделя, а также не упоминает С.С.Неретина при оценке школы «Анналов».

8.4. Реферативно-текстуальный пласт

Начну со сборника статей по методологии истории³⁴⁴. Фернан Бродель понимал возрождение истории прежде всего как отрицание истории героев, а также идеи Трейчке (которую затем повторил К.Маркс): «Люди творят историю»: «Нет, история творит людей и формирует их судьбу – история анонимная и зачастую молчаливая»³⁴⁵. Приведу главные аргументы Броделя, сгруппированные вокруг определенных тем.

8.4.1. Критика традиционной истории и количественной социологии

Люди живут в своем времени, но обычно не понимают его протекания. В системе образования господствует традиционная история - чисто рассудочная спекуляция, полуабсурдная малая наука о случайном и особенном. Она замкнута в бесплодную логику политических событий. Переплетена с историей бессознательных форм социальной действительности. Использует повседневный (литературный) язык. Бессознательная история доступнее непосредственному восприятию, хотя наполовину принадлежит к времени конъюнктур и структур. Таковую историю поддерживает старшее поколение ученых и институты, которые возникают перед ученым, когда он прекращает быть революционером, подвергается обуржуазиванию и мещанству духа. Научная история предполагает разработку «основного» словаря и отказа от националистических позиций.

Однако решение этой задачи затрудняется кризисом социальных наук, которые остаются под влиянием отсталой и коварной концепции гуманизма. Гуманизм не может служить парадигмой со-

³⁴⁴ См.: Fernand Braudel. Historia I trwanie. Warszawa, 1971. Статьи называются «Возрождение истории», «История и общественные науки: длительные временные протяженности», «Спор о кратком времени», «Проблемы коммуникации и социальная математика», «Время историка и социолога», «Единство и различие наук о человеке», «Об исторической экономии», «Проблемы истории цивилизации». Из этих статей в научной литературе России цитируется преимущественно статья «История и общественные науки: длительные временные протяженности». Если судить по свежей статье (См.: Хакимов Г.А. «Время большой длительности» Ф.Броделя как методологический принцип социально-гуманитарного познания // http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=63&Itemid=52), остальные методологические труды Броделя пока не введены в научный оборот России.

³⁴⁵ Fernand Braudel . Op.cit., s.28

циальных наук. Социальные науки в силу привычки, инстинкта и исследовательских традиций всегда стремятся отбросить историческое объяснение с помощью двух способов: 1. Крайнее расширение событийного слоя в социальных исследованиях, опора на методы эмпирической социологии, которая пренебрегает любой историей и ограничена данными краткого времени в стиле репортажа. 2. Выход за рамки времени в убеждении, что на рубежах «науки и коммуникации» можно достичь математической формулировки практически вневременных структур.

Оба способа – тупики социального знания.

Слой событий давит на все социальные науки и на историю: «Социальная действительность – это значительно более хитрый зверь, чем принято думать»³⁴⁶. Урок истории – это предостережение перед событиями. Но чтобы прислушаться к данным предостережениям, надо отвергнуть категории краткого времени. Не приписывать аутентичность актерам, производящим больше шума. Есть актеры, склонные к молчанию – безмолвствующее большинство. Его и надо изучать.

Между тем социальные науки ориентированы на власть и на текущий момент. Поэтому экономическая мысль находится в тупике: «Экономисты привыкли спешить на службу современности, на службу правительствам»³⁴⁷. Эмпирическая социология тоже погружена в недействительное настоящее, поскольку связана с потребностями государственной политики. Общий рынок наук о человеке не может возникнуть из двухсторонних договоров и частичных таможенных союзов, сфера которых будет затем расширяться.

В социальных науках господствует антиисторизм. Они не могут, не умеют и не хотят тянуть живые соки из прошлого. Надо отбросить все социологии прогресса и порядка, понятия непрерывного социального движения к одному идеалу, окончательной социальной структуры (кристалла), которая не была исчерпана в ходе истории: «Согласовать порядок с прогрессом невозможно»³⁴⁸.

Старый спор о субъективности и объективности в социальных науках – кандалы на ногах. Новая социология не может возникнуть, пока в университетах существует традиционная история и геогра-

³⁴⁶ Там же, с.64

³⁴⁷ Там же, с.62

³⁴⁸ Там же, с.130. Стремление к роскоши нередко бывает инициатором и фактором прогресса при условии существования теории роскоши, которой пока нет.

фия в виде переодетой геологии и наивной туристики. «Слово экология позволяет социологу избежать слова география, а вместе с ним и всех проблем, связанных с пространством»³⁴⁹. География ограничена непостоянной современностью, ее ложным существованием и ложным изложением фактов.

Социология событийного слоя истории является мнимой, поскольку великие люди в ней понимаются как властные дирижеры. Такая социология наполняет библиотеки, картотеки правительств и предприятий. С нею связана игра в периодизацию.

8.4.2. Понимание современности

Бродель отталкивается от факта: после франко-прусской войны 1870-1871 г. Я.Буркхардт в Базельском университете прочел цикл лекций о Французской революции. По его пророчеству, эта революция была первым актом, увертюрой, началом цикла - века революций, которому суждено продолжаться долго. Лекции Я.Буркхардта – свидетельство давления большой истории.

Наиболее интересны те исследования краткого времени, которые связывают социологию, психологию и экономию. Исследователь современности только тогда может приблизиться к тонким нитям структур, когда возьмется за труд реконструкции, выдвижения гипотез и объяснений, отбрасывания действительности в той форме, в которой она является. Таковую действительность надо нарушать и выходить за ее рамки для того, чтобы господствовать над ними. Суть всех таких действий – реконструкция.

Поскольку судьба общества постоянно ломается, дисконтинуацию надо признать повторяющейся катастрофой, а не исключением: «Дисконтинуация, которая не останавливается на пересечении судьбы отдельных и мелких индивидов, а наносит удар по большим социальным телам, социальным символам, идеологиям и цивилизациям, которые вдруг и под влиянием резкого удара лишаются своего содержания, - такая дисконтинуация на основании своей повторяемости предстает как историческая действительность»³⁵⁰.

Так понятая социальная реальность противостоит истории: «Революция как главное потрясение современности является именно распадом прежней поверхности и разных форм принуждения.

³⁴⁹ Там же, с.85

³⁵⁰ Там же, с.149

Никто не в состоянии избежать такой катастрофы. Возникает новая цивилизация, которая должна подвергнуться проверке все цивилизации»³⁵¹.

Современность – это не индивидуальная и повседневная жизнь, а огромная масса времени, начавшаяся в ХУШ в. и еще не закончившаяся. Примерно в 1750 г. мир вступил и продолжает идти по пути потрясений и катастроф, которые не являются участием только западной цивилизации. Промышленная и научная революция – элемент этого пути. Но научная революция затронула только естественные науки. Науки о человеке еще не нашли присущего им способа успешного действия. И пока не найдут, говорить о революции в социальных науках невозможно. Сюда же входит разрыв со старыми цивилизационными циклами. «Современность – это прежде всего инфляция цивилизаций, а также реванш единства цивилизаций над множеством цивилизаций, реванш, конца которого еще не видать»³⁵².

8.4.3. Концепт истории-социологии

Вместо описания слоя событий надо говорить о кратком времени. Оно измеряется мерой индивидов, повседневной жизни, иллюзий, кратких моментов, в которых мы осознаем действительность. Такое время характерно для хроникера и журналиста: «Существует краткое время для всех форм жизни – экономической, социальной, государственной, религиозной, даже географической (ветры или бури), подобно политической жизни»³⁵³. В наибольшей степени краткое время характерно для политической истории (или истории событий). Историография последних ста лет почти исключительно занималась политической историей и драмой «больших событий». Оставалась в рамках краткого времени и ограничивала им предмет собственных исследований.

Развитие историографии последних ста лет свелось преимущественно к отказу от политической истории в пользу социальной и экономической. Но прежде всего произошла смена времени. Историк теперь располагает новым временем, поднятым до ранга объяснения. Это – социальная история, в которой применяются количе-

³⁵¹ Там же, с.308

³⁵² Там же, с.310

³⁵³ Там же, с.51

ственные методы. Такие исследования должны были привести к определению социальных структур и конъюнктур.

Экономическая и социальная конъюнктура различаются между собой. В состав социальных структур входит наука, техника, политические институты, средства мышления и цивилизации. Они обладают своим ритмом жизни и темпом роста. Новая история конъюнктур только тогда приобретает надлежащую форму, когда сможет упорядочить указанный оркестр. Для этого надо связать краткую и циклическую историю, которые объединяет общая тенденция секуляризации. Но экономисты почти не интересуются историей секуляризации.

Второй исследовательский ключ – это структура, в состав которой попадают длительные временные протяженности. Наблюдатели социальной действительности привыкли понимать под структурой определенную организацию и целостность, тесные отношения между действительностью и социальной массой. Для историков структура есть множество и архитектура, но еще более действительность, которую время долго несет на своих волнах и использует в незначительной степени. Определенные структуры существуют долго и становятся постоянными элементами для бесконечного числа поколений. Они переполняют историю, затрудняют ее течение и потому руководят историей. Являются одновременно подпорками и помехами. В качестве помех играют роль границ и петель, которые не может преодолеть человек и его опыт: «Достаточно подумать о трудностях, с которыми сталкивается любая попытка сломить определенные географические рамки, биологические потребности, границы производительности труда, продуктивности или даже те или иные каноны духовной жизни. Рамки мышления – это также тюрьмы длительных временных протяженностей»³⁵⁴.

«Для меня история, - писал Бродель, - есть сумма любых возможных историй – множество вчерашних, сегодняшних и завтрашних ремесел и представлений»³⁵⁵. Ни одна из них не может претендовать на монополию. Все науки о человеке, включая историю, стимулируют друг друга.

Бродель использует идеи глубинной социологии Ж.Гурвича, которая полагает исходным пунктом познания ученого и связана с

³⁵⁴ Там же, с.55

³⁵⁵ Там же, с.59

понятиями «глубинного Я» Бергсона и феноменологической редукции Гуссерля.

Социолог познает восемь слоев социальной действительности. К ним относятся: экологическая и морфологическая поверхность общества (географический слой, число людей и человеческих игр); надстройки или социальные архитектуры вместе с присущими им механизмами насилия (социальные институты, коллективные установления, обязательства и навыки); социальные модели (язык жестов, специфика пищи, навыки и формулы этикета, народные праздники, формы воспитания и политической жизни, которые формируют поведение, духовную, коллективную и индивидуальную жизнь); закономерности внеинституционального поведения (образцы жизни, традиции, обычаи, рутинные навыки, моды, формы удивления, любви); социальные роли; коллективные установки и социальные символы (мистические, мифологические, рациональные); формы социальных новаторских и творческих волнений; коллективные идеи, ценности, состояния сознания и коллективные психические акты.

Эта цепь есть переход от почти неподвижного или структурированного общества к обществу, которое находится в состоянии разложения и творчества. Такое общество и является главным предметом новой социологии. При этом понятие социальных институтов отвергается, поскольку оно оправдывает умственную лень и недостатки. Чем более сложен социальный тип, тем он оригинальнее и специфичнее.

Социальная математика использует три языка: традиционный математический язык необходимых фактов (когда дан один факт, другой следует за ним); язык алеаторических фактов, который со времени Паскаля входит в расчет вероятности; язык обусловленных фактов (не детерминированных и не алеаторических), которые подчинены требованиям и правилам теории игр.

Со ссылкой на Леви-Стросса Бродель пишет, что все системы родства вечны, поскольку человеческая жизнь становится невозможной при выходе за определенные границы общности крови. Малая группа людей для того, чтобы выжить, должна открываться внешнему миру. Поэтому запрет инцеста становится элементом длительной временной протяженности.

8.4.4. Время историка и социолога

Время социологов отличается от времени историков, оно менее обязательно, менее конкретно и никогда не находится в центре их проблематики и размышлений.

Длительная протяженность, конъюнктура, событие без труда переплетаются и измеряются на той же самой шкале.

Философ, который ориентирован на субъективный внутренний аспект понятия времени, никогда не чувствует давления исторического конкретного универсального времени. В качестве путешественника он всегда идентичен самому себе, проходя через мир и навязывая всюду одни и те же запреты и приказы, независимо от страны, политического строя и социального порядка.

Историк принципиально отличается от философа. Для историка время является внешним по отношению к людям, которое ими движет и принуждает. Социолог ближе к диалектике длительности и в этом смысле отличается от философа и историка: «Социальное время – это просто особое измерение воспринимаемой мною социальной действительности»³⁵⁶.

Структурный социальный кризис должен также восприниматься во времени и посредством времени, располагаться сам в себе, а еще больше – относительно движения соседних структур. Отстраненные от власти и передовые классы в наибольшей степени сопротивляются изучению глобального общества, тогда как властвующий класс согласен на такое изучение в убеждении, что он господствует над обществом.

Со ссылкой на Гурвича Бродель выделяет следующие виды времени: длительное и медленное; иллюзорное или неожиданное; время нерегулярного ритма; цикличное; запоздание относительно себя самого; время изменчивости между запозданием и опережением; время, опережающее самое себя; взрывное время.

Все эти виды времени накладываются на пять архитектур: глубинные слои; социальные связи; социальные группы; глобальные общества; время. Длительная временная протяженность – наиболее полезная линия наблюдения и рефлексии для всех социальных наук.

Американские финансисты (современники П.Моргана) для внутреннего и внешнего употребления начали пользоваться двойным языком. Последний имеет характер дискурса, адресованного

³⁵⁶ Там же, с.81

общественному мнению, в котором успех финансиста представляется как триумф сэлфмейдмена и условие благосостояния нации. Существование двойного языка – типичная реакция любого класса, который чувствует, что его престиж нарушен, а привилегии находятся под угрозой. Чтобы его замаскировать, он должен стремиться к отождествлению собственной судьбы с судьбой государства и нации. Такая модель может существовать на протяжении столетий. Она предполагает наличие определенных социальных условий, сохраняет свою ценность для длительных отрезков времени и одновременно относится к более определенным и узким действительностям.

8.4.5. Об исторической экономии

Историческая экономия интересуется большими системами, общим и постоянным измерением. Она может быть полезна при формулировке и решении широких проблем современности.

Для современников факты имеют одинаковую важность, а великие события, создающие основания будущего, происходят в тишине: «Историк с первого взгляда наблюдает группу победоносных событий в огне жизненного соперничества. Но эти события смешиваются и упорядочиваются в рамках совершенно разных и противоположных возможностей, из которых жизнь осуществляет окончательный выбор. На одну реализованную возможность падает 10, 100, 1000 таких возможностей, которые не развивались, и бесконечное число тех, у которых не было даже смелости оказаться в свете истории. Но их надо пытаться обнаружить, поскольку эти проигравшие движения являются многообразными материальными и нематериальными силами, которые в каждый момент тормозили великие порывы развития, способствовали их запозданию и иногда преждевременно их ломали. Поэтому их необходимо познать»³⁵⁷. Эти тормозы можно назвать инерцией, не придавая слову отрицательного значения.

Любое исследование прошлого должно включать скрупулезное измерение всех барьеров и тормозов данной эпохи – географических, технических, социальных, административных. Чем больше страна (типа Китая), тем больше барьеров, из-за которых происходит потеря человека. Эти барьеры являются одновременно глубо-

³⁵⁷ Там же, с.117

кими и достойными сожаления, хорошими и плохими. Они одновременно образуют помехи для наилучшего и наихудшего, но всегда стоят на пути самого необходимого социального прогресса.

Традиционный историк реагирует на краткое историческое время биографии и событий. Это время не интересует социальных и экономических историков. Общества, цивилизации, экономические уклады и политические институты живут в менее поспешном ритме. Именно такая история является структурной. Она противостоит не столько истории событий, сколько истории конъюнктур, которая образуется относительно короткими волнами.

Спор о континуации и дисконтинуации вытекает из того факта, что крайне редко учитывается множество исторического времени. При его учете все наши средства, мысли и понятия становятся сомнительными. Вся система обучения, основанная на иллюзорной идее возврата к прежним ценностям, является устарелой. Надо создать климат огромной общей дискуссии.

8.4.6. Проблемы истории цивилизации

Традиционная история замкнута в бесплодную хронику политических событий. Она должна быть расширена за счет событий, выходящих за рамки официальных лиц и политики. В этом смысле анализ глобальной истории сопрягается с изучением цивилизаций. В данной истории государства – эфемерные образования. Они приговорены к краткой жизни и неожиданной смерти, ибо время их существования намного короче времени бытия цивилизаций (А. Тойнби)

Программа исследования цивилизаций включает негативные и позитивные исследовательские постулаты.

Негативные постулаты сводятся к следующим положениям: разрыв со всеми предшествующими традициями исследования; отказ от распространенных стереотипов языка и мышления (цивилизация не есть бытие, организм, индивид (личность), тело (даже историческое), цикл рождений, жизней и смертей).

Позитивные постулаты таковы: поиски наиболее удобной дефиниции; проверка содержания цивилизации и использование для этой цели историков и специалистов в области всех наук о человеке; установление строго определенных задач; главное в анализе ци-

визаций – изучение инерции социальной и экономической жизни.

Цивилизации – это и есть длительные временные протяженности, к которым применимы все описанные процедуры: «Иначе говоря, цивилизации выходят невредимыми из политических, социальных, экономических и даже идеологических переворотов, которыми они нередко скрыто и с большой силой руководят. Французская революция не является совершенно особой цезурой в судьбах французской цивилизации, а революция 1917 г. в судьбах русской цивилизации, которую некоторые определяют как восточную православную цивилизацию»³⁵⁸. Важно понять, как происходит старение общества в 10-15-20 разных направлениях времени, раз быстро стремясь в одну сторону, а раз очень медленно в другую.

Главная идея Броделя состоит в следующем: во всемирной и локальных цивилизациях надо выделять слой событий, конъюнктур и длительных временных протяженностей. «Человек, по сути дела, постоянно остается узником определенной границы, за рамки которой он не может выйти»³⁵⁹. Отсюда вытекает производная идея социального паразитизма, которая должна быть обоснована всем комплексом наук о человеке. Субъектами паразитизма являются современные государства. На растущих волнах социальных карьер государство приводит в движение свое собственное колесо.

Сборник статей «Средиземное море. Пространство и история, люди и наследство» является кратким резюме концепции и конкретных исследований Ф.Броделя и его коллег. Он тоже не цитируется в отечественных публикациях о Броделе. Рассмотрю его главные идеи, руководствуясь принципом «Повторение – мать учения».

В этом сборнике Бродель определяет историю как постоянное вопрошание времен прошедших от имени проблем, интересов, тревог и опасений сегодняшнего дня, которые окружают и охватывают нас со всех сторон³⁶⁰.

³⁵⁸ Там же, с.302

³⁵⁹ Там же, с.307. Этот тезис Бродель иллюстрирует на примере принадлежности к определенной религии: «Я никогда не занимался историей религии, поскольку ощущал, что в этой сфере я бы потерял толерантность и либерализм и был бы пристрастным. Несмотря на симпатии к католицизму я был бы против католиков, поскольку порвал с ними, против протестантов, поскольку среди них чувствовал бы себя католиком, против свободомыслящих, поскольку не являюсь совершенным свободомыслящим». Там же, с.345

³⁶⁰ Braudel F. I in. *Morze Srodziemne. Przestrzen I historia, lud I dziedzictwo*. Warszawa, 1994, с.7

В первой части под названием «Пространство и история» анализируются проблемы: земля, море, рассвет истории, Рим, история, пространство.

Тема земли – это описание геологии в состоянии кипения, гор на всех побережьях моря, солнца и дождя, образа земли как объекта захвата, традиционного общества, сезонного перехода стад и кочевничества, равновесия жизни. Перегон стад из гор в низины образовал особую категорию людей – кочевников-номадов, которые жили вне общепринятых правил поведения и вне закона: «Кочевничество – это некое определенное целое: стада животных, мужчины, женщины и дети вместе меняют место пребывания, перенося на огромные расстояния все предметы, которые служат им в повседневной жизни»³⁶¹.

Тема моря – это анализ ограниченных источников питания, богатые уловы, появление кораблей дальнего действия, умения плавать при плохой погоде, системы строительства кораблей, отношения между кораблями и лесами, квалификацией моря как коммуникационной системы. Море завоевало землю: «Любопытство, приключение, прибыль, амбициозная и не знающая меры политика государств осуществили и навязали такой захват. Вместе с воинственными государствами и цивилизациями большая история упорно преодолевает границы моря, подчиняет его и владеет его путями для того, чтобы противник не мог их использовать и владеть ими по своей воле»³⁶².

Тема рассвета истории связана с анализом революционных изменений на Ближнем Востоке, первыми кораблями и цивилизациями, появлением Средиземного моря как моря купцов, анализом разрыва между Кноссом и Микенами, неясных катастроф темного XI в. до н.э., средиземноморского Дальнего Востока, Финикии как страны, которую столкнули в море, а Карфаген стал отростком Финикии, состояния между обменной торговлей и деньгами, появлением городов и идеи троичности божества (царь богов, богиня-мать плодородия и молодой бог, предназначение которого заключается в ежегодном рождении и умирании), появление двух Средиземных морей.

³⁶¹ Там же, с.24

³⁶² Там же, с.37

На основе морской торговли возникает совершенно новый феномен – космополитическая культура, в которой можно распознать вклад разных цивилизаций, созданных на морских побережьях или на море. Одни из таких цивилизаций охвачены границами мощных государств (Египет, Месопотамия, Малая Азия), другие опираются на море и города, расположенные на сирийско-ливанском побережье (Крито-микенская культура). Эти цивилизации сообщаются между собой и ориентированы вовне, а не на себя. Это – эпоха путешествий, обмена дарами и дипломатической корреспонденцией, отдачи дочерей замуж за чужеземных королей для гарантирования новых «международных» отношений. С УШ в. до н.э. начинается давление на Запад. Идея Троицы возникает из древнего мира семитского воображения, который был близок земле, горам и водам. Ее жестокие и простые обряды были тождественны обрядам, которые некогда отправляли под голым небом номады. На Средиземном море соединены экспансия с Востока на Запад и с Севера на Юг.

История предполагает акцент на цивилизацию, взгляд вглубь веков, понятие телеистории, круговорота цивилизаций, запоминание конфликтов цивилизации, подчеркивание того, что цивилизация не образует всей истории, анализ роли экономических факторов, захвата Средиземного моря северными народами, эпохи до и после строительства Суэцкого канала.

Средиземноморской регион – это три огромные культурные общности, цивилизации, стили мышления, верования, питания и жизни, - христианство, ислам, православие: «В действительности – это три монстра, всегда готовые показать зубы, три фигуры бесконечной судьбы, существующие здесь всегда, по крайней мере, долгие столетия. Их границы выходят за границы государств, а государства для них являются только легкими остатками (скелетами) арлекинов, не больше»³⁶³.

Главное свойство цивилизаций – постоянство, нерушимость в пространстве и времени: «Цивилизация – это по существу не только религия, хотя последняя находится в центре любой системы культуры. Цивилизации – это искусство жизни, тысячи повторяющихся способов поведения»³⁶⁴.

³⁶³ Там же, с.93

³⁶⁴ Там же, с.97

Две родственные религии (католицизм и православие) отличаются друг от друга потому, что слова-ключи не имеют для них одинакового значения:

1. В греческом и церковно-славянском языке истина означает то, что существует постоянно, вечно, в действительности, вне созданного мира, как его воспринимает наш разум. Истина означает одновременно правду и справедливость.

2. В латинском языке истина всегда означает определенность (уверенность), действительность, познаваемую разумом.

Существует еще ряд отличий между Западом и Востоком: на Западе сакральное предполагает существование религиозной иерархии, поскольку только она обладает силой придания предметам сакраментального характера;

на Востоке священное есть прежде всего «тайна», недоступная для ума и происходящая прямо от бога; на Западе образ Христа приобретает характеристики жалости, муки, страдания, смерти Христа-человека; на Востоке (в неделю, предшествующую Пасхе) Христос принимает характеристики Бога, а сам праздник проходит под знаком радости и песнопений, прославляющих Христа-Бога; на Западе спаситель всегда страдает, на Востоке он обладает покоем даже в смерти. Отсюда вытекает: «Великие игры современности нередко были предрешены – выиграны или проиграны – еще в прадавние времена»³⁶⁵.

В разделе «Круговороты цивилизаций» описываются свойства цивилизаций: 1. Они являются существующими крайне долго действительностями. 2. Сильно связаны с географической территорией. 3. Хотя более сильная победившая цивилизация нередко проникает на территорию слабой и колонизирует ее, создавая там свои опорные пункты и командные пункты, но в длительной перспективе такая авантюра приобретает плохой оборот, а исключения лишь подтверждают правило. 4. Правило цивилизаций со зрелой структурой – постоянно прогрессирующий упадок, хотя он происходит в крайне медленном темпе. 5. Каждая зрелая цивилизация распадается очень медленно, и обычно именно в период заката обретает большее самосознание, стимулирует и создает решительный культурный национализм.

³⁶⁵ Там же, с.99

Все эти процессы (длительные и краткие) есть один тип проблем. Речь идет о доказательствах, подтверждающих экспликативную ценность концепции цивилизации, хотя эта концепция кажется слишком сложной и шаткой. При этом всегда следует помнить:

1. Только конфликты цивилизаций являются верстовыми столбами для любых связных описаний.

2. Эти конфликты могут быть краткими и длительными, но они бросают свет на скрытые, грубые, повторяющиеся удары, наносимые друг другу мощными бестиями (чудовищами)-цивилизациями.

3. Цивилизация означает войну и ненависть. Они почти наполовину скрываются в тени. Цивилизации продуцируют, кормятся и живут ненавистью.

4. Перед судом истории обе стороны конфликта были бы признаны виновными и приговоренными и ни одна из них не права. Но обычно неизвестно, кто виновен и невиновен.

5. Цивилизации отличаются инерцией, в период которой они порождают конструктивную ненависть. Ее отсутствие ведет к поражению.

Все предшествующие замечания сводятся к утверждению: «Будущее принадлежит только тем, кто умеет ненавидеть. По существу, цивилизации слишком часто живут неблагодарностью, презрением и отвращением по отношению к другим. Однако в них существует не только это. В них присутствует также жертва, излучение, накопление благ культуры, наследство разума»³⁶⁶. В этом смысле войны обеспечивают также многообразный обмен техник, идей и даже верований. В итоге возникает пестрая смесь.

Однако даже самая большая по территории и последовательности времени существования цивилизация в конечном счете не исчерпывает всю историю. Не менее очевидно, что политика постоянно говорит свое слово, навязывает свою волю и сталкивает на второй план все остальные силы и формы истории. Навязывая всему миру собственную волю и политическое единство, политика (Рим здесь является показательным примером) не в состоянии преодолеть различий, расхождений, переворотов и культурных конфликтов. Она может лишь навязать всему региону верховный язык своей политики и своих институтов.

³⁶⁶ Там же, с.102

Экономические факторы играют большую, а нередко решающую роль: «Общество было бы ничем без экономической эксплуатации, которая поддерживает общество в состоянии равновесия, а государства без нее были бы инерционными механизмами. Если речь идет о цивилизациях, то они сохраняются и расцветают только благодаря хозяйству. Расцвет означает расходы и транжирство»³⁶⁷. Несмотря на широту, средиземноморская цивилизация признает только одного господина – обмена, неравенства и выравнивания торговой жизни.

В главе «Пространство» описаны следующие важные моменты: житель средиземноморского региона является крестьянином по принуждению, вопреки своим желаниям, поэтому он ведет городскую жизнь; концентрическая иерархия интересов, неравенство в заселении территории и колебания в эксплуатации земли находят свое выражение в контрастах ландшафта.

Модель городского сообщества есть нечто большее, нежели совокупность домов, памятников и улиц, а также большее, чем экономический, торговый или промышленный центр. Город как пространственное отражение социальных отношений одновременно разделяется и формируется связью пограничных линий. Они отделяют светское от сакрального, труд от отдыха, публичную жизнь от приватной, мужчин от женщин, а семью от всего, что для нее является чужим. Город дает нам также матрицу для прочтения тайнописи.

Публичное пространство в городе определяется двумя свойствами:

1. По отношению к дому, который является местом отдыха и сна, но образует замкнутое, интимное, женское и защищаемое пространство.

2. По отношению к окраине – «пустой» деревне, которая является открытым пространством, но образует место труда и природы.

Следовательно, публичное пространство в городе есть место нетрудовой деятельности - памятников, торжеств, жестов, зрелищ, отдыха и забавы. В регионе Средиземного моря всего 1000 человек, живущих земледелием и продажей его продуктов, достаточно для основания города, вместе с присущими ему солидарностями и противоречиями. В других местах даже в два раза большее число лю-

³⁶⁷ Там же, с.104

дей едва хватает для создания деревни. Все уровни жизни вытекают из одной модели.

Собственный дом символизирует независимость, а сад и огород означают труд для себя и определенную степень независимости. Дом есть царство семьи и частных дел потому, что он является царством женщины – кормильницы и родительницы, а также место основных биологических действий – еды, сна и прокреации.

Европейские общества приняли аристократическую модель чести. Она понимается как отношение к самому себе, а не к другим, как моральная ценность, которая по определению не может ставиться под внешнюю угрозу. Эти общества признали, что по сути дела она есть атрибут высших классов. Однако в регионе Средиземного моря честь имеет одинаковую цену во всем обществе, у бедняков и богачей, и даже у бедных больше, чем у богатых, поскольку честь – единственное благо тех, кто ничем не обладает.

На примере исламских обществ Бродель формулирует общее правило: «Везде, где сильное иерархизированное государство не смогло постоянно навязать свой авторитет, его политическое равновесие зависит от равновесия между родами»³⁶⁸.

Восприятие спорта и политики, хотя они являются функциями очищения страстей тела, невозможно с точки зрения нейтрального наблюдателя.

Часть 2 под заглавием «Люди и наследство» включает обсуждение следующих тем: один бог, римское чудо, семья, путешествия, Венеция, наследство. Первые две главы не содержат ничего нового.

В главе «Семья» представляют интерес следующие моменты:

Вплоть до капиталистической цивилизации в концепции семьи воплощаются две взаимосвязанные идеи: нераздельной цельности и независимости: «Дом – это место, в котором сосредоточены все члены семьи, а отношение зависимости и подчиненности связывает всех членов с лицом, которому приписывается высший авторитет»³⁶⁹.

Все функции семьи ведут к тому, что в традиционном обществе нет ни абсолютно индивидуальных личностей, ни биографии как начала синтеза индивидуальной судьбы. Поэтому не существует ни индивидуальное решение, ни индивидуального выбора средств су-

³⁶⁸ Там же, с.127

³⁶⁹ Там же, с.180

ществования. «В определенном смысле история как коллективное действие образуется посредством частичного труда каждой семьи»³⁷⁰.

Проявления политической деятельности выражают не только обязательный способ принятия важных решений, но и одновременно модель отношений с группами и общностями, которые непосредственно не зависят от ячейки семьи. На протяжении длительного времени в районе Средиземного моря труд в пользу отца выражал патерналистское отношение «отец-сын», а супружеский союз имел своей задачей санкционировать отношения политического и экономического характера.

Отношения в семье и порожденные ею эмоции претендуют на универсальную ценность и становятся органическим основанием социальной коммуникации. Посредством них политическая и религиозная власть может укоренить в народной ментальности обязанность уважения и подчинения. Та же самая идеология навязывается в форме схемы раздела отцовских милостей.

Вот здесь и возникает проблема ментальности. Надо подробно исследовать механизмы, управляющие образованием коллективной ментальной структуры: «Эта задача чрезвычайно трудна, поскольку не существует «остатков ментальности», а «археологические раскопки», осуществляемые в групповой психике, силой вещей осуществляются путем индуктивного рассуждения и отталкиваются от опосредующих тропов. Поэтому следовало бы остановиться на доказанных и конкретных фактах, подобно тому, как это делается в случае руин дома, который сравнен с землей: на их основании можно реконструировать план фундаментов, но его подъемы и стиль останутся только в сфере воображения»³⁷¹.

Под структурной организацией (семьи) Бродель понимает два аспекта: экономические и материальные основания выживания; формы организации семейной ячейки, власти и совместной жизни (отношения родства и свойства). Если эти данные приближают образ чувств и способов мышления миллионов пахарей, пастырей, ремесленников, нищих, женщин, детей и стариков, то затем можно попытаться познать и психологическое и культурное наследство, начала которого постичь невозможно.

³⁷⁰ Там же, с.181

³⁷¹ Там же, с.182

Однако модель семьи и супружества не является образцом гармонического общества: «Патриархальное общество навязывает жесткую схему функций, задач и авторитарных ограничений. С одной стороны, эти принципы необходимы для того, чтобы гарантировать семье сохранение единства в крайне трудных условиях среды и технологии. С другой стороны, они одновременно образуют мощную преграду для любого позитивного развития социальной и экономической структуры»³⁷².

Капиталистические формы производства породили тип семьи, свободной от значительной части моральных и материальных функций, которые в прошлом организовывали целостность личной и социальной жизни. Огромные городские агломерации включают в себя не коллективы и солидарные группы, а мириады независимых семейных ячеек, существование которых целиком подчинено сети распределения услуг и продуктов, обеспечиваемых рынком. Однако освобождение из-под ярма аппарата семейного контроля, основанного на авторитете предков, не было полным с точки зрения «качества», поскольку данные архаические связи не были заменены новыми формами организации, способными соответствовать требованиям современных структур производства: «Более того, прежнее мышление категориями родства, даже если исчезли его материальные основы, сохранило культурную силу, которая частично устояла в новом типе семьи, приспособленном к требованиям капиталистического производства. Традиция, независимо от того, является ли она добром или злом, все еще жива и по-прежнему оказывает влияние на нашу концепцию разделения семейных ролей»³⁷³.

В главе «Путешествия» интересен анализ миграций. Массовый выезд на уикэнд и в отпуск есть мирное вторжение громадных масс людей, их чего не следует, что оно безобидно. Оно уничтожает уже и так шаткое равновесие обществ, которые вынуждены считаться с ним, хотя они не готовы к тому, «...чтобы вынести шок монетарной экономики и вынужденные жертвовать будущим в пользу настоящего»³⁷⁴. Приятное безделье во время отпусков, развлечения и радости жизни – это обратная сторона медали значительно более

³⁷² Там же, с.195

³⁷³ Там же, с.200

³⁷⁴ Там же, с.202

жестокой действительности экономических условий, в которых нам приходится жить.

Бродель показывает, что послевоенный расцвет европейской экономики в 1955-1975 гг. осуществили эмигранты из Италии, Африки, Испании, Португалии, Югославии, Греции и Турции. Иначе говоря, в Европе 50 лет спустя просто повторилась история великих миграций за океан – в Северную и Южную Америку. Эмигранты в стране обитания пытаются создать общую культуру как смесь щепок религии, предрассудков, патриотизма и кулинарного искусства, а также мафии. Все это способствует развитию расизма.

Стремление к независимости везде навязало модель национального государства: «Везде дело обстоит таким образом, что нацию надо постоянно выдумывать или скорее оживлять в человеческих сердцах»³⁷⁵.

Нет ничего более изменчивого, нежели история из-под знака нападения и захвата. Но в любом случае захватчики были вынуждены идти на компромисс с местными традициями, взамен за деньги уважать обычаи и верования, а в конечном счете ассимилировать локальные элиты. Примером таких постоянных конфликтов является Израиль. «Европа грабит, забирает украшения тела и духа. На протяжении веков она считает местную специфику достойной презрения и сталкивает ее в тень как хорошую для слуг, крестьян и простаков»³⁷⁶.

8.5. Ремарка

На основе проведенного обзора расставляю акценты в методологии Броделя, которых не заметил или упустил из виду историк Гуревич, а также коллеги-философы на круглом столе.

Современные сухопутные кочевники-мигранты – это аналог средиземноморских пиратов. Современное государство – это скелет арлекина. Перед судом истории обе цивилизации (Восток и Запад) виновны и осуждены на смерть. Ни одна из них не права. Но неизвестно, какая из них виновна, а какая невинна. Изучать механизмы образования коллективной ментальной структуры чрезвычайно трудно. Ментальность – это пять архитектур (глубинные слои сознания, социальные связи, социальные группы, глобальные

³⁷⁵ Там же, с.208

³⁷⁶ Там же, с.244

общества, время). Для выработки программы общего научного исследования необходима выработка базисного словаря и отказ от национальных позиций. Особо пристально надо изучать нереализованные возможности всех групп, обществ и цивилизаций. Чем больше страна, тем больше в ней барьеров для развития и тем просторнее реальная и ментальная тюрьма. Существует множество времен и потому все методы, мысли, идеи и понятия либо сомнительны, либо требуют строгой иерархизации.

При описании ментальности следует отбросить любые формы эсхатологии (идею социального движения к одному идеалу), а также понятия нормальной структуры общества, порядка и прогресса и попытки согласовать одно с другим. При этом надо учитывать идеи многослойности социальной действительности, а также социального и цивилизационного паразитизма. Предмет социологии (точнее - всей системы социальных наук) – это общество в состоянии распада и творчества. При его изучении следует отбросить понятие социальных институтов и сделать акцент на перерыв постепенности, постоянство катастроф и революций, познание инерции и старения обществ и цивилизаций.

Итак, ни одна из инвектив Гуревича по адресу Броделя не выдерживает критики. Если судить по тексту послесловия к «Средиземному морю», Гуревич в трактовке ментальности предпочитает психоисторию. Это вытекает из множества фрагментов его текста, из которых укажу два: он хвалит Элиаса за то, что тот за вещами находит людей, а за внешними манерами - психологическое содержание; он ссылается на теорию «большого времени» и диалога культур М.Бахтина. Все это вынуждает меня оглянуться назад и четко сформулировать свое отношение к точкам зрения, прозвучавшим на философском «круглом столе».

Относительно квалификации ментальности как деривата русского космопсихологоса следует заметить, что концепции «нации» и «организма» не используются в школе «Анналов», тем более при анализе ментальности. Поэтому идеи русского космизма (эксплуатирующие тему органичности) непродуктивны для характеристики структур мышления как специфической тюрьмы, из которой трудно вырваться истории социальных событий, конъюнктур и структур. Как было показано, историки школы «Анналов» ориентируются на изучение инерции и старения цивилизаций, а современность рас-

смаатривают как старение цивилизации. Одновременно они проводят различие между временем философа, историка и социолога, подчеркивают необходимость изучения нереализованных возможностей каждой цивилизации, формулируют идею социального и политического паразитизма, отбрасывают идею Конта о связи между порядком и прогресса и фиксируют особую роль трех революций (промышленной, политической и научной) в истории современности. Причем, революция в сфере социальных наук еще не начиналась, поскольку представители социальных наук (вслед за экономистами) привыкли спешить на службу правительствам, пользуясь при этом двойным языком. Все эти аспекты упущены в концепции национального космопсихологоса.

Относительно философско-исторической линии рассуждения тоже можно высказать общие возражения и частные замечания. Модернизации в России не была связана с ускорением социального развития, а имела своей целью укрепление монархической, а затем большевистской власти и потому привела к демодернизации страны³⁷⁷. Нет смысла приписывать особую роль русской интеллигенции, поскольку для европейских интеллектуалов характерны аналогичные модели взаимосвязи с деньгами и властью. Проблема специфики русской интеллигенции приобретет конкретность, если к ее изучению применить критерии, разработанные П.Джонсоном. Речь идет о комплексе характерных для данного слоя отношений к семье (родителям, женщинам, детям), деньгам, государству, насилию и истине³⁷⁸. Мне неизвестны исследования, в которых была бы реализована эта программа анализа русской интеллигенции.

Мне уже приходилось говорить И.К.Пантину, что его подход снимает различие между реформами и произволом власти, а маятник реформ и контрреформ, революций и контрреволюций можно обнаружить и в истории других европейских стран. Определение ментальности как исторического опыта и кода снимает различие между ментальностью и культурой. К тому же остается неясным, почему из опыта исключаются элементы забвения, которое (как показал П.Рикер) не менее сильно влияет на исторический код памяти. Тезис о том, что россияне жертвовали личными правами ради государства означает перенос западных либеральных концепций на

³⁷⁷ См.: Власть и реформы: от самодержавной к советской России. СПб, 1996

³⁷⁸ См.: Jonson P. Intelektualisci. Warszawa, 1997

анализ истории России. Однако западная концепция власти как иерархии властных позиций неприменима к истории России, поскольку власть здесь всегда была переплетена с собственностью, и в этом смысле русское государство не отставало, а опередило политические системы Европы³⁷⁹. Эффект такого опережения принадлежит к числу показательных примеров для подтверждения теории неожиданных последствий³⁸⁰. А если прошлый опыт не может быть основанием для суждения о будущих событиях, то не следует ли сделать русские попытки революций снизу основанием для изучения одной из нереализованных возможностей российской ойкумены? Эта линия рассуждения постепенно пробивает себе дорогу³⁸¹.

Вообще говоря, общая проблема кризиса государственности (существенная для развития идеи Броделя о государстве как «скелете арлекина») выпала из поля зрения участников дискуссии. Если судить по российским публикациям, то этот кризис включает:

1. Конфликты, связанные с универсализацией западной модели «государства-нации». Данная модель неработоспособна для модернизации развивающихся обществ. Здесь она столкнулась с контртенденциями в сторону автократии или с незападными культурно-историческими традициями. Этот конфликт подорвал европоцентристские теоретические схемы, в которых постулировалось идея «государства-нации» как основного агента развития.

2. Конфликты, связанные с тенденцией к созданию самодовлеющего государства. Кризис модели отношения «государство-гражданское общество» выразился в создании таких форм, в которых нет места ни государству, ни обществу. В крайнем варианте эта тенденция породила уникальную государственность советской тотальной общности. Однако появление близких к ней форм (от «государства благоденствия» до исламской теократии) свидетельствует о всеобщности такого рода государственности.

³⁷⁹ См.: Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону, Изд. СКНЦ ВШ/, 1998

³⁸⁰ См.: Хиршман А. Рыночное общество: противоположные подходы // Социологические исследования. ; Макаренко В.П. Проблема общего зла: расплата за непоследовательность. М., Вузовская наука, 2000

³⁸¹ См.: Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918-1921. Документы и материалы. М., РОССПЭН, 2006

3. Советское государство породило столько конфликтов, что перестало быть не только институтом развития, но и институтом выживания³⁸².

Я думаю, анализ процессов развертывания данных конфликтов в истории и современной России продуктивнее существующих в ней «романтических» и «реалистических» схем анализа.

Приведу пример. Как известно, «западники» и «славянофилы», критики и апологеты России/СССР считали русскую интеллигенцию всесословной и конструировали конфликт между бюрократией и интеллигенцией. Однако принцип всесословности не является критерием генезиса русской интеллигенции. Значительно раньше он начал применяться для рекрутирования русской бюрократии. Уже в середине ХУШ в. она на 4/5 состояла из выходцев непривилегированных сословий, а в начале ХIХ в. начала воспроизводить самое себя. В чиновники обычно шли дети попов, приказной сволочи и податного сословия. Главный мотив при поступлении на государственную службу состоял в том, что она освобождала от уплаты налогов, военной повинности и давала возможность перехода в дворянское сословие. В этом смысле никого конфликта между бюрократией и интеллигенцией не было, поскольку бюрократия и интеллигенция имеют один и тот же социальный источник и мотив поведения. Мотив выбиться в люди за счет принадлежности к начальству имеет давнюю историю. Именно с этого времени начинается «буря в стакане воды», пионером которой был Н.В.Гоголь со своим высочайше разрешенным к постановке «Ревизором»³⁸³. Этот аспект тоже был упущен из виду участниками дискуссии.

Все перечисленные замечания и возражения относятся и к попыткам связать анализ российской ментальности с процессами модернизации. В частности, неправомерно сводить традицию к воспроизводству накопленного опыта, поскольку традиция включает три механизма: передачу опыта и знаний; давление прошлого на настоящее; оценку прошлого современным поколением,³⁸⁴ неправомерно отождествлять стихийный традиционализм, классический консерватизм и современный консерватизм, поскольку в русской культуре

³⁸² См.: Чешков М. Государственность как атрибут цивилизации: кризис, угасание, возрождение? // Мировая экономика и международные отношения. 1993, № 1

³⁸³ См.: Писарькова Л.Ф. От Петра 1 до Николая 1: политика правительства в области формирования бюрократии // Отечественная история. 1996, № 4

³⁸⁴ См.: Шацкий Ю. Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990

практически не существовало конфликта между элитой и массой в сфере стереотипов политического мышления³⁸⁵; неправомерно усматривать в евразийстве специфику российской цивилизации, поскольку евразийство возникло в Германии, а процесс появления евроазиатов шел параллельно с процессом появления евроамериканцев и евроафриканцев как гибридных групп, что способствовало появлению одних и тех же по своим историческим и теоретическим источникам концепций³⁸⁶; кроме того, различие между официальной и народной культурой существовало издавна во всей Европе, а не только в России; аргумент от «многоукладности» России является воспроизводством позиции Ленина и маскирует вмешательство русского государства во все сферы социальной жизни; дилемма рационального объяснения и понимающего описания опровергнута в современном вебероведении; «экзистенциальная напряженность» характерна не только для России, но и для других культур, пытающихся создать идеологии для мотивировки политических действий³⁸⁷.

Наконец, в отношении теорий модернизации можно выдвинуть общее принципиальное возражение. Все они стоят перед необходимостью дать такую классификацию обществ, социальных систем и цивилизаций, которая бы удовлетворяла строгим критериям и не вызывала сомнений. Такой классификации не существует. Социальные науки обычно пренебрегают этой проблемой и уже длительное время ставят во главу угла не стадию или состояние социума, а процесс развития. На этой почве и возникли разные варианты теории модернизации. Их суть – описание и рецепты преодоления экономической, социальной, технологической, политической, управленческой, инфраструктурной и тому подобной «отсталости». Однако в широком смысле слова субъектом и объектом модернизации можно представить весь мир и любую его составную часть – цивилизацию, общество, государство, регион, отрасль хозяйства и т.д. Значит, сфера произвола становится беспредельной. Все это на руку политикам, идеологам и прочим стрекулистам.

Следующая процедура – количественное изображение постулированных субъектов и объектов. Оно предполагает некий «эталон» развития, без которого «догоняющие» процессы носили бы

³⁸⁵ См.: Куприянов А.И. Указ.соч., с.89

³⁸⁶ См.: Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Евразийский искус // Мир России – Евразия. М., 1995, с.5-20; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001

³⁸⁷ См.: Гирц К. Идеология как культурная система // Новое литературное обозрение. 1998, № 1

хаотический характер, не поддающийся теоретическому осмыслению. Таким «эталоном» в Новое время по определению может быть только Западная Европа (с XIX в – вместе с Северной Америкой) и возникшая в ней линейная концепция прогресса. Она допускает и регрессивную интерпретацию и выполняет роль главного идеологического ядра всех теорий модернизации. В соответствии с этой посылкой модернизационные процессы обычно отождествляются с вестернизацией.

Между тем в истории европейской мысли линейная модель развития не является единственной. Наряду с нею существует «точечная» модель, модели «круговорота», «спирали», «хаотического порядка»³⁸⁸. Однако мне неизвестна (здесь я расписываюсь в собственном невежестве, но лучше пусть меня поправят, чем молчать) такая теория модернизации, которая бы использовала эти модели при описании всемирной истории, истории цивилизаций, отдельных стран, регионов, отраслей хозяйства и т.п. В этом случае социальные и исторические процессы должны одновременно изображаться как: неизменные; изменяющиеся в пределах замкнутой кривой и повторяющиеся во времени; уникальные и неповторимые; повторяющиеся с определенной регулярностью на основании подобия, но не идентичности; и наконец как не поддающиеся строгому определению и описанию, в силу чего любая картина социальных событий, структур и конъюнктур всегда будет в большей или меньшей степени ложной и субъективной. Косвенным доказательством может служить появление в 1960-1970-е гг. множества теорий модернизации (универсалистских, отсталости, зависимо-го и догоняющего развития, контрмодернизации, сверхмодернизации и т.п.), которые невозможно согласовать между собой. К сожалению, эти проблемы не получили освещения при обсуждении менталитета³⁸⁹.

8.6. Фон европейских исследований

Но указанные проблемы не решены и в европейской науке, хотя исследование ментальности там имеет более длительную традицию. Остановлюсь на некоторых проблемах³⁹⁰.

³⁸⁸ См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок и хаос. М., 1986

³⁸⁹ См.: Россия и Запад: взаимодействие культур // Вопросы философии. 1992, № 6; Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 1993, № 7

³⁹⁰ См.: Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995, № 3

Европейские ученые не приравнивают менталитет к идеологии, теории и психологии. Менталитет – это неясные и невербализованные установки и структуры сознания, которые включает в себя представления о человеке, его месте в природе и обществе, его понимание природы и Бога как творца всего сущего. Все они не подвергаются логической систематизации, связаны не столько с сознанием, сколько с подсознанием, регулирующим поведение (а не мышление) человека. При помощи мышления и сознания человек познает мир, а менталитет – это его восприятие и истолкование. При познании мира человек создает систему логических категорий. При создании «модели мира» человек использует неотрефлексированные впечатления, представления и образы. Это и есть менталитет.

Европейская наука стремится связать менталитет с верой, а не с познанием. Вера – важнейший элемент менталитета и всегда присутствует в сознании. Одновременно в состав менталитета входят априорные формы восприятия мира (трансцендентальная эстетика Канта). Тем самым менталитет становится исходным постулатом и выражением изначальных, доопытных принципов восприятия (пространство и время, Я). Не менее значимый момент европейских исследований – отрицание системного характера менталитета и определение его как многообразной «совокупности» явлений духовной жизни. Речь идет о привычках и верованиях, психологических особенностях восприятия действительности, моральных и нравственных нормах поведения.

Глобальная картина (или содержание) менталитета индивида в ту или иную эпоху включает множество тем: оценка соотношения между душой и телом (например, представление о теле как темнице души или идеал психосоматической целостности); точка зрения на юность и старость и их общественное положение (геронтократия или культ юности); отношение к сексуальности и значение любви (разделение секса, любви и супружества или романтическая любовь как смысл бытия); страхи и надежды (представления о потустороннем мире или утопии); представления о соотношении радости, страдания и счастья (атараксия или преодоление страдания с помощью успокаивающих средств); оценка и преодоление болезненности (понимание болезни как божьего наказания или как дефекта биологического организма); представление о смерти и поведение человека при умирании (умирание как цезура внутри жизни или

смерть как вытеснение из мира повседневности); комплекс переживаний между индивидом, семьей и обществом (групповая солидарность или культ индивидуального гения); общественные критерии ценности (честь и стыд, консерватизм и прогрессивность); значение труда и отдыха (праздник как религиозное отправление, культ аскезы или девиз «Работа делает свободным»); структура и оценка власти (священное происхождение власти или комплекс антиавторитарных движений); отношение к войне и миру (представления о справедливых и священных войнах или отрицание насилия); формы этики и права (этика как божественное определение или сословное понимание права); эстетические представления (прекрасное и отвратительное, искусство ради искусства); религиозность (страх перед божеством, любовь к Богу или исключение гипотезы о божестве); оценка природы и окружающего мира (анималистическое восприятие природы или защита окружающей среды); космология (представления о мире как организме или машине); восприятие пространства (святость пространства, образцы передвижения в пространстве); восприятие времени (циклическая картина исторического процесса, естественность или искусственность деления времени); образцы мышления (ассоциативное мышление, разрешение проблем в ходе спора или дискуссии); регуляция повседневного поведения (правила поведения за столом, жеманность, чопорность); формы коммуникации (письменная и устная речь, язык жестов).

Все эти темы группируются вокруг важнейших компонентов менталитета: индивидуум-семья-общество; сексуальность-любовь; религиозность; тело и душа; болезни; радость-счастье-страдание; работа и праздник; возрастные особенности; умирание и смерть; страхи и надежды; общение; чужое и собственное; власть; право; природа и окружающий мир; пространство, время и история. Причем все эти компоненты рассматриваются отдельно для периодов античности, средневековья и Нового времени. В целом менталитет как историческую категорию проще описать, чем определить. Исторический менталитет – это совокупность способов и содержания мышления и восприятия, характерная для определенного коллектива в определенное время. Менталитет проявляется в действиях. Менталитет – нечто большее, чем история духа, идеи, идеологии, религии, эмоций и представлений, культуры и быта и даже цивилизации.

Уже здесь можно отметить два момента: концепт менталитета претендует на синтез всей системы социогуманитарных знаний на основе определенной историографической концепции; в этом можно зафиксировать феномен агрессивности, зафиксированный науковедами в отношении любых новых концепций.

Но как избежать натурализации исходных постулатов? Л.М.Баткин отмечает самое уязвимое место этого подхода: «Люди в качестве более или менее пассивных носителей ментальности вновь рассматриваются объектно. Объектом теперь выступают матрицы сознания. А человек – вот этот человек – опять норовит ускользнуть. Мы не добираемся до мгновения его творческой, человеческой свободы»³⁹¹. Видимо, эта опасность является универсальной тенденцией.

В частности, приведенное описание менталитета является попыткой выйти за пределы объяснительных форм детерминизма (вслед за М.Вебером, который пытался преодолеть односторонне спиритуалистическое и материалистическое понимание истории). В то же время сторонники ментального подхода отвергают типологический подход к истории культур и цивилизаций (он был создан для преодоления разрыва между общими закономерностями и поведением отдельных индивидов) и пользуются термином «совокупность». Это – непротиворечивая система, хотя и состоит из диалектических компонентов, которые ведут к изменению менталитета во времени. Термин «совокупность» коррелирует с понятием коллектива. А под коллективом может пониматься население континента, отдельные народы, прослойки, общества, секты, производственные объединения и пр., вплоть до отдельного человека. Сразу возникает вопрос: как отдельный человек может быть коллективом?

Для обхода этой проблемы те, кто пользуется концептом менталитета, говорят об источниках при его изучении. Такими источниками может быть все, что создано человеком, но сохранило духовную сущность своего творца. Подчеркивая связь менталитета с «психоисторией человечества», ученые понимают историю менталитета как центральный аспект всемирной истории, изучающей все проявления человеческого духа. Ученые дают анализ различных элементов менталитета, но не пытаются осуществить анализ методологических проблем концепции менталитета в контексте других

³⁹¹ Баткин Л.М. О том, как А.Я.Гуревич возделывал свой аллод // Одиссей. 1994, с.25

методологических концепций XX века. Для этого, как минимум, надо суммировать все определения, проанализировать их и указать на встречающиеся теоретические и практические противоречия. Однако каждый исследователь употребляет это понятие в том смысле, который кажется ему наиболее удобным. Возможно, этому способствует использование во всех определениях термина «совокупность». Как известно, совокупность есть механический набор, сочетание, соединение, общий итог чего-либо. Она может быть большой или малой, ее можно увеличивать и уменьшать. Но от этого она не перестает быть совокупностью.

Итак, концепт менталитета связан с произвольным увеличением или сокращением размеров и набора его компонентов. Главные недостатки концепта - опасность натурализации, отбрасывание типологического подхода к истории культур и цивилизаций, неясность отличия менталитета от исторической психологии, толкование менталитета как центрального аспекта истории, невнимание к методологическим проблемам, произвол в отборе объектов исследования. Все это снижает эвристический потенциал концепта. Поэтому на вопрос: привносит ли концепт менталитета нечто новое в обсуждение традиционных проблем? - можно ответить отрицательно. В социогуманитарных науках России проблема менталитета рассматривается в русле традиционных идеологических схем. Они не позволяют произвести строгий отбор познавательных проблем, определяющих специфику предмета исследования.

Самый распространенный недостаток литературы – отождествление ментальности с национальным характером или психикой русского человека. Для критики этой тенденции необходима разработка концепций, которые отбрасывают этнические и политические характеристики общества и нации и делают упор на социологических и антропологических параметрах истории и социальной жизни людей. Иначе говоря, реконструкция концепции менталитета у М.К.Петрова может опираться на обнаружение ее принципиальной несовместимости с ранее описанными подходами к проблеме менталитета. Но наиболее важно то, что пиратская гипотеза и связанные с ней концепты «палубной культуры» и «человек-государство» подтверждены в современной историографии и являются универсальными – т.е. относятся не только к

морским, но и сухопутным цивилизациям. Под таким углом зрения можно рассматривать всю палитру современных миграций – внутри стран, между странами и между континентами. Эта перспектива еще более увеличивает эвристический потенциал концепции Михаила Константиновича.

Глава 9.

Научно-техническая контрреволюция

Ареал петрововедения расширяется по мере публикации трудов Михаила Константиновича. Уже существуют трактовки Петрова как культуролога, исследователя проблемы творчества, философа и социолога науки, политического философа, регионоведа³⁹². Особняком стоят труды, в которых Петров рассматривается как «великий продолжатель идеи особой миссии России»³⁹³, что может составить предмет фельетона на тему об испорченном телефоне. Каждое направление анализа порождает специфические проблемы.

Например, трактовка Петрова как культуролога предполагает выявление отличия его теории культуры от гегелевской концепции, концепций культуры как диалога, сакральной семиотики, бинарных оппозиций и критики этих популярных «ходов мысли»³⁹⁴. Поэтому сама реконструкция идей Петрова вписывает их в контекст мировоззренческих и политических дискуссий. Пространство полемики при этом расширяется по мере анализа конкретных аспектов творчества Михаила Константиновича.

³⁹² См.: Неретина С.С. Михаил Константинович Петров. Жизнь и творчество. М., УРСС, 1999; Дубровин В.Н., Тищенко Ю.Р. Судьба философа в интерьере эпохи // М.К.Петров. Историко-философские исследования. М., РОССПЭН, 1996; Дубровин В.Н., Тищенко Ю.Р. М.К.Петров – философ и социолог науки // М.К.Петров. Философские проблемы «науки о науке. Предмет социологии науки. М., РОССПЭН, 2006; Константинов М.С. Институциональный подход в политической философии М.К.Петрова. Автореф. дисс. канд.полит.наук. Ростов-н/Д, 2006; Дубровин В.Н., Ерыгин А.Н., Тищенко Ю.Р. Культура и философия, наука и образование: теоретико-методологические новации М.К.Петрова // М.К.Петров. Избранные труды по теоретической и прикладной регионалистике. Ростов-н/Д, Изд. СКНЦ ВШ, 2003

³⁹³ См.: Маслин М.А. О единстве русской философии // <http://rchgi.spb.ru/seminars/seminar-10.htm>; Щедровицкий П.Г. Русский мир: восстановление контекста // <http://www.povestka.ru/shkr/text/18.stm>

³⁹⁴ Такая критика уже идет. См.: Райан В.Ф. Баня в полночь: исторический обзор магии и гаданий в России. М., Новое литературное обозрение, 2006, с.16-18

9.1. Человек и наука

В статье «Человек и наука», написанной в 1965 г., Петров сформулировал идею о *несовместимости* социальных структур, науки и государства. Традиционное общество принимает инновации лишь в том случае, если они не разрушают существующие формы технологий. В современных обществах появление любой новой научной связи между частями социального организма порождает возможные технологии и отрицает наличную определенность. Функция науки – генерирование нестабильности во все элементы социальной структуры. Однако функционирование социальных организмов обнаруживает глубочайшую иронию истории.

Например, государство финансирует науку, а с нею и нестабильность. Государство стало «орудием организованной дезорганизации», с которой оно же само борется. Общество воспитывает человека в традиции нерассуждающего уважения к должности: «Бессмертная социальная структура мыслится «социоценозом», штатным расписанием бессмертных должностей, а свобода человека становится в этом случае осознанной необходимостью выбора одной из наличных должностей, сознательного уподобления-соответствия должности»³⁹⁵. Социальные структуры – это противоречивые, неустойчивые и неповторимые моменты определенности. Надо изучать центробежные силы, которые не дают обществу застыть, вызывают движение социальной неопределенности, и критически оценить субстрат этого движения.

Петров обосновал следующие постулаты модели нестабильности: отрицание стабильности; учет революционного характера социально-экономических трансформаций; отрицание стихийных проявлений нестабильности; объяснение смысла и генезиса основных постулатов научного мышления. Главная цель состоит в подчинении всех социальных структур нуждам человека мыслящего. Поэтому нужно всемерное развитие нестабильности.

В статье «Научно-техническая революция и философия», написанной в 1969 г., он дал общую характеристику научно-технической революции³⁹⁶. Это революционный тип обновления социальных структур; накопление в социальных структурах социальной элитности; изменение состава и баланса социальной репро-

³⁹⁵ Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов-на-Дону, изд.РГУ, 1992, с.207

³⁹⁶ См.: Историко-философские исследования. С.19-74

дукции; выбрасывание человека из репродукции в качестве источника мускульной силы и организатора-регулятора; превращение «малой» университетской науки в государственную «большую» науку. Но одновременно происходит научно-техническая контрреволюция – защита общества от науки и ее обновляющего воздействия. На протяжении XX века изменилась глобальная ситуация по причине неравномерного распределения науки в мире. Этот аспект наиболее важен для философского самосознания.

Михаил Константинович исходил из посылки: знание и его связь с человеческим поведением – инвариантная сущность, имеющая силу для культур любого типа. Научно-техническую контрреволюцию он предлагал изучать на основе разработанной им типологии социокода (памяти) и обновления. При индивидуально-именном типе социокода имя становится сплошной мистикой, а социальный космос – фрагментацией окружения на социально-значимые ситуации. Ключ к направленному изменению индивидуально-именных социальностей пока не найден. Культурная революция – это процесс длительностью 5-10 тысяч лет. Петров поставил задачу теоретического обоснования культурных революций на основе полевых исследований этого типа культуры. Вывод Петрова однозначен: человек стал «ролевым винтиком социальности» не в результате истории (это философский предрассудок), а уже в этой форме социокода. Однако индивидуально-именный тип социокода существует и в современном мире. Поэтому эволюционная схема не годится для анализа проблемы происхождения человека.

Не менее критически Петров относился к профессионально-именному типу кодирования. Миф и традиционное общество – это враг номер один научно-технического прогресса, основа стран научной пустыни. Бог в этом типе кодирования выступает как межличностная вечная сущность. Миф всегда «открыт» новому и готов принять новое в форме частного улучшения и усовершенствования. Любые частные улучшения Петров отвергал, называя их рационализацией. Кровнородственная связь объединяет очаги профессионального знания и вызывает эффекты культурной несовместимости традиционного и «развитого» мировоззрения. Любой выход за рамки обжитой профессии означает движение по кровнородственным связям общения. У представителя традиционной культуры отсутствие выхода в общение делает непонятной и саму науку. Наука в

традиционном мире воспринимается как еще один миф. Мифологическая схема накладывается на науку.

Всеобще-именной тип социокода – это антично-христианский миропорядок и наука. Наука и увлечение поведенческим знанием сожгли мосты взаимопонимания с традицией. Европейская цивилизация не обнаруживает тенденции к росту профессионализма и специализации. Она антитрадиционна. Поэтому главной характеристикой европейской цивилизации является перманентная катастрофа со следующими свойствами: прогресс кораблестроения и мультипрофессионализм одинаково полезен как для центральной власти, так и для пиратского ремесла; двусубъектная схема деятельности (слово-дело); субъективация социальности (логика и грамматика, лингвистика и язык). В силу тождества мысли и бытия универсальный антично-христианский миропорядок оказался беднее традиционного, стал миром поведения, а не общения.

Для первых двух типов социокода характерен условно-рефлекторный способ деятельности, а для третьего – гештальт. Наука – это восстановленный способ общения, который потерял связь с социальным поведением. Симптом появления науки – возрождение эпониимики творчества (ученое авторство). Схема Гегеля характерна для схоластики. За время существования ордена отцы-иезуиты написали более 150 тыс. монографий. Но ссылка на источники характерна и для науки. Для схоластики эпонимика образует иерархию авторитетов. Это объединяет ее с первыми двумя типами кодирования. Принцип авторитета в схолистике используется для нужд духовного сепаратизма и несет идеологическую нагрузку (в смысле Наполеона и Энгельса). Схоластика и наука есть целостность во времени, история. Но концепты движения по времени прямо противоположны. В схолистике кандидаты на авторитет (имен) ведут себя подобно пузырям пены в пивной кружке, каждый из которых стремится к обособлению и росту, но в конце концов лопаются за отсутствием содержания. То же самое происходит в «большой науке».

Для доказательства этого вывода Петров разработал понятие непредсказуемости в науке. Будущие события (научные статьи) невозможно предвидеть по параметрам качества, субъекта, лага-задержки, состава ссылок. Отсюда вытекает концепт идеальной науки – нулевые лаги. Логика неспособна интерпретировать твор-

чество. Организация науки на уровне государств, т.е. научная политика, контрреволюционна. Втянутость государств в конкуренцию (экономика, сила, престиж и пр.) и научный шпионаж есть воспроизводство рабства. Для организационных форм современной науки характерен «цемент быта» и замкнутая жизнь. Поэтому Петров отвергал институционализованную науку в той степени, в которой она исключает творчество и является разновидностью «административной тоски». Для ее описания он ввел образ «научного поголовья».

В предмет философии входят научное и художественное творчество, системы выбора, механизмы обновления и трансляции знания. Предмет философии отличается от науки запретом на повтор, от схоластики – внешним расположением доказательных опор. Философское знание отличается от науки – оно не является поведенческим, от схоластики тем, что сохраняет прагматический аспект – является теоретическим обоснованием социальной критики.

Логика истории в XX в. обнаружила своеобразие, вскрыла темную и непредсказуемую составляющую. Любое индивидуальное и политическое стремление «быть хозяином положения» есть зло. Современная западная философия привязана к христианско-поведенческому и язычески-генетическому основанию. Она неспособна постичь сферу общения, которая проявляется в коллективистской системе общения, а не в «обескураживающем хаосе исторических реминисценций». Петров критиковал Альбера Камю за реставрационные потуги и поиски идеала в истории. Поведение (функция) – это вечный скелет социальности, мертвый поведенческий абсолют, лишенный непредсказуемости и организован по качеству, субъекту, времени, связи с целым. Новая история (общение) противостоит историко-философскому плачу о прошлом.

Одновременно он предсказывал: «Чтобы раз и навсегда избавиться от нестабильности, достаточно сократить финансирование науки и подготовку кадров. К тому же результату может привести и требование тесной связи с производством, участия науки в рационализации существующих технологий. В современном мире оба направления были бы формами самоубийства по неведению»³⁹⁷. Петров детально рассмотрел предпосылки суицида в своих последних работах.

³⁹⁷ Петров М.К. Самосознание и научное творчество., с.209

9.2. Диагноз предпосылок суицида

На протяжении 1990-х гг. стал типичным взгляд: реформы поставили науку в России в тяжелое положение. Петров ставит вопрос совершенно иначе. Наука – это глобальное когнитивно-социальное предприятие взрослых людей. В нем заняты люди любых наций на основе образовательного ценза. Но в конце XX в. полтора десятка стран (четверть населения земли) дают 95% мирового научного продукта. Одновременно научные сообщества всех стран обладают монополией на подготовку учебников, учителей и преподавателей для систем образования³⁹⁸. Отсюда вытекает множество острых и нерешенных ни одним государством мира проблем.

Прежде всего это конфликт наследственной профессии и научной дисциплины. Наследственная профессия транслирует деревенский (общинный) способ социального устройства, при котором основным каналом трансляции являются семья и семейный контакт поколений. Этот канал несовместим с научной формой познания мира. По причине живучести традиции наука пока не победила наследственный профессионализм. При его сохранении наука невозможна. Культурная несовместимость – это мера влияния наследственного профессионализма на научную деятельность³⁹⁹.

Следующая проблема - трансляция религии (теологии) посредством науки. Никейский собор в 325 г. запретил иерархическую интерпретацию бога, но не запретил прорастания принципа иерархии в другие области. Целибат исключил семью из воспроизводства знания, создал модели грамотности, текста и отношения «учитель-ученик». Но Бог-отец в этой схеме оставался абсолют. Поэтому ряд элементов научной деятельности (вера в абсолют, авторитет, порядок, неисчерпаемость нового, запрет противоречия) транслируют элементы теологии (иерархия-импето-инерция-взаимодействие, внешнее управление-свойство, личное божественное участие-предопределение-вечность-законы природы). Эти идеи сыграли особую роль в появлении науки. Но под лозунгом очищения от язычества и ради создания истинно христианской церкви,

³⁹⁸ Петров М.К. Социально-культурные основания развития современной науки. М., 1992, с.19, 99-100

³⁹⁹ Там же, с.26-32

философии, науки, образования, государства разрушали иерархию. Поэтому идея о «правильности» мышления по единому образцу – духовный провинциализм. Его берут на вооружение любители поговорить о достоинствах и недостатках рас и наций. Установка на исключение вариантности мышления порождает множество форм знакового фетишизма – от фигуры бога через построения по комплексу Архимеда до утопий и антиутопий, которые транслируют идею «естественной социальности» муравейника (роя). На деле человек – социализированная муха и таракан⁴⁰⁰.

Наиболее острая проблема – привязка научной деятельности к конкретному времени и обстоятельствам. Для критики этого феномена Петров разделял науку и «паранауку». Последняя порождает и транслирует следующие барьеры познания:

Официальные собрания, совещания, обсуждения, митинги, СМИ, государственные органы по управлению наукой и образованием, ученые советы, редакции, институты научной информации. Все они работают на уровне компетенции выпускников школы. Занимаются рутинным распределением ассигнований на науку. Ищут среди членов научного сообщества потенциальных авторов учебников. Убеждены в том, что истину можно и нужно голосовать. Но уровень компетентности общего собрания АН и прочих официальных структур не выше уровня любой группы взрослых, не имеющих никакого отношения к науке. Деятельность указанных структур – чистый произвол. Он воплощает атрибут всеведения и является реликтом теологии.

Представление о личности (инстанции), обладающей атрибутами всеведения, всемогущества, всеблагости. Наука как высший авторитет сохраняет все атрибуты бога, является реальным, действенным, актуальным, развивающимся во времени агентом-феноменом универсальной глобальной науки⁴⁰¹.

Стремление индивидов к абсолюту всеведения выражается в *научном знаковом фетишизме*. Все знаковые реалии научного знания не обладают способностью к само-движению, изменению, развитию, сознанию, рефлексии, определению, выражению и т.д. На этот фетишизм накладываются все существующие языки (около 3 тысяч). По ходу ментального движения в мире национальных зна-

⁴⁰⁰ Там же, с.39-46, 83-86, 89-96, 51-53

⁴⁰¹ Там же, с.98, 110-111, 113-115

ковых систем взрослеющие индивиды получают образование. Они убеждены, что умнеют и приближаются к абсолюту всеведения. Но любая группа сверстников разобщена, идет в разные стороны сообразно с действующей социальной номенклатурой взрослой деятельности⁴⁰².

Система образования – это способ контроля духовной и культурной жизни общества. Через учебники происходит обожествление и фетишизация Истории, Логике, Природы, Реальности и т.д. Этим понятиям приписываются свойства бога или независимой от человека закономерности. Учебники воплощают ментальную ограниченность человека как естественного, социального, разумного существа. Решения об их издании (переиздании) принимаются под давлением множества рациональных и иррациональных факторов⁴⁰³.

Укрепление репродуктивных структур. Основной поток научного продукта прямо не направляется на предмет приложений (технология, управление, организация, медицина, оборона). Через систему образования новое знание направляется на повышение качества репродуктивных структур. Они противоположны непредсказуемому миру свободной миграции, коммуникации и концентрации таланта в мире открытий и проблем⁴⁰⁴.

Активность ученого побуждается набором человеческих страстей, стремлений, склонностей и предпочтений. Согласно Р.Мертону, в научном сообществе существует четыре роли: исследователь, преподаватель, администратор, привратник. Роль исследователя является центральной, поскольку она отвечает за рост научного знания. Героями науки становятся по способности быть исследователем. Отличие науки от других областей деятельности – акцент на продуктивность. Она измеряется числом опубликованных работ и интенсивностью их цитирования в более поздних публикациях. *На деле новобранцы науки строят карьеру для движения по иерархиям чинов, степеней и званий в соответствии со стажем работы*⁴⁰⁵.

Тезаурусно-динамический коллективизм отличается непреднамеренностью, отсутствием организации и стремления к изоляции. Но в формальных академических структурах редко возможен те-

⁴⁰² Там же, с.119-121

⁴⁰³ Там же, с.118

⁴⁰⁴ Там же, с.124-125

⁴⁰⁵ Там же, с.130-131

заурусно-динамический коллективизм. Поэтому они перестают быть научными⁴⁰⁶.

В результате действия указанных социально-политических и религиозно-научных феноменов потерян единый мир открытий, наука разведена по национальным и региональным клеткам. Все перечисленные феномены теоретически несостоятельны, но существуют на практике. **Государства - главные агенты научно-технической контрреволюции, поскольку заставляют науку обслуживать свои цели и защищают общество от ее обновляющего воздействия.**

В XX в. господствовала экстенсивная модель онаучивания общества, которая сформировала несколько угроз: стремление ликвидировать науку как наднациональный феномен ради краткосрочных выгод; моноглолизм; протекционизм; научный шпионаж и секретность; лишение новобранцев науки доступа к интернациональному потоку публикаций; вытеснение из системы всеобщего образования классических (греческий, латынь) и четырех великих языков науки (английский, русский, немецкий, французский); насаждение учебников в школьные и вузовские программы⁴⁰⁷.

В итоге возникла глобальная опасность ментального распада человечества. В учебниках постоянно снижается представительство глобальной науки. В школе и вузе законодателями мод стали бездари, лентяи, тихиходы. Они воспитывают характер будущих взрослых. Ментальная лень стала нормой жизни. Способность мыслить превращается из радостной нормы человеческого существования в беспросветную муку. Бездари стали влиятельной социальной группой, определяющей темп академического движения и стиль жизни в развитом обществе. Это совпадает с влиянием алкоголизма и наркомании на социальную жизнь.

Государство предпочитает местный патриотизм глобальному космополитизму и усиливает все перечисленные свойства. Деятельность политико-административных инстанций всех развитых стран не зависит от глобального феномена науки и теоретических соображений. Она зависит от эмпирически сложившейся традиции

⁴⁰⁶ Там же, с.137-139

⁴⁰⁷ Петров М.К. Социально-культурные основания ..., с.142-144

сопряжения естественного взросления индивидов с академическим их движением в терминах взрослой деятельности⁴⁰⁸.

Указанные тенденции создают сильнейшую инерцию и самоубийственны для человечества. Более столетия наука подпиливает сук, на котором сидит. Глобальный феномен науки рано или поздно исчезнет по причине моноглоитизма и уступит место множеству национальных и региональных «поднаук». В условиях срыва взаимопонимания между поколениями онаученных взрослых примерно 50 лет придется идти в параакадемическом вакууме, без права и возможности обратиться за разъяснением трудных мест к первому встречному старшему⁴⁰⁹.

Вернусь еще раз к главным идеям Петрова.

Между наследственной профессией и научной дисциплиной существует конфликт, который обуславливает культурную несовместимость внутри конкретного общества. Наука способствует трансляции религии. Привязка научной деятельности (во множестве перечисленных форм) к конкретному времени и обстоятельствам ведет к деградации науки. Подтверждаются ли эти идеи конкретными исследованиями?

9.3. Трагедия науки и сдвиг ракурса

На этот вопрос уже есть положительный ответ. Петербургские ученые использовали идеи Петрова для создания социальной истории науки и описания национальных моделей связи науки с религией и государством⁴¹⁰. Здесь я рассмотрю лишь некоторые результаты анализа английской, французской и российской модели взаимосвязи науки и государства⁴¹¹.

Английская модель отличается следующими основными свойствами: переплетение натурфилософского и теологического дискурса; поиск идеологически безопасных доктрин для преодоления религиозно-политических раздоров; формирование в лоне европейской интеллектуальной революции, но развитие в формах, неадекватных ее сути; имперские амбиции – переплетение процесса рас-

⁴⁰⁸ Там же, с.142-158, 166

⁴⁰⁹ Там же, с.214

⁴¹⁰ См.: Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. Редактор-составитель Э.И.Колчинский. СПб., «Дмитрий Буланин», 2003

⁴¹¹ См. об этом подробно: Макаренко В.П. Наука и власть: контекст социальной истории науки // Логос. 2005, № 6, с.98-116

ширения границ империи с развитием натурфилософии; ксенофобия - враждебное отношение к другим культурам; плагиат у иностранцев.

На этой основе Royal Society создало риторику служения общему благу - главную стратегию диалога с властью. «Стратегия была не нова, но эффективна: обещать властям очередное Эльдorado, будь то новые технологии, новое оружие или новые земли, а потом в качестве отчета о проделанной нечеловеческой работе преподнести изумленному патрону какую-нибудь «Историю рыб» или на худой конец «Математические начала натуральной философии»⁴¹². В итоге победа английской *science* обернулась фактическим поражением науки.

Французская модель сотрудничества ученых с властью лежит в основе авторитарной научно-технической политики и включает следующие элементы: идеал науки как деполитизированной профессиональной деятельности по получению нового знания; выбор элитарно-иерархической (а не демократической) модели образования; переплетение структуры образования с социальной стратификацией; милитаризация образования - обслуживание военнотехнических потребностей государства; монополия привилегированных вузов на подготовку гражданской и военной бюрократии; введение экзаменов - мнимо-объективных критериев приема в вузы; превращение поступления в вузы в частное дело.

Самое негативное свойство такой системы - тройная (социальная, профессиональная и образовательная) иерархия. В итоге социальное положение индивида не определяется его способностями и заслугами. Эта система затрудняет движение по социальной лестнице, культивирует бездарность на всех иерархиях и уровнях и существует до сих пор.

Французская ученость отличается следующими свойствами: тесная связь с властью; выплата жалованья за научную работу - разновидность асимметричного общественного договора; приукрашивание властных подачек ученым; выбор диктатора в ученые (Наполеон стал членом Института по секции механики) для одобрения его колониционных заслуг; культивирование суррогатов науки с целью доказать полезность и незаменимость главной науч-

⁴¹² Наука и кризисы..., с.120

ной конторы; разгон моральных и политических наук и презрительная квалификация их представителей как идеологов.

Французская модель показывает: если наука зависит от власти, то разгон академий – нормальное явление; ученые могут обходиться без политической свободы, но без личной и профессиональной свободы наука хиреет; военные потребности и национальные амбиции – самые мощные факторы развития науки; в ситуации кризиса единственный путь спасения – развитие научных исследований в вузах при усилении в них роли фундаментального естественнонаучного образования; серьезная угроза науке возникает при исчезновении в стране конкурентно-коммуникативной научной среды, с людскими, материальными и информационными ресурсами.

Наконец, российская модель определяется первичными свойствами российского научного сообщества: наука есть государева служба; ученые обслуживают процессы усиления и централизации государства и должны постоянно доказывать отсутствие связи между развитием науки и смутами; наука есть знание под руководством и охраной власти; российская наука – копия прусской модели, в которой наука контролировалась властью, но переплелась с буржуазной идеологией Европы.

На основе указанных свойств в России возник и развивался разрыв гражданского и профессионального статуса ученых – признание науки источником экономического и военного могущества усиливало подозрение к ней. Российская профессура вышла на передний край политической борьбы, но одновременно состояла в высших слоях бюрократии.

Вот один из множества примеров стремления попасть в бюрократию: «Отвратительный Семевский подличает, чтобы я представил его к ленте за то, что он привел в порядок несколько дел, относящихся к трудам Государственного совета по освобождению крестьян. Карпов, московский ученый, за издание двух томов сборника о сношениях России в ХУ1 в. с Англиею и татарами требует назначения в члены Совета по делам печати. Замечательно бескорыстие русских ученых»⁴¹³.

В целом социальные и политические кризисы до сих пор обращивались трагедией науки. При создании науки снизу (Англия)

⁴¹³ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря в двух томах. Т.1. 1883-1886. М., Центрполиграф, 2005, с.80

трагедия приобретает следующий вид. Творцы Royal Society не виновны в идее независимости ученых от государства. Отсутствие финансирования они восприняли как угрозу нищеты и невыполнения великой задачи постижения природы. Верили, что добровольцы науки дополнят усилия профессионалов, и отвергали профессионализацию науки. Но ради денег пожертвовали независимостью, добровольно начали обслуживать военные ведомства. Сформулировали идею пересмотра всех книг для сбора всех сведений о всех природных явлениях. Эта идея базировалась на вере: контора обязана проявлять инициативу. На деле попытка сбора всей информации влекла угрозу гибели под грудой бесполезных сведений. Возникла проблема отбора и программ исследования. Из-за громадности задач и отсутствия жалованья пришлось принимать в Общество богатых дилетантов и любителей, что постоянно снижало его уровень.

При создании науки сверху (Франция, Германия, Россия) ситуация меняется. Французская революция выдвинула лозунг *Республике ученые не нужны*, ликвидировала АН как *гнездо контрреволюции*, бесполезное сборище *современных шарлатанов*. Эта мера оправдана, поскольку большинство научных открытий сделаны людьми, не состоявшими в академиях. Однако в противовес ценностям истины и свободы революция сформулировала идеал утилитарно-конформистской науки, идеологически лояльной к режиму и ориентирующейся на утилизацию научных результатов в промышленности. Преподавание поручалось тем, кто доказал способность к исследованиям. Такая социальная ориентация науки выражалась в лозунгах *прогресса и пользы*.

Итак, все модели определяются историей, условиями появления, типом руководства, структуры, состава, отношений науки с властью. В дальнейшем развитии национальные АН сохраняли врожденные свойства - общие характеристики отношения науки и власти: «Научное сообщество должно было адаптироваться к господствующим в верхах и обществе умонастроениям, оформляя свои доктрины в приемлемой для них форме и доказывая свою практическую пользу. При этом мощнейшими факторами развития науки были военные потребности государства и национальные амбиции»⁴¹⁴. Эти факторы и являются основанием научно-технической контрреволюции.

⁴¹⁴ Там же, с.344

Идеи Петрова и конкретный анализ национальных моделей связи между наукой и властью позволяют собрать урожай актуальных проблем для дискуссии: материальные и властные интересы индивидов есть козни дьявола; так называемые точные науки и математика базируются на религии и в наибольшей степени являются холуями власти; вся традиция Гоббса подлежит переоценке в контексте социальной истории науки; связь мировоззренческого согласия и социального порядка дискуссионна; связь ученых и политиков подозрительна по определению; центр научных и политических дискуссий и действий надо сместить к проблеме разрыва единства народа и главарей, науки и власти; государственные интересы (*raison d'état*) не позволяют адекватно описать отношение науки и власти; авторитарная научно-техническая политика и система образования нуждается в пересмотре; выплата жалованья ученым должна рассматриваться в контексте полемики между трактовкой и практическим воплощением общественного договора как передачи власти (традиция Гоббса) и как ее ссужения займы (традиция Локка) и права на сопротивление; традиционная квалификация представителей общественных наук как идеологов (от Наполеона и Маркса до современности) требует пересмотра; научная служба государству – разновидность военного наемничества; ссылка ученых на свободу нередко маскирует бездарность и безделье; научная продуктивность провинции и политическая активность центра воспроизводят связь науки и власти; демократическое и националистическое крыло политической мысли – продукт участия ученых в политике; практическое значение науки есть продукт совместной (научной и политической) риторики и демагогии, поскольку не учитываются реальные проблемы социальной истории науки.

Таким образом, современная наука есть воплощение английских колониально-имперских, французских революционно-бюрократических (техно-якобинских) и российских самодержавно-бюрократических интересов и амбиций власти и ученых. Отсюда вытекает вопрос: как взаимодействовали указанные модели в социальной истории советской науки?

9.4. «Служение государству»: холопы и космисты

В русской революции совершенно определенно проявилась и до сих пор существует техно-якобинская тенденция связи науки и

власти⁴¹⁵. Приведу лишь один пример: только в 2000 г. ВЦИОМ зарегистрировал феноменальный факт общественного сознания – интересы отдельных граждан самими этими гражданами были признаны более важными, чем интересы государства (в соотношении 46% против 40% по репрезентативной национальной выборке)⁴¹⁶. Все параметры существования российского общества до и после 1917 г. перетягивали социологические весы в противоположную сторону. И наука (прежде всего естествознание) здесь остается куда больше пудовой гири.

Кратко напомню ее франко-российские (техно-якобинские) константы: правые и черносотенные элементы всегда охотно сотрудничают с любой властью, если она воспроизводит тождество правительства и государства, а также приоритет государства над обществом; правые и черносотенцы обычно сосредоточены в военно-полицейских структурах, сотрудничество с которыми характерно прежде всего для математиков и естественников; в периоды социальных потрясений ученые пренебрегают профессиональными интересами ради выживания и создают учебные и научные учреждения, не брезгуя зачислять в них родственников.

Между тем науковедческие исследования распределения доли талантливых людей среди разных групп населения показали: эта доля примерно одинакова и не зависит от социального и профессионального статуса предков. А поскольку научное сообщество воспроизводит кровно-родственные связи в своей среде, оно само способствует собственной деградации. Феномены политической благонадежности, патронажа и политической риторики косвенно обслуживают эти связи.

В чем же тогда российская специфика указанных процессов? Э.И. Колчинский описал цепь социально-психологических феноменов в отношениях между наукой и советской властью в период ее становления: «грызня за кость - общая вера ученых и власти в науку как средство прогресса - эта вера связала отечественных «яйцеголовых» с «потрясателями и ниспровергателями» (Н.Лесков) -

⁴¹⁵ См. об этом подробно: Макаренко В.П. Этатизация науки: советский опыт // Правоведение. 2006, № 2

⁴¹⁶ См.: Левинсон А. Опыт социологии. Статьи. М., Новое литературное обозрение, 2004, с.630

брак по расчету - комменсализм (совместное поглощение еды и питья за банкетными столами)⁴¹⁷ - симбиоз науки и власти».

Но Э.И.Колчинский трактует этот процесс как обмен комплекса «служения народу» на комплекс «служения государству» при господстве «комплекса Эдипа» (извечные антиавторитарные и икоборческие установки молодого поколения). В этом случае социально-исторические процессы подгоняются под фрейдистскую концепцию. Между тем на основе идей Петрова возможно другое объяснение комплекса служения государству.

Р.Хелли показал, что сложившиеся в России XV-XVII вв. отношения холопства – частный случай универсального феномена рабства, который был воспроизведен в социальной истории СССР среди государственных служащих⁴¹⁸. Научная среда в целом воспроизводит типичные свойства холопов (разногласия, конфликты, карьеризм, трусость, личные амбиции, зависть, беспринципность и пр.). Но в период установления новой власти эти свойства переплетаются с борьбой за лидерство в научных дисциплинах. И вполне могут показаться «объективными» характеристиками науки.

Короче говоря, ученые-естественники - первые и главные государственные холопы. Они готовы принять любую власть и идеологию ради пайка, приверженности к старым теориям, институционализации своих исследований. А симбиоз науки и советской власти можно рассматривать как светское издание традиционной для России симфонии церкви и власти, поскольку то и другое (симфония и симбиоз) обосновывают холопство в сфере мировоззрения. Поэтому моя жена называет большинство нынешнего российского научного сообщества «злобными побирушками».

По крайней мере, причины воспроизводства комплекса *служения государству* сложнее фрейдовского толкования. Ученый (особенно русский) всегда стоит перед выбором: быть или не быть холопом? Показательным примером может служить поведение В.И.Вернадского. Оно детально описано Э.И.Колчинским. Я только расставляю акценты.

Так, сразу после революции В.И.Вернадский считал ее причиной тысячелетнее разобщение русского народа и власти. Одновре-

⁴¹⁷ Между прочим, М.Вебер и этнографы показали, что комменсализм – признак традиционного общества. А мой личный опыт участия в кавказских и научных застольях позволяет согласиться с Вебером.

⁴¹⁸ См.: Хелли Р. Холопство в России. 1450-1725. М.1998

менно полагая, что наука всегда «служила народу». В этом случае его сциентистские установки переплетались с традиционным народничеством и идеологией «Вех».

При организации Украинской АН В.И.Вернадский полагал: на Украине зарождается ячейка научной организации всей Восточной Европы, включая славянские территории в Германии и Австро-Венгрии. Тем самым он повторял зады чешского, русского, польского и украинского славянофильства⁴¹⁹.

При переходе к НЭПу Вернадский заговорил об укреплении власти ради создания условий для развития науки. Надеялся, что большевики обеспечат территориальную целостность страны: «Я думаю, интересы и спасение России сейчас в победе большевиков на Западе и в Азии»⁴²⁰. Теперь он называл народ пьяными свиньями, невежественными, дикими, пьяными каннибалами, ленивыми, невежественными животными, которых обуздать можно только жесточайшим насилием. В этих суждениях нетрудно обнаружить влияние Л.Д.Троцкого, З.Гиппиус, Д.Мережковского и евразийцев.

В.И.Вернадский характеризовал послереволюционное общество как «смесь всех отрицательных сторон капитализма (спекуляция, хищничество, шакализм, контрасты голода и роскоши и т.п.) без его положительных организационно-производственных функций и всех отрицательных сторон деспотического коммунизма (тирания, опека, несправедливость, подавление стимулов к труду и т.д.) без его положительных сторон (уничтожение неравенства, эксплуатации и т.д.)»⁴²¹. Достаточно перечитать труды В.И.Ленина в период перехода к НЭПу, чтобы убедиться в тождестве позиций великого естествоиспытателя и пролетарского вождя.

При проведении юбилея Академии наук в 1925 г. Вернадский сразу изменил позицию. Раньше он ругал народ. Теперь считал юбилей национально-народной оценкой научной работы и отражением связи ученых с народом. Но ведь на всем протяжении гражданской войны как раз народ крошил «интеллигузию»! Угодничество ученого перед властью бьет в глаза.

⁴¹⁹ См.: Скоропадский П. Воспоминания: конец 1917-декабрь 1918. Киев-Филадельфия, 1995; Серапионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. 1890-1937 годы. М., Наука, 2006

⁴²⁰ Цит. по: Наука и кризисы, с.442

⁴²¹ Там же, с.443

В период сталинского перелома (начало 1930-х гг.) Вернадский уверовал: «Будущее и власть в нем ... будет принадлежать людям науки... Впереди время науки - царство диктаторов-ученых»⁴²². Но соединение науки с диктатурой – признак радикального политического мышления и практики⁴²³.

Вернадский поддерживал лозунг о преобразовании СССР в мировой научный центр. По мере превращения СССР в преемника идеологии Российской империи Сталин выступает в его дневниках как «настоящий государственный деятель». Вернадский одобрял сталинских палачей. Усматривал в их действиях не садизм, а моральную чистоту главы инквизиции Т.Торквемады. Теперь он боялся того, что внешние силы попытаются разрушить коммунистическое русское по существу государство. В годы террора расцвела «научная империя» Вернадского: он числился в трех отделениях одновременно. В разгар репрессий (1938 г.) Вернадский пишет о созвучии идеи ноосферы научному социализму Маркса и Энгельса. И оценивает Октябрьскую революцию как геологическое событие, ознаменовавшее «начало перехода к государственному строю сознательного воплощения ноосферы»⁴²⁴.

В конце жизни Вернадский рассматривал советский режим как решающий этап в переходе от стихийной эволюции биосферы к ноосфере - рациональному устройству общества и его взаимоотношений с окружающей средой на базе научных представлений. Его взгляды не отличались от взглядов его западных коллег, усматривающих в науке основной источник социально-экономического прогресса.

Наконец, характерно мнение Вернадского о причинах перерождения советской власти: «Власть развратила верхушку коммунистов, которым теперь нет дела ни до каких идей»⁴²⁵. Социолог П.А.Сорокин объяснял пренебрежение к идеям иначе: «Усиленная семитизация государственно-партийного аппарата резко изменила расово-этнографический состав «командующего класса»⁴²⁶. Кто же больше деформирует идеи – власть или расы-этноты? На этот во-

⁴²² Там же, с.601

⁴²³ См.: Игнатъев А.А. Ценности науки и традиционное общество: социокультурные предпосылки радикального политического дискурса // Вопросы философии. 1991, № 4

⁴²⁴ Там же, с.739-740

⁴²⁵ Там же, с.443

⁴²⁶ Там же, с.450

прос нет окончательного ответа, хотя до сих пор он порождает «бурный поток» литературы... В ней обычно упускается из виду, что оба способа рассуждения держатся на молчаливой посылке: в период прихода к власти все (большинство) ее представителей отличаются высокой идейностью. Эта посылка ложная.

Для доказательства ее ложности вначале приведу мнение корифея русской охраны: ««Мучеников» за марксистскую, как и за «эсеровскую», веру было, конечно, достаточно в истории русского революционного движения. Было, однако, и немалое количество бедняг, которым мученичество не улыбалось. Все эти последние и заполнили ряды секретных сотрудников охранных отделений». При этом большинство бандитских групп прикрывались «для революционного фасона» максималистскими требованиями разных политических партий. *Для всех было характерно крайне поверхностное знакомство с разными «теориями» революционного учения. Оно их интересовало только как мотив очередного «экса»»* (курсив мой, - В.М.)⁴²⁷

Теперь послушаем авторитетного английского историка спецслужб: ради идейного истощения любого движения противник (он может быть как внутри, так и вне страны) обычно разжигает внутреннюю борьбу за власть⁴²⁸.

Значит, служебное отношение к идеям и теориям не ограничивается марксизмом и этносами. Оно характерно для всех групп претендентов на власть (в период борьбы за нее) и для властно-управленческого аппарата (после прихода к власти). Степень взаимосвязи в деятельности данных групп материальных, уголовных и властно-политических мотивов до сих пор представляет острую проблему, которая всегда стоит за спиной любого (государственного, институционального, группового) реального и мнимого терроризма. Степень идейного истощения любого движения, партии, государства под влиянием внутренней борьбы за власть пока не изучена, зато с ее следствиями можно встретиться на каждом шагу.

Между прочим, неоинституционализм (Д.Норт), методология социогуманитарного знания (И.Берлин), историческая социология

⁴²⁷ Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т.1, М., Новое литературное обозрение, 2004, с.153-155.

⁴²⁸ См.: Маккензи У. Секретная история УСО: управление специальных операций в 1940-1945 гг. М., Транзиткнига, 2004, с.77

(А.Хиршман) полагает идеи (убеждения) не менее конституирующими для социального бытия, чем материальные и властные интересы. Не власть и не этносы способствуют коррозии идей, а институты. В свою очередь, выведение идеологии из определенных этносов (как это делал Л.Гумилев и его эпигоны) затушевывает проблему⁴²⁹.

Итак, позиция выдающегося ученого всегда зависела от изменения конъюнктуры, чтения модной публицистики и газет. Лучше бы он их не читал. Сциентистские (наука все наладит) и прочие иллюзии и тривиальные истины прикрывали политический оппортунизм и завершились апологетикой самого кровавого режима XX века. Примерно такой же была позиция И.П.Павлова, дискуссия вокруг наследия которого продолжается⁴³⁰. В.И.Вернадский остается «священной коровой». А русский космизм в 1990-е гг. приобрел ранг интеллектуальной моды. Между тем в развитие идей Петрова о натурфилософии как тренажере научной дисциплинарности и на основании труда петербургских ученых можно выдвинуть гипотезу: русский космизм XIX-XX вв. (в том числе концепция Вернадского) - это разновидность европейской натурфилософии XVIII в. со всеми вытекающими из нее социально-политическими коннотациями, включая колониально-имперскую модель связи науки и государства. Подобно европейской натурфилософии, русский космизм готовил мировоззренческую почву для перехода советской науки к английской колониально-имперской модели. Но одновременно выводил российское холопство перед властью из космоса. Думаю, объяснение космизма в контексте «служения государству» и истощения идей представляет интерес, особенно с учетом современной реанимации идеи империи. Фундамент для поиска в этом направлении уже заложен.

9.5. Предметы раздумья

Россия – лакмусовая бумага для показа прямой зависимости науки от власти. Дореволюционная Россия - пример одновременной плодотворности и пагубности сотрудничества науки и власти в условиях абсолютизма. Тогда как идеология личности советской науки обусловила вмешательство партгосаппарата в организацию и

⁴²⁹ См.: Специальная тема номера: Уроки Гумилева: блеск и нищета теории этногенеза // Этнографическое обозрение. 2006, № 3, с.3-53

⁴³⁰ См.: И.П.Павлов: pro et contra. СПб., Изд. Русского Христианского гуманитарного института. 1999

функционирование научного сообщества. Более 60 лет АН не конфликтовала с властью. Но она представляла собой «...амальгаму, где соотношение дореволюционных структур и уровень партийности, внешне контролируемых властями, фактически были результатом негласной договоренности между выдающимися учеными и ставленниками властей»⁴³¹. Тем самым российско-советская модель угрожает науке и государству одновременно: «Иерархическая, централизованная и монополизированная система советской науки вообще и Академии наук в частности породила бешеную конкуренцию и беспощадное столкновение научных групп в борьбе за ключевые позиции в системе. Лысенковщина, как и все последовавшие политические кампании 1940-х гг., была результатом борьбы за власть в науке, в которой почти с неизбежностью терпела поражение сама наука. Последствия оказывались тяжелыми потому, что в системе практически не было «резерваций» для выживания идей и ученых, не согласных с признанными теориями, - система была в существенной степени иерархична, однородна и прозрачна для политического контроля. Выходом из этого организационного тупика становилось экстенсивное развитие науки: умножение числа научных институтов и беспрецедентный рост научных кадров. Расширение географии научных учреждений, создание баз и филиалов создавали условия для миграции «научных диссидентов» и их выживания вдали от сотрясавших столицы политических кампаний. Но подобный выход, как правило, был временным, так как карательные органы были вовлечены в конкуренцию в научном сообществе и помогали выискивать и наказывать носителей научной ереси»⁴³².

В целом наука страдает без помощи государства, но гибнет в его объятиях. В периоды революции новая власть реформирует науку следующими способами: избавляется от неудобных и привлекает на свою сторону ученых, которые нужны по политическим и практическим соображениям; воспитывает социально близких ученых; сокращает (разгоняет) неудобные и создает новые институты; формирует «идеологически корректную» науку, отличающуюся от мировой. При таких условиях многие ученые стараются перебежать из одной страны в другую.

⁴³¹ Наука и кризисы, с.664

⁴³² Там же, с.767-768

Власть особенно податлива на обещания ученых создать новые технологии и оружие, обеспечить захват и освоение новых территорий, рост военного могущества, международного влияния, финансово-экономическое процветание, разрешение социально-политических конфликтов, успокоение общества. Поскольку ученые выполняют эти задачи, они становятся государственными холопами. Поэтому в настоящее время крайне обострилась проблема: почему даже первоклассные ученые охотно сотрудничали с тоталитарными режимами и поддерживали псевдонаучные процессы?

Универсального ответа на вопрос нет. Вместо ответа Э.И.Колчинский предлагает заменить понятие тоталитаризма концептом модернизации: ученые сотрудничают с любыми режимами ради модернизации. В демократических странах ученые тоже подвергаются идеологическому и политическому давлению. Во всех странах наука стала частью ВПК. С этой точки зрения нет различия между СССР, Германией и США. Биологическое сообщество Германии приняло основные элементы идеологии нацизма: народность, расизм, антисемитизм, милитаризм, пангерманизм, вождизм. Люди интеллектуальных профессий в НСДАП превосходили все остальные социальные группы. Среди биологов в НСДАП состояло 57,6, в СА – 22,5, в СС – 5,6%. Накануне краха СССР более 70% членов АН состояло в компартии. «Дело Оппенгеймера» не удержало ученых США от обслуживания военных ведомств.

В конечном счете научная политика государства и поведение научного сообщества определяются технократией и утилитарными соображениями. Институциональные инновации - ответ на профессиональное, экономическое и политическое давление. Но социальные факторы никогда не играли ведущей роли в определении содержания научных исследований. Даже крайне идеологизированная эволюционная теория развивалась одинаково при социализме, фашизме и либерализме. Фактически ученые при любых режимах служат власти. Поэтому нет различия в поведении ученых при коммунизме, фашизме, либерализме – таков вердикт невских ученых⁴³³.

Как донской коллега и бывший студент Михаила Константиновича предлагаю иные предметы раздумья. Советское прошлое еще

⁴³³ Там же, с.998-1000

не стало реликтом и не превратилось в «чужую страну»⁴³⁴. Капитальный труд петербургских ученых содержит громадный материал для вывода: советская организация науки - это практическое воплощение революционно-бюрократической (Франция) и колониально-имперской (Англия) модели в процессе воспроизводства самодержавно-бюрократической (Россия) модели отношения между наукой и властью в условиях советской власти. Все элементы этих моделей являются фоном сегодняшних дискуссий, актуальными политическими и теоретическими проблемами.

Бегло укажу некоторые: политизация научных дискуссий; пересмотр всех научных теорий на предмет их соответствия идеологии; культивирование предательства среди научной молодежи и шпионажа среди всего научного сообщества; выполнение чужих замыслов и появление научных вождей; культивирование изоляционизма и ксенофобии с помощью историографии; концепт осажденной крепости (идеи государственности, государственного патриотизма, национализма, самодостаточности, милитаризации науки); потеря права на свободу творчества; окончательное отделение науки от народа и превращение ее в часть государственной машины.

Можно ли изменить сложившиеся поведенческие и психологические стереотипы ученых?

Горизонт возможных теоретических и политических дебатов обозначен. Например, в литературе господствует пиетет перед генетикой и обвинение власти за ее разгром⁴³⁵. Э.И.Колчинский формулирует противоположный вывод: научное сообщество генетиков и биологов первым способствовало политизации биологических дискуссий и использовало изменение конъюнктуры в период войны ради усиления своих позиций в государственной машине. Еще неизвестно, какое бы оружие изобрели генетики, если бы их выпустили из клетки. Тот факт, что военные помогли уцелеть кибернетике – двусмысленный комплимент «кибениматикам» (так мой друг соединяет кибернетиков с математиками).

Отсюда не следует, что я призываю реабилитировать Трофима Денисовича Лысенко. Как говорила моя первая учительница (а она

⁴³⁴ См.: Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб., «Владимир Даль», 2004

⁴³⁵ См.: Гинзбург В.Л. О науке, о себе и о других. Изд.3. М., Физматлит, 2004. Привожу эту книгу из-за ее симптоматичности: академик обвиняет власть за репрессии генетики, кибернетики и пр.; но одновременно стремится снять с себя вину за участие в атомном проекте.

закончила дореволюционную гимназию) – «обое рябое». С точки зрения социальной истории науки генетики стоят мичуринцев и наоборот. Этот вывод противоречит целой тенденции издательской политики, книжного рынка и научных исследований. Я имею в виду романы Д.Гранина, воспоминания Тимофеева-Ресовского, книжки В.Сойфера и С.Шнолля, трактаты академиков Дубинина и Кудрявцева и пр. Есть повод подискутировать. Ведь генная инженерия уже стала основой современной социальной сегрегации⁴³⁶.

Давно известно также неокантианское различие на науки о природе и науки о культуре. Значительно важнее его социально-политическая коннотация: раскол научного сообщества на естественников и гуманитариев объясняется конкуренцией указанных групп за покровительство власти и господствующее положение в системе организации науки. При этом надо учитывать: после переезда АН из Ленинграда в Москву провинциальная московская культура стала и до сих пор является доминирующей; раскол между академией наук и вузами, центром и провинцией, Ленинградом и Москвой способствовал воспроизводству указанной конкуренции. Драма в том, что Ленинград стал фактической столицей ВПК.

Зато практика написания научными руководителями дипломов и диссертаций студентам и прочим клиентам из властных структур, похоже, становится универсальным теневым заработком. Но ее корни вполне советские и даже чекистские, поскольку формировались на вершине власти. Приведу два свидетельства

Мой старый друг-москвич в 1960 г. познакомил меня со старшей сестрой. Она была вынуждена продать уже написанную докторскую диссертацию ради покупки дачи в подмосковной Валентиновке. Я не очень-то верил другу, хотя на даче мы с ним выпили не одно ведро вина.

Теперь не пью, а читаю книги... Сын Л.П.Берия Серго Берия работал в КБ «Алмаз» (структура ВПК), которое находилось недалеко от станции метро «Сокол». Защитил кандидатскую и докторскую диссертации, получил звание полковника и орден Ленина в возрасте 28 лет. Отец его поддерживал. А на следствии выяснилось: «Вопрос: Расскажите, кто составлял для вас диссертации, за защиту которых вам были присвоены кандидатская, а затем докторская

⁴³⁶ См.: Б.Г.Юдин Б.Г. От утопии к науке: конструирование человека // Вызов познанию: стратегии развития науки в современном мире. Отв.ред. Удумян Н.К. М., Наука, 2004

ученая степени? Ответ: О том, что диссертации мне составляются теоретическим отделом СБ-1, знали зам.министра вооружения Рябиков Василий Михайлович, впоследствии начальник 3 главного управления, и Щукин Александр Николаевич – зам.председателя радиолокационного комитета, впоследствии зам.начальника 3 Главного управления. Академик Минц – оппонент по докторской диссертации – знал, что диссертация готовилась в теоретическом отделе СБ-1. Оппонентом также был и Щукин А.Н. – академик. Вопрос: Следовательно, вы защитили кандидатскую, а затем докторскую диссертации, используя труд коллектива работников теоретического отдела СБ-1, присвоили труд последних. Были ли ранее использованы вами при составлении дипломного проекта, который вы защитили в 1947 году, материалы, составленные Кореневым Г.В., в то время заключенным при 4 спецотделе МВД СССР? Ответ: Я не могу вспомнить, передавал ли мне Кравченко материалы, над которыми работал Коренев. Однако эти материалы не были полностью использованы в моем дипломном проекте. Допускаю возможность, что к дипломному проекту был приложен рисунок из материалов Коренева... По вопросу подготовки диссертации я поступил неправильно»⁴³⁷.

Сколько блатных кандидатов, докторов и академиков бродит сегодня по отечественным и закордонным научным и административно-политическим учреждениям? – такой статистики я еще не встречал. Значит, вслед за социальной историей не мешает написать уголовную историю советской науки как один из ярчайших примеров научно-технической контрреволюции. Кто бы за это взялся, с учетом того, что у многих представителей советского юридического сословия тоже «рыло в пуху»?⁴³⁸

Заслуживает обсуждения проблемы негласного договора между властью и руководителями научного сообщества, становление социальной фигуры научного администратора как посредника между наукой и властью, создания научных резерваций. Здесь тоже открывается поле для анализа указанных феноменов и их влияния на современную российскую науку.

⁴³⁷ Сухомлинов А. Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела. М., Детектив-Пресс, 2004, с.53, 57-58

⁴³⁸ Кудрявцев В.Н., А. И. Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. - М. : Наука, 2000

Террор вначале разрушил систему личных связей между биологами и властью, а вторая мировая война установила систему личных связей между физиками-математиками и различными элементами ВПК. Разрушается ли эта система после 1985 г.? Петербургские коллеги детально описали, как геополитика стала продуктом альянса российско-советской и германо-нацистской науки и власти. В последнее десятилетие геополитика стала интеллектуально-политической модой в России. Здесь подвизаются все, кому не лень - от историков и географов до математиков типа академика Фоменко и его соавтора (фамилии не помню). Даже Президент заговорил о «геополитической катастрофе». Не является ли это свидетельством переплетения всех моделей взаимодействия науки с властью в современной России? Видимо, надо изучать эти трансформации.

Тезис о тождестве советской и нацистской политики в области науки требует переосмысления, поскольку произведен от популярного штампа английской журналистики рубежа 1920-1930-х гг. о сходстве коммунизма и нацизма⁴³⁹. Например, Гитлер считал, что наука (как естествознание, так и философско-гуманитарные исследования) должна быть свободна от государства: «Исследовательская работа должна оставаться свободной и освобожденной от каких-либо ограничений со стороны государства. Факты, которые она устанавливает, представляют истину, а истина никогда не бывает злом. Долг государства – оказывать поддержку и содействовать во всех отношениях усилиям в исследованиях, даже если эти работы не обещают немедленных или даже ранних выгод с материальной или экономической точки зрения. Вполне может случиться так, что эти результаты будут ценны или дадут гигантский прогресс только в будущем поколении... Человек-исследователь по природе должен быть крайне осторожен; он никогда не прекращает работать, размышлять, взвешивать и сомневаться, и его подозрительная натура порождает в нем склонность к одиночеству и самой решительной самокритике... Я не согласен с идеей необходимости ограничить свободу исследований только областями естествознания. Изыскания должны также охватывать сферу мышления и философии, которые, по сути, сами по себе всего лишь логическое продолжение научных исследований. Принимая данные, предоставленные нау-

⁴³⁹ См.: Макаренко В.П. Политическая концептология: обзор повестки дня. М., Праксис, 2005, с.257-266

кой, и помещая их под микроскоп разума, философия дает нам логическую концепцию вселенной, каковой она является. Граница между исследованиями и философией расплывчата и постоянно перемещается»⁴⁴⁰.

Ничего подобного в текстах Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко, Горбачева и их постсоветских наследников я не встречал. Отсюда не вытекает оправдание Гитлера. А только слабая эвристичность шаблона о тождестве коммунизма и нацизма.

То же самое относится к концептам тоталитаризма и модернизации при объяснении социальной истории советской науки. Петербургские ученые считают, что введение единой идеологии и философии в СССР - главная причина всех последующих коллизий в отношениях между наукой и властью. В ранее опубликованных исследованиях я показал непродуктивность данных концептов при анализе истории советского общества. И обосновал другой тезис: не идеология (поскольку в этом случае воспроизводится неявная посылка о служебном характере любых идей), а связь власти и собственности – конституирующий фактор социальной истории досоветской, советской и постсоветской России, объясняющий все ее драмы и трагедии⁴⁴¹. Вся идейно-политическая палитра современной России и зарубежных стран уклоняется от обсуждения этой проблемы. Вот о чем стоит поразмыслить.

Между тем петербургские коллеги приходят к выводу: наука развивается одинаково при разных политических режимах. Этот вывод противоречит посылке о существовании науки *между* коммунизмом, национализмом и либерализмом. С данной посылкой связан ряд дискуссионных следствий (соотношение профессиональной и политической свободы ученых, синхронность и взаимозависимость развития американской и советской науки, специфика ученых наемников и перебежчиков). Я их обсуждать не буду. Но от ремарки не удержусь.

Э.И.Колчинский пишет: «Если самый боевой и талантливый генерал, не поддержанный своим правительством, не нужен никому, то выдающийся ученый чаще всего находит поддержку в дру-

⁴⁴⁰ Тревор-Ропер Х. Застольные беседы Гитлера. 1941-1944. М., Центрполиграф, 2004, с.650-651

⁴⁴¹ См.: Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону, Изд. СКНЦ ВШ, 1998

гих странах»⁴⁴². Эта сентенция не подтверждается историческим опытом. Боевые генералы, мамлюки и казаки тоже нужны всем правительствам. Им все равно, кому служить – Москве, туркам или персам. В гражданской войне А.И.Деникин заметил: донские казаки были всегда готовы воспользоваться подачками как белых, так и красных. Н.Махно констатировал: «Донцы – большое дубье в смысле общности»⁴⁴³ (т.е. отличаются абсолютным безразличием к политике с одновременным боевым профессионализмом). Примерно так же вело себя в гражданской войне большинство ученых. Не вытекает ли отсюда, что социальная история русских ученых может быть сопоставлена с социальной историей казачества? Такая гипотеза позволяет дополнить прежний вывод: ученый всегда стоит перед выбором - быть холопом или казаком. Что лучше или хуже? И как быть с тезисом: политическая свобода ученым не нужна? Зачислять в станичники ученых французов, англичан и американцев? Или поинтересоваться их мнением на этот счет?

Приведу распространенное мнение.

⁴⁴² Наука и кризисы, с.992

⁴⁴³ Махно Н. Азбука анархиста. М., Вагриус, 2005, с.137

Глава 10.

Техно-якобинцы на подхвате

В советской политике и философии 1960-1980-х гг. господствовал лозунг научно-технической революции (НТР). Согласно официальным представлениям, НТР обостряет противоречия капитализма, но органически сочетается с преимуществами социалистической системы хозяйства, является основным путем и средством создания материально-технической базы коммунизма⁴⁴⁴. Однако существовали и другие точки зрения. М.К.Петров развивает иную концепцию: в XX веке сложился феномен научно-технической контрреволюции. Ее главным актором является государство и ученые, поскольку они его обслуживают. Отсюда вытекает вопрос: кем является советско-российское государство - революционером или контрреволюционером?

Часть вопроса я сформулировал почти сорок лет назад. В 1977 году в Казани проходила Всесоюзная школа молодых ученых под эгидой ЦК ВЛКСМ, на которой лекции читали сотрудники Института философии Академии наук СССР. Я тогда подходил под рубрику «молодого ученого». Среди прочих тем школы была лекция на модную тогда тему НТР. Я спросил лектора: если происходит научно-техническая революция, то кто же в ней является революционером? Профессор в ответ забормотал что-то невнятное – ведь идея об ученых как главных акторах НТР входила в состав ревизионизма, с которым тогда боролась идеологическая служба советского государства.

Изменилась ли ситуация сегодня? Что бормочут среди родных осин и на других берегах? Историческим и фактическим материалом для ответа я взял труд Д.Холловэя – известного британского историка науки. На основе анализа истории создания советской

⁴⁴⁴ См.: Научно-техническая революция // Философский энциклопедический словарь. М., 1989, с.397-399

атомной бомбы он обсуждает три проблемы XX в.: технологические инновации; сообщество физиков как область интеллектуальной автономии в советском обществе; транснациональное сообщество физиков. А в заключении констатирует: советский ядерный проект нельзя рассматривать с точки зрения внутренней динамики, структуры и ценностей советского общества; советский режим принял вызов гонки ядерных вооружений; политика «догнать и перегнать» отражала укоренившееся в сознании советских людей представление об отставании от Запада и намерении преодолеть отставание; шпионаж сыграл ключевую роль в советском ядерном проекте⁴⁴⁵.

Именно пункт о научно-техническом шпионаже послужил толчком для моей систематизации материала книги Д.Холловэя. Я рассмотрю три темы: наука и жандармерия; контекст советской политики; специфика аппарата управления атомным проектом. А в заключение вернусь к общей проблеме: есть ли альтернативы концепции Д.Холловэя? Причем, меня интересует главным образом концепция книги. Исторический и фактический материал используется лишь в той мере, в которой он помогает ее обнаружить.

10.1. Наука и жандармерия

Тема шпионажа стара как мир. Ее нынешние певцы даже Д.И.Менделеева зачислили в шпионы. По их «компетентному мнению», создатель таблицы химических элементов воровал в Америке секреты производства бензина и бездымного пороха по заданию правительства Российской империи. Директор Дома-музея им.Д.И.Менделеева И.С.Дмитриев детально изучил вопрос и констатирует: «Видимо, воровство промышленных секретов, по мысли Несторов из Службы внешней разведки, может служить самым убедительным симптомом межгосударственного сближения (между США и Россией, - В.М.). Им виднее»⁴⁴⁶. Но чекистский шаблон не

⁴⁴⁵ См.: Холловэй Д. Сталин и бомба: Советский Союз и атомная энергия 1939-1956. Новосибирск, Наука, 1997, с.472-474. После введения он обсуждает следующие конкретные темы: институт Иоффе; ядерная предыстория; реакция на деление; принятие решения; начало; Хиросима; после Хиросимы; предпосылки послевоенной политики; атомная промышленность; атомная бомба; война и атомная бомба; война нервов; опасные игры; водородная бомба; Россия после Сталина; атом и мир; заключение.

⁴⁴⁶ Дмитриев И.С. Человек эпохи перемен. Очерки о Д.И.Менделееве и его времени. СПб, Химиздат, 2004, с.476

ограничивается рамками шпионского ведомства. Чтобы убедиться в этом, стоит прочесть книгу Д.Холловэя.

В.И.Вернадский в дневнике зафиксировал: «Удивительный анахронизм, который я раньше считал бы невозможным. Научно-практический интерес и жандармерия. Возможно ли это для будущего?»⁴⁴⁷. Вопрос по-прежнему актуален. Главный советский диверсант П.Судоплатов в 1990-е гг. выпустил серию книг. Среди прочего он сообщает: Н.Бор, Э.Ферми, Р.Оппенгеймер, Л.Сциллард сознательно передавали атомные секреты Советскому Союзу во время и после второй мировой войны. Британский историк пишет, что утверждения Судоплатова ложны. Но сам не приводит никаких доказательств в опровержение. Наоборот, развивает концепцию, согласно которой СССР воровал атомные секреты не в США, а в Англии.

На основании каких же критериев проверить отношение между сознательной передачей секретов (их обладателями) и их воровством (агентами другого государства)? Дело ведь не только в истории атомного шпионажа. Общеизвестно, что внутренний и внешний шпионаж всегда связан с нарушением норм морали и права. Однако соответствующие институты существуют до сих пор, а добровольные сотрудники спецслужб не перевелись ни в одном государстве. Приведу лишь пару фактов.

Бывший начальник Донского областного охранного отделения, а затем начальник Варшавского отделения по охране общественной безопасности в 1905-1910-х гг. П.П.Заварзин сообщает: главный контингент сексотов в Российской империи поставляли люди интеллектуальных профессий (врачи, инженеры, общественные деятели, литераторы, журналисты, студенты). С национальной точки зрения сексоты преимущественно принадлежали к еврейской и великоросской нации⁴⁴⁸. В данном случае Заварзин писал о внутреннем шпионаже - секретных сотрудниках охраны, которые использовались для борьбы с революционным движением в России. Как известно, борьба закончилась поражением жандармерии. Но это не мешает установить общий тип секретного сотрудника охраны до 1917 года – то был еврейский или русский интеллектуал.

⁴⁴⁷ Холловэй Д. Указ.соч., с.55

⁴⁴⁸ См.: Заварзин П.П. Работа тайной полиции // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т.1, М., Новое литературное обозрение, 2004, с.420

Теперь перенесемся в ближнее прошлое. Бывший руководитель внешней разведки КГБ СССР Л.Шебаршин сообщает: КГБ прикармливал два-три академика с международным именем для шпионажа за советскими дипломатами: «Выгода была двойная: советский посол не знал, что доносит в Москву визитер, не мог вмешаться и, пожалуй, более важное – КГБ направит телеграммы на самые верхи. От МИДа этого можно не дожидаться»⁴⁴⁹. Кроме того, у внешней разведки есть агентурная сеть не только за рубежом, но и в политических, журналистских и научных кругах Советского Союза. «Это контакты, как правило, неоплачиваемые, но и не афишируемые. С нашими работниками делаются информацией те, кто давно привык к этому, и те, кто не может найти выход своим сомнениям в новой обстановке, кто нуждается в надежном понимающем собеседнике»⁴⁵⁰. Отсюда вытекает, что ученые не только выполняют деликатные поручения, но и нередко рассматривают сотрудников госбезопасности как духовников или попов.

Если использовать выражение В.Войновича, получается, что люди интеллектуальных профессий (среди которых находятся и ученые) давно и успешно сотрудничают с Теми, Кому Надо. Правда, есть и список предательств советских чекистов после 1917 г. Всего до 2000 года предало страну 156 человек из числа самых доверенных людей режима⁴⁵¹. Отсюда вытекает нетривиальная проблема: каковы типичные мотивы и обстоятельства измены, а также пропорция изменников в разных социальных группах, включая государственный аппарат? Для этого требуются особые историко-социологические исследования.

В частности, Ф.Бродель показал, что для властно-управленческого аппарата империй характерно религиозное ренегатство, поскольку империи дают возможность чиновникам делать церковную и политическую карьеру одновременно. Для имперских чиновников теряют смысл понятия «веры», «родины», «отечества». Развивается феномен «отрыва от корней». Феномен безработицы появляется первоначально среди чиновников. Чем больше государство вмешивается в социально-экономическую жизнь, тем больше безработица становится «нормой» экономических отношений. Ин-

⁴⁴⁹ Шебаршин Л. Рука Москвы. М., ЭКСМО, с.287-288

⁴⁵⁰ Шебаршин Л. Указ.соч., с.312

⁴⁵¹ См.: Полетика Д.П. Сколько стоит продать Родину. Предатели в отечественных спецслужбах. 1918-2000. СПб.-М., «Нева», 2005

интересно было бы конкретизировать эти общие закономерности применительно к истории Российской империи и СССР.

Но меня здесь интересуют другие проблемы: какие следствия порождает связь науки с военно-репрессивными аппаратами государства? по каким морально-политическим и юридическим критериям оценивать связь уголовного воровства с государственным шпионажем вообще, а научно-техническим – в особенности? Д.Холловэй уклоняется от обсуждения данных проблем, но его книга дает материал и пищу для размышлений.

Прежде всего надо учитывать предпосылки сотрудничества науки и жандармерии: феномен групповщины в научном сообществе; секретность научных исследований; конфликт между разными группами ученых; отношение между низовыми инициативами ученых и проектами научного и политического руководства; отношение между промышленностью, наукой и философией. Указанные явления непосредственно связаны с научно-техническим шпионажем.

Начну с групповщины. Холловэй показывает, что атмосфера в Украинском физико-техническом институте (в Харькове) была омрачена личными склоками и политическими интригами. Накануне открытия деления ядра советские вожди разрушили один из важных физических институтов страны. В то же время С.Вавилов (брат генетика Н.Вавилова) хотел сделать свой институт главным в области ядерных исследований и разрушить ленинградскую школу ядерной физики. Не следует ли отсюда, что сами ученые помогали вождям в их работе? Какова связь между личной склокой и политической интригой в научном сообществе? Автор не видит этих проблем.

Следующее явление – секретность исследований и осторожность ученых. Дело не в государственной тайне. В январе 1939 г. Л.Сциллард (в то время он жил в Нью-Йорке) предложил Ферми засекретить исследования по делению ядра. В середине 1940 г. редакторы основных американских научных журналов приняли решение добровольно ограничить публикации на эту тему. Советские физики в 1939-1941 гг. не ограничивали публикации. Это отражало общую установку союза Сталина с Гитлером. Договор СССР-Германия привел к тому, что западные физики прекратили обмен информацией с советскими коллегами по проблемам деления ядра.

Однако Д.Холловэй ничего не пишет о причинах и мотивах предложения Л.Сцилларда. Не приводит также никаких данных о контактах между НКВД (в котором к тому времени существовал научно-технический сектор) и разведкой Третьего Рейха в период между 23 августа 1939 года и 22 июня 1941 г. Общие публикации на эту тему есть, но документов я не встречал. Тем более о научно-техническом шпионаже между СССР и нацистской Германией. Это обедняет реконструкцию событий.

Историк Г.В.Вернадский в то время преподавал в Йельском университете. Он послал отцу (В.И.Вернадскому) статью Лоуренса «Наука открыла громадный источник атомной энергии», которая была опубликована в «New York Times» 5 мая 1940 г. 12 июля того же года В.И.Вернадский и В.Г.Хлопин написали письма в Отделение геологических и географических наук АН СССР, а также зам. пред. Совнаркома Н.А.Булганину, в которых обращали на это внимание. То была первая попытка ученых предупредить советское правительство.

Но Иоффе и Курчатов находились в конфликте с Вернадским и Хлопиным. Иоффе вслед за Резерфордом утверждал: атомная энергия может быть использована только в отдаленном будущем. Как видим, расхождение во взглядах кардинальное. И никаких критериев для определения правоты того или иного взгляда в тот момент не существовало. Но проблема остается - Хлопин снял предложение правительству дать деньги на строительство уранового реактора. Взамен была создана Урановая комиссия. С началом войны Урановая комиссия прекратила работу. Вернадский с группой академиков был эвакуирован в Боровое. 10 июля 1941 г. был образован новый орган для привлечения ученых к решению вопросов обороны. Уполномоченным ГКО по науке был назначен С.Кафтанов – глава Комитета по делам высшей школы.

Почти все советские ученые предпочли осторожную линию поведения. Как же провести различие между обычной человеческой трусостью и ученой осторожностью? Д.Холловэй эту тему тоже не обсуждает, хотя концепции для изучения политических аспектов страха в СССР и США уже появились⁴⁵².

⁴⁵² См.: Кори Робин. Страх. История политической идеи. М., Территория будущего-Прогресс традиция, 2007

Между тем работа комиссии затруднялась рутинной и невежеством советских бюрократов и конфликтом между группой Вернадского и физиками. Вернадский отдавал приоритет разведке урана, а не теории ядра, физики – наоборот. Автор считает, что это соперничество не содержало идеологической и политической подоплеки: «Эти люди были преданы науке, чтобы прибегать к таким методам. Они не переступали границы той области, где использовался опасный язык сталинской политики»⁴⁵³. Однако британский историк науки не приводит никаких критериев для строгого различия науки, идеологии и политики вообще, а в советских условиях – в особенности. Такие критерии были и останутся дискуссионными. Значит, когнитивная конкуренция между группами ученых (различия концепций) ставит под вопрос сциентистскую парадигму отношения между наукой и властью, из которой как раз исходит Д.Холловэй. Сама эта парадигма и является определенной идеологией, о которой ничего не пишет английский историк, принимая ее как данность.

Д.Холловэй приводит много фактов для обсуждения общей проблемы отношения между низовыми инициативами и научной бюрократией. Дело в том, что бывший ростовчанин Г.Н.Флеров с декабря 1941 г. по апрель 1942 г. писал письма Курчатову и Сталину о возможности использования атомной энергии в военных целях. Одновременно он требовал суда над группой Хлопина-Иоффе - виновниками прекращения ядерных исследований и «...переводил обсуждение на мрачный язык сталинистской политики»⁴⁵⁴. Не свидетельствует ли сдержанное отношение автора книги к Г.Флерову о его предпочтении академических и политических вождей низовым инициативам? Если нет, то не следует ли отсюда, что ростовчане (к их числу относится Флеров) отличаются склонностью к демагогии в виде мрачного политического языка ради победы над сторонниками конкурирующей концепции? Видимо, на вопрос должен ответить компетентный в теме ростовчанин (на худо конец моквич), а не англичанин... Среди опрошенных ростовчан я пока не нашел ответа. Хотя хорошо помню, что над физфаком Ростовского университета в конце 1960-х гг. висел жестяной лозунг: «Физика - научно-

⁴⁵³ Холловэй Д. Указ.соч., с.102

⁴⁵⁴ Там же, с.113-114. Неясно, дошло ли письмо до Сталина, поскольку не состоялось заседания, которого требовал Флеров.

техническая революция - коммунизм»... Потом его выкинули на задворки – партком принял решение об идеологической ошибочности лозунга. Однако выдвинули его как раз партийные физики...

Не менее важный сюжет – отношение между промышленностью, наукой и философией. ХУ11 съезд ВКП(б) в 1934 г. провозгласил, что к концу пятилетки Советский Союз превратится в «технически и экономически независимую страну и в техническом отношении самое передовое государство в Европе». Однако промышленность интересовалась только тем, что уже было сделано на Западе, игнорируя идеи и предложения советских ученых, если они не подтверждались иностранным опытом. До войны главный советский диалектик Деборин считал, что физические концепции (индетерминизм) в философском плане близки к фашизму. После войны Сталин развернул кампанию борьбы с «низкопоклонством перед Западом». В 1948-1950-е гг. были организованы конференции по биологии, психологии, астрономии, химии и этнографии. В результате усилилась роль философов как идеологических жандармов. В середине 1950-х гг. произошел сдвиг в соотношении между научной истиной и политическим авторитетом. Воинствующие «философы» перестали играть роль «сторожевых псов» идеологии. Но партия не хотела терять положение высшего судьи.

Значит, советские красные директора вместе с красными профессорами тормозили научно-техническую мысль страны. Но мне еще не попадались сведения о числе красных профессоров в естественных науках.

В контексте указанных фактов и явлений Д.Холловэй обсуждает тему научно-технического шпионажа. В октябре 1941 г. Рузвельт написал письмо Черчиллю с предложением вместе осуществлять английский и американский атомные проекты. Но британское правительство осознавало свое лидерство и пожелало ограничиться неформальным сотрудничеством. В июне 1942 г. Рузвельт утвердил проект Манхеттен. В это же время Гейзенберг сообщил командованию Вермахта, что Германия не сможет сделать атомную бомбу во время войны.

В 1941 г. британские ученые продвинулись дальше других в понимании реальности атомной бомбы, а Советское правительство начало получать шпионскую информацию. 25 сентября 1941 г. резидент НКВД в Лондоне передал в Москву информацию о сек-

ретном совещании в комитете МОД. Однако между резидентами НКВД и ГРУ существовало соперничество. Поэтому резидент ГРУ не передавал в Москву информацию советского шпиона Фукса. Но и переданная информация никак не повлияла на советскую политику.

Только в марте 1942 г. главный сталинский подручный отреагировал на информацию из Англии. Берия предложил Сталину создать научно-консультативный орган при ГКО для координации исследований всех советских ученых и учреждений по проблеме энергии урана и (при соблюдении секретности) ознакомить специалистов с материалами разведки. Одновременно Берия указывал, что делением ядра занимались Скобельцын, Капица и Слуцкий из УФТИ. Ни один из них этим не занимался. Причем, записка Берии была *составлена на месяц раньше*, чем письмо Флерова Сталину: «Доклад Комитета Мод не только заставил англичан принять решение о создании атомной бомбы и способствовал ускорению соответствующих американских работ, но и стимулировал мероприятия, которые послужили началом советского ядерного проекта»⁴⁵⁵.

Приведенные фрагменты позволяют ближе определить **позицию автора книги**: пионером разработки атомной бомбы является Англия; шпионская информация из Англии - главный источник принятия решений американцев и русских; письмо Флерова никак не повлияло на принятие решения; главный инициатор атомного проекта - Берия.

Но эти положения доказать трудно. Сам автор пишет: на основе сохранившихся свидетельств невозможно восстановить последовательность событий между мартом 1942 г. и началом 1943 г. Взамен Д.Холловэй дает общую картину дискуссий, которые привели к возобновлению ядерных исследований в СССР. По его мнению, Сталин принял решение об этом в *конце 1942 г.*

В мае 1942 г. НКВД запросил АН СССР высказать мнение о реальной основе практического применения атомной бомбы и вероятности ведения работ по ее созданию в других странах. Хлопин дал осторожный ответ: единственное доказательство таких работ - секретность ядерных исследований за рубежом. Автор полагает, что Хлопину не показали материалов разведки об английском проекте.

⁴⁵⁵ Там же, с.121

Другие ученые тоже осторожничали, когда с ними консультировались по поводу интереса к атомной бомбе в Германии. Например, на южном берегу Таганрогской бухты советские солдаты нашли записную книгу немецкого офицера, которая содержала рабочие схемы ядерной бомбы, и была послана двум специалистам по взрывчатым веществам. Оба дали отрицательный ответ: нельзя швырять деньги на то, что даст результаты через 10-20 лет.

Зато Кафтанов и Балезин (его помощник) послали письмо в ГКО, рекомендуя образовать ядерный исследовательский центр. В письме не упоминались отрицательные оценки ученых. На встрече со Сталиным (дату которой установить невозможно) Кафтанов защищал свое предложение. Принятие решения о создании первой советской атомной конторы происходило в контексте двойного конфликта; между группами ученых; между Минвузом и Академией наук. Об этом свидетельствует история переписки между группами Вернадского-Хлопина и Кафтанова-Иоффе.

Позиция автора по этому вопросу такова: инициатором советского ядерного проекта являются не ученые-физики (тем более безвестные типа Флерова), а сталинские чиновники, среди которых на первом месте находится главчекист Берия. Д.Холловэй настаивает: шпионская информация из Англии – главный источник советских работ. Но на этой стадии создание советской атомной бомбы казалось нереальным из-за затрат времени и усилий. Поэтому советский ядерный проект преследовал две цели: определить возможность и степень опасности создания бомбы в Германии. Главными исполнителями такого задания по определению могли быть только разведчики.

И.В.Курчатов был назначен на пост руководителя научно-консультативного совета при ГКО в начале октября 1942 г. (автор не сообщает точной даты). На этом этапе ученых не знакомили с материалами разведки. Курчатов поддержал предложение Флерова, но не знал, возможно ли проведение работ по урановой проблеме в условиях военного времени.

Автор полагает, что существует связь между кодовым названием контрнаступления под Сталинградом (*Уран*) и принятием решения о производстве работ: «Победа под Сталинградом, ее вклад в победу над нацистской Германией означали появление новой мировой державы – Советского Союза, тогда как реализация ядерного

проекта должна была обеспечить Советскому Союзу ключевую позицию в послевоенном мире и один из самых мощных символов силы в нем»⁴⁵⁶.

Этот фрагмент свидетельствует, что Д.Холловэй согласен со сталинской историографией советско-германской войны (в которой победа Красной армии под Сталинградом рассматривается как одно из решающих событий). Между тем существуют другие историографические концепции второй мировой войны, в которых эта победа рассматривается лишь как один из множества фактов военной истории 1942 г. Но автор ничего не сообщает о данных концепциях, хотя вряд ли они ему были неизвестны. Одновременно он пишет, что в конце 1942 г. Сталин имел уже достаточно сведений об исследованиях в других странах и не считал советский атомный проект решающим для победы над Германией: «Одобренный им проект следует понимать как некую слабую гарантию от неопределенностей, которые могли возникнуть в будущем»⁴⁵⁷. Думаю, в данном случае историк науки поступает как советский диалектический материалист – т.е. обычный софист!

Кто же может дать другую версию происходящих событий? Неужели историография советско-германского участка второй мировой войны клином сошлась на сталинских схемах и их эпигонах из редакции «Военно-исторического журнала»? Между тем далеко не все историки согласны с этими схемами⁴⁵⁸. Все больше появляется работ, в которых детально описаны историческая, научно-техническая и политическая ложь и эпигонство властвующих клик в истории России и СССР, а также бесталанность российских и советских генералов, обусловивших все ее поражения⁴⁵⁹. Видимо, эта литература может пролить дополнительный свет на степень достоверности книги Д.Холловэя.

В позиции автора наряду с календарным синдромом существует модернизация событий: последующую оценку роли Сталинградской битвы в мировой истории XX века (которая, кстати, дана Сталиным) Д.Холловэй выдает за силлогизм в исторической логике. Стремление увидеть историческую логику там, где все определял

⁴⁵⁶ Там же, с.128

⁴⁵⁷ Там же, с.129

⁴⁵⁸ См.: Правда Виктора Суворова. М., «Яуза», 2007

⁴⁵⁹ См.: Красиков В.А. Победы, которых не было. СПб, Нева, 2004

произвол государственных мужей, - типичный шаблон историографии типа «История есть политика, опрокинутая в прошлое». История науки от него тоже не свободна.

По мнению английского историка, Сталин не верил в силу ядерного проекта. Однако здесь позиция «корифея науки» не отличалась от позиции многих ученых – Резерфорда, Иоффе, Гейзенберга и др. Согласно Холловэю, «великий вождь» был провидцем и дураком одновременно. Провидцем – потому что в разгар войны уже думал о послевоенном устройстве мира, дураком – поскольку не учитывал шпионскую информацию. Пока неясно, кто даст ответ о соотношении провидческого дара и глупости в деятельности Сталина.

По указанию В.М.Молотова в феврале 1943 г. Курчатова познакомили с материалами разведки. Лишь после этого он сочинил записку о возможности создания атомной бомбы: «Тон курчатовской записки, - комментирует этот факт Д.Холловэй, - много говорит об Игоре Васильевиче. Здесь отсутствует торжество по поводу того, что получена информация, которую правительства западных держав пытались сохранить в секрете, нет в ней и горечи по поводу того, что война ускорила исследования в Англии и Соединенных Штатах, но замедлила их в Советском Союзе. Курчатов не пытается преуменьшить достижения английских и американских ученых или преувеличить роль своих коллег. Видна его взволнованность тем, что делается за границей, и восхищение качеством исследований. Памятные записки создают впечатление о человеке, который способен взяться за ключевые вопросы, не давая воли личным чувствам»⁴⁶⁰. Иначе говоря, Холловэй одобряет задним числом назначение Курчатова руководителем атомного проекта. А рассматривались ли другие кандидатуры, если они были? Об этом автор ничего не пишет.

По крайней мере, научный руководитель атомного проекта помнил после знакомства со шпионской информацией, тогда как «великий вождь» был и остался дураком... Удивляет, что специалист в сфере истории науки на протяжении всей книги ничего не говорит о различии между либеральным идеалом ученого (реализацию которого усматривает в И.И.Курчатове) и позицией научного чиновника, которую реально выполнял один из руководителей со-

⁴⁶⁰ Холловэй Д. Указ.соч., с.134

ветского атомного проекта. В последующие годы Курчатов использовал разведывательную информацию, не ставя об этом в известность своих коллег (разумеется, тут он выполнял «подписку о неразглашении»). На этой основе выдвигал новые идеи, указывал перспективные направления исследований. Но другие организации плохо сотрудничали с Курчатовым: «Причиной было непризнание советским руководством решения урановой проблемы как дела первостепенной важности. Особенно Курчатов был раздосадован разрывом в развитии советского проекта и проекта Манхеттен. Он лучше, чем кто-либо другой понимал, насколько велик был этот разрыв в действительности»⁴⁶¹.

Таким образом, руководящий пост в атомном проекте занял плагиатор-новатор. Советская научная бюрократия заурядное эпитонство и плагиат превратила в дело «государственной важности».

Д.Холловэй на протяжении всей книги обсуждает ряд технических данных для аргументации своей точки зрения. Неспециалисту трудно проникнуть в политический смысл технической информации⁴⁶². Но цель этой процедуры ясна: автор подгоняет Курчатова под идеал ученого: отсутствие радости от получения тайной информации; отсутствие горечи от того, что другие страны опередили его родину; признание достижений коллег других стран; критическое отношение к работам коллег своей страны; отрицание личных чувств для решения ключевых вопросов. Однако историк науки не видит проблему: ученый вступает в контакт со шпионским ведомством без всякой рефлексии. Следовательно, автор отождествляет интеллектуальную автономию (в данном случае Курчатова) с политической верноподданностью.

Для Д.Холловэя либеральный критерий успеха (в данном случае - советского атомного проекта) остается нерушимым. По его мнению, сообщество советских физиков - образец научного сообщества. Физика была сферой относительной интеллектуальной автономии в советском государстве. Эта автономия поддерживалась комплексом общественных отношений (властью, социальным статусом, наградами) и отличалась от господствующих в СССР социальных отношений. Несмотря на все усилия партийных идеологов,

⁴⁶¹ Там же, с.144

⁴⁶² Для установления этого смысла вполне можно использовать идею Д.Норта об аномалиях в развитии техники, в данном случае – атомной.

в физике членство в партии и положение в партийной иерархии не имели веса. Утверждения о практическом значении решения тех или иных научных проблем в социалистическом строительстве были разновидностью риторики, рассчитанной на то, чтобы задобрить власти и обосновать просьбы о выделении средств. Однако в самом сообществе физиков мера автономии была различной. Холловэй считает, что по мере усиления позиций ФИАН на физфаке МГУ усиливалось влияние физиков, которые предпочитали искать поддержку у политического руководства для разрешения научных и административных споров.

Большинство советских ученых восхваляют моральный климат труда: «Это удивительный пример того, - пишет Д.Холловэй, - как аппарат репрессивного государства *уживался* (курсив мой, В.М.) с сообществом физиков в деле создания атомной бомбы. В 30-е годы физическое сообщество ... существовало в необычной атмосфере интеллектуальной автономии, которая поддерживалась рядом неформальных взаимоотношений. Эта автономия не была разрушена в результате возникновения ядерного проекта. Она продолжала существовать внутри административной системы, учрежденной для управления проектом... Дискуссии о моральной ответственности были бы ... очень опасным делом, а открытое противодействие проекту ... оказалось бы роковым»⁴⁶³.

Здесь очередная нестыковка в позиции автора. С одной стороны, он полагает, что практическая реализации интеллектуальной автономии физиков создала советскую атомную промышленность. С другой стороны, атомный проект - это аналог сталинских строек (Беломорканала, Магнитогорска, Днепростроя), комбинация лучшего и худшего в советском обществе – энтузиазма ученых и инженеров, получивших образование при советской власти, и заключенных, живших в нечеловеческих условиях лагерей. До сих пор нет достоверных данных о стоимости проекта и числе вовлеченных в него людей. По докладу ЦРУ 1950 г. общее число занятых в проекте оценивалось в 330-460 тыс.чел. Большинство (255-361 тыс.) работало в горнодобывающей промышленности. Из них в СССР 255 тыс., в Восточной Европе 241 тыс., в строительстве 50-60 тыс.,

⁴⁶³ Там же, с.272

на производстве 20-30 тыс., а исследованиями занимались 5-8 тыс. Шахтеры и строители были заключенными⁴⁶⁴.

Советское правительство приняло постановление добыть в 1943 г. 100 тонн урана. К августу 1945 г. был получен всего 1 килограмм. Я предлагаю разделить кило урана на число дней в 31 месяце (от января 1943 г. до июля 1945 г. включительно), чтобы получить синтез образца научного сообщества с образцом политического решения проблемы, который не заметил Д.Холловэй. В первые годы советского атомного проекта большую часть урана давала Восточная Европа. Чехословакия и советская зона оккупации Германии стали самым важным источником советского урана. Богатые залежи были открыты в Саксонии, поменьше – в Болгарии и Польше. СССР начал также добычу в Синьцзяне, который в то время находился под контролем СССР. По оценкам ЦРУ, в 1950 г. 45% советского урана получено из Восточной Германии, 33% из СССР, 15% из Чехословакии, 4% из Болгарии и 3% из Польши. Причем, оценки по СССР менее надежны, чем по Восточной Германии и Чехословакии⁴⁶⁵.

После продвижения Красной армии в Центральную Европу СССР начал эксплуатировать урановые рудники Чехословакии. В марте 1945 г. Бенеш подписал с СССР секретное соглашение. Оно дало право добычи в Чехословакии урановой руды и транспортировки ее в СССР. Урановые шахты в Яхимове к тому времени были главным мировым источником урана. Затем СССР вывез оставшихся в Германии специалистов по производству элементов атомной бомбы (М.Арденне, Г.Герц, И.Тиссен, Н.Риль, М.Фольмер, Х.Барвих, М.Штеенбек и др.). Им предоставлялись дачи под Москвой, несмотря на то, что некоторые (П.Тиссен) были членами нацистской партии с 1920-гг. Но одновременно выступали за тесное сотрудничество Германии и России. По оценке разведки США СССР получил в Германии и Чехословакии 230-240 тонн окиси урана. США в апреле 1945 г. вывезли 1200 тонн урановой руды из соляной шахты в окрестностях Штрассфурта, который должен был попасть в советскую зону оккупации.

Важность восточноевропейского урана подтверждена в 1953 г. А.Завенягиным, который призвал к срочным мерам по расширению

⁴⁶⁴ Там же, с.233

⁴⁶⁵ Там же, с.238

сырьевой базы внутри СССР, поскольку страны народной демократии начали сопротивляться советской колонизации.

Отсюда вытекает следующая проблема: кто же был более прав – Вернадский, давно настаивавший на разведке урана, или Курчаев, использующий шпионскую информацию для продвижения туземного атомного проекта? Однако Холловэй не только не обсуждает, но и не ставит эту проблему. Значит, он согласен с советской колонизацией стран Восточной и Центральной Европы. Между тем даже на основании российских публикаций нетрудно установить, что колонизация породила множество до сих пор не решенных международных и внутристрановых проблем в Восточной Европе⁴⁶⁶.

Д.Холловэй считает командно-административную систему эффективной (поскольку она смогла мобилизовать огромные ресурсы) при создании атомной бомбы, но жестокой, поскольку:

1. Широко использовался труд заключенных. В советской зоне оккупации Восточной Европы условия труда на урановых рудниках были ужасны.

2. В погоне за бомбой жизнь и здоровье людей не стоили и гроша. Установленные санитарные нормы допустимой ежедневной дозы радиации превышали стандарты. Особенно опасными были радиохимические работы, в которых процент женщин был выше, чем на других участках.

3. Система нанесла длительный экологический ущерб стране. По всем указанным причинам мемуаров обитателей ядерного ГУЛАГА до сих пор нет. Здесь советская власть действительно спрятала концы в воду...

К тому же Сталин и Берия приняли дорогостоящую стратегию нескольких альтернативных путей к бомбе: использование плутония и урана-235, графитового и тяжеловодородного реакторов, газодиффузного и электромагнитного разделения изотопов: «Принципу избыточности (курсив мой, В.М.), который критиковал Капица, следовали почти во всех частях проекта»⁴⁶⁷.

Если верить Д.Холловэю, система была эффективной, жестокой, дорогостоящей и избыточной. После всех этих констатаций он пишет: «Советский Союз – не единственная страна, в которой атомная индустрия нанесла ущерб здоровью людей и окружающей

⁴⁶⁶ См.: Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М., РОССПЭН, 1995

⁴⁶⁷ Холловэй Д. Указ.соч., с.257

среде. Но в условиях интенсивного нажима ради скорейшего достижения цели – создания бомбы – не было времени обращать внимание на риск, а протесты пострадавших в сталинской системе были невозможны»⁴⁶⁸.

Итак, для автора критерий достижения цели любой ценой является главным (в конце статьи я специально рассмотрю эту проблему). Здесь только отмечу, что либеральный историк сознательно оправдывает самую жестокую политическую систему XX века.

Я тоже подпою англичанину. Уже говорилось о принципиальном сходстве православного и большевистского способа поведения. Эту идею можно развить. В центре Сарова находились остатки православного монастыря, расцвет которого приходился на ХУШ-ХІХ вв. Здесь прожил около 50 лет (до своей смерти в 1833 г.) причисленный к лику святых Серафим Саровский, известный аскетизмом и благодеяниями. Коммунисты закрыли Саровский монастырь в 1927 г., в котором жило 300 монахов. В их кельях оборудовали первые лаборатории по производству атомной бомбы. Зеки из местного ИТП построили новые лабораторные корпуса и жилые дома. Так был создан Арзамас-16. В отличие от обитателей «Архипелага ГУЛАГа» ученые и инженеры получили привилегированные условия жизни. В 1953 г. Л.Каганович назвал атомные города «курортами». А.Сахаров начал работу над водородной бомбой в 1948 г. и переехал в Арзамас-16 в 1950 г. Он сказал: «Мы (а я должен говорить здесь не только от своего имени, потому что в подобных случаях моральные принципы вырабатываются как бы коллективно-психологически) считали, что наша работа абсолютно необходима как способ достижения равновесия в мире»⁴⁶⁹.

Главный конструктор первого промышленного реактора Доллежалъ считал бомбардировку Хиросимы «отвратительным актом циничного антигуманизма». Одновременно морально оправдывал работу над созданием бомбы и право СССР создать и использовать такое же оружие по двум причинам: создание оружия не тождественно его использованию против мирных городов, поскольку цели будет выбирать военное и промышленное руководство; обладание атомной бомбой не обязательно означает ее использование.

⁴⁶⁸ Там же, с.260

⁴⁶⁹ Холловэй Д. Указ.соч., с.271

Как хорошо известно, европейская опытная наука была продуктом деятельности монахов. Из приведенных фактов вытекает, что советский атомный проект может рассматриваться символ единства православия, советского государства с его репрессивным режимом, привилегий производителей оружия и морально-политической софистики, оправдывающей это единство. Советская власть была предвестником нынешнего союза православия и российского государства. Однако титулованный историк науки ничего об этом не пишет.

Он говорит и вещает, что Сталин сохранил физику, поскольку она была нужна для усиления режима: «То, что уберегла бомба, было маленьким островом интеллектуальной автономии в обществе, где государство претендовало на контроль за всей интеллектуальной жизнью. Кроме того, физическое сообщество видело себя в каком-то ... смысле частью более крупного международного сообщества и ... было ближе к Западу в культурном плане, чем остальная часть советского общества. Таким образом, атомная бомба, наиболее могущественный потенциальный символ враждебности между Советским Союзом и Западом, спасла ту часть общества, которая являлась самым важным культурным и интеллектуальным звеном между Западом и Советским Союзом»⁴⁷⁰.

По мнению Холловэя, сознание принадлежности к широкому сообществу осталось нерушимым среди советских физиков. Ядерный проект защитил ее, и это имело большое социальное и политическое значение. Под сталинским управлением научное сообщество пользовалось большой автономией: «Физическое сообщество являлось островком интеллектуальной автономии в тоталитарном государстве. Научное сообщество – и особенно физическое сообщество – было, несмотря на свои недостатки, близко к понятию гражданского общества при сталинском режиме. Ученого, по крайней мере ученого масштаба Френкеля, Капицы, Тамма, Вернадского и позднее Сахарова, более чем кого-либо в советском обществе можно было бы назвать гражданином. Ученый-гражданин был фигурой первостепенной значимости для общества в целом. Обеспечив защиту советской физике, бомба сделала большее: она помогла защитить небольшую часть подлинно гражданского общества в государстве, установившим тоталитарный контроль над всей общественной

⁴⁷⁰ Там же, с.282-283

жизнью»⁴⁷¹. Вслед за Вернадским физики считали науку элементом культуры, рационализирующей и демократизирующей силой общества. А Сахаров вообще рассматривал науку как модель для политики.

Короче говоря, для автора Сталин и бомба выступают спасителями интеллектуальной свободы и связей между Западом и СССР. Под пером английского историка советский деспот стал новым Иисусом Христом и гарантом отношений между полушариями! Хорошо, что не между галактиками... Эти тезисы можно проверить только на основании ретроспективного конкретно-социологического опроса советских физиков. Кто бы за это взялся?..

Но были и другие лидеры. 8 декабря 1953 г. Эйзенхауэр в ООН говорил о «вероятности разрушения цивилизации». Маленков три месяца спустя повторил ту же терминологию. Вслед за ними идет автор. В главе «Атом и мир» он сообщает: в 1954 г. один из руководителей министерства говорил научному руководителю атомной электростанции Д.Блохинцеву о ее бесполезности. Однако главной целью работы атомных реакторов было производство плутония, а не электроэнергии. 1 апреля 1954 г. Малышев, Курчатов, Алиханов, Кикоин, Виноградов послали Хрущеву проект статьи, в которой утверждали: «Развитие промышленного использования атомной энергии само по себе не только не исключает, но прямо ведет к увеличению военного атомного потенциала»⁴⁷². Итак, руководители советской атомной промышленности (почти сразу после расстрела Берия и его клики) совершенно определенно способствовали гонке вооружений. После Женевской конференции (июль 1955 г.) состоялось совещание о мерах безопасности. СССР не сделал никаких предложений и совещание закончилось безрезультатно.

Таков один из множества мостов между атомным проектом и советской политикой.

10.2. Контекст советской политики

По мнению Д.Холловэя, советскую политику (в отличие от американской и английской) невозможно анализировать как взаимодействие людей, учреждений, обстоятельств. Она - продукт советской системы, марксистско-ленинской идеологии и выражение

⁴⁷¹ Там же, с.470-471

⁴⁷² Там же, с.454

интересов вождей. Следовательно, нет смысла трактовать гонку вооружений как соревнование двух идентичных государств. Советская политика ядерных вооружений должна быть изучена в международном и внутреннем контекстах⁴⁷³. С этим вряд ли поспоришь. Но реконструкция данной политики – совсем иное дело...

Из множества фактов упомяну лишь те, которые позволяют уточнить концепцию Д.Холловэя. В годы войны Вернадский и Капица выступали за тесные контакты с американскими учеными. На приеме в Кремле после войны в присутствии Сталина Молотов обещал «тесные связи советской науки с мировой наукой». По мнению Д.Холловэя, это обещание отражает некоторый прогресс в работах по советскому проекту за годы войны. Действительно, Берия и Молотов были хорошо информированы о «проекте Манхеттен», но не проявили никакого интереса к расширению советских работ. Д.Холловэй объясняет этот факт следующим образом: Берия не верил сообщениям разведки, считал их дезинформацией, полагая, что противник пытается втянуть СССР в громадные затраты на бесперспективные работы.

Эти подозрения переплелись с недоверием членов сталинской клики к ученым. Ее члены не могли убедиться в том, что Курчатов их не обманывает. Они ничего не понимали в ядерной науке и технике, а другие ученые утверждали: бомба не может быть сделана еще в течение длительного времени. Ситуация в германской науке усилила скептицизм. Летом 1945 г. советские руководители «...не считали атомную бомбу реальностью и не могли себе представить, какое влияние она окажет на мировую политику»⁴⁷⁴. По воспоминаниям Трумена после того, как он сообщил Сталину о наличии у Штатов «нового оружия необычайной разрушительной силы», Сталин ответил, что рад слышать об этом и надеется что оно будет успешно применено против японцев. Трумен и Черчилль были убеждены: Сталин не понял, что имелась в виду атомная бомба.

30 сентября 1944 г. В.Буш и Д.Конант разработали меморандум, предлагая создать международный орган, который должен иметь свободный доступ в научные лаборатории и военные организации всех стран для предотвращения гонки ядерных вооружений. СССР на это не пошел. Только после Хиросимы Сталин понял роль

⁴⁷³ Там же, с.12, 14

⁴⁷⁴ Там же, с.160.

бомбы: «Бомба все равно влияла бы на баланс сил и все равно была бы символом экономической и технологической мощи государства. Сталин все равно хотел бы иметь собственную атомную бомбу»⁴⁷⁵.

Таким образом, автор дезавуирует идею американцев о создании международного контрольного органа и косвенно оправдывает поведение Сталина. Этот вывод противоречит ранее цитированному положению о том, что Сталин уже в период Сталинградской битвы думал о послевоенном устройстве мира. Однако историк науки пренебрегает элементарной логикой, предпочитая ей «историческую и диалектическую»...

20 августа 1945 г. ГКО постановил создать под началом Берия Спецкомитет для руководства всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана. Затем учреждено Первое Главное Управление для руководства атомным проектом под руководством Ванникова, Курчатов назначен научным руководителем. План на 1946-1950-е гг. концентрировал все силы на направлениях, от которых зависел оборонный потенциал СССР. По воле вождя пионерные исследования советских ученых сокращены. Об этом свидетельствует история разработки ракетного оружия. Интерес к нему оживился только в 1944 г., когда Германия начала бомбардировать Лондон Фау-1 и Фау-2: «Идеи советских ученых и инженеров не получали должной поддержки до тех пор, пока они не подтвердились западным опытом»⁴⁷⁶. Приоритет принадлежал тяжелой промышленности для подготовки к новой войне.

На этом фоне автор описывает предпосылки советской послевоенной политики. По его мнению, в последние годы 2-й мировой войны Сталин делал выбор между тремя направлениями послевоенной политики:

1. Подрывная политика путем поддержки компартий в Западной Европе и Азии в их стремлении захватить власть и помощи им военной силой. Эта политика импонировала ревнителям социалистической революции. Но Сталин не пошел по этому пути, поскольку в Европе и Азии не было выдающейся личности, отстаивающей эту идею. Поощрять революцию - значило идти на развязывание войны с западными союзниками.

⁴⁷⁵ Там же, с.183

⁴⁷⁶ Там же, с.201

2. Продолжение политики сотрудничества с Западом, сторонником которой был Литвинов. Но Сталин не пошел на сотрудничество с США, поскольку это повлекло бы уступки в Германии и Восточной Европе. Внешняя политика сотрудничества с США вступила бы в противоречие с внутренней политикой усиления контроля над советским обществом. Международная напряженность шла в ногу с послевоенными репрессиями внутри страны.

3. Рассмотрение государств (а не классов) как главных действующих лиц международных отношений. При этом интересы советского государства ставились выше интересов мировой революции. Сталин выбрал этот путь. В результате произошло окончательное возрождение традиционной имперской политики России.

Откуда же автор знает о том, что творилось в черепной коробке Сталина? По косвенным свидетельствам. Для советских вождей, - пишет он, - концепция мощи и безопасности носила территориальный характер. Молотов много лет спустя говорил: «Как министр иностранных дел я считал своей задачей расширять как можно больше границы нашего отечества»⁴⁷⁷. Но ведь такая задача принципиально ничего не меняла в традиционной советской политике. М.Геллер и А.Некрич показали, что внешняя политика СССР с самого начала его существования базировалась на двух китах: явном (через Наркомат иностранных дел) и тайном (через Коминтерн и разведку). Уже в середине 1920-х гг. сформировались три главных принципа внешней политики советского государства:

1. Оно есть оплот мировой революции, и потому его укрепление равнозначно укреплению революционного движения во всем мире. А поскольку интересы СССР считались ведущими, постольку во имя этих интересов можно жертвовать революциями и партиями в других странах.

2. Конфликт между социализмом и капитализмом в мировом масштабе неизбежен, поэтому международное коммунистическое и рабочее движение есть резервная армия нового государства.

3. Капиталистические страны враждебны СССР, поэтому в их отношении надо проводить такую политику, которая сочетает

⁴⁷⁷ Там же, с.207

шпионаж и подрывную деятельность с поддержанием нормальных дипломатических и торговых контактов⁴⁷⁸.

Нетрудно понять: если бы удалось полностью осуществить эти принципы – СССР господствовал бы над всем миром. Есть и более интересные Сюжеты.

Обращаю внимание, что трактовка сталинской политики как окончательного возрождения традиционной имперской политики России полностью совпадает с концепцией Э.Генри. Но прежний ростовчанин и одновременно – старый Коминтерновский волк – был последовательнее англичанина, считая все направления сталинской внешней политики полным провалом⁴⁷⁹. Предлагаю читателю: поразмыслить, есть ли принципиальное отличие между традиционными принципами советской внешней политики и предпосылками советской послевоенной политики в версии Д.Холловэя; причинами совпадения позиций заслуженного чекиста Э.Генри и английского историка науки; степени исторической, политической и логической правоты того и другого.

Вернусь к исторической пыли. Трумен в 1945 г. предложил образовать комиссию при ООН по изучению возможностей ликвидации атомного оружия и использования атомной энергии в мирных целях. Февраль-март 1946 г. – поворотный пункт в американской политике в отношении СССР. Ухудшение отношений вызвала не атомная бомба: «Атомная дипломатия – надежда с одной стороны, страх, что бомба окажется мощным политическим инструментом, с другой – определила неудачу лондонской конференции и резкое ухудшение советско-американских отношений»⁴⁸⁰.

Н.Бор поставил вопрос: чем была бомба для политических лидеров: инструментом государственной политики или источником общей опасности, сближающей государства? Вопреки Бору, Трумен и Сталин не считали бомбу источником опасности для человечества. Сталин полагал: роль ученых – обеспечение нужд страны, а не изложение взглядов на международную политику и возрастающую роль технологии.

⁴⁷⁸ См.: Геллер М., Некрич А., История России 1917—1995. Т. 1. Утопия у власти 1917—1945. М., «МИК», «Агар», 1996, гл.3-4

⁴⁷⁹ См.: Генри Э. К вопросу о внешней политике Сталина (Записка). Прометей. М., Русский раритет, 2007

⁴⁸⁰ Там же, с.217

В конечном счете, по мнению Д.Холловэя, атомная бомба не повлияла на выбор линии послевоенной внешней политики. Сталин сделал окончательный выбор в пользу реалистического (в смысле Бисмарка), а не революционного или либерального курса до конца войны - прежде, чем атомная бомба вошла в его стратегические расчеты.

Теперь и в советской политике возникли противоречия. Сталин поддерживал взгляды Лысенко о различии между социалистической и капиталистической наукой. Развязал кампанию против низкопоклонства перед Западом и принижения советской науки и техники. Но именно руководство партии и государства рассматривало западную технику как образец, не доверяло советским ученым и инженерам, культивируя эпигонство и плагиат. Советские физики создавали плутониевую бомбу на основе американской конструкции. СССР скрывал от народа факты копирования иностранной техники (атомную бомбу, ракету Фау-2, бомбардировщик Б-29). В 1944 г. 4 бомбардировщика Б-29 совершили вынужденную посадку на Дальнем Востоке и в Сибири. Вместо возврата по принадлежности Сталин приказал их разобрать и изучить советским конструкторам. В 1946 г. он решил создать копию Б-29. Туполеву приказано сделать корпус, Шевцову - мотор.

Сталинский режим придавал большое значение военной технике, но не признавал авторитета и автономии технической экспертизы. Логика режима была политической, а не технократической: «Он присвоил себе право определять, что есть научная истина, и уничтожал целые области знания во имя идеологической ортодоксии»⁴⁸¹. Однако технократический способ решения политических проблем ничуть не лучше идеологической ортодоксии, как показано в современном коммунитаризме, поскольку технократия есть определенная идеология, маскирующаяся критериями пользы и рациональности⁴⁸².

По мнению Д.Холловэя, после второй мировой войны наметилось *сходство* советской и американской концепций будущей войны⁴⁸³. Советская разведка двигалась в этом русле. Сразу после вой-

⁴⁸¹ Там же, с.282

⁴⁸² См.: Макаренко В.П. Технократические мамлюки: социополитические аспекты концепции А.Макинтайра. Ростов-на-Дону, изд.СКНЦ ВШ, 2000

⁴⁸³ В июне 1952 г. Сталин сказал итальянскому социалисту П.Ненни: «Для Америки недостаточно разрушить Москву, также как для нас недостаточно разрушить Нью-Йорк». Там же, с.320

ны цель создания межконтинентальных ракет была недостижимой. Большинство конструкторов (Туполев, Королев, Мясищев) оружия были осторожными людьми, боялись и не желали разрабатывать системы, в возможность создания которых не верили. Поэтому использовались немецкие ученые и конструкторы. В 1947 г. заложены основы ракетной программы: исследовательская и производственная база была создана с помощью трофейного немецкого оборудования; в советской армии были сформированы первые соединения ракетных войск; выработан план развития ракетостроения.

Однако автор не приводит никаких доказательств в подтверждение своей версии послевоенной политики, кроме приписывания Сталину либеральной идеологии выбора. По мнению Холловэя, атомная бомба не повлияла на сталинскую концепцию послевоенного мира. Но была фактором, который следовало принимать во внимание в военной стратегии и внешней политике. При организации Коминформа Сталин поставил предел независимости компартий, стремящихся идти своим путем к социализму, которую он был вынужден терпеть в первые годы после войны. Между 1946-1953 гг. Сталин мало говорил о бомбе, а сказанное предназначалось для создания определенного впечатления. Поэтому его заявления должны интерпретироваться в контексте советской внешней политики.

Первая советская бомба была испытана 29 августа 1949 г. Мир узнал об этом три недели спустя от США - 23 сентября Трумен объявил: у США есть доказательство атомного взрыва в СССР в течение последних недель. Два дня спустя ТАСС опубликовало заявление, в котором говорилось: «В Советском Союзе, как известно, ведется строительство гидроэлектростанций, шахт, каналов, дорог, которые вызывают необходимость больших взрывных работ с применением новейших технических средств. Поскольку эти взрывные работы происходили и происходят довольно часто в разных районах страны, то возможно, что это могло привлечь к себе внимание за пределами Советского Союза. Что же касается производства атомной бомбы, то ТАСС считает необходимым напомнить о том, что еще 6 ноября 1947 года министр иностранных дел СССР В.М.Молотов сделал заявление относительно секрета атомной бомбы, сказав, что «этого секрета давно не существует». Это заявление было подготовлено без участия ученых-атомщиков, которые сочли его ужас-

ным⁴⁸⁴. По мнению Холловэя, ложь штамповалась по причине *двойного страха* сталинской клики перед обладателями атомной бомбы: США удвоят свои усилия для сохранения лидерства в гонке вооружений; советское испытание побудит США проводить более агрессивную политику до того, как СССР разовьет эффективное производство атомных бомб.

Официальные речи советских владык выражали этот страх. В ноябре 1949 г. Маленков и Сулов выразили два советских подхода международной обстановке и международным отношениям. Оба утверждали, что баланс сил смещается в сторону СССР. Но Маленков видел в этом благоприятный, а Сулов - опасный фактор. По мнению британского историка, сталинская политика в отношении бомбы определялась двумя принципами:

1. Принцип «войны нервов» базировался на допущении: США используют бомбу для запугивания СССР и получения от него уступок ради внедрения своей концепции послевоенного устройства мира. В итоге сталинской «войны нервов» возросло убеждение западных держав в том, что они должны защищаться с помощью НАТО, поскольку СССР является агрессивным экспансионистским государством. Но этот эффект не был следствием ошибочности политики советского руководства (на взгляд Холловэя), поскольку она вытекала из существа его взглядов на природу отношений с Западом.

2. Принцип «допустимых мер» тормозил «войну нервов». Сталин не желал войны с Западом и не считал, что СССР к ней готов. Если бы СССР вел соглашательскую политику в отношении Запада, он показался бы слабым, что могло спровоцировать давление и агрессивность Запада. В «войне нервов» нельзя было заходить слишком далеко из опасения спровоцировать настоящую войну. Чувство меры проявилось в Берлинском кризисе 1948 г.

Из первого принципа следовало, что рост могущества СССР ослабит напряженность в мире; из тезиса о враждебности - возрастание советской мощи вызовет проведение капиталистическими странами более агрессивной политики. По этому поводу автор пишет: «Конечно, лучше было испытать бомбу, чем не иметь ее. Но после испытания чувство неуверенности не исчезло. Секретность, окружавшая атомное испытание, и вводящие в заблуждение заяв-

⁴⁸⁴ Там же, с.349

ления ... свидетельствуют в пользу того, что Сталин не верил в силу обороны Советского Союза после испытаний»⁴⁸⁵.

В целом атомная бомба имела двойной эффект: заставила СССР быть сдержаннее при использовании силы из страха перед развязыванием войны; сделала СССР менее склонным к сотрудничеству и компромиссу из страха показаться слабым.

В середине 50-х гг. Хрущев поощрял ядерные амбиции Китая. 15 января 1954 г. Мао решил создать атомную бомбу. 17 января Совмин СССР решил помочь Китаю и другим социалистическим странам в развитии ядерных исследований в мирных целях. 27 апреля 1955 г. подписано соглашение о совместной разработке урана в Китае. Китай согласился продавать СССР излишки урана, а СССР должен поставить Китаю ядерный реактор, циклотрон и необходимое количество делящихся материалов.

Короче говоря, автор толкует послевоенную историю с точки зрения концепции устрашения, которая как раз лежала в основе военно-политической доктрины США того времени. Одновременно он косвенно оправдывает Сталина и производителей бомбы. Возникает вопрос: нельзя ли рассматривать всю историю создания советской атомной бомбы как воплощение политической шизофрении, необходимым элементом которой является страх в его советской и американской версиях? Ведь речь идет о громадных расходах материальных и человеческих ресурсов. Между тем СССР распался, бомбы и ракеты его не спасли, ответственности за это никто до сих пор не понес. Даже проблема такой ответственности толком не осознана. Не исключено, что концепция непредвиденных последствий (разработанная А.Хиршманом, Д.Нортом и др.) идеологий, институтов и любых решений, включая политические, может помочь двинуться по пути описания меры данной ответственности конкретных лиц и государственных институтов.

10.3. Идеальный советский аппарат

Эта тема тоже вытекает из штудий Д.Холловэя. Он пишет, что Берия работал с помощью мощного аппарата. В состав Спецкомитета по производству атомной бомбы вошли: обер-полицай Берия, партийный обер-чиновник (секретарь ЦК) Маленков, обер-плановик (председатель Госплана) Вознесенский, обер-оружейник Ванников, обер-строитель и одновременно главный тюремщик За-

⁴⁸⁵ Там же, с.354-355

венягин, правительственный куратор Первухин. Из ученых в Спецкомитет вошли только Курчатов и Капица.

Таким образом, созданный для производства бомбы аппарат кардинально отличался от проекта академика Рождественского, который на мартовской сессии АН СССР 1936 г. предложил: связать разные области физики с соответствующими направлениями развития промышленности и создать аппарат по управлению этим процессом. Его предложение не получило поддержки. Вместо него возник прецедент *единства* репрессивного, партийного, планового, военно-промышленного и тюремно-строительного аппарата, в котором наука выполняла роль холуя.

Как сформулировать эту проблему? Шпионскую информацию получали только Курчатов и Харитон, которые использовали ее при конструировании бомбы. За исключением руководства «...ученые и инженеры, создававшие первую советскую атомную бомбу, не знали, что копируют американскую конструкцию»⁴⁸⁶. Таким образом, политическое и научное руководство проектом шло на сознательный плагиат. Эпигонство – родовое свойство политической и идеологической бюрократии. Британский историк собрал материал, который позволяет утверждать: научно-техническая разведка и аппарат управления наукой в СССР закрепляет и усиливает это свойство. Не исключено, что разведчики рассматривают ученых как конкурентов, которые отнимают у них хлеб. Под таким углом зрения можно рассматривать деятельность советского правительства и всей системы внешнего и внутреннего шпионажа.

Возможность такого подхода вытекает из отношения между учеными, военными и политиками, которое сложилось в период создания бомбы. Предметом разногласий было положение ученых в обществе. Рассмотрим конкретные позиции.

В США на всем протяжении производства атомной и водородной бомб позиции ученых, военных и политиков противостояли друг другу. Например, Главный консультативный комитет на заседании 28-30 октября 1949 г. (в составе Д.Конанта, Э.Ферми, И.Раби, Р.Опенгеймера) единодушно высказался *против* развертывания работ по созданию водородной бомбы. При этом ученые выдвинули

⁴⁸⁶ Там же, с.189. Советский шпион Фукс помог проекту в двух направлениях: способствовал развертыванию проекта во время войны и передал детальное описание конструкции плутониевой бомбы. По мнению Д.Холловэя, разведка сэкономила Советскому Союзу 1-2 года. Там же, с.294

технические, теоретические и экономические аргументы против бомбы (неясно, будет ли водородная бомба дешевле атомных бомб, если сравнить их разрушительную мощь с затратами?), а также моральные соображения (водородная бомба станет средством массового уничтожения гражданского населения).

Главный аргумент военных (члены Объединенного комитета начальников штабов) за производство бомбы состоял в возможности такого оружия у противника. Для выработки рекомендаций был учрежден комитет в составе Д.Ачесона (госсекретарь), Л.Джонсон (министр обороны) и Д.Лилиенталя. На аргументы Оппенгеймера против производства бомбы Ачесон ответил: «Как вы можете убедить разоружиться противника-параноика посредством собственного примера?»⁴⁸⁷. 31 января 1950 г. Трумен дал приказ о производстве, который поддержали конгресс и пресса.

Предложения американских ученых о запрете производства водородной бомбы исходили из сочетания научного понимания и моральной ответственности. Но нет советских источников, которые доказывали бы, что взгляды политиков и ученых СССР на значение водородной бомбы не совпадали. Взгляды Сахарова соответствовали взглядам Теллера (а не Оппенгеймера): «Никто из его коллег ... не думал иначе»⁴⁸⁸. В отличие от американских ученых решение о разработке водородной бомбы рассматривалось советскими учеными как логический шаг и не вызывало угрызений совести.

Исключением из правил было поведение П.Л.Капица. В мае 1945 г. он стал Героем Социалистического Труда за создание жидкого кислорода для металлургической и химической промышленности. Капица отстаивал позицию: наука должна занять место, аналогичное роли патриарха в допетровской Руси (когда церковь была носителем культуры). Согласно Капице, ученые должны быть идейными руководителями советского общества, фундаментом научного, экономического и политического прогресса. Капица предлагал поднять ученых до патриарших чинов. Только тогда они могут служить своей стране. Он раньше других понял, что ученых ставят в положение холуев. 3 октября 1945 г. он направил Сталину письмо, в котором просил освободить его из состава Спецкомитета и технического совета.

⁴⁸⁷ Холловэй Д. Указ.соч., с.392

⁴⁸⁸ Там же, с.414

Сталин не ответил на это письмо. 25 ноября 1945 г. Капица опять пишет «корифею науки», предлагая более дешевый, быстрый и оригинальный путь создания бомбы за два года. Научная база должна быть усилена за счет улучшения благосостояния ученых, повышения уровня высшего образования, организации производства научных приборов. Политик должен выбрать один план и одного генерала, который его выполнит. Для этого требуется доверие между учеными и государственными деятелями. По наблюдениям Капицы к нему прислушивались, когда он возглавлял Главкислород: «Капица-администратор привлекал больше внимания, чем Капица-ученый с мировым именем»⁴⁸⁹.

П.Л.Капица предлагал встретиться с Н.Бором, который уже раньше предлагал встречу советских и западных ученых для обсуждения последствий создания атомной бомбы⁴⁹⁰. Вместо Капицы Берия послал на встречу с Бором Т.Терлецкого - научного советника «Отдела С» НКГБ: «Миссия Терлецкого свидетельствует об огромном недоверии со стороны Берии как к разведывательным данным, так и к тому, что говорили советские ученые»⁴⁹¹.

Капица полагал, что секретность поставила ученых в абсурдное положение: «Вместо обмена своими достижениями с коллегами за рубежом они должны переоткрывать то, что уже открыто. Для мировой науки и техники это самый нездоровый путь развития»⁴⁹².

Не дождавшись решения этих проблем, 19 декабря 1945 г. Капица ушел из атомного проекта. По мнению Д.Холловэя, Капица отказался выполнять правительственное задание по созданию атомной бомбы из-за недопустимого отношения Берия к ученым. Его уход был мотивирован личными мотивами (неприятием отношения Берии к ученым и политики копирования американского пути), а не моральным и политическим сопротивлением созданию бомбы. В июле 1952 г. Капица опять писал Сталину о бедственном состоянии советской науки. Ученые и политики осознавали отсталость советской науки и техники. В 1955 г. Капица писал уже Хрущеву: ученые боятся мыслить самостоятельно; после того как ученые начали получать высокую зарплату, наука привлекла людей,

⁴⁸⁹ Там же, с.191

⁴⁹⁰ Н.Бор был осведомлен о работах советских физиков. Видимо, это было причиной его усилий в 1944-1945 гг. против гонки ядерных вооружений. Там же, с.104

⁴⁹¹ Там же, с.194

⁴⁹² Там же, с.195

способных продвигаться только бюрократическими методами; они блокируют настоящих ученых и угрожают задушить науку; особенно вредно декретирование научной истины отделом науки ЦК; организация научной жизни должна основываться на мнениях, сформулированных в процессе открытой дискуссии⁴⁹³.

Позицию Капицы спустя почти десять лет поддержал только Л.Ландау. Он согласился работать над ядерным проектом ради защиты от произвола, но считал, что эта работа отвлекает от настоящих исследований. Поэтому в 1954 г. (после смерти Сталина) он вышел из проекта: «Отношение Ландау было скорее исключением, чем нормой, и исхода ученых из проекта не последовало»⁴⁹⁴.

Итак, Холловэй подменяет политическую проблему отношения между наукой и властью личными отношениями между конкретными людьми. Таков обычный либеральный стандарт при описании социальных явлений. Между тем тоже бывший ростовчанин А.Бовин (пробившийся в спичрайтеры в эпоху «укосыживания безбрежности») показал, что этот стереотип мышления (он называет его допотопным) – сведение политических проблем «к разного рода козням, интригам, проискам» имеет институциональное воплощение - типичен для нынешних сотрудников КГБ и ГРУ⁴⁹⁵. Опять «странные сближения»...

Курчатов, Сахаров и прочие занимали другую позицию: верили в правоту своего дела независимо от мыслей о сталинском режиме и политике. Например, в марте 1948 г. в речи при начале сборки реактора в Челябинске-40 Курчатов утверждал: «Город наш тогда станет памятником миру»⁴⁹⁶. Курчатов подписывал письма и меморандумы «солдат Курчатов». Катастрофическое положение страны после войны не остановило Сталина: он приказал Курчатову организовать проект с русским размахом. Командная экономика была создана для удовлетворения запросов вождей любой ценой, а никакие иные потребности в расчет не принимались.

⁴⁹³ Там же, с.461-463

⁴⁹⁴ Там же, с.383

⁴⁹⁵ См.: Бовин А. 5 лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (из дневника). М., Захаров, 2003, с.292

⁴⁹⁶ Холловэй Д. Указ.соч., с.249. Интересно, думают ли сегодня жители Челябинска о том, что они служат «памятником миру»?

После взрыва атомной советской бомбы вождь, члены его клики и подручные ученые возрадовались и возвеселились⁴⁹⁷. И тут же начали делать водородную бомбу в духе соперничества с США. Фукс говорил, что в 1947 г. советская разведка просила его передавать любую информацию о «третиевой бомбе». Группа Зельдовича пользовалась развединформацией из США. Сахаров незадолго до смерти (в 1989 г.) сказал: создание водородной бомбы оправдано, несмотря на то, что ученые давали оружие в руки Сталина-Берия: «Тут интерес вызывала грандиозность проблем, возможность показать, на что ты сам способен – в первую очередь, самому себе показать»⁴⁹⁸.

Экономист Е.С.Варга тоже написал записку в ЦК, в которой утверждал: буржуазия в результате двух мировых войн усвоила, что они заканчиваются революциями; империалистический лагерь превратился в единый военный союз; заинтересованность буржуазии в защите от социализма сильнее ее внутренних противоречий; крайне трудно вообразить конкретно новую войну между империалистами. Отсюда вытекала ложность тезиса Ленина о неизбежности войн, в том числе между капитализмом и социализмом. Сталин написал «Экономические проблемы социализма в СССР» для опровержения Варги. Он полагал, что Советскому Союзу надо быть готовым к войне. Поскольку движение за мир не может устранить войну в принципе, СССР не должен ослаблять военную мощь. Пока существует империализм, война неизбежна.

Какова же оценка Д.Холловэем позиций советских физиков и экономистов? По его мнению, письмо Капицы подняло два ключевых вопроса:

1. Был ли у СССР более дешевый и быстрый путь к бомбе, на чем настаивал Капица? На этот вопрос Холловэй отвечает так: «Неясно, что он (П.Капица, - В.М.) имел в виду и имел ли он в виду вообще что-либо конкретное... Имело смысл прежде всего использовать разведывательную информацию о проекте Манхеттен, а не ис-

⁴⁹⁷ 29 октября 1949 г. Совмин принял подготовленное Берией секретное постановление: кого могли расстрелять при неудаче – стал Гертрудой (Курчатов, Харитон, Щелкин, Зельдович, Флеров, Садовский, Духов, Алферов, Доллежал, Бочвар, Виноградов, Хлопин, Ванников, Завенягин, Первухин, Музруков, Зернов, Славский), кому грозил большой срок – получил орден Ленина и т.д. Н.Риль - единственный немец-Гертуда за работу по обогащению урана и получению металлического урана. Их детям было дано право получить образование за казенный кошт в любом вузе, право бесплатного проезда для себя и членов семьи, дачи.

⁴⁹⁸ Там же, с.388

катель альтернативный, собственный путь ее создания»⁴⁹⁹. Значит, автор высказывается в пользу советского атомного шпионажа. Здесь, на мой взгляд и зарыта собака: заимствование уже изобретенных конструкций ставило СССР в положение эпигона и, тем самым, избавляло англичан и американцев от конкуренции. Как говорит мой друг-физик: «После атомного проекта мы до сих пор смотрим в ж... Америке!»

2. Какова была роль ученых в управлении атомным проектом? По мнению автора, назначение научных комиссаров позволило обеспечить грамотные действия официальных лиц. Он считает, что Курчатов как раз и был научным комиссаром при Берии и Ванникове. Научные советники и политическое руководство эффективно сотрудничали. В свою очередь, Курчатов, Харитон и Сахаров считали Берию способным администратором. Однако могли ли научные комиссары сместить командира и даже расстрелять его, как это было на фронтах гражданской войны и советско-германской – в первый период? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы убедиться в далеко не безобидной межеумочности Д.Холловэя.

На деле большинство уцелевших в репрессиях ученых не отвергало допустимость руководства наукой со стороны политических и военно-полицейских структур. К этой точке зрения примыкает и автор. По сути, он дезавуирует позицию Капицы, но в соответствии с либеральным шаблоном пишет: награды указывали на смену отношения режима к науке, но не принесли ей пользы. Прав был Капица: если ученые получают награды, наука становится центром притяжения для далеко не лучших людей. Как же относиться к людям, стремящимся к наградам? А.И.Солженицын заметил: «Сопrotивление русского населения большевикам (без чего мы не имели бы вообще права звать себя народом) – споткнулось, свернуло с пути во многих отношениях»⁵⁰⁰. Означает ли это, что награды ученым от советской власти блокировали становление русского народа, но способствовали формированию внутри него особой группы? Видимо, на этот вопрос, смог бы ответить только бывший ростовчанин, а теперь покойный «властитель дум»...

Первая советская атомная бомба - копия американской, зато водородная бомба была оригинальным проектом (хотя украдена у

⁴⁹⁹ Там же, с.192

⁵⁰⁰ Солженицын А.И. Двести лет вместе. Часть 2. М., Русский путь, 2002, с.158

англичан). Она была взорвана 12 августа 1953 г. Опять последовала серия наград. Гертрудами стали Сахаров, Зельдович, Тамм⁵⁰¹, Курчатов, Харитон, Александров, Константинов, Духов, Ванников, Алиханов, Ландау и Щелкин. Из них 7 избраны академиками, 2 – член-коррами АН СССР, которая окончательно стала элементом ВПК.

В главе «Россия после Сталина» автор отмечает, что Берия был низвергнут потому, что другие члены сталинской клики опасались: он может использовать атомную бомбу в случае государственного переворота. Но на других постах остались те же люди. В период 1949-1955 гг. СССР взорвал 19 бомб с тротилловым эквивалентом от 20 килотонн до 1,6 млн. тонн⁵⁰². По мнению Холловэя, только при Хрущеве и в последующие годы позиция советского руководства стала шизофренической: «Признание разрушительных последствий ядерной войны, представляющих равную опасность как для Советского Союза, так и для Запада, и официальная точка зрения на то, что эта война означала бы конец капитализма»⁵⁰³.

Примечательно, что политику Сталина и ее непосредственное воплощение в деятельности аппарата МВД-МГБ автор исключает из предпосылок шизофрении, возлагая ответственность только на Н.С.Хрущева. Здесь его позиция совпадает с политикой редколлегии «Военно-исторического журнала» и подобных ей российских «ястребов» из числа публицистов, ученых и политиков⁵⁰⁴.

В сентябре 1953 г. генерал-майор Н.Таленский (редактор журнала «Военная мысль») опубликовал статью «К вопросу о характере законов военной науки». В ней утверждались prerogatives военных: главный предмет военной науки - вооруженный конфликт (сфера действия военных), а не политический характер войны (сфера действия политиков и идеологов). После назначения Жукова министром обороны (февраль 1955 г.) военные начали пересмотр историографии войны и возложили на одного Сталина ответствен-

⁵⁰¹ В ответ физики МГУ написали телегу в ЦК на Тамма, обвиняя его в политической неблагонадежности, бесполезности в физике, меньшевизме, общении с предателями и шпионами. Но политические инсинуации не помогли.

⁵⁰² Там же, с.419

⁵⁰³ Там же, с.441

⁵⁰⁴ См., например: Русская доктрина (Сергиевский проект). Под ред. А.Б.Кобякова и В.В.Аверьянова. М., Яуза-пресс, 2007

ность за поражения и собственную бездарность. Эта оценка существует до сих пор, а ее пересмотр вызывает противодействие.

Я же отмечу: полемика о переоценке роли военных и политиков в советско-германской войне ведется до сих пор, и конца ей не видно; между тем более значимая проблема - как снять монополию военных, чекистов и политиков на изображение истории России и СССР? – почти не обсуждается.

Разумеется, английского ученого эта проблема не касается. Он считает, что успех ядерного проекта создал советской науке огромный престиж за рубежом и дома. Сталин и Берия презирали ученых, но разработка атомной и водородной бомб позволила ученым занять новое место в рамках режима. В итоге исследования в области управляемого термоядерного синтеза пошли в военном направлении. В СССР и США они рассматривались как естественный элемент усилий по созданию термоядерного оружия.

Хрущев в середине 1950-х гг. начал возить с собой Курчатова в другие страны как члена делегации. Однако певец кукурузы брал в поездки только представителей военно-промышленного комплекса, а штатскими учеными пренебрегал. В мемуарах Хрущев пишет, что у него были три цели: поднять престиж советской делегации; помочь установить контакты с западными учеными; продемонстрировать полное доверие к советской интеллигенции. Английский переводчик Макинтош писал в одной из своих статей, что Курчатов и Туполев радуются популярности, престижу и считают себя нужными стране. В частном разговоре Курчатов сказал: «Концепция о преодолении наукой всех границ в настоящий момент неприемлема. Прежде всего он был русским, а потом - ученым»⁵⁰⁵. В ответ на этот пассаж поставлю вопрос: как бы советские вожди отнеслись к визиту Гитлера, который возил бы с собой ученых типа Й. Менгеле? Ведь они тоже были нужны своей стране...

Автор проводит параллель между Курчатовым и Иоффе. Оба считали: наука должна служить советскому государству, хотя является интернациональной; много сделали для восстановления раз-

⁵⁰⁵ Там же, с.469. Здесь вспоминается эпиграмма И.Сельвинского на А.Безыменского:

«Я, - говорит, - сперва партиец,

А стихотворец потом!»

Ждали мы этого «потом» лет тридцать –

И успокоились на том.

С этой точки зрения позиции Безыменского и Курчатова аналогичны.

рушенных связей с Западом. Иначе говоря, ученые начали высказывать точку зрения политиков (в данном случае Сталина).

В конечном счете, по мнению Д.Холловэя, Сталин направил Советский Союз на путь милитаризации, с которого его преемники уже не смогли сойти. Составные части милитаризации - командная экономика, военная промышленность (включая ядерный и ракетный комплексы) и огромный офицерский корпус. Они создали сильную внутреннюю динамику после Сталина во внешней и оборонной политике⁵⁰⁶. Изменения в американской политике того времени не смогли бы вызвать сдвиги в советской экономике. Никакой реальной возможности избежать разработки термоядерного оружия не было, поскольку Сталин оставил бы без ответа американское самоограничение. Все попытки представить альтернативное развитие послевоенных международных отношений рассыпаются при учете личности Сталина. Никогда зависимость политики от личности не была так велика, как в период Сталина. И все же автор считает, что разработчики бомбы проявили интеллектуальную общность и гражданское мужество⁵⁰⁷.

Нетрудно заметить противоречие в такой позиции: с одной стороны, военно-промышленный комплекс рассматривается как главный виновник послесталинской политики СССР (до 1990-х гг.); с другой стороны, ученые исключаются из числа виновников, хотя они были составной частью ВПК. Значит, английский историк науки разделяет стереотипы «культы личности», включая советскую диалектику и представление о безальтернативной истории.

Для дистанцирования от данных стереотипов и оценки советского атомного проекта у меня есть два предложения.

Во-первых, использовать концепт техно-якобинства, сформулированный И.С.Дмитриевым при описании взаимодействия между наукой и властью в революционной Франции и в период Наполеона. Ученые холуи Бонапарта были убеждены: процветание страны невозможно без подчинения науки государству, и обосновывали марьяж интеллектуалов и политиков. Так появился тип техно-якобинца – солдата партии с научно-техническими познаниями. Фактически этот сброд (в смысле - сборище случайных людей) образовал замкнутый круг лиц, связанных отношениями патронажа и

⁵⁰⁶ Там же, с.478

⁵⁰⁷ Там же, с.480

родства. Сам факт привлечения ученых для выполнения правительственных задач существовал при старом режиме. Но раньше ученые не имели властных полномочий. Революция открыла им дорогу в мир политики. Многие заняли государственные посты. Это повышало их социально-политический статус, но одновременно ставило проблемы политического выбора и ответственности.

Техно-якобинцы подписывали смертные приговоры коллегам. А после Термидора начали скулить: мы, люди науки, рядовые солдаты партии; находясь у власти (т.е. у государственного корыта), выполняли гражданский долг; поэтому не отвечаем за ошибки и преступления главарей. А бывшие главари бубнили: мы выполняли волю народа и его лучших представителей - людей науки; поэтому ни в чем не виноваты. Эта схема мысли и поведения популярна до сих пор. Порочный круг единства народа и главарей пока не удалось разорвать⁵⁰⁸.

Именно во время французской революции Карно выдвинул идею: народ может ошибаться, но не может быть виновным; каждая политическая мера законна, если ее требует безопасность государства. На основе критерия госбезопасности выдвигался тезис о политической нейтральности науки и техники, включая подписание смертных приговоров: «Будучи человеком системы, ученый и инженер, попавший во власть, становится частью государственной машины и подчиняется *raison d'état*»⁵⁰⁹.

Во-вторых, среди золотарей существует иерархия профессий «черполея» (кто непосредственно черпает дерьмо) и «на подхвате» (кто тащит вверх ведро с дерьмом). И вдруг человек «на подхвате», уронил ведро с дерьмом. Естественно, оно обрушилось на черполея. Тот кричит: - Эх, Ванька, век тебе черполеем не быть, всю жизнь будешь на подхвате!.. Предлагаю перечитать книгу Д.Холловэя, чтобы глубже узнать: к какой позиции примыкает автор этого замысловатого трактата?

На мой взгляд, к общей оценке концепции Д.Холловэя приложима констатация Г.Флоровского относительно другого духовно-политического феномена XX века: «В евразийстве оживает пресловутое змеиное положение о разумности действительности

⁵⁰⁸ См.: Наука и кризисы., гл.3

⁵⁰⁹ Наука и кризисы., с.219

и действительности разумного»⁵¹⁰. Как хорошо известно, сегодня даже кабаки называются «Евразия». Неужели не только геополитика, но и история науки могут служить пристанищем для выползков?..

⁵¹⁰ Флоровский Г.Ф. Евразийский соблазн // Мир России – Евразия. Антология. Сост. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. М., Высшая школа, 1995, с.358

Глава 11.

О чем думает «научное поголовье»?

Как уже говорилось, термин «научное поголовье» М.К.Петров использовал для описания свойств массовой науки. Покажу эвристичность данного термина на конкретных примерах нынешнего дня.

В Российской академии наук существует Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. С 2006 г. она издает Бюллетень «В защиту науки». В нем публикуются статьи по острым проблемам науки, общества и политики. Уже накоплен солидный материал, требующий анализа⁵¹¹. В 2009 г. ученые написали Открытое письмо Президенту РФ. Основное содержание письма сводится к констатациям: нынешнее поколение ученых вымирает; научного задела на будущее нет; в Российской академии наук средний возраст ученых около 59 лет, многим далеко за 60; молодежь не хочет идти в науку, стремится получить образование и укатить на Запад. В начале 2011 г. число подписавших письмо перевалило за 2000⁵¹². По данным Росстата в 2008 г. число ученых в России составляло 375 тыс. Значит, более 0,5% ученых уже заняло определенную позицию. Если наберем в сторонники еще примерно столько – число будет соответствовать политически значимой микротенденции⁵¹³.

Открытое письмо породило виртуальные следствия. Осенью 2009 г. в Санкт-Петербурге состоялся круглый стол на тему «Ученый и власть». Весной 2010 г. материалы круглого стола изложены в небольшой книге⁵¹⁴. Затем редакционная версия этого события

⁵¹¹ См.: <http://www.ras.ru/digest/fdigestlist/bulletin.aspx>

⁵¹² См.: http://www.polit.ru/science/2010/07/14/press_conf_eo_mg_ab.html

⁵¹³ См.: Пенн М.Дж. Микротенденции: маленькие изменения, приводящие к большим переменам. М., АСТ, 2009

⁵¹⁴ См.: Ученый и власть: круглый стол, 12 ноября 2009 г. – СПб.: СПбГУП, 2010

опубликована в журнале «Человек»⁵¹⁵. Летом 2010 г. в Москве вышел также сборник статей «Подвластная наука? Наука и советская власть»⁵¹⁶. В этом сборнике содержится историко-научная реконструкция негативного опыта сосуществования науки и СССР. Опыт борьбы ученых за автономию своей личности и за автономию науки сегодня представляет особый интерес, поскольку власть стремится аннигилировать Российскую Академию наук. Осмысление этого опыта может дать импульс свободе личности и свободе научного поиска.

Свой подход к проблемам «наука и политика», «ученый и власть» я сформулировал еще во время написания кандидатской диссертации, а в последние годы его многократно обновлял. Здесь изложу взгляды коллег и выскажу несколько комментариев.

11.1. Исходный сюжет и мнения группы поддержки

Круглый стол на тему «Ученый и власть» был организован Санкт-Петербургским гуманитарным университетом профсоюзов совместно с редакцией журнала «Человек». В его работе приняли участие известные историки науки, философы, писатели, политологи, культурологи.

Дискуссию открыл ректор СПбГУП, профессор А.С.Запесоцкий⁵¹⁷. Он напомнил, что вожди СССР отучили ученых от диалогов с властью. Однако в 1990-е гг. диалог восстановился, а в 2009 г. обострился. Поводом стало упомянутое письмо. Бывшие советским гражданам надоела нищенская жизнь ученых в России. Они уехали в иные страны, теперь там работают. А.С.Запесоцкий возмутился этим фактом. Считает, что они решили «продаться Западу». И взял прокурорский тон: «Не дав компенсации Родине, они выехали за границу. А теперь оттуда критикуют организацию научной жизни России» (Все цитаты приводятся по тексту книги «Ученый и власть», В.М.).

⁵¹⁵ См.: Ученый и власть. Круглый стол журнала «Человек» и Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов // Человек. 2010, № 3

⁵¹⁶ См.: Подвластная наука? Наука и советская власть. Рос.акад.наук, Ин-т философии; сост., научн.ред. С.С.Неретина, А.П.Огурцов, М., «Голос», 2010

⁵¹⁷ См.: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B5%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80_%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87

По мнению А.С.Запесоцкого, письмо западных ученых организовано отечественными чиновниками, которые такими происками хотят истребить Российскую академию наук. Письмо уже инициировало очередной виток нападок власти на науку. А.С.Запесоцкий считает, что среди авторов письма из-за рубежа всего 2-3 ученых мирового уровня. Остальные «третьесортные» (или «пятые-мохнатые», как мы шутили в детстве, В.М.). Они устроились на Западе, теперь хотят получить экстраусловия в России. Отечественные светила мировой науки работают в стране и ничего не просят. Получают зарплату в несколько тысяч рублей, молодежь работает почти бесплатно. Поэтому ученые стоят перед выбором: измена Родине или жизнь в нищенских условиях.

В этом месте А.С.Запесоцкий плюнул вслед паровозу - возмутился тем, что в начале 1990-х годов «третьесортный» преподаватель научного коммунизма Г. Бурбулис и «второсортный» макроэкономист Е. Гайдар разработали модель экономического развития России. РАН предсказывала провал гайдаровской реформы. Это подтвердилось: страна прошла через «шоковую терапию», уровень производства упал до показателей 1960-х годов, экономика разрушена. Ученые России и США (включая Нобелевских лауреатов) дважды (в 1996 году и 2000 году) предупреждали правительство России в гибельности избранного пути. Власть пренебрегла советами. Продолжает свой пагубный курс. Значит, научные рекомендации власти не нужны. Она сращена с крупным капиталом, обогащается за счет народа. Отсюда национальный позор – Россия не может угнаться за Китаем! Одновременно власть затеяла демагогические разговоры об инновациях и нанотехнологиях. Один губернатор (А.С.Запесоцкий не указал фамилию, имя, отчество...) получил деньги из бюджета на ремонт дорог тогда, когда написал в заявке, что будет ремонтировать дороги с помощью нанотехнологий.

Затем профессор похвалил компанию, к которой принадлежит сам - в соответствии с классической советской классификацией социальной структуры: «два класса, одна прослойка». Но он углубил эту схему, вынув из сундука еще более ветхую идеологическую тряпку: российский ученый всегда интеллигент, - т.е. хорошо образован, обладает интеллектуальной независимостью, является «совестью нации». Ученый без совести может быть, бессовестных интеллигентов не бывает, - срезонировал А.С.Запесоцкий. Если

власть действует во вред народу - интеллигенция должна быть в оппозиции; если власть действует во имя народного блага, оппозиция бессмысленна. По мнению А.С.Запесоцкого, драма в том, что интеллектуально независимых людей мало. Работники РАН интеллектуально частично независимы от власти, но экономически и административно продолжают от нее зависеть. Ректоры вузов (включая докладчика) полностью зависят от власти.

Еще чуть спустя ректор гуманитарного университета всколыхнул прах двух советских академиков - физика-атомщика А.Сахарова и филолога Д.Лихачева. Со ссылкой на их социально-политический габитус А.С.Запесоцкий предложил две модели отношения между ученым и властью. Модель Сахарова такова: на основе авторитета в стране и за рубежом ученый заявляет о безнравственности власти и вступает с ней в конфронтацию. Модель Лихачева иная: сотрудничество с властью. Он не сбежал на Запад, не подписывал никаких писем и не писал доносов. Зато все чаще выступал по морально-нравственным проблемам. Своим авторитетом он начал давить на власть, балансируя на грани возможного и невозможного. За ним следил КГБ СССР. Его избили в подъезде собственного дома, дочь сбил автомобиль. Но вслед за Сахаровым Лихачев не поддавался соблазну денег. Оба могли бы жить богато в советское время на валютные гонорары, но не отступали.

Суждения А.С.Запесоцкого были поддержаны некоторыми участниками круглого стола. Профессор А.В.Воронцов (директор библиотеки РГПУ им. А.И.Герцена и член Союза писателей России) напомнил слова П.Л.Лаврова о неоплатном долге интеллигенции перед народом. Если с этой меркой подойти к российскому обществу, то мало интеллигентов честно служит отечеству и народу. Большинство приспосабливается, служит власти, чиновникам, олигархам. Не любит ни страну, ни народ.

А.В.Воронцов сослался на то, что Президент РФ Дмитрий Медведев уже не раз призывал верно отражать историю. Однако на днях, - сетует профессор, - я присутствовал на конференции, посвященной значению Великой Октябрьской социалистической революции. Чего я там только не наслушался от маститых ученых Москвы, Санкт-Петербурга! Чаще всего звучало: «Это заварушка, кровавый переворот, потому что в этот день булки не завезли, по-

этому недовольные солдаты напились допьяна и пошли штурмовать Зимний дворец».

А.В.Воронцов назвал это «кухонной историей». И впал в сокрушение: «Когда она преподносится из уст людей, называющих себя учеными, меня дрожь пробирает. Куда мы идем? Октябрьская революция была великой и потрясла мир. За 6 месяцев советская власть была установлена во всей огромной стране, большевики спасли империю, которую царизм потерял. Разве это минус? Большевики отразили напор 14 государств Антанты, а значит, эта революция была поддержана народом. Я постоянно говорю, что трагедия русской революции в том, что в большей степени ею воспользовались другие страны и народы. Благодаря Октябрьской революции рухнула колониальная система империализма.

А сколько сейчас пишут небылиц о Великой отечественной войне! В последнее время в этот процесс включается Русская православная церковь. Отдельные представители Русской зарубежной церкви стояли на стороне фашизма и ждали поражения России. Но и сегодня профессор Духовной академии (А.В.Воронцов не назвал имя или редакторы изъяли имя из текста, В.М.) пишет одну статью за другой о том, что нужно воссоздать общество предателей-власовцев. Так разве мы можем идти вперед? Поэтому я призываю нашу интеллигенцию служить своему отечеству и народу».

Первый комментарий. Главная идея доклада А.С.Запесоцкого может быть обозначена как плач о гибели русской науки – по аналогии с древним религиозно-литературным жанром, восходящим к Ветхому Завету. А.С.Запесоцкий актуализировал иеремиаду, включив в нее определенные смысловопли: если ученые жалуются вершине власти своей страны на свое бедственное положение – это явление нормальное; если же ученые, никому не жалуясь и никого не спрашивая, переезжают в другую страну из-за переплетения плохих материальных условий в своей стране с невозможностью профессиональной самореализации в ней – это измена Родине; рекомендации АН СССР о том, как надо было развиваться стране в 1990-е годы, являются абсолютной истиной; сочинение доносов – норма жизни советских ученых, поскольку уникальность Д.Лихачева (как утверждает А.С.Запесоцкий) состоит в том, что он

доносов не писал⁵¹⁸; отставание России от Китая - национальный позор.

Вначале мне стало жалко китайцев. Сегодня в Китае живет около полутора миллиардов человек. А в России всего около полутора сотен миллионов громадян. Следует ли отсюда, что один россиянин прогрессивнее десяти китайцев? Откуда взялся снобизм русских в отношении китайцев?

Для ответа пришлось нырнуть в библиотеку. Русский писатель В.Крестовский в 1880-1881 гг. участвовал в походе из Одессы в Японию. Среди прочих стран посетил Китай: «Было пыткой стоять на солнцепеке и нюхать в непосредственной близости специфический запах китайцев, состоящий из смеси касторового и кокосового масла, чеснока и пачули»⁵¹⁹. Одновременно Крестовский констатирует: в китайских театрах для мандаринов и ученых людей всегда имеется особые почетные места, соблюдается строгое различие между чинами и сословиями. Купец не может сидеть рядом с мандарином, а чернорабочий с купцом: «Это черта народа гражданственного и, что главное, убежденного в превосходстве своей гражданственности»⁵²⁰.

Итак, русский путешественник морщится от китайской вони, но одобряет китайский пиетет перед саном и властью, считая его признаком «гражданственности». Значит, ксенофобия может существовать даже на уровне обоняния – с одновременным ее уравниванием соображениями социально-политической иерархии. Для пропорции надо бы привести мнение китайцев о том, как воняют остальные народы (включая русских, ведь мы тоже не дураки закусить водку чесноком или луком...) и как китайское обоняние связано с китайской оценкой чужеземных представлений о чине и власти. Таких записок мне не попадалось.

Зато подвернулись под руку «Путевые впечатления в России» Александра Дюма. В главе под названием «Как вас обслуживают в России» французский писатель сообщает: «Мужику свойствен совершенно особый запах, известный во Франции под названием «русская кожа». Мужик ли придает этот запах коже, кожа ли – му-

⁵¹⁸ Однако А.С.Запесоцкий не привел доказательств, что Д.Лихачев не писал доносов. Это еще раз свидетельствует о значимости проблемы люстрации советского истеблишмента, включая научный.

⁵¹⁹ Крестовский В. В дальних водах и странах. Москва, Центрполиграф, 2002, с.341

⁵²⁰ Там же, с.328

жику? Глубокая и таинственная загадка, так до сих пор и не решенная. Но как бы там ни было, моя комната до того пропахла русской кожей, или мужиком, что я вынужден был распахнуть окна и пожечь немного ароматического уксуса»⁵²¹.

Эту загадку оставлю читателям... А сам рассмотрю следующий тезис А.С.Запесоцкого. Речь идет о социальной сути жалобы как жанра литературы⁵²². Жалоба – составная часть бюрократического управления государством. Она создает у подданных чувство некоторой свободы в отношении чиновников низших уровней. Эта «свобода» связана с культивируемым убеждением: вершина власти всегда готова реагировать на социальную несправедливость и бедствия народа. Такая иллюзия связывает подданных с правительством. Подавая жалобу, подданный заявляет о своей солидарности с вершиной власти. Признает эффективность государственного управления в целом, ведь обжаловаться могут только отдельные факты. Тем самым существующее управление в целом признается вполне пригодным. Задача может состоять только в улучшении частностей. Но такого же мнения придерживаются чиновники. Поэтому по числу и частоте подачи жалоб можно судить о том, насколько бюрократическое управление преобразовалось в стереотип массовой политической психологии.

При этом вершина власти осознается как средоточие порядка, истины, блага и справедливости. Это убеждение типично бюрократическое: чем выше в иерархии стоит лицо или орган – тем больше они квалифицируются как сгущение познавательных, моральных и политических ценностей. Жалоба свидетельствует о глубоком проникновении в сознание подданных принципа иерархии. Между моментами подачи жалобы, ее рассмотрения, принятия решения и изменениями (которые всегда гипотетичны) располагаются более или менее длительные промежутки времени. Гражданин превращается в просителя. Это тягостно для его достоинства. Но жалоба не останавливает бюрократическую машину. Перегруппировка лиц или органов, которая может быть вызвана жалобой, вполне вписывается в бюрократическое отношение и ничем ему не грозит.

Оборотная сторона жалобы – приписывание всеобщности мнениям должностных лиц. Как правило, они интересуются не столько

⁵²¹ Дюма А. Путевые впечатления в России. В 3-х тт. Т.1. М., Ладомир, с.413

⁵²² См.: Макаренко В.П. Жалоба // Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993

познанием стоящих за жалобой явлений, стоящих за жалобой, сколько политической квалификацией любых суждений. Представитель власти обычно осознает себя как тождество познавательных, моральных, политических и идеологических ценностей. В результате истинность приписывается мнениям людей, занятых в аппарате власти. Толкование всех остальных мнений оказывается привилегией бюрократии.

Итак, докладчик и часть дискутантов воспроизвели шаблоны советского государства и бывшей официальной идеологии, включая два неписанных права: право подданных жаловаться на свое бедственное положение; право высшего лица государства устанавливать историческую истину. Сам факт написания и публикации Открытого письма свидетельствует, что стандарты бюрократического управления государством до сих пор признаются нормой, даже среди ученых. Ведь никто из участников круглого стола их не заметил и не сделал предметом обсуждения. Зато к праву высшего лица государства устанавливать истину коллеги отнеслись кисло.

11.2. Пляска дикарей и расхожие пошлости

По мнению М.А.Сорокиной (Архив РАН), изложенная в докладе А.С.Запесоцкого история Академии наук СССР в XX веке не выдерживает никакой критики. В СССР был создан образ «советской науки». В современной России создаются мифы о русском «научном андерграунде» и «репрессированной науке». Все эти мифы нужно отвергнуть.

И. С. Дмитриев (СПбГУ) сказал, что история российской/советской науки всегда вызывала у него «нравственное противодействие». Русская революция в основном повторила французскую. Ленин с Дзержинским даже прикидывали, кем бы они могли быть в революционной Франции. Якобинцы уничтожили сотни людей, в том числе ученых Французской академии наук. Причины французского и советско-российского террора сходные: естественные науки отказываются от создания национальной индустрии; гуманитарные науки востребуются лишь тогда, когда власть хочет силу слова превратить в силу власти. Вот и Президент РФ Дмитрий Медведев с помощью своего окружения занимается вопросами фальсификации истории.

История – капризная дама, особенно в России. У Ницше есть яркий образ: вокруг истукана идет пляска дикарей, которые ему поклоняются и подмигивают друг другу. И.С.Дмитриев полагает, что такова модель российской гуманитарной интеллигенции. Причем, это не уникальная история советского государства. Во все времена все правительства руководствовались тремя аргументами: безопасности (военной, экономической и пр.); финансовой, геополитической и иной выгоды (в этом отношении Россия вела себя глупо: завоевывала территории, с которыми не знала, что делать); престижа (ради этого России приходилось делать хорошую мину при плохой игре).

«Сейчас мы хотим создать замечательную историю, - продолжил И.С.Дмитриев, - и двигаться вперед, непонятно куда. Но в науке нельзя никого догнать». Российские специалисты уже не понимают, о чем говорят их зарубежные коллеги. Так что фраза на процессе Лавуазье «Республика не нуждается в ученых» актуальна в России. Но у нас «точка невозврата» (как говорят летчики) пройдена. Нынешняя власть любит говорить о модернизации. Однако за последние 100 лет (то есть после 1917 г.) это означало милитаризацию страны или заурядное воровство. Поэтому тема «ученый и власть» в России себя исчерпала. В России осталось мало специалистов мирового класса. Им не о чем говорить с властью.

Профессор И.С.Дмитриев назвал «расхожей пошлостью» сентенцию А.С.Запесоцкого об измене Родине. «А разве эта самая Родина, - поставил вопрос И.С.Дмитриев, - не предаст своих людей, в первую очередь одаренных и трудолюбивых?» И рассказал такой факт: приходит к нему первокурсник и уверяет, что хочет работать в России. Я говорю ему: «Хорошо. Но когда к IV или V курсу ты захочешь уехать отсюда, чтобы заниматься тем, чем хочешь, тогда приходи, я дам тебе адрес, куда обратиться». Пришел он ко мне за этим адресом уже на III курсе. Все лучшие уезжают. Так что надо ставить вопрос о родине, где остались третьесортные ученые, а первосортные все уехали на Запад. Но всю работу делают именно третьесортные, без них никакой Максвелл ничего не сделает».

И.С.Дмитриев напомнил, что Дмитрий Менделеев боролся за развитие индустрии, без которой страна не может существовать. Началась Первая мировая война, а в России химическая промышленность отсталая, при том что здесь жили великие химики – Мен-

делеев, Бутлеров и др. А что значит работать химиком в России? Колба разбилась – в черепках работали. При таком обеспечении много не сделаешь. Когда началась война, России не хватало снарядов. Металлические оболочки имелись, а начинки (взрывчатых веществ) не было, потому что сырье для взрывчатых веществ (бензолотолуол) мы получали из Германии. Началась война с Германией – все поставки прекратились. Вот и миллионы жертв. Тогда появляется в военном журнале статья «Не послушались Менделеева». На мой взгляд, если продолжить этот ход мысли, изменниками родины были и остаются далеко не ученые...

И.С.Дмитриев усомнился в Д.Лихачеве как эталоне нравственности. Специалисты знают, что Дмитрий Донской защищал интересы Тохтамыша, Чингизида, воюя против Мамаю, не Чингизида, и Тохтамыш говорил о «нашей» победе. Однажды в личной беседе И.С.Дмитриев сказал Д.С.Лихачеву: «Дмитрий Сергеевич, но Вы-то как специалист знаете, кем был Александр Невский?» Он ответил: «Да, я знаю. Но тогда у нас вообще никого не останется». Иначе говоря, соображения тоталитарной власти Д.Лихачев ставил выше исторической истины.

Ю. В. Зобнин (СПбГУП) тоже считает неуместным вопрос: предают или не предают родину ученые, выезжающие за рубеж? Во время противостояния СССР и капиталистического мира четко проходила граница: здесь – наши, там – чужие. В 1990-е годы Россия сделала выбор в пользу США, Израиля, Южной Кореи. Но по сравнению с европейскими демократиями Россия - страна отсталая в промышленном и в культурном отношении. Поэтому о Советском Союзе, его политике и амбициях надо поскорее забыть. Мертвого с погоста не воротишь. Россия хочет объединиться с Европой. Сейчас поездка в Великобританию, Францию или Германию не воспринимается как поездка в чужой мир. Поработав за рубежом, русские ученые будут возвращаться домой. Это станет обычным перемещением в едином культурном пространстве.

В заключение Ю.В.Зобнин отметил: «Нам хочется быть главными, но объективные процессы в мире уже совершенно другие. Власть обычно самоидентифицируется, развивая некую «национальную науку». Если власть равнодушна к науке и культуре, значит завершается бытие данной этносистемы в том виде, в каком она существовала до тех пор. Конечно, Россия погибнет, как все вели-

кие цивилизационные системы – Римская империя, Византия и др. Но смерть в истории не есть смерть в личности – это просто изменения и трансформация... Этот объективный процесс надо учитывать».

А. П. Марков (СПбГУП) оспорил тезис Запесоцкого о том, что А.Сахаров и Д.Лихачев олицетворяли два типа отношения к власти. На деле оба преданно ей служили. Для подтверждения он привел эпизод из жизни Сахарова. Когда тот открыл концепцию бомбы «Атлантида» (которая должна была полностью уничтожить Англию с островами и часть Западной Европы), он как ребенок прыгал от радости. Сахарова остановили военные, а не ученые. События последних лет его жизни, когда он стал диссидентом, не имеют отношения к Сахарову как ученому.

Г.М.Бирженюк (СПбГУП) напомнил, что экономическая программа академиков РАН Л.И.Абалкина и А.Г.Аганбегяна была возвратом к социализму и оказалась мифом. Со ссылкой на Аганбегяна Горбачев говорил, что скоро мы займем первое место в мире по развитию технологий в машиностроении. Можно сходить в магазин и убедиться, сколько и какой отечественной продукции там лежит на полках.

Стало быть, главные тезисы А.С.Запесоцкого были оспорены.

11.3. Нормальное сотрудничество ученого с властью?

Э.И.Колчинский (Санкт-Петербургский филиал ИИЕТ) отверг саму идею об интеллигенции как совести нации. Взамен Эдуард Израилевич предложил другой ход мысли. Взаимодействие ученого и власти сложно, особенно если власть преступная. Не бывает власти, которая хорошо бы относилась к народу. В России почти не было периодов, когда общество контролировало власть. Поэтому ученым не удавалось сохранить свои убеждения.

Эти послышки профессор Колчинский развил на примере В.И.Вернадского. Тот стоял у истоков советского уранового проекта, но не был вовлечен в создание атомной бомбы. Вернадский был в оппозиции к власти и во власти одновременно. До революции он был политическим деятелем, одним из создателей и членов ЦК партии кадетов. После революции его ценили как радиогеолога, но критиковали за биогеохимию. В 1950-е годы за биогеохимию Вернадского уже хвалили. Перестройка создала образ Вернадского -

честного человека, заступника за репрессированных, критика официальной советской философии. Вокруг его имени подняли шум. Его книги выходили тиражами в десятки тысяч. Затеяли издание полного собрания сочинений. Проводились посвященные ему конференции. Подготовлены к публикации дневники. Редко удается изучить чью-то жизнь и наследие столь всесторонне. Владимир Вернадский с детства хранил все свои заметки. Когда собрали их воедино, общая картина сложилась подробная.

Вернадский был интеллигентом, ученым, самостоятельным человеком. Но если рассматривать отдельные периоды его жизни, то можно считать его и образцом русской интеллигенции и приспособленцем, ничем не интересующимся, кроме получения денег.

Э.И.Колчинский крупными и точными мазками набросал эскиз жизненного пути ученого. Вернадский разрабатывал задачу свержения царского режима и создания рационального общества. Создал прекрасные проекты развития науки и образования в стране. При Временном правительстве стал председателем комитета в Министерстве сельского хозяйства, заместителем министра народного просвещения, разработал серию научных институтов. Но все его начинания останавливаются. Он хотел все это сделать ради народа. Оказалось: народу ничего подобного не нужно. В том числе - интеллигенция.

Происходит Октябрьская революция. Вернадский пытается организовать сопротивление. Подписывает письмо протеста, требует созыва Учредительного собрания. Но большевиков не покритикуешь. Вернадский уезжает на Украину. Там он занимается организацией Академии наук Украины. Но оказывается, что наука не нужна ни националистам, ни руководителям Белого движения, ратовавшим за «единую и неделимую Россию и российскую науку».

Вернадский в ужасе от происходящего. Называет людей варварами, каннибалами, свиньями. Говорит, что надо загнать в хлев эту «взбесившуюся конягу». Не видит ни одной идеологии, которая могла бы что-то противопоставить этому исступлению, включая Белое движение. Этот патриот постоянно думает: что лучше для России – победа французов, немцев, поляков или кого-то иного? В итоге приходит к выводу: лучше всего, если победят большевики; они – единственная сила, которая может совладать с хаосом гражданской войны; ничего страшного, если большевики установят

принудительный труд. Когда Вернадский стал главой Таврического университета, ему предлагают вернуться в Россию. Он собирался уехать за границу, но заболел тифом. В бреду ему показалось, что он призван стать великим ученым, что создаст миропасительную концепцию. Что на берегу Тихого океана будет построен институт, разрабатывающий его идеи. И там будет его молодая жена. Так Вернадский остался в России.

Он возвращается к большевикам в первый раз – и удивляется: никакой идеологии, мародерство, полный развал, Академия наук впала в рабское состояние, идут гонения на высшую школу, лучших ученых выслали из страны на так называемом «философском пароходе». (Главной целью преследований были не философы, многие из которых уже вполне приспособились к происходящему. Выслали прежде всего ректоров, деканов и профессоров, которые имели авторитет у студентов и представляли угрозу режиму). В этих условиях Вернадский считает, что ему тоже надо уехать за границу. Большевики отпускают его вместе с женой во Францию, в Сорбонну. Вернадский становится академиком Парижской академии наук, читает лекции, печатает книги. Но проходит год-другой, а его книгами никто не интересуется. Вернадский размышляет о переезде в США, но и там его идеи никому не нужны.

Тогда он начинает думать, что главное – спасти науку, остальное преходяще. Переговоры о возвращении были трудными, но успешными. Вернадский удачно сторговался: если ему дадут то-то и то-то, - он вернется. Но ученый рисковал жизнью. Когда у Дзержинского спросили, как они поступят с Вернадским, тот ответил: «Мы его допросим, и если он в чем-то виноват, то мы, конечно, его хлопнем, а если ни в чем не виноват – дадим институт, пусть работает».

Вернадский получает возможность сравнивать. Видит, что в победившей Европе ученым было плохо. Им никто не давал деньги на исследования, был страшный кризис. А в России только работай. Он начинает сотрудничать с новой властью, но не становится ее частью. В академическом сообществе он стал именно тем человеком, который проводил идеи нормального сотрудничества с властью. Особенно Вернадскому понравился конец культурной революции, когда начался поворот от пролетарского интернационализма к возрождению имперских традиций. А когда начали стрелять коммуни-

стов, это ему еще больше понравилось: власть очищается. Вернадский начинает думать, что это нормально. Ведь инквизицию тоже возглавляли нравственно чистые люди. А разве без насилия можно заставить работать? Он пишет, что в будущее смотрит с оптимизмом, потому что в конце будет царство разума и диктатура ученых.

Сталинский режим Вернадский считал последним этапом перехода к ноосфере. Э.И.Колчинский напомнил его знаменитое высказывание: биосфера идет в унисон с нашей демократией. При этом Вернадский имел в виду сталинский режим. Он говорит, что у него подход естествоиспытателя. Ведь каждый шаг в эволюции оплачен гибелью миллионов особей, оправданной с точки зрения естественного отбора. Он полагает, что то же происходит и в СССР: люди гибнут ради развития нации, человечества. В этом нет ничего особенного. При оценке власти Вернадский задается вопросом: какой правитель хороший – тот, который противодействовал Чингисхану, или тот, который пошел с Чингисханом и спас страну от разграбления? Себя он считал человеком, который должен спасти страну путем развития науки.

В заключение профессор Э.И. Колчинский констатировал сложность и неоднозначность фигуры Вернадского. Но он всегда оставался верным науке. Главное в оценке человека, – то, как он исполнял свой профессиональный долг. Э.И.Колчинский полагает: неважно, каких политических взглядов придерживается парикмахер, главное – чтобы он хорошо стриг. А Вернадский свое дело выполнял хорошо. Благодаря Вернадскому: создана мощная российская наука, ряд академических институтов; возникла урановая промышленность; появился советский атомный проект. С этой точки зрения Вернадский внес громадный вклад в развитие российской культуры, несмотря на сложности его жизненного пути. В 1940-е годы атомное оружие для СССР означало сохранение российской идентичности. Были планы бомбить Советский Союз. Пока в СССР не появилось ядерное оружие, ситуация была сложной.

11.4. Эксперты в штатском и духовный деспотизм

Главные идеи доклада Э.И.Колчинского были развиты и дополнены другими участниками дискуссии. Г.М.Бирженюк (СПбГУП) выдвинул два тезиса:

Все присутствующие живут в СССР, поскольку: Россия при распаде СССР установила правопреемство не с дореволюционной Россией, а с СССР, приняв на себя все его долги и обязательства; сохраняется топонимическое и культурно-символическое пространство СССР (города и улицы по-прежнему носят имена основателей и героев СССР - Ленина, Чапаева, Буденного, Дзержинского, Тухачевского, Блюхера и пр., музыка гимна та же); после событий в Беслане В.Путин сказал: «Советский Союз рухнул, и это величайшая геополитическая катастрофа XX века. Но мы сохранили его основную часть и назвали ее Российской Федерацией». СССР продолжает жить в качестве и под именем Российской Федерации. Юридически это называется «правовое продолжение».

Но в России разорвана преемственность науки в обществе. Советская власть нуждалась в науке и финансировала ее. Однако в основном это касается областей знания, работавших на оборону. В России ситуация иная. По российским данным от 500 до 800 тыс. ученых покинули страну за последние 18 лет. Зарубежные источники говорят о 200 тыс. ученых. Уехала самая работоспособная часть. Большинство оставшихся не обладают авантюризмом (от итал. *avante* – вперед), без которого невозможны научные открытия и продвижение идей. Средний уровень зарплаты ученых в США и Европе 5–7 тыс. долларов. В России зарплата еле дотягивает до 1000 долларов, да и то после всех государственных поддержек и грантов. Бюджет науки в Советском Союзе составлял 2 % ВВП, сегодня – 0,3 %. Весь бюджет российской науки – это 30 млрд рублей, что составляет примерно 1 млрд долларов. Вся российская наука – и Гарвардский университет США получают равное финансирование.

22 ноября 1917 года Сенат Российского государства объявил захват власти большевиками преступлением, подпадающим под статью 108 Уложения об уголовных наказаниях Российского государства (вооруженный мятеж с попыткой захвата власти). За это преступление мятежники подлежат смертной казни. Однако служащие сенатской типографии отказались печатать это решение. Большевики и Ленин объявили Сенат распущенным, законы Российской Империи – недействительными. Тогда столкнулись два правовых принципа: законы Российской империи и революционное правосознание. Победило правосознание, которое потом облеклось

в форму законов. Сегодня опять возрождается революционная целесообразность.

Начали практиковаться суды над учеными. Олег и Игорь Миныны из Новосибирска год назад опубликовали книгу «Институт прикладной физики. Научные школы и технологии». За это они попали под следствие. Игорь Решетин работал по договору между вузами. Передал китайцам технологии, которые «эксперты в штатском» посчитали технологиями двойного применения, и был обвинен в шпионаже. В защиту ученых выступили крупнейшие светила науки, но безрезультатно. Принято законодательство, которое запрещает присяжным участвовать в судах, где рассматриваются дела, которые ведет ФСБ. Сегодня ученый оказался один на один с крайне опасной частью власти.

В Советском Союзе гуманитарные науки назывались общественными, с приставкой «марксистско-ленинская» (этика, эстетика, философия, политическая экономия). Эта наука-религия обслуживала власть и отбирала жрецов, которые могли ее исповедовать. На кафедрах могли работать только члены КПСС. Читать они могли предмет по каноническим текстам. Власть использовала общественные науки для пропаганды и оправдания своих действий, в том числе репрессивных. Сегодня обнаружилось, что власти опять нужна гуманитарная наука. Возникает Комиссия по противодействию фальсификации истории, выходит учебник Филиппова, где Сталин называется способным менеджером, а некоторые его «ошибки» считаются порождением объективных обстоятельств. УФСБ и Следственный комитет при Прокуратуре РФ по Архангельской области и Ненецкому автономному округу упорно раскручивают так называемое «дело историков».

Против доктора исторических наук, профессора М.Н. Супруна выдвинуты обвинения: якобы он из корыстных побуждений с целью сбыта решил организовать и осуществить сбор и формирование в электронную базу данных сведений о репатриированных с территории Германии по окончании Второй мировой войны граждан СССР, являющихся этническими немцами и поляками, выселенными в административном порядке в период 1945–1956 годов на территорию Архангельской области. Впервые за многие десятилетия сотрудники следственных органов произвели обыски у ученых-историков, изъяв электронные носители информации и доку-

менты, выявленные М. Н. Супруном в результате многолетних исследований в архивах. 1 октября в СПбГУ опубликован приказ о том, что с этого дня ученые должны согласовывать с ректоратом все свои выступления на конференциях с участием зарубежных ученых, а также тексты, которые они направляют в зарубежные журналы и издательства. Это вызвало резонанс со стороны научной общественности. Потом было дано разъяснение, что речь идет только о технических науках, но в приказе этого уточнения нет.

Теперь ясно, что стоит за интересом власти к гуманитарному знанию. Все это напоминает СССР в определенные периоды его истории. Можно на все махнуть рукой, поскольку прозвучал призыв «Россия, вперед!». Но (и за это власть ученых не любит) хотелось бы понять, в каком именно направлении нам двигаться.

На главных площадях во всех городах России по-прежнему стоят памятники Ленину. Всем известно, что вождь всегда был спиной к партии (памятник Ленина стоял спиной к райкому, обкому). Вопрос в том, куда Ильич показывал рукой? Профессор Бирженюк рассказал, что у него был брелок с компасом. Он много ездил, но в каких бы городах ни бывал, всегда смотрел, в каком направлении бронзовый или каменный Ленин указывает рукой или куда повернут его всевидящий взор. Оказалось: Ленин указывает на все 360° (Я). Если вспомнить тезис «Верной дорогой идете, товарищи!», то становится ясно: этих дорог много и все они верные. Такова великая правда: в России никогда не известно, где мы движемся вперед, а где назад. Так было всегда: славянофилы нас звали на Восток, западники – на Запад, и все – вперед. Это напоминает историю о Чичикове, который путешествует, но, как подметил В. Набоков в очерке «Николай Гоголь», никуда не едет.

Либо дети должны знать историю, но тогда ее нельзя любить. Либо они должны любить историю, но тогда им не следует ее знать. Что делать ученым-историкам? Обслуживать власть или работать на науку? Но власти такая наука не нужна. В советское время был популярен лозунг «Товарищ, помни! Неправильно произведенный опохмел может привести к новому запою». Поэтому важно понять, где модернизация переходит в реставрацию, когда власть душит науку в объятиях, а когда вытирает об нее ноги...

Сегодня отношение власти к науке определяется ориентацией экономики на ресурсы. Главная проблема ресурсной зависимости

российской экономики – отсутствие стимулов к долгосрочному росту. Российская элита живет за счет ресурсной ренты. Для элиты важен не экономический рост, а то, какие выгоды она сможет получить. Единственный смысл для элиты имеет та часть ресурсной ренты, которую она сможет присвоить. В условиях ресурсной экономики элита не заинтересована в создании и поддержке науки, культуры и образования как важной предпосылки для долгосрочного развития страны⁵²³. Чтобы вырваться из ловушки «ресурсного проклятия», нужно эффективное и некоррупцированное государство. Но ресурсы – источник коррупции, недемократических моделей государства. Пока не будет сменен вектор развития с сырьевого на инновационный, ученые будут либо обслуживать власть за копейки, либо работать «в стол» и ждать лучших времен. «А в России лучшие времена всегда впереди», – сыронизировал в заключение Г.М.Бирженюк.

А. П. Марков отметил, что советская власть демонстрировала одобрение науке в целом, но по-разному относилась к естественным и социально-гуманитарным наукам. К первым отношение было сносным, поскольку они обеспечивали силу власти. Социально-гуманитарные науки власть жестко контролировала, выхолащивая душу науки. Философский факультет МГУ 1940-х годов был «помойной ямой». Власть лезла в души ученых, убивая мотив поиска истины. С помощью технических наук власть обеспечивала могущество, а гуманитарные науки наращивали доверие к ней. Не слу-

⁵²³ Т. В. Мусиенко (СПбФ РТА) показала, что востребованность ученого в Европе, США, странах Юго-Восточной Азии выше, чем в России. В отношениях с наукой государство выступает в роли заказчика. Тем самым блокируются объективные тренды развития научного знания. И все же такая модель оптимальнее, чем отсутствие в России всякой продуманной политики в области науки. В. Н. Лукин (СПбФ РТА) отметил последовательность США и западноевропейских стран в поддержке фундаментальных исследований в политической науке. В Германии политические элиты востребуют дискурс идентичности как основы современных стратегий культурного и гражданского национализма. Правые (консерваторы и либералы) разрабатывают стратегию формирования национальной идентичности, основанной на традиционной концепции единой немецкой науки с общей культурной и этнической идентификацией. Левые (социал-демократы и христианские демократы) формируют гражданскую идентичность как систему общих политических ориентаций, норм и ценностей. Не менее актуален дискурс идентичности для США. Американская идентичность отвергает примордиальные установки, гомогенность этноса, культуры, традиций и языка. Главными политическими ценностями выступают индивидуальная свобода, равные возможности, универсальность американского образа жизни. В России власть и наука не замечают друг друга. Российское начальство не учитывает опыт политических элит зарубежных стран по применению научно обоснованных стратегий снижения рисков общественно-политического развития. Без развития политической науки национальные проекты в очередной раз остаются политическими и идеологическими декларациями.

чайно особой поддержкой пользовались политекономия социализма и философия диамата.

Примером может быть 1947 год. После победы над нацизмом советская власть сильна как никогда. Но Сталин понимает, что контроль над умами – важное условие самосохранения власти. Повод для беспокойства был – нищета и кризис смысла жизни людей, прошедших через ужасы войны. И он принимает решение издать журнал «Вопросы философии». Философия вместе с другими социальными науками сотворила мир иллюзий, миф о лучшем из возможных миров. Эта иллюзия становится не только эффективной формой контроля умов, но и способом социо-культурной адаптации, – человек хочет быть в мире иллюзий.

Сегодня изменились субъекты и механизмы власти, институт, миссия и функции науки в обществе. Властное пространство сокращается по мере роста числа экономических, социальных и политических акторов. Корпоративные и этнические элиты пренебрегают наукой или относятся к ней утилитарно. Государственная власть формально поддерживает фундаментальную науку для демонстрации своей «заботы о благе общества» (нанотехнологии, науки, обеспечивающие ВПК). Итог этой «заботы» известен: нет условий даже для воспроизводства системы науки. 80 % смертей ученых приходится на два возраста: 50–55 и 70–75 лет. Таков результат «борьбы за выживание». Люди разочаруются в науке, сокращается мотивация к научной деятельности. Упал социальный статус науки – «раскрученный» парикмахер или футболист получает в тысячи раз больше ученого-физика с мировым именем. Годовой гонорар звезды шоу-бизнеса во много раз больше Нобелевской премии. Наукой приходится заниматься в свободное от заработка время. Это влечет за собой дисквалификацию ученых. Наука становится способом удовлетворения личного любопытства за свой счет или миссией.

Заказ власти меняет вектор развития науки. По данным Центра науковедения Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН наблюдаются следующие тенденции: в число лидеров в общественном мнении выдвинулись социально-технологические дисциплины - политология, экономика, право, социология, психология; история, филология, философия, культурология, педагогика находятся в аутсайдерах; развиваются те направ-

ления науки, куда направлены основные потоки финансовых средств.

В России возникает феномен «духовного деспотизма». Власть обращается к услугам гуманитариев. Но им отведена роль лакеев – разработать способы манипуляции общественным сознанием, ненасильственные формы отчуждения граждан под демократической оболочкой. Элита берет и удерживает власть с помощью технологий манипулирования обществом на базе ресурсов СМИ. Сегодня нет открытого насилия над личностью, подавления демократических институтов. Но их деятельность профанируется при сохранении общей конструкции демократии. Правящая элита стремится освободить политику от плохо управляемых институтов демократии, заменить их инструментами «социальной инженерии». Общество отдалено от власти на всех уровнях. Гуманитарная наука нужна власти лишь в той мере, в какой она обеспечивает эффективность манипуляции.

В самом институте науки девальвируется рациональность, сложившаяся в рамках философии. Складывается «постсовременный» тип рациональности, в котором доминируют субъективные, метафорические методы познания и строительства мира. Начинается расцвет мистики, лженаучных концепций и сообществ, услуги которых тоже нужны власти.

А. П. Марков указал, что утрата идентичности ученых-гуманитариев не менее важна, чем отношения власти и естествознания. Человек не является ученым, если работает в пяти вузах с нагрузкой более тысячи часов в год. Поэтому надо понять миссию гуманитарных наук и обозначить линии партнерства гуманитариев с властью. Гуманитарные науки должны формировать мировоззренческую базу государственной идеологии. Надо создавать проект бытия, смыслом которого будет сохранение жизни на Земле, безопасное развитие, поддержание природного, культурного и личного многообразия и сотрудничества. Но власть не заинтересована в таком развитии событий.

11.5. Нечто огромное и аристократы духа

Писатель А.М.Мелихов перелицевал старый миф о том, что рационализм – бич современного общества. По его мнению, главными являются экзистенциальные, а не познавательные и экономические проблемы. Мы все теряем близких, стареем, из красавцев

превращаемся в уродов, рано или поздно умрем. Нужно прежде всего то, что создает экзистенциальную защиту, иллюзию осмысленного бытия, благодаря которой мы начинаем ощущать себя сильными, красивыми, бессмертными. Экзистенциальная защита – главная социальная функция государства, науки, милиции, здравоохранения.

Ни одно государство не может существовать, если его граждане не чувствуют себя экзистенциально защищенными. Государство – это нечто огромное, могущественное, бессмертное. Если человек не ощущает себя частью государства - исчезают мотивы приносить ему любые жертвы. Люди бегут за границу, не платят налоги государству; оно не стоит того, чтобы мы имели с ним дело. Если власть заинтересована в сохранении государства, она должна поддерживать в людях чувство принадлежности к прекрасному и бессмертному.

Допустим, - не удержался от гипотезы писатель Мелихов, - наша держава построит чистые уборные. От этого не вспыхнет радость, что мы живем в России и ради нее стоит переживать неприятности. Но государство не рухнет, если перестанет растить ученых. По мнению А.М.Мелихова, и ученые, и власть заинтересованы в сохранении иллюзии могущества человека. Государство существует именно ради могущества человека. Если ученый критикует или поддакивает власти – он выражает позицию гражданина, которая не помогает и не мешает науке. А.М.Мелихов провел параллель между аристократом и ученым. Аристократ – это двигатель, интеллигент – тормоз. Тормоза важны, но без двигателя машина не поедет. Поэтому надо возродить науку, а уже наука должна реставрировать дух аристократии. По мнению Мелихова, наша наука долго доказывала власти, что ее производительность не хуже, чем у сантехников, слесарей, нефтяников. В итоге наука сама поверила в собственную пропаганду. Наука это соревнование с треском проиграла. То, что она приносит, всегда можно купить или украсть. Цель науки – красота и иллюзия человеческого могущества.

Комментарий в поддержку писателя. Я предлагаю рассматривать поведение советских ученых (в естественных и гуманитарных науках) как множество проявлений «геморройного героизма», описанного в первой главе. Стремление успокоить таким образом свою совесть свидетельствует о том, что постоянное смешивание целей и

средств их достижения существует не только в политике, но и в любом индивидуальном поведении. Для обоснования такого поведения могут использоваться не только деньги и геморройные свечи, но и наука как высшая ценность. Эту возможность упустил из виду певец государства и аристократии писатель Мелихов...

Ю. М. Шор (СПбГУП) поставил проблему шире: не «ученый и власть», а «человек духа и власть». Ученые и художники, с одной стороны, властвующие вожди и конторские клерки, с другой, - это представители двух совершенно противоположных сфер культуры. Искусство, философия, нравственность не могут мирно ужиться с политикой. Наука и политика – тем более. Недавно вышел на экраны фильм «Царь». В уста Ивана Грозного вложено признание: «Как человек я грешен, а как государь – праведен». Мысль ясна: государь имел право лить кровь подданных на благо страны. Значит, проблема деспотии власти стала опять актуальной.

Деспотическая и бюрократическая власть стремится к тотальному контролю. Какую позицию в этой ситуации занять ученому, интеллигенту? – зависит от внутренних резервов человека. Можешь противостоять – поступай так или делай, что можешь. У меня позиция такая, - сказал Ю.М.Шор: то, что мне по силам, делаю максимально хорошо, а чего не могу – не делаю. Мера компромисса зависит от внутренних возможностей личности. В любом случае нужны коренные реформы в сфере отношений «ученый и власть».

11.6. Вразумление удрученной дамы

Плач о гибели русской науки огорчил одну из присутствующих дам. С.М.Климова (Белгородский университет) расстроилась по трем причинам: 1. По ее мнению, в теме «Интеллектуалы и власть» заложен вектор на конфронтацию ученых с властью. Разговора о культуре диалога она не услышала. Никто не слушает и не слышит власть, а предъявляет ей претензии. 2. Многие из присутствующих говорят о русской истории необъективно и пренебрежительно. Естественники позволяют себе по отношению гуманитариям подобный тон, тогда как гуманитарии трепетно относятся к естественникам. 3. А.С.Запесоцкий предпринял попытку классификации интеллектуалов. Но С.М.Климова указала не два типа, а целых четыре категории русских интеллектуалов: *авантюристы от власти* (Меньшиков, Орловы и др.) прагматично пользовались вла-

стью и формировали определенное представление о государстве; *реформаторы* (Петр 1, Сперанский, Александр II) осуществляли реформы, позволяющие государству развиваться; *западники-прогрессисты* (В.О.Ключевский, С.М.Соловьев и другие крупные историки) создавали представление об истории России в контексте общеевропейского развития; *советские диссиденты* сегодня считают себя интеллектуалами-интеллигентами.

По мнению С.М.Климовой, доклад Э.И.Колчинского о Вернадском показал смысл мифа о российской интеллигенции. «Если искажается образ великого человека, - возмутилась Госпожа Профессор, - путем подтасовки фактов из его биографии и их вольной интерпретации, то разговор об интеллигенции как о совести нации становится бессмысленным. Меня поразила Ваш доклад, Эдуард Израилевич, прагматическим окончанием. В финале вдруг произносится банальная фраза о парикмахере типа «не важно, какой кот, лишь бы он ловил мышей». Мне кажется, что подобные вольности (позитивизм и прагматизм) в гуманитарной науке разоблачены 150 лет назад. Тогда наши интеллектуалы говорили, что западная наука душит духовность в человеке, приводя все к прагматическому консенсусу. Я знаю о Вернадском гораздо меньше Вас, но поскольку я доктор философских наук и читаю студентам лекции по истории философии, в том числе и о космизме, я не могу с Вами согласиться в оценке этого ученого».

С. М. Климова полагает, что никогда раньше ученые не жили так хорошо. И рассказала о райской жизни в Белгороде - благодаря грантам Федерального агентства по образованию РФ и Федерального агентства по науке и инновациям Министерства образования и науки РФ. Единственный недостаток – о них надо отчитываться пудами бумаги. На образовательные проекты выделяются миллиарды рублей: «Поэтому давайте не выдумывать проблему на пустом месте!», - заключила она.

Однако А. П. Марков напомнил ученой даме: «У нас научная конференция, а не передача «Суд истории». Мы не персоналии разбираем, а обращаемся к биографиям исторических фигур, чтобы вынести из их судеб урок для себя».

Э. И. Колчинский тоже был вынужден разъяснять докторице (так говорят мои знакомые одесситы) философских наук элементарные вещи: «Мы обращаемся к истории, чтобы знать, как было на

самом деле. Необходимо понять: это миф или мы имеем дело с реальным человеком? Вот реальный человек – Марина Юрьевна Сорокина. Наш диалог с ней начался после того, как она написала в одной из своих работ, что Вернадский приспособленец, готовый отказаться от всех убеждений. Я ей ответил, что нельзя так судить об ученом, поскольку в главном он сохранил себя до конца. То, что он писал плохо о людях, это совершенно точно, потому что тот, кто жил в те годы и видел тех людей, иначе не мог. Чему мы будем учить, если придумаем героев?.. Мы должны рассматривать человека во всей его сложности, каким он был в реальности, а не в нашем представлении. Вернадский был сложным человеком: с одной стороны, высокие идеи, с другой – повседневные заботы, личные интересы. Я против мифов. Учить честности – единственное, что требуется от историка. Самое страшное в том, что мы хотим эти мифы поддерживать и готовы по желанию власти придумывать новые. В «Эксперте» появилась статья, в которой историк говорит: «Пусть власть скажет, для чего нам нужно 4 ноября, и мы все обоснуем исторически, любого сделаем гением и скажем – вот эта наша национальная идея, за ней мы пойдем, а потом окажемся в очередном болоте»...

И.И.Мочалов (ИИЕТ) добавил веское слово в спор о В.И.Вернадском. Вернадский стал слугой диктатора, со всем его разветвленным явным и тайным аппаратом. И хотя он не ставил свои подписи под одиозными документами советской власти, его предложение кастрировать нацистских военных преступников не назовешь гуманным. Профессор Мочалов высказался также по проблеме измены Родине: «В 1940-е годы, особенно в первые месяцы войны с Германией, происходила массовая сдача в плен наших красноармейцев. Солдат сдается в плен врагу – это ли, казалось бы, не «приспособленец» в чистом виде. Но именно здесь и начинаются *вопросы* (курсив автора, В.М.), коих оказывается великое множество. Ведь даже если солдат вполне здоровый, не задетый ни осколком, ни пулей, с оружием в руках, не бросивший его и не потерявший, не просто сдается в плен, а вполне сознательно и целенаправленно *ищет плена* (курсив автора, В.М.) – даже в этом самом крайнем случае я воздержался бы – *без выяснения многих дополнительных обстоятельств* (курсив автора, В.М.) – зачислить его по ведомству не только моральных приспособленцев, но даже юридических предателей».

М. Ю. Сорокина призвала не заниматься риторикой. «Кому-то кажется, что в нашей дискуссии есть конфронтация между отечественными и зарубежными учеными. Это глупо. Я прилетела в Санкт-Петербург из Софии. Болгария не самая развитая страна Европы. Но я там была на презентации книги «Российское зарубежье в Болгарии. Истоки и современность». Это альбом большого формата в 800 страниц. Издание было инициировано соотечественниками, давно живущими в Болгарии. Они пригласили в этот проект болгарских и российских специалистов. У них не хватило сил пригласить наших западных коллег, но даже на уровне болгарских и российских историков получился хороший диалог. Я упоминаю об этом только по одной причине: современные формы развития научного познания уже не имеют отношения к тому, что происходит в России. Главная и основная форма научного познания – это международный научный коллектив, независимо от страны проживания, гражданства и т.д. Сегодня везде можно прекрасно работать, если ощущать себя частью международного научного сообщества и заниматься поисками истины, а не карьерой».

По мнению М.Ю.Сорокиной, спор о В.Вернадском отражает более общую проблему – как, когда и почему общество и/или правящая элита востребуют «национальных героев» типа В.И.Вернадского. Между тем фигура академика с одинаковой легкостью вписывается как в созданный советским тоталитаризмом образ «советской науки», так и в творимые на наших глазах мифы о русском «научном андерграунде» и «репрессированной науке».

В отличие от разгневанной дамы из Белгорода Марина Юрьевна поблагодарила Э.И.Колчинского: «В середине 1990-х годов я написала полемический текст о Вернадском, три четверти его объема составляли документы самого ученого, выявленные мной в архивах. Эти документы рисовали нетрадиционную картину русского интеллигента. Эдуард Израилевич был единственным человеком, который вступил со мной в научную полемику. Все остальные коллеги просто начали строчить на меня доносы. Поэтому не худо бы и на себя посмотреть – на свою образованность, порядочность».

И. С. Дмитриев согласился с М.Ю.Сорокиной: «В России прекрасно можно жить, если регулярно ездить за границу и там работать». Но добавил: «Однажды С.П.Капица сказал мне: «Вы знаете, дело тут, действительно, не в деньгах. При желании можно и проекты, и все иное. Мы перестали понимать европейскую науку, о чем там идет речь». Я провел социологическое исследование: опросил

знакомых мне физиков разного возраста – от студентов и аспирантов нашего факультета до активно работающих профессоров. 90 % опрошенных подтвердили правильность этого суждения»⁵²⁴. «Наша российская цивилизация еще детская, – мы не научились видеть вещи такими, какие они есть на самом деле, у нас нет для этого мужества. Мы обманываем себя, потому что нам нужно навеять себе миф о мире золотом. Мы постоянно крутимся в этом порочном круге. Мы живем в стране, – констатировал И.С.Дмитриев, – где не только стоимость макарон, в отличие от Италии, но и их наличие на прилавке зависит от того, кто у нас у власти».

Член-корреспондент РАН Б.Г.Юдин (ИФ РАН) сказал: власти нынешней России относятся к науке и ее рекомендациям как к чему-то малозначимому, назойливому, необязательному. По словам одного из высоких чиновников, Российская академия наук – тормоз на пути модернизации, а попытки ученых бороться с лженаукой и с фальсификацией исследований – средневековое мракобесие. Страшно за страну, которая будет модернизироваться на основе таких представлений.

М. А. Мануильский (журнал «Человек») в заключение сказал, что из дискуссии можно сделать три вывода: власть меркантильна, ей наплевать на Вавилова, Вернадского, парикмахера, лишь бы он что-то приносил государству; отношения ученых и власти зависят от социально-культурных, политических и исторических факторов; ученые должны нести ответственность за свои поступки в отношениях с властью.

⁵²⁴ И.С.Дмитриев поделился своим опытом эксперта РФФИ. В заявках на гранты лидируют Москва и Санкт-Петербург, работы из регионов редки, отличаются провинциальностью. Большинство заявок написаны по стандартам диссертации. Уже просмотр списка литературы провоцирует вывод, будто никто в мире темой не занимался, кроме автора. А когда книгу или статью даешь издателю в Великобритании или другой европейской стране, то они присылают даже не письмо, а эту самую статью или книгу с комментариями на полях. Там написано: «Not a new». — «Ничего нового». Процесс модернизации в России идет медленно и туго. «Хотя в России три главные напасти: воровство, пьянство и незнание иностранных языков, сейчас последнее преодолевается. Будто все есть для успеха, а последняя ставка чаще всего оказывается проигранной. Потому что молодой специалист у нас вынужден непосильно трудиться ради хлеба насущного, в лучшем случае — на двух-трех работах по совместительству. Он преподает, пишет заказные статейки, фотографирует. Ему некогда читать и развиваться в профессиональном плане. Многие мои студенты и аспиранты не приходят на занятия по тем же причинам. Получается, что из этих талантов развивать некого: начинаешь с кем-то работать, а он исчезает со всех семинаров. Потом спрашиваешь: «Ты где был?» Отвечает: «Я в кино снимался». Ну и как кинозвезде не поставить зачет?..

Глава 12.

Jus resistendi и дрессированные зайцы

Я оттолкнусь от суждения Э.И.Колчинского: «Взаимодействие ученого и власти всегда сложно, особенно если власть преступная. А власти, которая хорошо бы относилась к народу, не бывает. Правда, иногда общество способно контролировать власть, но в России таких периодов было достаточно мало». Для анализа русской власти в ее экономических, политических и идеологических измерениях я разработал концепты политического отчуждения, гражданского отчуждения и гражданского сопротивления. Гражданское сопротивление – это реализация классического *jus resistendi* (права на сопротивление), которое включает в свой состав когнитивное сопротивление. Проиллюстрирую применимость данных концептов к анализу ранее указанной темы.

12.1. Советская политика в области науки.

В статье 44 Конституции РФ записано: «1. Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом». Между тем события и процессы в современной России развиваются в ином направлении. Власть нарушает право на свободу научного творчества, записанное в «Конституции РФ», и способствует деградации научной культуры страны. В таких условиях классическое право сопротивления (*jus resistendi*) фиксирует серьезное отношение ученых к своему достоинству, условиям труда и жизни.

В чем состоит нарушение свободы научного творчества? Для ответа я бы строго определил свободу научного творчества как возможность использования учеными следующих свобод:

- устного и письменного высказывания о состоянии дел в обществе и в науке;

- выбора тем, проблем, теоретико-методологической ориентации, когнитивной и философской перспективы;
- взаимодействия для создания и определения значения познавательных ценностей;
- создания обществ и союзов, защищающих интересы ученых; воспитания и образования новых поколений ученых.

Все эти свободы систематически нарушались в Российской империи, СССР и не соблюдаются в современной России. Значит, при реализации всех свобод требуется независимость от власти. Проблема сводится к определению меры такой независимости, включая независимость от текущих интересов и потребностей общества.

Как известно, советские «командиры науки» принадлежали к верхушке КПСС или назначались ею, сотрудничали с политической полицией и пропагандой в целях ограничения и ликвидации свободы науки. Они входили в партийно-хозяйственный актив, среди которого были и беспартийные. Но отсутствие партбилета не мешало им обслуживать советскую политику.

Советская политика в области науки может быть обозначена как комплекс следующих приемов и процедур:

- цензура на основе произвольно установленных властью идеологических, политических и полицейских критериев;
- всеобщий надзор, слежка, провокация, давление сотрудников госбезопасности и их агентов на ученых;
- составление и применение гласных и негласных инструкций, позволяющих репрессировать и дискриминировать лиц, получивших негативную оценку партийных структур;
- оценка партийным аппаратом кандидатов на все должности, награды, ранги, премии, субсидии на основе принципов неясности и конформизма;
- отрицательная оценка лиц, поведение которых нарушало верноподданность;
- направление львиной доли денежных и материальных средств (под видом финансирования науки) на потребности военно-промышленного комплекса и партийно-государственного аппарата;
- отбрасывание идеала объективной истины при определении целей и задач науки;
- систематическое и целенаправленное вмешательство в научную жизнь (в виде кампаний апологетики или диффамации кон-

кретных лиц и целых научных направлений, вплоть до расистской ксенофобии);

- манипуляция, коррупция, давление на ученых для превращения их в холуев правительства и общества «реального социализма», послушно выполняющих указания разведывательной природы и нарушающих нормы профессиональной этики.

Так было во времена СССР. Особая проблема состоит в описании механизмов воспроизводства указанных приемов и процедур. В частности, сегодня расходы на науку таковы, что это затрудняет или полностью исключает свободу научного творчества.

Свободы науки нет, если:

- нет средств для проведения научных исследований, вытекающих из современной проблемной ситуации или подтверждающих преимущество эпистемологической, технологической и гуманистической функций науки;

- затруднены научные (прямые и опосредованные) коммуникации и издание научных публикаций;

- не обеспечена достойная жизнь ученого на таком уровне, когда побочная деятельность дополняет научную работу, а не превращается в основную.

Научная культура - это состояние общества, тождественное постоянному, всеобщему и значимому присутствию научного знания на всех социальных полях. Общество не обладает научной культурой, если:

- академический уровень ниже мирового;

- расходы на научную и педагогическую деятельность ниже мировых стандартов;

- популяция кандидатов на профессии ученого и педагога не позволяет выбрать достойных наследников мастеров из сообщества учеников;

- сеть университетов не тождественна центрам, в которых есть научная среда для нормального развития.

Как показал Б.Г.Юдин, в России на протяжении XX в. не сложилось нормальное научное сообщество. Поэтому современная Россия не является обществом научной культуры и постепенно отдалается от ее мировых стандартов. Власть скорее продолжает, чем ревизует советскую политику в отношении науки. После событий 1991-1993 гг., а особенно после прихода к власти команды

В.В.Путина, политики в отношении науки нет, хотя бумаг в виде законов и постановлений вышло множество. Одновременно на многих постах находятся люди с дипломами кандидатов и докторов наук, членов-корреспондентов и академиков. Значит, руководители государства не хотят всерьез заняться вопросами: кем должны быть ученые в России и должна ли быть в ней наука?

Общая ситуация выглядит следующим образом. Вопросы науки рассматриваются и решаются без участия ученых. Нарушается правило использования экспертиз о структурном и функциональном характере науки как культуротворческом факторе развития общества. Не учитываются потребности ученых, большинство которых не имеет средств на научную и педагогическую деятельность, достойную жизнь. Пренебрегается специфика науки как формы знания, познания и творчества. Происходит отождествление университетов и научных институтов с супермаркетами, бюро услуг и другими конторами, работающими по заказам клиентов. Отсутствует понимание того, что свобода науки – это комплекс механизмов пользования свободами, образующими состояние свободы.

На этой основе научное сообщество может составить иск (или обвинительный акт) власти. Власть принимает решения о субсидиях на науку, статусе ученых и институтов научной жизни, нарушая принципы компетенции (знание предмета) и функциональности (обязанность принятия решений с учетом потребностей объекта решения). Нарушение обоих принципов свидетельствует об опасной для науки и общества болезни *административного восторга* - убеждения, что само право принятия решения – разновидность чудотворства (или магического знания предмета решения). Административный восторг переплелся с *юридическим упоением* - верой в то, что законы позволяют преодолеть любую ситуацию, неудобную для власти.

Власть проявляет наглость и мегаломанию в отношении журналистов, ученых, врачей, учителей, художников. Эта тенденция усиливалась на протяжении последнего двадцатилетия. Властвующие убеждены в том, что они обладают магическим знанием, позволяющим управлять наукой. Само существование такого убеждения может служить источником и стимулом для сопротивления ученых.

12.2. Большая ложка или оконная правда?

Законность и польза – необходимые условия одобрения и выполнения решений власти. Отсутствие законности бросает тень на знание дела, эффективность действий и пользу выполнения решений. Бесполезность порождает проблему моральной, интеллектуальной и технической квалификации властвующих. Законность властвующих сомнительна, поскольку они не умеют и не хотят быть полезными для общества. Падение авторитета власти – господствующая тенденция последних 20-ти лет. Отсюда вытекает проблема выполнимости ее решений. Отказ может быть пассивным или активным сопротивлением.

Фронт такого отказа может состоять из плана и движения сопротивления. То и другое можно составить на основе определения реального положения науки, ученых и управления наукой в стране. Причем, это знание имеет лишь косвенное отношение к правительственным бумагам по данному предмету. Надо исходить из того, что в состав политики, законодательства и управления не входят решения о научном поиске – комплексе познавательных стремлений, форм выполнения познавательных действий и применяемых при этом теориях и методах. Принятие решений о науке – это комплекс процедур, не мешающих ей развиваться в любых направлениях. Речь идет об установлении законов, функциональных в отношении научного познания, и выделении средств для его функционирования.

Внутренние дела науки есть предмет самоуправления ученых, автономии научного познания. Власть должна отвечать только за функциональность законов и выделение на науку средств для обеспечения механизмов научного поиска. Их легитимность зависит от гарантирования бюджета, оборудования, зданий, штатов, кадров для соблюдения условий существования науки в системах экономики, культуры и государства.

Настоящее состояние вещей в российской науке - продукт властных решений. Оно дисфункционально с точки зрения потребностей и задач науки и способствует развитию следующих феноменов:

1. Расцвет теневой жизни ученых – выбор коррупции как нормы поведения, мнимо-научная деятельность, занятие другими видами деятельности, дающими доход.

2. Отток из науки значительного числа людей, придающих вес собственному социальному (а не научному) статусу. Эти люди переходят на другие поля активности, эмигрируют путем прямого или косвенного взаимодействия с механизмами утечки мозгов, бросают отечественную культуру.

3. Создание предпосылок для движения сопротивления, направленного на замену вредных властителей полезными для науки людьми.

Государственная политика в области науки бесполезна или вредна для ученых. Она закрепляет раздел сферы науки на мир политических и научных ценностей (целей). В традиции социальной и политической мысли такое состояние вещей называется делением на мир политиков и мир людей содержательной компетентности. Первые стремятся реализовать свои доктрины и планы независимо от потребностей науки и общества. Другие отстаивают формулу: не существует никакой другой науки кроме той, которой занимаются с полной самоотдачей как главной целью жизни, располагая средствами на познавательную деятельность.

Деление на политиков и ученых универсально. Но в России вторичная институционализация науки после 1917 г. сформировала следующие нормативно-ценностные структуры поведения отечественных ученых: установка на самоизоляцию; отсутствие автономии и самоорганизации; определение приоритетов развития науки путем закулисного сговора политической и академической бюрократии; конфликт между гражданским и профессиональным статусом ученых. Современная отечественная наука есть воплощение английских (колониально-имперских), французских (революционно-бюрократических) и российских (самодержавно-бюрократических) интересов и амбиций власти и ученых. Поэтому в России нет нормального научного сообщества. Все это позволяет отвергнуть идентичность политиков и управленцев с учеными (от кандидата наук до академика).

Со времен Сталина и до настоящего времени министерства и ведомства заполняются лицами с научными степенями и званиями. В верхней и нижней палатах Думы, Общественной палате и прочих конторах и синекурах тоже сидят остепененные «мужики и бабы». Данное сборище людей предварительно можно разделить на следующие группы:

1. Представители власти считают политический театр выгоднее театра научной жизни. Но на всякий случай или для продвижения на рынке политических карьер приобрели научные степени и звания.

2. Представители партий относятся к науке в соответствии с требованиями партийной тактики и стратегии (не только коммунистической).

3. Специалисты разных дисциплин пошли во власть на основе собственного представления о своих умениях и целях или после соответствующей вербовки.

Не надо особо доказывать, что члены первой и второй категории либо не имели ничего общего с наукой в строгом смысле слова, либо решительно порвали все корни с ней. Они культивируют иной ценностный порядок по сравнению с ценностным порядком участников битвы (или «игры», как сказал бы Л.Витгенштейн) за научную истину. Их можно назвать мнимыми учеными, которые прикрываются учеными степенями и званиями, но не соблюдают элементарные нормы научного этиоса. Благодаря связям в политических кругах они могут выторговать разнообразные виды *modus vivendi* и даже устойчивый мир между учеными и политиками. Но такая торговля ведет к отказу от принципов и капитуляции научного этиоса⁵²⁵.

Люди третьей категории пытаются избежать дискомфорта, обусловленного конфликтом ролей политика (законодателя, управленца) и ученого. Им кажется, что они ведут себя иначе в статусе ученого и в статусе политика. Они хотят быть слугой двух господ. Служить тем и другим, в зависимости от присутствия в академической лаборатории, на университетской кафедре, среди министерских крыс или парламентских болтунов. Наука требует быть хоро-

⁵²⁵ В свое время кардинал Ришелье изобрел концепт государственного разума (*reason d'etat*), который не равнозначен отбрасыванию научного разума (*reason d'science*). Действительно, в правовой демократии *reason d'etat* требует, чтобы *reason d'science* был приспособлен к интересам нации или государства, которые (интересы) интерпретирует правительство. Этот шаблон мысли до сих пор является бродячим сюжетом в большинстве работ, посвященных отношению между политикой и наукой. Внесу одно уточнение. Мне уже приходилось писать, что государственный разум в единстве с законом иерархии и «теорией» разделения граждан на два класса – активных и сознательных (занятых в государственном аппарате) и пассивных и несознательных (не принадлежащих к государственному аппарату) образует элемент бюрократических отношений между обществом и правительством, а также отношений внутри правительства и аппарата управления. Поэтому всякая ссылка на некие «высшие государственные соображения» ведет к маскировке конфликта между политикой и наукой.

шим специалистом. Политика приказывает защищать *reason d'etat*. Достаточно провести границу между ними, как снимается конфликт указанных ролей и проблема идентичности политиков и ученых. По сути, такое рассуждение обосновывает двоемыслие.

Правда, некоторые осознают: политика не терпит конкуренции и требует быть ее преданным слугой. Но они ощущают принадлежность к ученому миру. В их сознании возникает идея такой ложки, которой можно хлебать вместе с чертом из одной кормушки. Однако спустя некоторое время возникает «задний ум»: такой ложки не существует. Всякий, кто когда-либо хлебал из государственного корыта, - тот обслуживал такую политику, которую ревнители научной истины признают вредной для науки и ученых. Нахлебники непричастны к миру битвы за научную истину по причине измены главной норме научного этоса: преданность науке выше любых обязанностей – перед *reason d'etat*, правительством, партиями, семьей и т.д. Научный этос требует не иметь ничего общего с людьми, способствующими деградации науки.

Итак, разрыв между политикой в отношении науки и требованиями научной культуры раздваивает социальное пространство на политиков (чиновников) и ученых (воспитателей ученых). Состояние раздвоенности ставит перед каждым человеком с научной степенью и званием проблему выбора: принадлежать к политикам (чиновникам) или быть верным научному этосу? Эта ситуация позволяет проверить на верность научному этосу всех, кто номинально является ученым.

Раздвоение на политику и науку появляется там, где «командиры науки» руководствуются иной концепцией бытия и функции науки и статуса ученого по сравнению с действительными окопными «солдатами науки». Вследствие противоположности этих концепций образ политика и чиновника в сознании ученых тождествен человеку, принимающему вредные для науки решения. Такова окопная правда натуральных российских ученых. Я пока не слышал, чтобы кто-нибудь из прошлых и современных политиков и чиновников добровольно отказался от научных степеней и званий. Значит, они хотят существовать и действовать в политико-административном мире. И потому должны осознать факт собственного систематического обмана ученых, журналистов и граждан, от имени которых действуют. Формы такого самообмана (самооп-

равдания) могут быть предметом художественной литературы, клинической психологии и социологии науки.

12.3. Право сопротивления и проблема терапии научной жизни

Ученые имеют право на сопротивление при условиях: власть не обеспечивает свободу научного творчества в конституционном смысле слова; принимает бесполезные (вредные) для науки и ученых решения; политический курс правительства в отношении науки дисфункционален; круг авторитетных ученых (на основе мнения специалистов-научковедов) определяет ситуацию как основание для реализации права на сопротивление. Если властвующие связывают некомпетентность и дисфункциональность с невежеством и произволом, то основанием формирования фронта отказа является элементарная норма научного этикета о профессиональной ответственности ученых.

Такая профессиональная ответственность связана с соблюдением следующих условий:

1. Социальные нормы обязывают ученых исполнять действия, связанные с профессией научного работника.

2. Эти действия (или бездействие) влияют на социокультурную реальность (уровень научного знания, квалификация ученых, характер действительных функций науки).

3. Анализ положения дел приводит к выводу: ученые нарушают профессиональные нормы, что негативно влияет на социокультурную реальность.

4. Научное сообщество стоит перед выбором реакции по возмещению вреда, поскольку нарушение профессиональных норм наносит ущерб науке – т.е. достоинству, без соблюдения которого исчезает легитимность науки в целом или ухудшены условия соблюдения профессиональных норм.

5. Существуют законы о гражданской (уголовной) ответственности за нарушение указанных норм – т.е. измену научному этикету.

Иначе говоря, структуры измерения справедливости в отношении любого властного решения должны установить: нанесен ли вред науке? в чем он состоит? связан ли он с выполнением профессии ученого? кто отвечает за нанесение вреда? какова мера и сфера ответственности ученых?

Без надлежащих юридических образцов мысли и действия невозможно достичь такой профессиональной ответственности ученых, которая позволяет рассматривать ее как частный вопрос социального контроля научного сообщества над отдельными лицами и группами внутри и вне науки. Идея такого контроля давно высказана М.Оссовской. Она считала, что вместо умножения профессиональных этических кодексов надо детально изучить вопрос о социальных и политических источниках и следствиях множества нарушений традиционных принципов профессиональной морали ученого. Но в отличие от М.Оссовской я полагаю: при рассмотрении случаев нанесения вреда науке путем действия (бездействия) надо использовать (*mutatis mutandis*) комплекс правовых категорий - вина, вред, нанесение и возмещение ущерба, обязанность, мошенничество, права субъекта, иск, удовлетворение иска.

Профессиональная ответственность ученых – это ответственность за последствия действий при выполнении профессии научного работника. Можно выделить три вида ответственности: за продукты профессиональной деятельности – познавательные ценности, использование которых влияет на удовлетворение человеческих потребностей и решение социальных проблем; за воспитание и образование учеников; за соблюдение условий выполнения профессии. Такая ответственность возлагается на всех, у кого есть дипломы и аттестаты о научных степенях и званиях.

Политики, законодатели и администраторы России не соблюдают ответственность ни в одном смысле слова. Поэтому надо квалифицировать их измену научному этосу как умышленное действие, со всеми вытекающими последствиями. Властвующим сохраняют свои научные степени и звания, но принимают вредные для науки и ученых решения. Одновременно с помощью публичной риторики (в состав которой все более входит законодательство) научные работники принуждаются выполнять принятые указы и доверять властвующим. Все это я предлагаю рассматривать как разновидность истории об охоте на зайцев.

Подобно моим ровесникам, в детстве читал «Лесную газету» В.В.Бианки. До сих пор помню, что для зайца самым безвредным является охотник, который стреляет направо и налево и прет напролом. Значительно опаснее приноживающийся пес, а еще более – маленькая собачка, переодетая в шкуру зайца. Но наиболее опасен

настоящий заяц, выдрессированный для того, чтобы привлекать других зайцев под стволы ружья.

Русские ученые были и остаются реальными зайцами. А всю современную политико-управленческую сферу России я предлагаю рассматривать как дрессированных зайцев. Таковы реальные основания для того, чтобы ученые использовали *jus resistendi* - право сопротивления как последний аргумент в отношении власти. Я не буду здесь подробно описывать способы и средства его применения. Меня более интересует проблема морали во время реализации права сопротивления. Разделение на политиков и ученых и *jus resistendi* последних следует понимать как тест проверки на верность научному этосу. Мораль множества техник сопротивления может базироваться на следующих правилах конституирования солидарности его участников:

1. Поляризация – постановка ученых перед выбором между политико-административной и научной деятельностью. На этой основе проверяется их отношение к норме солидарности между участниками битвы за истину в вопросах бытия науки и статуса ученых.

2. Остракизм в отношении тех, кто в конфликте политики и науки пытаются связывать верноподданность с принадлежностью к среде, мораль которой определяется научным этосом.

3. Информация всего научного сообщества о всех конфликтах, риторике и стратегиях поведения политиков, законодателей и администраторов при решении конкретных проблем. Прежде всего – о последствиях проигрыша или отказа от права сопротивления. Такая информация нужна для обсуждения данной проблемы всеми заинтересованными участниками. Обсуждение необходимо для уяснения причин права использования сопротивления и актуального раздвоения на политико-административную и научную деятельность в конкретных сферах науки.

4. Политизация – показ конфликта как значимого для общества. Деградация науки имеет фундаментальное значение для научной культуры общества, в котором граждане живут, учатся и работают.

Раздвоение на политику и науку – характеристика современной реальности. У политиков и чиновников нет доброй воли, воображения, рассудка, знания, умений, необходимых для принятия полезных решений. Поэтому право сопротивления есть выбор правильной позиции. Политики и чиновники обычно связывают свой поли-

тический курс с убеждением научного сообщества. Для этого они используют целую орду спичрайтеров, экспертов, публицистов. Выводы политико-чиновничьих клик обычно содержат оптимистические образы мира и призывы к гражданскому единству властвующих и подвластных. На эти побрякушки и надо обратить особое внимание. Напомню, что апелляция к групповым интересам и идеалам - классическая техника разрушения морали тех, кто сопротивляется.

Автономия ролей исследователя, педагога и эксперта присуща обществу, в котором плюрализм, полицентризм и полиморфизм – конститутивные компоненты социального порядка. В советском обществе независимых экспертов не было. Пресекались даже попытки выполнения такой роли. Руководство СССР трактовало любых специалистов как «всю королевскую рать», независимо от их службы в академических институтах, университетах, партийном и административном аппарате. Независимые ученые-эксперты чаще всего использовали лозунг *улучшения и обновления социализма*. И не ставили перед собой цель подрыва советского общества и государства.

Чем руководствовались ученые в роли экспертов - оппортунизмом, партийной дисциплиной, карьеризмом или научной истиной? Вопрос требует специального обсуждения в отношении конкретных лиц, проблем и ситуаций. Но независимо от мотивов они выступали большими или меньшими холоуями власти. Стиль и техника управления наукой в СССР сформировали особую ментальность политиков, чиновников, экспертов. Сегодня в России практически нет таких научных групп, которые способны выделить в разных ситуациях экспертов, работающих ради науки и ведущих борьбу с политико-чиновничьими кликами как элемент «обустройства России». А те, кто готов участвовать в сопротивлении, не могут найти компетентных специалистов, верных научному этосу при экспертизе. Большинство ученых не имеет представления о достоинствах науковедения. Все это отрицательно характеризует интеллект и мораль тех, кто сам или в группе обязан обеспечивать условия для ведения битвы за научную истину.

Поэтому в современной ситуации jus resistendi ученых крайне необходимо. Ученые постоянно сталкиваются с действиями, которые наносят вред науке, ученым и научной культуре как части со-

циальной культуры. Субъектами таких действий являются лица, которые трактуют проблемы политики и науки по аналогии с миром реального социализма. Риторика современных политиков и чиновников напоминает язык советских клик и является зеркалом их ментальности. В ней реализовано убеждение в сверхкомпетенции и всемогуществе. Использование права сопротивления означает также дистанцию в отношении тех, кто управляет наукой на протяжении всего постсоветского времени. Современные политико-чиновничьи клики продолжают стиль прежних и дилетантизм новых «командиров науки».

Болезни общества реального социализма усилились на протяжении последних 20 лет и пополнились рядом новых. Деграция науки стала господствующей тенденцией на фоне коррупции, бесилия прокуратуры, суда, милиции, ФСБ, компрометации политиков и администраторов, кризиса авторитета всех «государственных мужей» и институтов. Сегодня в вопросах истины, добра и справедливости доверять некому.

Болезни науки переплетены с болезнями всех сфер государства: юридической (установление и применение законов), политической (парламент, министерства, СМИ, реклама), кадровой (критерии продвижения на посты), экономической (государственное субсидирование культуры и науки) и ведомственной (отношения между министерством образования и науки, академическими учреждениями и университетами подобны отношениям между центром власти и сетью подчиненных структур). Бюрократизация структур научной жизни – реальность сегодняшнего дня. Большинство ректоров вузов выполняют роль уполномоченных Министерства образования и науки. В отношении вузовского сообщества они выступают сторонниками и защитниками *raison d'état*. Их действия нередко направлены на то, чтобы поставить себя и бюрократическую олигархию над сообществом университета.

Наблюдается также отчуждение управленческих структур университетов и НИИ от большинства научных работников. Одновременно происходит деморализация большинства. В этой ситуации официальные речи руководства, провозглашающих необходимость «профессионализма», фиксируют состояния «административной грации и восторга». Большинство законов можно только подтереться. Или - вслед за С.Беккетом - назвать «курсом на худшее».

Возникает альтернатива между гипотезой о сознательном нанесении правительством России вреда науке или признанием политико-административным безумием экономики на науке и образовании. Я думаю, борьба за существование науки и статус ученых должна проводиться под девизом: «Ни одного решения без нашего участия». Надо заменить административную централизацию действительным самоорганизацией и гражданским просвещением ученых. Социальный порядок российского общества как «машины и винтиков» (М.Геллер) надо раз и навсегда перечеркнуть. Заменить архипелагом множества автономных сфер с признанием их прав. Роль государства в этом случае сводится к устранению помех для развития научной культуры. Деграция науки и статуса ученых деморализует мастеров и учеников. Отношение «мастер – ученик» все более заменяется отношением *шеф-персонал, патрон-клиент*. Все это свидетельствует о дальнейшей патологизации науки.

В заключение отмечу, что научные учреждения должны оставаться местом, в котором изучают, обсуждают и осмысливают проблемы, сходные для различных культур и пространств. Однако на протяжении XX века усилилась тенденция превратить научные учреждения в топосы, в которых насаждают или решают социальные и политические вопросы. Угроза потери научными учреждениями своих функций и превращения их в придаток государственной машины или властвующих партий возрастает. Поэтому, на мой взгляд, проблема применения теории колаборационизма к объяснению поведения ученых становится центральной. Таково еще одно направление разработки идей М.К.Петрова.

Послесловие: перспективы дискуссии

В наследстве Петрова можно вычленить пласт политико-философских проблем. Некоторые из них я описал в этой книге, не претендуя на полноту. Главная проблема состоит в том, что ученые поддерживали деспотические режимы по причине этатизации науки. Этот феномен базируется на связи науки с военно-промышленным комплексом. Данная связь – разновидность коллаборационизма. М.И.Семиряга подсчитал: число коллаборационистов в странах Европы в период второй мировой войны было примерно таким же, как и число участников Сопротивления. По численности коллаборационистов СССР - чемпион Европы. Особенно податливы на коллаборационизм интеллигенция, промышленные круги, криминальные элементы, авантюристы и карьеристы любой страны. Все они обычно выступают в защиту «профессионализма», который маскирует бытовой, административный, экономический и военно-политический коллаборационизм. Только последний вид коллаборационизма можно квалифицировать как измену родине. При этом важно учитывать различие намерений конкретных граждан (неприятие существующего в стране политического строя) и следствий измены родине.

Главное основание коллаборационизма - степень справедливости данного общественного строя: «Ликвидировать коллаборационизм или, по крайней мере, свести его к минимуму можно лишь при условии, если воин будет считать общественный строй в своей стране справедливым, а его защиту рассматривать как свой перво-степенный долг. Это первое условие для устранения коллаборационизма целиком зависит от господствующих политических сил в данной стране»⁵²⁶. Иначе говоря, предпосылки коллаборационизма складываются *внутри*, а не вне страны.

К.Шлегель показал, как главные партийно-государственные структуры СССР и Германии (Коминтерн, дипломатия, разведка,

⁵²⁶ Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны. М., РОССПЭН, 2000, с.10

армия) и политико-идеологические ориентации (подпольная деятельность, публицистика, журналистика, геополитика, историческая наука) в период между первой и второй мировыми войнами накапливали потенциал и формировали «ландштафт предательства»⁵²⁷. История советской науки показывает: изменить родине можно, не выходя за пределы Садового кольца...

На протяжении XX в. опасность войны и связанная с ней структура экономических, социальных, политических и идеологических отношений и институтов пронизала все страны Европы. В этой ситуации большинство российских/советских ученых пошли на сотрудничество с властью, уничтожавшей свое население не меньше, чем в войнах с внешним врагом. В СССР было уничтожено 20 млн., в Китае 65 млн., в Северной Корее 2 млн., во Вьетнаме 1 млн., в Камбодже 2 млн., в Восточной Европе 1 млн., в Латинской Америке 150 тыс., в Африке 1,7 млн., в Афганистане 1,5 млн., в мировом коммунистическом движении 10 тыс. человек⁵²⁸. Поэтому правительства СССР и других социалистических стран были чужими по отношению к своему населению. Наука усиливала эти правительства. Значит, ее судьба сопоставима с судьбой Русской православной церкви, для которой коллаборационизм - самый привычный способ поведения⁵²⁹. Проблема смещается к классификации видов коллаборационизма и сопротивления в научном сообществе.

Например, если вслед за Э.Нольте считать войну 1939-1945 гг. не второй мировой, а европейской гражданской войной, то поведение ученых от гражданской войны в России до настоящего момента приобретает совершенно новое и актуальное звучание. И выходит за рамки избитого противопоставления тоталитаризма и модернизации.

Комплекс «служения государству» непосредственно связан с настоящим моментом. Главным в предшествующей истории было разрушение: «Фактически, на протяжении человеческой истории случилась колоссальная потеря приобретенного опыта и знаний»⁵³⁰.

⁵²⁷ См.: Шлегель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1919-1945). М., Новое литературное обозрение, 2004

⁵²⁸ См.: Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л. Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии. М., 1999, с.37

⁵²⁹ См.: Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М., Новое литературное обозрение, 2004

⁵³⁰ Морен Э. Принципы познания сложного в науке XXI века // Вызов познанию: стратегии развития науки в современном мире. Отв.ред. Удумян Н.К. М., Наука, 2004, с.19

Наука участвовала в разрушении. Значит, все модели организации науки (колониально-имперская, революционно-бюрократическая, самодержавно-бюрократическая) являются воплощением научно-технической контрреволюции. В России ситуация обостряется: ни дореволюционный, ни советский опыт, ни заимствование закордонных моделей не помогут в решении проблемы.

Может быть, вернуться к публичному (а не цеховому) обсуждению концепции П.Фейерабенда: науку (вслед за религией) надо отделить от государства? Однако даже классическое требование отделить религию от государства встречает жесткое сопротивление современных православных иерархов. Что же тогда говорить о научных архиереях? Но социальная история науки позволяет уточнить П.Фейерабенда. Сами политические цели науки (обещания ученых создать новые технологии и оружие, обеспечить захват и освоение территорий, рост военного могущества, международного влияния, финансово-экономическое процветание, разрешение социально-политических конфликтов) относятся к научно-политической риторике. Она устарела (могу привести множество примеров), не подтверждается эмпирически (многочисленные институты мира и разрешения конфликтов несколько не уменьшили число конфликтов во второй половине XX века) и требует переосмотра.

М.К.Петров отстаивал принципиальную противоположность науки и политики, познания и управления. По принципу контраста с советской наукой и использования его идей нетрудно построить идеальный тип научной политики, для чего нужно: разорвать связь верхушки научного сообщества с аппаратом контроля над наукой; исключить подчинение научной политики приоритетам государственного аппарата; исключить централизм и иерархию в научных учреждениях; конкуренцию групп внутри научных дисциплин заменить сотрудничеством; исключить административный контроль над планами научных исследований, институциональной структурой, назначением на должности и международными связями; исключить все перечисленные виды риторики при взаимодействии научного сообщества и власти; общественный престиж науки и

привилегии ученых могут устанавливаться только на основе многообразия видов равенства⁵³¹.

По сути дела, речь идет о восстановлении всей системы разрушенных социальных связей науки с обществом. Прежде всего - о долгом прощании с советской системой.

Приведу один пример. В СССР доступ к «кремлевской вертушке» означал политическую силу, социальный престиж и материальное процветание. Сегодня мобильник - элемент быта. На фоне каждого телефонного болтуна и рекламного клипа, его пропагандирующего, маячит советский чиновник со всеми его социальными конотациями. Но институты производства и рекламы всяких «телекомов» обходят это «бревно в глазу». Значит, переплетение рынка с советским наследством обеспечивает воспроизводство технократического и утилитарного видения мира в сфере, так сказать, интимной свободы потребления и болтовни, а не только высоких сфер научной политики.

Как разорвать связь науки с военно-промышленным комплексом? Целые поколения российских и закордонных ученых воспитаны в другой парадигме. Вся система научных и политических институтов современной России устроена совсем не для снижения «цены убеждений» (если использовать метафору Д.Норта). По крайней мере, все идеи Петрова нашли эмпирическое подтверждение. Значит, их надо превратить в Библию светской культуры. И преподавать в школах вместо Основ православной культуры.

Кроме того, их можно использовать для анализа современной российской науки. В том числе изучения сходства и различия социальной истории русского православия и русской науки - от математики до философии. Надо описать политико-административные и идеологические группировки, роль геронтократии, современные формы проявления конфликта научных школ Москвы и Петербурга, центра и провинции, научно-административные клики, кланы и команды во всем комплексе научных дисциплин, формы воспроизводства «вотчинной системы» в науке и образовании России. Это поможет уточнить тезис о соотношении профессиональной и политической свободы в современном научном сообществе.

⁵³¹ См.: Макаренко В.П. Равенство: логико-методологический анализ // Общество и экономика. 2003, № 11

Петров считал, что есть два абсолюта – младенец и глобальный феномен науки. Биокод младенца – величина постоянная. Она эмануирует человекоразмерность на все исторические события. Пресечение потока младенцев в ядерной катастрофе отменяет человеческую историю и науку. Упразднение глобального феномена науки в законах (инструкциях) государства вернет человечество на этап истории, на котором не было науки.

Смысл жизни человека как естественного, социального и разумного существа – мир знаков и форм общения (языков науки). Главные цели человечества – защита обеих абсолютов от угроз. Генетическая инженерия определяет «талант» как набор врожденных способностей. Но это невозможно без атрибута всеведения, которым никто обладать не может. Главная угроза глобальному феномену науки – прогрессирующий моноглоитизм ученых и государственный протекционизм. Большинство осознает баланс блага-зла в пользу блага. При этом зло рассматривается как продукт несовершенства умов и инстанций, которые не свободны от заинтересованности, субъективности и ценностей. Но ни один государственный деятель не имел до сих пор представления о безлаговой модели науки и онаучивания общества: все участники решения проблемы понимают языки друг друга; сразу после публикации узнают о ее появлении и содержании; свободная миграция таланта; рост группы участников решения за счет новобранцев. Эта модель задает абсолютные критерии добра и зла: рост лагов – зло, сокращение – добро.

Для борьбы с указанными тенденциями Петров предлагал:

Создать нормативный учебник естественных языков для подключения к глобальному феномену науки всех взрослеющих индивидов. Такой учебник – противоядие от линейной психологической установки и связанной с ней склонности к знаковому фетишизму. Страт Греко-латинской лексики – это интегрирующее ядро интернационального потока научных публикаций. На четыре языка науки приходится 95-99% мирового научного продукта. Поэтому их знание – необходимый минимум. Полиглот-для-науки должен знать шесть языков. Каждое описание предметного мира и его отражение в языке теории дает шесть вариантов. Универсальная модель языка-системы постоянно будет учить искусству перевода на родной язык

специфики иных ходов мысли. Поэтому надо абстрагироваться от родного языка и не приписывать ему роль медиума.

Создать учебник-терминал - сумму общих сведений о глобальном феномене науки, истории, самоорганизации и самоинституционализации, роли в уподоблении национальных T-континуумов, интернациональном потоке публикаций и описание переднего края науки. Учредить постоянную службу учебника-терминала на государственном уровне.

В зависимости от способности государства решить указанные проблемы Петров определял патриотизм как отказ от экстенсивной и переход на интенсивную модель науки. Страна, которая первой возьмется решать эту задачу, получит преимущество перед всеми остальными. Система образования – это часть приложения результатов для развития и совершенствования врожденных ментальных способностей человечества. Интенсивная модель онаучивания общества нужна ради сохранения и укрепления ментального единства человечества.

Но свободны ли ученые и являются ли они патриотами, если используют указанные модели или их комбинацию в своем поведении? Речь идет о поиске когнитивных альтернатив существующему положению вещей.

Как было показано в книге, Д.Холловэй при описании советского атомного проекта руководствуется стереотипами англо-американской советологии. Она заимствовала свой идейный арсенал не только из стереотипов советской политики, идеологии и пропаганды, но и у сил, потерпевших поражение в гражданской войне в России. К.Шлегель показал, что «Смена вех», евразийцы и младороссы были идеологической разновидностью операции «Трест»: хотели поставить потенциал эмиграции на службу Советской России и призывали к возвращению в СССР; издавали на советские деньги в Европе газеты; толковали русскую революцию как творческий процесс, в ходе которого на почве России – по ту сторону Востока и Запада – должен сложиться новый синтез; признавали большевизм исконно русским явлением; видели в Советском Союзе не представителя большевистской мировой революции, а Российскую империю; сформулировали идеи корпоративизма,

третьего пути между либерализмом и большевизмом, национализ-
ма⁵³².

Все эти идеи были реанимированы в постсоветское время (вплоть до речей В.В.Путина, идеологии и практики «Единой Рос-
сии»)⁵³³. Что еще раз доказывает тотальное эпигонство постсовет-
ских политических и идеологических структур.

Генезис и многообразные когнитивно-политические и институ-
циональные следствия указанного эпигонства – особый предмет ис-
следования. Здесь я только отмечу, что для описания специфики
проявления данного шаблона в американской экономической науке,
деятельности и мышлении ЦРУ-КГБ, а также по аналогии с педера-
стией И.Бирман ввел термин «советоложество»⁵³⁴. Сходные сужде-
ния высказывает М.Кастельс⁵³⁵. Я предлагаю несколько дополне-
ний к этому подходу.

В ранее опубликованных работах я показал, что огосударствле-
ние средств производства не ведет автоматически к ликвидации
эксплуатации, а, наоборот, в конкретно-исторических обстоятель-
ствах становления и укрепления советской власти увеличивает экс-
плуатацию⁵³⁶. Советское государство было совокупным эксплуата-
тором природных и человеческих ресурсов страны. Исайя Берлин
доказал, что в СССР развились две формы эксплуатации:

- *экономическая*, в которой эксплуататором выступало государ-
ство - те, кто контролирует аппарат принуждения и власти. Причем,
в СССР экономическая эксплуатация осуществилась в «чистом ви-
де», в лабораторных условиях, немислимых на Западе;

- *идеологическая*, которую осуществляли поддерживаемые вла-
стью интеллектуалы - лакеи правящей клики. Их продукция (идео-
логия, литература и искусство, философия и социогуматарные нау-
ки) есть «опиум для народа». Поэтому советское общество нельзя
считать цивилизованным в обычном смысле слова: «Мы имеем де-
ло с таким случаем, когда нет ничего менее успешного, чем сам ус-
пех»⁵³⁷.

⁵³² См.: Шлегель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя вой-
нами (1919-1945). М., Новое литературное обозрение, 2004, с.158-159

⁵³³ См., например: Суверенитет. Составитель Н.Гараджа. М., «Европа»

⁵³⁴ См.: Бирман И. Я – экономист. М., Время, 2001, гл.13, 14

⁵³⁵ См.: Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000, гл.8

⁵³⁶ См.: Макаренко В.П. Марксизм, идея и власть. Ростов-на-Дону, изд.РГУ, с.243-245

⁵³⁷ См.: Берлин И. История свободы. Россия. М., НЛО, 2001, с.365

В отличие от Д.Холловэя я предлагаю рассматривать советский атомный проект как практическое воплощение экономической и идеологической эксплуатации с помощью науки. Уместно напомнить, что в XX в. состоялось две мировых войны, в результате которых было уничтожено 50 млн. человек. На протяжении второй половины века велась интенсивная подготовка к третьей мировой войне. Во многих странах мира произошли революции и гражданские войны, в результате которых на протяжении XX века прокатилось 4 волны диктатур: первая (после первой мировой войны) охватила Россию, Италию, Болгарию и Румынию; вторая (после мирового экономического кризиса 1928-1930 гг.) захлестнула СССР, Германию, Австрию, Венгрию, Польшу, Румынию, Чехословакию, Прибалтийские государства, Португалию и Испанию; третья (после второй мировой войны) охватила все европейские и азиатские страны социалистического блока; четвертая началась в 1950-е гг. и наряду со странами Варшавского договора охватила Парагвай, Гаити, Никарагуа, Кубу. Во всех указанных странах насилие государства над населением играло главную роль. Последствия такого положения вещей ощущаются до сих пор и влияют на международную ситуацию в XXI веке⁵³⁸.

Советская Россия - «образец» использования массового насилия как средства государственного управления. Применение этого средства в разных странах привело к уничтожению 95 млн. человек. Впервые в истории число жертв социальных преобразований превысило число жертв мировых войн: «СССР стоит на первом месте по логике, продуманности и последовательности в осуществлении насилия. На втором месте стоит Камбоджа, в которой за 3,5 года было уничтожено посредством пыток и голода ¼ часть населения страны. Третье место занимает Китай по абсолютному числу жертв»⁵³⁹.

Приведенные цифры и констатации позволяют сделать вывод: советский атомный проект – существенный элемент политического насилия, которое переплелось с экономической и идеологической эксплуатацией. Показательно, что Д.Холловэй считает опасным делом обсуждение моральных аспектов производства советского

⁵³⁸ См.: Драганов М. XX век: волны диктатур // Философские науки. 1991, № 2, с.38-48

⁵³⁹ См.: Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л. Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии. М., 1999, с.37

атомного оружия. Здесь его точка зрения совпадает с мнением большинства участников данного процесса, мнения которых преобладают в литературе, посвященной вопросу. Между тем существуют иные подходы к анализу проблемы о соотношении науки и военно-промышленного комплекса, а также влияния атомного проекта на последующее развитие событий.

С сорокалетним запозданием в России опубликован классический труд Фрица Рингера «Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1893-1933». В нем показано, как идеология большинства немецких ученых (от физиков до философов и социологов) эволюционировала в сторону обслуживания фашистского государства. Д.Александров на основе данного труда ввел концепт «советских мандаринов» для описания принципиального сходства социальных позиций немецких и советских ученых: «В советской системе ... профессора, а тем более члены Академии наук, не просто получали жалованье и многочисленные привилегии от государства, они чувствовали, что служат своей стране и ее культуре, а сам их *тесный симбиоз с государством был выведен за пределы их сознания*»⁵⁴⁰ (курсив мой, В.М). Вряд ли английский историк науки не знал о существовании этого труда. Сам факт пренебрежения выводами данной работы свидетельствует, что для Холловэя данной проблемы не существует.

Между тем концепт «советских мандаринов» уже в значительной мере использован в ранее указанном капитальном труде петербургских ученых, в котором описаны главные модели связи науки с государством. С институциональной точки зрения, а также в контексте исследований взаимосвязи между культурой и империализмом⁵⁴¹ советскую науку можно рассматривать как воплощение английских колониально-имперских, французских революционно-бюрократических (техно-якобинских) и российских самодержавно-бюрократических интересов и амбиций власти и ученых. Атомный проект послужил основным средством такого воплощения.

Вполне понятно, что у атомного проекта были, есть и будут наследники. Их невозможно обойти вниманием. В частности, Х.Гастертон - профессор антропологии и исследований науки Мас-

⁵⁴⁰ См.: Александров Д. Немецкие мандарины и уроки сравнительной истории // Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890-1933. М., НЛЮ, 2008, с.630

⁵⁴¹ См.: Edward W.Said. Culture and Imperialism. New York, Alfred A.Knopf, Inc. 1993

сачусетского технологического института (США)⁵⁴² – описал результаты этнографического исследования, которое было проведено в 1987-1990 гг. в Лоуренсовской национальной лаборатории в Ливерморе – одной из двух лабораторий в США, где в период «холодной войны» разрабатывалось ядерное оружие⁵⁴³. Их сотрудники испытывали научные, политические и стратегические сомнения в отношении СОИ. Считали неразумным выделение больших средств на проекты, чреватые политическими конфликтами, при недоказанности их технического воплощения.

Раньше антропологи изучали общества «третьего мира», бедные, малообразованные, лишенные власти группы населения, этнические меньшинства европейских стран и США. Теперь в центре внимания оказались привилегированные группы ученых – разработчиков ядерного оружия. Главная цель исследования состояла в изучении политики, культуры и психологии группы ученых, а не анализ развития области знания, которое до сих пор составляет государственную тайну. Сообразно цели формулировались конкретные вопросы: какого типа люди становились разработчиками ядерного оружия? как они представляли себе смысл своей работы? какое значение они отводили своей работе в рамках глобальной системы международных отношений? Причем, политика, культура и психология разработчиков оружия изучалась параллельно с анализом политики, культуры и психологии активистов антиядерного движения, которые в 1980-е гг. пытались положить конец работам лаборатории.

Стратегия исследования Х.Гастертонна состояла в следующем:

1. Он следил за жизнью лаборатории по публикациям в семи местных газетах, каждая из которых давала критические публикации о лаборатории.

2. Будучи гражданином Англии, переселился в Ливермор, который в отличие от российских закрытых городов является открытым городом, где могут жить и работать иностранцы. Он знакомился, встречался и беседовал с местными жителями.

⁵⁴² См.: Гастерсон Х. Ливермор глазами антрополога // ВИЕТ. 1995, № 2, с.88-105

⁵⁴³ В этой лаборатории было разработано 18 видов ядерного оружия, в том числе нейтронная бомба, боеголовки для «Минитменов», «Посейдонов» и крылатых ракет, работали над созданием орудий космического базирования, вели исследования в области генетики, медицинской биологии, новых технологий очищения окружающей среды, парниковым эффектом и вопросами контроля над вооружениями.

3. Ходил на собрания антиядерных групп, в том числе на закрытые для публики собрания руководителей антиядерного движения, присутствовал на акциях протеста у стен лаборатории и на Невадском ядерном испытательном полигоне для документирования.

4. Проводил интервью с разработчиками оружия и участниками групп протеста.

В интервью с учеными-оружейниками Хастертон сосредоточивал внимание на этических проблемах, связанных с созданием оружия, и смыслах, вкладываемых ими в ядерные испытания. Ввиду секретности работы ученых-оружейников, а также, чтобы не заподозрили в шпионаже в интересах другой державы, он не задавал вопросы о технической стороне работы. В интервью с активистами антиядерного движения он сосредоточивался на том, как они оценивают ядерные испытания, эффективность собственных действий и их личные полномочия⁵⁴⁴.

Кратко изложу главные результаты исследования, которые включают анализ социального состава и методов подбора персонала в лабораторию, этических аспектов разработки ядерного оружия и перспектив военно-промышленного комплекса.

В 1980-е гг. типичный ученый-разработчик ядерного оружия в Ливерморе был: белокожим мужчиной; происходил из низов среднего класса или рабочего класса; первым в своей семье получил высшее образование; оно было средством восхождения по социальной лестнице; обеспеченные семьи не направляли своих детей в сферы, связанные с разработкой оружия. 75% относились к практикующим христианам, из них 20% католики. Это отражает социальное происхождение большинства ученых лаборатории (католики преобладают на нижних ступенях американской классовой системы).

Активисты антиядерного движения обычно принадлежали к среднему классу и состоятельным семьям. Этот факт согласуется с теориями политической социологии, согласно которым руководители новых социальных движений (за мир, охрану среды) принадлежат к радикализированным слоям буржуазии, особенно к группам, имеющим гуманитарное и социальное, а не естественное образование.

⁵⁴⁴ Было охвачено 64 сотрудника лаборатории и их 23 супруги, 48 активистов антиядерного движения, 8 местных попов, 5 журналистов, 3 бывших мэра и 5 психотерапевтов, консультировавших сотрудников Лаборатории.

Большинство ученых оказалось приверженцами политического либерализма. Этот результат фиксирует двойственность ученых: республиканцы поддерживали разработку ядерных вооружений сильнее, чем демократы; ученые предпочитали обсуждать вопросы, связанные с ядерным оружием, в терминах прагматизма и рационализма, а не на языке политической идеологии. «Для них гонка вооружений была не столько откровенно политическим, сколько технократическим проектом, в работе над которым могли сотрудничать ученые, симпатизирующие разным партиям»⁵⁴⁵.

Обычно после окончания университетов американские ученые и инженеры стремятся к двум целям: найти способ зарабатывать на жизнь; по-прежнему наслаждаться духом свободы и интеллектуального кипения университетских лет. Но это происходит «уже в контексте общества, где научная деятельность в значительной степени подчинена интересам военного ведомства и больших корпораций»⁵⁴⁶.

В основном по военным проектам работают математики, физики, инженеры авиационного и космического профиля, инженеры-электрики и инженеры-механики. Но многие университетские физики утверждали, что к 1980-м гг. работа над ядерным оружием стала неинтересной в научном плане, став (по словам одного профессора) «примерно такой же захватывающей, как разработка новой зубной щетки». Большинство сотрудников лаборатории не считало национальную безопасность и патриотизм главными мотивами поступления в лаборатории, а шло на работу «ради физики». На деле новичок мог зарабатывать на 15 тыс.долл. в год больше, чем младший преподавательский состав в университете. Лаборатория могла представить возможность вести фундаментальные исследования, в отличие от частной индустрии, где большинство ученых занимаются изучением сбыта и технических вопросов.

Большинство сотрудников лаборатории не считали также идеологию и зарплату решающей причиной поступления на работу. Причиной они указывали антипатию к университетским департаментам и индустриальным корпорациям, приветливую атмосферу лаборатории, интересные научные задачи и хорошее оборудование. Изображали лабораторию как учреждение, обладающее преимуще-

⁵⁴⁵ Гастерсон Х. Указ.соч., с.95

⁵⁴⁶ Там же

ствами университета, но лишенное его недостатков. Тем более что в плане ограничения свободы университет все более напоминает военное ведомство (университетский принцип «печатайся или погибай» и вытекающая из него иерархия). Они находили работу стимулирующей и захватывающей, поскольку имели доступ к дорогому, сверхсовременному оборудованию (суперкомпьютерам, лазерам, спектрометрам и т.д.). Один ученый назвал все это «абсолютный магазин игрушек».

В лаборатории разрабатывалось оружие, которое могло убить сотни миллионов людей и уничтожить всю человеческую цивилизацию. Это ставило серьезные моральные проблемы.

На Западе развиты два направления в обсуждении моральных проблем, порожденных ядерным оружием:

1. Деонтология руководствуется принципом «дурных намерений»: плохо намереваться или угрожать сделать то, чего не подобает делать. Отсюда вытекает, что не следует совершать зло ради достижения добра. Это относится к разработке и угрозе применения ядерного оружия ради предотвращения войны.

2. Консеквенциалисты утверждают: о действиях надо судить по последствиям, а не по чистоте средств. Если в системе взаимного устрашения угроза превратить миллионы мирных жителей в пепел предотвращают это, то угрожать нравственно и безнравственно не прибегать к таким угрозам.

Все ученые-оружейники Ливерморской лаборатории почти без исключения были консеквенциалистами. Активисты антиядерного движения и критики лаборатории считали, что ее сотрудники никогда не утруждали себя раздумьями о моральной стороне их работы. Большинство ученых-оружейников чувствовали себя глубоко оскорбленными этими нападками и настаивали на том, что они просто имеют иные этические взгляды, чем их критики, но не лишены таковых.

Каков же процесс, который позволяет ученым-оружейникам привыкнуть к работе по созданию ядерного оружия? 1. Большинство размышляло об этических проблемах, но приватно, а не в форме дискуссии с коллегами или членами семьи. Причем, каждый считал себя исключением в том смысле, что только он об этом размышлял. 2. Размышление шло в глухом одиночестве: оружейники полагают, что другие люди не задумывались об обосновании разработки ору-

жия в той же мере, в какой они задумывались об этом сами. 3. Основа этого процесса – социализированный индивидуализм и коллективный уход в приватность. Существует общее представление, что этические вопросы работы над оружием следует продумывать в одиночку.

Один администратор, работавший в лаборатории с момента ее основания (1952 г.) не мог припомнить, чтобы во время интервьюирования кандидаты высказывали сомнения в работе над ядерным оружием. Причем, он сам задавал вопрос о готовности к работе в форме, которая делала более вероятным ответ «да» вместо того, чтобы побудить их основательно подумать о том, где они проведут свои собственные моральные границы. Он хотел, чтобы интерес к физике перевесил их естественную антипатию к работе над оружием.

Интервью – важный порог в общественном производстве идентичности новичка как ученого-оружейника: это момент, когда он явно или неявно соглашается присоединиться к моральному сообществу ученых-оружейников. С этого момента он включены в процесс самоопределения, выйти из которого можно, но трудно.

По мере того как ученые-оружейники социально и идеологически матерятся, у них развивается твердая приверженность Центральной Аксиоме Лабораторной Жизни: Лаборатория разрабатывает ядерное оружие, чтобы обеспечить в мире, стабилизированном ядерным устрашением, гарантию того, что ядерное оружие никогда не будет пущено в ход. Отсюда вытекает моральная схоластика: большинство считают, что работа над ядерным оружием (которое на деле есть средство геноцида) более этична, чем работа над обычным оружием; не заниматься созданием ядерного оружия в своей стране (ставя собственное население под угрозу хищнического нападения) не менее сомнительно в моральном плане; уверенность до мозга костей, что стратегия ядерного устрашения не даст сбой.

Таким образом, ученые-оружейники находят разные способы примириться со своей профессией, однако лишь в редких случаях прибегают к открытому обсуждению с коллегами. Все они считали, что ядерное устрашение – здоровая, жизнеспособная стратегия в период холодной войны, лучший способ поддержания стабильно-

сти и предотвращения третьей мировой войны. Поэтому возражали против прекращения ядерных испытаний после ее окончания.

В начале 1990-х гг. в Лаборатории было свернуто наполовину финансирование, многие вышли на пенсию, 1000 сотрудников ушло, моральный дух упал, люди боятся лишиться работы. Но больше всего сотрудники Лаборатории жалуются на то, что у них нет ясного ощущения своей миссии, представления о своем будущем предназначении в новом мире, начало которому было положено окончанием «холодной войны». До тех пор, пока облик мира не станет более отчетливым, будущее Лаборатории обречено на неясность.

Таким образом, все стереотипы мышления Д.Холловэя воспроизводятся в военно-промышленном комплексе США. Если использовать позиции П.Л.Капицы и М.К.Петрова для оценки наследников Сахарова и анализа военно-промышленного комплекса современной России, то выводы Х.Гастертонна не помешают. По крайней мере, они позволяют оспорить выводы Д.Холловэя: советский режим поддерживал науку, одновременно разрушая научные дисциплины; наука и техника влияли на советскую идеологию, организацию и политику; русские интеллектуалы до и после Октябрьской революции считали науку силой, работающей на рациональность и демократию. Одновременно эти исследования можно сопоставить с выводами М.И.Семиряги.

Он показал, что ссылка на профессионализм (в том числе научно-технический) с успехом может обслуживать коллаборационизм. М.И.Семиряга выделяет следующие виды коллаборационизма: бытовой, административный, экономический, военно-политический.

Бытовой коллаборационизм – это танцы, вечеринки, просмотр кинофильмов вместе с солдатами противника. Административный коллаборационизм – это деятельность местных органов власти, созданных оккупантами. Известно, что на оккупированных территориях разных стран, в том числе и СССР, нередко крестьянам удавалось выбирать, где это было возможно, старостами или полицаями наиболее честных односельчан, которые могли бы умело защищать их интересы перед оккупационными властями. Экономический коллаборационизм – это создание частных мелких предприятий, которые обслуживали нужды населения. Их владельцев нельзя назвать коллаборантами. Приказ Сталина уничтожать при отступлении все материальные ценности, отданный в первые дни войны

и игнорировавший жизненные интересы покинутого населения, был неуместен и невыполним. Военно-политический коллаборационизм – это осознанное и добровольное сотрудничество с врагом в ущерб родине (шпионаж, диверсии, служба в вооруженных силах противника).

Только последний вид коллаборационизма можно квалифицировать как измену родине. При этом важно иметь в виду различие между субъективными намерениями гражданина, которые, по его мнению, оправдывают его сотрудничество с врагом (например, неприятие существующего в его стране политического строя), и объективными последствиями его действий, которые означают измену родине. Это особенно важно в критические моменты страны (в период войн): «Ликвидировать коллаборационизм или, по крайней мере, свести его к минимуму можно лишь при условии, если воин будет считать общественный строй в своей стране справедливым, а его защиту рассматривать как свой первостепенный долг. Это первое условие для устранения коллаборационизма целиком зависит от господствующих политических сил в данной стране»⁵⁴⁷.

Отсюда вытекает, что общую проблему измены родине можно рассматривать в контексте указанных видов коллаборационизма, причислив к ним и научно-технический коллаборационизм. Но можно ли поставить в один ряд всем известную судьбу Н.В.Тимофеева-Ресовского с судьбой немецких ученых, вывезенных в Советский Союз после второй мировой войны, занимавшихся производством советской атомной бомбы и заслуживших за это звание Героя Советского Союза?

По крайней мере, в XX веке проблема коллаборационизма и измены родине в XX веке стала универсальной. Ее изучают в контексте революций, войн и их последствий. Еще рано говорить о том, что эти последствия исчерпали себя. Поэтому следует учитывать научно-технический коллаборационизм в мирное время - т.е. сотрудничество с правительством своей страны. Термин «ленивая монополия» используется в экономической социологии для обозначения всех национализированных сфер промышленности – транспорта, связи, военно-промышленного комплекса, науки, образования и т.д. В этих сферах обычно занята научно-техническая и гума-

⁵⁴⁷ Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны. М., РОССПЭН, 2000, с.10

нитарная интеллигенция. Эта проблема открывает новые перспективы обсуждения феномена научно-технической контрреволюции в современных условиях постсоветской трансформации России.

Альбер Камю заметил: «Все могущество науки направлено сегодня на укрепление Государства. Ни одному ученому не пришло в голову использовать свои знания для защиты личности»⁵⁴⁸. Как это сделать? – поставлю вопрос перед читателем. При этом не мешает прислушаться к констатации Александра Бенуа, которую он сделал после трех месяцев существования советской власти: «Я верю в русскую мысль, а не в русское государство»⁵⁴⁹. Русский мыслитель Михаил Константинович Петров сделал немало для обоснования этой веры...

⁵⁴⁸ Камю А. Соч. в 5 т. Т.5. Харьков, Фолио, 1998, с.372

⁵⁴⁹ Бенуа А. Дневник. 1918-1924. М., «Захаров», 2010, с.34

Приложение

Стенограмма обсуждения

книги В.П. Макаренко

«Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли. Ростов н/Д, изд. Ростиздат, 2011» в Донской государственной публичной библиотеке 10 февраля 2012 г.)

Участники

Берлявский Л.Г., доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Владимирский Б.М., доктор биологических наук, профессор (ЮФУ)

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор (ЮФУ)

Ерохин Н.Е., ученый секретарь вузов Южного федерального округа РФ

Ерыгин А.Н., доктор философских наук, профессор (ЮФУ)

Коротец И.Д., доктор философских наук, профессор (ЮФУ)

Лубский А.В., доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор (ЮФУ)

Макаренко В.П., доктор политических и доктор философских наук, профессор (ЮФУ)

Муза Д.Е., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ГВУЗ «Донецкий национальный технический университет» (Донецк, Украина).

Старостин А.М., доктор политических наук, профессор (СКАГС)

Тищенко Ю.Р., кандидат философских наук, доцент (ЮФУ)

Научные сотрудники, преподаватели, аспиранты, студенты Южного федерального университета и других вузов, общественность Ростова-на-Дону

В.П. Макаренко. Уважаемые коллеги, очередное заседание клуба «Интеллектуальный Ростов» посвящено обсуждению моей

книги. Я уже немного рассказал о ней в интервью по телеканалу «Россия-24.Дон» 17 января 2012 года. Вести заседание будет профессор Анатолий Владимирович Лубский.

А.В. Лубский. Коллеги, выбор темы неслучаен. В апреле этого года исполнится 25 лет со дня смерти Михаила Константиновича Петрова, русского философа, историка, теоретика науки и культуры. Отдельным аспектам его жизни и творчества посвящены десятки работ. Но обобщающими можно назвать лишь брошюру Светланы Сергеевны Неретиной «Михаил Константинович Петров: жизнь и творчество» и совместную работу покойного Виктора Николаевича Дубровина и Юрия Романовича Тищенко «Михаил Константинович Петров – два эпизода и вся жизнь». В.П.Макаренко рассматривает идеи Петрова в ином ракурсе.

В отечественном интеллектуальном дискурсе существуют различные трактовки творчества М.К. Петрова. Одни считают Петрова знаковой фигурой советского философского дискурса, в котором слова-фигуры доминировали над словами-предметами. При этом советский дискурс рассматривается как язык интеллигенции без корней, религиозной веры, неба и земли. Другие полагают, что Петров занимает уникальное место в отечественном интеллектуальном пространстве XX века. Этой точки зрения придерживается и автор книги, которую мы будем обсуждать.

В начале обсуждения книги я хочу привести отрывок из письма Вяземского Пушкину: «Дорогой Саша! Откуда у тебя столько оригинальных мыслей?» Пушкин отвечает Вяземскому: «Дорогой друг! Я их нашел в чужих книгах». Этот пассаж напрямую связан с тематикой работы В.П.Макаренко – идеи Петрова как источник мысли. Поводом для обращения Макаренко к творчеству Петрова послужила неполнота, несостоятельность, сомнительность предшествующих интерпретаций. Речь идет о трактовках творчества Петрова как культуролога и семиотика. Как считает Макаренко, эти трактовки должны сопровождаться обнаружением принципиальных отличий теории Петрова от концепций Ильенкова, Лосева, Бахтина, Лотмана. В связи с этим автор предлагает новый методологический конструкт научно-биографического исследования в контексте социокультурной ситуации, в контексте сопоставления биографии Петрова с биографиями других мыслителей и советских философов. По замыслу автора, этот конструкт должен преодолеть одно-

сторонности тех подходов в научно-биографическому изучению творчества Петрова, которые основываются на презумпции благоговения или на презумпции подозрительности. Реконструкция идей Петрова осуществляется в рамках данной методологической установки. Это позволило автору предложить иной ракурс интерпретации творчества, в центре которого находятся идеи Петрова как порождатели новых мыслей. Какие мысли родились у В. П. Макаренко после реконструкции идей Петрова в контексте социокультурной ситуации? - лучше всего расскажет он сам.

В.П. Макаренко. Уважаемые коллеги, мне очень приятно, что вы пришли сюда. Я испытываю волнение от того, что приходится писать о человеке, которого мне трудно назвать своим учителем. Я слушал его лекции всего полтора года. Но у каждого есть нравственный и познавательный ориентир в жизни. Михаил Константинович, да еще один-два человека, которых я встретил на протяжении жизни, были, есть и будут для меня ориентиром в сферах этики, познания, отношения к действительности. В этой связи напомним, что в 2010 году под редакцией Светланы Сергеевны Неретиной вышла в Москве коллективная монография о М.К.Петрове. Мою книгу я не могу считать законченной. Некоторые главы я оставил «на потом» - они не были готовы для публикации. В Северо-Кавказском НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета в конце 2010 года создана совместная с Санкт-Петербургским филиалом Института истории естествознания и техники РАН лаборатория по истории, философии и социологии науки. Моя книга - первый труд этой лаборатории.

Книга посвящена реконструкции концепта научно-технической контрреволюции в трудах М.К.Петрова. Я рассмотрел проблемы социокультурного фона его творчества, ментальности, феномен служения государству и социальные следствия этого феномена, дискуссии о состоянии науки в современной России, модели научной политики и реального поведения индивидов в условиях массовой науки, коллаборационизм научно-технической и гуманитарной интеллигенции.

Основой книги являются мои статьи 2000-2010 годов. Первые варианты статей я излагал в виде докладов на чтениях, посвященных памяти Петрова. Такие чтения ежегодно проводятся на факультете философии и культурологи. Хочу поблагодарить присут-

ствующих здесь коллег-философов, которые причастны к организации чтений - Геннадия Драча, моего старого коллегу, Александра Ерыгина, с которым мы со студенческой скамьи переругиваемся или, наоборот, питаем друг к другу приятные чувства. Это – как в семье – всегда так бывает, когда люди по сорок и более лет знают друг друга. Коллеги-философы первыми слушали идеи, которые обобщены в книжке. Первыми вступали со мной в дискуссию. Их возражения стимулировали доводку начальных соображений до уровня публикаций. Постепенно цикл статей приобретал очертания книги. Здесь материал впервые собран под одной обложкой, хотя, повторяю, некоторые главы не вошли в книгу.

К настоящему времени уже обозначился круг авторов-петрововедов – я имею в виду покойного Виктора Николаевича Дубровина, Александра Павловича Огурцова, Юрия Романовича Тищенко и других. Я не назвал Александра Николаевича Ерыгина, а кого я еще не успел назвать (**Голос из публики: Мирского!**) – Мирского Эдуарда Михайловича. Но больше всех сделала для создания традиции разработки наследства Петрова Светлана Сергеевна Неретина. Она создала оптику восприятия и интерпретации его творчества. Хочу поблагодарить ее сердечно.

В большинстве посвященных Петрову публикаций он квалифицируется как культуролог. Однако профессор Валерий Савчук показал, что современная российская культурология является «дитём» советской системы идеологического воздействия, формой выживания различных советских идеологических дисциплин. Поэтому квалификация Петрова как культуролога нуждается в уточнении. Я это осознал после смерти Михаила Константиновича. Так случилось, что в одну неделю умерла моя мама, затем Михаил Константинович. Эти две смерти в моей памяти переплелись. После смерти Петрова нежданно-негаданно его хулители и гонители стали петь ему панегирики за разработку теории культуры. От этого у меня возникла изжога. О ней я впервые сказал на Третьем Всероссийском философском конгрессе и выдвинул тезис: Петров является ученым и мыслителем мирового ранга; его теоретическое наследство можно разрабатывать в нескольких направлениях. В книге они перечислены. Каждое направление разработки наследства Петрова можно развернуть в особую научно-исследовательскую программу. набросок такой программы я предлагаю в этой книге.

Одна тема имеет ключевое значение для организации материала. В 1965 году Петров писал: «Прежние формы подавления мысли носили очаговый характер. Под угрозой крупных неприятностей запрещалось публично размышлять над «решенными» вопросами. Подобные подходы, скорее, деформировали и уродовали мысль, но никогда, по существу, не преследовали задачу уничтожения мысли как таковой». Не буду продолжать цитату – каждый может прочесть в книге. Короче говоря, все творчество Михаила Константиновича пронизано иронией в отношении любых «решенных» вопросов. По его мнению, ни один вопрос социальной жизни не может считаться решенным. Обращаю внимание, что большинство известных деятелей XX века, претендующих (как сказал бы Гегель) на всемирно-исторические высоты, думали иначе. Поэтому история прошлого столетия может быть обозначена как множество претензий на абсолютное решение. В этом смысле объект рефлексии Петрова не исчез. Особенно на фоне современной пропаганды ностальгии по СССР внутри страны и использования культурно-цивилизационных сюжетов во внешней политике России.

Этот отрывок можно понять как программу исследования всех прежних и современных форм подавления, уничтожения, дренажа и парализации мысли. Исходный вопрос я формулирую так: «Сколько миллионов людей подверглось духовному оскотлению в нашей стране после 1917-го года, и как духовные скопцы воздействуют на нынешнее поколение жителей России и всей постсоветской ойкумены?» Вместо обсуждения этого вопроса по телевидению идут сюжеты о плотской импотенции. Но проблема духовной стерилизации не менее важна. Например, В.В.Налимов пишет: «Диктатура большевистской партии пала, но к этому времени практически уже не осталось духовно подготовленных представителей свободной мысли». Относительно Европы Петер Слотердаик добавляет, что те, кто одержим правом на свободную значимость, не способны быть субъектами регулируемого государства и оказываются вечно беспокойными и некастрируемыми анархистами.

Отсюда вытекает общий «евразийский», так сказать, вопрос: «Сколько к настоящему времени свободомыслящих осталось в России, а не кастрированных анархистов в Европе и Азии?» Вопрос не праздный. Галина Александровна Комарова показала, что большинство членов научного сообщества России любые новые идеи

встречает в штыки. По ее мнению, одна из причин состоит в том, что советская власть отучала граждан от саморефлексии в общественной и интеллектуальной жизни, боялась любых новшеств, хотела только порядка и спокойствия. Попытки самостоятельного переосмысления были крайне редкими, всегда вызывали резкий отпор системы и сильное сопротивление среды. Нынешняя российская академическая среда – часть советского общества. Поэтому серьезная методологическая рефлексия пугала и до сих пор пугает большинство ученых. Значит, само научное сообщество может быть формой подавления мысли.

Обращаю внимание, что эти качества науки Петров обсуждал пол-столетия назад. Он квалифицировал большинство научного сообщества как «научное поголовье». В этом смысле для меня было важно показать: то, что он писал, говорил на лекциях, коллегам в общении, – не является чем-то совершенно оригинальным и самобытным. Я фиксирую совпадение его идей с идеями выдающихся художников, ученых и мыслителей XX века – Чеслава Милоша, Льва Ландау, Пьера Бурдьё и др.

Идеи Михаила Константиновича – не нечто из ряда вон выходящее, а массивованная атака на множество стереотипов, которые Платон называл «устоявшимися обыкновениями». Напомню, что Петров считал главной задачей философии обоснование культурных революций и социальной критики. Он об этом писал специально, в статье «Научно-техническая революция и философия». Этим объясняется подзаголовок моей книги – «идеи Петрова как источник мысли». С.С.Неретина пишет о том, что наступает момент оглядки, когда обнаруживается, что труды Михаила Константиновича Петрова – надежный источник мысли. Одним из источников является концепт научно-технической контрреволюции, который я реконструировал в трудах Петрова. Я попытался в книжке объединить ряд идей Петрова в познавательную целостность. На три четверти книга опубликована в центральных журналах, а также в интернете.

Last but not least – я хотел бы поблагодарить присутствующую здесь мою Таточку – жену, Татьяну Александровну Марченко. Она всегда поддерживала, в самую крутую минуту, все мои начинания, в том числе это.

А.В. Лубский. Коллеги, какие будут вопросы?

А.М. Старостин. Виктор Павлович, два вопроса. В книге вы правильно сказали, что есть много вещей, которые вызывают изжогу, аллергию органическую, нерв, который болит и его надо удалить. Но есть ли у вас позитивный образ науки? У вас все не годится, неправильно, не так. А какую науку вы бы хотели видеть? Мне это вдвойне интересно, потому что я в двух вузах проректор по науке, ищу некий позитивный прикладной образец. А что мне строить – в оправдание для тех, кого я выпускаю? Можно вам заказать такой проект? Здесь сидящие разрабатывают для аспирантов философию и историю науки. Как вы позиционируете себя по отношению к Холтону, к Куну?

В.П. Макаренко. Я согласен с идеями Петрова относительно науки. Но предлагаю их дополнить соображениями Льюиса Хайда. В его книге «Дар. Как творческий дух преображает мир» (вышла на русском языке в 2007 г.) есть глава, в которой наука рассматривается не столько как область конкуренции, сколько как сфера и чувство солидарности, объединяющее людей. К сожалению, коммунистический идеал воплотить трудно. Когда я сошелся с Татьяной Александровной и начал ей развивать идеи братства по познанию, она отвечала: «Ты идеалист, такой науки не бывает, наука – удел одинок». Я с этим не согласен. Но отдаю себе отчет, что создать исследовательский коллектив – дело сложное, и это может быть предметом особого разговора. Однако уже есть теоретические альтернативы конкурентной модели науки. Одна из них содержится в книге Хайда. Давайте устроим семинар на эту тему, обменяемся мнениями по поводу концепций, которые позволяют дистанцироваться от привычного положения вещей, к которому все привыкли.

А.М. Старостин. А второй вопрос – про Холтона, Куну?

В.П. Макаренко. Мне ближе концепция социокультурных оснований науки Уоррена Хагстрема. В эти основания входит солидарность людей, для которых познание – главная цель. Напомню – Михаил Константинович отвергал «науку для должности». Вот это и есть позитивная программа. Я об этом пишу в книге.

Г.В. Драч. Было бы интересно услышать: в каком контексте используется у Петрова термин «контрреволюция»?

В.П. Макаренко. Из содержания статьи «Научно-техническая революция и философия» вытекает концепт научно-технической

контрреволюции. Та программа, которая содержится в этой статье, показывает, к чему Петров относился отрицательно.

Г.В. Драч. Аспекты исследования эксплицированы по Петрову или с позиции автора?

В.П. Макаренко. С первой книжки «Анализ бюрократии в ранних работах Карла Маркса» у меня сформировался определенный способ работы. Присутствующий здесь Юрий Романович Тищенко не даст соврать. Спустя лет двадцать после выхода книги он спросил: «Витя, как ты увидел то, что я, преподавая историю марксистской философии, не видел?» Речь идет о моем растворении в тексте как определенном способе интеллектуальной работы. Тогда содержание текста (в случае моей первой книги это работы молодого Маркса), поток мыслей, быт, повседневная жизнь и интерпретация текста совпадают. Но лейтмотивом быта и жизни является текст. Это что-то сродни тому бормотанию, из которого потом появляются стихи. Некий транс, в который можно впасть. Однако такой способ работы довольно гробовой. Первая моя книга составляла десять печатных листов, около 240 страниц на машинке. А черновики было в десять раз больше. Я с тоской посмотрел на них и пошел пьянствовать в ближайшую синагогу – так называлась пивная, расположенная рядом с Ростовской синагогой. Покойный Вадим Пугин меня называл: «Витя, ты экзегет». Речь идет о глубинном, лучше сказать – бездонном, погружении в текст. Я это уподобляю труду шахтера или водолаза. Потом я узнал, что есть герменевтический метод. Такой способ работы мне ближе всего. Поэтому скажу определенно, что основные идеи моей книги вытекают из текстов Михаила Константиновича.

Г.В. Драч. Но у Петрова присутствовал концепт научной революции. Он был введен исследователями науки, у Налимова, у Прайса. И картина получается совершенно иная, если признавать Петрова историком науки (**А.Н. Ерыгин**. Оригинальная!) Ну, это – можно спорить. Совершенно другие аспекты. Учитывается ли его концепция, взгляды на историю науки, на научную революцию? И вообще – как понятие контрреволюции соотносится с понятием революции? Из какого из них ты исходишь? Берешь у Петрова или сам?

В.П. Макаренко. Глава третья книги называется «Концепт научно-технической контрреволюции». Там все написано. Напомню,

в советское время лозунг научно-технической революции писался на всех заборах. В 1977 году я участвовал в одной из школ молодых ученых. И у одного из лекторов спросил: «Если происходит научно-техническая революция, то кто же в ней является революционером?» Этот профессор, референт ЦК, начал вертеть вола. Присутствующие здесь представители среднего и старшего поколения помнят, что идея об ученых как революционерах проходила по разряду ревизионизма: считали, что враги советского государства развивают такую идею. Вот эту ситуацию я анализирую.

Г.В. Драч. Я не это хотел спросить. Есть Нидам, Прайс, Джон Бернал и Эйнштейн, масса работ в области классической науки, включая и ту науку, которая развивалась в Советском Союзе. Петров здесь был немалый авторитет и специалист. И я вновь настаиваю на том, что это абсолютно иная история науки. Почему выбран именно такой аспект? Или не учтены классические работы?

В.П. Макаренко. Есть французская пословица: каждая женщина не может дать больше, чем у нее есть. Я не женщина и еще больше отклоняюсь от французской пословицы. Моя задача: анализ форм подавления, паралича, парализации мысли. Этой цели я подчинял свой способ работы. Игорь Сергеевич Дмитриев прислал статью, в которой дает новую версию научной революции. Мы опубликуем ее в журнале и тогда поговорим о старых и новых концепциях. Я сейчас об этом говорить не буду, потому что тогда нам вместо темы, ради которой мы собрались, надо начинать говорить о совершенно других вещах.

А.Н. Ерыгин. У меня два интимных вопроса, раз уж Виктор Павлович меня упомянул в своей книге. Я имею право иметь отношение к тому, что обо мне говорится. Первый: дискуссия о российской ментальности, в которой мы с тобой вместе участвовали и которую ты создал, и меня туда с Липовым втянул. Мы участвовали, к счастью или к несчастью. Но каким образом, с точки зрения основного названия книги – «Научно-техническая контрреволюция», попала в книгу дискуссия о российской ментальности? Как она вписывается в книгу? Второй вопрос: на странице шестьдесят четыре описывается то, что вы там говорили, и ты пишешь, что я развил концепцию русского логоса, которую ты дальше кратко... (**В.П. Макаренко.** Это начинал покойный Георгий Гачев.) Концепцию русского логоса ты приписал мне: «Концепция русского логоса бы-

ла развита Ерыгиным». Как ты нашел у меня концепцию русского логоса?!

А.В. Лубский. Александр Николаевич, просто ты, наверное, не понимаешь, что ты сделал. (*Смех, шум, аплодисменты.*)

А.Н. Ерыгин. Я очень хорошо знаю, что я сделал. То, что я сделал – намного серьезнее того, о чем пишет Виктор Павлович. (**А.В. Лубский.** Он тебя хвалит, а ты обижаешься.) Там сначала описывается Гачев – что сделал он, затем я, и нас вместе объединяют в одну общую компанию... (**В.П. Макаренко.** А ты не хочешь состоять в такой компании?) Я концепцию русского логоса не создавал. (**А.В. Лубский.** Ты не хотел, но создал (*Громкий общий смех.*)

В.П. Макаренко. На что же мне отвечать?

А.Н. Ерыгин. Сначала о дискуссии: какое отношение имеет эта дискуссия к идеям Петрова и к научно-технической контрреволюции?

В.П. Макаренко. Тема ментальности интересна тем, что безмолвствующее большинство играет роль тормозов в отношении большинства концептов, которые высказываются религиозными вождями, политиками, моралистами, философами, учеными. Часто ментальность рассматривается (например, в школе Ю.Лотмана) как знаковая реальность. Я об этом пишу в первой главе книги. Мне представлялось важным обозначить возможность другого подхода к проблеме, заявку на который дал Михаил Константинович. Можно работать иначе, не сводить ментальность к знаковым формам. С этой точки зрения есть совершенно определенная содержательная и методологическая связь с названием книги. Есть и другие, но я сейчас о них говорить не буду. (**А.Н. Ерыгин.** Понятно.) А вторая часть вопроса: можно ли твое утверждение понимать так, что я неправильно тебя классифицировал? (**А.Н. Ерыгин.** Да, неправильно. Ерыгин не создал...) Хорошо. В следующем издании книги (*общий смех*) я учту результаты сегодняшнего обсуждения и – спасибо за подсказку – поразмыслю специально: отличается ли твоя концепция от других... Ты имеешь в виду, что если ты не развивал концепцию русского логоса, то потому, что Россия является частью Европы (**А.Н. Ерыгин.** Несомненно.), и с этой точки зрения все разговоры о «русском логосе» являются дискуссионными? Все, тогда я внесу уточнения.

А.В. Лубский. Александр Николаевич, ну будет же плохо, если он напишет, что профессор Ерыгин пытался развить идею русского логоса, но не развил. (*Неразборчивые возражения А.Н. Ерыгина.*)

И.Д. Коротец. Виктор Павлович, я уже вам этот вопрос задавал на прошлой конференции. Но оказалось, что стержнем этой книжки является обсуждение проблемы преодоления духовной кастрации. (**В.П. Макаренко** (*смеясь*). Что за чепуха?) Нет, если мы считаем, что было произведено духовное оскотление... Это так? (*Пауза.*)

В.П. Макаренко. Игорь, я ссылаюсь на работы В.Налимова, в которых он пишет, что в России почти не осталось свободомыслящих. О кастратах пишет Петер Слотердаик. Я отталкиваюсь от этой констатации и показываю способы анализа проблемы. Решаю методологическую задачу – пытаюсь указать ряд направлений анализа. Не утопить, а обострить проблему.

И.Д. Коротец. Хорошо. Но как понимать духовность?

В.П. Макаренко. Этот вопрос никогда меня не интересовал. Для ответа на него можно сходить в церковь, почитать душеспасительные рассуждения, потрепаться с женой, надраться с другом или в одиночку, уйти в себя или в пустыню, – разные есть способы... Мне это не интересно. (*Неразборчивое многоголосье.*) Не знаю... Не могу ничего сказать на тему духовности. Есть охотники на эту тему поговорить, я к ним не принадлежу. (**А.Н. Ерыгин.** Вообще-то, ты начал с духовного оскотления...) Да, есть «духовное оскотление» и есть его причины. (*Шум.*). Вопрос Игоря сформулирован на основе определенного понимания духовности, с которым я не согласен. Думаю, что Налимов развивал совершенно другую концепцию. Он принадлежал к мистическому анархизму; это требует специального анализа. В эту тему я не могу сейчас углубляться. Здесь присутствует Елена Всеволодовна Золотухина – она недавно книжку написала о Налимове, я еще не успел прочитать. Вот у нее, Игорь, и спроси. Меня интересует другая тема – насколько концепция Налимова отличается от концепции анабаптистов и других мистических течений? Ведь оттуда как раз выводился революционный потенциал массовых движений. Но эту тему я в книжке не рассматриваю.

Л.Г.Берлявский. Виктор Павлович, мы внимательно прочитали книжку вашу, и все-таки – к каким понятиям вы сводите концепт научно-технической контрреволюции? Сейчас вы пояснили, что это

одна из форм подавления мысли (**В.П. Макаренко. Да.**) Потом на страницах 141-142 вы, ссылаясь на Петрова, упоминаете, что государство – главный агент научно-технической контрреволюции (**В.П. Макаренко. Да,** это его идея.) Есть еще одна идея – экстенсивной модели онаучивания. (**В.П. Макаренко. Да.**) Правильно ли я понял, что все это входит в этот концепт, или вы что-то еще туда вкладываете?

В.П. Макаренко. Я не успел вставить в книжку концепцию национальной самокритики М.К.Петрова и некоторые другие вещи. Михаил Константинович проводил различие между экстенсивным и интенсивным способом научно-технической революции. Он резко критиковал не только способ связи науки с производством, но и традиционный способ социального бытия, к которому вынуждена приспособляться наука. Это тоже особый предмет разговора. В главе о техно-якобинцах я рассматриваю различные формы взаимосвязи между наукой и производством, наукой и военным делом и следствия, которые из них вытекают.

Д.Е.Муза. Уважаемый Виктор Павлович! Хочу выразить Вам слова искренней благодарности за весьма интересную и важную книгу. Она нужна как преподавателям и студентам, так и молодым ученым. В украинских вузах, как и в российских сейчас читается курс «Философия науки и техники», в котором также делается упор на социокультурных аспектах развития науки и техники. Ваша монография затрагивает ряд острых и не до конца проясненных вопросов о состоянии современной российской науки, об исторических и системных причинах ее нынешнего этапа на фоне динамики мировой науки.

На мой взгляд, кроме блестящей интерпретации работ М.К. Петрова (о научной политике как практике «активного вмешательства в тонкие процессы творчества»; о научном кодировании; о переходе «малой» университетской науки в «большую», государственную науку; о феномене научно-технической контрреволюции), Ваша работа содержит ряд любопытных наблюдений и обобщений. Среди них я бы выделил: 1) тезис о том, что государство – главный агент научно-технической контрреволюции; 2) акцентуацию внимания на «комплексе служения государству» в российской и украинской науке (на примере деятельности академика В.И. Вернадского); 3) иллюстрации к положению о неравномерном развитии науки при

разных политических режимах и конфессиональных традициях (прежде всего английская, французская и российская модели взаимодействия науки и государства).

Но самое, пожалуй, важное состоит в Вашем вопросе: можно ли изменить поведенческие и психологические стереотипы ученых, исторически прочно связанных с политизацией деятельности? Ответ на этот вопрос, очевидно, нужно искать прямо сейчас, преодолевая инерцию стереотипов, например, «осажденной крепости».

Тем не менее, в контексте развития американской модели развития науки прозвучал ошеломляющий тезис П. Фейерабенда о том, что «в науке, как и в любой другой идеологии, нет ничего такого, что содействует свободе». И далее, как известно, следует его программа отделения науки от государства... Отсюда мой вопрос к Вам: может ли наука (=идеология) в принципе защитить личность, или её функция «научного кодирования» все же работает с «поголовьем», а не конкретной «головой», тем более, оставляя ей минимальный люфт свободы (институционально и ценностно)?

В.П.Макаренко. Спасибо за квалифицированный вопрос, Дмитрий Евгеньевич. Он отличается от предыдущих «вопрошателей и сововпросников» и требует обдумывания. Пока возьму пример с Хомы Брута и ограничусь риторикой: наверное, не может. Ведь большинство ученых пошли в холуи государству – сознательно или бессознательно. Напомню, что только Лев Ландау вышел из советского атомного проекта, едва представилась такая возможность после смерти сына осетинского гуталинщика (по определению А.И.Солженицына). На мой взгляд, определить «люфт свободы» можно тогда, когда сопоставляешь научное творчество с другими видами творчества. Для меня научное творчество было и будет одним из доменов свободы – от государственных заказов сверху и сбоку, от господствующих интеллектуальных мод, от связи науки с производством и тому подобных феноменов, описанных Петровым.

А.В. Лубский. Коллеги, есть еще вопросы? Вопросов нет. У кого появятся еще вопросы к Виктору Павловичу, подавайте в письменном виде, он в конце на них ответит. Я хочу с вами посоветоваться: поскольку нормальный человек продуктивно может мыслить не больше 15 минут (*смех*), то будем делать перерыв. Или не

будем, Виктор Павлович? (**В.П. Макаренко.** Сейчас не будем. *Шум.*) Тогда приступим к обсуждению и начнем с...

В.П. Макаренко. Уважаемые коллеги, на книжку уже поступили рецензии от ведущих специалистов в сфере истории, методологии и философии науки...

И.Д. Коротец. Виктор Павлович, а не получается, что вы сами используете приемы научной контрреволюции?

В.П. Макаренко. Не получается.

Г.В. Драч. А зачем? (*Шум.*) Дайте нам возможность вначале сказать то, что мы думаем, без ссылок на авторитеты. Я пришел вашу книгу обсуждать...

В.П. Макаренко. Никто ни на кого авторитетом не давит; эти люди являются участниками *дискуссии*, вот о чем идет речь.

Г.В. Драч. Не захотим – не прочитаем.

А.В. Лубский. Коллеги, я думаю, мы будем соблюдать определенный политес. Мы заранее попросили С.С.Неретину и А.П.Огурцова выступить на обсуждении, но в силу того, что они не смогли приехать, они прислали рецензии и статьи. И с нашей стороны было бы не этично не послушать их. (**Г.В. Драч.** Но давайте сначала обсудим...) Если мы не хотим работать в ключе контрреволюции, то должны послушать разные мнения, в духе Петрова, который отказывался от окончательного решения, как Макаренко сказал, любых вопросов социальной жизни, развития науки и т.д. Но если вы возражаете, мы найдем другой способ решения⁵⁵⁰.

Теперь сделаю две ремарки. Первая касается того, что при чтении чужих книг часто возникают идеи, на первый взгляд, вообще не имеющие отношения к содержанию книги, и тогда очень трудно отличить, где идеи автора, а где – интерпретация этих идей интерпретатором. Во-вторых, любая интерпретация чужой книги, чужого текста, всегда, к сожалению, претендует на адекватность. Но любая интерпретация – это всего-навсего деконструкция текста. Это, примерно, то, чем занимался Виктор Павлович, обнаружив истоки русского логоса в работах Александра Николаевича. Это деконструкция текста, т.е. вычитывание из текста того, о чем автор даже, иногда, и не догадывался. Поэтому никакие интерпретации претендовать на адекватность не могут. Лишь в том случае, когда кто-то на-

⁵⁵⁰ Отзывы на книгу В.П.Макаренко «Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К.Петрова как источник мысли» приведены после стенограммы.

значил одну интерпретацию правильной, остальные все становятся еретическими, но с еретиками, вы знаете, расправляются. Мы работаем в совершенно другой интеллектуальной среде, где приветствуются любые интерпретации, если они не связаны с интеллектуальным ригоризмом, неприятием всех других точек зрения, те, которые способствуют нашему интеллектуальному развитию и пониманию текста, который мы обсуждаем.

После этого я предоставляю слово моему старому другу Александру Николаевичу Ерыгину (**Г.В. Драч**. Не такой уж он и старый.) Старый, уже почти ветхий (*смех*). Не больше десяти минут. (*Шум.*)

А.Н. Ерыгин. За десять минут много не скажешь. И автору рассказать о своей книге трудно, и прочитавшему ее, который может попасть в ситуацию неточностей интерпретации, тем более трудно. Поэтому я кратко остановлюсь на общей оценке книги и тезисе, который возник в связи с моими вопросами.

Виктор Павлович во вступительном слове назвал ее «первой монографией о Петрове». Можно эту самооценку принять, но справедливо и поставить вопрос. Я думаю, все четыре книги о Петрове, которые вышли - С.С.Неретиной, Ю.Р.Тищенко с В.Н.Дубровиным, общая книга под редакцией С.С.Неретиной, где все эти авторы участвуют, в 2010 году вышедшая, и новая книга Виктора Павловича – четвертая в этом списке – все стоят в одном ряду. Хотя книга Макаренко из них выделяется.

В каком ряду они стоят? Это то, что можно назвать первым приступом или первым подходом к личности, творчеству, идеям Михаила Константиновича Петрова. Как ни обидно его ученикам, до сих пор ни одной монографии о Петрове не появилось. Первые две книги, которые на это не претендовали, и общая большая книга под редакцией С.С.Неретиной коллективной монографией не стала. Даже книга Виктора Павловича первой монографией о Петрове не стала. Это монография, несомненно, – *в связи с Петровым*, но не *о Петрове*.

Именно так - открываешь книгу и просматриваешь ее содержание: сколько там Петрова и сколько не Петрова? Процент сразу показывает: книга, конечно не о Петрове. Правда, автор и не претендовал на то, что это книга о Петрове. Он написал в подзаголовке, что идеи Петрова – это источник мысли. В данном случае сам под-

заголовок можно понимать по-разному: то ли это источник мысли Макаренко, который в своих статьях и частях книги отталкивается от идей Петрова. Опираясь на его поведение или имея в виду его понятие об идеях, Виктор Павлович рассматривал интересующие его сюжеты. То ли с какой-то другой еще стороны. Но в центре внимания автора, в заголовке и в выступлении четко обозначена тема научно-технической контрреволюции. У меня появление этого феномена в уме так или иначе связывается с идеями Петрова. Я думаю, что так построенная книга – судя по автору и по ее содержанию, – это очень хорошая и интересная книга, но она не может быть первой монографией о Петрове.

Поэтому мы ждем появления книги, которая, надеюсь, все-таки возникнет и будет посвящена проблемному, содержательному анализу наследия Михаила Константиновича. Пока такой книги в нашей науке нет. Статьи такого сорта – очень небольшое число – есть, но книг нет. Я думал, что это будет такая работа. Но раскрыл, прочитал, понял: Виктор Павлович написал нестандартную, очень оригинальную, очень любопытно построенную книгу – по архитектонике ее, по замыслу, по введению широкого полотна мысли, – ради анализа феномена подавления мысли и духовного оскотления. Все эти термины говорят о некоей духовной, интеллектуальной, научной, научно-технической, гуманитарной контрреволюции и всяческого подавления личности и личностного способа мысли. Это, несомненно, выписано. С этой стороны, с точки зрения основного названия, у меня претензий к книге нет. Хотя я здесь не специалист и глубоко рассматривать эту часть дела я бы не стал. И вот на этом, определив главную заслугу данной работы, остановлюсь.

Теперь перейду ко второй части. По поводу подзаголовка. Вот, например, дискуссия о ментальности. Не вырастает в моем сознании, что эта глава, хотя в целом сама по себе интересная, не притянута за уши. Появляется тема ментальности, Петрову совершенно чуждая, при всем том, что он прекрасно знал современную ему литературу, но тему ментальности в этой литературе он не рассматривал. Вот как Лубский относительно меня сделал замечание, что сам не знал, а сделал то, что Виктор Павлович обо мне сказал, – если у Петрова выход на ментальность не получился, – это может быть. Но сам Петров вводил другие понятия и прежде всего понятие европейского образа мысли. Виктор Павлович к этому апеллирует,

когда рассматривает дискуссию Ильенкова и Петрова, и поэтому здесь он совершенно прав. Вот и первое замечание.

Это - самая интересная часть книги. С нее начинается, фактически, подзаголовок – столкновение двух китов, двух гениальнейших ученых, мыслителей, философов второй половины века – Ильенкова и Петрова. Виктор Павлович свое ключевое внимание, приятие идей из этих двух отдает Петрову, а не Ильенкову, и он его аккуратно выписывает. Но из этого образа Ильенков предстает хотя и верно, но карикатурно. Я не сторонник Ильенкова. Но представить Ильенкова так, как он представлен в рамках его спора с Петровым, нельзя. Тем более, что оба автора – если читать подстрочник книги «Искусство и наука» – к концу записей отходят от тех первых оценок, которые даны в начале. Почему так получилось с Ильенковым? - это уже другой вопрос, с мертвого не спросишь. Ясно, что он начинает слишком резко, радикально, неучтиво, неэтично, как по отношению к серьезному тексту, так и по отношению к своему бывшему другу.

Все эти замечания были чисто личными. Это Неретина издала книгу вместе с незапланированной публикацией тех записей рецензентов, которые оставили след прочтения книги на полях. Это тоже большой вопрос – об этике издателя. Но из того, что видно в подтексте – я тоже этим занимался и в той книге, которой, надеюсь, скоро выйдет, свои возражения Виктору Павловичу выскажу подробно, – я не вижу такого поворота событий, как его представил Виктор Павлович. Нет жесткого противостояния. Наступает момент, когда Ильенков видит, что он неправильно понял Петрова, ощущает, что надо сдаться и медленно, как я написал на полях, читая книжку – «шарик сдулся». Что делать, сначала погорячился, потом «сдулся». Потому что все эти претензии навязать истину, на религиозное понимание не имеют почвы под ногами. То есть, все, с чем Ильенков выступил против Петрова, – совершенно не серьезная критика. И он от нее уходит. Но и Петров ироничен и милостив. Он очень хорошо показывает, что друга своего он понимает и в подполье. А вот разница их позиций, конечно, Виктором Павловичем названа правильно. С одной стороны – жесткая, марксистско-ленинская – Ильенкова, с другой – антимарксистская схема Петрова. Это – несомненно.

Но надо было этот сюжет выписать, а он, к сожалению, провисает, в связи с огромным количеством разных замечаний, которые даже, в манере Виктора Павловича, не расклассифицированы, а даны скопом. Не получилось – прекраснейший сюжет, который остался завуалированным. В итоге позиции Ильенкова и Петрова представлены в целом неадекватно. По крайней мере, столь расплывчато, что автору, создавшему этот текст, и читателю этого автора, остается неясным, о чем идет разговор. Ведь состоялся первый великий нелегальный спор двух нелегалов, полулегалов или легалов, – это великое достояние, нам от прежней культуры доставшееся, но позволяющее вскрыть интереснейшие глубины рождения, лабораторию рождения разных идей, которые в этом русле возникли.

И вот из этого спора, по сути дела – переписки через Неретину, началась дискуссия о ментальности. Я понимаю, Виктор Павлович в этом случае занимал особое положение. Я понял, что при публикации его, конечно, обидели коллеги наши дорогие (**В.П. Макаренко**. Кого?), – тебя, потому что у тебя было большое выступление (**В.П. Макаренко**. Где?), – в «Вопросах философии» (**В.П. Макаренко**. А я уже забыл.), – блестящее выступление, совершенно выпадающее из общего круга обсуждений (**В.П. Макаренко**. Спасибо.), а при публикации от него осталось несколько строчек, которые совсем не дают представления о позиции Виктора Павловича. Я понимаю, что ты пытаешься взять реванш (**В.П. Макаренко**. Ну какой реванш – двадцать лет спустя... Я не помню, что вчера ел, а ты говоришь о событии двадцатилетней давности. К тому же всем хорошо известно, что в моем характере никогда не было этой черты – злопамятности...), – это же ирония... Но реванш – если вдруг его всерьез делать, – а можно было бы сделать, – то надо делать более развернуто. (**В.П. Макаренко**. Не-не-не... Что за ерунда?) Ну и в этом контексте я сразу говорю о себе – мое время закончилось.

В заключение хочу сказать: я преследовал там совсем другую цель – меня попросили рассказать, в рамках дискуссии о ментальности, что я там думаю о ней, и я сказал то, что хотел сказать, и то, что меня сюда поместили – это уже случайность, а тебя не поместили, а я там поставил тему «Феномен западничества в русской культуре». Не больше. (**В.П. Макаренко**. Так что – не соответствует тоже, что-ли?) Из моего текста – там двенадцать страниц и они

представлены концепцией, якобы мной придуманной, русского логоса. Там у меня два слова всего.

В.П. Макаренко. Естественно, я не претендую на глобальный обзор темы ментальности. Но у Петрова есть ряд высказываний, объединенных под одной шапкой, я это хорошо знаю и цитирую абсолютно точно. Поэтому нельзя утверждать, что Петров не занимался темой ментальности. Он осознавал ментальное расподобление человечества как угрозу, которая возникает потому, что государства стремятся поставить барьеры научно-технической революции или обратить ее тренды в собственную пользу. Но раз «ментальное расподобление человечества» есть угроза, то это уже программа, о которой мне некогда было писать. Если такая метафора встречается у Петрова – а метафора выполняет важные, прогнозирующие, аналитические задачи, – то правомерно ли будет следствие: Петров считал, что ментальность человечества едина? Если дать положительный ответ на этот вопрос, то всякие утверждения о том, что ментальность существует в национально-государственных формах, является ложью или идеологией. А ведь именно такая точка зрения сегодня присутствует в большинстве литературы по ментальности, и тебе это очень хорошо известно. Подчеркиваю, что перспективу ментального расподобления человечества Петров воспринимал как угрозу, и много писал о ней. Это первое.

Второе. По поводу издания книжки – «Искусство и наука», с комментариями Ильенкова. Спасибо, Саша, что ты меня натолкнул на идею. Действительно, издание этой книжки с высказываниями Ильенкова по поводу текстов Михаила Константиновича – не является ли это воспроизведением практики, которую мы с молоком матери – я имею в виду идеологическое молоко – впитали? Мы все изучали 29-й том Ленина – «Философские тетради». А ведь том издан с текстами, которые Ленин не собирался публиковать. Там много вещей – я их навсегда запомнил, по поводу Гегеля: «бога жалко», «сволочь идеалистическая» и тому подобные высказывания (**А.Н. Ерыгин.** Это вначале, а потом...). Может быть, Ильенков воспитывался в этой практике? Может быть, при написании заметок на полях книги Петрова он вдохновлялся текстом «Философских тетрадей»? Но в данном случае Гегелем выступает Михаил Константинович, а Ильенков – Лениным? Вот вопрос какой. Я на него ответа не знаю. Но издание с такими комментариями – аналог

этому есть, начиная с «Материализма и эмпириокритицизма» и «Философских тетрадей» Ленина. А Ильенков (особенно в книге, посвященной «Материализму и эмпириокритицизму») считал себя «верным ленинцем». Вот о чем идет речь. (**А.Н. Ерыгин**. С той маленькой разницей, что Петров – не Ленин.) Ну, понятно – не Ленин, но сейчас они для меня равны, как авторы. (**А.Н. Ерыгин**. Это другой вопрос. Как авторы они не равны, Петров – гений.) Подожди, а то мы беспредметный спор затеем – гений, не гений... Я имею в виду издательскую практику и говорю о стереотипах издательской практики и даже рефлексии. Таков второй пункт.

И третий – я сейчас не буду об этом распространяться – по поводу жесткого противопоставления марксизма и антимарксизма. Это вопрос дискуссионный... Мне ближе точка зрения Юрия Романовича Тищенко: я все-таки считаю, что Петров был марксистом. А вот каким марксистом – это уже предмет дискуссии.

Г.В. Драч. Уважаемые коллеги, спасибо Виктору Павловичу, действительно, интересная дискуссия разворачивается. Интересная книга. Я не позволю себе в целом давать ей характеристику. Еще целостного впечатления не сложилось, надо несколько раз книгу прочитать. Поделюсь первыми впечатлениями. У меня создается такое же впечатление, как у Александра Николаевича, что это книга не о Петрове. Эта книга политологическая, с анализом так называемой советской действительности.

Теперь сделаю методологическое замечание. Что такое деконструкция? Это когда мы берем дискурс, т.е. некоторую систему обоснований и доказательств, и вычитываем в них какие-то смыслы, которые сам автор, может, и не имел в виду. Вот что такое деконструкция. В этом смысле Деррида говорил: давайте прочитаем всю европейскую историю, и что мы там увидим? Вместо равенства, справедливости и братства мы увидим там насилие, эксплуатацию сексуальностей и, как писал Фуко, – «надзирать и наказывать». Вот вам вся история европейской культуры. Но это – если подходить с позиции деконструкции. А мы не один век опирались на идеи Просвещения, из которых вырисовывалась колоссальная научная и образовательная парадигма. С опорой на эти идеи были проведены научные революции, созданы научно-исследовательские институты, школа стала подтягивать учеников к научным исследованиям –

Сибирская академия наук, и т.д. Все сразу переплетается и становится на свои места.

Виктор Павлович работает в плане дискурсивного исследования, но он проводит деконструкцию идей Петрова. Выискивает в них тот значимый смысл, который был у Петрова. Тем не менее, я, как человек, который его слушал, читал, приходил на лекции, помню совсем другую картину – картину истории европейской философии, истории европейской науки, истории научных революций, которые проходили в Англии, и использование научного опыта в Советском Союзе. Петров – один из людей, которые, вместе с Генрихом Волковым, Ильенковым настаивали на значении науки и научных исследований. То, что говорил в этом отношении Петров, я помню: у него были сетования, что, имея треть научных работников совокупного числа их в мире, Советский Союз производит четверть научной продукции. В то время как Соединенные Штаты, имея четверть научных сотрудников, производят треть научной продукции. В этом плане он представлял угрозу тем социальным слоям, которые видели, что в его словах содержится явный призыв к модернизации социальной системы и ее более эффективному использованию. Но говорить о том, что можно погрузить научные идеи русской науки в определенный культурный контекст, – я такого не помню. Английский опыт был, греческая культура была. А в книге Виктора Павловича я вижу иной контекст: отношение холопства – частный случай универсального феномена рабства. Это не только СССР, это – русская культура, это русская история. Значит, рабство и холопство – вот контекст, в котором развивалась русская наука (**Голос из публики**. Откуда же она могла развиваться?)

Мы с Александром Николаевичем историки. Помним, как нам рассказывали, какое тяжелое было крепостное право. А мы всё ходили и удивлялись, как крестьяне могли дожить до нашего времени. Если такая была вивисекция, если такое было оскотление, – как же множество ученых до сих пор живут? И до сих пор работают? И сохранили светлый ум, научные исследования? Более того, как говорит Президент, на этом капитале еще до сих пор работает наша промышленность. На советском оборудовании, которое производилось на основе этих научных идей, до сих пор еще что-то делается. Вот через два-три года придется о чем-то подумать. А уже и холопства нет, уже ничего этого нет. Однако, меня удивляет другое.

Виктор Павлович пишет: «Ученый, особенно русский, всегда стоит перед выбором: быть или не быть холопом». Ничего себе! Значит, ученый – это холоп. Я бы хотел воспроизвести здесь некоторые классические вещи: Ортега-и-Гассет, который впервые, в более классической форме, описал ученого и «ученое поголовье». В этой связи мне представляется, что здесь есть о чем подумать, тем более, что в работах Петрова совсем по-другому эта ситуация расценивалась. И отношения науки и государства, науки и образования. Именно в этом поле, в этом пространстве Петров, вслед за крупнейшими историками науки, американскими и английскими, рассматривал переход от «малой науки» к «большой науке». Манхэттенский проект, целиком по заданию государства – это был не холопский проект. Это был величайший проект, который принес человечеству, с одной стороны, громадные проблемы – атомную бомбу, а с другой стороны, уже длительное время человечество обходится без войн. Потому что появился мощнейший фактор сдерживания. Так холопы или не холопы создавали атомную бомбу и многое другое? Я с интересом воспринимаю эту ситуацию, мне кажется, у Виктора Павловича интересные аргументы, но думаю, здесь есть и поле для дискуссии.

А.В. Лубский. Я вижу, возникло какое-то интеллектуальное напряжение - сразу многие захотели выступить. Коллеги, прежде, чем предоставить возможность Виктору Павловичу ответить на замечания (**А.Н. Ерыгин.** Да это не замечания...), ну, размышления, прозвучавшие здесь, я хочу сказать по поводу деконструкции текстов.

Недавно у нас было обсуждение кандидатской диссертации еще вполне молодой и даже симпатичной женщины. Выступает профессор Герасимов и хвалит диссертацию, рассказывает, какая хорошая диссертация, а она сидела-сидела, слушала-слушала и говорит: «Профессор, у меня такого в диссертации нет». (*Общий смех.*) А он посмотрел на нее и говорит: «Вы не понимаете, что вы сделали». (*Смех.*) Вы думаете – он прочел другой текст? Нет, он тот текст читал. Я тоже придерживаюсь той позиции, что нам не следует сегодня заниматься выяснением, чья точка зрения на творчество Петрова правильная – Александра Николаевича, Геннадия Владимировича или Виктора Павловича – давайте признаем все эти точки зрения правильными, даже если они противоречивы. Иначе мы ни до чего не договоримся, а только ожесточимся в дискуссиях. Потому что

Петров, слушая нас, очень бы удивился, что мы так трактуем его творчество.

В.П. Макаренко. Вначале скажу по поводу деконструкции. Постмодернистский способ работы меня не удовлетворяет. Я иначе его оцениваю. Чесать меня под постмодернистскую гребенку не надо. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть мою книгу по аналитической политической философии. Никакой деконструкцией Петрова я не занимался. Наоборот, реконструировал те идеи, которых не увидели предшествующие исследователи (а может увидели, но еще не написали или не успели опубликовать). И так строил свою работу. Насколько адекватно – это тоже предмет дискуссии. Если будут высказаны дельные соображения, я их готов учесть. Ни в коем случае, Геннадий Владимирович, я не вдохновлялся деконструкцией. (**А.Н. Ерыгин.** Да это ясно.)

Второе. Геннадий Владимирович ссылается на Президента, но эта ссылка здесь не работает. Что говорить о Президенте, если нынешний премьер-министр, в лучшем случае, троечник, а то и двоечник, который публично путает идеи Бернштейна с тактикой Троцкого? Между тем в своей книжке «Бюрократия и сталинизм» я обосновал тезис: ссылка на мнение высшего лица государства - запрещенный прием в научной дискуссии. Повторяю: если высшее лицо государства кого-то публично называет троцкистами, говоря, что «движение – всё, основная цель – ничто», то это – абсолютная ошибка студента первого курса. Только двоечник может так сказать.

Третье. Я ссылаюсь на книжку Ричарда Хейли, американского профессора, который занимался конкретным изучением типов холопства в России. Он приводит статистику, сколько километров, в течение зимы, проходили крестьяне для того, чтобы выплатить оброк. Эти данные надо анализировать – соответствуют они или не соответствуют действительности. Хейли в заключении книги показывает, что холопство в России существует и сегодня, особенно во властно-управленческом аппарате государства. Кроме того, достаточно почитать работу Левады, Гудкова, Дубина «Проблема «элиты» в сегодняшней России». Можешь посмотреть страницы 200-202. На основе конкретных социологических исследований там показано, что холуйство остается господствующим типом политической культуры в сегодняшней России. Вот мой ответ. Значит, надо

изучать отношение между традиционным российским холопством и современным холуйством.

Г.В. Драч. Но это только точка зрения одного...

В.П. Макаренко. Это не точка зрения, а результаты социологических исследований современного властно-управленческого аппарата России на протяжении последних 20-ти лет. В том числе на основе интервью с его представителями – от заместителей министра до мелких клерков и их идеологической obsługi. В книге «Проблема «элиты» в сегодняшней России» показано, что из множества типов в государственном аппарате (трудоголика, бюрократа, технократа, серого исполнителя, лизоблюда, карьериста, дурака) в правительство отбирается тип безынициативного приспособленца. Если ты с этим не согласен, то надо анализировать, насколько адекватна программа социологических исследований; давайте устроим тогда дискуссию по поводу программы и книги (**А.Н. Ерыгин.** Не нужно ее обсуждать. Не обижайся.) Я не обижаюсь, но если высказываются такие соображения, то – я – автор, обязан реагировать. Свое дитя – книга - это ребенок - я должен защищать!

Г.В. Драч. И что, ты хочешь сказать, что сразу после этого мы признаем холопство русской культуры?

В.П. Макаренко. Хо-хо, да это не надо признавать (**А.Н. Ерыгин.** Это уже признано?), это всем хорошо известно. (**А.Н. Ерыгин.** Всем хорошо известно! **Г.В. Драч.** Никому это не известно.) Другое дело, что это нас может возмущать – это другое дело. Можно, наоборот, прославлять холопство, если вам это нравится... (*Шум, общий говор.*)

А.В. Лубский. Коллеги, сделаю маленькую ремарку. Виктор Павлович прямо сказал, что он пытался реконструировать основные идеи Петрова. Мне кажется, претензии на реконструкцию чего-либо уводят нас как раз в сторону от той самой контрреволюции, которую критикует Виктор Павлович. Потому что это претензии на то, что моя точка зрения правильна, а все остальные неправильны. (**Г.В. Драч.** Вот это мы и хотели сказать.) Поэтому я хочу вспомнить известное выражение Павла Флоренского о том, что совокупная истина упала на землю и разбилась на мелкие осколки. А полюбившие их возомнили себя обладателями всей истины. Понятно, что ученый идет в поход за истиной, иначе – какой он ученый? (**В.П. Макаренко.** Флоренский говорил о религиозной истине, уче-

ный ее не ищет) Ну, я сказал – совокупная истина (**Женский голос**. Он говорил: истина – *естина*, от «есть»). Так вот, если ученый не собирается в поход за истиной, то он и не ученый совсем. Но истина постоянно ускользает от него. Я думаю, обладание осколками истины доставляет ему удовольствие.

Г.В. Драч. Хорошо быть председателем: хочет – говорит, не хочет – не говорит. (*Смех.*)

А.Н. Ерыгин. Можно реплику по ведению? Тут есть небольшая неточность. С точки, в которой находится Анатолий Владимирович, несколько раз прозвучало слово «правильность», «правильно» и т.д. Наука правильностями не занимается. Это имеет строгое логическое содержание. На истину мы все можем претендовать, но она, как ты сейчас удачно сказал, по Флоренскому, может быть, разлетелась на разные осколки, которые собрать трудно. Поэтому никто здесь на истину не претендует; люди высказывают мнения; ради этого мы здесь и собрались. Виктор Павлович написал – мы хотели бы высказаться. Но у меня ощущение, что подавление мысли идет со страшной силой: попытка людям сказать о книге по-товарищески приобретает ситуацию... (**Голос из публики**. Кондец контрреволюции.) Контрреволюции... (**А.В. Лубский**. Я об этом и сказал.) Зависает над нами дамоклов меч... (*Шум, неразборчивая речь.*) ...тут какая-то совершенно новая форма обсуждения книги. О любой книге, которую обсуждают, дают людям высказаться, они высказали автору заслуги и претензии, забыл – и забыл; если не забывает – иди лечись, еще какая-то возможность есть – таблетки не помогают – выпей водочки и сразу... (*Далее – громко, но неразборчиво. Шум.*)

А.В. Лубский (*перебивает*). Александр Николаевич, спасибо за замечание. Поэтому я, на правах ведущего, и обратил внимание на некоторую ригористичность. Как ваша позиция, так и его позиция...

А.Н. Ерыгин (*перебивает*). А это наше право иметь предел ригористичности вплоть до полного отрицания. Это наше мне-ни-е! Если мы с такими мнениями не нужны, то мы уйдем отсюда.

А.В. Лубский. Я просто работаю в другой парадигме. Я считаю, что мнение свое надо высказать аргументированно. Но к любому оппоненту надо относиться с уважением, уважать его мнение, а не рассказывать, что я вот понимаю так – правильно, а остальное все

неправильно. (*А.Н. Ерыгин невнятно возражает.*) Я не акцентирую внимание на этом, но излишняя ригористичность мне бросилась в глаза. (*Долгий шум.*) Давайте послушаем реплику со стороны естественных наук.

Б.В.Владимирский. В создании самолета участвуют два человека – конструктор и летчик-испытатель. У них принципиально разные задачи. Конструктор – он действительно создает, а летчик-испытатель отыскивает слабые места. В конечном счете самолет, который идет в серию, – это результат совместный. Поэтому мне кажется, что нет претензий, когда человек выступает в качестве летчика-испытателя и указывает на слабые места. От него нельзя требовать, чтобы он выступал с конструктивными предложениями о том, как этот самолет делать.

Петров – распространенная фамилия в нашей отечественной науке. Александр Анатольевич Петров – один из самых выдающихся отечественных механиков и математиков. Он всю жизнь занимался специальными проектами, его фамилия не так хорошо известна, как например, фамилия Андрея Николаевича Колмогорова, одного из величайших математиков XX века. Так вот, когда их не стало, с некоторым отставанием вышли в свет книги-воспоминания учеников Колмогорова и учеников Петрова. Среди них были выдающиеся, первой величины математики и механики. Особенность книги о Колмогорове состояла в том, что ученики, соратники Колмогорова писали о себе, на фоне их великого учителя. А ученики Петрова написали о нем, и то, какое они место занимали. Мне кажется, что когда обсуждаются вопросы, связанные с действительно выдающимися людьми, четко нужно позиционировать себя: ты о себе говоришь, на фоне своего учителя, или об учителе все-таки вспоминаешь.

Я хочу напомнить замечательное место о матери-волчице из книги Чингиза Айтматова. Мне кажется, только восточные люди могут так себя идентифицировать – как животное или какое-то природное явление, и с этой точки зрения рассказывать, кто и что делал. Мне кажется, что когда речь идет о трактовке идей и мыслей, которые автор не прямо высказал, а пишущему кажется, что он об этом думал, – это совершенно замечательно. Если Виктор Павлович обладает такой способностью или воплощением, в образе то-

го или иного философа представить, - тогда он может сказать, что они думали.

Вообще говоря, господа, человеку, от рождения слепому, объяснить, что такое красный цвет, как вы понимаете, невозможно. Поэтому человек, воспитанный в одной культуре, с одним мировоззрением, в попытке интерпретировать то, что хотел сказать другой человек, другой авторитет – мне кажется, это чрезвычайно сложно.

Виктор Павлович, я извиняюсь, у одного знаменитого швейцарского математика было два правила. Первое: глупость аудитории преувеличить нельзя (*смех*), а второе: говорить надо о чем угодно, только не о существе дела, потому что существо дела в аудитории, как правило, интересуется двух-трех человек, которые потом встретятся и расскажут. Мою глупость в том круге вопросов, которые сейчас обсуждают, преувеличить нельзя. Я сказал то, что хотел сказать, что имеет отношение к книжке. Большое спасибо, я получаю большое удовольствие от присутствия в столь высоком интеллектуальном собрании.

А.В. Лубский. Спасибо. Коллеги, я думаю, мы собрались здесь послушать различные точки зрения или мнения по поводу творчества Петрова и Виктора Павловича. Коллеги наши, молодые в том числе, пришли узнать, какие существуют точки зрения, какие могут быть дискуссии по этому вопросу. Но им хочется, наверное, получить свою точку зрения, да? А она формируется, сами понимаете, не только в результате чтения Петрова. Но и в общении с Виктором Павловичем, Александром Николаевичем, который формирует ту самую ментальность, благодаря которой интерпретируются сами книги Петрова. То есть, наша цель – вполне интеллектуальная. Выслушать мнения и попробовать как-то переосмыслить свое отношение к творчеству Петрова, насколько мы его понимаем. А может, нам надо переинтерпретировать некоторые наши представления в свете того, что здесь говорилось.

Г.В. Драч: Но Климову обижать не надо!

Ю.Р. Тищенко: Уважаемые коллеги, книга Макаренко сегодня – лучшее из того, что написано о Петрове. Лучшее потому, что здесь содержательно и дерзко обсуждаются проблемы взаимоотношений науки и власти. Автор сумел показать, что его собственный критический анализ научно-технических и политических проблем

сегодняшнего дня в значительной степени инициирован идеями М.К. Петрова.

Я остановлюсь на двух вопросах: оценка книги; так называемая дискуссия между Петровым и Ильенковым. «Так называемая» значит, что ни о какой дискуссии речи не было.

Название книги Виктора Павловича - краткое, интригующее, красивое, взрывное. Ни один читающий человек (даже газеты), двадцатилетнего и больше возраста, не может пройти мимо названия. Потому что все привыкли: «научно-техническая революция», «научно-техническая революция»... И вдруг такой пассаж. Я ошалел, когда услышал впервые название доклада. Спрашивал Ерыгина: где Макаренко взял этот термин? Потому что имел в виду текст Михаила Константиновича. Мне казалось, что в его текстах я такого термина не встречал. Поэтому книга уже с заголовка притягивает и вызывает симпатию, разжигает интерес. Возникает интрига, нужно внимательно читать, что же хочет сказать этим названием автор.

Прочитав книгу, я прихожу к выводу: она заслуживает очень высокой оценки. Эта книга имеет полное право стоять в ряду книг, написанных выдающимися авторами. С моей точки зрения, в книге Виктора Павловича даётся критика западной культуры. Россию я отношу к западной культуре. Речь идет о критике капитализма, начиная с середины девятнадцатого века по сегодняшний день. Этот ряд книг представлен именами Маркса, Ницше, Шпенглера, Макса Вебера, Гуссерля и Хайдеггера. Книга Макаренко стоит в этом ряду.

Это ряд книг, которым обозначена самая глубокая критика существующего общества и культуры. Заслуга Виктора Павловича в том, что он берёт из этой глобальной проблемы один вопрос: взаимоотношение науки и власти! Сосредоточивает свое внимание именно на этом вопросе. То, что он делает в своей книге, заслуживает самой высокой оценки.

Другой момент, о котором я обещал сказать. Я обратил внимание на эту сторону, потому что на двадцать седьмой странице книги автор почему-то пишет: трудно объяснить, почему существует противодействие идеям Петрова среди его философских коллег. Прежде всего хочу заявить: никакого противодействия коллег по цеху в отношении Петрова не было. Речь идёт о критике, которая осуществлялась в связи с его повестью «Экзамен не состоялся». В

этой книге было два коллеги, один философ, другой литературовед, разумеется, с указанием фамилий, которые я воспроизводить не буду. Поразительно то, о чём я не могу не сказать: в персональном деле Петрова (его исключили из Коммунистической партии Советского Союза за написание этой книги) есть формулировка, которую я знаю почти наизусть, но сейчас я не буду воспроизводить. Она была дана вначале в Ейске, потом в Ростове, потом по второму кругу пошла и так далее. Я держал в руках его персональное дело. До сих пор не могу оправиться от шока, который я получаю почти всю жизнь... Александр Николаевич, что вы там всё время записываете?

А.Н.Ерыгин: Я всегда записываю всё, что происходит (*Неразборчивые реплики*).

Г.В.Драч – А.Н.Ерыгину: Ты смотри, а то попадёшь в монографию!

А.Н.Ерыгин: Я уже попал!

Ю.Р.Тищенко: Начиная с объявлений, которые были предъявлены партийной первичной организацией Ейского лётного училища и кончая Ростовским областным комитетом КПСС (а было ещё много инстанций до областного комитета партии) фигурировали те же фразы и формулировки, и общий дух того, что было в трёх рецензиях наших коллег. Одного из них Михаил Константинович знал лично. В своё время это было достоянием всех и вся. Но сейчас нет необходимости это имя называть.

И.Д.Коротец: Но он из Ростова?

Ю.Р.Тищенко: Он не только из Ростова, а из Ростовского университета.

Реплика из зала: Мы его знаем.

Ю.Р.Тищенко: И я его знаю хорошо. Так вот! Какое противостояние? Противостояние этих двух рецензентов тому, что было написано в повести, потом безграмотная интерпретация во всех инстанциях того, что было написано в этих рецензиях. Потом вердикт: «исключить» за написание книги, в которой то-то и то-то переписывалось из рецензий.

Другой факт, когда мы имеем в виду определенный текст и отношение к этому тексту. Это статья М.К.Петрова «Предмет и цели изучения истории философии» в журнале «Вопросы философии». Обсуждение этой статьи состоялось на заседании учёного совета

Института философии Академии Наук СССР, с заголовком и докладом «Проблема историзма в историко-философском исследовании». Я (вместе с В.Н.Дубровиным) специально на эту тему писал предисловие к одной из книг Михаила Константиновича. Он писал статью на эту же тему, которая была опубликована в так называемых «голубых книжках» под редакцией А.Н.Ерыгина. Я не имею сейчас возможности воспроизводить интересные моменты, факты, к которым я пришел, читая потом через месяц-два великолепную статью, иначе и не назовёшь. Это была не просто информашка, а большая статья Ц.Г.Арзканянца, зав.отделом истории философии журнала «Вопросы философии». Наши студенты должны знать эту фамилию. Он воспроизвёл от начала до конца всё, что происходило. Выступало девять или десять человек. Все выступления были поданы аккуратно. Из них два человека очень жестко отозвались о проходящей дискуссии. Это Субботин – известный историк философии, а также известный всем (не только в философских кругах) Мераб Мамардашвили. Мамардашвили сказал, что вместо того, чтобы заниматься серьёзными вопросами, которые поставлены в статье Петрова, выступающие коллеги ограничиваются навешиванием ярлыков и оценок ему и своим коллегам. Субботин сказал: то, что происходит на моих глазах, вообще ни на что не похоже, не соответствует элементарной логике, потому что обсуждаются не положения статьи Петрова, а те интерпретации этих положений и выдумки, которые принадлежат выступающим, которые они обнаруживают, а потом начинают критиковать.

Всё это написано в журнале «Вопросы философии» № 9 за 1969 год. К сожалению, у меня его украли. Я отдал номер одному своему бывшему студенту, который написал великолепную статью в «Комсомольскую правду» о Петрове. Потом кинулся, но было поздно, - он не отдал все документы, которые брал. Видите, как относились коллеги?

Очевидно, любому читающему не надо знать Петрова, а нужно знать дух эпохи. Для этого надо внимательно читать статью. Все выступления на совете в Институте философии АН СССР против Петрова инспирированы, это совершенно очевидно. Прежде всего, там демонстрировался один тезис в качестве жупела. Правда, этот тезис Петрову не принадлежит. Он подвергал его критике в одной из больших фундаментальных статей. Его обвиняли в «европоцен-

тризме», ни больше ни меньше. Это было абсолютно придуманное основание, которое приводила эта семёрка. Вот каким было отношение философского сообщества.

Теперь самое главное. Давайте назовём друзей Петрова, которые к нему великолепно относились. Это - Ильенков, Мотрошилова, Швырёв, Замошкин, братья Юдины, один сейчас член-корреспондент Российской академии наук, Блауберг, масса других людей. Я назвал только друзей, а сколько было знакомых! В своё время на дне рождения Петрова я повесил на доске его кабинета таблицу, где перечислил всех, кто там бывал. И насчитал больше двадцати человек. Из них 15-20 - известные в философии и выдающиеся люди. Так что или я не понял фразу Виктора Павловича на двадцать седьмой странице: «Трудно понять противодействие идеям Михаила Константиновича внутри философского сообщества» или автор говорит не о том, о чём я сейчас говорю. Здесь какая-то подмена происходит. Я исхожу из того, что коллеги в целом к нему относились очень хорошо.

Не буду дальше распространяться на эту тему, перейду к так называемому спору! Пометы на полях, как бы их не называли, воспроизведены редактором книги и издателем СС.Неретиной. Прочитав эти ремарки, добросовестному читателю, даже философски образованному, имеющему соответствующую квалификацию (в виде кандидатской, докторской или академической степени), все сразу станет понятно. Если же эти люди, ссылаясь на своё знание или понимание, будут утверждать, что здесь есть спор, - они не правы. Они заблуждаются потому, что не знают: никакого спора не было! Был один-единственный спор между Ильенковым и Петровым. Когда глухих детей научили говорить, а трое-четверо из них стали докторами психологических и философских наук. С этими ребятами Ильенков приезжал в Ростов, их показывал, демонстрировал. Многие наши бывшие студенты поддерживают с ними отношения. Кстати, много бывших студентов философского факультета работают в Москве и занимают там не последнее место. Входят в редколлегии журналов, например, «Логоса». Многие знают ростовчан – это высокий статус философского факультета.

Так вот, один-единственный спор происходил не публично, а всегда приватно. Он состоялся в квартире Петрова или в Алма-Ате. При мне, во всяком случае, два, три или четыре раза. Петров очень

снисходительно, шутливо и вместе с тем едко говорил: «Ну, научил ты, ну, будут маленькие Ильенковы, вот ты был у нас один Эвальд, а они целое племя, весь детский сад – это маленькие Эвальды будут! Почему!?! Потому что нельзя вырастить самостоятельного человека. Нельзя добиться каких-то глубоких знаний в познании окружающего мира без чувственной эмпирической стороны познания и дела. А ты что утверждаешь!?! Ты как был гегельянцем, так им и остался. Вот, ты закопал жёлудь, вырос дуб. Так и ты здесь думаешь, что это новые культурные сверхобразованные самостоятельные люди. Они новые культурные, но ничего самостоятельного они сделать не смогут!» Вот об этом был спор. А всё другое – не спор. Чтобы не называть вещи своими именами, потому что не всегда это приятное занятие. Тем более что тебя могут, в значительной мере, всё ещё несправедливо рассудить. Но для оценки существующего положения, связанного с этими пометами на полях, я воспроизведу выступление, которое в письменной форме до меня известно в разных местах.

Во-первых, в одной из книг Феликса Трофимовича Михайлова. Великолепный философ, он, к сожалению, умер. Это настоящий друг Эвальда Ильенкова и одновременно очень близкий Михаилу Константиновичу человек. Я воспроизведу в двух-трёх словах его воспоминания, которые имеют отношение к делу. Коснусь эпизода, который нам в данном случае интересен. Михайлов говорит: «Речь идёт о нашем авторе (здесь он замечает в скобках: фамилию я называть не буду, это талантливейший человек, его все знают, - в скобках, - не просто талантливейший – это гений!) И я его тоже люблю, я им восхищаюсь». И это старый, действительно надёжный друг Петрова.

А сейчас я хочу рассказать вам развернутую оценку того, что опубликовано Неретиной. Примечание на пол страницы. Воспроизводить это не буду, потому что это было бы не только неуместно, но и смешно. Вот он оценил высоко Петрова, потом сообщает читателям о том, что Ильенков, Петров, Арсеньев и он – Михайлов (вначале на квартире Михайлова, потом на квартире Арсеньева), обсуждали статью Петрова, которая опубликована как «Искусство и наука». Насколько я понял, уже тогда были соответствующие пометки. По отдельным репликам можно понять. И что же из этого получается? Как оценивает Михайлов эти пометы Ильенкова на

тексте Петрова? Он говорит, что был глубоко потрясён тем, что Ильенков употребляет такие выражения, которые были бы уместны не ему, а представителям философского официоза или какого-то партokrата, представляющего марксизм-ленинизм. Заранее говорю, что он потом находит ход, когда пытается в прежней ситуации защитить Ильенкова, если не защитить, то объяснить, почему Ильенков дожил до жизни такой. Он говорит о замечаниях, которые были сделаны во время этого обсуждения. Он заявляет: всё, что было сделано устно, полностью соответствует тому, что было написано на полях. Он говорит, что Петров реагировал очень сдержанно, отвечал иногда короткой репликой или взглядом и вёл себя очень сдержанно. Я, конечно, мог что-то упустить. Кому интересно, можете сами прочитать.

Михайлов говорит также о другой ситуации, которая произошла несколько позже. Я думаю, присутствующая здесь философская публика знает, что Ильенков незадолго до смерти написал брошюру, посвящённую материализму и эмпириокритицизму Владимира Ильича Ленина. С моей точки зрения, в тот период оттепели, второй или третьей, это уже была ситуация, которая с точки зрения профессионала была невозможна! Потому что Ленина как тогда, так и сейчас, или как сейчас, так и тогда, уже за философа никто всерьёз не считал. И вдруг Ильенков пишет! Это удивило многих. Я не знал, как относится к этому Михайлов, как относится третий, четвёртый, пятый. Я просто взял в руки книгу, потом оказалось, что моё впечатление от этой книги совпадает с теми отрицательными отзывами, которые, наконец, дошли из Москвы, передаваемые изустно.

О чём рассказывает Михайлов? Он говорит, что пришёл к Эвальду, тот был в очень плохом состоянии. Михайлов спрашивает, в чём дело. Да вот,- говорит,- были у меня сейчас двое. Называет фамилии. Михайлов фамилии не приводит. Но замечает, что один настоящий друг, которого Эвальд ценил и любил, а другой лишь демонстрировал, что он друг. Ильенков воспроизводит, что они подвергли критике его книгу, не оставив камня на камне. Причём, они прямо сказали, что эта книга, по существу, написана для того чтобы избежать репрессий, что она носит откровенно характер мимикрии, употреблялись ещё какие-то подобные выражения и слова. И Ильенков с горечью говорит: «Неужели это действительно так,

неужели книга воспринимается так, что я пытаюсь уйти от репрессий, возможных репрессий, написал эту книгу?». Вот так эпизодами, я полностью не могу воспроизвести.

Моя цель одна - выразить свою точку зрения: никакого действительного неприятия со стороны философов-профессионалов или любителей по отношению к Петрову не было. Его чуть ли не на руках носили, его любили, но не за книги, которых не было. Петров ездил на все конференции, участвовал в семинарах, специально ездил на все семинары, которые были в Институте философии, в Институте психологии, в других институтах. Его вся публика знала. Сейчас появляются воспоминания, в которых говорят о Петрове в восторженных тонах, что он был кумиром, что с любовью к нему относились. Его тогда не знали как пишущего автора, но знали как трибуна, который выступал на многих конференциях.

Я не буду распространяться, потому что чувствую, что и так уже заговорился. Скажу в заключение об одном, о чём не сказать нельзя. Мы сегодня, и не только мы, здесь сидящие, я уверен, что большинство здесь сидящих, если не все, очень критически относимся к современному политическому положению в стране, какую бы позицию не занимали. Мы достаточно критически относимся к тому политическому режиму, который пришёл на смену советскому режиму. Одни критикуют, другие относятся терпимо, третьи защищают, четвертые вообще эту тему не поднимают. Но я скажу, что есть одно абсолютно неоспоримое преимущество сегодняшнего режима. Почему? Потому что наш автор здесь и сейчас находится с нами. При советском режиме, не только бы этой книги не вышло, но и Макаренко бы не было уже, гарантирую вам, на свете. Не то что сослали бы, а по дороге убили бы или в каком-нибудь изоляторе избили бы до полусмерти. На этом я закончу.

Н.Е.Ерохин: Надо посмотреть, какова будет ситуация через полгода. *(Смех)*

А.В.Лубский: Коллеги, было очень познавательным выступление Юрия Романовича. В социологии есть метод включённого наблюдения, который позволяет получить субъективную, но очень ценную уникальную информацию. Эта информация для размышления представляет большую ценность.

А.М.Старостин: Уважаемые коллеги, постараюсь быть кратким, ограничусь заметками, не претендуя на связность, целост-

ность. Книга очень интересная, остроактуальная. Причина актуальности – кризис общества, кризис современной науки, неясность будущих стратегий. В то же время запрос на выход из кризиса адресуется в область науки и техники. В России нет целостной концепции науки, научно-технического прогресса. В развитых странах мира опора производится на тот или иной прикладной аспект науки. Эта ситуация говорит, что без хорошей теории хорошей практики не получится. Автор попытался объединить существующие подходы в новую категорию. Правда, логической проработки ещё не получилась, больше метафорическая. Но суть некоторых процессов книга отражает. В последние 30-40 лет в области науки, в связи с развитием промышленности, техники происходит ряд интересных вещей. Например, в 1960-70-е гг. 80% государственных ассигнований на науку, вложения в кадры, в экспериментальные, фундаментальные исследования, шло по области физики, химии, астрономии, космических исследований, а на остальное 20%. Сейчас наоборот: в традиционные области идет 20% ассигнований и подготовки кадров, а лидируют так называемая группа НБИКС технологий. Нано, био, информационные, когнитивные... Чем это объяснить?

Г.В.Драч (*перебивает*): Политология хорошо проплачивается.

А.М.Старостин: Ну, это последняя буква – статья на гуманитарные науки.

В.П.Макаренко: Проплачивается только сервильная политология, Гена...

А.М.Старостин: Это смещение произошло на глазах одного поколения. Оно объясняется только естественными причинами, или же факторами, о которых пишет автор? Почему произошла резкая смена такого лага? Я изучал и защищался в области больших научных проектов, космических исследований. В 1970-е - 80-е годы люди из этой системы говорили: погодите, через десяток - полтора лет наука резко изменит свой лаг. От экспансивного курса она сменит своё развитие на интенсивный курс. От внимания к проблемам мегамира, микромира переключится на проблемы человека. Это случилось. Второй пример – крах советской науки. Почему? Здесь цитировали Петрова: советская наука недостаточно производительна, резко уступает американской. В СССР существовал огромный военно-промышленный комплекс, частью которого была наука. Но теперь мы уступаем во многие разы. И наука как бы не нужна!?

Какие-то смехотворные деньги выделяются на её развитие. Корпоративной науки у нас не сложилось, вузовская наука в зачаточном состоянии, академическая наука поддерживается как бы так себе, от прежней науки осталось четверть. С чем связан этот феномен? С контрреволюцией научно-технической или с какими-то другими факторами?

Чтение книги В.П.Макаренко для меня было сложным по двум основаниям. Первое - она достаточно оценочная, моя позиция отличается от неё. Поэтому было внутреннее сопротивление, внутренний протест. Но потом думаю: я почитаю, что думает Виктор Павлович. Вторая трудность была связана с тем, что автор взял определённый ракурс рассмотрения. Я ему уже задавал вопрос о новом целостном образе науки. Это несколько сбивает, когда мы говорим о научно-технической революции, но не говорим ни слова о ее когнитивной составляющей. Об идеях, которые есть в физике, биологии, информатике, проблемах искусственного интеллекта, и они образуют все эти революции. То есть, мы как бы это отодвигаем, а рассматриваем больше контекст, тот питательный бульон, в который погружена наука. Наверное, автор имеет такое аналитическое членение и считает, что именно в этом звене происходят наиболее болезненные вещи, да? Возьмем национальный вопрос, он что - индикатор или суть этих конфликтов, так может быть и здесь происходит?

Ещё замечание. Есть книги, которые дают новое знание, и книги, которые открывают новые проблемы. Есть два аспекта науки - производство проблем и производство знаний. Я думаю, Виктор Павлович производит проблемы. Меня книга заставила обратить внимание на то, что в нашей практике не работает, и никто на это не обращает внимания. Обращаются к каким-то прикладным, административным вещам в области стратегии развития науки и научного знания, нежели к существу дела. А идейная основа петровской концепции достаточно богата, не знаю, насколько она впишется в современную научную лексику, понятийный строй. В этом я вижу ценность данного исследования.

Я хочу поздравить автора с тем, что ему удалось - не в виде набора статей, а достаточно целостного исследования по теме научно-техническая контрреволюция, - вбросить термин, который будоражит и провоцирует. Хотя, наверное, интересно послушать людей,

которые хорошо знали Петрова, хорошо знали эту кухню. Здесь присутствуют несколько ее представителей. Эту науковедческую школу тоже нужно знать и написать об этом. Люди уходят. Когда-то науковедение в СССР было пионерским и шло на одном уровне с тем, что делалось в Европе и в США. Сегодня знание в этой области куда-то отстывает. Мне кажется, нам важны пророки в своём отечестве! Их слишком мало! Не важно, называем ли мы Петрова философом, науковедом или ещё как-то, может, он лингвист гениальный, или художник, как говорится, пусть и не непревзойдённый, но значительный, это целостная личность. Потому такие пророки нужны нашей практике. Это ещё один аспект, попытка дать своё видение, реконструкцию этого идейного наследия, обратить внимание на одну из научных школ, которые были, надеюсь и остались.

Л.Г.Берлявский: Коллеги, я согласен полностью с предыдущими выступающими, что жанр книги своеобразный. Это поисковая, несколько провокативная книга в хорошем смысле слова. Она больше ставит проблему, чем решает. И это тоже необходимо. Актуальность не вызывает сомнений. Как недавно сказал академик Дынкин, директор Института мировой экономики и международных отношений РАН: мимо нас прошли пять научных революций, научно-технических. Вот первая (*показывает мобильный телефон*). Вторая – в строительстве, третья в автомобилестроении, и ещё две. Поэтому те проблемы, которые ставит Виктор Павлович, необычайно актуальны. Хотя мне показалось, что главная тема книги, как сказал нам сегодня автор, анализ форм подавления мысли. В большей степени этот контрреволюционный аспект пока только заявлен, до конца не всегда ясен. Например, на странице 162 автор пишет, что надо бы рассмотреть уголовную историю советской науки как пример научно-технической революции. Вот эти элементы концепции разбросаны по всему тексту. Не всегда ясно можно уловить смысл.

Собственно говоря, в центре внимания автора роль государства в организации науки. То, о чём писал Лорен Грэхем в своей статье «Устойчива ли наука к стрессу», и другие науковеды. Это очень интересно, автор приводит несколько моделей, которые продуктивны для мышления. Например, модель отношения между культурой, философией и политикой, которая сложилась в 1920-30-е годы. Модель взаимодействия учёного и власти. Я напомним, как в этих

стенах была хорошая дискуссия на тему «Учёный и власть» с Колчинским Эдуардом Израилевичем. Благодаря Виктору Павловичу, мы обсуждаем эти проблемы!

Не во всём могу согласиться с его определением современной науки как воплощения английского колониально-имперского подхода, французского революционно-бюрократического, и российского самодержавно-бюрократического. Такое определение автор даёт на странице 148-й. Мне кажется слишком механистическим сведение всех этих черт. Кстати, черты были обоснованы Колчинским, но в большей степени они звучат как метафоры. Есть американский вариант развития науки и германский вариант, они отличаются от этих.

Одно пожелание Виктору Павловичу, если он согласится, может не соглашаться, это его дело как автора. Часто трудновато читать первый раздел и реферативно-текстуальный пласт, о котором вы пишете. Очень серьёзные экскурсы, но они не всегда по теме.

Например, критика генерала Николаева и его работы 1998-го года. Римляне говорили «Орёл не ловит мух». Генерал Николаев и его книга - это не актуально и всё это уже не то! Школа Анналов представляет интерес, но стоит ли уделять ей такое колоссальное место? Не знаю. Тем более что этими проблемами она, на мой взгляд, совершенно не занималась.

В.П.Макаренко: Кто?

Л.Г.Берлявский: Школа Анналов

В.П.Макаренко: Какими?

Л.Г.Берлявский: Научно-технической контрреволюцией.

В.П.Макаренко: А, понятно!

Л.Г.Берлявский: В большей степени школа Анналов интересуется философов. Историки к ней относятся как к одной из школ. Они издают журнал с 1930-х годов. У них и другие школы есть, пять - шесть школ сложились. Вот это в плане пожелания. В целом, в хорошем плане провокативная книга, которая заставляет мыслить. Мы с вами здесь участвуем в процессе рождения мысли, по поводу того, что нам сказал автор. Спасибо ему!

А.В.Лубский: Спасибо вам! Профессор Берлявский - один из специалистов по истории науки в СССР. У него докторская диссертация была посвящена этой теме.

А.В.Берлявский: Да, а Анатолий Владимирович - мой уважаемый рецензент в журнале «Клио».

Н.Е.Ерохин: Я человек впечатлительный! И потому записал то, что хотел сказать, до того как услышал блистательные речи своих блистательных коллег. Поэтому я в течение двух минут прочту то, с чем я сюда шел, Виктор Павлович.

Г.В.Драч: В стихах?

Н.Е.Ерохин: А?

Г.В.Драч: Николай Ефимович, вы обычно в стихах излагаете.

Н.Е.Ерохин: Нет! В этот раз нет. Но это поэзия тоже. Я когда беру любую книгу Виктора Павловича, во мне сразу возникает такой мотивчик: «Настоящих буйных мало, вот и нету вожаков».
(Смех)

В.П.Макаренко: Не понял! (Реплики из зала: Это Высоцкий)

В.П.Макаренко: А! Понятно!

Н.Е.Ерохин: Так вот! Я убеждён, что у книги два героя. Петров – философ и Макаренко – автор. Я согласен с Александром Николаевичем, что одна четвертая Петрова и три четверти автора, но это, как говорится, их дела. Но оба они, и Петров, как я понял по Юрия Романовича выступлению блистательному, и как я понимаю Виктора Павловича, оба они из отряда прямо ходящих, прямо глядящих, прямо говорящих.

В.П.Макаренко: Приматов!?

Г.В.Драч: Буйных!

Н.Е.Ерохин: Но все замечания, которые я сегодня услышал, есть следствие величайшего дикого темперамента, который живёт в Викторе Павловиче, как в учёном и как в публицисте. В нём публицист и аналитик в нерасторжимой связи находятся. Он просто вибрирует нежностью, когда говорит о Неретиной. Но совершенно меняется позиция, когда Виктор Павлович держит в руках холодный скальпель аналитика. Когда бомбы, Холловэй, ноосфера Вернадского. Или я встречаюсь с сарказмом публициста, когда он уделал, другого слова не скажешь, Запесоцкого.

Ю.Р.Тищенко: О! Это классика!

Г.В.Драч: Ничего, Запесоцкий ему этого не простит.

Н.Е.Ерохин: На этом я ставлю точку, чтобы сказать: Виктор Павлович, ты написал изумительные по научным и по гражданским позициям предисловие и послесловие. Они сами по себе самодоста-

точные и прекрасные, это литературные и публицистические вещи. Поэтому я завершаю своё выступление кратким, очень личным признанием. Бог даст, я в этом году закончу свою большую книгу, называется она «В окрестностях последнего одиночества». Наши пути с Виктором Павловичем пересекаются последний год достаточно плотно. Виктор Павлович, буду просить твоего согласия на написание предисловия к моей новой книге, буду счастлив, спасибо тебе.

В.П.Макаренко: Спасибо!

А.В.Лубский: Коллеги, есть ещё желающие выступить? Тогда будем подводить итоги. Я думаю, обсуждение книги Виктора Павловича Макаренко держало нас в том интеллектуальном тоне, который порождает мысли. Это первое! Второе, слава богу, что не удалось присвоить наследие Михаила Константиновича Петрова никому из присутствующих в этом зале, это тоже благо...

И.Д.Коротец: Разделили поровну.

А.В.Лубский: Нет, присвоить, я говорю не делить, а присвоить. И третье: вот мой друг Николай Ефимович сказал: побольше бы таких хороших книг, и разных...

Г.В.Драч: И четвертое, я бы не сказал, что это Хайдеггер или Гуссерль, но Макаренко - это наш русский Мишель Фуко... (*Поднялся шум*)

А.В.Лубский: В общем, они пришли к консенсусу: Виктор Павлович глубоко копает.... Теперь я складываю с себя полномочия, хочу предоставить слово Виктору Павловичу, чтобы он выразил вам свою признательность.

В.П.Макаренко: И на этом закончим?

А.В.Лубский: Да!

В.П.Макаренко: Ну, хорошо! Я хотел проанализировать весьма продуктивные идеи, высказанные Александром Павловичем Огурцовым, Светланой Сергеевной Неретиной, Владимиром Наташевичем Порусом, Антоном Николаевичем Олейником в ходе анализа моего несовершенного произведения. Прореагировать также на выступление Юрия Романовича Тищенко, затронувшего не менее интересные темы. Приходится оставить это на потом. Сердечно благодарю всех коллег! Кто не успел выступить, прошу прислать по электронной почте тексты своих выступлений.

Г.В.Драч: А ты нас не записывал?

А.В.Лубский: Всё записывается.

В.П.Макаренко: Мы всё опубликуем.

Г.В.Драч: А ты не сможешь мне прислать моё выступление, я корявости уберу...

А.Н.Ерыгин: Испугался!? *(Смеётся)*

А.В.Лубский: Потом мы чуть-чуть подправим. *(Смеётся)*

В.П.Макаренко: Опять сбили меня с панталыку! В таком случае, объявление. Центр политической концептологии, при участии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Научно-исследовательского университета - Высшая школа экономики», проводит российско-украинскую конференцию с международным участием «Русская власть и бюрократическое государство». Конференция состоится 26-го - 28-го марта в этой библиотеке. Приезжают интересные люди, во главе с академиком РАН Юрием Сергеевичем Пивоваровым.

Г.В.Драч: Это тот Пивоваров, который призывал Россию встать на колени и покаяться?

В.П.Макаренко: Дело хозяйское, кто верит - может каяться. Иные нераскаянными помирают. Это свобода совести...

Н.Е.Ерохин: Виктор Павлович, когда ты болезненно реагировал на критические стрелы, я хотел напомнить тебе исторический факт. Лев Николаевич Толстой и его роман «Воскресенье» был подвергнут уничтожающей критике...

В.П.Макаренко: Ну, ясное дело.

Н.Е.Ерохин: Не так сцена поставлена, не так поиск идёт *(шум в зале)*

Г.В.Драч: Так вы хотите сказать - это ещё и наш Толстой?

Н.Е.Ерохин: *(Обращается к Драчу)* Подожди! Ему задают вопросы, а он соглашается. А образ Анны Каренины с кого писали. Он говорит, с себя. Говорит: Так, так, так, так, согласны? Согласны. Но тогда надо написать новый роман. *(В зале смех)*

А.Н.Ерыгин: На философском факультете 26 апреля проводятся очередные «Петровские чтения». Там у нас будет одна секция – любые доклады. А кафедра истории философии предлагает основную секцию: «Историко-философские исследования Михаила Константиновича Петрова».

В.П.Макаренко: Спасибо. В таком случае, разрешите мне сердечно поблагодарить всех присутствующих. Председателя особо поблагодарить. На этом наше заседание завершается. До свидания! *(Звучат аплодисменты).*

Эквифинальность и человекоразмерность: опыт ретроспективного анализа

А.П.Огурцов

Мое сообщение будет состоять из двух частей. В первой я попытаюсь весьма кратко обрисовать многообразные формы анализа науки, которые существовали в советской философии. Во второй части я более подробно остановлюсь на двух понятиях, которые были фундаментальными для системного подхода к науке, который развивал М.К.Петров.

А. Ретроспективный взгляд на советскую философию науки.

Несколько слов из предыстории:

1. Объяснение состава и введение термина «науковедение» (И.Боричевский, 1925) и методология науки (Ивановский В.Н., 1923) в 20-е годы как первый итог исследований науки в противовес пролеткультовской идеи «классовости науки» (М.Смит и др.).

2. Варианты анализа научного знания в 30-е гг.: как системы и как процесса (А.Г.Грузинцев, 1929), как расширение фронта открытий (Т.И.Райнов, 1929), как основания развития техники (Н.И.Бухарин, 1934).

Анализ научного знания в СССР можно датировать 60-ми гг. прошлого века. Освобождение от манихейских «черно-белых» идеологических установок и поворот к уяснению реальной практики реальной науки. Тесная связь методологии и логики науки с историко-научными реконструкциями.

3. Анализ структуры научного знания и его варианты:

3.1. Научное знание как система понятий (Б.М.Кедров, А.И.Уемов). Историко-научные исследования развития и смены понятий науки.

3.2. Научное знание как система пропозиций и анализ языка науки. Синтаксический подход к научному знанию. Применение современной символической логики к анализу структур репрезентации научного знания и возникновение логики науки (А.А.Зиновьев и др.). Формирование стандартной концепции науки и ее трудности: разрывы между уровнями языка, поиски соответствия между ними и др. Семантический подход в логике науки (В.А.Смирнов, Е.Д.Смирнова и др.).

3.3.Расширение области исследований науки: осмысление процедур и актов познания – моделирования (Е.П.Никитин, Б.С.Грязнов и др.), осознание специфичности теоретических объектов - идеальные объекты теории и их роли, рефлексия над методами науки и формирование методологии науки.

3.4.Попытка преодоления разрыва между синтаксическим и семантическим подходами к науке – возникновение семиотического (А.Е.Левин) и системно-структурного подхода к научному знанию (И.В.Блауберг, В.Н.Садовский, Э.Г.Юдин и др.). Уяснение многообразия системного подхода к науке – от статичных до эволюционирующих систем, от малых групп до дисциплинарного сообщества (М.К.Петров).

4. Генезис логики научного исследования (П.В.Копнин и др.) и ее проблематика: проблема и вопрос, факт и его интерпретация, научный поиск, способы систематизации знаний и формы их репрезентации. Разрыв между логикой науки и логикой научного исследования. Взаимоотношения между теориями и осознание структур дисциплинарного знания (М.К.Петров).

5. Содержательно-генетическая логика (Г.П.Щедровицкий и ММК): преодоление разрыва между психологией и логикой, поворот к математической теории групп и теории операционального интеллекта Ж.Пиаже. Новые концептуальные средства анализа науки: схемы сознания, онтология, генезис методологии и др.

6. Возникновение вероятностного языка науки как самоорганизующейся информационной системы (В.В.Налимов, С.В.Мейен).

7. Наука как деятельность, ее нормы и идеалы (В.С.Степин и минская группа исследователей). Наука в системе образования: необходимость ее реформ и их программы.

8. Наука как «всеобщий труд человеческого духа» и попытка разграничить универсалии науки и ее формы ее коопераций (В.С.Библер, В.Ж.Келле). Наука в системе культуры (Н.С.Злобин, В.М.Межуев).

9. Итог: многообразие способов исследования науки, эпистемические разрывы в научном знании, разрывы между системами науки и образования, ориентация на физику и ее процедуры, исчезновение научных школ, утрата доверия к науке.

Специального и более детального разговора требует системный подход к науке, который мною уже был назван. Пока же я остановлюсь на той позиции, которая представлена М.К.Петровым – известным российским социальным философом, и которая имеет самое непосредственное отношение к анализу науки.

*В. Ретроспективный анализ двух понятий
системного подхода к науке М.К.Петрова*

Эквифинальность и человекоразмерность составляют те два понятия, которые М.К.Петров кладет в основание своей социологической концепции науки. Первое из них используется М.К.Петровым в системном анализе науки, а второе выдвинуто им самим. Они являются, по моему мнению, как философско-онтологическим, так и методологическим основанием его исследований науки. Они становятся у него той системой отсчета, в которой рассматривается наука, и одновременно той реальностью, которой является наука как некое системное образование. Иными словами, эти два понятия задают не только способ системного видения науки, но и ту реальность, которая наделяется чертами системности и определенными характеристиками размерности. Мне хотелось бы разобраться с этими двумя понятиями, выявить их истоки, внутреннюю их связь или альтернативность и показать, к каким результатам они ведут.

1. *О понятии эквифинальности.* Это понятие выдвинул Г.Дриш - немецкий биолог и философ в книге «Витализм» (СПб., 1914). Оно является одним из результатов экспериментальной эмбриологии и сравнительной морфологии, характеризуя процесс развития, когда сохраняется его результат при резком изменении путей достижения этого результата. А.А.Любищев отмечает, что понятие эквифинальности восстанавливает понятие конечных причин – *causae finales* (Любищев А.А. Редукционизм и развитие морфологии и систематики // Любищев А.А. Проблемы формы систематики и эволюции организмов. М., 1982. С.239-240). Конечные, целевые причины, от которых якобы отказалась эволюционистская биология, тем самым вводились в структуру биологической теории в качестве одного из ее важнейших принципов. Ведь энтелехия, понятая как цель, задает и пути эволюции, и естественный отбор может быть понят как цель, свойственная эволюционирующим организмам. От понятия целесообразности (как бы она не называлась - «конечными

причинами», «энтелехией», «телеономией») биология никогда не отказывалась, нередко, правда, скрывая само его использование.

Понятие «эквивинальности» было продолжено в понятии «динамически предсуществующей морфы» А.Г.Гурвича, который, правда, позднее от него отказался в пользу теории клеточного поля. Любищев в своих письмах к Гурвичу обращает внимание на эту смену позиций своего адресата, характеризуя ее как замену холистического понимания поля интерференционным и считая «резкую перемену фронта» необоснованной (Любищев А.А., Гурвич А.Г. Диалог о биополе. Ульяновск. 1998. С.158-159). Но, как заметил Л.В.Белоусов, «основная мысль теории осталась прежней: всегда речь шла о едином факторе, определяющем направленность и упорядоченность биологических явлений» (Белоусов Л.В., Гурвич А.А., Залкин С.Я., Канегисер Н.Н. Александр Александрович Гурвич. М., 1970. С.91).

В это же время понятие «эквивинальности» стало применяться не только к клеточным полям, к клеточному обмену, к обновлению клеток и к организму, но и к популяциям. Так, известный американский эколог Р. Уиттекер применил понятие эквивинальности к развитию растительных сообществ при различных первоначальных условиях, сообществ, достигающих высшей точки эволюции (*Whittaker R.H. A Consideration of Climax Theory: The Climax as Population and Pattern // Ecological Monographs. Vol. 23. 1953. P. 536-544*). Итак, речь идет не только о расширении сфер применения этого понятия (оно стало применяться и в психологии, и в социологии, и в психиатрии, и в менеджменте), но и об его универсализации – о превращении его в одно из основных понятий и естествознания, и социальных наук, и гуманитарных наук. Эквивинальность – это переход из разных начальных условий в одно и то же финальное состояние, наличие различных путей и разных начальных условий при достижении одного и того же конечного состояния. Финальное состояние и предстает как цель формирования, эволюции, перехода. Такого рода процессы оказались присущи явлениям жизни, процессам эмбриогенеза, эволюции, экологии и др. Широкое распространение этого понятия стало одной из причин его универсализации, т.е. превращения его в одно из методологических средств общей теории систем, что связано с именем Л.фон Берталанфи.

М.К.Петров апеллирует к работам Л.фон Берталанфи, который, противопоставив открытые и закрытые системы, считал, что открытая система, достигая состояния подвижного равновесия, в котором сохраняется постоянство ее структуры «в процессе непрерывного обмена и движения составляющего ее вещества. Подвижное равновесие открытых систем характеризуется принципом эквифинальности, то есть в отличие от состояний равновесия в закрытых системах, полностью детерминированных начальными условиями, открытая система может достигать не зависящего от времени состояния, которое не зависит от ее исходных условий и определяется исключительно параметрами системы» (*Берталанфи Л.фон. Общая теория систем – критический обзор// Исследования по общей теории систем. М.,1969. С.42*). С таким характером открытых систем он связывает их негэнтропийность и увеличение их порядка и сложности.

Петров обращается к урбанистике и к науковедению для выявления эквифинального характера их развития. Так, ссылаясь на работы Н.Ч.Маллинза и Т.Куна, он обращает внимание на эквифинальность заключительных стадий восстановления дисциплинарной нормы – институционализацию научной дисциплины, которая связана с основанием журналов, учреждением кафедр, должностей для новых специальностей. Формирование и эволюция научных исследований завершается одинаковым результатом институционализацией научной дисциплинарной деятельности – созданием устойчивого и универсального набора идентификаторов научной дисциплины, хотя пути формирования и ее эволюции могут быть различны (революционная смена парадигм vs нормальная наука, по Т.Куну, четыре стадии развития научных групп в дисциплины – норма, сеть, рой или сплоченная группа, специальность или дисциплина, по Маллинзу). Науковедение и стало исследовать такого рода «универсальные процессы интеграции когнитивно-социальных единиц, процессы эквифинальности» (*Петров М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. М.,2004.С.26*).

По моему мнению, к процессам формирования и развития научных дисциплин вполне приложимо понятие «эквифинальности». В этом М.К.Петров прав. Действительно, дисциплинарное знание формируется различными путями, в разных начальных условиях и завершается признанием научной дисциплины сначала микросооб-

ществом ученых и затем макросообществом, включающем не только ученых, но и администраторов от науки, от системы образования и пр. Историко-научная реконструкция различных путей формирования новых научных специальностей и превращения их в дисциплинарную деятельность со специфическими нормами - задача не из легких, но крайне необходимая. Кроме того, формирование и развитие научной дисциплинарной деятельности связано и с созданием кафедр, журналов, системы подготовки и переподготовки научных кадров и т.д. Более того, механизмы когнитивной и социальной институционализации научных дисциплин оказываются неразрывными друг от друга и вполне реально говорить о едином когнитивно-социальном процессе формирования дисциплинарных структур, где дисциплинарное знание вместе с дисциплинарным сообществом и оказываются тем «когнитивно-социальным полем», которое, будучи организмически целостной структурой, обуславливает их микроизменения и микропроцессы.

Но у меня возникают сомнения в возможность применения понятия «эквивинальность» в урбанистике, к формированию и развитию городов. Эти сомнения связаны прежде всего со спонтанностью развития городской застройки (несмотря на существование разных контрольно-бюрократических инстанций), с включением в жилищные кварталы т.н. «точечных застроек», со стройками зданий разных архитектурных стилей и т.д. Город сохраняет старую планировку своих улиц, кварталов, районов. Планировка города во многом стихийна, хотя ныне каждое новое строительство требует согласования с большим числом разного рода инстанций. Так, Москва сохранила кольцеобразную структуру феодального города с сакральным и административным центром – Кремлем и радиальными улицами, ведущими к Кремлю. И как бы ни стремились архитекторы и урбанисты перестроить организацию города, она все же остается прежней. Более того, даже новое строительство подчиняется этой кольцевой и радиальной логике, что находит свое выражение, например, в строительстве по такому же плану метрополитена.

Можно ли назвать такую устойчивость кольцевой и радиальной структуры плана Москвы и ее метро «эквивинальной»? В каком-то смысле можно. Но в таком случае эквивинальные, целостные архитектурно-строительные структуры нам уже заданы. Они не кон-

струируются заново, а предустановлены прежними градостроительными практиками и сохраняют свою жизненность в новых условиях, которые далеки от прежних. И сломать такого рода «эквивифинальность городской застройки» невозможно. В ней приходится жить новым поколениям, сталкивающимся с неадекватностью структуры города новым условиям. Так, многочасовые автомобильные пробки на улицах Москвы определяются, по моему, не только большим числом личных автомашин, но прежде всего сакрально-чиновничьей эквивифинальностью городского строительства. Иными словами, структура современного города определяется прежде всего начальными условиями, но отнюдь не исключительно параметрами самой системы. Можно сказать, что урбанистика свидетельствует скорее об *антиэквивифинальности*, о наращивании в структуре города тех компонентов, которые не адекватны параметрам ныне существующей системы, а адекватны тем параметрам, которые сложились в начальных условиях и сохраняют свою значимость на протяжении столетий. Да и сам Петров осознает этот факт, говоря о гетерономных синтезах субъективных и естественно объективных условиях человеческого существования в городе, о «разрезании целостных картинок городов по линиям гетерономных синтезов» (Там же.С.23). Но он предлагает «снять» значимость такого рода спецификаторов застройки городов и «выбросить в корзину» как несущественные первоначальные условия, так и спецификаторы «открытых систем» (Там же). В самой идее эквивифинальности существует мотив преформизма, т.е. предустановленности движения из разных начальных условий к целостности открытой системы и ее развертывания на собственных основаниях. Этот преформистский мотив весьма силен в биологических теориях ХУШ-Х1Х вв., но он не менее силен и в теориях других наук. Конечно, органически целостная теория формирует собственные параметры движения и детерминирует собою различные пути своего становления. Однако этот детерминизм целостных систем своих компонентов и уровней не следует превращать в супердетерминизм, который не оставил бы никакого места для вероятностной трактовки взаимоотношений целого и его компонентов. Пробабилистский взгляд на формирование и развертывание целостных структур исключает жесткий детерминизм, подчеркивая значимость законов-

тенденций, точек бифуркации, возможностей и выбора между ними.

2. *О понятии «человекоразмерности».* Это понятие выдвинуто М.К.Петровым. Это понятие им сконструировано, им придумано и стало для него одним из центральных в системном анализе науки. Я как-то уже вспоминал наш разговор об этом понятии, когда мы шли по Беговой улице и ловили такси. В ответ на разъяснение им этого термина (правда, весьма краткое) я заметил: «Не является ли это понятие выражением «человекобожия»? Не свидетельствует ли оно об антропоморфизации того, что не поддается измерению в человеческих параметрах?» На что М.К.Петров ответил: «Нет!» и стал развивать тему, что наша деятельность (любая и когнитивная, и социальная, и техническая) свидетельствует об объективации человекоразмерных структур.

Мне не встретилось определение самим Петровым этого понятия. Он замечает, что человекоразмерность является «всеобщим эквивалентом и универсальным интегратором всех систем-городов» (Там же.С.23), что Протагорова метрика образует способ интеграции и упорядочения различных явлений и событий: «Хотя и здесь окажутся применимы кубы, квадратные метры и прочие объективные меры, сами они окажутся производными от совершенно иной размерности, переводом с языка метрики Протагора – «человек мера всех вещей», переводом с языка человекоразмерности» (Там же.С.22). За эквивиальностью «стоит все тот же человек в своих физических и ментальных возможностях и ограничениях» (Там же.С.26). Сразу же скажу, что и я, увлеченный «антропным принципом» в космологии, говорил не о человекоразмерности, а даже об антропности биологии (См., например, *Огурцов А.П. Антропность биологии и образы человека // Биология в познании человека. М., 1989. С.20-36*). Позднее у меня возникли сомнения если не в правомерности, то в универсальности как «жесткого», так и «мягкого» антропного принципа в космологии, хотя, конечно, для возникновения жизни и человеческого сознания необходимо определенное соотношение фундаментальных физических констант.

Действительно, генезис геометрии связан с человекоразмерными единицами измерения Земли – фут, локоть и пр. Долгое время в разных странах пытались вводить единые меры – например, «королевский фунт» («*ried du roi*»), составлялись сопоставительные таб-

лицы различных единиц измерения длины, веса и др. Иными словами, первыми единицами измерения служили органы человеческого тела. Однако здесь еще не идет речь о геометрии как науке. Речь идет о способах измерения земельных участков, о различных единицах измерения, которые в различных регионах различны. Но отнюдь не о той геометрии, которая сложилась в Академии Платона. Для ее возникновения потребовалось осуществление ряда условий – от гомогенизации пространства до формирования идеальных объектов (точки, линии, плоскости и различных геометрических, «платоновых» тел). И лишь столетия спустя – в эпоху Просвещения были сформирована, предложена и гораздо позднее было принято то, что теперь известно как новая система мер и весов (в ряде европейских стран и в США – в XIX веке, в России – 14 сентября 1918 г.). И в первых попытках (например, Дюпона де Немура) введения единой системы мер и весов подчеркивалось, что речь идет об установлении мер и весов, наиболее отвечающих природе вещей, об универсальной и неизменной системе, основанной на единице, взятой из природы (слова Талейрана – одного из создателей новой системы единиц), Итак, речь идет не только об унификации мер и весов, различных даже в разных провинциях Франции, но о том, чтобы отказаться от прежних антропоморфных единиц и сконструировать систему мер и весов, адекватную природе вещей, т.е. деантропологизировать эту систему, лишить ее какой-либо связи с антропологией человека, сделать ее объективной и принять государственные декреты по ее всеобщему признанию. Были сконструированы идеальные масштабы измерения (килограмм, грамм, метр, дециметр, сантиметр, миллиметр и пр.) и они были признаны не только революционным Конвентом, но и всей Францией, став одним из важнейших факторов ее объединения в единое государство.

Введение новой системы мер и весов – одно из наиболее значительных достижений революционной Франции в отличие, например, от попыток введения революционного календаря. Благодаря этой новой системе было покончено с человекоразмерностью измерений, которые стали едиными и объективными. Правда, это потребовало громадных усилий по кардинальному изменению всех измерительных приборов, начиная с весов, техническими устройствами по измерению диаметра Земли и кончая научной аппаратурой.

Надо сказать, что М.К.Петров усматривает в новой системе мер и весов производную от системы размерности, представленной в метрике Протагора. Это утверждение, по-моему, ни на чем не основано. Ведь эталоном длины была взята измерение дуги меридиана длиной в 9,5 градуса между Дюнкерком и Барселоной (метр равен 1/10 линии), а эталоном веса – масса 1 куб. см. воды при наибольшей плотности. Были созданы платиновые образцы длины – прототипы эталонов. Иными словами, здесь не идет речь ни о человеко-размерности новой системы мер и весов, ни о производном характере метрической системы от человеко-размерности. Таково мое первое возражение против идеи человеко-размерности.

Второе возражение состоит в том, что научное знание давно обратилось к идее бесконечности как актуальной, так и потенциальной. Сама размерность конечного существа создает громадные трудности для введения и постижения бесконечности. Если превращать человеко-размерность в фундаментальную структуру когнитивных процессов, то в таком случае бесконечность будет чем-то вроде кантовской вещи самой по себе – она существует, но познаются только ее феномены. Начиная с Нового времени, наука конструировала аппаратуру, которая позволяла ей осмыслить бесконечность, формировала концептуальные средства в математике, в астрономии, в физике для того, чтобы постичь бесконечность. В современной космологии речь идет о расстояниях в миллиард световых лет, т.е. о тех, которые пройдет свет за миллиард лет (Об идее бесконечности см. статью Г.И.Наана (*Наан Г.И.* Понятие бесконечности в математике, физике и космологии// Современная космология. Философские горизонты. М., 2011. С.357-405).

Наука давно имеет дело с объектами, выходящими за границы человеко-размерности, и научные революции обусловлены расширением нечеловеческо-размерности и ее постижением с помощью новых идеальных объектов и нового конструктивного оснащения. И эти средства не были человеко-размерными, наоборот, они свидетельствовали о том, что когнитивные способности человека вместе с научно-техническими устройствами вышли за пределы человеко-размерности и в состоянии объективно постичь бесконечность. Расширение возможностей человеческого восприятия – зрения и слуха с помощью различного рода технологий и высокоточной аппаратуры свидетельствует о том, что пределы человеко-размерности

существенно раздвинулись и конструкторам тех спутников, которые посланы и будут посланы к Марсу, вряд ли имеет смысл напоминать об узких показателях человекоразмерности. В конечном светится бесконечность – так можно трактовать природу человеческого существа, а настаивание на человекоразмерности влечет за собой ограничение конечным, замыкание на конечном и отказ от осознания себя как бесконечного существа.

Идея человекоразмерности предполагает антропологическое видение человека, введение философской антропологии в качестве последнего основания философского знания, да и вообще всех когнитивных феноменов. Я, правда, не встречал у М.К.Петрова такого хода мысли. По моему мнению, М.К.Петров был не только одним из первых науковедов в нашей стране, защитившим кандидатскую диссертацию по науковедению, - «Наука о науке» (1965), но и выдающимся представителем социологического подхода в эпистемологии, того направления, которое теперь называется социальной эпистемологией. Для социального эпистемолога важны иные характеристики научного знания, чем для классического гносеолога: научное сообщество, а не творческая личность; стереотипы и нормы, а не авторские инновации; коды, а не выражение индивидуального видения проблем.

В самой идее «человекоразмерности» можно увидеть близость тому анализу «подручности» и «наличности», который был осуществлен М.Хайдеггером в «Бытии и времени» (1927), хотя сам Хайдеггер не признавал интерпретации своей концепции в духе антропологизма. «Подручное» - это человекоразмерное, говоря словами М.К.Петрова. Это сущее, окружающее меня, оно имеет характер быть «под рукой», близости, повседневного обращения (*Хайдеггер М. Бытие и время. М.,1997.С.102-103*). В блестящей статье Ж.Деррида настаивает на том, что стратегия Хайдеггера «широко распахивает двери для архаизирующего поворота назад к деревенскому ремеслу (Handwerk) и осуждает бизнес (Gewerbe) и капитал... К тому же с разделением труда таким образом неявно дискредитируется то, что называют «умственным трудом» (*Деррида Ж. Geschlecht II: Рука Хайдеггера // Хайдеггер М. Что зовется мышлением. М.,2006.С.280*). Иными словами, можно увидеть и в идее «подручности», и в идее «человекаразмерности» архаизирующую ориентацию, стремящуюся вернуть нас к ценностям прошлого.

Многие из оппонентов Хайдеггера обратили внимание на эти ретроустановки. Это относится не только к Т.Адорно, выступившего в книге «Жаргон подлинности. О немецкой идеологии» (М. 2011) с социологической критикой философии Хайдеггера, но и к философской антропологии А.Гелена, который фиксирует и исходит из идеи «недостаточности» человеческой природы, ее ограниченности в некоторых размерностях, а таким философам, которые объединили принципы фундаментальной онтологии и критицизм Франкфуртской школы (например, Г.Андерс) и прямо заявляли об антикварности человека, о неадекватности человеческой природы - его души и жизни требованиям и скоростям современной техники (См. двухтомник: Anders G. Die Antiquartheit des Menschen. München. Bd.1.1956, Bd.2. München.1980). Конечно, можно оспаривать основания философской антропологии, выдвинутые А.Геленом и Г.Андерсом, и выдвигать иные принципы, вытекающие, в частности, из осознания открытости природы человека, преодоления им своей тождественности и утверждения его постоянной изменчивости и динамичности в отношениях с другими людьми. Но и в этих непрерывных преобразованиях своих отношений с другими людьми надо искать определенные инварианты преобразований, вне которых невозможна человеческая жизнь и его сознание.

Если рассмотреть советскую философию науки под углом зрения эквивиальности и человекоразмерности, то придется признать, что она была неэквивиальной, поскольку ее начальные условия и пути формирования были различны, были созданы разные и даже альтернативные трактовки науки, и для советской власти человек не был «мерой всех вещей». Она была нечеловекоразмерной и враждебной человеку и тем более тем, кто занимался философией науки и социальной эпистемологией, в частности, для М.К.Петрова.

Были ли контрреволюционеры революционерами?

С.С.Неретина

Смысл обсуждения книги В.П.Макаренко «Научно-техническая контрреволюция» не только в том, чтобы рассмотреть «идеи М.К.Петрова как источник мысли» (эти слова являются подзаголовком книги) и соответственно показать способ, каким эти идеи оказываются источником мысли, но и в тех проблемах, которая ставит сама эта книга. В противном случае возможен такой оборот дела, когда идеи известного мыслителя затмят идеи книги, посвященной собственно не ему, а вполне определенному активному желанию разобраться в современной философской ситуации.

Свое выступление я разбила бы на три части: 1) представление основной идеи книги Макаренко; 2) краткий анализ соответствия идей книги идеям Петрова; 3) некоторые рекомендации. Совершенно, однако, очевидно, что некоторые соображения будут переплетаться.

1. То, что можно приветствовать: яростный анти-авторитарный запал, который сопровождает мысли Виктора Павловича, запал в настоящее время насущно необходимый. Сейчас стало особенно очевидно, что недавнее желание и попытка построить государство на демократических основах столкнулись с жесткими препятствиями ментального порядка: общество, практически не знающее, что такое демократические основы, реально решило сконструировать *неосоветское* государство на усеченном *неороссийском* пространстве с учетом возможностей и потребностей в рынке с прогнозируемым и регламентируемым переделом собственности и со свободой слова без гласности или при неполной гласности.

Настрой на тотальное государственное преобразование (выраженный именем «перестройка») и образование гражданского общества сменился апатией большинства населения при одновременном политическом возвышении сложившихся групп коррумпированных политиков-бизнесменов со штампованными лозунгами, а вместе с тем трудным «низовым» повсеместным запуском производств и трезвым анализом «нашего положения», требующего – может быть, прежде всего - правового образования. В противном случае право замещается непреднамеренным беззаконием, преднамеренным обманом или преступлением, о чем говорил Гегель. Двойственная позиция государства в отношении правосознания сейчас очевидна: с

одной стороны, показательные уроки судопроизводства демонстрируются едва ли не на всех каналах телевидения, с другой, происходит немотивированное попрание прав собственности и прав человека.

За 90 с лишним лет, прошедших после Октябрьской революции, далеко не полностью разрушилась старая идеология. Недавно студент подошел ко мне и сказал, что сейчас народ надо держать в узде, поэтому хорошо бы вернуть Сталина. После ликвидации СССР прошло 20 лет, кто или что могло внушить ему подобные мысли, если не глубинное существование самих этих идей.

Даже простой строго и определенно оценочный пересказ проблем соотношений науки и власти, создавших «комплекс «служения государству» и вместе с тем востребовавших «право на сопротивление», здесь важен как апелляция к пониманию, как напоминание, как, наконец, сильнейшее возражение со стороны истории, философии, науки той перестройке образования, перечеркивающей саму идею образования, и тем вполне реальным действиям сопряженной с собственностью власти заставить людей подчиняться ее авторитаристским устремлениям или создать, как пишет Макаренко, «макиавеллизм личности (сознательную квалификацию лжи как истины)»⁵⁵¹.

При проведении успешной критики, на мой взгляд, необходимо, не только видеть способы существования советских принципов на постсоветском пространстве (этот атавизм известен любому обществу), но и анализировать принципы существования новых постсоветских поколений людей, а то, что перед нами иное общество, базирующееся на иных основаниях, – это совершенно очевидно. Если провести анализ не «из традиции», а из этого иного, то обнаружится и иной мир. Нынешнее обсуждение не позволяет обсуждать современные проблемы. Могу сказать только, что примерно полтора года назад я обратилась с просьбой к сотрудникам нашего Центра (методологии и этики науки), которым руководит А.П.Огурцов, написать статьи, как каждый из нас лично представляет себе, что ныне представляет собой философия. Вначале мы опубликовали эти работы в он-лайн-журнале «Vox. Философский журнал», а затем составили книгу «Философские акции» (М.:

⁵⁵¹ Макаренко В.П. Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К.Петрова как источник мысли. Ростов-на-Дону, 2011. С. 10 – 11. Далее ссылки на страницы этой книги в скобках внутри текста.

Голос, 2011). Наше время – после мировых войн, Холокоста и ГУ-ЛАГа, – казалось бы, жестко обозначило ситуацию конца (и об этом кто только ни писал!), поскольку было сочтено, что утрачены все возможности философии. Однако это же время пустоты, ничтожности наставило нас на путь кропотливого исследования истории философии, на котором можно увидеть настоящие философские исследования, проблемы и трудности, стоящие перед мыслью. Одна из этих апорий состоит в том, что всмотреться в себя не так-то легко, поскольку компьютер, скажем, отнял у нас память. Сейчас и Мандельштаму было бы невозможно сказать: «Петербург, я еще не хочу умирать: у меня телефонов твоих номера...»: они в мобильных. Мы пусты. Мы отстранили от себя всё. Остается чистая, голая свобода – мысль, не скованная никакими традициями. Наша пустота и есть наше начало. Не заметить этого нельзя, как нельзя не заметить и того, что у нас есть много такого, о чем не скажешь, поскольку оно окружено пустотой... Мы с другого конца упираемся в слово «философия», рожденное в недрах тайного общества Греции, где оно появилось среди мощной школы молчания и трудоемкой мысли. Но вот оказывается, что оно потребовалось для осознания каждой маленькой и не слишком заметной жизни. Она создала рекламу как быстро прилаженное емкое, запоминающееся слово, пока молчат или кричат о молчании философы, создала небывалую академию общения, все эти livejournal, facebook, разные форумы, контакты и прочие свидетели дела мысли. Человек сам из себя рождает формы общения, не заданные традицией, не продиктованные религией, шифруя себя, не показываясь из-за завесы ников или псевдонимов, дозволенных Софией-мудростью, которая может быть понята и как хитроумие. Люди, может быть, впервые проявили такую инициативу – не по зову партии, не из политических или идеологических соображений – образовать свой парламент (чем и являются все эти «живые журналы» и форумы), куда вхожи все, свою демократию, где у каждого есть свой голос. Эта скрыто-откровенная демократия и есть новая форма философии. Демократия голоса, нахождения и обретения его, власти голоса, при котором не боишься учителей, не боишься, что тебя назовут дураком, где ты скрыто откровенен или - полифоничен.

Такое положение позволяет иначе взглянуть и на старую альтернативную советской философию и гуманитарную науку и уви-

деть в ней черты, близкие к советской парадигме мысли. Так, например, М.Вальдштейн в книге «Советская империя знаков: История Тартуской школы семиотики» (Waldstein Maxim. The Soviet Empire of Sign: a History of the Tartu School of Semiotics. Saarbrücken, 2008) совершил это исследование, чтобы «представить симметричную оценку взаимодействий между наукой и обществом в истории советских гуманитарных наук <...> только такая перспектива позволяет нам избегать произвольной редукции исследуемого знания к его чисто интеллектуальному содержанию в противовес продуктам социальных “внешних эффектов”. Рассматривая науку и общество “симметрично”, я, - пишет Вальдштейн, - учитывал каждый аспект деятельности школы одновременно как “интеллектуальный” и “социальный”» (с. 185)⁵⁵². В этой книге тартуская школа исследуется как «параллельная» советской «наука» и империалистским оказывается «стремление к универсализации своего объекта и онтологизации метода. Применительно к Тартуско-московской школе такая критика не нова: ее высказывали еще Б.М.Гаспаров и А.М.Пятигорский на закате существования школы». Однако Вальдштейн подчеркивает другую сторону имперскости: это явление, традиционное для филологии и славистики и идущее изнутри этих дисциплин, воспринималось как «республиканско-демократическое» или, точнее, «многонациональное и многоязычное царство», где «система взаимоотношений выстраивается по образу и подобию официальной академии». Это приводило «к замыканию в узких кругах единомышленников и к представлению об универсальности своего метода и унитарности мнений; в этом смысле параллельная наука – типично советский институт»⁵⁵³.

Еще раньше (в 1993 г.) подобную сравнительную методологию применяла я сама в исследовании принципов истории (см. статью во вскользь упомянутом Макаренко сборнике «Подвластная наука? Наука и советская власть»), в сопоставлении исследовательских принципов школы Гревса и А.А.Богданова в статье «Идея культуры: от трансцендентного к имманентному. О философии в СССР после Октября» (опубликованную в книге «Философские одиночества», М., 2008). В книге из той же серии «Философия России вто-

⁵⁵² Цит. по переводу: *Поселягин Н.* Ab imperio humanitario // Новое литературное обозрение. 2011. № 111. с.339.

⁵⁵³ Там же. С. 339, 340, 341, 342.

рой половины XX в.», посвященной В.С.Библеру, помещена статья Л.А.Гоготишвили «Автор и его ролевые инверсии (к сопоставлению подходов В.С.Библера и М.М.Бахтина), которую можно понять не только как разведение позиций Библера и Бахтина («понятие культуры как самодетерминации... применительно к автору» и самоисключение автора «из состава события бытия в пользу другого (абсолютный отказ Я от завершения и воплощения, а значит, и от “самодетерминации”)⁵⁵⁴, которую вполне можно понять как выступление против унитаристской концепции автора в произведениях В.С.Библера в пользу проблем полифонии.

Нетрудно заметить, что *такого рода критика – основное в книге Макаренко*. Он поставил акцент на то, каким образом проявляется авторитарное в неавторитарной, казалось бы, мысли, рожденной в условиях тоталитаризма, к какому бы направлению (советскому – анти-советскому, марксистскому – анти-марксистскому) ни принадлежал сам автор этой мысли. Это делает книгу весьма актуальной, поскольку обнаруживается настолько сильный традиционалистский настрой, что, несмотря на активное желание его победить, этого не позволяют сделать устоявшиеся ментальные структуры. Если рассматривать книгу с этих позиций, то некоторые высказывания Петрова, на которые с радостью откликается образованный ум, как оказывается, принадлежат той же унитарной тенденции. Когда, например, он говорит о телевизионных программах, о том, что «электронное облучение творческого потенциала не только не уступает по эффективности атомной бомбе, но и много “грязнее”: убивает стремление к книге – единственному средству выхода на передний край познания... Кино, и радио и десятки других менее значительных, но не менее верных способов «убить время» и парализовать мысль» (с.7), то эта характеристика, относящаяся к 70-м годам XX в., в Десятые годы XXI в. вызывает недоумение, ибо (см. выше) СМИ и интернет-пространство создали особую интеллектуальную сферу для философии, поменявшую самого субъекта и философии, и истории (им стала масса). Виктор Павлович подчеркивает, что этот «тезис Петрова о том, что книга – единственное средство выхода на передний край познания, оказывается спорным» (с.11). Соглашаясь с ним, я лишь хотела подчеркнуть,

⁵⁵⁴ Гоготишвили Л.А. Автор и его ролевые инверсии (к сопоставлению подходов В.С.Библера и М.М.Бахтина // Владимир Соломонович Библер. М., 2009. С. 183.

что одновременно он также несет в себе заряд некоей авторитарности, с какой связано и его представление об авторской и личностной самодетерминации. Ясно также и то, что «духовное оскотление», идущее от власти, не в меньшей, если не в большей мере идет от самого желающего человека, которому, однако, легче пенять на зеркало, чем на самого себя. Более того, приведенная цитата сродни всем высказываниям переломных эпох: Платон сетовал на то, что письменность уничтожает устное предание, иудеи – на то, что перевод Ветхого завета на греческий умаляет идею Бога, который жил в каждом завитке их письма. Так и мы стараемся свою, книжную, традицию, предпочесть компьютерной. Петров, однако, обнаружил ту философскую боль от ухода старой ментальности в 60 - 70-е годы XX-го столетия, которая для нас стала очевидной только на излете того века, и постарался ее выразить, и в этом его неизменная заслуга.

В этом же плане можно рассмотреть и полемику между Ильенковым и Петровым, которую в определенных (близких Петрову) кругах принято рассматривать негативно относительно Ильенкова. Между тем спор у них идет о разном понимании того, что такое наука, спор жесткий, потому что в то время действительно столкнулись две позиции и в философии, и в науковедении. В этом споре раздражает интонация Ильенкова: он резок и менторски-ироничен, отчего возникает неприязнь даже к разумным доводам (неприязнь такая, что все даже дельные доводы не воспринимаются как дельные), спокойный же, раздумчивый тон Петрова заранее обеспечивает ему более высокий философский статус. Надо сказать, однако, что в 60-е годы XX в. не очень-то задумывались над интонационной техникой высказывания. Предмет спора брался за рога. Противника в момент спора почти ненавидели. В этом «или – или» действительно было много от нетерпимости, отсутствия школы мысли, породившей такой феномен, как «западное» смирение, о чем пишет Макаренко, цитируя И.П.Павлова, и что, кстати, сохранилось и до сих пор. Попробуй, оспори позицию того же Михаила Константиновича, коль скоро она (опять же) в определенных кругах и определенными людьми воспринимается исключительно апологетически после ее многолетнего запрета! Но ведь и после запрета прошло уже столько же лет, сколько их было до запрета, ан, видимо, старые тревоги сохраняются.

Однако если все же постараться преодолеть настигающие воспоминания и если вникнуть, что мысль жива лишь постольку, поскольку она критикуется, то есть выносится на суд, рождающий суждение, то, вникнув в спор Ильенкова и Петрова, нетрудно заметить, что Ильенков не менее, чем Петров чуток к современности, если в те давние годы ставил проблему «произведения искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (название книги В.Беньямина 1935 г.), то есть репродукции, которая является основой «любой целостности» (кстати, я не уверена, что Петров, выдвигая тезис о различии творчества – репродукции творчества – репродукции, считал репродукцию «античеловеческим феноменом»). Да и что предосудительного в тезисе Ильенкова, что «революции происходят не для разрушения форм репродукции, а для обеспечения более рациональной организации их исторически унаследованных форм, для спасения, а не разрушения культуры? С этим можно не согласиться, особенно с утверждением, что революция спасает унаследованные формы культуры: мы слышали послереволюционные лозунги о необходимости «сбросить Пушкина с корабля современности». Но по смыслу этот тезис совпадает с задачей Виктора Павловича показать живучесть «старых» форм в головах и их сторонников, и их гонителей. Если следовать методологии Виктора Павловича, то можно сказать, что представленная в книге позиция Ильенкова, оставаясь по comment, *выглядит* как предосудительная, но таковой не является.

2. О подзаголовке. Для третьей, четвертой и пятой глав некоторые тезисные утверждения Петрова («источники мысли») используются как «шапки». Эти утверждения затем, по замыслу автора книги, развиваются, радикализуются, уточняются и «пропускаются» через современный материал: обсуждений, семинаров, круглых столов. Само по себе введение такого обсуждения в книгу, гораздо более дающее для понимания того, как рождается мысль, большая заслуга Виктора Павловича. Подробный, иногда почти протокольный отчет обсуждаемых проблем дает возможность (с помощью того же Интернета) подсоединиться к выступающим, и такое подсоединение будет не менее «живым», чем личное присутствие, поскольку Сеть, которую Макаренко называет несколько пренебрежительно «свалкой» (с.70), а я носителем свободы слова, дает возможность мгновенного отклика. Сама эта подробность и прото-

кольность превращает мнение автора в *одно* из мнений, с ним можно соглашаться, не соглашаться, даже не обращать, если хотите, внимания.

В этом смысле Виктор Павлович выступает как представитель абсолютно современного сообщества: его концепт произведения, даже вопреки его желанию, если оно таково, предстает как обмен между единичностями, которые не совпадают с традиционным пониманием сообщества. Когда он со ссылкой на Б.Г.Юдина (с.26) писал о том, что в России не сложилось «нормальное научное общество», он писал на деле именно о насущной современности, для которой характерна открытость одного индивида другому, требующая не совместного бытия или нацеленности на сохранение одной-единственной «правильной» мысли, а одной только вовлеченности. В этом смысле книга Виктора Павловича представляет собой прекрасный образец того, как борьба с чем-то отжившим и оживающим, с чем нельзя примириться, оборотной своей стороной показывает необходимость своего рода толерантности, поскольку, возражая, она ничего не навязывает: книга заканчивается вопросом, обращенным к читателю, - как знание может защитить личность? Если рассматривать проблему так, то представляется несколько странной опора на типологию личности, данную Л.Столовичем (твердолобый ортодокс, образованный ортодокс, циник), поскольку эта типология относится исключительно к административно-инстанцированным личностям, если их можно так назвать, тем более, что лично я не вполне понимаю разницу между всеми тремя ортодоксами, ибо один может сочетать все три типа. Макаренко, согласившийся с такой типологией, все же понимает их ироничность, потому что пишет, что ему «неизвестны конкретно-социологические исследования, подтверждающие или опровергающие эту типологию». Можно напомнить, что не менее ироничную типологию произвел А.А.Зиновьев (его вершители судеб классифицировались по цвету лица: красные и синие). Но вполне серьезно обсуждали проблему старого и нового отечественные «формалисты», анализирувавшие проблему «архаистов» и «новаторов».

Если вернуться к идеям Петрова как источникам мысли для книги, то для первой главы таким источником стала сама жизнь Михаила Константиновича. Для второй главы специально некий тезис Петрова не оговаривается, но ясно, что здесь идет речь о вовле-

ченности его цивилизационных идей, темы пиратства, а главное идеи ментальности, Вся обширная глава посвящена апологии Ф.Броделя и развенчиванию мифа о А.Я.Гуревиче, которому автор книги обязан только за то, что тот «подсказал тему этой главы... и привел в движение механизм» (с.129), проясняющий смысл ментальности. Как относиться к Броделю и Гуревичу – личное дело автора, однако сравнивать их можно только при анализе того, что стояло между ними – средневековых документов. Здесь этого нет, а потому я специально не касаюсь этой темы. Хочу заметить только, что спор между А.Я.Гуревичем, который причислял себя к школе «Анналов», и французскими представителями этой школы лежал не в сфере соотношения войны и цивилизации (это частная проблема), а в сфере культуры и цивилизации. Гуревич строил свои произведения как анализ категорий средневековой культуры, а французские исследователи проводили *цивилизационный* анализ («Цивилизация средневекового Запада» - название книги Ж.Легофа). Виктору Павловичу почему-то не дает покоя, почему А.Я.Гуревич перепубликовал свое предисловие к Броделю? Сознательно или бессознательно, по своей воле или выполняя соцзаказ?

Когда в октябре 2010 г. Макаренко прочитал доклад о Гуревиче – Броделе я выступала резко против его инсинуаций в адрес Гуревича и Лотмана, настолько резко, насколько позволяли вежливость приглашенного участника конференции и необходимость ответить на несправедливость. Я дала не «нечеткий ответ» (с.74), а вполне четкий, к тому же это было мое самостоятельное выступление, а не просто ответ на вопрос, как пишет Макаренко. И сейчас могу повторить: А.Я.Гуревич никогда ничего не писал на заказ, тем более не выполнял соцзаказ, и если ему по вполне определенным причинам не импонировала позиция Броделя, которую в данном моем выступлении не место разбирать, то он эти причины выставлял, и Макаренко их также представил. Они могут его не устраивать, но это не основание для подозрений А.Я.Гуревича в тайных интригах. Возможно, как предположил А.В.Лубский, он и «замолчал перечисленные аспекты теории Фернана Броделя по причине собственных антропологических пристрастий» (с. 129), хотя слово «замолчал» предполагает нечто нарочитое, к Гуревичу отношения не имеющее. Ответов на вопрос, почему слепой Гуревич воспроизвел текст, «наверняка написанный в советское время» (с.74), может

быть несколько: потому что считал, что его позиция не изменилась; потому что заново из-за болезни писать не мог; потому что... а почему, кстати, Виктор Павлович не обратился к нему с этим вопросом? Арон Яковлевич живо откликнулся на все вопросы и уж точно не отказался бы разъяснить это недоумение. А почему переиздаются многие написанные в советское время стихи и романы, например, песенка о комсомольской богине Б.Окуджавы? Да думали так! И при этом не было ни аккомодации, ни коллаборационизма, ни угодничества. Действительно, в данном случае «возникает ощущение неловкости», но не оттого, что Арон Яковлевич перепечатал свой текст, а от подозрительности, которая уж точно из советского времени. Что касается меня, то я никогда не выражала отрицательного отношения к школе «Анналов» (с.74). Она многому меня научила. Точнее, не она, а школа И.М.Гревса, я о ней писала и в книге «Время культуры», и в «Философских одиночествах». У меня другой метод отношения к источникам, к истории. Да я и не историк, а философ. В книге «Воскресение политической философии и политического действия. Парижское восстание 1356 – 1358 гг.», которую я сейчас готовлю к печати и которая должна была некогда стать моей кандидатской диссертацией, я пишу о некоторых промахах некоторых представителей этой школы, но это ведется на уровне обсуждения конкретных проблем и источников, давших для этого основания. Можно даже сказать: это обмен мнениями. Я к тому же и Михаила Константиновича Петрова не «прописывала» ни по области культурологи, ни по области семиотики, ни по науковедению, ни по каким-либо другим дисциплинам, кроме одной – собственно философии, значительнейшим персонификатором которой он является. Для этого достаточно взглянуть на мое предисловие «Личность через схематизмы культуры» к статье Петрова «Человек и культура в научно-технической революции», опубликованное в № 5 «Вопросах философии» за 1990 год. То, что он пользовался методами разных наук (чего стоит название «Язык, знак, культура), - совсем другое дело. Это испытание метода на пробу, на зубок, применение к объяснительным процедурам, представляло диалог с мировой философией, что и есть собственно философствование. Поэтому упоминание на с. 130 моего имени наряду с теми, кто считает Петрова «великим продолжателем идеи особой миссии России», я считаю некорректным.

Что же касается проблемы ментальности, то в книге о ней говорится много, но в основном отталкиваясь от тех представлений, которые сложились у российских ученых. Так, например, за основу почему-то принимается понимание менталитета как «неясных и невербализованных установок и структур сознания» (с. 103). Однако достаточно посмотреть книгу «Споры о главном» (результат встречи русских и французских сподвижников школы «Анналов»), чтобы обнаружить, что такое определение – одно из множества, в том числе включающих и «общий тип поведения, свойственный и индивиду и представителям определенной социальной группы, в котором выражено их *понимание* мира в целом и их собственного места в нем» (Ж. Легоф)⁵⁵⁵. Поскольку понятие менталитета вошло в обиход ранее, чем о нем заговорил Петров, то необходимо было бы включить его понимание в этот спор, одного указания на реконструкцию его концепции (с.108).

Для гл.3, 4 исходным пунктом послужило, как считает Макаренко, представление Петрова о научно-технической революции и контрреволюции. К сожалению, я не нашла последнего термина у самого Петрова. Книги Петрова «Историко-философские исследования» (М.: РОССПЭН, 1116) на которую ссылается Макаренко, у меня не оказалось. Но, к сожалению, Макаренко не привел ни одной цитаты, где Петров употребляет этот термин. То, что он приводит на с. 131, три цитаты на две – третья и четвертая – главы (1. государство как «орудие организованной дезорганизации», 2. «бессмертная социальная структура мыслится “социоценозом”, штатным расписанием бессмертных должностей, а свобода человека становится в этом случае осознанной необходимостью выбора одной из наличных должностей, сознательного уподобления-соответствия должности», 3. «чтобы раз и навсегда избавиться от нестабильности, достаточно сократить финансирование науки и подготовку кадров. К тому же результату может привести и требование тесной связи с производством, участие науки в рационализации существующих технологий. В современном мире оба направления были бы формами самоубийства по неведению») не используют этого термина и не согласуются с ним. Контрреволюция по неведению совершиться не может. Да и самоубийство вряд ли.

⁵⁵⁵ См.: *Неретина С., Огурцов А.* Время культуры. СПб., 2000. С. 145. Выделено мной.

Здесь, на мой взгляд, очевидный и специально продуманный оксюморон. Между тем термин «научно-техническая контрреволюция» в книге употреблен в таком контексте и даже вроде бы на с. 135 с отсылкой на текст Петрова, что читатель вправе подумать, что этот термин принадлежит Петрову. Я не против применения этого термина, я против совмещения разных контекстных анализов и терминологических замещений.

Пятая глава действительно использует термин Петрова «научное поголовье» в нужном контексте, и она-то и задала тот мощный современный коммуникативный тон, о котором я говорила вначале. Между тем, мне кажется гораздо продуктивнее отказаться от апологетики/антиапологетики в философии вообще, за что, кстати, всегда ратовал Петров. Это хорошо было на первом этапе открытия новых имен (вернее: старых имен, но действовавших словно в подполье, поскольку их не печатали) в философии советского периода. Но с тех пор прошло два десятилетия, пришло время от- и о-странения.

3. Если уж мы обсуждаем книгу, то необходимо сказать не только об оплошностях весьма актуальной по замыслу книги, но и о ее недостатках.

Я могу отметить два недостатка. Первый вытекает из уже сказанного; мне кажется, что нельзя закапывать проблему (а она весьма серьезна: непреодоленная ментальность старых идеологий, замещение конкретных действий симулякрами этих действий, формирование «нового человека» в ситуации пустоты, массовизации, разношерстности с одновременной унификацией и пр.) с помощью странных желаний видеть в чем-то действительно важном и актуальном, *действенным* приспособленчество и ложь, какие-то тайные происки и заигрывание титанов мысли с властью предержащими. Я это показала на примере А.Я.Гуревича, но не менее показательны примеры с В.И.Вернадским, которого я естественно не могла знать, но знала сына П.А.Флоренского, печатавшегося в журнале «Природа», где я служила редактором, который воспитывался в доме Владимира Ивановича, с Ю.М.Лотманом, которому я лично обязана не только тем, что была на его «озерной школе», печаталась в «Семиотике», но прежде всего тем дружеством, царившим в его доме, его демократизмом, избегавшим любого панибратства, добросердечием, памятью. Здесь наотмашь нельзя.

Второй вытекает из первого и относится к используемому языку. Я перечислю лишь несколько употребленных в книге слов: «докторница», «Госпожа Профессор» (не уважительно, а язвительно-пренебрежительно), «удрученная дама», «новый запой», «помойная яма» и «чистые сортиры». Я согласна со многими оценками, данными некоторым участникам круглых столов и конференций, но не согласна с применением «трусобного» языка: он не просто снижает уровень обсуждаемых проблем, он способен позволить пренебречь ими, их не заметить, уничтожить, унижить. Между тем люди на конференциях открыто выражали свои тревоги и боль, хотя предмет этих тревог мог быть не менее, скажем так, странным. Однако пришли они не «туда», а «сюда», соответственно – заслуживают уважения. В данном случае Виктор Павлович, «сознательно или бессознательно», играет роль рупора тех леворадикальных сил, которые любили смотреть, как «Богданов сидит в луже и охорашивается», и против которых совершенно оправданно направлена его казацкая удаль.

Анализ требует остранения, взвешенного обдумывания, которым обладал Михаил Константинович Петров и уже потому этот его анализ принадлежит истокам мысли. В этом смысле название книги совершенно оправданно. Ток этих истоков пронизывает книгу даже и при отсутствии изобилия цитат. Да и запал автора книги вполне понятен. Чего стоит упоминание об одном лишь деле против М.Н.Супруна (с.221), открытом в условиях декларированного отсутствия политических дел, об обысках, о необходимости согласования с ректоратом текстов выступлений на конференциях с участием зарубежных ученых или создании комиссии по противодействию фальсификации истории, – то, чем справедливо возмущился Макаренко. От одного этого перечня можно потерять контроль.

Однажды мы с А.П.Огурцовым в магазине в книге обнаружили открытку с таким текстом: «ВНИМАНИЕ! Эта книга содержит ложь и клевету о Великой Отечественной Войне, оскорбления в адрес ветеранов. Автор намеренно искажает факты о Победе над фашизмом, несмотря на то, что фальсификация истории преследуется по закону! Покупая эту книгу, вы спонсируете ПРЕДАТЕЛЯ И ПРЕСТУПНИКА!» Открытку храню, как важный документ эпохи. Ничего, кроме омерзения, такой незаконный, трусливый и очевидно кем-то инспирированный акт вызвать не может.

Пафос книги – не менее важный, чем анализ современного состояния науки и философии, - заключается и в том, чтобы обратить внимание на сквернейшее состояние жизни, достойное негодования.

Точка невозврата или «учебник-терминал»?

В.Н.Порус

Так что же нам делать? Так называется некогда знаменитая статья Л. Н. Толстого. Сейчас, мне кажется, уже мало кто помнит, о чем там шла речь (или я недооцениваю своих, еще не утративших навыки хорошего чтения, современников?), зато осталась где-то в подспудной коллективной памяти *интонация* вопроса. Она обращена к тем, кто еще способен сказать «мы», «нам», не сомневаясь в том, что эти местоимения имеют внятный смысл. «Мы» - это те, кто еще способен уловить эту интонацию, а через нее - ощутить боль и стыд как призывы к действию. Вот *МЫ* соберемся с духом, силами и мыслями – и начнем что-то делать, потому что *НАМ* нельзя равнодушно взирать на происходящее.

Эта аллюзия приходит, когда В. П. Макаренко - вслед за М. К. Петровым - говорит о суициде современной науки (особенно, если речь о советско-российской науке с ее врожденной склонностью рассматривать свои интересы сквозь призму «государевой службы» - «наука есть знание под руководством и охраной власти»). Почему суицид? Да потому, что условия, без которых эта наука не привыкла существовать, а именно, ее полная (или почти полная) зависимость от власти и бюрократии, несовместимы с ее Целями, Ценностями и самим Смыслом научной работы, т. е. с ее *Жизнью*. Это проявляется буквально во всем: в деградации образования и системы подготовки научных кадров, в распаде «единой – интернациональной по определению - науки» на множество научных улусов, в фактическом прекращении или извращении обновляющего влияния науки на развитие культуры и социума (происходит обратное – наука обслуживает локальные интересы отдельных социальных групп и посвящает этому все свои усилия..., пока ей за это платят!), в распаде научного этоса (в смысле Р. Мертона), в превращении научного сообщества в конкурентную среду со специфическими правилами поведения, мало общего имеющими с научной этикой, в утрате ценностного статуса, некогда поставившего науку в центр системы культурных универсалий Европы и остального мира. Но главное, что все это совершается не какими-то «темными силами» или бюрократическими извращенцами, а самой же наукой, точнее, ее элитой, определяющей основные модусы ее бытия.

Можно спорить по каждому из пунктов этого диагноза. Но главное беспокойство вот в чем. Способны ли *МЫ* отвлечь самоубийство? Кто *МЫ* такие, чтобы решиться на это? И кто *МЫ* такие, чтобы *НАС* слушали те, к которым могли бы быть обращены речи и действия по предотвращению суицида?

Только представим себе. Вот в аудиторию, заполненную учеными, менеджерами от науки и представителями власти входит Виктор Павлович и оглашает список **дискуссионных проблем**: «материальные и властные интересы индивидов есть козни дьявола; так называемые точные науки и математика базируются на религии и в наибольшей степени являются холуями власти; вся традиция Гоббса подлежит переоценке в контексте социальной истории науки; связь мировоззренческого согласия и социального порядка дискуссионна; связь ученых и политиков подозрительна по определению; центр научных и политических дискуссий и действий надо сместить к проблеме разрыва единства народа и главарей, науки и власти; государственные интересы (*reason d'etat*) не позволяют адекватно описать отношение науки и власти; авторитарная научно-техническая политика и система образования нуждается в пересмотре; выплата жалованья ученым должна рассматриваться в контексте полемики между трактовкой и практическим воплощением общественного договора как передачи власти (традиция Гоббса) и как ее ссужения займы (традиция Локка) и права на сопротивление; традиционная квалификация представителей общественных наук как идеологов (от Наполеона и Маркса до современности) требует пересмотра; научная служба государству – разновидность военного наемничества; ссылка ученых на свободу нередко маскирует бездарность и безделье; научная продуктивность провинции и политическая активность центра воспроизводят связь науки и власти; демократическое и националистическое крыло политической мысли – продукт участия ученых в политике; практическое значение науки есть продукт совместной (научной и политической) риторики и демагогии, поскольку не учитываются реальные проблемы социальной истории науки» (Макаренко В. П. Научно-техническая контрреволюция: актуальность идей М. К. Петрова // Экономический вестник Ростовского государственного университета, 2008, т. 6, № 4, с. 128).

Как думаете, состоится дискуссия? Я сомневаюсь. Скорее, произойдет примерно то, что могло бы случиться на дискуссии племени каннибалов с миссионерами, проповедующими вегетарианство. Весь этот «анархизм» (введем поправку на цивилизованность) будет освистан и решительно осужден, а оратор препровожден в соответствующие инстанции для установления адекватности и проведения профилактических процедур. Или – что еще хуже – аудитория более или менее вежливо его выслушает и немедленно забудет сказанное как не имеющее касательства до дел практических и важных. Так и слышу вопрос, который повиснет в аудиторном воздухе: - Ну и что???

Я хочу сказать нечто совсем простое. Дело спасения науки от суицида слишком серьезное и трудное, чтобы его мог осуществить небольшой отряд спасателей, воспринимающих идеи М. К. Петрова как инструкцию. Бойцы этого отряда не могут говорить МЫ, относя себя – без оговорок - к множеству «работников науки и власти». Да и само это множество неоднородно. Его не гомогенизирует даже чувство опасности, а я бы сказал – чувство уже свершившейся культурной катастрофы, результатом и в то же время одной из причин которой является тот самый «суицид науки», о котором говорит Виктор Павлович. Что вы там несете о холуйстве и кознях нечистого? Вот денег нет, это да, катастрофа. Но нет сегодня, будут завтра, надо только как следует объяснить власти, что «кормить науку» выгодно и умно, а позволить ей загнуться в судорогах – глупо и нереспектабельно. И надо обсудить именно это: кто, как и когда делает это. А не заниматься бесполезными разглагольствованиями о Целях и Ценностях. Это, господа, оставьте для своих тусовок, коли уж так невтерпеж хулить действительность. А мы засучим рукава... ну, и так далее, по всей демагогической программе со всеми остановками и рывками.

Изменение статуса науки в обществе, катящемся по наклону к культурному вырождению, возможно только в том случае, если остановить, прекратить это падение. И сила, необходимая для этого, должна быть соразмерной задаче. Вопрос, который я считаю важнейшим, заключается в том, существует ли такая сила? Не проскользнули ли мы (вот здесь уж, действительно, *МЫ!*) точку «невозврата»?

Во всяком случае, я сильно сомневаюсь в том, что можно гальванизировать эту силу, если она вообще еще существует, «учебником-терминалом», в котором была бы собрана сумма общих сведений о науке, ее истории, способах организации и самоорганизации, о ее ценностях, целях, героях, мучениках и т. д., да еще и учреждением специальной государственной (!!!) службы, поддерживающей работу этого «терминала». Это - некая просветительская мечта-утопия, происхождение которой можно было бы объяснить иллюзиями полувековой (по крайней мере) давности, но не имеющая культурной почвы в настоящем. Наше время более трезво, более сурово. Оно беспощадно к иллюзиям.

Так что же нам делать?

Прислушаться к вечным словам. «Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло. Если же око твое будет худо, то все тело будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?». Нужно следить за чистотой *своего* ока. Спасти науку от суицида можно только так: каждый, кто имеет причастность к ней, должен «чистым оком» вбирать в себя ее свет. Если таких будет достаточно много, у науки есть шанс на жизнь. Других шансов нет. Время универсальных рецептов спасения культуры вообще и науки, в частности, ушло и вряд ли вернется.

**Право на когнитивное сопротивление и его реализация:
о книге В. П. Макаренко *Научно-техническая контрреволюция. Идеи М.К.Петрова как источник мысли***

А.Н.Олейник

Российский научный дискурс представляет собой чрезвычайно неоднородное явление. Множество разделительных линий – между теоретическими подходами, научными «школами», центром и провинцией и так далее – затрудняют общение между российскими учеными даже в пределах одной и той же дисциплины. В частности, книги, изданные в провинции, имеют меньше шансов привлечь к себе внимание, чем те, что вышли в московских или Санкт-петербургских издательствах.

Однако о целом ряде проблем в социальных науках легче писать как раз в провинции, подальше от центра. Это касается прежде всего властных отношений. Стандартное требование к исследователю относительно поддержания дистанции в отношении изучаемого предмета в случае изучения власти означает запрет на вписанность в различные властные структуры и даже на близость к ним. Ведь центр – это одновременно и сосредоточие всякого рода «начальства». Объективности от исследователя властных отношений, вращающегося во властных или околовластных кругах, ждать трудно. «Интересы зависимого субъекта структурированы таким образом, что обоснования [существующего порядка], предлагаемые лицами, наделенными властью, в данном контексте [властных отношений] кажутся ему или ей убедительными. Такие обоснования могут быть поставлены под вопрос только с позиций вне данного контекста» [Beetham 1991: 62].

Случай Виктора Павловича Макаренко подтверждает выгоды «внесистемности» и «периферийности» в изучении власти. Вся его академическая карьера связана с Ростовом-на-Дону, где он сначала долгое время возглавлял кафедру и преподавал на факультете социологии и политологии Ростовского Государственного Университета (ныне Южный Федеральный Университет), а теперь возглавляет Центр политической концептологии Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем Южного федерального университета. Однако это не помешало, а скорее помогло ему стать одним из наиболее глубоких исследователей превалирующей в российском институциональном

контексте модели властных отношений, «русской власти» [Макаренко 1998], а тиражам и резонансу некоторых опубликованных им в Ростове-на-Дону на эту тему книг позавидуют и центральные издательства [Макаренко 1989].

Последняя книга В.П. Макаренко [Макаренко 2011] тоже издана в Ростове-на-Дону. Она касается отношений между властью и наукой и вопросов власти в самой науке. Конечно, формат книги, в отличие от формата отдельной статьи, позволяет развивать не одну-две, а целый комплекс идей. Однако именно трактовка автором вопросов власти – как в обществе, так и внутри науки – представляет особый интерес. Особенностью авторского подхода является акцент на сопротивлении власти. В этом смысле можно говорить о «теории сопротивления власти», разрабатываемой автором.

Макс Вебер [Weber 1968: 53] определяет власть как способность субъекта (Вышестоящего, Начальника, Принципала) навязать свою волю объекту (Нижестоящему, Подчиненному, Агенту) в процессе социального действия вопреки возможному сопротивлению. Это определение универсально: оно годится для описания отношений как между представителями государства и рядовыми гражданами, или, скажем, бизнесом, так и в рамках семьи или любой другой организации, в том числе научной.

Если встать на точку зрения обладателя власти, то наибольший интерес представляет техника навязывания воли. Репертуар техник навязывания воли достаточно широк: использование силы, угроз, манипулирование, обоснование власти и так далее [Олейник 2011а: Глава 2]. Выбор наиболее результативной и уместной техники с учетом специфики конкретного взаимодействия позволяет навязывать волю наиболее оптимальным образом и с наименьшими издержками.

Выбор точки зрения объекта навязывания воли означает изменение акцентов в анализе. В этом случае в его центре оказываются техники сопротивления власти. Власть и сопротивление неразрывно связаны. Без сопротивления нет власти (есть только везение), а вне контекста власти сопротивление теряет смысл. Мишель Фуко говорит в этой связи о диалектике власти и сопротивления: «Сопротивление... имманентно властным отношениям; оно представляет собой их неотъемлемый элемент» [Foucault 1976: 127].

В отличие от других детерминантов человеческого поведения, власть не имеет «встроенных» ограничителей. Скажем, стремление к максимизации полезности или удовлетворения, используемое экономистами-неоклассиками в качестве точки отсчета при анализе человеческого поведения, неограничено. Согласно закону убывающей полезности, каждая дополнительная единица товара или услуги представляет собой меньшую полезность, чем предыдущая. Страдающий от жажды путник рано или поздно напьется. С властью дело обстоит по-другому: каждое дополнительное властное полномочие не обязательно менее привлекательно, чем предыдущее. Пресыщение движимого жаждой власти человека может никогда не наступить.

Отсутствие «встроенных» ограничителей делает притязания обладателей власти потенциально безграничными. Точнее, единственным эффективным ограничителем притязаний обладателей власти является возможное сопротивление тех, кто ее лишен. Выражаясь словами самого В.П. Макаренко, «власть никогда не отказывается добровольно от расширения сферы регуляции и принуждается к такому отказу только под давлением гражданского сопротивления» [Макаренко 1998: 281-282]. Вопросам сопротивления обладателям власти, как политической, так и научной, и посвящена обсуждаемая монография.

Власть можно ограничивать самыми разными способами: репертуар техник сопротивления тоже не исчерпывается одним-двумя элементами. Например, на баррикадах с оружием в руках (что вполне соответствует логике использования силы как одной из техник власти). Можно это делать и на площади или другом публичном месте в формате собраний, демонстраций или шествий. Или, скажем, в суде. Автор справедливо отмечает, что «при рассмотрении случаев нанесения вреда науке путем действия (бездействия) надо использовать (*mutatis mutandis*) комплекс правовых категорий – вина, вред, нанесение и возмещение ущерба, обязанность, мошенничество, права субъекта, иск, удовлетворение иска» [Макаренко 2011: 231].

Данные техники сопротивления хорошо известны как по историческим учебникам, так и по недавним (и нынешним) прецедентам в России. Их преимущества и недостатки известны достаточно хорошо. Скажем, с помощью вооруженного восстания или демон-

страции ограничить власть можно лишь временным образом, ибо гарантий против воспроизведения прежней модели власти пришедшими на их волне лидерами нет. Выходить на улицу для ограничения притязаний обладателей власти поэтому лучше не эпизодически, а на регулярной основе. Что же касается судебных методов защиты от власти, то для их результативности требуется как существование независимой судебной системы, так и обладание существенными финансовыми ресурсами и временем.

Обсуждая техники сопротивления власти, автор вводит концепт когнитивного сопротивления. Данный термин обычно используется в рамках социальной психологии и психиатрии для описание сопротивления, скажем потребителя рекламы или пациента, целенаправленному воздействию со стороны рекламодателя или психиатра. В.П. Макаренко предлагает не ограничиваться этими достаточно узкими рамками. Он видит в когнитивном сопротивлении одну из техник сопротивления власти, вариант «реализации классического *jus resistendi* (права на сопротивление), которое включает в свой состав когнитивное сопротивление» [Макаренко 2011: 221].

Ссылка на исторический прецедент – *jus resistendi* – требует пояснений. Речь идет о праве сопротивления несправедливым притязаниям правителя, которым обладали представители венгерской знати по эдикту 1222 года короля Андрея II Венгерского. В современном российском случае в качестве юридического основания права на когнитивное сопротивление можно рассматривать Конституцию РФ. Согласно Статье 29 этого документа, «каждому гарантируется свобода *мысли и слова*» (курсив мой). Поэтому любые действия по ограничению свободы мысли, в частности, посредством манипулирования, антиконституционны. В качестве механизма *enforcement*, то есть принуждения представителей государства к исполнению конституционных обязательств, подразумевается обращение в суд. При наличии серьезных сомнений в независимости судебной системы данной техники сопротивления явно недостаточно.

Когнитивное сопротивление представляется эффективным средством противодействия манипулированию как одной из ключевых технологий власти, и, следовательно, одним из способов реализации права на свободу мысли. В случае манипулирования «источник подчинения объекта субъекту связан со способностью субъекта

оказать скрытое влияние на объект, не осознаваемое объектом» [Ледяев 2001: 292], например за счет искажения и/или ограничения доступной объекту информации. Активное использование обладателями политической власти в России техник манипулирования посредством контроля средств массовой информации, особенно телевидения, обуславливает особую актуальность идеи когнитивного сопротивления. Говоря более практическим языком, требуется научить телезрителя выявлять случаи использования манипулирования и минимизировать их последствия.

Когнитивное сопротивление видится особенно уместным в случае властных отношений собственно в научной среде. Баррикады и шествия здесь еще менее результативны, ибо слабо затрагивают источники власти в науке, а именно «академический истеблишмент», научные «школы» и сети патрон-клиентских отношений. Научные «школы», к примеру, представляют собой неотъемлемый элемент конституции российской науки. Властные отношения пронизывают отношения внутри этих организационных структур: на вершине иерархии «школы» находится ее основатель (реже – основательница), окруженная несколькими наиболее приближенными учениками, каждый из которых в свою очередь тоже имеет учеников. Использование теорий и подходов, не соответствующих принятой в «школе» доктрине, не только не приветствуется, но и всячески пресекается.

Пьер Бурдьё и Жан-Клод Пассерон [Bourdieu, Passeron 1970, 19] называет практики навязывания определенной точки зрения вопреки возможному сопротивлению символическим насилием, которое отлично от насилия физического только по форме, но не по существу. Как отмечает в этой связи В.П. Макаренко, «отношение «мастер – ученик» все более заменяется отношением *шеф-персонал, патрон-клиент*» (выделено в оригинале) [Макаренко 2011: 235]. Вряд ли возведение баррикад в аудитории или на кафедре поможет ученикам на нижних этажах «школьной» иерархии в борьбе за их право использовать не насаждаемые сверху, а наиболее перспективные для изучения того или иного объекта подходы. Во всяком случае опыт культурной революции в Китае не позволяет на это надеяться. А вот техника когнитивного сопротивления вполне может помочь.

Примечательно, что сама обсуждаемая монография написана автором как своего рода дань уважения, трибьют его учителю, тоже ростовскому философу и интеллектуальному диссиденту Михаилу Константиновичу Петрову (1923-1987). Однако в отличие от многих других произведений подобного жанра, в книге не найти не критического восхваления и прочих дифирамбов Учителю. Скорее, это диалог двух ученых, в котором ученик обсуждает ряд идей учителя, но чувствует себя вправе ими не ограничиваться, а идти дальше.

Стоит специально подчеркнуть, что когнитивное сопротивление не означает отрицание коммуникации, взаимодействия вообще. Право на свободу мысли не отрицает, а наоборот, предполагает признание аналогичного права за другими индивидами и обязанность быть знакомым с их точкой зрения. Обсуждаемая книга является собой яркую иллюстрацию данного тезиса. Помимо виртуального диалога с М.К. Петровым, автор беседует и спорит с целым рядом других виртуальных или реальных (в той мере, в какой обмен мнениями происходил не только через текст, но и очным образом) собеседников. Перечислю их имена в том порядке, в каком они упомянуты в монографии: С. Неретина, Э. Ильенков, М. Бахтин, А. Лосев, Ю. Лотман, А. Гуревич, Ф. Бродель, И. Пантин, Э. Колчинский, Д. Холловэй, А. Запесоцкий, Х. Гастерсон. Речь идет не о цитируемых авторах – их, естественно, много больше (список литературы включает более 160-ти источников), а о тех, чьи аргументы обсуждаются на страницах книги самым подробным образом. Далеко не всегда автор согласен с точкой зрения этих ученых, но реализуя свое право на когнитивное сопротивление, он чувствует себя обязанным тщательно проштудировать их работы. По его собственному признанию, он с четырехлетнего возраста «страдает болезнью Гуттенберга» [Макаренко 2011: 59], зачитываясь книгами «взапой» и попутно делая подробные выписки и «заметки на полях» (наверное поэтому заметкам Э. Ильенкова на полях манускрипта М. Петрова уделено столь много внимания в первой главе рецензируемой книги).

В итоге когнитивное сопротивление ученого, по мнению В.П. Макаренко, может быть использовано как в отношении источников власти вне собственно науки (ввиду ее зависимости, а иногда и прямой подчиненности обладателям политической власти), так и

внутри нее (ввиду зависимости большинства исследователей от представителей «академического истеблишмента»). Отказ от когнитивного сопротивления равносителен признанию подчиненного положения ученого, его или ее отказу от реализации собственной воли в научной жизни. «Ученый (особенно русский) всегда стоит перед выбором: быть или не быть холопом?» [Макаренко 2011: 138].

«Не быть холопом» в отношении «академического истеблишмента» на практике означает критическое отношение к любым авторитетам и отсутствие какого-либо стремления к занятию административных должностей (и уж тем более к «окапыванию» – *entrenchment* – на административных позициях). Для этого необходимо развитие особой культуры чтения и работы с источниками, которую можно определить как педантично-уважительно-критическая. С организационно-практической точки зрения уменьшить привлекательность занятия административных должностей для ученого можно за счет сближения базовой заработной платы ученого и зарплаты администратора (на сегодняшний день последняя в разы превышает первую), а также разработки особой политики по избежанию конфликта интересов при распределении исследовательских грантов и прочих значимых для научной деятельности ресурсов [Олейник 2011б].

«Не быть холопом» в отношении обладателей политической власти на практике означают отстаивание автономии науки. «Внутренние дела науки есть предмет самоуправления ученых, автономии научного познания. Власть должна отвечать только за функциональность законов и выделение на науку средств для обеспечения механизмов научного поиска» [Макаренко 2011: 226]. Автономия науки имеет вполне конкретные институциональные основания. К ним относится институт пожизненного найма после прохождения длительного (5-7 лет) испытательного срока, или *tenure*), система финансирования научных организаций через выделение значительных одноразовых грантов (*endowment*), которые затем инвестируют на финансовом рынке и в реальный сектор, а доходы используют на покрытие текущих расходов и многое другое [Олейник 2011б].

Подводя итог, можно предположить, что главным вознаграждением автору является педантично-уважительно-критическое про-

чтение его работы. В данном случае педантичное означает, что читатель не обходит стороной все поставленные автором вопросы. Уважительное означает, что читатель готов обсуждать даже те из них, которые представляются неприятными – например, о «холопстве» в науке. А критическое означает, что решения автора не воспринимаются как единственно возможные, а ход рассуждений – как заведомо не имеющий изъянов. В частности, читатель волен сам решать, как ему или ей не стать «холопом».

Список литературы:

Ледяев, Валерий Георгиевич (2001), *Власть: концептуальный анализ*, Москва: РОССПЭН, 2001

Макаренко, Виктор Павлович (2012), *Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли*, Ростов-на-Дону: РостИздат

Макаренко, Виктор Павлович (1998), *Русская власть: теоретико-социологические проблемы*, Ростов-на-Дону: Издательство Северо-Кавказского Научного Центра Высшей Школы

Макаренко, Виктор Павлович (1989), *Бюрократия и сталинизм*, Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского Государственного Университета

Олейник, Антон Николаевич (2011a), *Власть и рынок: Система социально-экономического господства в России «нулевых» годов*, Москва: РОССПЭН

Олейник, Антон Николаевич (2011б), *Underperformance в теории и университетской практике // Журнал социологии науки и технологий*, Том 2, №3, с. 68-78

Beetham, David (1991), *The Legitimation of Power*, Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press International

Bourdieu, Pierre, Passeron, Jean-Claude (1970), *La reproduction: Eléments pour une théorie du système d'enseignement*, Paris: Editions de Minuit

Foucault, Michel (1976), *Histoire de la sexualité. Vol. 1: La volonté de savoir*, Paris: Editions Gallimard

Weber, Max (1968 [1922]), *Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology*, New York: Bedminster Press

Переосмысление «решенных вопросов»

С.Б.Лугвин

Очередная монография известного российского философа и политолога В.П. Макаренко, автора оригинальных концепций властно-государственного аппарата, открывает для публичного осмысления имя интересного мыслителя и глубокого философа М.К. Петрова, идеи которого до сегодняшнего дня, к сожалению, еще мало знакомы широкой аудитории. В книге исследуется целый комплекс вопросов, связанных как непосредственно с творчеством М.К. Петрова, так и социокультурным фоном его научных изысканий. Одновременно В.П. Макаренко обосновывает и развивает ряд собственных идей, прямо или косвенно связанных с теоретическим наследием Петрова. В данной монографии в полной мере проявляется нестандартность и оригинальность мышления автора, его нежелание следовать устоявшимся подходам, идти в русле проторенных путей. Заинтересованный читатель может найти в ней немало интересного и полезного, в том числе такое, над чем бы стоило поразмыслить. Чем больше ее читаешь и погружаешься в содержание, тем более понимаешь логику движения мысли автора и проникаешься его идеями. Интересы В.П. Макаренко как ученого чрезвычайно разнообразны: от анализа глобальной социальной системы Броделя до выявления предпосылок суицида науки, от рассмотрения российской ментальности до раскрытия особенностей советской политики в области науки. В его книге достаточно ярко проявились особенности нового социо-политического подхода – политической концептологии, разрабатываемого автором на протяжении ряда последних лет.

Структура монографии достаточно сложна: она включает в себя методологические, науковедческие, историко-философские, социологические, политологические, культурологические и иные аспекты. В своей сумме они позволяют не только всесторонне рассмотреть творчество М.К. Петрова, но и решить ряд вопросов, поставленных самим автором. Несмотря на кажущуюся разнородность глав и фрагментов книги, ее объединяет авторская концепция, тематическое и проблемное единство. Виктор Павлович критически переработал и использовал целый пласт литературы: его исследование опирается на 160 источников.

Книга В.П. Макаренко позволяет восполнить многие пробелы, существующие сегодня в исследовании творчества Петрова. Автор не просто воспроизводит высказанные им мысли, но по-новому расставляет акценты, выделяя те его идеи, которые не утратили свою актуальность и в настоящее время. Через всю книгу рефреном проходит идея востребованности теоретического наследия Петрова, направленного, в конечном, счете, на переосмысление всех ранее «решенных вопросов». Один из них, например, это господствующее в общественном сознании представление о том, что научная интеллигенция (в терминологии М.К. Петрова «научное поголовье») является носителем новых идей и инноваций. На деле же она достаточно часто препятствует их появлению и внедрению в практику, если они мешают ее комфортной жизни и безбедному существованию. Автор приводит немало примеров, иллюстрирующих данный тезис.

Исходя из признания тесной связи власти, собственности и идеологии как важнейшей составляющей советского общества, В.П. Макаренко характеризует некоторые особенности его интеллектуально-философской элиты, подробно описывает дискуссию «механистов» и «диалектиков», справедливо рассматривая ее как интеллектуальную ширму, скрывающую их подковерную борьбу за власть. «Специфика используемого при этом жаргона, - пишет он, - состояла в лишении понятий строгого теоретического смысла и превращения их в абстракции, под которые подводились любые произвольные действия власти» (с. 27.). В связи с анализом творческого наследия М.К. Петрова Виктор Павлович высказывает целый ряд интересных по смыслу и глубоких по содержанию идей. Я отмечу лишь некоторые из них: определение основных черт государства и социокультурных отношений в России; вывод о тождественности социальных корней и внутреннем единстве русской бюрократии и русской интеллигенции; раскрытие основных черт различных национальных моделей взаимосвязи науки и государства; выявление конформизма и государственного холопства советской интеллигенции; определение основных черт советской организации науки; вывод о наличии тесной связи советской науки и военно-репрессивного аппарата; нахождение имманентно присущего советской системе противоречия между декларируемым приоритетом идеологии и прагматическими потребностями партийно-

государственной власти, ориентированной на научный плагиат и эпигонство; анализ феномена «духовного деспотизма», побуждающего ученых-гуманитариев конструировать предельно абстрактные, оторванные от жизни, схемы или разрабатывать угодные власти способы манипуляции общественным сознанием; разработка конкретных предложений по построению идеального типа научной политики.

Будучи последовательным сторонником антибюрократических принципов, В.П. Макаренко мастерски раскрывает некоторые составляющие бюрократического метода управления. К их числу он относит жалобу. Как считает автор, «она создает у подданных чувство некоторой свободы в отношении чиновников низших уровней. Эта «свобода» связана с культивируемым убеждением: вершина власти всегда готова реагировать на социальную несправедливость и бедствия народа. Такая иллюзия связывает подданных с правительством. Подавая жалобу, подданный заявляет о своей солидарности с вершиной власти. Признает эффективность государственного управления в целом, ведь обжаловаться могут только отдельные факты. (...) Жалоба свидетельствует о глубоком проникновении в сознание подданных принципа иерархии. (...) Гражданин превращается в просителя. (...) Обратная сторона жалобы – приписывание всеобщности мнениям должностных лиц. (...) В результате истинность приписывается мнениям людей, занятых в аппарате власти. Толкование всех остальных мнений оказывается привилегией бюрократии» (с. 221-222). Я думаю, что лучше, чем здесь сказано, уже не скажешь.

В своем исследовании В.П. Макаренко ставит достаточно острую проблему, которая не может не волновать ученых: существует ли сегодня в обществе подлинная свобода научного творчества? Он формулирует ряд критериев, в соответствии с которыми следует определять степень такой свободы: возможность устно и письменно высказываться о состоянии дел в обществе и науке; свободный выбор тем, проблем и теоретико-методологических ориентаций; создание обществ и союзов, защищающих интересы ученых; наличие средств для проведения научных исследований, обеспечения достойной жизни ученых и др. Одновременно автор вынужден признать, что в настоящее время, как и в прошлом, власть не гарантирует право на свободу научного творчества. Это приводит к про-

грессирующей деградации научной культуры и порождает такие негативные явления как коррупция, псевдонаучная деятельность, сокращение научных кадров и пр.

По мнению В.М. Макаренко подобная ситуация порождает право на сопротивление научного сообщества. Хочу заметить, что это совершенно нестандартная постановка вопроса. Автор уточняет условия, при которых возможно такое сопротивление: власть не закрепляет свободу научного творчества на конституционном уровне, принимает бесполезные или вредные для науки и ученых решения, проводит дисфункциональную научную политику. Однако, некоторое сомнение вызывает то обстоятельство, что, как считает Виктор Павлович, факторы, порождающие право на законное сопротивление должен определять некий круг авторитетных ученых, в частности, специалисты-наковеды. А не является ли такой подход некоторым отступлением от проведения антибюрократической линии? А не приведет ли он к еще большему укреплению иерархического принципа в науке и усилению позиций научной олигархии, что, в конечном счете, стимулирует процесс дезинтеграции научного сообщества? А может вопросы, которые касаются ученых, должны решать сами ученые, организованные, например, в соответствующие независимые профсоюзы? Не совсем ясно также то, в каких формах должно происходить такое сопротивление? Автор не рассматривает специально этот вопрос, но достаточно прозрачно намекает на возможность использования судебно-правовых методов. Кстати сказать, коррупция, псевдонаучная деятельность, уход из науки – это тоже своеобразные формы сопротивления, но только достаточно пассивные и далеко не самые эффективные.

В связи с констатацией права ученых на свободу научного творчества В.П. Макаренко стремится определить меру их ответственности за последствия своей профессиональной деятельности. Это вполне логично, поскольку свобода неотделима от ответственности. Он выделяет три вида ответственности: за продукты профессиональной деятельности, т.е. те познавательные ценности, с помощью которых удовлетворяются потребности людей и решаются их социальные проблемы; за воспитание и образование учеников; за соблюдение условий выполнения профессии. Как полагает Виктор Павлович, и с ним нельзя не согласиться, политики и чиновники не несут ответственности ни за что. Несмотря на то, что многие

из них обладают научными степенями и званиями, они достаточно часто принимают вредные для науки и ученых решения. Это, как считает автор, является очевидным свидетельством их измены научному этосу. С подобным суждением нельзя не согласиться, но только в том случае, если они действительно считают себя учеными и разделяют нормы и ценности научного этоса. Однако на самом деле достаточно часто степени и научные звания воспринимаются политиками и чиновниками всего лишь как продолжение их почетной титулатуры и, чем этот список длиннее, тем более уверенно и комфортно они себя ощущают. Известно, что даже после ухода с занимаемой должности они в своем большинстве никогда не приходят в науку, а «пересаживаются» в другое кресло, достаточно «теплое» и «доходное». Ни для кого не является секретом, как сегодня порой приобретаются научные степени и звания. А потому политики и чиновники, обладающие ими, но с самого начала не разделяющие норм и ценностей, характерных для научного этоса, вряд ли могут ему изменять. Мне представляется, что Виктор Павлович имел в виду совсем не эту категорию чиновников и политиков.

Немалый интерес представляют собой предложенные автором техники отсечения политиков и чиновников от настоящих ученых: «1. Поляризация – постановка ученых перед выбором между политико-административной и научной деятельностью. На этой основе проверяется их отношение к норме солидарности между участниками битвы за истину в вопросах бытия науки и статуса ученых.

2. Остракизм в отношении тех, кто в конфликте политики и науки пытаются связывать верноподданность с принадлежностью к среде, мораль которой определяется научным этосом.

3. Информация всего научного сообщества о всех конфликтах, риторике и стратегиях поведения политиков, законодателей и администраторов при решении конкретных проблем. Прежде всего – о последствиях проигрыша или отказа от права сопротивления. (...)

4. Политизация – показ конфликта как значимого для общества. Деградация науки имеет фундаментальное значение для научной культуры общества, в котором граждане живут, учатся и работают» (с. 257). Разумеется, перечень подобных техник может быть продолжен. Так, например, если чиновник или политик в течение ряда лет не подтверждает учебно-преподавательской деятельностью

своего научного звания, то он может быть, очевидно, лишен его. Однако реализация некоторых из этих техник может быть достаточно затруднена. Как, например, реально произвести «поляризацию»? Ведь каждый человек имеет право и на политико-административную, и на научную деятельность. Очень не просто реализовать в нашей социокультурной среде и предложение остракизма. Разумеется, все эти проблемы очень сложны. Они требуют серьезного обсуждения в научном сообществе. Их постановка, предпринятая В.П. Макаренко, – очевидный признак его научной смелости, научной добросовестности и научной принципиальности. Именно эти принципы лежат в основе всего содержания данной книги.

Монография В.П. Макаренко носит глубоко новаторский и полемически заостренный характер. Она кладет конец всяким иллюзиям и заблуждениям. В ней содержится трезвый и нелицеприятный анализ прошлого и нынешнего состояния науки, предлагаются конкретные, тщательно продуманные, меры по преодолению научно-технического кризиса. Данное исследование в определенной степени можно считать этапным. Оно как бы подводит итог целому периоду интеллектуальных поисков Виктора Павловича, нацеленных на преодоление феномена коллаборационизма интеллигенции и негативных последствий научно-технической контрреволюции.

Использованная литература

- Абсурд и вокруг. Отв.ред. О.Буренина. М., Языки славянской культуры, 2004
- Августин А. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. М., 1991
- Автономова Н.С. Заметки о философском языке: традиции, проблемы, перспективы // Вопросы философии. 1999, № 11
- Александров Д. Немецкие мандарины и уроки сравнительной истории // Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890-1933. М., НЛЮ, 2008
- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., Канон-Пресс-Ц, 2001
- Андреев А.В. Физики не шутят. Страницы социальной истории научно-исследовательского института физики при МГУ (1922-1954). М., 2000
- Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т.1-3. М., 1992
- Баткин Л.М. О том, как А.Я.Гуревич возделывал свой аллод // Одиссей. 1994
- Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Трудные послевоенные годы // Наш философский дом. К 80-летию Института философии РАН. Ред. Гусейнов А.А. и др. М., Прогресс-Традиция, 2009
- Бауман З. Мыслить социологически. М., Аспект-Пресс, 1996
- Бенуа А. Дневник. 1918-1924. М., «Захаров», 2010
- Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., Библийские общества, 1995
- Берлин И. История свободы. Россия. М., Новое литературное обозрение, 2001
- Берлин И. Оригинальность Макивелли // Человек. 2001, № 3-5
- Бирман И. Аномальное полузнайство // Свободная мысль. 1997, № 9
- Бирман И. Я – экономист. М., Время, 2001
- Бовин А. 5 лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (из дневника). М., Захаров, 2003
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.М.: Прогресс. – Т. 1, 1986; Т. 2, 1988; Т. 3, 1992
- Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморской мир в эпоху Филиппа II. Часть 1-3. М., Языки славянской культуры, 2002-2004
- Бурдые П. О телевидении и журналистике. М., Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2002
- Васильева Л. Кремлевские жены. М., Вагриус, 1993
- Вебер М. Избранные произведения. М., 1990
- Власть и реформы: от самодержавной к советской России. СПб, 1996
- Волков В. Силовое предпринимательство. М., 2002

- Воронцов В. В коридорах безвластия. Премьеры Ельцина. М., Академический проект, 2006
- Гаспаров Б. В поисках «другого» // Новое литературное обозрение. 1995, № 14
- Гастерсон Х. Ливермор глазами антрополога // Вопросы истории естествознания и техники. 1995, № 2
- Гачев Г. Ментальности народов мира. М., Алгоритм, 2003
- Геллер Л. Старая болезнь культуры: русофилия. Заметки по поводу словаря русского менталитета // Новое литературное обозрение. 1996, № 21
- Геллер М., Некрич А., История России 1917–1995. Т. 1. Утопия у власти 1917–1945. М., «МИК», «Агар», 1996
- Генри Э. К вопросу о внешней политике Сталина (Записка). Прометей. М., Русский раритет, 2007
- Гинзбург В.Л. О науке, о себе и о других. Изд.3. М., Физматлит, 2004
- Гиренок Ф. Патология русского ума: картография дословности. М., 1998
- Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Т.1. СПб., Университетская книга, 1997
- Гирц К. Идеология как культурная система // Новое литературное обозрение. 1998, № 1(29)
- Грейг Олег и Ольга. Походно-полевые жены. М.: «ПРЕССКОМ», 2005
- Гринев А.В. Характер взаимоотношений русских колонизаторов и аборигенов Аляски // Вопросы истории. 2003, № 8
- Гриневский О. Тайны советской дипломатии. М., Вагриус, 2000
- Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2). М., Прогресс-Традиция, 2006
- Гудков Л., Дубин Б. Российские библиотеки в системе репродуктивных институтов: контекст и перспективы // НЛЮ. 2005, № 4/74
- Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. Проблема «элиты» в современной России: размышления над результатами социологического исследования. М., Фонд «Либеральная миссия», 2007
- Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993
- Гуревич А.Я. История историка. М., РОССПЭН, 2004
- Гуревич А.Я. Фернан Бродель, певец Средиземноморья и «времени большой длительности» // В кн.: Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа 11. Часть 3. События. Политика. Люди. М., Языки славянской культуры, 2004
- Гурко Е. Модальная методология Давида Зильбермана. Минск, Экономпресс, 2007
- Дефо Даниель. Всеобщая история пиратства. СПб, Изд.группа «Азбука-классика», 2010

Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа 1920-1930-е гг. СПб, Изд. Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; М., Летний сад, 2004

Дмитриев И.С. Человек эпохи перемен. Очерки о Д.И.Менделееве и его времени. СПб, Химиздат, 2004

Драганов М. XX век: волны диктатур // Философские науки. 1991, № 2

Дубин Б.В. Советский и постсоветский исторический роман: герои, поэтика, социальные функции // Феномен прошлого. Отв. ред. И.М.Савельева, А.В.Полетаев. М., 2005.

Дубровин В.Н., Ерыгин А.Н., Тищенко Ю.Р. Культура и философия, наука и образование: теоретико-методологические новации М.К.Петрова // М.К.Петров. Избранные труды по теоретической и прикладной регионалистике. Ростов-н/Д, Изд. СКНЦ ВШ, 2003

Дубровин В.Н., Тищенко Ю.Р. М.К.Петров – философ и социолог науки // М.К.Петров. Философские проблемы «науки о науке. Предмет социологии науки. М., РОССПЭН, 2006

Дубровин В.Н., Тищенко Ю.Р. М.К.Петров: два эпизода и вся жизнь. Москва – Ростов-н/Д, Март, 2006

Дубровин В.Н., Тищенко Ю.Р. Модели науки и культуры в творчестве М.К.Петрова // Михаил Константинович Петров. Под ред.С.С.Неретиной. М.: РОССПЭН, 2010

Дубровин В.Н., Тищенко Ю.Р. Судьба философа в интерьере эпохи // М.К.Петров. Историко-философские исследования. М., РОССПЭН, 1996

Дюма А. Путевые впечатления в России. В 3-х тт. Т.1. М., Ладомир, ЕПС: Ерофеев, Пригов, Сорокин. М., Зебра-Е, 2002

Ерофеев В. Записки психопата. Москва-Петушки. М., Вагриус, 2000

Ерофеев В. Москва – Петушки и пр. М., изд-во «Прометей», 1989

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов-на-Дону, изд.СКНЦ ВШ, «Феникс», 2004

Заварзин П.П. Работа тайной полиции // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т.1, М., Новое литературное обозрение, 2004

Замятин Д.Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства. М., Аграф, 2004

Зверева Г. «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России: дискурсный анализ публикаций последних лет // Новое литературное обозрение. 2003, № 1/59

Земляной С. История, сознание, диалектика. Философско-политическая мысль молодого Лукача в контекстах ХХ1 века // Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. Пер. с нем. / Перевод, предисловие С.Н.Земляного. М., Логос-Альтера, 2003

Зенкин С. Небожественное сакральное: Теория и художественная практика. М., РГГУ, 2012

Зиновьев А. Гомо советикус. М., Центрполиграф, 2000

- Зиновьев А. Живи // Звезда. 1991, № 10
- И.П.Павлов: pro et contra. СПб., Изд. Русского Христианского гуманитарного института. 1999
- Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838-1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А.Ф.Аксаковой. Т.2.
- Игнатъев А.А. Ценности науки и традиционное общество: социокультурные предпосылки радикального политического дискурса // Вопросы философии. 1991, № 4
- История России: XX век: 1939-2007. Под ред. А.Б.Зубова. М., Астрель: АСТ, 2009
- Камю А. Соч. в 5 т. Т.5. Харьков, Фолио, 1998, с.372
- Кантор В.К. Философия национальной самокритики (письмо С.Л.Франка Г.П.Федотову) // Вопросы философии. 2006, № 3
- Карпенко А.С. Логика в России. Вторая половина XX века // Вопросы философии. 1999, № 9
- Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000
- Кислицын С.А. Юрий Жданов: рядом со Сталиным, Шолоховым, Ильенковым... «В вечных скитаниях, вечных борениях...». Изд.2-е. испр. и доп. М.: Книжный дом «Либроком», 2013
- Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005
- Колесников А. Спичрайтеры. Хроника профессии, сочинявшей и изменявшей мир. М., АСТ:Хранитель, 2008
- Комарова Г.А. Научное сообщество как междисциплинарное исследовательское поле // Политическая концептология. 2011, № 1 <http://politconcept.sfedu.ru/2011.1/09.pdf>
- Константинов М.С. Институциональный подход в политической философии М.К.Петрова. Автореф. дисс. канд.полит.наук. Ростов-н/Д, 2006
- Кори Робин. Страх. История политической идеи. М., Территория будущего-Прогресс традиция, 2007
- Корсаков С.Н. Становление Института философии и судьбы философов при сталинском режиме // Наш философский дом. К 80-летию Института философии РАН. Ред. Гусейнов А.А. и др. М., Прогресс-Традиция, 2009
- Красиков В.А. Победы, которых не было. СПб, Нева, 2004
- Кремер Г. Инародный артист. М., НЛЮ, 2006
- Крестовский В. В дальних водах и странах. Москва, Центрполиграф, 2002
- Кудрявцев В.Н., А. И. Трусков А.И. Политическая юстиция в СССР. - М.: Наука, 2000
- Кузин Б. Воспоминания. Дружба народов. 1995, № 11
- Куприянов А.И. Историческая антропология в России: проблемы становления // Отечественная история. 1996, № 6

Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л. Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии. М., 1999

Лангевише Д. Что такое война? Эволюция феномена войны и ее легитимизация в Новое время // *Ab Imperio: теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве*. 2001, № 4

Левинсон А. Опыт социогрaфии. Статьи. М., Новое литературное обозрение, 2004

Лейбниц Г. Соч. в 4-х тт. Т.1. М., 1982

Липкин С. Квадрига. Повесть. Мемуары. М., 1997

Лотман Ю. Культура и взрыв. М., 1992

Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб., «Владимир Даль», 2004

Льюис К.С. Страдание. М., Гносис, 1991

М.К.Петров (к 80-летию со дня рождения): библиографический указатель. Научн. ред. Драч Г.В. Ростов-на-Дону, 2003

Макаренко В.П. Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса: очерк проблематики и методологии исследования. Ростов-на-Дону, изд. Ростовского университета, 1985

Макаренко В.П. Аналитическая политическая философия: очерки политической концептологии. М., Праксис, 2002

Макаренко В.П. Бог и лучший из возможных мир // *Философские исследования*. 1995, №4

Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону, изд. Ростовского госуниверситета, 1989

Макаренко В.П. Воспроизводство бездарей и телегробы // *Медиафилософия: основные проблемы и понятия*. http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/books/mediaphilosophy_1/

Макаренко В.П. Дренаж мысли, или актуальные проблемы политической науки в России // *Гуманитарный ежегодник*. 6 / Отв.ред. Ю.Г.Волков. Ростов-на-Дону, Москва. «Социально-гуманитарные знания», 2007

Макаренко В.П. Жалоба // *Политология. Энциклопедический словарь*. М., 1993

Макаренко В.П. Колониализм: взгляд из сегодняшнего дня // *Общество и экономика*. 2002, № 8-9

Макаренко В.П. Марксизм: идея и власть. Ростов-на-Дону, изд. РГУ, 1992

Макаренко В.П. Методологические проблемы исследования идеала общественного устройства // *Идеал общественного устройства в истории отечественной мысли*. Ростов-н/Д, РГУ, 1994

Макаренко В.П. Мировоззренческая машина: размышления автолюбителя // *Политическая концептология*. 2011, № 2-3

Макаренко В.П. Наука и власть: контекст социальной истории науки // *Логос*. 2005, № 6

Макаренко В.П. Наука и политика в области науки. Ростов-на-Дону, 1978

Макаренко В.П. Научно-обывательское знание – интеллектуально-политические моды? // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2009, № 2 <http://politconcept.sfedu.ru/>

Макаренко В.П. Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К.Петрова как источник мысли. Ростов-на-Дону, Ростиздат, 2011

Макаренко В.П. От редакции // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2012, № 2

Макаренко В.П. Политическая бюрократия. Идеологическая бюрократия // Политология. Энциклопедический словарь. М., Publishers, 1993

Макаренко В.П. Политическая концептология: обзор повестки дня. М., Праксис, 2005

Макаренко В.П. Политическая концептология: первые итоги разработки // Полис. 2009, № 6

Макаренко В.П. Правительство и бюрократия // Социологические исследования. 1999, № 2

Макаренко В.П. Проблема дистанции при описании социополитической динамики России // Политическая концептология. 2009, № 1

Макаренко В.П. Проблема общего зла: расплата за непоследовательность. М., Вузовская наука, 2000

Макаренко В.П. Пуганый народ и проблема восстановления памятника Ломоносову // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2009, №1 <http://politconcept.sfedu.ru/2009.1/19.pdf>

Макаренко В.П. Равенство: логико-методологический анализ // Общество и экономика. 2003, № 11

Макаренко В.П. Революция и власть: размышления политолога. Ростов-на-Дону, 1990

Макаренко В.П. Религиозная идея: дилеммы оправдания добра // Инновационные подходы в науке. Ростов-н/Д, РГУ, 1995

Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону, изд. СКНЦ ВШ, 1998

Макаренко В.П. Технократические мамлюки: социополитические аспекты концепции А.Макинтайра. Ростов-на-Дону, изд.СКНЦ ВШ, 2000

Макаренко В.П. Экономика, власть, культура. Ростов-на-Дону – Сочи, 2005

Макаренко В.П. Этатизация науки: советский опыт // Правоведение. 2006, № 2

Макаренко В.П. Это дело веры и интерпретации // Марксизм: за и против. Республика, М., 1992

Маккензи У. Секретная история УСО: управление специальных операций в 1940-1945 гг. М., Транзиткнига, 2004

Малиа М. Из-под глыб, но что?.. Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997, № 5

- Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию? М., 1990
- Мареев С.Н. Из истории советской философии: Лукач-Выготский-Ильенков. М.: Культурная революция, 2008
- Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т.1, М., Новое литературное обозрение, 2004
- Маршакова-Шайкевич И.В. Анализ вклада России в развитие социальных и гуманитарных наук // Вопросы философии. 2000, № 8
- Маслин М.А. О единстве русской философии // <http://rchgi.spb.ru/seminars/seminar-10.htm>
- Махно Н. Азбука анархиста. М., Вагриус, 2005
- Мережковский Д. Большая Россия. Л., 1991
- Мещеряков Б.Г., Некрасова А.В. Макиавеллизм: правда и ложь в повседневной жизни // Человек. 2005. № 6.
- Микоян С. А. Анатомия Карибского кризиса. М., Academia, 2006
- Милош Ч. Порабощенный разум. СПб.: Алетейя, 2003
- Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М., НЛО, 2004
- Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М., Новое литературное обозрение, 2004
- Михаил Константинович Петров. Под ред. С.С.Неретиной. М., РОССПЭН, 2010
- Михайлин В. Между волком и собакой: героический дискурс в ранне-средневековой и советской культурной традициях // НЛО. 2001, № 1/47
- Михайлин В. Тропа звериных слов. Пространственно ориентированные коды в индоевропейской традиции. М., НЛО, 2005
- Морен Э. Принципы познания сложного в науке XXI века // Вызов познанию: стратегии развития науки в современном мире. Отв.ред. Удумян Н.К. М., Наука, 2004, с.19
- Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006
- Налимов В.В. Канатоходец. М., Прогресс, 1994
- Наука и квазинаука. Под ред. В.М.Найдыша. М., Альфа-М, 2008
- Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. Редактор-составитель Э.И.Колчинский. СПб., «Дмитрий Буланин», 2003
- Научно-техническая революция // Философский энциклопедический словарь. М., 1989, с.397-399
- Наш философский дом. К 80-летию Института философии РАН. М., Прогресс-Традиция, 2009
- Неретина С.С. Михаил Константинович Петров. Жизнь и творчество. М., УРСС, 1999
- Неретина С.С. От редактора // Михаил Константинович Петров. Под ред. С.С.Неретиной. М., РОССПЭН, 2010

- Неретина С.С. Приглашение к разговору // Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М., РОССПЭН, 1995
- Неретина С.С. Социокod философии (о философских работах М.К.Петрова) // Вопросы философии. 2008, № 10
- Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918-1921. Документы и материалы. М., РОССПЭН, 2006
- Николаев А. Понять умом и сердцем // Слово. 1998, № 1
- Николаев А.И. На переломе. Записки русского генерала. М., Современный писатель. 1998
- Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Евразийский искус // Мир России – Евразия. М., 1995
- Олейник А. Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. М., РОССПЭН, 2011
- Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., Инфра-М, 2001
- Островский А. Солженицын: прощание с мифом. М., Яуза, Пресском, 2004
- Островский А.В. 1993. Расстрел «Белого дома». М., Яуза, Эксмо, 2008
- Островский А.В. Солженицын. Прощание с мифом. Москва, Яуза, Пресском, 2004
- Павлов И.П. О русском уме // И.П.Павлов: pro et contra. СПб., Изд. Русского Христианского гуманитарного института. 1999
- Панченко Д.В. Журнал «Метродор» и неконформистская критика структуралистского литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995, № 15
- Паскаль Б. Мысли. М., 1994
- Пенн М.Дж. Микротенденции: маленькие изменения, приводящие к большим переменам. М., АСТ, 2009
- Петров М.К. Историко-философские исследования. М., РОССПЭН, 1996
- Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М., РОССПЭН, 1995
- Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов-на-Дону, изд. РГУ, 1992
- Петров М.К. Социально-культурные основания развития современной науки. М., 1992
- Петрова Г.Д. Письмо в редакцию <http://politconcept.sfedu.ru/2012.3/09.pdf>
- Писарькова Л.Ф. От Петра 1 до Николая 1: политика правительства в области формирования бюрократии // Отечественная история. 1996, № 4
- Платон. Законы.
- Подвластная наука? Наука и советская власть / Рос.акад.наук, Ин-т философии; сост., научн.ред. С.С.Неретина, А.П.Огурцов. – М.; Изд.во «Голос», 2010

Полетика Д.П. Сколько стоит продать Родину. Предатели в отечественных спецслужбах. 1918-2000. СПб.-М., «Нева», 2005

Половцов А.А. Дневник государственного секретаря в двух томах. Т.1. 1883-1886. М., Центрполиграф, 2005

Правда Виктора Суворова. М., «Яуза», 2007

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок и хаос. М., 1986

Протоиерей Георгий Эдельштейн. Записки сельского священника. М., РГГУ, 2005

Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995, № 3

Райан В.Ф. Баня в полночь: исторический обзор магии и гаданий в России. М., Новое литературное обозрение, 2006

Российская ментальность (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1994, № 1

Россия и Запад: взаимодействие культур // Вопросы философии. 1992, № 6
Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 1993, № 7

Ростовская философская школа: вчера, сегодня, завтра. Ростов-на-Дону, Дониздат, 2013

Русская доктрина (Сергиевский проект). Под ред. А.Б.Кобякова и В.В.Аверьянова. М., Яуза-пресс, 2007

Русское православие: вехи истории. Научн.ред. Клибанов А.И. М., Политиздат, 1989

Савчук В. Режим актуальности. Актуальная философия. Издательский дом СПбГУ, 2004

Саид Э. Культура и империализм. Киев, Критика, 2007

Семин В. Рабочие записки // Знамя. 2009, № 3
<http://magazines.russ.ru/znamia/2009/3/se11.html>

Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М., РОССПЭН, 1995

Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны. М., РОССПЭН, 2000

Сироткин В.Г. Золото и недвижимость России за рубежом. М., Международные отношения, 2000

Скоропадский П. Воспоминания: конец 1917-декабрь 1918. Киев-Филадельфия, 1995

Следзевский И.В. Эвристические возможности и пределы цивилизационного подхода // Цивилизации. Вып.4. М., 1997

Словарь терминов Московской концептуальной школы. Составитель и автор предисловия Монастырский А. М., Ad Marginem, 1999

Слотердаjk П. Сферы. Плюральная сферология. Том 3. Пена. Пер.с немецкого К.В.Лощинского. СПб, Наука, 2010

Советская жизнь Льва Ландау глазами очевидцев. Сост. Г.Е.Горелик и Н.А.Шальникова. М., Вагриус, 2009

- Согрин В.В. 1985-2005: три превращения современной России // Отечественная история. 2005, № 3
- Солженицын А. Архипелаг Гулаг. Полное издание в одном томе. М., Альфа-книга, 2011
- Солженицын А.И. Двести лет вместе. Часть 2. М., Русский путь, 2002
- Соловьев Э. Непобежденный еретик. М., 1983
- Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас. Очерки по истории философии и культуры. М., 1991
- Специальная тема номера: Уроки Гумилева: блеск и нищета теории этногенеза // Этнографическое обозрение. 2006, № 3
- Спиноза Б. Избранные произведения в 2-х тт. Т.1. М., 1957
- Столович Л. Смех против тоталитарной философии // Звезда. 1997, № 7
- Суверенитет. Составитель Н.Гараджа. М., «Европа», 2006
- Сунни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // Ab Imperio: теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2001, № 1-2
- Сухомлинов А. Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела. М., Детектив-Пресс, 2004
- Тарасов А.Н. Ложь в политике, или желтый логарифм. М., 2007
- Тищенко Ю.Р. Два эпизода из жизни М.К.Петрова // ЕН АРХН. 2003. 2. Философское и культурологическое россиеведение: феномен восточнохристианской цивилизации. Научн.ред. Ерыгин А.Н. Ростов-на-Дону, 2003
- Томпсон Е. Трубадуры империи. Русская литература и колониализм. Киев, Основы, 2008
- Тревор-Ропер Х. Застольные беседы Гитлера. 1941-1944. М., Центрполиграф, 2004
- Уемов А.И. Я был аспирантом Асмуса // Человек. 2000, № 2
- Уолцер М. Компания критиков. Социальная критика и политические пристрастия XX века. М., Идея-пресс, 1999
- Утехин И. Очерки коммунального быта. М., ОГИ, 2004
- Ученый и власть. Круглый стол журнала «Человек» и Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов // Человек. 2010, № 3
- Ученый и власть: круглый стол, 12 ноября 2009 г. – СПб.: СПбГУП, 2010
- Филатова А.В. Философский анализ социальных кодов современного бизнес-образования. Автореф.дисс.канд.филос.наук. М., 2011
- Филби К. В разведке и в жизни: сборник статей и мемуаров. М., Эксмо, Яуза, 2005
- Философия не кончается... Из истории отечественной философии XX века. 1920-50-е гг. М., РОССПЭН, 1998
- Флоровский Г.Ф. Евразийский соблазн // Мир России – Евразия. Антология. Сост. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. М., Высшая школа, 1995, с.358

Хайд Л. Дар. Как творческий дух преображает мир / Пер. с англ. Ан-ваера А.Н. М., Поколение, 2007

Хакимов Г.А. «Время большой длительности» Ф.Броделя как методологический принцип социально-гуманитарного познания // http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=63&Itemid=52

Хансен-Леве А. Эстетика ничтожного и пошлого в московском концептуализме // Новое литературное обозрение. 1997, № 25

Хархордин О. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб-М., 2002

Хелли Р. Холопство в России: 1450-1725. М., Академия, 1998

Хиршман А. Рыночное общество: противоположные подходы // Социологические исследования. 2000, № 3

Холловэй Д. Сталин и бомба: Советский Союз и атомная энергия 1939-1956. Новосибирск, Наука, 1997

Черняев А.С. 1991 год. Дневник помощника Президента СССР. М., «Республика», 1997

Чешков М. Государственность как атрибут цивилизации: кризис, угасание, возрождение? // Мировая экономика и международные отношения. 1993, № 1

Чоран Э. После конца истории. Перевод с французского Б.Дубина, Н.Мавлевич, А.Старостиной. СПб, Symposium, 2002

Чудакова М. Заметки о поколениях в Советской России // Новое литературное обозрение. 1998, № 2/30

Шапталов Б. Русская экспансия: бей первым или погибнешь! М., ЭКСМО, АЛГОРИТМ, 2005

Шацкий Ю. Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990

Шебаршин Л. Рука Москвы. М., ЭКСМО, 2000

Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. Л., 1991

Шлегель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918-1945) / Пер. с немецкого Л.Лисюткиной. М., Новое литературное обозрение, 2004

Шлыков В. Что погубило Советский Союз. Генштаб и экономика. М., 2002
Коржавин Н. В соблазнах кровавой эпохи. Воспоминания в 2 кн. М., Захаров, 2006

Штомпка П. Социология социальных изменений. М., Аспект-Пресс, 1996

Щедровицкий П.Г. Русский мир: восстановление контекста // <http://www.povestka.ru/shkr/text/18.stm>

Эмпирик С. Соч. в 2-х тт. Т.2. М., 1976

Эткинд А. Бремя бритого человека или Внутренняя колонизация России // Ab Imperio: теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2002, № 1

Эткинд А. Хлыст: секты, литература и революция. М., Новое литературное обозрение, 1998

Юдин Б.Г. История советской науки как процесс вторичной институционализации // *Философские исследования*. 1993, № 3

Юдин Б.Г. От утопии к науке: конструирование человека // *Вызов познанию: стратегии развития науки в современном мире*. Отв.ред. Удумян Н.К. М., Наука, 2004

Blumer H. *Symbolic Interactionism: Perspective and Method*. Berkeley, University of California Press, 1986

Braudel F. *Historia I trwanie*. Warszawa, 1971, с.28

Braudel F. I in. *Morze Srodziemne. Przestrzen I historia, lud I dziedzictwo*. Warszawa, 1994

Collins R. *Prediction in Macrosociology: The Case of the Soviet Collaps* // *American Journal of Sociology*. 1995, nr 100

Denzin N., Lincoln Y. *Handbook of Qualitative Research*. Thousand Oaks, Sage Publication. 1994

Edward W.Said. *Culture and Imperialism*. New York, Alfred A.Knopf, Inc. 1993

<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B5%D1%81%D0%BE>

<http://speakrus.ru/28/f2816.htm#4>

<http://vault.exmachina.ru/songs/13>

http://www.polit.ru/science/2010/07/14/press_conf_eo_mg_ab.html

<http://www.pretich.narod.ru/Iskusstvo/Literatura/nesterov.html>

<http://www.ras.ru/digest/fdigestlist/bulletin.aspx>

Jonson P. *Intelektualisci*. Warszawa, 1997

O swoim filozofowaniu i praktyce naukowej mówi prof. dr hab. Wiktor P. Makarenko // *Sofia. Международный журнал философов славянских стран*. 2008, № 8

Pomian K. *Europa i jej narody*, Warszawa 1998

Pomian K. *Europa i jej narody*, Warszawa 1998, s.194-196

Skocpol T. *States and Social Revolution: A Comparative Analysis of France, Russia and China*. New York, Cambridge University Press, 1973

Tilly Ch. *From Mobilization to Revolution*. Reading, Massachusetts, Addison-Wesley, 1978

Turner J., Collins R. *Toward a Microtheory of Structuring* // Turner J. (ed.). *Theory Building in Sociology: Assesing Theoretical Cumulation*. Newbury Park, Sage Publications, 1989

Wallerstein I. *Unthinking Social Science: The Limits of Nineteenth-Century Paradigms*. Cambridge, Polity Press, 1991

Wright E. *Class Counts: Comparative Studies in Class Analusis*. Cambridge, Cambridge University Press, 1997

Для заметок

*Труды совместной лаборатории
истории, философии, социологии и организации науки
(выпуск 3)*

В.П. Макаренко

**Практикующие гегельянцы
и социальная инерция:
фрагменты политической философии
М.К.Петрова**

Под редакцией В.П.Макаренко

Сдано в набор 20.04.13. Подписано в печать 25.04.12.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Times»
Печать цифровая. Усл. печ. л. 27,05
Тираж 500 экз.

Типография ЗАО «Центр Универсальной Полиграфии»
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140, офис 201
тел. 8-918-570-30-30